РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

2016 год

ИА РАН

Москва 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Издание основано в 1965 году, возобновлено в 1993 году

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Редакционная коллегия:
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. Е.Г. Дэвлет, д.и.н. Д.С. Коробов (разделы III, IV), к.и.н. Г.Г. Король (разделы VII-IX), к.и.н. С.В. Кузьминых (разделы V, VI), к.и.н. Н.В. Лопатин (ответственный редактор, раздел I), д.и.н. А.А. Масленников, д.и.н. С.З. Чернов (раздел II), к.и.н. А.В. Энговатова

Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. –
А87 М.: Институт археологии РАН, 2018. – 520 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-260-5

Выпуск сборника представляет собой свод информации о результатах полевых археологических исследований 2016 г. Материалы сгруппированы в девять разделов, в которых отражены работы российских археологов во всех регионах России и за рубежом. Публикации содержат сведения о наиболее интересных памятниках, объектах, находках.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-260-5
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2018
© Авторы статей, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике «Археологические открытия. 2016 год» публикуется 227 статей, многие из которых обобщают результаты полевых работ, проведенных по нескольким открытым листам. Материалы расположены в сборнике по географическому принципу. Основа структуры издания – разделы, соответствующие федеральным округам России. Внутри разделов статьи группируются по субъектам Федерации.

Перечислим по порядку следования в издании ряд наиболее интересных публикаций, не преуменьшая значения многих других.

В Северо-Западном округе – это статьи об открытии стратифицированных закрытых комплексов эпохи раннего железа на городище Анашкино в Псковской обл. (Б. С. Короткевич), о шурфах в Псковском Кроме, позволивших прояснить ряд проблем исторической топографии этого важнейшего памятника, поставленных в прошлых исследованиях (Е. В. Салмина с соавторами), об исследованиях Рюрикова городища с новыми выводами о его истории (И. И. Еремеев, Е. Н. Носов), о работах Новгородской экспедиции Московского университета (В. Л. Янин с соавторами).

В Центральном округе обращают на себя внимание работы на Гнёздовском археологическом комплексе (В. В. Мурашева с соавторами), в Московском Кремле (Н. А. Макаров с соавторами), во Владимире и Суздале (Д. А. Кабаев), на древнерусских памятниках Брянска (Е. А. Шинаков с соавторами).

Из исследований в Южном и Северо-Кавказском округах отметим продолжение раскопок важного золотоордынского памятника в Нижнем Поволжье – Водянского городища (А. С. Лапшин), известной верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (Е. А. Виноградова, Н. Б. Леонова), планомерно изучаемого античного поселения Артющенко I (Ю. А. Виноградов), энеолитического слоя памятника Мешоко, где найдены чрезвычайно редкие для региона древнейшие медные изделия (С. М. Осташинский, Е. А. Черленок); обнаружение разнообразных комплексов эллинистического времени в Херсонесе (Н. Ю. Новоселова); открытие стратифицированной пещерной стоянки среднего палеолита в Приэльбрусье (Е. В. Дороничева с соавторами), раскопки могильника нескольких эпох Заюково 3 на р. Баксан (А. А. Кадиева, С. В. Демиденко).

Представительны статьи о работах в Приволжском округе; здесь отметим новые материалы по проблеме формирования древнемордовской культуры в Примокшанье (Е. Н. Кемаев, В. В. Ставицкий), исследования монументального сооружения городского базара в Болгаре (Д. Ю. Бадеев, В. Ю. Коваль), стратифицированного поселения неолита – энеолита

Орошаемое в саратовском Заволжье (А. И. Юдин, А. А. Выборнов), разновременных памятников в Самарской области (А. Ф. Кочкина).

В Уральском округе продолжены исследования уникального комплекса Зеленый Яр (А. В. Гусев), весьма интересны результаты работ на разноврменных городищах в бассейне р. Тобол (С. В. Берлина с соавторами, Н. П. Турова с соавторами).

Обратим внимание на исследования ряда выдающихся памятников в Сибирском округе – древнейших петроглифов Минусинской котловины (Е. А. Миклашевич), памятников разных эпох в Барабинской лесостепи (экспедиция В. И. Молодина), новых объектов в Денисовой пещере (М. В. Шуньков, А. П. Деревянко, М. Б. Козликин), памятника времени формирования тюркского этноса в Туве (М. Е. Килуновская, В. А. Семенов), своеобразного погребального комплекса в «долине царей» Тувы (К. В. Чугунов).

В Дальневосточном округе следует обратить внимание на обзорную коллективную статью о работах отрядов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в Якутии (Р. И. Бравина с соавторами), отчеты об исследовании палеолитических памятников на р. Яне (В. В. Питулько) и городищ разных культур в Приморском крае (Н. Г. Артемьева, Т. А. Васильева, О. В. Дьякова).

В 2016 году из Министерства культуры РФ в Институт археологии РАН поступило 2535 заявлений с прилагаемыми документами на выдачу разрешений (открытых листов) на право производства археологических полевых работ на территории Российской Федерации от 409 учреждений и организаций. Заявки на получение разрешений (открытых листов) в первый раз подали 122 исследователя.

В соответствии с поступившими заявлениями было подготовлено 2549 заключений о научной обоснованности планируемых полевых археологических работ. Отказано в проведении археологических полевых работ около 8,4% (231 заявка) от общего числа зарегистрированных заявок. На основании подготовленных заключений Министерством культуры РФ в 2016 г. выдано 2308 разрешений (открытых листов) (в 2015 г. – 2041). Из них на проведение археологических раскопок – 731, на разведки – 1432, в том числе 160 без права ведения локальных земляных работ, и 144 – на выполнение археологических наблюдений. Выданные открытые листы регулируют проведение полевых исследований на территории 85 субъектов Российской Федерации.

Н. В. Лопатин, А. А. Масленников

I. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

О. А. Хомякова, Е. А. Клещенко

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: I тыс. н. э., грунтовый могильник, поселение, эпоха римских влияний

Раскопки и разведки на памятниках 1-й пол. I тыс. н. э. проведены в рамках проекта РФФИ № 15-31-01273 в составе Самбийской экспедиции ИА РАН. Объектом изучения стали памятники вост. части самбийско-натангийской культуры (другое название – культура Доллькайм-Коврово), расположенные вдоль долины р. Преголи и ее крупнейшего рукава – р. Деймы (в древности – р. Лаба).

Раскопки грунтового могильника и поселения **Ровное** II–V вв. н. э. (довоенное название памятника – Imten) в Гвардейском р-не являлись продолжением работ 2015 г. Могильник и поселение расположены к ЮЗ от п. Ровное Гвардейского р-на у слияния рр. Бобровой и Румынки [*Хомякова*, 2014, л. 24–33]. В 2016 г. исследовалось поселение. Заложен раскоп площадью 65,5 кв. м. Исследован культурный слой и 25 объектов, представленных хозяйственными, столбовыми ямами и ровиками. В совокупности с объектами, исследованными в 2015 г., они принадлежали к остаткам наземной прямоугольной в плане каркасно-столбовой постройки длиной более 10 м. Подобные постройки широко известны на памятниках Северной и Центральной Европы последних веков до н. э. – первых веков н. э. [*Christensen*, 2011, p. 268–270, fig. 2–5; *Webley*, 2008, p. 21–45, 48–50, fig. 3.12–3.13, 4.2]. Находки на поселении представлены керамическим материалом, камнями-терочниками, мелкими фрагментами необработанного кремня. Вся керамика лепная: тонкостенная серо- и красновато-охристого цвета (44%), толстостенная груболепная серо- и красновато-охристого цвета (38%), тонкостенная лощеная темно-серого цвета

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.5-7

(18%), – характерна для древностей региона нач. I тыс. н. э. и находит аналогии среди форм погребальной керамики (сосудов с зональным орнаментом) самбийско-натангийской культуры фаз B2 и B2/C1–C1a центрально-европейской хронологии (кон. I – нач. III в. н. э.) [*Nowakowski*, 1996, S. 50–51, Taf. II: 6]. Продолжены работы по уточнению границ поселения, мощности, размеров и датировки культурного слоя. В 2 шурфах общей площадью 11 кв. м выявлены объекты, связанные с процессами горения, пятна хозяйственных ям. Археологическая датировка материалов также соотносится с эпохой римских влияний. Исследование поселенческого комплекса самбийско-натангийской культуры начальных фаз эпохи римских влияний на памятниках долины р. Преголи проведено впервые.

При помощи визуального осмотра и закладки шурфов определена центральная зона грунтового могильника Ровное/Imten, расположенная на вершине и зап. склоне всхолмления на сев. (правом) берегу р. Бобровая. Обнаружены фрагменты керамических сосудов и кремированных человеческих останков. Кости имели цвет от светло-серого до белого, средний размер до 2 см, на поверхности некоторых костей зафиксированы характерные деформационные трещины. Температура воздействия на тело погребального костра – 650–800 °C [*Добровольская*, 2010, с. 85–97; *Клещенко*, 2016, с. 40–52]. Археологическая датировка полученных материалов – II–III вв. н. э.

Разведки на памятниках самбийско-натангийской культуры эпохи римских влияний в долине рр. Преголя и Лава. Обследовано 2 памятника археологии. В Правдинском р-не повторно выявлено поле погребений Федотово (довоенное название – Plauen, Kr. Wehlau), известное по случайным находкам, среди которых были перстень с эмалевыми вставками, фибулы с подвязным иглоприемником, предметы конской упряжи, погребальные урны [*Bujack* 1879/1880, S. 111]. Памятник локализован на правом берегу р. Лава, на вершине локальной возвышенности. Могильник в значительной степени разрушен карьером и современным кладбищем. Закладка шурфов не производилась. В центральной части памятника в обнажении культурного слоя обнаружены остатки разрушенной кремации – фрагменты темно-серого лощеного тонкостенного сосуда с линейным орнаментом (аналогии – погребальные сосуды самбийско-натангийской культуры типа «Долькайм»), и кремированные останки – фрагменты черепа взрослого человека.

Проведены исследования на могильнике Ботаническое (довоенное название – Wengerin) Черняховского р-на. На площадке памятника произведена зачистка обнажения культурного слоя площадью ок. 18 кв. м. Обследованы остатки каменной конструкции, связанной с недоисследованным в 1930-х гг. немецкими археологами погребением (No. 35) [*Хомякова*, 2015, рис. 217–218]. Из заполнения профиля погребения получен антропологический материал – кремированные останки, среди которых присутствовали определимые фрагменты. Останки принадлежали взрослому человеку, возрастом до 40 лет. Предполагается продолжение исследований.

Добровольская М. В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
Клещенко Е. А., 2016. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э. // Дис. … канд. ист. наук. Т. 1. Архив ИА РАН. Р-2. М. 214 с.
Хомякова О. А., 2014. Отчет об археологических разведках в Гурьеском, Гвардейском, Полесском районах Калининградской области в 2014 г. // Архив ИА РАН, Р–I.
Хомякова О. А., 2015. Отчет об археологических разведках в Гвардейском, Полесском и Черняховском районах Калининградской области в 2015 г. // Архив ИА РАН, Р–I.
Bujack G., 1879/1880. Sitzungsbericht der Altertumsgesellschaft Prussia vom 17. September 1880 // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia zu Königsberg in Pr. im 36. Vereinsjähre. Königsberg, [ohne Jahr]. S. 111.
Christensen K., 2011. Fertile Central Zealand – Iron Age settlement at Ringsted // Boye L. (ed.). The Iron Age on Zealand: Status and Perspectives. Copenhagen: Royal Society of Northern Antiquaries. 308 p.
Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt // C. von Carnap-Bornheim, ed. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, 10, Marburg–Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 S.
Webley L., 2008. Iron Age Households: Structure and Practice in Western Denmark, 500BC-AD200. Aarhus: Aarhus University Press. 167 p.

МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ[1]

Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин, А. И. Мурашкин

КОЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Ключевые слова: стоянка, мезолит, микродебитаж, жилище, VIII тыс. до н. э., петроглиф

Кольская АЭ ИИМК РАН провела исследование памятников различных категорий в Мурманской обл. В составе КолАЭ проходили археологическую практику студенты Исторического института СПбГУ (руководитель практики – А. И. Мурашкин).

1. Продолжены исследования комплекса археологических памятников у ручья Гусиный на юж. побережье Кильдинского пролива Баренцева моря, открытого КолАЭ в 2005 г. [*Мурашкин*, 2005]. В 2014–15 гг. были проведены раскопки на раннемезолитических стоянках Гусиный 4, 5 и 7 и разведочные работы к З от ручья Гусиный, раскопаны каменно-земляные сооружения Гусиный 16 и на стоянке Гусиный 4 [*Колпаков*, 2014; 2015; *Шумкин*, 2014; 2015].

[1] См. также статью М. М. Шахновича на с. 20.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.7-10

В 2016 г. проведены раскопки (16 кв. м) жилища 8 на поселении Гусиный 6, которое определялось на современной поверхности как неглубокая, до 25 см в центре, западина прямоугольной или квадратной, 4×4 м, формы в плане. По своему назначению сооружение является, вероятнее всего, охотничьим пунктом для наблюдения за морем, учитывая его топографическое положение в эпоху мезолита, когда уровень моря был примерно на 20 м выше и гребень современного мыса был длинным узким полуостровом или островом. Сооружение могло перекрываться легкой крышей из жердей и шкур.

Все находки, включая микродебитаж, фиксировались *in situ*. Зафиксировано 14 244 артефакта из кварца, кремня, окремненного песчаника: наконечники стрел, проколки, острия, скребки, скобели, ножи, резцы, топоры на отщепах. Нуклеусы: кварцевых – 41, кремневых – 2, из окремненного песчаника – 9. По принципу раскалывания 40 кварцевых нуклеусов относятся к призматическим, только один дисковидный. Наконечников стрел и их фрагментов 15 экземпляров: 12 изготовлено из кварца, 2 – из кремня, 1 – из окремненного песчаника. 13 из них относятся к черешковым (рис. 1: *1–6*), один – поперечнолезвийный (рис. 1: *7*), один – треугольный кремневый (рис. 1: *8*). Почти все они изготовлены на пластинчатых отщепах, чаще всего крутой ретушью на дорсальной поверхности оформлен только черешок, расположенный в проксимальной части скола. Во всех случаях обработка минимальна – черешок оформлен несколькими фасетками. Обработка пера отмечается только у 2 экземпляров. Рубящих орудий 7 экземпляров: 6 из окремненного песчаника, 1 из кремня (рис. 1: *9, 10*). Изготовлены на крупных отщепах, у которых крутой обивкой и ретушью на дорсальной и вентральной поверхностях сформированы боковые грани орудий. Лезвием служит необработанный край отщепа. Такие изделия в норвежской литературе получили название «flake-axe» (топор на отщепе) и считаются характерными для периода раннего мезолита [*Olsen*, 1994; *Woodman*, 1993; 1999]. Типологически материал относится к раннему мезолиту Северной Фенноскандии (культура Комса или ранний этап культуры Комса) – не позднее VIII тыс. до н. э., что подтверждается и полученной радиоуглеродной датой по собранным мелким образцам древесного угля 8350±150 BP (SPb-2113) 7546–7188 BC.

2. Продолжено документирование (описание, обмеры, топографическая съемка, фотофиксация) археологических памятников на обоих берегах Кильдинского пролива Баренцева моря, открытых КолАЭ как в текущем сезоне, так и ранее. Всего на обоих берегах Кильдинского пролива теперь известно 69 археологических памятников, включающих поселения с определимыми на современной поверхности остатками жилищ, стоянки с подъемным материалом (артефактами из кварца, кремня, сланца), различные каменные и каменно-земляные конструкции. Датируются они от эпохи мезолита до XVIII–XIX вв.

3. Петроглифы Чальмн-Варрэ у бывшей д. Ивановка на р. Поной (Ловозерский р-н) на десяти отдельных валунах открыты В. Я. Шумкиным в 1973 г. [*Шумкин*, 1973; *Shumkin*, 1990; 2000]. В 70-е гг. XX в. под руководством Н. Н. Гуриной было выполнено их копирование [*Гурина*,

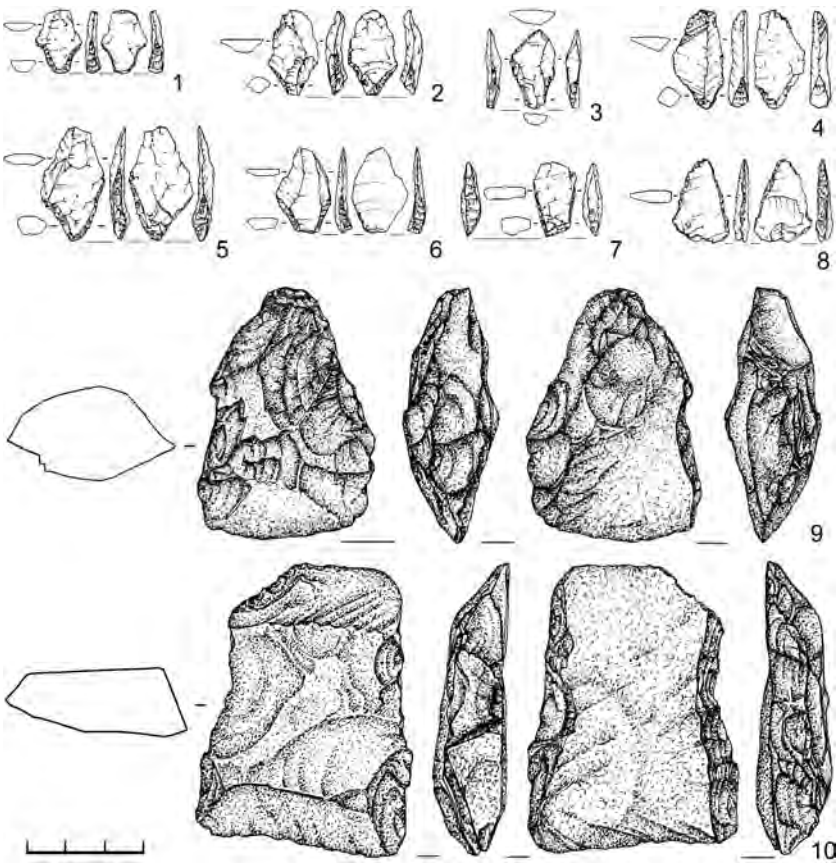

Рис. 1

1974; *Gurina*, 2005]. В 2014 г. КолАЭ ИИМК РАН начато новое документирование памятника [*Колпаков*, 2014]. В связи с этим в 2016 г. изготовлены контактные копии отдельных участков наскальных изображений для их последующего изучения в Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН.

Гурина Н. Н., 1974. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции за 1974 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1822.

Колпаков Е. М., 2014. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о разведках в Мурманской области 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Колпаков Е. М., 2015. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о разведках в Мурманской области 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Мурашкин А. И., 2005. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН за 2005 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1, 2005, 21.

Шумкин В. Я., 1973. Отчет о работе Понойской группы Кольской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 40.
Шумкин В. Я., 2014. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках и разведках комплекса археологических памятников у ручья Гусиный и на полуострове Рыбачий в Мурманской области 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
Шумкин В. Я., 2015. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках и разведках комплекса археологических памятников у ручья Гусиный и на полуострове Рыбачий в Мурманской области 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
Gurina N. N., 2005. The Petroglyphs at Čalmn-Varrė on the Kola Peninsula. Trondheim.
Olsen B., 1994. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo. 162 p.
Shumkin V. Y., 1990. The rock art of Russian Lappland // Fennoscandia archaeologica. Vol. 7. P. 53–67.
Shumkin V. Y., 2000. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi. P. 202–241.
Woodman P. C., 1993. The Komsa Culture. A re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica. 63. P. 57–76.
Woodman P. C., 1999. The early postglacial settlement of arctic Europe // Den Bogen spannen. Festschrift fur B. Gramsch zum 65. Geburtstag. Beitrage zur Ur- und Fruhgeschichte Mitteleuropas 20. Ed. by Cziesla E., Kersting, T. Pratsch S. P. 297–312.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

В. А. Буров

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Ключевые слова: братские кельи, XVII в., печь, изразцы, слюда

Соловецкая средневековая АЭ Соловецкого МЗ при участии ИА РАН осуществляла раскопки на территории Соловецкого монастыря Приморского р-на Архангельской обл. Возобновлены исследования руин братских келий 2-й пол. XVII в., располагавшихся к С от Настоятельского корпуса. Руины появились после грандиозного пожара 1923 г. вследствие разборки части здания до уровня подполья и подвалов древних четырех келий.

На Раскопе 9 Настоятельском площадью 112 кв. м раскрыты нижние части стен передних келий 7 и 8 (нумерация по Книге переписной келий 1641 г.), возведенных в 1660-х гг. Они сохранились на высоту ок. 1,3 м. Внутри бывших помещений под разновременными засыпками бытового и строительного мусора обнаружены основания печей 2-й пол. XVII в. размером 174×228 см и 192×220 см. Они сложены из кирпичей на известковом растворе, но их верх был из кирпичей на глиняном растворе, о чем говорят находки фрагментов глиняных кладочных швов. Основания печей покоятся на тонкой песчано-глинистой засыпке, прикрывавшей площадку, сложенную из валунов. Печь в передней келье 7 стояла в углу

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.10-12

при входе справа. Печь в передней келье 8 размещалась напротив входа в помещение посредине стены, впритык к ней.

К обеим печам примыкал кирпичный пол, уложенный на песчаную подушку. В келье 7 это была выгороженная четверть в ЮЗ-углу (это чулан описей), мощенная квадратными плинфами 20,5×20,5 см. Судя по выявленным остаткам сгнивших досок, остальная площадь помещения имела деревянный пол. В келье 8 весь пол был из большемерных кирпичей. При этом одна четверть имела пол из кирпичей, уложенных ложками друг к другу, на остальной площади кирпичный узор был в «елочку».

В коллекцию индивидуальных находок включено 412 предметов из железа, меди, стекла, кремня, дерева. Печь передней кельи 8 располагала изразцовым убранством кон. XVII – нач. XVIII в., от которого осталось 152 фрагмента поливных полихромных рельефных печных изразцов, включая 32 обломка румп. Обнаружились все элементы печного набора: 1) ножки-подставки; 2) плитки, которые ставились поверх ножек; 3) пояса с висячей аркой от низа печи, устанавливавшиеся на плитки; 4) валики с растительным орнаментом; 5) карнизы с разными сюжетами: птичкой и растениями; 6) одиночные крупные сюжетные изразцы со сценой «Лев и единорог»; 7) верхний городок. Это дает основание представить графическую реконструкцию изразцового убранства печи.

В той же передней келье 8 найден 51 фрагмент слюдяных оконниц XVII в. в форме треугольника или ромба. Сохранились и остатки железного переплета. Данные артефакты появились в ходе замены оконных рам во время ремонта, когда сломали и печь с изразцами.

В передней келье 7 также выявлены фрагменты фигурных слюдяных вставок (15 шт.), а также 4 фрагмента заготовленных пластин, обрезок пластины, 3 фрагмента кусков слюдяной породы. Такое сочетание указывает на то, что ремонт оконниц, замена слюдяных вставок в переплетах осуществлялись непосредственно в келье, а не только в специальной мастерской – келье 40, ранее исследованной археологически [*Буров*, 2003, с. 174–193]. В келье 7 найдены также парные дверные жиковины, украшенные копьем и двумя симметричными завитками, подстав дверной, три дверные ручки в виде колец с пробоями по числу дверей – в келье и передних сенях, железный крючок от вешалки, кольцо медное подвесное для икон, медная цепочка, возможно от лампады, фрагмент костяного полированного гребня, костяная резная копоушка, медная заколка, а также серебряные «чешуйки» и медные монеты чекана 1736, 1737, 1741, 1747, 1764 гг., важные для датировки и интерпретации слоев. Интерес представляет фрагмент окатанного красноглиняного кирпича яйцевидной формы, который мог получиться в результате стачивания поверхности с целью получения мелкозернистого красного порошка. Такой порошок использовали для приготовления краски для подкраски декоративных элементов келейной застройки – городков или ступенчатых перемычек оконных проемов. В строительной засыпке разрушения кельи 7 выявлены два кирпича с одинаковым клеймом. Клеймо – в виде квадрата с наружной и внутренней рамками, состоящими из мелких треугольников невысокого

рельефа. Их следует отнести ко 2-й пол. XVII в., поскольку келья была построена в 1663 г., а затем надстроена в нач. 1690-х гг. Данные находки впервые позволяют в узких хронологических рамках датировать этот ранее известный артефакт. Другое клеймо на кирпиче – в виде буквы «Л» с титлом. Так обозначалась цифра 30.

Крайне важным для археологии Соловецкого монастыря оказался фрагмент прямого зеленого стекла с мелкими воздушными пузырьками внутри (12,2×5 см, толщина 3 мм). Он выявлен в засыпке песка между валунами ниже известковой стяжки дна подпола кельи и, следовательно, относится к 1663 г., времени окончания строительства каменной кельи 7. Данная находка – первое датированное свидетельство начала использования прозрачных оконных стекол в кельях на Соловках.

Буров В. А., 2003. Итоги археологического исследования в Новобратском корпусе Соловецкого монастыря // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. XVII. М. С. 174–193.

А. Я. Мартынов

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ НА ОСТРОВАХ СОЛОВЕЦКОГО АРХИПЕЛАГА

Ключевые слова: стоянка, неолит, радиоуглерод, местонахождение, отщеп, эпоха раннего металла

«Первобытная» АЭ Соловецкого гос. историко-архитектурного и природного МЗ продолжила обследование Соловецких островов (Приморский р-н Архангельской обл.). Разведочные маршруты были проложены на крупнейших островах архипелага: Анзерском, Б. Муксалме и Б. Соловецком. Открыто пять новых объектов первобытной культуры, предварительно интерпретированных как стоянки (3) и местонахождения отходов кварцевой индустрии (2).

В ходе разведки по Анзерскому острову на мысе Колгуй (квартал 220) обнаружены стоянка Анзерская 8 и местонахождение отходов кварцевой индустрии Анзерское 15, располагающиеся в дюнных впадинах. На площадке стоянки зафиксировано скопление мелких фрагментов лепной керамики (150 обломков), а также отщепы, сколы, микросколы и чешуйка из кварца. В зачистке 1×0,5 м, в слое светло-серого песка, перекрывающего плотный бурый песок, обнаружены пять крупных фрагментов лепного сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом и два кварцевых отщепа. Судя по орнаменту (зоны ямок по 6–8 рядов, разделенных рядом оттисков гребенчатого штампа) и высотным отметкам террасы (12–13 м над уровнем Белого моря), местонахождение и стоянка относятся к неолиту. Ближайшим аналогом керамики является орнамент одного из сосудов,

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.12-13

обнаруженных на стоянке Муксалма 6 рядом с кострищем, анализ угля из которого дал дату 5900±400 BP [*Мартынов*, 2010, с. 49, рис. 28: *3, 6, 9*]. Керамика с аналогичным орнаментом зафиксирована на некоторых стоянках Северной Карелии (низовья р. Выг) и отнесена к эпохе развитого неолита [*Панкрушев*, 1978, с. 44, рис. 22; *Савватеев*, 1977, с. 35–36, рис. 9: *17*; с. 44, рис. 12: *3*; с. 88, рис. 35: *9*]. Более отдаленные аналоги обнаружены в орнаментации памятников среднего неолита Онежского оз. [*Лобанова*, 2015, с. 24, рис. 12: *1*; с. 154–155, рис. 1–2, 4–5].

Местонахождение Анзерское 15 характеризует подъемный материал в виде отходов кварцевой индустрии (36 отщепов, сколов и микросколов), выходы культурного слоя отсутствуют.

При обследовании СВ части центральной песчано-валунно-галечной гряды о. Б. Муксалма (квартал 198) обнаружены стоянка с кварцевым инвентарем (Муксалма 12) и местонахождение отходов кварцевой индустрии (Муксалма 13). По характеру археологического материала, обнаруженного в двух шурфах в слое серого песка, перекрывающего плотный коричневый песок (нуклеусы, заготовка скребка, подставка – «наковальня», отщепы, сколы, микросколы из кварца – 48 предметов), с учетом высотных отметок (около 16 м над уровнем моря) стоянка Муксалма 12 предварительно датирована в широких хронологических рамках эпох камня – раннего металла.

В одном из двух шурфов, заложенных на местонахождении Муксалма 13, обнаружены семь отщепов и сколов из кварца, в том числе заготовка скребка на отщепе подчетырехугольной формы, что также дает возможность датировать новый объект археологии лишь в широких рамках неолита – раннего металла.

На Б. Соловецком острове осуществлено повторное обследование древних морских (коренных) террас в его ЮЗ части, а также участка зап. побережья между п. Соловецкий и мысом Перечь-Наволок. В квартале 181 обнаружена новая стоянка (Соловецкая 23). Фрагмент сосуда с гребенчато-ямочной орнаментацией, а также кварцевый материал, зафиксированный в трех шурфах, заложенных на площадке стоянки, в слое светло-серого песка, залегающем на плотном желтом песке (отщепы, сколы, микросколы, чешуйки – 64 предмета), позволяет предварительно датировать объект лишь в рамках позднего неолита – раннего металла. При обследовании западного побережья острова новых объектов археологии не обнаружено.

Лобанова Н. В., 2015. Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М.

Мартынов А. Я., 2010. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск.

Панкрушев Г. А., 1978. Мезолит и неолит Карелии. 2. Неолит. Л.

Савватеев Ю. А., 1977. Залавруга. Часть вторая. Стоянки. Л.

НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

А. М. Мурыгин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Ключевые слова: поселение, V–VII вв. н. э., керамика, металлургическое производство

Северный археологический отряд ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН совместно с сотрудниками историко-культурного и ландшафтного МЗ «Пустозерск» и Ненецкого КМ продолжил археологические исследования поселения Югорская Сопка в Большеземельской тундре на территории Ненецкого автономного округа (НАО). К раскопкам привлекались участники волонтерского лагеря «Пустозерск 2016» – выпускники и студенты из г. Нарьян-Мара.

Поселение Югорская Сопка расположено в Заполярном р-не НАО, в вост. части Городецкого оз. (бассейн Нижней Печоры) к ЮЗ от г. Нарьян-Мар. Открыто в 1988 г. при разведках Архангельской Арктической экспедиции [*Питулько*, 1989] и на основании радиоуглеродного датирования отнесено к V–VII вв. н. э. [*Каган, Питулько*, 1993, с. 107–109]. В 2015 г. совместно с историко-культурным и ландшафтным МЗ «Пустозерск» и Ненецким КМ изучен культурный слой памятника на площади 56,2 кв. м. Полученный материал [*Мурыгин*, 2016, рис. 10] показал перспективность исследования этого объекта культурного наследия.

Памятник занимает сев. оконечность Петровских сопок. Мысовидный 20-метровый участок террасы (местное название – Югорская Сопка), на котором расположена сохранившаяся часть поселения, и прилегающая местность существенно повреждены котловинами выдувания. Высокий, с крутыми склонами участок берега, выступающий в сторону залива Городецкого оз., отсечен от основной террасы сквозным, от берега до берега, выдувом-лощиной. Окружающий ландшафт – лесотундра. Растительность в верхнем ярусе представлена низкорослой березой и ивняком, в нижнем – можжевельником, ягодником, травянистыми, зеленомошником. Встречается лиственница.

В 2016 г. на памятнике одним раскопом (II), примыкающим к раскопу 2015 г. (I) с С, изучена площадь 60,0 кв. м, в осыпи террасы в двух пунктах собран подъемный материал (керамика, металлические изделия, кремень).

В раскопе стратиграфически представлено три погребенных оподзоленных почвенных горизонта, каждый из которых был перекрыт навеянными песками. Культуровмещающий погребенный почвенный горизонт (мощность до 28 см) – нижний, залегал на глубине до 96 см от дневной поверхности. Он был насыщен продуктами горения, разложившейся органикой и окрашен в серый, черный и коричневый цвет, включал остатки сгнившей

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.14-16

и обугленной древесины. Культурные остатки залегали на всю его мощность – от кровли до основания, вплоть до подстилающего светло-желтого песка. Находки – фрагменты керамики, предмет культового литья, железные ножи и наконечник стрелы, железные и бронзовые неидентифицируемые обломки, шлаки, полностью сохранившийся тигель и обломок льячки, кремень, немногочисленные сырые и масса мельчайших рассыпающихся в порошок кальцинированных косточек животных.

В погребенном культуровмещающем горизонте почвы расчищено небольшое кострище округлой формы (размеры: 114×120 см, мощность зольно-углистого слоя – до 9 см). В границах кострища найдено несколько фрагментов керамики, расчищено скопление крупных шлаков и ошлакованной глины, содержавшее в своей массе многочисленные вкрапления очень мелких кальцинированных косточек животных, и целый тигель яйцевидной формы, под которыми отмечены следы прокала в виде смешанного розовато-желтого песка мощностью до 8 см.

Основную часть коллекции занимают обломки не менее чем от 40 лепных сосудов чашевидной формы (70,6% от общего числа находок из раскопа) с почти прямой или слегка отогнутой равноутолщенной шейкой, с уплощенным, горизонтально срезанным или скошенным наружу венчиком. Есть фрагменты с наружным ребром в области перехода от шейки к тулову. Подавляющее число из них содержали в глине минеральные примеси (дресва различной степени дробления), редко – органические добавки. Характерным признаком керамики являются следы заглаживания в виде уплощенных глубоких и широких расчесов как снаружи, так и изнутри. В некоторых случаях изнутри отмечены ячеистые сетчатые отпечатки ткани. Единичны сосуды без орнамента на тулове или без ямочного узора. Основу керамической коллекции составляют сосуды, украшенные в верхней части тулова по шейке и плечикам, сочетанием глубоких ямок в основании шейки и оттисков зубчатого штампа. Зубчатым штампом выполнены вертикальные или слегка наклонные оттиски, горизонтальные сдвоенные и строенные линии (сплошные и разряженные), зигзаг. Реже встречены узоры из ромбического (гладкого, вертикально-рубчатого и зубчатого) и линзовидно-ромбического, уголкового, небольших горизонтально-двузубых оттисков. Отмечен паркетный узор и в виде заштрихованных уголков. Венчик украшен, как правило, наклонными зубчатыми оттисками, реже – несколькими рядами горизонтальных или уголковых гладких или зубчатых оттисков, линзовидно-ромбических, в виде «елочки». В некоторых случаях, наряду со срезом венчика, украшена и его внутренняя прикраевая часть.

Находки шлаков, тиглей свидетельствуют о развитии на месте поселения цветной и, возможно, черной металлургии. Часть из металлических предметов могла быть изготовлена на месте. Полученные материалы в части керамики неоднозначны. Она отличается как от всей остальной, известной на памятниках субарктического типа тундровой зоны, так и от традиционного керамического производства сопредельных одновременных археологических культур. Вместе с тем в ней проявляется

сходство с родственными (угорскими или самодийскими) культурами, получившими развитие к В от Уральского хребта и в приуральско-печорском культурных ареалах. Это может свидетельствовать как о контактах местных коллективов с нижнеобско-печорским населением бореальной зоны, так и их непосредственном участии в формировании культуры коллективов Печорского Заполярья. Предположительно комплекс поселения Югорская Сопка фиксирует появление в европейских тундрах новой культурной традиции, нашедшей свое продолжение в памятниках новоборского типа 1-й пол. II тыс. н. э. [*Мурыгин, Кленов*, 2015]. Немногочисленные фрагменты пористой керамики, содержащие органическую примесь, более типичны для археологических культур населения лесной зоны Приуралья (Печоро-Вычегодского или Камского бассейнов). Находки кремневых изделий и отходов кремнеобработки могут свидетельствовать о существовавшей на этом месте стоянке более раннего времени либо об использовании кремня населением 2-й пол. I тыс. н. э.

Каган М. М., Питулько В. В., 1993. Этнокультурные процессы I тыс. н. э. в Трансуральском Заполярье // AD POLUS (Археологические изыскания. Вып. 10). СПб.: ФАРН. С. 103–109.

Мурыгин А. М., 2016. Арктический регион крайнего северо-востока европейской части России в эпоху Средневековья // Археология Арктики. Вып. 3 / Науч. Центр изучения Арктики; науч. ред. Д. С. Тупахин, Н. В. Федорова. Калининград. С. 183–203.

Мурыгин А. М., Кленов М. В., 2015. Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье // Известия Коми НЦ УрО РАН. № 3 (23). Сыктывкар. С. 119–131.

Питулько В. В., 1989. Отчет о разведках Архангельской арктической экспедиции (Приложение) // Архив ИИМК. КП 4605. СПб.

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ

К. Э. Герман

РАБОТЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ, ЛЕНИНГРАДСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Ключевые слова: поселение, мезолит, неолит, энеолит, грунтовый могильник, средневековье, новое время

Археологические разведки проводились на территории Кемского, Кондопожского, Медвежьегорского и Пряжинского р-нов Республики Карелия и г. Петрозаводска. Работы проводились, организовывались и финансировались Гос. историко-архитектурным МЗ «Кижи», а также ЗАО «ЛАД» и АО «Карелстроймеханизация».

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.16-17

В Медвежьегорском р-не продолжены работы по обследованию внутренних водоемов Заонежского п-ова на оз. Ладмозеро (бассейн Онежского оз.). Открыто три поселения эпохи мезолита Ладмозеро 1–3.

В Кондопожском р-не в результате продолжения работ по обследованию территории заповедника «Кивач» на реке Суна (бассейн Онежского оз.) выявлены шесть мезолитических поселений (Кивач 11–14, 17, 19), три поселения эпохи неолита (Кивач 15, 18, 20) и одно – эпохи энеолита (Кивач 16).

В Кемском р-не в черте г. Кемь был зафиксирован грунтовый могильник периода средневековья – нового времени Кемский Погост.

В Пряжинском р-не уточнены границы поселения Ангенлахта I в районе д. Анген-лахта на юж. побережье оз. Сямозера.

В черте г. Петрозаводска проведены спасательные раскопки выявленного объекта археологического наследия «Углежогная куча Петрозаводск 1», в результате которых объект был полностью исследован. Кроме незначительных остатков несгоревших бревен, других артефактов найдено не было.

Разведки проводились и на территории Всеволожского р-на Ленинградской обл. на земельном участке отводимого для строительства объекта: «Логистический центр ПАО „Газпром“ (Объект 2)». Выявлены три объекта археологического наследия – углежогные кучи Лесное 1, 2, 3.

Разведки проводились на территории г. Великий Устюг Вологодской обл. на земельных участках, отводимых под строительство противопаводковой дамбы на р. Северная Двина, реконструкцию улицы Набережная и укрепление левого берега р. Сухоны. Установлено, что на двух участках, отводимых под строительство дамбы, располагается территория объекта археологического наследия федерального значения «Великий Устюг. Городище XV в.». После завершения работ выполнен раздел по сохранению данного объекта.

А. М. Жульников

РАБОТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Ключевые слова: стоянка, энеолит, III–I тыс. до н. э., стоянка-мастерская, мезолит, углежогная яма, смолокуренная яма

Экспедиция университета провела раскопки стоянки Щеккила I в Пряжинском р-не, стоянок Белый Порог II, III в Кемском р-не Республики Карелия.

В ходе исследования стоянки **Щеккила I** был раскопан участок культурного слоя памятника площадью 315 кв. м. Стоянка, судя по находкам в раскопе кусков асбеста и составу находок из раскопа, относится к эпохе

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.17-19

энеолита (III тыс. до н. э.). Часть культурного слоя в зап. части стоянки была срезана в кон. XX в. при прокладке по мысу дороги – противопожарного проезда к берегу озера. На стоянке отчетливо выделяется бытовой центр, где была найдена кальцинированная косточка, документирующая место расположения кострища, вокруг которого концентрируется большая часть орудий, обнаруженных на стоянке, а также отходы обработки кварца. К сожалению, культурный слой стоянки почти на всю его глубину оказался распахан, видимо, сохой, что не позволило проследить в раскопе пятна прокаленного песка или линзы кострищ. Пахотой мог быть уничтожен и очаг из валунов, о существовании которого косвенно свидетельствуют обожженные камни, встреченные в пахотном слое в центральной части раскопа.

В ходе исследования стоянки **Белый Порог II** одним раскопом площадью 211,5 кв. м исследован участок культурного слоя памятника. В ходе раскопок установлено, что стоянка Белый Порог II, судя по составу находок и их формальным признакам, относится к эпохе раннего металла (энеолит – бронза), датируется III – нач. I тыс. до н. э. Различия в пространственном размещении скоплений кварцевого и кремневого инвентаря, выявленные в раскопе, указывают на неоднократное заселение (кратковременные остановки) древних людей на берегу р. Кемь ниже порога Белый. Предварительно можно заключить, что в рамках обследованной территории стоянка Белый Порог II представляет собой комплекс кратковременных промысловых стоянок. Обломки наконечников стрел и дротиков, довольно многочисленная серия скребков и ножей в коллекции, собранной при раскопках, свидетельствуют о том, что древние люди здесь проживали эпизодически в эпохи энеолита и бронзы. Значительное количество отходов расщепления кварца, в том числе крупных, только подготовленных для снятия сколов-заготовок нуклеусов, позволяет говорить о том, что непосредственно на стоянке велось изготовление кварцевых орудий. Кремневые изделия, наоборот, приносились на стоянку в готовом виде и подвергались только незначительному ремонту и переоформлению. Два каменных артефакта с нестандартными характеристиками – кусок минерала с вкраплениями крупных кристаллов кварца и галька почти идеальной округлой формы с закопченным краем – позволяют говорить о какой-то символической («ритуальной») деятельности, также имевшей место на стоянке.

В ходе исследования стоянки **Белый Порог III** двумя раскопами исследован участок культурного слоя памятника площадью 245 кв. м. Стоянка Белый Порог III (юж. участок), судя по асбестовой керамике и составу находок из раскопа, относится к эпохе энеолита (III тыс. до н. э.). Юж. часть культурного слоя стоянки оказалась сильно нарушена земляными работами – при сооружении в сер. XX в. стрелковых ячеек и блиндажей, прокладке в кон. XX в. грунтовой дороги по берегу р. Кемь. Материалы сев. части стоянки Белый Порог III датируются предварительно в довольно широких пределах – от эпохи неолита до энеолита (V тыс. до н. э. – III тыс. до н. э.). На стоянке (юж. раскоп) также имеются следы кратковременного пребывания людей в 1-й пол. XX в.

Разведочные работы АЭ ПетрГУ проведены на территории Беломорского, Кемского, Кондопожского, Медвежьегорского, Лахденпохского р-нов Республики Карелия, Выборгского и Всеволожского р-нов Ленинградской обл.

В Кемском р-не проведена разведка в среднем течении р. Кемь – в районе порога Белый и приустьевой части р. Белая. Оохвачены древние морские террасы, расположенные на отметках от 50 до 80 м над современным уровнем моря. В ходе обследования выявлена и полностью исследована шурфом 20 кв. м стоянка – мастерская по производству кварцевых скребков (Белый Порог IV), датируемая эпохой мезолита. В Беломорском р-не проведены исследования в низовье р. Выг – в районе протоки Кислый Пудас и д. Матигора. В Медвежьегорском р-не обследованием был охвачен участок СВ побережья Онежского оз. В ходе данных работ повторно обнаружена и обследована неолитическая стоянка Челмужи I, выявлена стоянка Челмужи II рубежа мезолита – неолита. В Кондопожском р-не проведены работы по уточнению границ мезолитической стоянки Суна XXXIII. В Лахденпохском р-не разведочные работы проведены на сев. побережье Ладожского оз. в районе п. Куликово, где исследованы две углежогные ямы, предварительно датируемые XV – нач. XX в.

В Выборгском р-не Ленинградской обл. исследования проведены в сев. части побережья Финского залива – в районе пп. Большой Бор и Лосево. Здесь, в районе п. Большой Бор, открыто девять археологических объектов: группа каменных курганов VIII–XII вв., пять смолокуренных ям и одна группа смолокуренных ям XV – 1-й пол. XIX в., две углежогные ямы XIX – нач. XX в. Во Всеволожском р-не проведены разведки в бассейне р. Охта – в районе п. Романовка и д. Лаврики. Результатом этих работ является обнаружение углежогной кучи XVIII в. в районе п. Романовка.

Е. Р. Михайлова

РАБОТЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ И В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: углежогная куча, новое время, раннее средневековье, культура длинных курганов

Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского ГУ проводила охранные раскопки углежогных куч на территории запланированного строительства в Прионежском р-не Республики Карелия. Группа углежогных куч «Северная 1» располагалась у СЗ окраины г. Петрозаводска (административного центра Прионежского р-на), близ микрорайона Сулажгора, в хвойном лесу. В 2016 г. раскопаны пять сооружений, их строение

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.19-20

полностью соответствует этнографическим данным о выжигании древесного угля в кучах. Все они представляли собой расплывчатые насыпи 12–15 м в поперечнике и высотой от 0,6 до 1 м, с запавшей вершиной. Центральную часть каждой насыпи занимал аморфный массив перемешанного углистого грунта с многочисленными мелкими угольками; края углежогных куч состояли из слоев суглинка, первоначально перекрывавшего сложенную в центре кучу дров от свободного доступа воздуха. Исследованные сооружения предварительно датированы новым временем, их продукция, скорее всего, предназначалась для близлежащих заводов.

Разведочные работы на территории Ленинградской обл. проводились на территории Лужского р-на и были связаны с изучением раннесредневековых древностей. Здесь обследованы ранее известные могильники культуры длинных курганов в районе д. Слапи и уточнена характеристика могильника в д. Залустежье. Близ д. Новые Полицы, в бассейне р. Пагубы (приток р. Плюссы), выявлена ранее неизвестная группа курганов культуры длинных.

М. М. Шахнович

РАБОТЫ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И В КАРЕЛИИ

Ключевые слова: острог, XVI–XVIII вв., лабиринт, межевой знак, лихонометрический анализ, монастырь, радиоуглерод

Северокарельская АЭ Национального музея Республики Карелия проводила изыскания в Южной и Западной Карелии и на побережье Белого и Баренцева морей.

В Костомукшском р-не Республики Карелия (РК) на оз. Каменном впервые в Карелии зафиксированы два крестьянских канала: около бывшей д. Шапповаара и у истока р. Каменной.

В п. Сумской Посад (Беломорский р-н РК) впервые проведены натурные работы по обследованию административного и военного центра Южного Поморья – знаменитого Сумского острога (построен Соловецким монастырем в 1583 г.). Хорошо сохранились археологизированные остатки стандартных крепостных укреплений – валы, рвы, трасса стен и места шести башен. Площадь острога по топографии и историческим документам определена в 2,5 га, длина периметра стен – 600 м. В центральной части заложен шурф площадью 2 кв. м, который выявил остатки валунного фундамента. Находки – в основном керамический материал (10) – мелкие фрагменты стенок горшков грубой гончарной красножгущейся керамики 2-й пол. XVIII – XIX в. Памятник может быть датирован в широких временных пределах активного освоения данного участка села – 2-я пол. XVI в. – 2-я пол. XX в., и более узким хронологическим периодом функционирования конкретно острога – кон. XVI – нач. XVIII в.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.20-22

В Сортавальском р-не РК обследованы скальный массив к СЗ от п. Лавиярви и оз. Ристиярви к С от г. Сортавала. На склоне горы Кирккомяки зафиксированы два оригинальных валунных сложения – внутригосударственные межевые знаки Великого княжества Финляндии. В плане сооружения – это выложенный из трех рядов уплощенных камней квадрат со сторонами 1,8 м, с углами, ориентированными на стороны света, высотой 0,45 м. В условном центре вертикально установлен плоский камень шириной 0,84 м, толщиной 0,15 м, ориентирован по линии С–Ю. На его поверхности надписи отсутствуют. Основываясь на лихенометрическом анализе сооружения, можно предварительно датировать кон. XIX в. Предварительное обследование скал по берегам оз. Ристиярви, с целью поиска возможных писаниц, положительных результатов не дало.

В окрестностях п. Умба (Терский р-н Мурманской обл.) зафиксирован новый, хорошо сохранившийся лабиринт. Он находится на материковом берегу Белого моря в СВ части небольшого залива Хендалакша. Основное его отличие от других известных подобных сложений Кандалакшского залива – небольшая величина: диаметр по линии З–В – 3,5 м, С–Ю – 3,6 м, площадь – 12,6 кв. м. Вход в лабиринт располагается в сев. части, со стороны материка. Движение по «ходам» начинается справа налево. На основании проведенного лихенометрического анализа можно предположить, что возраст исследуемого Хендалакшского лабиринта равен 250–300 лет.

В г. Кандалакша Мурманской обл. проведены работы на левом приустьевом берегу р. Нива, в месте нахождения в XVI–XVII вв. Кандалакшского монастыря. Небольшим раскопом в 15 кв. м продолжено исследование разрушенной ц. Рождества Богородицы. Коллекция находок небольшая – 326 экземпляров: медный нательный крестик, кресальные кремни, рыболовный крючок, единичные фрагменты кухонной керамики, кованые гвозди и скобы, кусочки слюды. В нижней части культурного слоя найдены обугленные остатки деревянного пола, две каменные кладки (очажная и вымостка), погребение младенца и основания шести вертикально установленных столбов. Радиоуглеродные определения позволили датировать некоторые из этих объектов кон. XV – нач. XVI в.

На скальной площадке в 50 м к ЮВ от развалин фундамента храма Рождества Богородицы заложен рекогносцировочный шурф (12 кв. м), который выявил сохранившийся участок культурного слоя периода позднего средневековья – нового времени – поселение Монастырский Наволок I. В шурфе зафиксированы остатки трех сооружений: развал пода печи на скале, каменная очажная кладка сер. XVII в. и яма с кладкой сер. XX в. со смешанным разновременным материалом. Коллекция вещевого материала – 798 экземпляров. В основном, кованые гвозди, скрепы, слюда, но впервые для Кольского п-ва получен и выразительный блок керамики XVI–XVII вв. (красножгущаяся, беложгущаяся и чернолощеная керамика). Также найдены железные ножи, обувные подковки, сундучные и дверные жиковины, слюдяные оконницы, кресальные кремни и другое. По имеющемуся материалу можно предварительно определить

выявленное в шурфе сооружение как остатки наземной курной избы клетного типа с очагом, относящейся к монастырскому комплексу зданий. Коллекция Монастырского Наволока I может быть датирована в относительно широких временных пределах: XVII – нач. XVIII в.

В Печенгском р-не Мурманской обл. на «нижней» усадьбе Трифоново-Печенгского монастыря проведены работы по поиску мемориального исторического объекта – «братской могилы 116 мучеников». В пяти шурфах (по 2 кв. м), заложенных около алтаря разрушенной ц. Рождества Христова, прослежено, что ценнейшая часть культурного слоя была утрачена. Земляные работы при постройке часовни и церкви в кон. XIX – нач. XX в., при создании мемориального комплекса в 1985 г., шоссе и моста через реку в 1970-х, домов и гаражей, а также выравнивание площадки беговой террасы, засыпка верхнего участка речного склона сильно изменили исторический ландшафт на территории, где в XVI–XVII вв. располагался монастырь. Погребенный слой песка мощностью не более 0,1 м, который предположительно можно соотнести с периодом XVI–XVII вв., не имеет датирующих находок, сейчас не представляет собой сплошного пласта и сохранился только фрагментарно в нижней части стратиграфической колонки. Индивидуальные находки в переотложенном слое единичны (17): рыболовные крючки, кресальный кремень, фрагмент медной церковной утвари, нательный крестик, фрагменты горшков XVI–XVIII вв., осколки от английской фарфоровой посуды в стиле Willow pattern, две серебряные деньги периода Ивана IV (1540–1550 гг.).

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ[1]

В. Б. Панченко

РАБОТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ МАЛЫХ ФОРМ

Ключевые слова: каменный крест, селище, средневековье, новое время

АЭ ГЭ по изучению культовой архитектуры малых форм работала в 2016 г. первый сезон. Экспедиция проводила разведки с целью уточнения данных о средневековых каменных крестах в Кингисеппском и Волосовском р-нах Ленинградской обл.

В Кингисеппском р-не обследовались археологические памятники у д. Войносолово: Войносолово 2 и Войносолово 3, открытые Е. А. Ряби-

[1] См. также статью К. Э. Германа на с. 16; статью А. М. Жульникова на с. 17; статью Е. Р. Михайловой на с. 19.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.22-24

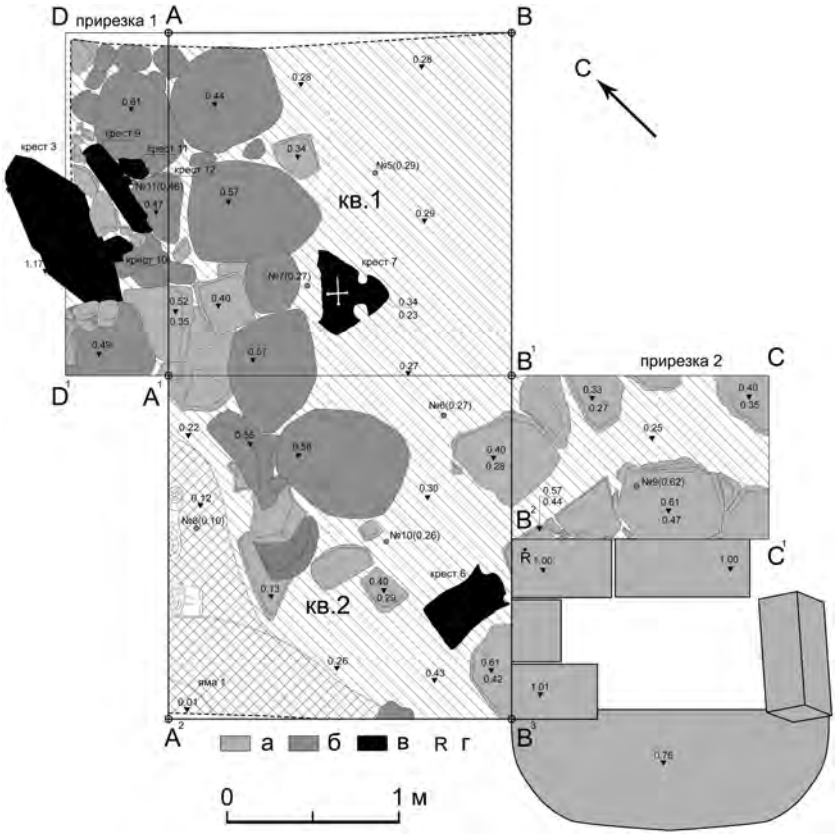

Рис. 2

ниным [*Лапшин*, 1990, с. 102; *Панченко*, 2009, с. 425–429]. Работами экспедиции уточнена топография археологических памятников у деревни, зафиксированы четыре неизвестных ранее намогильных средневековых каменных креста (XIV–XV вв.) на памятнике Войносолово 2 и отмечено исчезновение памятника Войносолово 3.

В Волосовском р-не исследования направлены на изучение памятника Старые Смолеговицы 2 [*Лапшин*, 1990, с. 99; *Панченко*, 2009, с. 432]. В ходе исследований в д. Старые Смолеговицы заложен шурф общей площадью 10,7 кв. м (рис. 2). В результате работ выявлен новый объект культурного (археологического) наследия – «Культовый комплекс Старые Смолеговицы 3». Комплекс включает два уровня фундаментов из валунов и известняковых плит и полуразрушенные каменные кресты. Два креста были вложены в фундамент разрушенной часовни-голбца, предварительно датируемой рубежом XIX–XX вв. Находки монет и фрагментов

лампад свидетельствуют о почитании комплекса во 2-й пол. XIX в., средневековая керамика – о существовании на этом месте селища, по крайней мере, с XIII в. В результате работ общее количество крестов из д. Старые Смолеговицы, предварительно датируемых XIII–XVI вв., возросло до двадцати.

Также экспедицией зафиксирована случайная находка двух средневековых каменных крестов на частной территории одной из усадеб д. Муратово Волосовского р-на.

Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Часть I. Западные районы. Л.

Панченко В. Б., 2009. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. № 5. 2005–2009 гг. Русское время. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест.

С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева,
Е. К. Блохин, С. А. Васильев

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: курганный могильник, грунтовый могильник, жальник, каменный крест, неолит, средневековье, новое время

Отделом охранной археологии ИИМК РАН в рамках выполнения гос. контракта проведена историко-культурная экспертиза 30 объектов археологического наследия в 5 р-нах Ленинградской обл.: Волосовском (14 памятников), Кингисеппском (5), Гатчинском (2), Подпорожском (2) и Выборгском (7).

Целью работ являлось обоснование включения ранее выявленных памятников в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

По итогам работ 22 памятника (грунтовый могильник с каменными крестами Ястребино 2, каменный крест Княжево 3, курганно-жальничные могильники Теглицы, Княжево 1, Тухово, Ущевицы 3, Хотыницы, Б. Озертицы, Орлова Роща 1, поселения неолита – раннего металла Куровицы 2, 3, 4, 5, 6, Токарево 5, поселение XII–XIX вв. Рождествено 3, каменные кучи Боровинка 1, Майское 1, 2, 3, Гришино 1, камни чашечники Гришино 2) предложено отнести к категории объектов культурного наследия федерального значения и виду «Памятник» (объект археологического наследия). Два объекта Выборгского р-на (Пихтовое 1, Свекловичное 1) предложено снять с охраны, так как путем обследования определен их естественный, природный характер. Шесть памятников Волосовского р-на (курганные могильники Русковицы 1, Ямки 1, Коноховицы, Летошицы 1, Грызово, Каложицы 2) признаны утраченными.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.24-27

Волосовский р-н

Теглицы. Курганно-жальничный могильник. По результатам полевого обследования в могильнике зафиксирован 221 погребальный комплекс средневекового времени. Несмотря на статус выявленного объекта культурного наследия, по данным Росреестра, на его площади полностью или частично расположены 5 частных земельных участков. Ряд насыпей поврежден новыми грабительскими ямами, в некоторых зафиксированы переотложенные антропологические останки погребений.

Ястребино 2. Каменные кресты и грунтовый могильник. При визуальном обследовании памятника выявлены два новых каменных креста XIV–XVI вв. Для уточнения категории памятника заложен шурф размерами 1×1 м, в котором обнаружен культурный слой, насыщенный фрагментами переотложенных антропологических материалов нескольких человек, как взрослых, так и детей. Исследованиями подтверждено наличие здесь разрушенного могильника, существовавшего до 3-й четв. XIX в. В границах могильника найдена медная полушка Екатерины II и обломок нательного крестика из медного сплава 2-й пол. XVII – XIX в.

Княжево 1. Курганно-жальничный могильник. По итогам обследования установлено, что основная площадь могильника в настоящее время занята частной пасекой, многие погребальные комплексы утрачены. В настоящее время памятник состоит из 157 курганов и жальников средневекового времени.

Княжево 3. Каменный крест. Установлено, что каменный крест XIV–XVI вв. в 2009 г. был передан администрацией МО «Большеврудское сельское поселение» на хранение в музей-усадьбу Н. К. Рериха в д. Извара, что подтверждается Актом о передаче от 18.08.2009 г. Крест четырехконечный, изготовлен из известняка (доломита?), высота – 208 см, размах перекрестия (лопастей) – 114 см, толщина – от 17 до 25 см.

Тухово. Курганный могильник. По результатам обследования зафиксирован 51 курган XII–XIV вв. Ряд насыпей повреждены недавними грабительским раскопками подквадратными ямами сверху по центру. В выбросе одной из ям найден нательный крестик с желтыми эмалевыми вставками XII в.

Ущевицы 3. Курганный могильник. Обследованиями зафиксированы 2 насыпи размерами 41×31 м, высотой 3,7 м и 26×24 м, высотой 2,5 м.

Хотыницы. Курганный могильник. По результатам полевого обследования установлено, что могильник состоит из 131 кургана XII–XIV вв.

Большие Озертицы. Курганный могильник. На памятнике зафиксировано 237 курганов XII–XIV вв. Большинство насыпей некрополя носят следы грабительских раскопок, в том числе 2016 г., о чем свидетельствуют свежие ямы и выбросы земли на склонах насыпей и, в ряде случаев, переотложенные антропологические останки погребенных.

Кингисеппский р-н

В Кингисеппском р-не обследованы памятники эпохи неолита Куровицы 2, 5, 6 и раннего металла – раннего железного века Куровицы 3, 4. Работами в рамках Госконтракта уточнены сохранность, границы и координаты поворотных точек памятника.

Гатчинский р-н

В районе обследовано поселение «Рождествено 3. Культурный слой XII–XIV, XVIII–XIX вв.» и «Орлова Роща 1. Курганный могильник». Установлено, что могильник состоит из 4 круглых курганов XII–XIV вв. Для обоих памятников уточнены сведения о сохранности, а также координаты характерных точек границ.

Подпорожский р-н

Гришино 1. Группа каменных куч. Полевыми работами установлено, что памятник состоит из 40 каменных выкладок разной формы. Из них подквадратной или подпрямоугольной формы – 24; округлой формы – 1; подовальной формы – 8; ромбовидной формы – 5; бесформенный развал камней – 1; яма-раскоп на месте каменной конструкции – 1. Размеры выкладок – 1,1–2,3×1–2×0,3–0,7 м. Датируется средневековьем – новым временем.

Гришино 2. Два камня-чашечника. По результатам полевого обследования установлено, что валунные камни расположены вдоль кромки левого (южного) берега р. Мужала на расстоянии 11,8 м друг от друга. Оба камня имеют подтреугольную форму размерами 114×73×45 и 130×139×145 см с закругленными краями. На верхней поверхности каждого из них выбито по 7 «лунок», образующих группы по 5 и 2 «чашки». Лунки имеют подокруглую (граненую) или подтреугольную форму, диаметром 3 см или со стороной 3,2 см. Их глубина на первом камне составляет 1–4,5 см, на втором камне – 1,5–10 см. На камне 1 между двумя группами лунок выбита короткая продольная канавка или «желоб» длиной около 18 см и шириной 1 см. На поверхности второго камня от группы из 5 лунок к краю пробит поперечный «желоб», длиной около 20 см и шириной 2 см. Желоб берет свое начало от небольшого углубления или намеченной 8-й «лунки».

Выборгский р-н

Боровинка 1. Группа каменных насыпей. В установленных границах памятника, размерами 125×35–45 м, зафиксировано 28 каменных конструкций, из которых выделены: 1 – каменные кучи, сложенные непосредственно на грунте из окатанного, реже колотого камня размерами в среднем 0,2×0,3 м; 2 – камни, сложенные на больших валунах. Памятник датируется средневековьем – новым временем.

Майское 1. Группа каменных куч. По результатам полевого обследования установлено, что памятник занимает площадку размерами 80×50 м с ЮЗ стороны старого финского поля (?), огороженного канавками и двумя фрагментами небольших стен, насухо сложенных из небольших гранитных камней, и состоит из 13 каменных конструкций: 6 каменных куч, сложенных непосредственно на грунте из окатанного, реже колотого камня разного размера (от 20–30 до 40–80 см в поперечнике); 7 больших уплощенных валунов со сложенными на них камнями. Датируется средневековьем – новым временем.

Майское 2. Группа каменных куч. В результате полевых работ зафиксировано 14 выкладок подпрямоугольной или подквадратной формы, размерами 2–3×1,2–3 м, высотой 0,7–1,3 м, сложенных в несколько рядов

из крупных, в основном окатанных, валунов размерами 20–50 см в поперечнике и одной вытянутой (в виде цепочки) подпрямоугольной кладки размерами 6×2 м у вост. стенки огромного гранитного валуна. Датируется средневековьем – новым временем.

Майское 3. Группа каменных куч. По результатам полевого обследования на участке размерами 100×90 м зафиксировано 7 каменных конструкций: 4 каменные кучи подквадратной и валообразной формы, сложенные непосредственно на грунте из окатанного, реже колотого камня разного размера (от 20–30 до 40–80 см в поперечнике) и приваленные, как правило, к крупному гранитному валуну; 3 больших уплощенных валуна со сложенными на них камнями. Указанные объекты с ЮЗ и ЮВ сторон ограничены однорядными каменными оградками, длиной 70 и 80 м, соединенными под прямым углом и сложенными из крупных камней размерами от 30 до 50 см в поперечнике непосредственно на земле между огромными гранитными валунами.

Стоянка Токарево 5. Исследованиями определена сохранность, а также, с некоторыми уточнениями, подтверждены координаты и границы памятника эпохи неолита.

ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. В. Новоселов

РАЗВЕДОЧНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОРАНЖЕРЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ТАВРИЧЕСКОГО САДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Ключевые слова: оранжерея, XIX–XX вв., керамика, фарфор

Санкт-Петербургская АЭ АНО НИИ культурного и природного наследия проводила разведки в границах объекта культурного наследия федерального значения «Дворец Таврический. Сад Таврический с прудом».

Обследуемый участок занимает СЗ часть Таврического сада. Согласно историческим документам, с кон. XVIII в. на этой территории располагались оранжереи, в которых выращивались растения для Таврического дворца и сада. В течение XIX–XX вв. внешний облик и планировка оранжерейного комплекса неоднократно менялись: оранжереи много раз ремонтировались и перестраивались, некоторые строения сносились, а на их месте или рядом с ними возникали новые сооружения. В 1977–1981 гг. старые оранжереи были снесены, а на их месте построен новый оранжерейный комплекс. В настоящее время большинство строений этого комплекса находится в аварийном состоянии.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.27-29

В ходе разведки выполнено 5 археологических шурфов (размеры 2×2 м) общей площадью 20 кв. м. В результате шурфовки удалось установить наличие культурных отложений, определить их мощность и этапы формирования, выявить остатки исторических сооружений, существовавших на данном месте в разные исторические периоды, уточнить особенности палеорельефа данной территории.

В шурфе 1 (СВ часть обследуемой территории), под слоями, связанными с разрушением исторических оранжерей, раскрыт участок стены и часть системы подпольного калориферного отопления, относящиеся к оранжерее XIX в.

В пределах шурфа 2 (СЗ часть территории) раскрыт участок траншеи глубиной ок. 1 м, в которую была уложена деревянная труба (диаметр 0,32 м). В СЗ углу шурфа под поздними напластованиями сохранился участок гумусного почвенного слоя мощностью 0,4 м.

В шурфе 3 (ЮЗ часть территории) выявлены конструкции оранжерей 1-й пол. – сер. XX в., связанные, по-видимому, с реконструкцией оранжерейного комплекса, проводившейся в 1950-е гг. Ниже уровня этих конструкций залегали слои гумусной плодородной земли мощностью ок. 0,7 м.

Шурф 4 разбит в ЮВ части обследуемой территории. Согласно историческим планам, в 1-й пол. XVIII в. здесь находилось старое русло р. Саморойки, преобразованное в кон. XVIII – нач. XIX в. в тупиковый канал, сообщающийся с системой прудов Таврического сада. Стратиграфия шурфа отображала слои разновременных засыпок канала. Культурные напластования представлены слоями гумуса, разделенными прослойками светлой супеси, строительного мусора и битой садовой керамики.

Культурные отложения в пределах шурфа 5 (центральная часть обследуемой территории) были практически полностью уничтожены перекопами 2-й пол. XX в. За границами перекопов на локальном участке в центральной части шурфа на глубине ок. 1 м от уровня современной дневной поверхности выявлен почвенный гумусный слой мощностью 0,7–0,8 м.

Практически во всех шурфах над материковой поверхностью выявлены гумусные отложения мощностью от 0,4 до 0,8 м, которые можно интерпретировать как слои перемещенного плодородного грунта. Данное обстоятельство позволяет предположить, что в кон. XVIII – нач. XIX в. это место могло использоваться для складирования плодородной земли, потребность в которой при устройстве Таврического сада была весьма велика. В процессе шурфовки не было выявлено конструкций и культурных отложений, которые определенно могли бы быть датированы XVIII в. Возможно, это связано с локальным характером проведенных работ и в ходе дальнейших археологических исследований на этом месте такие объекты могут быть обнаружены.

В ходе исследований собрана коллекция, включающая более 1000 предметов, из которых на хранение взято 88 экземпляров. Это предметы материальной культуры XIX–XX вв.: фрагменты цветочных горшков разных форм и размеров, изделия из стекла, фрагменты фаянсовой и фарфоровой посуды, изделия из металла, которые дают представление о развитии этой территории в разные периоды. Важно отметить, что большинство найденных предметов имеет отношение к садоводству.

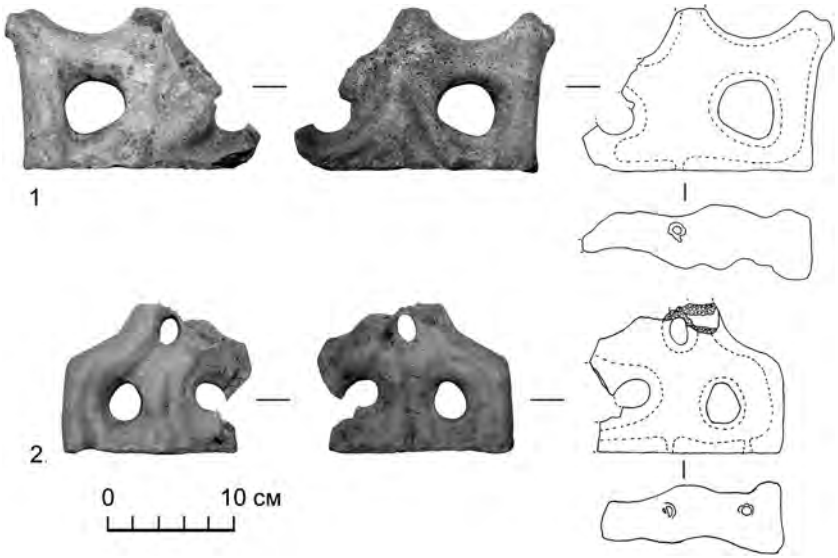

Рис. 3

Самую большую группу находок составляют фрагменты цветочных горшков (787 фрагментов цветочных горшков происходит из шурфа 4). Найденные фрагменты относятся к красноглиняным коническим сосудам разных размеров (диаметр от 8 до 30 см) с венчиками различной формы: слабовыраженными, скругленными сверху, оформленными в виде валика с отгибом наружу или в виде широкого уплощенного пояска. Сосуды имели плоское днище с отверстием для стока воды.

Особый интерес в собранной коллекции вызывают две фарфоровые бирки овальной формы (размеры 8,4×5,1 см). На лицевой стороне бирки имели надглазурные надписи с указанием названий растений, выполненные черной краской: «Flor. Millefolii» (тысячелистник) и «Rad. Angelic.» (красная ангелика). Бирки крепились к деревянной основе рамками овальной формы, сделанными из медьсодержащего сплава.

К интересным находкам, имеющим отношение к садовому хозяйству, относятся фрагменты керамических ограждений садовых клумб и газонов. Данные предметы представляли собой полые изделия сложной формы, напоминающей изогнутые и перевитые корни деревьев или кораллы (рис. 3). Изделия имели плоские основания с отверстиями для крепления. Высота изделий – 12–12,5 см, толщина по основанию 5,5 см, сохранившаяся длина – 14–18 см. Подобные ограждения были устроены в Зимнем саду, созданном в сев. части Висячего сада Малого Эрмитажа по проекту А. И. Штакеншнейдера.

Н. Ю. Новоселова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Ключевые слова: храм, фабрика, жилой дом, XIX–XX вв.

Экспедицией Научно-исследовательского центра «Актуальная археология» проведены разведки в ряде районов г. Санкт-Петербурга.

Первый участок был расположен в Невском р-не г. Санкт-Петербурга. Участок имел в плане форму прямоугольника (размеры 126×83 м), ориентированного продольной осью в направлении СЗ–ЮВ.

Задачей исследования на этом участке являлось уточнение местоположения остатков ц. Сошествия Святого Духа, построенной в 1902–1912 гг. по проекту архитектора А. Ф. Красовского и взорванной в 1966 г. Для решения данной задачи на обследуемом участке выполнено 4 разведочных шурфа общей площадью 16 кв. м.

Раскрыты конструкции, относящиеся к разным частям ц. Сошествия Святого Духа. Удалось определить точное местоположение храма, получить новую информацию о его конструктивных и строительно-технических особенностях и определить степень сохранности разных частей, что позволило включить остатки храма в перечень выявленных объектов культурного наследия.

Второй участок расположен в Центральном р-не г. Санкт-Петербурга. Здесь находились корпуса закрытой и неработающей кондитерской фабрики им. Н. К. Крупской, в настоящее время переданные под современную застройку. Площадь участка составляла 2700 кв. м.

Разведки проведены с целью уточнения мощности, характера культурного слоя и наличия остатков исторических сооружений на данном участке. Заложено три шурфа площадью 12 кв. м. Шурфы заложены в местах, где, по предположению, должна была быть максимальная сохранность культурного слоя. Поскольку на территории фабрики Н. К. Крупской находилось более десяти производственных корпусов, подсобных помещений, компрессорных и складов, а существующие свободные площади были застроены временными сараями, то наиболее перспективной для исследования была признана территория внутреннего двора дома по ул. Марата 70–70А, а также участок на углу ул. Боровой и Социалистической, где, по собранным историческим сведениям, располагалось в нач. XIX – XX в. крупное домовладение.

Глубина исследованных шурфов составила от 1,60 до 2,20 м. В пределах шурфов зафиксированы напластования техногенного характера, включающие строительный мусор, фрагменты кирпичей, бетонных блоков, проводов в полимерной изоляции, булыжная мостовая, слои нивелировочных подсыпок, деревянные конструкции системы водоснабжения и водоотведения дореволюционного Петербурга.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.30-31

В результате археологического обследования выявлены культурные слои и объекты кон. XIX – нач. XX в. и индивидуальные находки этого же времени.

Третий участок расположен на набережной Невы вблизи Литейного моста и имеет в плане форму вытянутого пятиугольника (размеры по осям 88×18 м), ориентированного продольной осью в направлении СВ–ЮЗ (параллельно Воскресенской набережной в этом месте). Границы участка соответствуют границам жилого дома, построенного в 1953 г. и снесенного в 2008 г.

Задачей исследования являлось определение наличия на обследуемой территории культурного слоя и исторических сооружений. Выполнено 2 шурфа общей площадью 12,9 кв. м.

Под сохранившимися конструкциями подвального этажа снесенного здания 1953 г. постройки были выявлены культурные отложения XIX в. В нижней части (ниже отметок 1,00–1,10 БС) эти отложения представляют собой слой гумуса с включениями щепы, а в верхней части (отметки 1,60–1,00 БС) – сильно гумусированной супеси с включениями строительного мусора. Состав находок позволяет датировать верхнюю часть напластований 2-й пол. XIX в., а нижнюю часть – нач. XIX в. Выявленные напластования можно интерпретировать как нивелировочные подсыпки, связанные с освоением прибрежной территории, расположенной ниже береговой террасы.

К сожалению, сильный подпор грунтовых вод ни в одном из шурфов не позволил дойти до материка. Таким образом, вопрос о наличии на обследуемой территории культурных слоев и конструкций более раннего периода, относящихся к XVIII в., остается открытым. Вероятно, данную задачу можно будет решить при проведении раскопок широкой площадью. Стоит, однако, отметить, что основные постройки Литейного двора, существовавшего на данном месте в XVIII в., располагались к Ю от обследуемого участка. Но могут быть обнаружены конструкции гаванцев и систем берегоукрепления XVIII в.

С. Е. Шуньгина

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО САХАРНОГО ЗАВОДА Л. Е. КЕНИГА

Ключевые слова: сахарный завод, формы для изготовления сахарных голов, XIX–XX вв.

В связи с предполагаемой реконструкцией территории сотрудниками ООО «НИиПИ Спецреставрация» проведено археологическое обследование двух соседних участков, заложено 10 шурфов.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.31-33

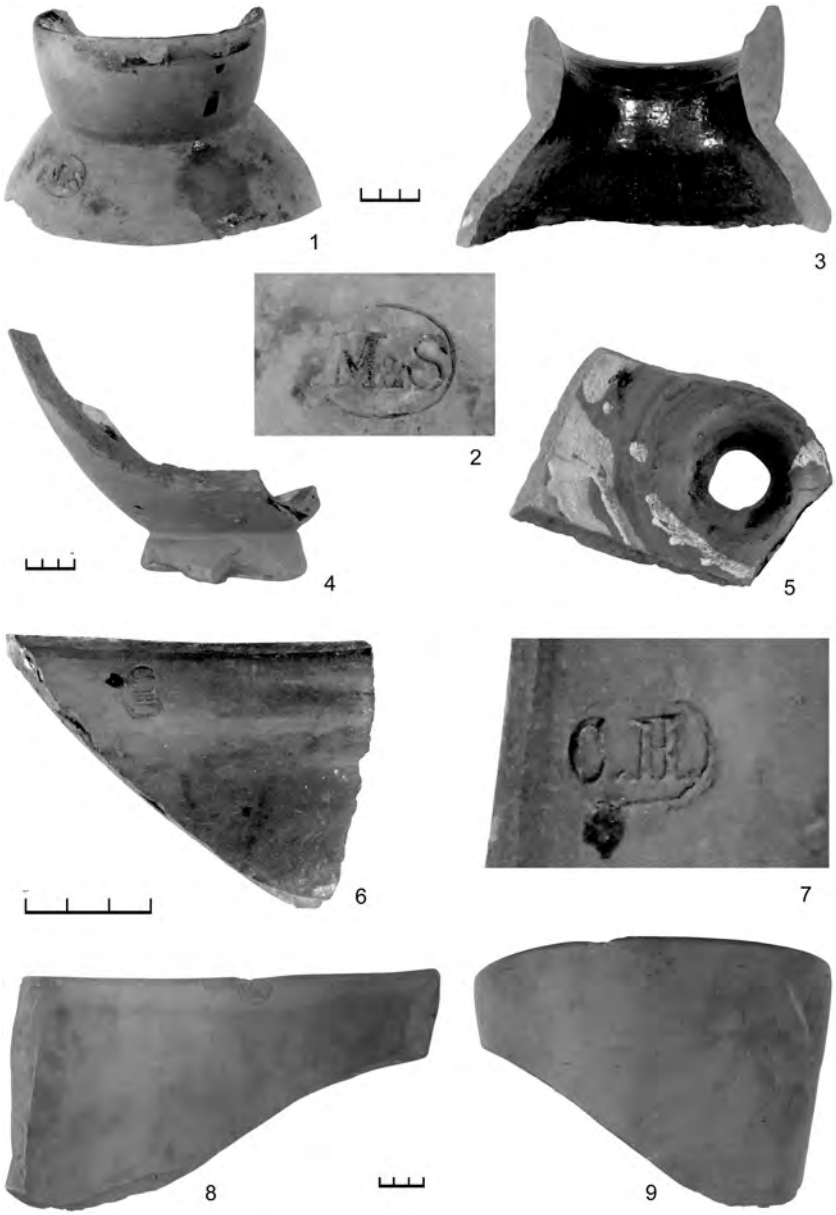

Рис. 4

История сахарного производства в этом месте ведет свое начало с 1720 г., когда по указу Петра I московскому купцу П. Вестову был пожалован участок в упомянутой местности для основания первого в России сахарного завода. В ходе полевых работ получены материалы, преимущественно свидетельствующие о деятельности сахарного завода во 2-й пол. XIX в., перешедшего в собственность Леопольда Егоровича Кенига и его наследников в 1862 г. после смены ряда владельцев. В это время произошло максимальное расширение производства, слом деревянных построек, строительство новых сооружений (к примеру, полная перестройка в СЗ части квартала, где располагались склады сырца), увеличение территории завода в сторону реки и оформление его границ, соответствующих современной ситуации.

Напластования, связанные с этими переменами, характеризуются активными подсыпками, особенно в зап. части исследуемого квартала, связанными с благоустройством территории, ее осушением и последующим освоением.

Следы деятельности сахарного завода представлены фрагментами производственной красноглиняной керамики – толстостенных горшков (рис. 4: *1–5*) и форм для изготовления сахарных голов (рис. 4: *6–9*), в том числе с клеймами, которые использовались в производстве до их замены на металлические формы (в шурфах не были обнаружены). В подробном описании сахарного завода 1913 г. речь идет только о последних. Вероятнее всего, такая замена произошла в кон. XIX в. или на рубеже XIX–XX вв. В наибольшем количестве обломки керамических форм и горшков под них были найдены в шурфах 1, 2, 2а, 6 (участок по Пироговской наб.) и в шурфах 1 (особенно много) и 2 (участок по Евпаторийскому пер.).

В шурфах 1 и 2, заложенных на земельном участке по Евпаторийскому переулку, зафиксированы также слои, насыщенные отходами сахарного производства – отработанной костяной крупкой, использовавшейся для очистки сахарного сиропа.

Практически повсеместно напластования нарушены коммуникациями, связанными с деятельностью современного производства (сейчас участки принадлежат ОАО «Завод „Двигатель“» и ООО «Концерн „Морское подводное оружие – Гидроприбор“»), часть из них относится к трубам глубокого заложения, порой не зафиксированным на актуальной топосъемке. Центральная часть завода (с круглым в плане зданием и многочисленными пристройками к нему) полностью уничтожена в результате строительства нового многоэтажного корпуса 39, что было зафиксировано в шурфе 3 в результате выявления железобетонных конструкций для организации усиленного основания этого здания.

Материалы более раннего времени отсутствуют.

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Т. Е. Ершова, Т. Ю. Закурина,
С. В. Степанов, Б. Н. Харлашов

ИССЛЕДОВАНИЯ РАЙОНА ЗАВЕЛИЧЬЯ В Г. ПСКОВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЛИМЕНТОВСКИХ РАСКОПОВ)

Ключевые слова: средневековье, новое время, XI–XVIII вв., погреб, керамика

Объединенным отрядом АНО «Псковский археологический центр» проведены охранные исследования в пятне строительства на ул. Красноармейской. Раскопки велись на 6 площадках (Климентовские раскопы III–V, VII–IX), общая площадь которых составила 3608 кв. м.

Завеличье – район средневекового и современного Пскова, расположенный на левобережье р. Великой. Впервые упоминается в письменных источниках в 1323 г. в сообщении о нашествии «немцев». С С и Ю границы средневековой городской территории отмечены Свято-Иоанновским и Спасо-Мирожским монастырями (XII в.). В направлении к З граница максимального расширения средневекового Завеличья маркируется Мироносицким и Николы от Каменной ограды монастырями (XV–XVI вв.). Заселенная часть Завеличья представляла собой вытянутую вдоль реки полосу, внешний край которой, примерно, отмечает современная ул. М. Горького. Результаты раскопок Завеличья в его прибрежной части показали, что заселение этой территории происходит не позднее 1-й пол. XI в. Фиксируемая на настоящее время протяженность этой зоны более 1,5 км. Часть территории была занята некрополем, датированным кон. X – нач. XI в., остатки которого зафиксированы на X и XI Изборских раскопах 2006 г. По результатам раскопок сделан вывод, что наиболее интенсивное использование территории в период средневековья относится к первоначальному этапу ее освоения (XI – 1-я пол. XIII в.). Расположение рассматриваемого участка в непосредственной близости от основной магистрали, связывающей Псков с западными землями (Изборская дорога), фиксация следов ремесленного производства (обработка черных и цветных металлов, гончарное и косторезное ремесла), нахождение здесь довольно крупных построек и их уличная планировка позволяют рассматривать исследованную территорию как один из районов торгово-ремесленного посада города XII в.

Исследования 2016 г. показали, что при производственном освоении участка, где размещались раскопы (в советское время – это территория речного порта), культурные отложения периода средневековья и нового времени были в значительной степени снивелированы. Величина подрезок слоя достигала 1 м, и балластный слой XX в. местами достигал материка. Наилучшая сохранность слоя средневекового времени зафиксирована в сев. части блока Климентовских раскопов, где его мощность

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.34-36

достигала 0,5 м при общей величине накоплений до 0,8 м. На остальных площадках толщина антропогенного слоя в среднем составляла 0,2–0,4 м.

Несмотря на сильное разрушение слоев, на отдельных участках удалось зафиксировать «чистые» комплексы, маркирующие этапы освоения этой территории. Большей частью это были предматериковые отложения гумусированного суглинка, вероятно отмечающие уровень погребенного дерна древней дневной поверхности. Максимально информативный материал получен при выборке материковых ям.

Основываясь на результатах проведенных работ, можно говорить о первоначальном освоении пригородной территории древнего Пскова в юж. части левобережья р. Великой, которое начинается не позднее рубежа XI–XII вв. и продолжается до сер. XIII в. К этому периоду относятся многочисленные материковые хозяйственные и столбовые ямы, а также несколько крупных подвальных ям жилых домов, обнаруженных в сев. и юж. частях блока Климентовских раскопов. Прослеживается и планировочная структура поселения, представленная частокольными канавками, одна из которых трассируется на длину до 53 м. Находки этого времени, представленные большим количеством керамической посуды, предметами быта, ремесла, деталями костюма и украшениями, обнаружены в нижней части отложений культурного слоя при зачистках предматерикового суглинка и в заполнении ям.

Время с сер. XIII в. и по 2-ю пол. XIV в. по материалам раскопа отмечается лишь единичными фрагментами керамической посуды и определяется как хронологическая лакуна.

Повторное освоение начинается с рубежа XIV–XV вв. и охватывает весь период позднего средневековья. Максимальная интенсивность использования территории приходится на 2-ю пол. XV и XVI в. Этот период представлен довольно плотной застройкой, следы которой на всех раскопах отмечают многочисленные ямы хозяйственного назначения, подвальные помещения жилых домов, вырубленные в материковой скале, с лестничными пролетами и каменной кладкой стен.

Вероятно, к нач. XVIII в. относится строительство крупной каменной постройки, сохранившей 8 подземных помещений («погребов» по терминологии того времени), представлявших нижний полуподвальный этаж дома и вошедших в площадки Климентовского V и VIII раскопов (рис. 5). Их общая площадь по внутреннему периметру составила более 244 кв. м. Сохранились остатки сводов, арки дверных проемов, внутристенные ниши, частично плитяные полы, положенные на песчаное основание. Погреба имеют своеобразную планировку, ценную во всех своих элементах, интересные архитектурные детали и довольно хорошую сохранность высотой до 3,2 м. Экспертом Гос. комитета Псковской области по охране объектов культурного наследия архитектором-реставратором А. М. Лебедевым разработан проект приспособления памятника в системе будущего строительства, который был рассмотрен на специальном заседании Гос. комитета Псковской области

Рис. 5

по охране объектов культурного наследия, согласован с заказчиком работ ООО «РУСТ» и утвержден.

Возможно, что со временем строительства этого здания можно связать участок каменоломни кон. XVII – нач. XVIII в., выявленной в СВ части раскопа IX.

С периода первичного освоения исследуемой территории и до новейшего времени здесь складывается застройка, характеризующаяся ориентировкой абсолютного большинства построек по направлениям сторон света, что согласуется с направлением русла р. Великой (направление С–Ю) и близко к границе крупного оврага, отмеченного на городских планах 1740 и 1857 гг. Исключение составила площадка сев. раскопа, где для начального этапа освоения отмечены несколько линий частокольных канавок, ориентированных как по линии С–Ю, так и в направлении ЮЗ–СВ. Комплекс находок, обнаруженный в них, представлен в большинстве своем однотипной тонкостенной орнаментированной гончарной керамикой, характеризующейся высоким, почти вертикальным венчиком. Данная посуда бытовала во Пскове в период XI – 1-й пол. XII в. и не дает возможности достоверно говорить о хронологии строительства этих сооружений.

Среди 917 индивидуальных находок, хронология которых охватывает период с X по XVIII в., значительную долю представляет ремесленный инструментарий (сверла, зубила, литейные формы, тигли), отходы и полуфабрикаты косторезного и бронзолитейного производства, предметы быта (замки, ключи, ножи, светцы), строительная и декоративная керамика (дуговые кирпичи, горшковидные изразцы, печные изразцы, фигурные кирпичи), украшения и принадлежности костюма (перстни, пуговицы, привески, пряжки, серьги, ременные разделители, обувные подковки), а также коллекция серебряных и медных монет XV–XVIII вв.

Б. С. Короткевич

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ АНАШКИНО

Ключевые слова: керамика, наконечник стрелы, деревянная конструкция, днепро-двинская культура

Верхнедвинская АЭ ГЭ продолжила исследования на городище днепро-двинской культуры Анашкино в Куньинском р-не Псковской обл. На СВ краю площадки заложен новый раскоп площадью 32 кв. м, примыкавший с С к участку, раскапывавшемуся в 2013–2015 гг. Новый участок частично захватывал край внутреннего рва. Из заполнения рва происходит серия находок маломерных глиняных сосудов. Самый миниатюрный из них имеет форму стопки с массивным дном и слегка расширяющимся к тонкому краю туловом (рис. 6: *1*). Диаметр устья составляет около 5 см при высоте сосуда 4 см и толщине стенок, резко увеличивающейся к днищу от 0,3 до 1,2 см. Три других маломерных сосуда, представленные крупными фрагментами, имели диаметр устья около 10 см. Один из них по форме напоминает плоскодонную пиалу с расширяющимися кверху округлыми боками и загнутым внутрь утонченным краем (рис. 6: *2*). У двух других сосудов в верхней трети стенки сформованы вертикально с горизонтально срезанным у одного и закругленным у другого краем (рис. 6: *3, 4*). Далее книзу стенки сужаются к плоскому донцу. Для изготовления маломерных сосудов использована глина с примесью крупного песка. Стенки грубо заглажены. По своим технологическим характеристикам и стилистически маломерные сосуды полностью соответствуют полноразмерным сосудам, характерным для верхнего культурного слоя городища. Крупные фрагменты подобных сосудов с диаметром устья 14,5 и 24–26 см также встречены в заполнении рва. Они имеют горизонтально срезанный верхний край и слабо сужающиеся к днищу стенки. Толщина стенок 0,4–0,5 см. Поверхность заглаженная, цвет темно-серый. К этой же группе керамики относятся два крупных фрагмента донцев с закраиной диаметром 13 и 11 см. Также в заполнении рва найдены единичные обломки железных шильев и ножей, кремневые отщепы, железные шлаки. Представляет интерес находка костяного наконечника стрелы цилиндрической формы с тупым концом для охоты на мелкую дичь. Диаметр наконечника 2 см, длина 4,5 см, способ насада втульчатый.

Вдоль края площадки через исследуемый участок широкой полосой проходил слой желтого песка с остатками деревянных конструкций (облож?). Карбонизированные остатки дерева располагались, главным образом, в пределах зоны шириной ок. 1,7 м. Фрагменты дерева толщиной 5–20 см, перемешенные с песком, залегали единым массивом мощностью 0,25–0,5 м. Большинство их было ориентировано вдоль края площадки городища, однако самые толстые были направлены перпендикулярно им и располагались в основании завала. Скорее всего, они представляли собой столбы или балки, на которые опиралась вся деревянная конструкция.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.37-40

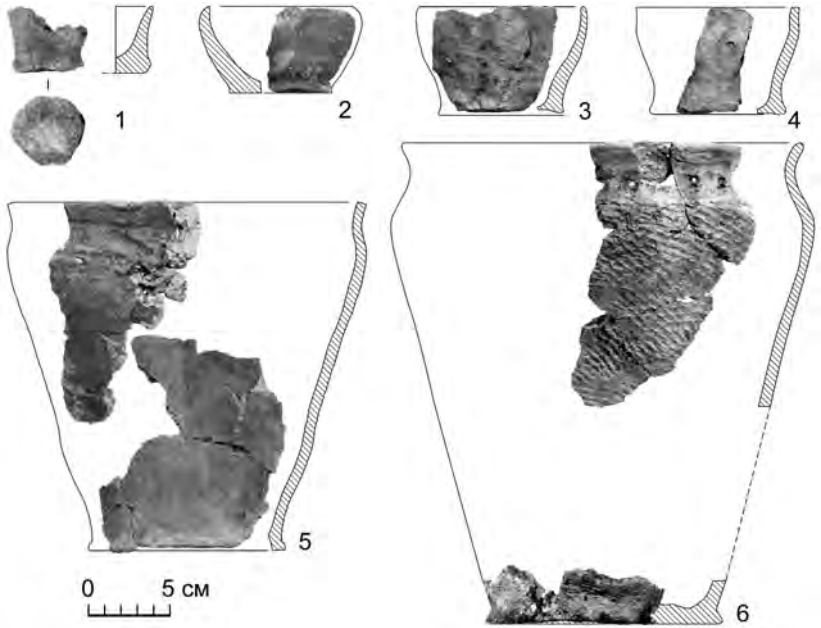

Рис. 6

Две гумусные прослойки делили слой желтого песка на три этапа формирования. Этим гумусным прослойкам соответствовали разновременные культурные напластования на площадке городища, исследовавшиеся в предыдущие годы. Перекрытые не содержавшими находок слоями песка гумусные прослойки фактически представляли собой «закрытые» археологические комплексы, изучение которых дает возможность определить характерные черты материальной культуры каждого слоя. В прослойке между нижним и средним этапами встречены крупные фрагменты сосудов, орнаментированных отпечатками гребенчатого штампа. Один из них поддается полной графической реконструкции (рис. 6: 5). Диаметр устья сосуда составлял 22 см, диаметр донца 12 см при высоте около 22 см. Наибольшее расширение приходилось на верхнюю четверть. Между округлым плечиком и отогнутым наружу прямым краем располагалась четко профилированная шейка. По шейке и плечику нанесен орнамент из отпечатков гребенчатого штампа, состоявший из двух прямых горизонтальных поясков, разделенных горизонтальным зигзагом. Тулово покрыто вертикальными расчесами (или штриховкой). От второго сосуда с диаметром устья 20 см найдены только фрагменты верхней части. У него отсутствует выделенная шейка – покатое плечико сразу переходит в отогнутый наружу короткий край венчика. Плечико и венчик орнаментированы четырьмя горизонтальными поясками отпечатков гребенчатого штампа. Кроме гли-

няной посуды к горизонту относятся находки бронзового колечка с разомкнутыми концами, одношипного костяного наконечника стрелы, кремневых отщепов и двух обрезков рогов: коровьего и лосиного. Здесь же найден слегка обожженный фрагмент нижней челюсти человека.

Горизонт под всеми наслоениями желтого песка представляла уже «сетчатая» керамика с ямочным и тычковым орнаментом. Этот слой характеризуется многочисленными включениями мелких угольков. Крупные фрагменты глиняных сосудов позволяют составить довольно ясное представление о керамическом комплексе горизонта поверхности слоя с угольками. Наиболее полно поддающийся реконструкции сосуд имел диаметр венчика 24,5 см, диаметр донца 14,5 см при реконструируемой высоте около 49 см (рис. 6: *6*). Наибольшее расширение – около 33 см в диаметре – приходилось на плечики в верхней четверти высоты сосуда. Тулово имело выраженную усеченно-коническую форму, расширяясь от донца к плечикам. Плечико крутое, переходящее через хорошо профилированную шейку в отогнутый наружу венчик с закругленным краем. Сетчатые отпечатки крупные, оставленные грубой тканью, покрывали всю поверхность сосуда, за исключением шейки, где они были тщательно заглажены. При этом сетчатые отпечатки имелись также на внутренней поверхности донца. По шейке проходил горизонтальный поясок глубоких ямок, частично сквозных. Глиняное тесто содержало примесь крупной дресвы. Обжиг сосуда слабый, из-за чего черепки практически рассыпаются в руках. Цвет черепков красновато-серый. Интересно, что в районе развала сосуда наблюдалось скопление костей животных, среди которых 3 фрагмента нижних челюстей псовых. Кроме глиняных сосудов и костей животных, на поверхности слоя коричневого песка с угольками почти не встречено находок, за исключением черенка бронзового шила четырехгранного сечения с плоским концом, сильно корродированного мелкого фрагмента железного стержня, струга из ребра крупного животного со сработанным краем и кремневого скола.

Исходя из сделанных наблюдений, можно предположить, что орнаментированная ямками «сетчатая» керамика на городище предшествовала глиняной посуде, орнаментированной отпечатками гребенчатого штампа, а та в свою очередь – не орнаментированной гладкостенной баночной керамике из слоя черного песка в заполнении рва. Вероятно, верхняя гумусная прослойка в слое желтого песка также соответствует определенному хронологическому горизонту использования городища, лежащему между слоями гладкостенной баночной керамики и керамики с гребенчатым орнаментом. Однако составить представление о ее культурном облике на материалах раскапывавшегося участка практически невозможно.

В ходе работ полностью исследован слой черного песка над слоем желтого песка, включая заполнение рва, напластования желтого песка с остатками сгоревших деревянных конструкций и подстилавший его слой коричневого песка до поверхности слоя коричневого песка с угольками. Из исследованной части культурного слоя происходит 77 индивидуальных находок, включающих изделия из металла, кости, рога и глины. В том числе – украшения, орудия труда, крупные части глиняной посуды.

В 2016 г. исследование культурного слоя на участке завершено не было. Работы прекращены на уровне крыши слоя коричневого песка с угольками. По окончании работ раскоп законсервирован.

Е. В. Салмина, С. А. Салмин, В. А. Белоус,
С. С. Горланов, К. С. Косовец, А. В. Фисенко

РАСКОПКИ В ПСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Ключевые слова: крепостная стена, жилая постройка, храм, XV в., XVII–XIX вв.

Археологическим центром Псковской обл. проводились раскопки на территории Псковского кремля. Работы на 11 участках общей площадью 260 кв. м шли в рамках разработки проектной документации для проведения реставрационных работ на объекте культурного наследия «Ансамбль Псковского кремля».

Раскоп Кром III располагался непосредственно под Смердьей башней, был вытянут вдоль прясла крепостной стены, с зап. стороны примыкал к незасыпанному котловану архитектурного раскопа А. И. Хамцова 1957–1959 гг. [*Белецкий, Скрынникова*, 2000, с. 21–22]. Основными объектами, исследованными в раскопе Кром III, стали постройка, входящая в комплекс Владычных палат (XVII–XIX вв.), и руины ц. Благовещения XVII в. («первая ц. Благовещения»), пристроенной к палатам с С. Раскрытые при раскопках сооружения интерпретированы с достаточной уверенностью, поскольку история комплекса хорошо освещена в исторических источниках [*Постников*, 2009, с. 9–12].

Работы 2016 г. позволили пересмотреть версию М. Х. Алешковского об интерпретации комплекса сооружений, раскрытого при архитектурных раскопках А. И. Хамцова в ЮЗ углу Крома у Смердьих ворот как «Смердьего захаба» [*Алешковский*, 1971, с. 328]. Раскопки широкой площадью показали, что фактически в 1957–1959 гг. была зафиксирована стена Владычных плат, образующая вместе с крепостной стеной довольно узкий «коридор», упирающийся в юж. стену Благовещенской ц. (отметим также, что на определенные несоответствия в версии Алешковского указывала И. К. Лабутина [*Лабутина*, 2011, с. 80–82]). К сожалению, раскоп 1957–1959 гг. простоял незасыпанным до наших дней, что и стало причиной сегодняшнего бедственного состояния памятника, которое не позволило продолжить расчистку построек. Разборка грунта остановлена на глубине 200 см от уровня дневной поверхности, зафиксированные объекты накрыты геотекстилем и засыпаны обратным грунтом. Предполагается, что работы будут возобновлены после доработки проектной документации.

Археологические работы в шурфах на территории Крома показали различную сохранность культурных отложений. Так, полностью разру-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.40-41

шены в результате реставрационных работ, проводившихся без участия археологов [*Белецкий, Скрынникова*, 2000, с. 17–20], культурные напластования в шурфах 12, 13. Шурф 2 оказался заложенным в насыпном грунте «имитированной батареи». В шурфах 6, 7, 8, 9 работы остановлены на уровне выявления сохранных культурных отложений из-за невозможности продолжения работ в непосредственной близости от аварийных архитектурных сооружений. В остальных шурфах получен значительный объем информации как об архитектурной и реставрационной истории кремля, так и о раннесредневековом поселении на его территории.

В шурфах 10, 11, где древние отложения сохранились только на части площади, удалось зафиксировать границы раскопов С. А. Таракановой [*Тараканова*, 1948, с. 140–147; 1950, с. 48–62], что позволило уточнить план расположения части раскопов прошлых лет.

В шурфе 1 ниже линии реставрационного приклада к крепостной стене был раскрыт участок плитнякового массива, опирающегося на подтесанные крупные известняковые плиты, лежащие на скальном основании – либо руины древнейшей стены [*Тараканова*, 1950, с. 61–62], либо забутовка котлована последующей стены XIV в. В вост. части шурфа 3 также выявлен каменный развал, возможно связанный с крепостными укреплениями раннего периода, разрушенными при возведении последующих стен.

В шурфах 3, 4, 5 выявлены остатки полов жилых (что определяется по наличию очагов и значительному содержанию в грунте кухонных отбросов, в первую очередь рыбных костей и чешуи) построек. Отметим многослойность глинобитных с навозом полов, образующих не менее 5 последовательно сооруженных ярусов. Важным представляется, что очаг во всех случаях оставался на одном месте, что свидетельствует о долговременной эксплуатации возобновлявшихся жилищ.

В процессе раздерновки реставрационных насыпей, перекрывающих стык между средневековой и реставрационной кладкой на вост. прясле крепостной стены между шурфами 7 и 8, в переотложенном грунте обнаружено значительное число фрагментов фресковой живописи, по определению Д. А. Скобцовой и Т. В. Кругловой относящихся к росписи «второго» Троицкого храма XV в. В настоящее время участок осыпи законсервирован, изыскивается возможность для продолжения работ.

Алешковский М. Х., 1972. Начальные этапы каменного строительства псковского Крома (в связи с вопросом о русских каменных крепостях домонгольского периода) // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука.

Белецкий С. В., Скрынникова Е. В., 2000. Псковский кремль. Археология, реставрация, музеефикация. Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 1. СПб.

Лабутина И. К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–X вв. М.: Наука.

Постников А. Б., 2009. Судьба старых библиотек псковских церквей и монастырей // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 31.

Тараканова С. А., 1948. Раскопки в Псковском кремле // КСИИМК 21.

Тараканова С. А., 1950. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК 33.

Б. Н. Харлашов

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-СМОЛКА В ИЗБОРСКЕ

Ключевые слова: грунтовый могильник, трупоположение, кремация, топор, X–XI вв., радиоуглерод

Псковским ГУ и Псковским археологическим центром продолжены раскопки могильника Усть-Смолка в Изборске (Псковская обл., Печорский р-н, д. Изборск).

Задачей исследования являлось выявление новых грунтовых погребений. Для этого был вскрыт участок, примыкающий к раскопам 1999 [*Лопатин*, 2004] и 2015 гг. площадью 88,5 кв. м.

В верхнем пахотном слое найдено множество мелкофрагментированной гончарной керамики XV–XIX вв. и осколки костей животных. Также из этого слоя происходили несколько фрагментов лепной керамики и гончарной X–XI вв., а кроме них – бытовые предметы и украшения, синхронные могильнику.

Изучены 5 погребений: 3 трупоположения и 2 кремации.

Наибольшими размерами отличалась могильная яма погребения 9: вырубленная в скале четырехугольная яма размерами 3,44×1,5 м, глубиной 55 см, в которой был погребен высокого роста мужчина 45–55 лет, ориентированный головой на СЗ. Можно предполагать, что по конструктивным особенностям могильная камера аналогична погребениям 7 и 8, исследованным в 2014, 2015 гг.: по периметру яма была обложена плитняком в несколько рядов, затем перекрыта, вероятно, деревянным накатом, поверх которого были уложены известняковые камни различного размера.

Около правой руки погребенного находился боевой бородовидный топор раннего типа, датирующийся X – нач. XI в. Под костями левого предплечья был найден железный нож, а в ногах – развал лепного горшка. На основании радиоуглеродного анализа погребение датировано в интервале 994–1024 гг.

Погребение 10 – остатки кремации мужчины, совершено в неглубокой материковой ямке диаметром около 26–28 см, глубина до 16 см, нарушенной, по-видимому, при обустройстве погребения 9. Найдены фрагменты бронзовой спиральки и спирального перстня сегментовидного сечения

Погребение 11 – трупоположение ребенка (2–3 года) – совершено в могильной яме размерами 1,48×0,74 м, глубиной 35–40 см и ориентировано головой на ЮЗ. Конструктивные особенности погребального сооружения аналогичны погребению 9. В захоронении обнаружен богатый погребальный инвентарь: лировидная пряжка без язычка с лилиевидным завершением, миниатюрная костяная ложечка-лопатка с фигурной рукоятью, орнаментированный костяной футляр гребня из однопарных накладок и двух краевых пластин, на одной из которых есть отверстие для

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.42-44

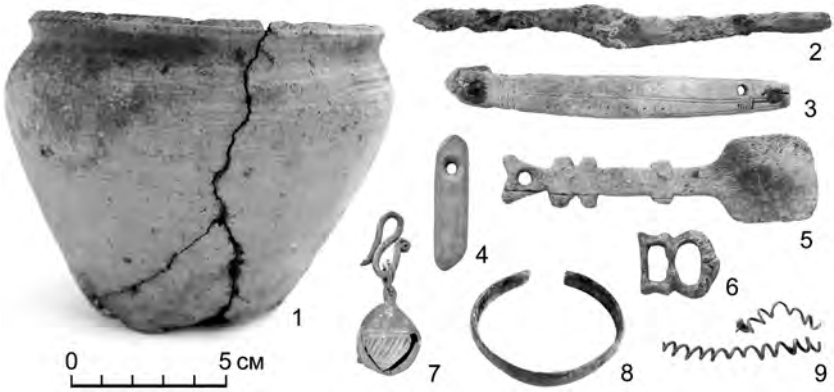

Рис. 7

привешивания, железный нож, бронзовый орнаментированный крестопрорезной бубенчик с фрагментом биэсовидной петли, оселок, узкомассивный бронзовый браслет, проволочные спиральки-пронизки. В ногах находился гончарный орнаментированный горшок (рис. 7). По совокупности датировок находок погребение может быть отнесено к 1-й пол. XI в.

Погребение 12 обнаружено по скоплению пережженных костей в углистом пятне размерами 100×60 см, на отметке 22–34 см. В нем же на глубине 22–37 см зафиксированы известняковые камни, лежащие как горизонтально, так и под наклоном. В предматериковом суглинке и известняковой скале выявлена овальная погребальная ямка размерами 40×30 см глубиной 25–27 см, заполненная костями и углем. При разборке кремации обнаружен сильно ошлакованный железный предмет. При изучении костей установлено, что они принадлежат трем индивидам, один из них молодого возраста, другой – старческого. Кроме костей человека в составе кремации удалось выделить кости животного, а именно – домашней лошади.

В составе кремации найдено большое количество зернового материала и семян. В частности, обнаружены зерна как голозерного, так и пленчатого ячменя, а также компактной голозерной пшеницы. Отсутствие остатков колосков позволяет предполагать, что помещение зерна в погребение было элементом обряда. Также обнаружены семена осины, березы и луговых трав, среди которых множество семян тимьяна, что может быть также связано с обрядом погребения.

Анализ угля из погребения 12 позволил датировать его в пределах 433–568 гг. н. э.

Погребение 13 – трупоположение младенца (около 6 мес.) – выявлено под остатками каменной насыпи погребения 11 и ориентировано головой на ЮЗ, так же как и погребение 11. Овальная могильная ямка размерами

90×35 см, глубиной до 15 см, с покатыми стенками и чашеобразным дном была заполнена предматериковым суглинком, в котором найдены разрозненные кости. Погребальный инвентарь – желтая бисеринка.

В целом археологические раскопки 2016 г. подтвердили данную ранее культурно-хронологическую характеристику могильника, в котором наиболее ранние захоронения (кремации) относятся к культуре псковских длинных курганов, в том числе к начальному ее периоду. Датировка изученных к настоящему времени трупоположений не выходит за пределы кон. X – XI в.

Лопатин Н. В., 2004. Новые данные о предыстории Изборска // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004. С. 200–206.

С. Е. Шуньгина, В. А. Деркач

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДКИ В КРАСНОГОРОДСКОМ РАЙОНЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: грунтовый могильник, захоронение в домовине, XIV–XVI вв.

Археологическая разведка на территории Красногородского р-на Псковской обл. проводилась сотрудниками ГБУК «Археологический центр Псковской области».

На территории Псковской обл. Красногородский р-н является одним из наименее изученных. Последние исследования на территории Красногородского р-на проводились более двадцати лет назад. На сегодняшний день на территории района известно 45 памятников археологии, из них чуть более 30 находятся под охраной.

В 2016 г. проведена археологическая разведка в центральной части Красногородского р-на. В результате этих работ выявлен памятник археологии «Грунтовый могильник у д. Станкеево», а также обследованы памятники археологии «Городище XV–XVI вв. н. э.» и «Посад города Красный».

Поводом для проведения полевых работ послужило появление в 2016 г. серии публикаций в электронных СМИ региона об обнаружении человеческих костей при проведении дорожных работ на участке грунтовой дороги Красногородск – Гавры, к СЗ от ГП Красногородск Псковской обл. Среди осмотренных костей встречены фрагменты взрослых (мужских и женских), подростковых и детских захоронений. Всего обнаружены останки свыше 12 человек. У значительной части погребенных в области головы заметны следы органического тлена, а также фрагменты древесного тлена.

Грунтовый могильник у д. Станкеево расположен к СЗ от Красногородска, к ЮЗ от д. Станкеево, справа от дороги Красногородск – Гавры, на естественной песчаной возвышенности. С севера возвышенность ограничивается лесополосой, с З – естественным понижением и хмызником, с Ю – грунтовой дорогой Красногородск – Гавры, с В – грунтовой дорогой.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.44-45

С целью изучения памятника в центральной части песчаной возвышенности заложен разведочный шурф общей площадью (с учетом последующих прирезок) 23,75 кв. м.

В рамках изучения грунтового могильника исследованы два погребения (1, 2), полностью попавшие в границы шурфа. Оба погребения открыты в пятнах гумусированного песка, имели могильные ямы прямоугольной формы со скругленными углами глубиной 0,2–0,3 м. Ориентировка погребенных – ЮЗ–СВ. При расчистке погребения 2 обнаружены остатки древесного тлена, имеющие прямоугольные контуры. Дальнейшая расчистка показала, что остатки тлена сохранились по всему периметру, что позволяет говорить о захоронении умершего в домовине. Реконструируемые размеры домовины – 0,4×1,7 м. Оба погребения безынвентарные.

Обнаруженный могильник предположительно относится к периоду средневековья и связан с населением сельской округи псковского пригорода Красный, о чем свидетельствуют топография расположения могильника, ориентировка погребенных, небольшая глубина могильных ям, наличие погребальных конструкций, отсутствие погребального инвентаря. Предварительная датировка – XIV–XVI вв.

Для городища и посада определены границы территории памятников, уточнены характеристики культурных отложений, произведен сбор информации для подготовки документации, необходимой для внесения памятников в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

И. В. Антипов, А. В. Жервэ

РАСКОПКИ ДВУХ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ XII–XV ВВ.

Ключевые слова: храм Ильи Пророка Славне, погребение, церковь Николы на Липне, синтрон, домонгольская Русь

Архитектурно-археологическая экспедиция СПбГУ изучала два памятника средневекового зодчества в Великом Новгороде и Новгородском р-не Новгородской обл.

1. Каменный храм Ильи Пророка на Славне в Великом Новгороде был построен в 1198–1202 гг. В 1455/1456 г. «на старой основе» возводят новую церковь. Памятник сохранился частично: в 1950-е гг. утрачен барабан, верхние части вост. столбов, почти все своды, полностью перестроены интерьеры, осуществлен проект приспособления под жилье.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.45-47

В 1981 г. у апсид Ильинской ц. Л. Н. Большаковым была заложена траншея, в которой найдены кладки домонгольской постройки. В 2014 г. храм был передан общине Русской православной старообрядческой церкви, исследования 2016 г. проводились в связи с созданием проекта реставрации памятника. Заложено 12 шурфов общей площадью более 50 кв. м.

В результате работ получены материалы для графической реконструкции плана храма 1198–1202 гг.: обнаружены зап., сев., юж. стены, стена центральной апсиды, основания нескольких столбов, зафиксированы отметки оснований фундаментов. Планы построек рубежа XII–XIII вв. и XV в. в целом совпадают, стены и столбы XV в. стоят на остатках стеновых кладок и фундаментах предшественника – четырехстолпного трехапсидного храма. Однако у домонгольской церкви столбы были тоньше (форма их тоже, вероятно, была квадратной), меньшую толщину имела зап. стена. Фундамент домонгольского храма имеет отвесные стенки, сложен из блоков ракушечника и валунов на растворе, опирается на материк (светло-коричневую глину). Мощность фундамента не превышает 130 см, деревянных субструкций под подошвой не обнаружено.

Прослежен целый ряд малых архитектурных форм XIII–XV вв.: синтрон и престол храма рубежа XII–XIII вв.; фрагмент основания запрестольного креста, возможно относящийся к 1-й пол. XIV в.; нижнее бревно алтарной преграды 2-й пол. XIV – 1-й трети XV в.; выявлено два уровня кирпичных полов XIV–XV вв. В церкви 1455/1456 г. продолжал функционировать пол 2-й пол. XIV – 1-й пол. XV в. В новом здании собственно храм находился на втором этаже, подцерковье использовалось под хозяйственные нужды. У церкви 1198–1202 гг. был и небольшой зап. притвор, выстроенный в 1-й пол. XIII в. (применена плинфа и известково-цемяночный раствор) – найдена его сев. стена. Церковь XV в. имела притвор во всю ширину зап. фасада, эта часть здания сохранилась, ее сев. и зап. стены изучены во время раскопок. К Ю от основного объема храма под кладками ныне существующего придела во имя свв. Кира и Иоанна 1455/1456 г. обнаружены фундаменты и нижние части стен небольшой бесстолпной придельной церкви, построенной, вероятно, в 1-й пол. XIII в., вскоре после освящения основного храма (строительные материалы придела близки строительным материалам основного объема, однако кладки придела примыкают к лопатке первоначальной постройки, несколько отличается и строительная техника).

Установлено, что во 2-й пол. XIV – 1-й трети XV в. для усиления конструкций к столбам и, видимо, в некоторых местах и к стенам домонгольского храма были сделаны прикладки, очевидно сложенные из кирпича и стоявшие на валунном фундаменте и плитняковом цоколе. Полученные материалы позволяют в основных чертах реконструировать процесс возведения и строительную историю церквей 1198–1202 гг. и 1455/1456 г.

Среди важных находок – три погребения, обнаруженные в центральной апсиде и датированные временем до начала строительства церкви 1198–1202 гг. Захоронения относятся к деревянной церкви, существовавшей на этом месте в XI–XII вв. В одном из погребений найден комплекс

предметов данной эпохи – янтарный нательный крестик, крестоспиральная привеска со щитковыми спиралями, золотостеклянная бусина, две серебряные западноевропейские монеты и др. При строительстве каменного храма кладбище было накрыто мощной глиняной подсыпкой.

2. Раскопки в ц. Николы на Липне 1292 г. (о. Липно в устье р. Мсты, Новгородский р-н Новгородской обл.) проведены в связи с подготовкой нового проекта реставрации памятника. Никольский храм был частично разрушен в годы Великой Отечественной войны, отреставрирован в 1950-е гг. по проекту Л. М. Шуляк. Ранее археологические работы на памятнике не проводились. Всего заложено 6 шурфов: 5 в основном объеме храма, 1 – снаружи.

В алтарной части церкви обнаружен первоначальный синтрон, имеющий крайне редкую для древнерусских синтронов форму – с плавно закругленными плечиками, а также известково-песчаная заливка, выполнявшая в процессе строительства роль рабочего пола. Изучены до подошвы фундаменты СЗ и СВ столбов, зап., юж. и сев. стен храма. Фундаменты растворные, профиль их практически вертикальный, деревянных субструкций под основанием не обнаружено. Фундаменты на значительную глубину врезаны в материк – плотную глину. Все конструкции отличаются высоким качеством исполнения и очень хорошей сохранностью. Особый интерес представляет использование в нижней части стеновой кладки СЗ столба известково-цемяночного раствора, характерного для архитектуры домонгольской Руси, при этом во всех остальных кладках храма применен известково-песчаный раствор. Изучен фундамент вост. лопатки на юж. стене, выяснено, что он не имел выраженного цоколя. К сожалению, никаких следов древних полов, кроме песчаной подсыпки, в ходе работ 2016 г. не зафиксировано.

В шурфах 3–5 изучен культурный слой, отложившийся до начала строительства каменного храма 1292 г. Церковь поставлена на обжитом месте, видимо, на территории достаточно крупного селища, существовавшего еще в эпоху неолита. Более раннего деревянного храма, скорее всего, на этом месте не было.

П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН

Ключевые слова: усадьба, бронзолитейное производство, берестяная грамота, пломба, деревянная посуда, кладбище, иконки

Хоздоговорной отряд Новгородской экспедиции ИА РАН продолжил исследования в Великом Новгороде.

Козмодемьянский 3 раскоп заложен в историческом центре города, на территории Неревского конца Великого Новгорода, на месте строительства пристройки к служебному зданию УФСБ России по Новгородской обл.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.47-52

Общая площадь раскопа составила ок. 1000 кв. м при мощности культурного слоя до 3,5 м. Культурный слой исследован до сер. XIV в. Раскоп назван по средневековой Козмодемьянской улице, изученной в сев. части объекта. Хорошо сохранилась усадебная планировка одного из ярусов застройки XIV в. Вход на усадьбу был выгорожен частоколом.

В слоях XIV в. прослежены следы различных ремесел. Хорошо представлено бронзолитейное производство: здесь изготовляли украшения (перстни, накладки), нательные кресты и пр.

Судя по значительной концентрации статусных находок (4 берестяные грамоты 1077–1080, монеты, 4 вислые свинцовые печати), можно заключить, что на исследуемой территории проживали зажиточные люди, имевшие отношение к торговле и властным городским структурам. В слоях XIV в. обнаружены фрагменты берестяной грамоты 1077 – черновика завещания некоего Афанаса, где перечисляются должники и долги его самого.

В число вислых свинцовых печатей входят печати новгородских архиепископов и их наместников XIV в., а также государственные печати Великого Новгорода XIV–XV вв.

Раскоп на ул. Троицкая (Троицкий, 16) заложен в центре Людина конца Великого Новгорода на месте строительства жилого дома. В 15 м к С от раскопа располагалась несохранившаяся до наших дней ц. Воздвижения Креста Господня на Воздвиженской улице (1194 г.). Общая площадь раскопа составила 120 кв. м при толщине культурного слоя до 5 м. В 2016 г. исследованы слои 2-й пол. XII – XX в. общей мощностью 3 м.

В слоях 2-й пол. XII в. прослежены части трех усадеб, примыкающих к Пробойной и Воздвиженской улицам. Хозяйственные и жилые постройки на усадьбах примыкали к оградам, образуя внутренний двор со следами мощения. На одной усадьбе, примыкающей к Пробойной улице, обнаружено несколько десятков свинцовых пломб.

В нач. XIII в. прослежено запустение изучаемого участка, связанное, вероятно, с мором 1216 г. Усадебная застройка исчезла. Лишь во 2-й пол. XIII в. здесь вновь возникло усадебное деление и начали возводиться сооружения. В раскоп вошли только внутренние части четырех выгороженных частоколом наделов. Прослежена плотная застройка жилыми и хозяйственными домами.

В слоях XIV в. прослежены следы различных ремесел, в том числе бронзолитейное производство. В слое 2-й пол. XIV в. обнаружена берестяная грамота 1090 – третья новгородская грамота, написанная чернилами.

Слои XV в. прорезаны могильными ямами кладбища, расположенного возле ц. Воздвижения Креста Господня на Воздвиженской улице. Погребенные лежали в гробах или были перекрыты слоями бересты.

Раскоп на ул. Воздвиженская (Воздвиженский, 9) заложен в центре Людина конца Великого Новгорода на месте строительства жилого дома. В 8 м к Ю находится Власьевский 2 раскоп, где в 2011 г. на площади 440 кв. м исследованы части четырех усадеб XI–XV вв., примыкающих к Воздвиженской и Лукинской средневековым улицам [*Гайдуков,*

Рис. 8

Олейников, 2012, с. 20–21]. Общая площадь раскопа составила 300 кв. м при толщине культурного слоя до 3 м. В 2016 г. исследованы слои 2-й пол. XII – XX в. общей мощностью 2 м.

В слоях 2-й пол. XII в. на исследуемом участке прослежены части трех усадеб, примыкающих к Воздвиженской улице, мостовая которой вошла в раскоп. Ранее считалось, что средневековая Воздвиженская улица проходит по трассе современной одноименной улицы. Прослеженные хозяйственные и жилые постройки на усадьбах примыкали к оградам, образуя внутренний двор со следами мощения. В огородном слое, перемешавшем слои кон. XII в., обнаружена серебряная орнаментированная подвеска, покрытая золотом с помощью амальгамы (рис. 8).

В нач. XIII в. прослежено запустение изучаемого участка, связанное, вероятно, с мором 1216 г. Усадебная застройка исчезла. Лишь в кон. XIII в. на исследуемой территории Людина конца по старой трассе Воздвиженской улицы был проложен новый деревянный настил из плах длиной 4 м, а на примыкающей территории вновь возникло усадебное деление и начали возводиться сооружения. Прослежена плотная застройка жилыми и хозяйственными домами. В раскоп вошел переулок, отходящий от Воздвиженской улицы на С и доходящий, возможно, до Редятиной улицы. Обнаружено два яруса мощения этого переулка. Из слоя кон. XIII в. происходит нательная иконка из белого металла с изображением Никиты, побивающего беса (рис. 9).

О торговых связях жителей Новгорода свидетельствуют западноевропейские товарные свинцовые пломбы, которыми запечатывали куски материи (4 пломбы) и фрагменты крышек дубовых бочек с вырезанными на них знаками собственности (Hausmarke, Hofmarke). В бочках в Новгород доставляли различные товары: селедку, вино, медный лом. Купеческие знаки, принадлежащие конкретным фамилиям, появились в Любеке

Рис. 9

в кон. XIII в. К импортным вещам XIII в. относятся также фрагменты византийских стеклянных браслетов.

На территории усадебного комплекса, вошедшего в раскоп, обнаружен полный комплекс бронзолитейного производства XIV в.: тигли, металлические выплески, литейный брак, литейные формы. В слоях XIV – нач. XV в. обнаружено 5 вислых свинцовых печатей: анонимных булл новгородских владычных наместников и государственных печатей Великого Новгорода.

Раскоп на Никитином пер. (Никитин, 7) заложен в центре Плотницкого конца Великого Новгорода на месте строительства жилого дома. Общая площадь раскопа составила 450 кв. м. Мощность культурных отложений, датируемых XI–XX вв., составила 3 м. Начало освоения исследуемой территории связано с добычей глины для изготовления керамических сосудов. В юж. части раскопа в материке прослежено множество ям, возникших в результате этих выработок. Предварительная датировка этого периода – 1-я пол. XI в.

Во 2-й пол. XI в. произошло деление изучаемого района Новгорода на усадьбы, которые были выгорожены частоколами. Прослежено четыре надела, примыкающих к Никитиной и Маницыной улицам. Никитина улица проходила в этот период в 20 м к Ю от раскопа, имела направление с З на В. Началу жилищного освоения исследуемой части Плотницкого конца предшествовала попытка сооружения колодца. В СЗ части раскопа прослежена яма округлой формы диаметром 2 м, углубленная в материковую глину на 3,5 м. Данная попытка поиска водоносного слоя не увенчалась успехом, и вырытая яма была в то же время засыпана вынутой глиной.

На прослеженных усадьбах раннего периода, примыкающих к Никитиной улице, располагались мастерские по изготовлению деревянной

посуды. Обнаружены отходы этого производства, в том числе более 1000 бобышек – остатков центровых цилиндров, на которые на токарном станке закреплялись сосуды на заключительном этапе их изготовления, и несколько деревянных баклуш, приготовленных для вырезания из них ложек и ковшей. Все ямы, вырытые в предыдущий период, были заполнены этими отходами. В слоях 2-й пол. XI в. обнаружены целые и бракованные деревянные миски, ложки, ковши, ручки ковшей. Здесь же обнаружена печать Святополка Изяславича (1078–1088 гг.).

Рис. 10

В слоях 2-й пол. XII в. прослежены части четырех усадеб, примыкающих к Никитиной и Маницыной улицам. Границы этих наделов изменились по сравнению с первоначальным межеванием. Хозяйственные и жилые постройки на усадьбах примыкали к оградам. Среди находок этого периода следует отметить одностороннюю нательную иконку белого металла с рельефным изображением архангела Михаила (рис. 10).

Сфрагистические находки представлены 32 пломбами и тремя княжескими печатями, две из которых, оттиснутые одной парой матриц, принадлежат князю Святославу Ростиславичу (в Новгороде: 1158–1160, 1161–1167 гг.).

В нач. XIII в. прослежено запустение изучаемого участка, связанное, вероятно, с мором 1216 г. Усадебная застройка исчезла. Лишь в кон. XIII в. на исследуемой территории Плотницкого конца вновь возникло усадебное деление. Прослежена плотная застройка жилыми и хозяйственными строениями внутренних частей трех наделов. Здесь обнаружен полный комплекс бронзолитейного производства XIV в.: тигли, металлические выплески, литейный брак, литейные формы.

В слоях XIV–XV вв. найдены 7 западноевропейских товарных свинцовых пломб и 10 свинцовых печатей. В их числе буллы новгородских архиепископов и их наместников, государственные печати Великого Новгорода, а также печати представителей городской администрации.

Раскоп Посольский 2016 заложен в юж. части Славенского конца Великого Новгорода на месте строительства жилого дома. Общая площадь раскопа составила 64 кв. м, исследованы слои 2-й пол. XII – XX в. общей мощностью 3 м.

В слоях 2-й пол. XII в. на исследуемом участке изучены части двух усадеб, примыкающих к двум улицам. В нач. XIII в. прослежено

запустение изучаемого участка, связанное, вероятно, с мором 1216 г. Усадебная застройка исчезла, и только в сер. XIII в. здесь вновь возникло усадебное деление и начали возводиться сооружения. В раскоп вошли внутренние части двух выгороженных частоколом наделов. Прослежена плотная застройка жилыми и хозяйственными домами. Возле одного большого жилого дома обнаружено ожерелье из стеклянных бусин, семи монетовидных подвесок с изображением «процветшего креста в круге» и двух крестовидных подвесок из олова. Рядом найдены два фрагмента берестяной грамоты 1089.

В слоях XIII–XIV вв. прослежены следы различных ремесел, основным из которых было изготовление заклепок из листовой меди, вырезанной из лома медных сосудов. Обнаружены как сами заклепки, так и несколько сот медных пластин, приготовленных для их изготовления. Среди медного лома находился фрагмент металлического зеркала вост. типа, изготовленного из халькопирита. В слое нач. XIV в. обнаружена свинцовая печать новгородского архиепископа Давида (1309–1325 гг.).

Гайдуков П. Г., Олейников О. М., 2012. Археологические исследования на Софийской стороне Великого Новгорода в 2011 г. // ННЗ. Материалы науч. конф., посвященной 1150-летию российской государственности / Отв. ред. В. Л. Янин. С. 16–21.

И. И. Еремеев, Е. Н. Носов

О РАСКОПКАХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ИИМК РАН

Ключевые слова: укрепление, лепная керамика, ладожский тип, VIII в., вал, гребень, дирхем, радиоуглерод

Раскопки имели целью изучение фортификационных сооружений Рюрикова городища, а также реконструкцию его палеорельефа. Полевые работы велись при финансовой поддержке Новгородского гос. МЗ, а также по гранту РГНФ.

Основные усилия Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН были сосредоточены на Благовещенском раскопе, в СЗ части Рюрикова городища, близ храма Благовещения.

Полевые исследования ИИМК РАН были впервые начаты здесь М. К. Каргером в 1934 г. и продолжены им же в 1960-е гг. В 1990-е гг. Е. Н. Носов провел шурфовку этой территории. В 2013 г. раскопки в сев. части городища были возобновлены и продолжались ежегодно до 2016 г.

Раскопки велись по традиционной методике пластами по 10 см, а там, где это возможно, – контекстами. Особенностью методики работ была сплошная промывка напластований, независимо от их стратиграфическо-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.52-57

го положения. Полностью промыт как современный почвенный слой, так и насыпь вала, состоявшая из чистого песка (но именно в нем был найден дирхем, важный для датировки укреплений, обломки гребней и др.). Разумеется, промыт был и ранний культурный слой.

Общая площадь раскопа составляла 118 кв. м. В минувшем году в своей зап. части раскоп был доведен до материка (завершен) на всей площади, на которой это в настоящее время возможно (60 кв. м). Глубина исследованных напластований достигает здесь 5 м. Бóльшая часть этой стратиграфической колонки приходится на вал IX в.

В вост. части раскопа, как выяснилось, на площади 40 кв. м лежат остатки рухнувшей каменной лестничной башни храма Благовещения 1103 г., поэтому исследования здесь были пока приостановлены. Разборка руин башни – задача отдельного архитектурно-археологического исследования.

Сев. часть раскопа представляет собой отходящую в сев. направлении траншею шириной 3 м и глубиной ок. 2 м. На этом уровне данная часть раскопа временно законсервирована по соображениям техники безопасности.

В предыдущие годы (в 2014–2015 гг.) на Благовещенском раскопе под валом обнаружено древнейшее средневековое поселение на городищенском холме, предшествовавшее огромной D-образной крепости сер. – 2-й пол. IX в. Оказалось, что под валом этой крепости залегает культурный слой с лепной керамикой, колотыми и обожженными очажными камнями, обломками костей животных и весьма невыразительным вещевым инвентарем. Это не должно нас удивлять – ведь речь идет о поселении – предшественнике Рюрикова городища. Городище славится яркими норманнскими древностями. Но на древнейшем поселении норманны, видимо, не играли еще ведущей роли.

Оставалось, однако, неясным – было ли первоначальное поселение укреплено, то есть было ли это городище или селище? Вопрос принципиальный – только укрепления позволяют говорить о том, что поселение могло осуществлять функции административного центра. В пользу существования здесь в VIII–IX вв. небольшого славянского городка говорил в первую очередь древний рельеф местности (наличие холма), но прямых аргументов не было. Да и находки из раннего культурного слоя были очень уж скудными.

В 2016 г. этот вопрос удалось наконец прояснить. Под валом нами был обнаружен эскарп (искусственно вырезанная в склоне ступенька) высотой до 1,5 м и шириной – до 4 м с отложившимся на нем культурным слоем и даже следами слегка углубленной в грунт постройки столбовой конструкции.

Перед нами оказались, очевидно, остатки архаичного холмового ступенчатого укрепления, близкого по своему типу фортификационным сооружениям эпохи переселения народов. В Приильменье такие примитивные укрепления изучены на городищах в Броннице (раскопки И. И. Еремеева 2013–2014 гг.) и в Городке на Маяте (раскопки

И. И. Еремеева 2003–2008 гг.). Судя по перечисленным памятникам, такие городки строились и использовались в Приильменье славянами с VI по IX в.

Областью наибольшей концентрации городищ такого типа является далекая периферия Приильменья – территория, занятая культурой псковских длинных курганов и родственными ей культурами Тушемли и Банцеровщины. Корни же этой фортификационной традиции уходят к древностям раннего железного века лесной полосы Восточной Европы (культура штрихованной керамики, днепро-двинская, дьяковская культуры, городища Прибалтики).

Время возведения первоначального городка пока не вполне понятно. Ясно, что это произошло едва ли позднее нач. IX в. Об этом говорят зафиксированные раскопками под валом следы довольно длительной жизни на холме. Остановимся на ней подробнее.

После сооружения эскарпа на его склоне какое-то время накапливался культурный слой с лепной керамикой, сползавший с площадки городища. Слой этот очень незначительный по мощности и бедный. Это понятно – ведь над эскарпом должна была находиться оборонительная стена, которая не допускала сползания грунта с площадки на склон. Более интенсивно культурный слой накапливался на площадке эскарпа, которая с самого начала использовалась для какой-то хозяйственной деятельности. Именно к этому времени относится небольшая столбовая постройка на террасе эскарпа. Нам удалось исследовать бóльшую ее часть, попавшую в раскоп (керамические фрагменты из этой постройки – самая ценная часть полученной в 2016 г. коллекции).

Затем укрепление утратило военное значение и пришло в запустение. Стена исчезла, и оплывающий эскарп потерял четкие контуры. На холме возникло пахотное поле (сохранились следы однозубого рала в материке), и эскарп постепенно оказался перекрыт слоем пахоты и делювиальным шлейфом, сформировавшимся в результате плоскостного смыва песка с пашни. Присклоновый намывной грунт скрыл под собой и углубление, оставшееся от столбовой постройки. Судя по довольно значительному по толщине пахотному слою и его слоистой структуре, пахотное поле просуществовало на этом месте довольно длительное время.

Спустя какой-то период участок снова оказался обжит, и поверх слоя распашки вновь начал откладываться культурный слой с очажными камнями. Из этого слоя происходит наибольшее количество находок – преимущественно лепная керамика. Было ли это второе средневековое поселение укреплено? На этот вопрос ответа пока нет. Если укрепления и были – в наш раскоп они не попали.

Наконец, и это поселение прекратило существование. Судя по тому, что в верхней части этого культурного горизонта наблюдается повышенная концентрация угля, поселение погибло в пожаре. Впрочем, это пока только предположение. Уголь могли выбрасывать на склон холма и специально (например, при чистке печей-каменок).

На вышеописанном культурном слое, прямо на углистой прослойке, был насыпан большой вал. Он представлял собой несколько рядов срубов-городней, заполненных песком. Строить такое сложное сооружение на крутом склоне было непросто. Для того чтобы разместить на нем ряды срубов, склон был подрезан. Использован был и старый наполовину заплывший эскарп. Городни заполнялись из разных карьеров – некоторые содержат значительные вкрапления культурного слоя, а некоторые – заполнены чистым песком. Понятно, что в первом случае песок брался с площадки городища. А вот откуда брали чистый песок – пока неясно.

Из вала происходит довольно много находок. В большинстве случаев нельзя с уверенностью сказать, попали они сюда из культурного слоя раннего поселения вместе с заполнением городней или были утеряны строителями вала. Такие находки из вала, как обломки лепной керамики, безусловно, связаны с ранним слоем.

Сложнее определиться с ладейными заклепками из вала. Могли они попасть туда из слоя. Но из ладейных досок могли быть сделаны, например, носилки, на которых носили землю в городни. Пример такого использования ладейных досок известен по одной из ладожских сопок, в которой были найдены брошенные носилки.

С валом, скорее всего, связан миниатюрный гребень типа 1а по О. И. Давидан, принадлежащий к ранним вариантам скандинавских гребенок эпохи викингов (вряд ли позднее IX в.), и арабский дирхем 172 г. х. (788 г. Р. Х.). Обе находки происходят из заполнения тех городней, в которые ссыпался чистый песок, то есть вероятность того, что они утеряны строителями вала, наиболее высока. Обе эти находки являются своего рода «визитными карточками» строителей большого вала. По крайней мере, мы знаем, что они причесывались скандинавскими расческами и расплачивались арабскими монетами.

Все эти события (от постройки первого примитивного эскарпа до возведения дерево-земляного вала) должны были занять много лет, возможно, даже много десятилетий. Очень уж велика техническая «пропасть» между примитивным ступенчатым городком и огромным валом, несомненно бывшим для своего времени (IX в.) передовым достижением инженерной мысли.

Уточнение хронологии всех этих напластований – дело ближайшего будущего, когда будут готовы датировки радиоуглеродных образцов, отобранных в 2016 г. Впрочем, кое-что можно сказать уже сейчас. Бóльшая часть керамики из-под вала (она исключительно лепная) относится к разным вариантам реберчатой посуды «ладожского типа», получающей широкое распространение в Приильменье и Поволховье в VIII в. Так что, скорее всего, первоначальное городище не древнее этого столетия.

Кроме Благовещенского раскопа, исследования велись на других участках городища.

Небольшая траншея 1 (1×3 м) была заложена к Ю от храма Благовещения. Раскопки выявили здесь культурный слой мощностью около 1 м

с лепной и гончарной керамикой и остатки построек в материке, вероятно датирующихся X в.

Как уже говорилось выше, одной из важнейших задач экспедиции была реконструкция палеорельефа городища. Палеорельеф рассматривается нами как фактор, находящийся в динамике, обусловленной в первую очередь историческими изменениями увлажненности Ильменской озерной котловины. При таком подходе наряду с археологическими исследованиями холмовой части Рюрикова городища не менее значимым становится и изучение его поймы.

У подножия вала IX в. в пойме Волхова, в 12 м от основания берегового склона заложена траншея 2. Целью этих работ были поиски рва, который, как мы знаем, опоясывал городище с Ю и В (там он прослежен археологически). Должен он был быть и с С, причем при этом выходить здесь к Волхову. Траншея имела размеры 1×8 м при глубине около 2 м. Ориентирована была вдоль берегового обрыва с С на Ю.

Результаты получились менее интересными, чем ожидалось. Прорезанная двухметровая толща аллювиальных отложений оказалась очень молодой. Практически на самом дне траншеи – на ледниковом (без прослоек органики) песке вместе с фрагментами плинфы и брускового кирпича найдены обломки поливной керамики, предположительно XIX в.

Отсутствие здесь более ранних аллювиальных напластований следует как-то объяснить. Самое резонное объяснение – пойменный аллювий не накапливался здесь в средневековье потому, что этот участок не был в то время поймой. Иными словами, до сравнительно недавнего времени на месте траншеи был еще холм, не заливавшийся паводками. Разливы Волхова стали достигать этого участка только в последние одно-два столетия. Если это действительно так, нами получены важные данные о конфигурации городищенского холма и об изменениях рельефа местности за последние столетия. Получается, прав был Н. К. Рерих, и Волхов действительно «съел» значительную часть городищенского холма.

Окончательное решение вопроса зависит от тщательного анализа всех находок из пойменных аллювиальных отложений и от результатов топографической съемки холма.

Кстати, несмотря на то, что траншея 2 сделана в переотложенном рекой слое, отсюда происходит несколько интересных находок. Среди них – кованое «блюдце» из медного сплава. Емкость могла использоваться как в ювелирном деле (для приготовления химических смесей), так и в живописи – для изготовления красок. По крайней мере, так археологи расценивают подобные находки, например, в средневековом Херсонесе. Есть в траншее и другие предметы древнерусского времени.

В процессе раскопок производился отбор образцов для разного рода анализов. Значительное количество карбонизированных органических остатков получено из культурного слоя под валом и передано специалистам из ВИРа им. Н. И. Вавилова для обработки и исследования. Отобрано 9 образцов для радиоуглеродного анализа.

Исследования на Благовещенском раскопе показали, что выбранный нами участок (Благовещенский раскоп) является одним из самых перспективных на Рюриковом городище, поскольку сохранил последовательность всех основных культурных напластований. Результаты, полученные на этом участке памятника, лягут в основу реконструкции начальных этапов функционирования важнейшего административного центра Северной Руси.

М. И. Петров

ИССЛЕДОВАНИЯ НА РАСКОПЕ НУТНЫЙ IV В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Ключевые слова: усадьба, дендрохронология, берестяная грамота, «слой запустения»

Охранные археологические исследования на участке по адресу: г. Великий Новгород, ул. Славная, 22, начаты в 2011 г. и приостановлены в связи с прекращением финансирования. Площадь раскопа составила 350 кв. м, общая глубина отложений – 6 м. Исследуемый участок расположен в центральной части Славенского конца средневекового Новгорода. В ходе исследований 2011 г. было изучено ок. 240 см отложений (средневековые слои составили 100–140 см), в них обнаружены остатки улицы и усадебной застройки, датированные 80-ми гг. XIV – сер. XV в. [*Петров*, 2012; 2015].

В 2015 г. археологические исследования на раскопе Нутный IV были возобновлены. В ходе исследований изучены 70–100 см средневековых отложений: остатки мостовой и усадебной застройки, датированы диапазоном кон. 40-х – сер. 80-х гг. XIV в. [*Петров*, 2016].

Изучение отложений раскопа Нутный IV продолжено в 2016 г. Центром по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского МЗ. Площадь раскопа осталась неизменной – 350 кв. м.

Полевые исследования завершены на уровне материковых отложений. В ходе работ вскрыто от 250 до 340 см средневековых напластований, в которых обнаружены остатки 80 сооружений и структур, 15 ярусов уличного настила. Вещевая коллекция составила ок. 3300 индивидуальных находок и ок. 90 000 единиц массового материала (обломки керамики, обрывки кожи, фрагменты костей животных). В ходе исследований отобраны керамическая и остеологическая коллекции для последующего анализа, а также взяты образцы для естественно-научных анализов (почвоведение, палинология). Дендрохронологический анализ выполнила к. и. н. О. А. Тарабардина (Новгород), датировка вскрытых усадебных отложений укладывается в диапазон 30-е XI – кон. 40-х гг. XIV в.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.57-59

Рис. 11

Хронология усадебной застройки и уличной территории показала тесную связь археологических остатков с упоминаемыми в летописи пожарами этого района города: практически все изменения застройки происходят после крупных городских пожаров.

Освоение территории участка происходит в 30-х гг. XI в., при этом периферийной застройкой занята только зап. часть раскопа (усадьба АБ). В вост. части на уровне материка выявлено значительное (до 60 см глубиной) понижение, вероятно влагонасыщенное, которое оставалось не занятым практически до сер. XII в. Вдоль вост. границы раскопа освоение территории происходит в 70-х гг XI в. (усадьба В), приблизительно в это же время возникает уличное мощение.

К сер. XII в. происходит заполнение понижения культурным слоем и усадебные границы приобретают устойчивый облик. Однако в качестве границы между усадьбами выступает не частокол, но сложная

конструкция, которая выполняет одновременно функции подпорных стенок для грунта усадеб и, вероятно, дренажной системы. Впоследствии на этом же месте практически до кон. XIV в. располагается дренажная канава, стенки которой укреплены слабоструктурированными конструкциями из кольев и бревен/жердей/плах.

Территория раскопа в основном охватывает усадьбу АБ и уличную трассу; усадьбы В и Г вошли в границы раскопа незначительными фрагментами. Усадебная застройка XI–XII вв. довольно разреженная: на территории усадьбы в пределах каждого горизонта выявлено 1–2 постройки. В отложениях 2-й пол. XII в. обнаружена берестяная грамота 1083, в которой содержатся указания ювелира приступить к работе по изготовлению двух цепей.

Практически на всей территории раскопа выявлен «слой запустения», формирующийся в результате прекращения хозяйственной деятельности на усадьбе, что, вероятно, связано с голодом и эпидемией 1215 г. [НПЛ, 1950, с. 277–280; *Петров, Тарабардина*, 2011, с. 142]. Мощность слоя достигает 25–30 см, а вероятный срок его формирования составляет ок. 20–25 лет.

Застройка 2-й пол. XIII в. также довольно разрежена. К рубежу XIII–XIV вв. относится уникальная находка: бронзовый набор рукояти меча (рис. 11), обнаруженный в границах 15-го яруса мостовой, но на том участке, где дренажная канава пересекает уличную трассу.

В XIV ст. плотность усадебной застройки увеличивается, и она приобретает относительно стабильные черты: жилой дом располагается в вост. части усадьбы, а в зап. части и у мостовой находятся вспомогательные сооружения. В отложениях 1-й пол. XIV ст. обнаружены берестяные грамоты 1081 и 1084, написанные одним почерком. В грамоте 1081, найденной на территории усадьбы, упоминается район современного оз. Лемболово, что указывает на связь жителей усадьбы с северо-западом Новгородской земли.

Археологические исследования на раскопе Нутный IV позволили уточнить хронологию освоения центральной части Славенского конца средневекового Новгорода, получить дополнительные данные об особенностях городского землепользования. Также обнаружены и исследованы не известные ранее конструкции, собрана значительная коллекция находок, в том числе уникальных. Раскоп стал источником новых данных по различным направлениям новгородской археологии и истории.

НПЛ, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.

Петров М. И., 2012. Славенский конец средневекового Новгорода: археологические исследования на раскопе Нутный-IV в 2011 г. // ННЗ. Вып. 26. Великий Новгород. С. 22–28.

Петров М. И., 2015. Археологические исследования Славенского конца средневекового Новгорода // АО 2010–2013 гг. М. С. 65–67.

Петров М. И., 2016. Археологические исследования 2015 г. на раскопе Нутный-IV // ННЗ. Вып. 30. Великий Новгород. С. 43–52.

Петров М. И., Тарабардина О. А., 2011. Динамика изменений городской территории Новгорода X–XIV вв. // АИППЗ. Материалы 57-го заседания. Псков. С. 139–147.

В. К. Сингх, А. М. Степанов,
Е. А. Тянина, И. А. Воронков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АНДРЕЕВСКОМ IV РАСКОПЕ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Ключевые слова: керамика, сруб, дренаж, пожар, дендрохронология, XVI в.

Центром по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского МЗ проведены раскопки на месте предполагаемого строительства по ул. Щитная в Великом Новгороде (руководитель работ В. К. Сингх).

Раскоп площадью 120 кв. м получил название Андреевский IV по располагавшейся к З от него ц. Андрея Первозванного.

В системе планировочной структуры средневекового Новгорода рассматриваемый участок расположен на Торговой стороне, к С от Фёдоровского ручья, в пределах вала Окольного города. Известно, что эта территория административно входила в состав Плотницкого конца. На основании данных археологических исследований установлено, что ее постепенное заселение началось не ранее сер. XIII в. К ЮВ от исследуемого участка в XII–XVI вв. находился Михалицкий монастырь, к З – каменная ц. Андрея Первозванного (впервые упоминается в 1417 г., исчезла в XIX в.) [Великий Новгород…, 2007, с. 318–319, 517]. В XVII–XIX вв. данная территория была занята малоэтажной деревянной застройкой и садово-огородными участками [*Янин*, 1999, рис. 42]. После Великой Отечественной войны этот район был застроен деревянными частными домами.

Мощность культурного слоя составила 0,7–0,9 м. Верхний перемешанный слой (0,3–0,5 м) представлял собой темно-серую огородную землю с включениями строительного мусора. В нем встречена разновременная керамика: фрагменты сероглиняной средневековой посуды, белоглиняной керамики XV–XVI вв., поздней поливной керамики и фарфоровой посуды.

Ниже на всей площади раскопа прослеживался непотревоженный культурный слой (0,3–0,4 м) – темно-серый суглинок с кирпичами, включениями кирпичной крошки, в котором отмечено несколько угольных прослоек, вероятно свидетельствующих о пожаре. Среди находок из культурного слоя – железные скобы и ножи, кузнечная наковальня, навесной замок, железистые шлаки, медные монеты XVII–XX вв., каменные рыболовные грузила, оконная слюда.

Культурные отложения покоились на материковой серо-коричневой глине. После зачистки по уровню материка выявлены хозяйственные и столбовые ямы, частокольная канавка и два впускных сооружения.

Одно из них в зап. секторе раскопа (сооружение 1) являлось поздней мусорной ямой с бытовыми предметами XX в. (в том числе серп и три ледовых конька). Она имела прямоугольную форму, стенки и дно были обложены досками. По-видимому, ее можно датировать 2-й четв. XX в.

Другое впускное сооружение (2) занимало практически всю юж. часть раскопа и было заглублено в материк на 1,0 м.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.60-62

Сооружение представляет собой впущенный в материк сруб прямоугольной формы, размерами 5,8×4,8 м. В площадь раскопа он попал практически полностью, за исключением юж. стены. Сруб, ориентированный на средневековую Молотковскую ул., рублен «в обло» из мощных сосновых бревен. Его стены сохранились на 2–3 венца. Между венцами прослежены остатки мха, а стыки бревен были промазаны глиной.

По всей площади сооружения сохранился пол из досок, уложенных на три поперечные лаги. В ЮЗ части постройки прослежен квадратный в сечении брус, вероятно, остатки внутренней перегородки помещения. В центральной части сруба зафиксированы четыре столба, поставленные на материк в специальные квадратные ниши в полу. Очевидно, они являлись опорами потолка погреба.

Под полом находилась дренажная система для отвода грунтовых вод. Конструктивно она представляет собой следующее устройство: на материк, параллельно нижним венцам зап. и вост. стен были уложены два массивных бревна (0,3–0,4 м). Вдоль них с внутренней стороны на ребро поставлены две доски, которые соединял желоб аналогичной конструкции вдоль нижнего венца сев. стены. Таким образом, получился прямоугольный желоб по периметру постройки. Для прочной фиксации стенок желобов между бревнами и досками были установлены деревянные распорки из небольших брусков. У желоба, проходящего вдоль сев. стены, частично сохранилась крышка из доски. Образованное желобами внутреннее пространство под полом было заполнено мелкозернистым песком для дополнительной гигроскопичности. К сожалению, в раскоп не попала часть дренажной системы, через которую отводилась вода.

Отобранные образцы для дендрохронологического анализа дали следующие даты: 1522, 1526, 1533 и 1535 гг. Таким образом, данная постройка была сооружена в 30-е гг. XVI в. В заполнении сооружения найдены деревянный чекмарь, два дна от бочек, железный нож. Вызывает интерес обнаруженный здесь череп медведя.

Погреб сгорел в пожаре. Его следы фиксируются на стенах сруба и на всей поверхности дощатого пола. Больше всего выгорел СВ угол сруба. Однако пол в этом углу не пострадал от огня, сохранился не выгоревший участок (около 1,0×1,0 м). Можно предположить, что здесь располагалась печь или другое отопительное устройство, из-за которого и произошло возгорание.

После пожара внутреннее пространство, очевидно, было вычищено. Об этом свидетельствует полное отсутствие обрушившихся и обгоревших деревянных перекрытий. Через какое-то время яма была заполнена строительным мусором. В заполнении сооружения обнаружено большое количество целых и битых кирпичей, датируемых 1-й пол. XVI в., а также фрагменты известняковых плит и красного ракушечника. Такие материалы применялись в средневековом Новгороде для строительства каменных церквей. Возможно, сюда они попали после разборки или перестройки одной из ближайших церквей (определение строительных материалов проведено научным сотрудником Новгородского МЗ В. А. Волхонским).

Археологические исследования СВ части Плотницкого конца в последние годы, связанные с интенсивной частной застройкой, показали дальнейшую перспективность изучения этой части средневекового Новгорода.

Великий Новгород. Энциклопедический словарь. СПб., 2007.
Янин В. Л., 1999. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв. М.

**В. Л. Янин, Е. А. Рыбина, Л. В. Покровская,
В. К. Сингх, А. М. Степанов, Е. А. Тянина**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ (ТРОИЦКИЕ XV И XVI РАСКОПЫ)

Ключевые слова: усадьба, печь, пожар, берестяная грамота, сруб, фибула

Новгородской археологической экспедицией продолжены исследования на XV и XVI участках Троицкого раскопа. Работы проведены при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных наук), проект № 16-01-18011е.

На XV участке Троицкого раскопа (площадь составляет 232,2 кв. м) продолжено изучение двух усадеб Людина конца средневекового Новгорода: «Ф» (на востоке) и «Х» (на западе). Предварительная датировка раскопанных комплексов – 1-я пол. XIII в. Также вскрыт отрезок мостовой Черницыной улицы (около 4,0 м). В 2016 г. завершено изучение яруса 7 мостовой, расчищен и зафиксирован ярус 8 – настил из плах. Датировка яруса – 1280–1282 гг. Дендрохронологический и дендрологический анализы проведены в. н. с. ЦООАИ НГОМЗ к. и. н. О. А. Тарабардиной.

На усадьбе «Х» раскопаны фрагменты небольшого однокамерного сруба (3,5×3,5 м) яруса 8. К СЗ углу сруба примыкает впускное сооружение (0,7×0,5 м), возможно погреб. Стены постройки набраны из плах, поставленных на ребро плоской стороной внутрь. Также на усадьбе доследованы остатки въезда яруса 7.

На усадьбе «Ф» завершено исследование так называемой хлебной (дворовой) печи, примыкавшей к частоколу вдоль Черницыной улицы. Она представлена мощной прослойкой пережженной глины с камнями, заполнявшей небольшие срубы из тонких бревен. Выделяется три яруса, соответствующие ярусам 6, 7 и 8 усадебной застройки. К ним примыкали вымостки из хаотично набросанных обломков дерева. Были доследованы фрагменты однокамерной постройки (3,2×2,65 м) с остатками пола и столбового опечка в центре (20-е гг. XIII в.). Венцы сев. и зап. стен рублены «в обло», у СВ и ЮВ углов бревна стен просто приставлены встык друг к другу. По-видимому, сооружение состояло из опечка и мощного настила вокруг, а стен не имело.

В 2016 г. на Троицком XV раскопе найдено 216 индивидуальных находок из различных материалов. В составе коллекции – бытовые предметы, универсальные инструменты, детали замков, ключи, украшения, детали обуви.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.62-65

Почти третью часть коллекции составляют изделия из кожи: фрагменты обуви, деталь рукавицы, детали мячей. Среди находок следует выделить полый шумящий конек-амулет с трубчатой головой и кольчатой гривой, молоток-гвоздодер с остатками деревянной рукояти, рукояти ложек с плетеным орнаментом. Продолжено исследование косторезного ремесленного комплекса, представленного опиленными рогами, в основном благородного оленя. Бедность культурного слоя находками может быть обусловлена тем, что в этом году работы проводились в слоях, характеризующих жизнь усадьбы после пожара нач. XIII в. Усадьбы, раскопанные в этой части Людина конца, предположительно принадлежали боярскому клану Мирошкиничей, владения которых были разорены в 1207 г. [*Хорошев*, 1994, с. 65–66].

Грамота 1082 обнаружена в стенке юж. профиля на уровне пласта +4 и датируется 1-й пол. XIV в. Текст грамоты: «У Ортемьи у посака три берковца». Документ принадлежит к числу долговых списков или записи оброка. В нем впервые встречено слово «посакъ», которое, по данным А. А. Зализняка, является производным от слова «посадъ» и обозначает социальную принадлежность.

На XVI участке Троицкого раскопа (540 кв. м) продолжено изучение усадьбы Людина конца средневекового Новгорода, располагавшейся на перекрестке Редятиной и Пробойной улиц. Предварительная датировка средневековых отложений – сер. XIV в. В вост. части раскопа исследованы перемешанные напластования XVIII–XX вв.

К ярусу 0 отнесены все постройки XVIII – 1-й пол. XX в. Здесь исследованы остатки валунно-ленточного фундамента каменно-деревянного дома на усадьбе мещанина М. Е. Межуева (кон. XIX в.) [Материалы…, 1901, с. 13]. В ЮВ части раскопа фиксируются остатки каменного фундамента постройки послевоенного времени, состоявшего из двенадцати каменных столбов. В центральной части раскопа продолжено исследование деревянного погреба постройки 1896–1898 гг. В вост. части сооружения установлен дренажный колодец, к которому подходила деревянная труба. В сев. и центральной части раскопа также прослежены остатки водоотводных сооружений. Все описанные выше постройки практически полностью уничтожили напластования XIV–XVIII вв.

В зап. части раскопа удалось выявить два яруса средневековой застройки и два горизонта пожаров. К ярусу 4 относятся три постройки. Одна из них представляла собой большой сруб (8,2×6,5 м), ориентированный на средневековую Редятину улицу (70-е гг. XIV в.). Сохранился нижний венец юж. стены. В качестве ее фундаментной опоры, по-видимому, служил юж. венец нижележащего сооружения яруса. Внутри сруба сохранились остатки обугленных досок пола, некоторые из которых являлись корабельными деталями. Зафиксировано также основание лестницы, вероятно ведшей на второй этаж дома. К Ю от вышеописанного прослежены остатки однокамерного сруба (4,5×4,5 м), также со следами пожара, датируемого сер. XIV в. В юж. части раскопа прослежены остатки сруба 60-х гг. XIV в. (9,0×7,0 м), практически полностью сгоревшего в пожаре. В центральной части раскопа выявлен участок дворовой вымостки.

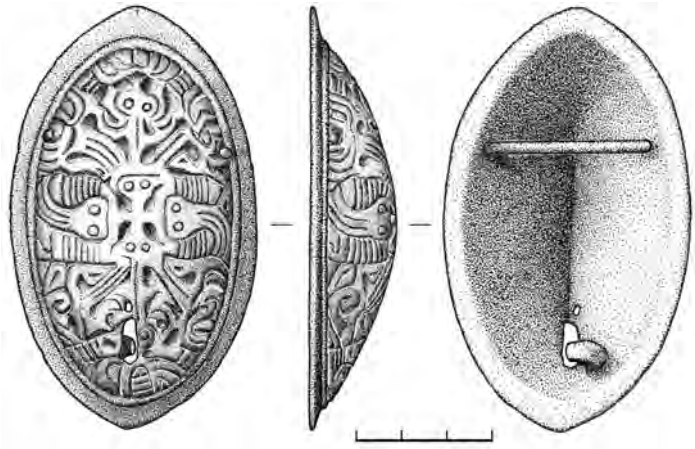

Рис. 12

К ярусу 5 отнесено две постройки. В СЗ углу раскопа, непосредственно под срубом яруса 4, зафиксирована часть сооружения, которое практически полностью повторяет его очертания. Внутри сруба сохранились фрагменты обгоревших досок пола. В юж. части раскопа зафиксирована зап. часть еще одного сруба. На этом уровне также выявлены три деревянные бочки.

На Троицком XVI раскопе найдено 424 индивидуальные находки. В коллекции представлены разнообразные предметы из всех известных в Новгороде материалов, характеризующие жизнь средневекового города в сер. XIV в. Это бытовые предметы, украшения, обломки посуды, детали ткацкого станка, детали саней. Среди железных предметов около трети составляют ледоходные шипы и скобы (в том числе ластильные), коллекция кожаных изделий представлена, в основном, деталями обуви. Обнаружено большое количество деревянных лучин, которые использовались для освещения помещений. В слое в небольшом количестве фиксируются обломки стеклянных браслетов. Встречены также предметы из янтаря.

В слое сер. XIV в. найдены две берестяные грамоты. Среди множества обрезков довольно толстой бересты обнаружены два фрагмента с записями (грамота 1085), на одном из которых было написано слово «покушаю». Оно означало «пробую», что в данном случае трактуется как проба пера. Грамота 1086 найдена в двух обрывках, соединившихся между собой. Перевод текста: «…(пришлите) сюда кадь пшеницы. А толоку устроить до святок». Слово «толока» означало работу, которая устраивалась всем селом в помощь одному из односельчан, после чего он готовил всем угощение. Это слово впервые встречается в текстах на бересте. Также найдена вислая свинцовая печать Федора Оксентьевича, полностью аналогичная двум другим, найденным в 2015 г.

Среди других интересных находок следует выделить наконечник арбалетного болта, скорлупообразную карельскую фибулу (рис. 12), шахматную фигурку (пешка), заготовку брунчалки, наконечник неолитиче-

ской стрелы (их использовали в качестве амулетов), деревянную оправу зеркала с остатками металлического зеркала и клея, на который оно крепилось (первая подобная находка в Новгороде), счетную бирку, кожаный футляр (возможно, для зеркала), денарий XI в. (из перемешанного слоя).

Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Т. I. Г. Новгород. Новгород, 1901.

Хорошев А. С., 1994. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба А) // Новгородские археологические чтения. Новгород.

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ[1]

О. Н. Адаменко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ВОЛОГДЕ

Ключевые слова: городская археология, средневековье, Заречный посад, крепостной ров, Каменье, монастырь

Археологами ООО «Старый город» проведены разведки, наблюдения, раскопки на территории исторической части г. Вологды.

В Заречной части города проведены работы по выявлению объектов культурного наследия и определению их границ. Заречный посад в эпоху средневековья являлся одним из основных элементов городского поселения, его культурный слой содержит материалы, характеризующие городскую планировку, ремесло, быт, материальную и духовную культуру вологжан. В результате работ определены параметры культурного слоя, топографические особенности нового памятника археологии «Культурный слой Заречной части города Вологды XV–XVII веков» [*Адаменко*, 2016]. Площадь объекта составила 110,71 га, протяженность границы – 10 км. На протяжении всего берега исследовано 20 участков: заложено 8 шурфов, произведены зачистки и бурение культурного слоя, собран подъемный материал. Наиболее ранние материалы выявлены в районе Никольской Владычной слободы, Георгиевского и Сретенского берегов Заречного посада: обломки ангобированных красноглиняных игрушек, сапожная подковка, железный ключ от навесного замка типа В-II, орнаментированная керамика, ранее выявлены – бронзовая серьга в виде «знака вопроса», железные ножи с отверстиями для накладной рукояти. Также в Заречье в начале ул. Варенцовой исследовался участок, отводимый под застройку. В двух шурфах общей площадью 16 кв. м изучен слой XVII–XIX вв. мощностью 1–1,3 м, в ямах – до 1,5 м. Зафиксирована деревянная конструкция в перпендикулярных траншеях в виде остатков

[1] См. также статью К. Э. Германа на с. 16.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.65-67

бревенчатого частокола (без заострения). Возможно, конструкция маркирует внешние границы участка в XVIII в. (соответствует пунктирной линии на планах Генерального межевания кон. XVIII в.). Среди находок отметим стеклянную синюю навитую бусину XIII–XIV вв., фрагменты печных изразцов. Таким образом, в Заречье в последние годы впервые был обнаружен комплекс находок, синхронных существованию Вологодского городища XIII–XV вв. на противоположном берегу р. Вологды.

Внутри крепостного рва (русла р. Золотухи) городской крепости сер. XVI в. исследован участок проектируемой застройки. Участок площадью 1089 кв. м расположен на внешней стороне оплывшего рва со стороны Нижнего посада. В шурфах и зачистках выявлена ниспадающая по склону рва стратиграфия, представленная напластованиями и засыпками преимущественно XIX–XX вв. Край рва сер. XVI в. не зафиксирован. Исследованы объекты XIX–XX вв.: кирпичная лавка, бревенчатый амбар, технологический колодец, элементы берегоукрепления. Лавка известна по фотографиям 1-й пол. XX в., картографическим материалам 1920-х гг.; в письменных и картографических источниках XVII–XIX вв. не фигурирует. Была засыпана в 1966 г. при строительстве Рыбнорядского мостового перехода через р. Золотуху. В бревенчатом амбаре постройки кон. XIX в. найдено асинхронное ему скопление красноглиняных курительных трубок «турецкого» типа (70 экз.), клейменных арабской вязью, в основном типа «тахта-чубук». Также в амбаре обнаружены монета-подвеска из полушки 1730-х гг., винные бутылки, агитационный фарфор, дверная фурнитура и др., под зап. углом – монета 1857 г. В шурфе 4 ниже сев. угла изученного амбара выявлена Г-образная конструкция на шпунтах, укрепляющая склон от осыпей, дендрохронологически датированная 1888 г. В технологическом колодце обнаружены монеты, стеклянные и фарфоровые изделия ресторанной и аптечной тематики кон. XIX – нач. XX в. В целом работы на участке позволили изучить процесс археологизации поздних объектов и слоев, заполнивших крепостной ров.

На участке раскопом площадью 64 кв. м изучен слой темно-серой супеси (0,2–0,3 м) на глубине 3 м от дневной поверхности, размежевывающий слои перемешанных ниспадающих суглинков. Мощность слоя в раскопе 0,8–2,2 м. Выявлены объекты XVIII в. – частокол, бревенчатая постройка, комплекс траншей берегоукрепления. Постройка сохранилась на уровне нижних венцов, за ее ЮЗ стеной размещалась кладка большемерного кирпича без связующего раствора. В траншеях зафиксированы фрагменты полуистлевших бревен, расположенные на незаостренных фальшсваях, образующих «клетку» берегоукрепления в условиях осыпающегося склона. В раскопе обнаружены находки XVIII в. – нательный крест желтого металла, монеты, ножи, ножницы (одни – с инкрустацией), пуговицы, пряжки, булавка типа «пусс-йеппи» и др.

Продолжено изучение территории бывшего Ильинского монастыря, расположенного на Верхнем посаде города в местности «Каменье». На участке по адресу: ул. Засодимского, 12, двумя шурфами общей площадью 20 кв. м исследован слой XV–XVIII вв. Обнаружена трасса «дорегулярной» Кобылкиной улицы, характеризующаяся раздробленной керамикой (более шести тысяч фрагментов на трех квадратах), фрагментами настила в виде древес-

ного тлена, линией ямок частокола. Найдены ножи, печные изразцы, пряжка, фрагменты красноглиняных ангобированных игрушек; редкая находка для средневековой Вологды – фрагмент бирюзового стеклянного перстня кон. XIII – XIV в. Также найден костяной конек для катания по льду – массивная кость животного со сквозным отверстием для креплений, нижняя «рабочая» поверхность конька заполирована в процессе использования. Керамическая коллекция включает фрагменты глиняных сосудов XV–XIX вв., часть из них украшена линейно-волнистым орнаментом.

Адаменко О. Н., 2016. Отчет о НИР. Выявление и определение границ объектов археологического наследия на территории Заречной части города Вологды // Архив АУК ВО «Вологдареставрация». Отдел учета. Вологда. 50 с.

А. В. Кудряшов

РАБОТЫ ШЕКСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БАССЕЙНЕ Р. ШЕКСНЫ И БЕЛОГО ОЗЕРА

Ключевые слова: поселение, неолит, эпоха раннего металла, средневековье, грунтовый могильник, трупосожжения, IX–XI вв.

Экспедиция Череповецкого музейного объединения продолжила работы по исследованию памятников в бассейне р. Шексны и Белого оз. Основные работы проводились в бассейне р. Шолы к З от Белого оз. На поселении Войлохта XXVII (Дионисов хутор), расположенном на оз. Левинском (бассейн р. Шолы), вблизи куста деревень «Комонево» в Бабаевском р-не Вологодской обл. произведены раскопки. Исследовано 104 кв. м площади памятника. Культурный слой, в значительной степени распаханный, имел мощность от 0,25 до 0,6 м. Он содержал фрагменты керамики, кремень, колотые очажные камни. Исследованы остатки наземных очагов, хозяйственные ямы. Слой содержал также железные шлаки, в том числе лепешкообразной формы. Поселение является многослойным – содержит материалы неолита, эпохи раннего металла, средневековья. Каменным веком могут датироваться обнаруженные здесь скребки, скобели, кремневые пластинки, в том числе ретушированные, наконечники стрел с двухсторонней обработкой, каменная подвеска, грузило, шлифовальная плита, ямочно-гребенчатая керамика. Имеются находки керамики, орнаментированной мелкозубчатым штампом и редкими ямками. Основная часть вещевых находок может быть отнесена к средневековью, широкому хронологическому периоду с X до XV в. Среди них имеются ножи с широкой спинкой и уступами, наконечники стрел-срезней, фрагмент остроги, рыболовные крючки, железные кованые иглы, шилья, многочисленные кованые гвозди, скобы, многочисленные обломки железных и бронзовых предметов. Среди украшений из цветных металлов, обнаруженных на памятнике, имеются шумящая подвеска с круглым спиральным щитком и бубенчиками-привесками, поясные накладки, подвеска

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.67-68

трапециевидная, бронзовая спираль, фрагменты пластинчатых браслетов, узкопластинчатый перстень орнаментированный, височное кольцо пластинчатое с «завитком». Найдены также грибовидная пуговица, два креста-тельника – XII в. (с шариками на концах) и XIV–XV вв. Среди средневековой керамики имеются фрагменты от грубых лепных сосудов, украшенных гребенчатым штампом, а также круговых древнерусских сосудов.

На памятнике Быксозеро 2, расположенном на небольшом холме у дороги из Комонево в дачную деревню Межерье Бабаевского р-на, заложен небольшой раскоп 16 кв. м, который примыкал к шурфу 2×4 м 2015 г. В шурфе найдены железные предметы и кальцинированные кости. В 2016 г. в раскопе удалось обнаружить лишь оселок и железный предмет (фрагмент инструмента). Быксозеро 2, очевидно, представляет собой небольшое поселение или хозяйственно-ремесленную зону поселения Быксозеро 1, расположенного в 200 м от памятника на берегу Быксозера.

Продолжились раскопки поселения Усть-Сойда, расположенного в среднем течении р. Шолы, начатые в 2013 г. На памятнике заложен раскоп 5 площадью 20 кв. м. Раскопом исследовался культурный слой поселения, а также часть ровика грунтового могильника с погребениями по обряду сожжения, который исследовался в 2014–2015 гг. На поселении обнаружены материалы, которые могут быть датированы от неолита до средневековья, среди них – ямочно-гребенчатая керамика, керамика эпохи бронзы, раннего железного века, лепная керамика средневековья. Среди орудий из камня имеются скребки, сланцевое тесло. В ровике обнаружены многочисленные кальцинированные кости, фрагменты лепных сосудов, фрагмент дротового бронзового кольца, четыре стеклянных бусы синего стекла со срезанными углами – три одинарных и одна двойная. На дне ровика обнаружено скопление очажных камней и углистые плашки. Могильник датируется IX – нач. XI в.

Во время разведочных работ заложены шурфы 2×2 м в г. Череповце на территории, предназначенной для строительства. Шурфы на участке по Советскому проспекту, 5, 7, обнаружили лишь поздние отложения. В шурфах на участке по Красному переулку, вблизи известного археологического памятника – поселения Соборная Горка – вместе с поздними материалами обнаружены фрагменты круговой средневековой керамики, датируемой XIII–XVI вв.

И. П. Кукушкин, Н. И. Калинина

РАБОТЫ ВОЛОГОДСКОГО ОТРЯДА СЕВЕРОРУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Ключевые слова: городище, печь, XIV в., костяное навершие

Вологодским отрядом Северорусской АЭ проводились охранные раскопки и наблюдения на территории памятника археологии «Городище XII–XV вв. – место основания г. Вологды».

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.68-69

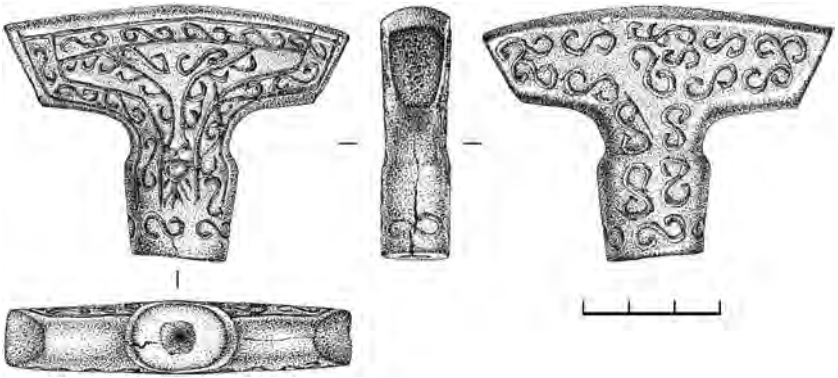

Рис. 13

При прокладке инженерных сетей к зданию по ул. Бурмагиных обследован участок, расположенный в СЗ части городища. Раскопками исследовано 22 кв. м (раскопы 39, 40), при прокладке траншей открытым способом выполнены наблюдения, на отдельных участках заложены шурфы (3 шурфа по 4 кв. м). В результате работ выявлены следы средневековых конструкций, датируемых временем не позднее XIV в. Зафиксированы следы постройки и развал печи, скорее всего глинобитной. При археологических исследованиях в раскопе 39 и прилегающих траншеях найдены: бронзовый крестик-энколпион с изображением распятия; набор всадника (2 шпоры, псалия, скребница, подкова, пряжка удил); серебряная монета «Деньга псковская»; стеклянные браслеты; железные ножи, поясной крючок; костяные рукоять, игла, проколки, пуговица; оселки (на одном из них с одной стороны прочерчена буква «N», с другой – пятиконечная звезда), другие находки. Интерес вызывает найденное на раскопе 40 костяное навершие (рукоять шила?), украшенное геометрическим орнаментом и волютами (рис. 13).

По ул. Ударников исследован раскоп площадью 425 кв. м (раскоп 14-3). Культурный слой до материка перемешан, содержит остатки строительной деятельности (скопления извести, колотого кирпича). Зафиксированы: конструкции нового времени (погреб, дренаж, яма для извести), хозяйственные ямы, следы средневековых строительно-земляных работ, одиночное погребение. Находки представляют собой преимущественно хозяйственно-бытовой инвентарь.

В результате работ получены новые данные о градостроительной истории г. Вологды, коллекция находок передана в Вологодский гос. МЗ.

II. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Д. Н. Воробьев

РАБОТЫ ТВЕРСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА В ТВЕРИ

Ключевые слова: Загородский посад, керамика, хозяйственная яма, XIV–XVI вв., XIX–XX вв.

В г. Твери проводились охранные археологические работы на участках строительства на территории бывшего Загородского посада и в границах территории объекта археологического наследия «Культурный слой г. Твери».

Бывший Загородский посад. Проведены раскопки на участке строительства жилого дома. Исследован раскоп площадью 1927 кв. м. Культурный слой представлен в верхней части балластными отложениями 2-й пол. XX в. мощностью до 0,5 м; ниже изучены: темно-серо-коричневая супесь с красной кирпичной крошкой, вкраплениями угля, желтого песка, древесного тлена 0,1–0,5 м, слой серо-коричневой супеси с вкраплением угля, древесного тлена, желтого песка, красного суглинка 0,1–0,5 м. Общая мощность культурных напластований 0,1–1,5 м, в материковых ямах до 2,9 м.

По всей площади раскопа выявлены многочисленные остатки хозяйственной деятельности жителей частных домов XX в. Находки показывают, что активное функционирование частных домов связано с периодом начиная с 1930-х гг. К более раннему времени относятся монеты 1857, 1913 гг., аптечные бутылки с гербом.

Единичные находки керамики XV–XVI вв. в слое серо-коричневой супеси показывают, что хозяйственная деятельность на исследованном участке в юж. части раскопа не имела интенсивного характера. Средневековые культурные отложения в сев. части раскопа были полностью уничтожены в результате строительной деятельности XX в. и сохранились в относительно непотревоженном виде только в отдельных материковых ямах.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.70-71

В раскопе зафиксированы 403 материковые ямы. Большинство ям относится к периоду после 1930-х гг. Отдельные ямы можно отнести ко 2-й пол. XIX – нач. XX в.

Наибольший интерес представляют три материковые ямы в СЗ части раскопа. Ямы расположены по одной линии на относительно одинаковом расстоянии друг от друга и ориентированы по линии С–Ю. Все ямы подпрямоугольной формы, размером ок. 5×5 м, глубиной от поверхности материка 1,5–1,6 м, представляли собой подполья наземных деревянных построек, одна из которых, по-видимому, сгорела. В ямах сохранились следы деревянной обноски стен, а также остатки столбовых конструкций, в них обнаружены немногочисленные фрагменты гончарной посуды XIV в. и XV–XVI вв. В одной из ям обнаружено нечитаемое медное пуло. С этим временем также связаны две частокольные канавки в зап. части раскопа, одна из которых ориентирована по линии С–Ю, другая – З–В.

Керамическая коллекция раскопа (ок. 3000) представлена преимущественно фрагментами фаянсовых сосудов XX в. (более 60%), также отмечены поливные сосуды, отдельные фрагменты сосудов из красножгущейся глины и мореных серых непрофилированных горшков. Отдельные фрагменты могут быть отнесены к XIV в. и XV–XVI вв.

В целом полученные материалы могут быть датированы периодом XIV–XVI вв., 2-я пол. XIX – XX в.

По ул. Чернышевского проведены наблюдения на участках прокладки коммуникаций к строящемуся зданию. Исследованы траншеи под водопровод и канализацию. Общая мощность исследованных культурных напластований 0,4–2,6 м. Находки, выявленные в траншеях, представлены единичными фрагментами стеклянной и фаянсовой посуды XX в.

Культурный слой г. Твери. На ул. Михаила Румянцева проведены наблюдения на участке строительства жилого дома. Исследован раскоп площадью 1481 кв. м. Культурный слой представлен балластными отложениями 2-й пол. XX – нач. XXI в. Общая мощность выявленных культурных напластований составляет 0,3–2 м. В раскопе зафиксировано 40 материковых ям, большая часть из которых является столбовыми. Также зафиксированы хозяйственные, мусорные и ямы неясного назначения. Находки, выявленные в перемешанных слоях и в заполнении ям, представлены в основном изделиями 2-й пол. XX в. (фаянсовые и стеклянные сосуды, монета «15 копеек» 1946 г., медная пуговица с изображением серпа и молота). В слое балласта найдено несколько фрагментов гончарной и поливной керамики, которые могут быть отнесены к XIX – нач. XX в. В этот период данная территория представляла собой, по-видимому, хозяйственную городскую окраину.

И. В. Исланова, Е. В. Лагуткина,
А. В. Лагуткин

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОЗ. ИМОЛОЖЬЕ

Ключевые слова: курганный могильник, поселение, эпоха бронзы, селище, XIX в.

В Вышневолоцком р-не Тверской обл. совместно с экспедицией Тверского ГУ проведены раскопки на курганном могильнике Заречье 2, выявлено ранее неизвестное поселение эпохи бронзы Заречье 1, а также доследован небольшой участок на селище Заречье 1. Курганный могильник Заречье 2, состоящий из 9 насыпей, расположен на мысу-полуострове, образованном оз. Имоложье и его старичным заливом, превратившимся в настоящее время во внутреннее озерко. Семь курганов в основании имеют округлую форму, два – удлиненную, видимо, из-за полученных повреждений при прокладке здесь ЛЭП. Насыпи интенсивно разрушаются грабителями. Первоначально памятник был отнесен к культуре псковских длинных курганов.

Исследованный курган имел округлое основание поперечником 7 м, высотой 0,6–0,7 м. С ЮЗ и В находилось два ровика, последний имел перемычку. Вершина кургана была повреждена ямой. В песчаной насыпи и в ее основании на погребенном дерне зафиксированы крупные валуны (от 0,1×0,1 до 0,4×0,3 м), не образовывающие каких-либо определенных скоплений. Остатки погребения, произведенные по обряду кремации на стороне, лежали на погребенном дерне в подпрямоугольном пятне с мелкими угольками и золой на площади размерами 1,2×0,5 м. Возможно, с погребением было связано железное кольцо, найденное на краю грабительской ямы. В заполнении рвов обнаружены углистые прослойки – остатки костров, а также три фрагмента от лепного сосуда, орнаментированного ямками по плечику. На основании этой находки и встреченным в насыпи камням, которые были помещены туда явно не случайно, курган датируется кон. I тыс. н. э.

Помимо материкового грунта на сооружение курганной насыпи пошел культурный слой периферийного участка поселения эпохи бронзы Заречье 1. Судя по найденным материалам: фрагменты лепной керамики с текстильной поверхностью и орнаментом в виде треугольных или ямочных наколов, с расчесами на внутренней поверхности, кремневые наконечник стрелы и его обломок, ножи, проколка, резчик, пластина, отщепы и чешуйки, – это поселение датируется кон. III – нач. II тыс. до н. э.

Селище Заречье 1 расположено в 0,2 км через залив от курганной группы Заречье 2 на ЮВ берегу того же озера. На этом поселении доследована юж. часть наземной древнерусской постройки. К рекогносцировочному раскопу 2015 г. сделана прирезка 6 кв. м. Общая мощность культурного слоя 0,45 м. Верхние 0,35–0,4 м слоя ранее интенсивно распахивались. Из индивидуальных находок следует упомянуть пряслице из розового шифера, небольшой фрагмент кольчуги (?) и железный ключ.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.72-73

Керамика селища представлена фрагментами в основном гладкостенных лепных сосудов кон. I тыс. н. э. и раннекруговых сосудов из красножгущейся глины с линейным и волнистым орнаментом. Единичны находки фрагментов белоглиняных сосудов и горшков 2-й пол. XIX в.

Помимо этого собран и зафиксирован подъемный материал древнерусского, позднесредневекового и нового времени, в том числе треугольная подвеска и пряжка из цветного металла, фрагмент медного сосуда, медная копейка Павла I, железное кольцо.

Н. Е. Персов

РАБОТЫ В КАШИНЕ

Ключевые слова: кладбище, погребение, гробы, XV–XVII вв., пуло, нательный крест, поливная керамика

Отряд экспедиции АНО по проведению археологических исследований «Тверская археологическая служба» провел спасательные и научные археологические исследования в г. Кашине Тверской обл. на территории объекта археологического наследия «Посад г. Кашина, XIII–XIX вв.».

Раскоп располагался вдоль существовавшей еще в средневековье дороги на Москву (старое название улицы – Московская). Согласно исследованиям по исторической топографии города, он находился где-то на границе Ямской и Кузнецкой слобод, в районе небольшого монастыря, посвященного св. Симеону Столпнику [*Мокеев*, 1990, с. 85–94]. Размеры раскопа 40,5–41×23–27 м, площадь 1013,6 кв. м. Мощность культурных напластований до материка 0,5–0,9 м, ямы заглублены в материк до 2,2 м.

В процессе работ на большей части площади раскопа выявлено кладбище (ок. 400 погребений). Сохранность костяков и гробов очень плохая. Значительная часть последних представляла собой долбленые колоды. Остатки некоторых гробов имеют признаки, характерные для сделанных из досок. При этом гвозди использовались в единичных случаях [*Панова*, 2004, с. 70–76]. Все без исключения погребения безынвентарные. Незначительное количество фрагментов керамики и отдельные предметы попали в заполнение могильных ям случайно, в процессе засыпки. Ориентировка большинства погребений – головой на З с обычными для средневековой Руси сезонными отклонениями, однако на вост. краю кладбища выявлено женское погребение, ориентированное головой на Ю. Среди поддающихся определению погребений примерно поровну мужских и женских. Зафиксированы также детские погребения. Палеоантропологическое исследование сохранившихся костяков и их фрагментов сделано заведующим Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН д. и. н. С. В. Васильевым и ст. н. с. кафедры антропологии биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доц. С. Б. Боруцкой.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.73-76

На территории кладбища выявлены остатки намогильных сооружений. Они представляют собой фрагменты гладкой белокаменной плиты трапециевидной формы, несколько довольно крупных валунных плит и скоплений из нескольких небольших валунных камней. Возможно, в этом же качестве использовались два тесаных белокаменных блока, найденных в переотложенном состоянии.

В юж. части раскопа сохранились следы хозяйственной деятельности, предшествовавшей появлению кладбища. Сооружение представляет собой яму размерами ок. 2×2,6 м, заглубленную в материк до 0,75 м, в заполнении которой найдено ок. 10 кг железного шлака. Вероятно, это предгорновая яма, связанная с железоделательным производством. Керамика из ямы датируется 2-й пол. XV – нач. XVI в., в перемещенном слое ямы – большое пуло кашинской чеканки в. к. Бориса Александровича (1425–1461 гг.). Большое количество шлака встречено также в слоях, прилегающих к этому комплексу, отдельные куски шлака – в заполнении расположенных поблизости могильных ям, в том числе – перерезавших эту яму.

У вост. края и на территории кладбища прослеживаются участки частокольных канавок – следы кладбищенской ограды, вероятно неоднократно переносившейся.

Со стороны московской дороги, вдоль вост. края кладбища обнаружены подпольные ямы наземных сооружений, расположенных в ряд довольно близко друг к другу. В заполнении многих из этих ям содержатся остатки отопительных сооружений, находившихся, по-видимому, в наземных частях построек. Датируются постройки от XV–XVI вв. до XVI – нач. XVII (?) в. Относительная скудость инвентаря и керамического материала и почти полное отсутствие женских украшений позволяет предположить, что здесь располагалась жилая и хозяйственная зона монастыря.

В то же время нельзя с уверенностью утверждать, что это не были «обычные» жилые кварталы города. Культурный слой и верхняя часть материка здесь были «подрезаны» на 0,3–0,5 м при устройстве тротуара ул. Карла Маркса (не позднее сер. XX в.). Не исключено, что при этом были уничтожены наиболее насыщенные археологическим материалом напластования.

Могильные ямы заглублены в материк на 0,6–1,8 м, подпольные ямы средневековых жилых построек – до 1,0–2,2 м. Кладбище и постройки датируются с кон. XV по XVII в., встречается единичный материал, датируемый со 2-й пол. XIV в. Самая ранняя обнаруженная на раскопе керамика датируется XIV–XV вв., самая поздняя – рубежом XIX–XX вв.

В исследованном культурном слое, ямах и сооружениях найдены 90 медных пул (больших и малых, из них с большей или меньшей уверенностью определяется тип у 40 тверских, 15 или 16 кашинских, 2 московских), 10 позднесредневековых серебряных монет, фрагмент стеклянного браслета, фрагменты предметов из железа, медного сплава (всего – 289 индивидуальных находок).

Нательных крестов найдено всего 4, при этом 2 из них – поздние (XVIII – нач. XX и XX вв.). Два других датируются XIV – 1-й пол. XV

Рис. 14. Г. Кашин. Фрагменты сосуда. *1* – общий вид; *2* – элементы декора

и XV–XVI вв. Найдены также фрагмент наперсного креста (2-я пол. XV – 1-я пол. XVII в.) и подвижное оглавие энколпиона (от XII – нач. XIII в. до XVI в.). Ни одна из этих находок не связана непосредственно ни с одним захоронением. Вероятно, кладбище перестало функционировать до распространения традиции захоронения с нательным крестом, появление которой в городских средневековых некрополях датируется XVI–XVII вв. [*Панова*, 2004, с. 160].

Наиболее интересной находкой следует признать 5 фрагментов сосуда из красножгущейся глины, внешняя поверхность которого была покрыта зеленой поливой и богато декорирована. Орнамент представляет собой вдавления круглых штампов. Всего здесь насчитывается 5 разных сюжетов: изображения Китовраса, «лютого зверя», головы какого-то существа («лютого зверя» или дракона), повернутой влево птицы с каким-то круглым предметом в клюве и орнаментальная шестилепестковая (?) розетка (рис. 14: *1, 2*). Аналоги большинства из них (за исключением птицы) известны, в частности, в Твери [*Романова*, 2009, с. 327–330, 332–333]. По определению Е. А. Романовой, сосуд из Кашина датируется XV в. Большинство фрагментов сосуда было обнаружено в подпольной яме наземной постройки (жилища?) XV–XVI вв., 1 – в яме того же времени, 1 – в слое предматерика.

В какой-то степени наличие дорогого сосуда согласуется с предположением о принадлежности исследованной жилой зоны монастырю. Среди построек нет ни одной, которая бы демонстрировала богатство или высокий статус владельца. В то же время в качестве вклада состоятельного прихожанина подобная находка вполне уместна.

Результаты работ позволяют предположить, что освоение исследованного участка территории неукрепленного посада г. Кашин началось не позднее рубежа XIV–XV вв., продолжалось в XV–XVI вв. и вплоть до настоящего времени.

Мокеев Г. Я., 1990. Кашин. Величие и нищета // Памятники Отечества. № 2. С. 85–94.
Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница. 186 с.
Романова Е. А., 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород. С. 310–339.

С. А. Рудников

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТВЕРИ

Ключевые слова: XVI–XIX вв., крест-тельник, керамика

Отряд экспедиции Тверского гос. объединенного музея провел наблюдения и раскопки на участке строительства жилого дома на Затверецком посаде в г. Твери (раскоп 95). Исследован котлован под пятно застрой-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.76-77

ки площадью 133 кв. м. Мощность верхнего слоя XX–XXI вв. в среднем составила 0,65 м. Под ним до материка прослежены слои XVI–XIX вв. средней мощностью 0,25 м. Найдена керамика, меднолитой крест-тельник и другие предметы XVI–XVII вв.

Отряд экспедиции АНО по проведению археологических исследований «Тверская археологическая служба» выполнил археологические наблюдения на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери (раскоп 122).

Площадь исследований раскопа 122 составила 472 кв. м. Средняя мощность слоя (до материка) – 0,45 м, глубина ям в материке – до 2,0 м. Зафиксированы локальные пятна сохранившегося предматерикового слоя XVI–XVIII вв. средней мощностью 0,05 м. Выше прослежены мешаные слои XX в. Проведены наблюдения на траншеях и шурфах коммуникаций к строящемуся жилому дому (площадь 263,98 кв. м). На материке выявлены слои XVI–XIX вв. Средняя мощность напластований 0,7 м.

С. М. Смирнова

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В ВЫШНЕВОЛОЦКОМ РАЙОНЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, погребения, сопка, V–VIII вв.

Отрядом экспедиции ООО «Тверские археологические исследования» проведены разведочные работы в бассейне р. Пуйга, правого притока р. Мста, вблизи дд. Пуйга и Большие Малошевины Сорокинского сельского поселения Вышневолоцкого р-на Тверской обл. Обследовано четыре известных погребальных памятника на участке площадью ок. 6,5 кв. км.

В ходе разведок проведена фиксация современного состояния известных курганных групп Пуйга 1, 2, 3 и сопковидного кургана Пуйга. Все обследованные памятники относятся к культуре псковских длинных курганов и датируются V/VI–VIII вв.

Курганная группа Пуйга 1 располагается на длинном, вытянутом в широтном направлении песчаном мысу, образованном правым коренным берегом р. Пуйга и берегом болота Богданиха, при впадении из болота протоки. В 1968 г. М. В. Фехнер здесь было раскопано 6 курганов [*Фехнер*, 1968]. В ходе настоящей разведки выявлен еще один курган; ранее считалось, что группа состоит из 31 насыпи. Из общего количества курганов 26 – полусферической формы, два длинных кургана, четыре – подовальной формы.

Курганная группа Пуйга 2 располагается на правом берегу р. Шишовка (приток р. Пуйга) на вершине песчаного холма на высоте примерно 3 м над уровнем воды в реке. Курганная группа состоит из трех насыпей, имевших, вероятно, изначально округлую полусферическую форму.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.77-78

Курганная группа Пуйга 3 располагается на краю песчаной озовой гряды, к С от оз. Шишево. Край гряды вдается в заболоченный участок поймы р. Шишовка. Группа состоит из двух явно читаемых на местности насыпей, имевших, вероятно, изначально округлую полусферическую форму. Ранее считалось, что здесь не менее четырех курганов.

Сопковидный курган Пуйга располагается на мысу высокой озовой песчаной гряды к С от оз. Шишево. Мыс вдается в заболоченную пойму р. Шишовка. Курган представляет собой насыпь, имеющую довольно крутые склоны и уплощенную вершину. Однако уплощение может быть связано с имеющимися на насыпи повреждениями.

В ходе работ составлены топографические инструментальные планы для сопковидного кургана Пуйга и курганной группы Пуйга 3, для каждого памятника предварительно определены границы охранной зоны. Свежие повреждения зафиксированы на кургане 16 курганной группы Пуйга 1 и на кургане 3 курганной группы Пуйга 2. Из всех памятников наиболее активно разрушается курганная группа Пуйга 2, так как эта территория является зоной отдыха местных жителей. Помимо этого, полы курганов ранее опахивались и разрушались в процессе сельскохозяйственных работ.

Фехнер М. В., 1968. Отчет о работах 1968 г. на территории Калининской области // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3735 (а).

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. Н. Мазуркевич

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА СЕРТЕЯ II

Ключевые слова: керамика, усвятская культура, жижицкая культура, днепродонецкая культура, энеолит

Памятник времени среднего – позднего неолита Сертея II открыт А. М. Микляевым в 1972 г. при обследовании русла р. Сертейки после проведения мелиоративных работ [*Микляев*, 1982, с. 20–21]. Культурные слои расположены в толще озерно-болотных отложений и прорезаются современным руслом р. Сертейки, левым притоком р. Западная Двина. Памятник находится в Велижском р-не Смоленской обл.

В 2016 г. работы проводились на двух участках памятника: на площади кв. И–С/27–29, И–Л/24–26, то есть на прилегающей площади, где в предшествующем сезоне были сделаны антропологические находки, и доследовались конструкции постройки 1 в подводной части памятника в квадрате С/III.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.78-81

Наиболее выразительная стратиграфия зафиксирована на первом участке в кв. Л–М/24–26: под почвенно-дерновым слоем (2–21 см) лежит слой отвала из мелиоративного канала (10–36 см), который выклинивается в вост. направлении, далее залегает слой сильно разложившегося торфа (16–40 см), ниже – слой синей глины (15–23 см). Под ним залегает коричневый сапропель с древесными остатками (14–23 см) и черно-коричневый сапропель с древесными остатками, уменьшающийся в вост. направлении (20–17 см). Далее слой оливкового сапропеля (14–32 см), ниже – слой черного опесчаненного сапропеля (17–21 см) и слой крупнозернистого серого песка с глинистыми включениями (10–16 см), который в свою очередь покоится на слое алеврита (материк). В кв. Л/25, между сапропелем черно-коричневого цвета с древесными остатками и оливковым сапропелем, вклинивается слой темно-коричневого сапропеля, мощность которого нарастает в вост. направлении и достигает 16 см. Культурные остатки и находки залегали в нижнем отделе сапропеля с древесными остатками, в черно-коричневом сапропеле с древесными остатками, в оливковом сапропеле и в слое крупнозернистого песка с глинистыми включениями. Единичные находки, сделанные в слое черного опесчаненного сапропеля, попали туда, скорее всего, в результате естественных процессов.

На площади кв. И–С/27–29, И–Л/24–26 получено несколько важных результатов и наблюдений, которые значительно изменили наши представления о данном памятнике. Керамический материал свидетельствует о многократном заселении оконечности мыса начиная с раннего неолита и до сер. II тыс. до н. э. В нижних горизонтах оливкового сапропеля и в слое крупнозернистого песка с глинистыми включениями найдены материалы, относящиеся к раннему неолиту: керамика типа «слоя В п. Сертея VIII» – V тыс. до н. э., фрагменты сосудов руднянской культуры (VI/V тыс. до н. э.), сертейской культуры (VI тыс. до н. э.) (см. о хронологии [*Мазуркевич и др*., 2016]). Последние были сильно замыты, что свидетельствует о переотложенности и разрушении культурного слоя ранненеолитического времени. Кроме этого, на данном участке найдены фрагменты от трех сосудов, которые можно отнести к культуре линейно-ленточной керамики. В слоях оливкового сапропеля найдены материалы среднего и позднего неолита (кон. IV–III тыс. до н. э.), относящиеся к усвятской и жижицкой археологическим культурам. В этом же слое найдены янтарные округлые бляшки и несколько костей человека, которые относятся к костякам, выявленным в прошлом сезоне. На площади кв. И–Л/27–29 выявлены остатки наземной столбовой конструкции (3,9×3,6 м), вытянутой по линии З–В, которая по фрагментам сосудов, найденных на полу, может быть отнесена к жижицкой культуре. В ней и около нее найдено большое количество костей лося и кабана, остатков очага не зафиксировано. Это позволяет допустить ее хозяйственное назначение.

В III тыс. до н. э. данный участок памятника находился за пределами жилой зоны основного поселения (площадь кв. О–У/1–XI), но эта территория активно использовалась для хозяйственных нужд, о чем свидетельствуют фаунистические и культурные остатки в постройке в кв. И–Л/27–29. Фрагменты глиняных сосудов, найденные в этой постройке, абсолютно аналогич-

ны сосудам из постройки 1 и 3, что позволяет синхронизировать эти объекты и участки поселения. Можно также предположить наличие еще нескольких площадок по разделке туш или их частей в слое оливкового сапропеля в линии кв. 24–25, которые сопровождаются находками керамики усвятской и жижицкой археологических культур, которая также находит прямые аналогии в керамических материалах, полученных при исследовании остатков жилых конструкций на площади кв. О–У/1–XI. Особенностью исследуемого участка являются находки посуды, не характерной для «местных» керамических комплексов, которые свидетельствуют о контактах с более южными территориями. Это керамика, имеющая аналогии в материалах днепро-донецкой культуры позднего этапа, и керамики культур энеолитического времени, распространенных в лесостепной зоне. Некоторые формы кремневых наконечников подтверждают приведенные аналогии.

В профилях раскопа хорошо виден волнистый край кровли крупнозернистого серого песка. Такой край характерен для погребенных слоев, которые подвергались лопатной перекопке [Археология Романова Двора…, рис. 41]. Следы лопатного перекопа в виде остатков трех борозд (77×9; 93×9; 28×6) были зафиксированы и в плане в кв. М–Н/29. Они заполнены суглинком синеватого цвета. Зафиксированные следы лопатного перекопа предположительно можно отнести как к поздненеолитическому периоду, так и к бронзовому или раннему железному веку. Материалы двух последних эпох зафиксированы в непосредственной близости на более высоком гипсометрическом уровне данного мыса в культурном слое α, который исследовался в 80-х гг. А. М. Микляевым [*Микляев, Короткевич*, 1991].

Проведенные в 2016 г. работы на памятнике Сертея II позволили детально обследовать пятый уровень пола в квадрате С/III в постройке 1. Частые ремонты деревянных полов в приочажной зоне обусловлены тем, что большая масса песка, на которой находился очаг, быстро приходила в негодность и нуждалась в обновлении. Эти своеобразные «закрытые комплексы» позволяют предложить более детальную хронологию археологического материала. Эти возможности особенно хорошо видны по материалам глиняной посуды. Последний, пятый уровень конструкций, исследованный в 2016 г., располагался в несколько слоев и состоял из крупных фрагментов коры и досок, покоившихся на деревянных жердях. В древности они могли упасть в яму, что и позволило сохраниться этой части существовавшего здесь свайного жилища. В кв. С/III доследована конструкция из лучин с остатками обмотки, располагавшаяся в яме. Эта конструкция могла быть элементом стен.

Археология Романова Двора. Предыстория и история центра Москвы // Материалы охранных археологических исследований / Автор-составитель Н. А. Кренке. Т. 12. М.: ИА РАН, 2009. 523 с.

Мазуркевич А. Н., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Долбунова Е. В., Семенцов А. А., Ришко С. А., 2016. Абсолютная хронология неолитических древностей Днепро-Двинского междуречья VII–III тыс. до н. э. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы в VII–III тыс. до н. э. / Ред. А. Н. Мазуркевич, М. А. Кулькова, Е. В. Долбунова. Смоленск: Свиток. С. 310–345.

Микляев А. М., 1982. О разведках свайных поселений III–II тыс. до н. э. в Псковской и Смоленской областях // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.: Искусство. С. 6–29.

Микляев А. М., Короткевич Б. С., 1991. О времени возникновения производства железа в Верхнем Подвинье (по данным раскопок слоя α поселения Сертея II на Смоленщине) // Древние памятники культуры на территории СССР / Ред. А. М. Микляев. СПб.: ГЭ. С. 4–12.

В. В. Мурашева, С. А. Авдусина,
С. С. Зозуля, С. Ю. Каинов, А. В. Панин

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: посад, клад, дирхем, жилище, радиоуглерод, курганный могильник, поселение, днепро-двинская культура

Экспедиция ГИМ продолжила полевые исследования на территории Гнёздовского археологического комплекса кон. IX – нач. XI в. в Смоленской обл. Смоленского р-на. Работы велись как на поселении, так и на территории некрополя.

Основные работы на поселении были сосредоточены в центральной части пойменного сектора. Участок, являющийся базовым для изучения планировки гнёздовского посада и динамики ее изменения, расположен на территории гряды между двумя озерами и представляет собой часть селитебной зоны гнёздовского посада (раскоп П-8, 40 кв. м). Целью работ 2016 г. стало дальнейшее изучение системы застройки поселения.

Исследованный участок лежал на материковом склоне, образованном понижением уровня дневной поверхности гнёздовского времени в сторону оз. Бездонка. По характеру использования территория разделилась на две части, между которыми выявлены следы несколько раз подновлявшихся частоколов. Вост. часть представляла собой периферию ранее исследованных объектов. Несмотря на небольшую мощность культурного слоя, удалось выделить четыре стратиграфических горизонта (А–Г). Верхняя кромка культурного слоя является слоем разрушения большого каменного очага (исследования 2012 г.). В слое, его подстилающем, найден небольшой монетный клад (потерянный кошелек?), состоявший из 8 арабских дирхемов (*terminus post quem* 932 г.).

Основным объектом зап. части раскопа явилась большая, возможно, жилая постройка, изучена ее вост. половина. Хорошо стратифицированный и не потревоженный позднейшими вмешательствами, слой заполнения котлована постройки позволил выделить четыре основных этапа существования объекта, которые соотносимы со стратиграфическими горизонтами вост. части. Длина сооружения ок. 8 м. Зафиксировано несколько уровней пола (?) жилища. Обилие ладейных заклепок позволяет предполагать

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.81-83

использование корабельных досок при сооружении объекта. Особенности залегания слоев позволяют предположить, что по мере трансформации постройки, существовавшей на одном и том же месте, степень ее углубленности (подсыпки пола?) постепенно уменьшалась. Среди находок в заполнении котлована постройки – амулет-молоточек Тора, найденный в составе слоя засыпки стратиграфического горизонта Б.

Результаты статистической обработки керамической коллекции оказались весьма выразительны: по мере удревнения слоев возрастает процент лепной керамики – от 7% в слое А до 100% в слое Г. Исследованные напластования могут быть предварительно датированы X – нач. XI в.

В силу ландшафтной приуроченности топографии пойменного сектора поселения, важной задачей полевых исследований являются работы, направленные на реконструкцию палеоландшафта. В рамках данной программы был заложен небольшой раскоп-траншея (15 кв. м) на месте протоки из оз. Бездонка в р. Свинец для получения информации об особенностях ландшафта и о характере внутреннего оз. Бездонка в эпоху классического Гнёздова. Траншея, глубина которой достигала 3,4 м от уровня дневной поверхности, вскрыла все дно протоки между ограничивающими его склонами прируслового вала. На глубине 2,0–2,2 м обнаружен прослой древесной щепы, выстилающий все дно траншеи. Слой щепы залегает на поверхности чистого, практически не заиленного аллювиального мелкого песка. Очевидно, тот же песок уходит и под прирусловой вал на сев. краю траншеи.

По щепе осины получена радиоуглеродная дата 1260 ± 80 BP или AD 660–870 (68,2%). С большой вероятностью датированная древесина относится к VIII – нач. IX в н. э., то есть она древнее принятого времени начала функционирования Гнёздова. Однако не исключено, что датированная щепа относится к сердцевине ствола и не отражает время его рубки. Второй важный факт, полученный по данной траншее, состоит в одновременности формирования протоки и прируслового вала. Полученный разрез позволяет реконструировать историю развития локального рельефа следующим образом. Щепа была набросана на поверхность, когда прируслового вала еще не было, а русло Днепра было на некотором расстоянии от этого участка берега. Котловина Бездонки уже давно существовала, но вопрос о глубине озера в то время требует дополнительных исследований. Когда Днепр подошел вплотную, началось формирование вала. Рост вала и вместе с ним дна протоки вверх обусловил и рост уровня озера, для которого протока служит порогом стока. Полученная в результате исследований участка информация будет учтена при создании реконструкции палеоландшафта пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса.

Отдельное направление работ – исследование некрополя. В **Лесной курганной группе** исследовано два кургана (Л 204, Л 205). Курган Л 204 носил следы прежних раскопок и имел вид незначительной просадки грунта в центральной части. Насыпь второго кургана (Л 205) следов повреждений не имела.

В ходе раскопок кургана Л 204 выявлены следы двух перекопов, разрушивших центральную часть насыпи. Более поздний по времени пере-

коп, по всей видимости, представляет из себя стрелковую ячейку времен Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют как форма ямы, так и несколько гильз, обнаруженных в верхней части насыпи в небольшом углублении. Отсутствие следов кострища позволяет предполагать, что изначально курган содержал погребение по обряду кремации на стороне. Остатки кремации могли находиться как на уровне погребенного дерна, так и верхней части насыпи. Нельзя исключать и возможность захоронения по обряду ингумации на горизонте, хотя в Гнёздовском могильнике не выявлено ни одного достоверного случая подобного обряда.

Второй курган, несмотря на отсутствие повреждений, вообще не выявил следов погребения. В данном случае можно предполагать, что перед нами мемоpативная насыпь (кенотаф) либо несохранившееся (ввиду особенностей химического состава почвы) погребение по обряду трупоположения на горизонте.

Наиболее важным результатом работ в Лесной группе оказалось неожиданное обнаружение под насыпью кургана Л 204 культурного слоя, находка наконечника стрелы в котором позволяет предварительно отнести слой к поселению днепро-двинской культуры (VIII в. до н. э. – IV в. н. э.). При раскопках Е. А. Шмидта в 1962 г. под насыпью кургана Л 106, расположенного в 150 м к СВ от кургана Л 204, был выявлен слой поселения, которое исследователь отнес к тушемлинской культуре (IV–VII в). Дальнейшие работы в этой части Лесной курганной группы могут ставить задачей уточнение датировки культурного слоя в обоих случаях и выявление соотношения этих двух поселений.

Несмотря на малочисленность находок, при работах 2016 г. в юж. части Лесной группы получены новые данные, позволяющие обратиться к постановке вопроса о существовании мемоpативных насыпей в Гнёздовском могильнике. А обнаруженный под курганной насыпью непотревоженный культурный слой раннего поселения расширяет наши знания о динамике заселения Гнёздова.

В. В. Новиков

МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: аэрофотосъемка, ГИС, курганы

АЭ СОГБУК «Историко-археологический и природный МЗ „Гнёздово“» осуществила работы по мониторингу современного состояния сев. части Центральной курганной группы (ЦКГ), которая является частью Гнёздовского археологического комплекса, расположенного в окрестностях г. Смоленск.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.83-85

ЦКГ расположена на правом берегу р. Днепр на первой надпойменной террасе западнее р. Свинец, правого притока Днепра. Полотно Витебской железной дороги разрезает группу с З на В на две неравные части. Сев. часть ЦКГ, охватывающая площадь ок. 11 га, более всего пострадала от антропогенного и техногенного воздействия. Она расположена на территории современной д. Гнёздово, повреждена тремя значительными по площади карьерами, современным кладбищем, дорогами, свалками и объектами эпохи Великой Отечественной войны.

Раскопки курганов в ЦКГ до нач. 1950-х гг. производились М. Ф. Кусцинским, В. И. Сизовым, А. С. Уваровым, С. И. Сергеевым [*Авдусин*, 1999, с. 10–13], К. Раддатцем [*Raddatz*, 1991, с. 150–168] и др. Точное число и месторасположение исследованных курганов установить невозможно из-за отсутствия каких-либо планов и схем. Примерное число составляет ок. 416 насыпей. Экспедиция МГУ им. М. В. Ломоносова начала исследования в сев. части ЦКГ в 1950 г. и за это время исследовала 200 насыпей. В 2015 г. экспедиция ГИМ исследовала еще 2 насыпи. В это число входят не только нетронутые насыпи, но и курганы, частично исследованные в XIX – нач. XX в. или поврежденные.

Первый подсчет количества курганов сев. части ЦКГ произвел в 1923 г. А. Н. Лявданский. Он указал 806 насыпей и отметил, что еще 400 курганов уже уничтожено местными жителями [*Лявданский*, 2002, с. 188–189, табл. XXXII–XXXIII]. В 1950 г. сотрудник САЭ МГУ им. М. В. Ломоносова М. Н. Кислов снял первый инструментальный план курганных насыпей в сев. части ЦКГ [*Авдусин*, 1999, с. 12–20], однако включил в него не все насыпи. С этим планом в 1990-е гг. работал Ю. Э. Жарнов. В своей диссертации он снабдил план дополнительными указаниями на обряд погребения, определил номера курганов, исследованных экспедицией МГУ, но также учел не все курганы [*Жарнов*, 1992]. В 2001 г. визуальный осмотр состояния курганных насыпей был осуществлен экспедицией МГУ им. М. В. Ломоносова. Для отдельных участков сев. части ЦКГ был произведен учет количества сохранившихся курганов и дано описание разрушений.

Самым ценным источником для работ по мониторингу состояния группы стала немецкая аэрофотосъемка 1944 г., обнаруженная нами в процессе поиска архивных материалов. На ней четко видны курганы сев. части ЦКГ до начала активной хозяйственной деятельности на этой территории.

Значительный объем информации дали спутниковые снимки (2001–2013 гг.) и топографические карты. Кроме того, в процессе мониторинга в июле 2016 г. была осуществлена съемка при помощи БПЛА Геоскан-101 с высоты 250 м. Это позволило получить актуальную топооснову на базе ортофотоплана с разрешением 1 пиксель – 5 см.

Все собранные данные мы объединили в единую базу ГИС (программа ARCMAP), соотнеся между собой все доступные планы и чертежи с нач. XX в. с данными, полученными в последние годы.

В ходе работ осуществлялись визуальный осмотр и фотофиксация курганных насыпей. Съемка проводилась в два этапа – весной (апрель) и осенью (кон. октября – нач. ноября), когда листовой и травяной покров минимален.

Выявленные в процессе мониторинга курганные насыпи были привязаны при помощи GNSS-станции Leica в системе координат WGS84 UTM N36. Это позволило составить точный инструментальный топографический план сохранившихся насыпей с погрешностью ± 20 см. Работы осуществлялись совместно с Лабораторией инженерной геофизики РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина.

Согласно архивным данным, в сер. XX в. сев. часть ЦКГ насчитывала не менее 748 насыпей (точно это число установить невозможно). Мониторинг 2016 г. выявил остатки всего лишь 137 насыпей разной степени сохранности. При этом отрицательная динамика сохраняется: по меньшей мере 23 насыпи было уничтожено со времени последнего мониторинга 2001 г.

В результате мониторинга определен перечень курганных насыпей, требующих аварийно-спасательных работ и доследований. Кроме того, очевидна необходимость комплексной рекультивации курганных насыпей – засыпки центральных колодцев, очистки от мусора и сорного подлеска.

Авдусин Д. А., 1999. Обзор местоположения. Главы из монографии «Гнёздово» (1992–1993) // Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Часть 1. Труды ГИМ. Вып. XXXVI.

Жарнов Ю. Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя // Дис. … к. ист. н. М.

Лявданский А. Н., 2002. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Вып. 2. Смоленск.

Raddatz K., 1991. Archaeologische Beobachtung in Gnezdovo bei Smolensk // Neues Ausgrabungen und Forshungen in Niedersachsen. Band 19, Hildesheim.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова

ЗАВЕРШАЮЩИЕ РАБОТЫ В ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ НА РЕКЕ ИСТРЕ

Ключевые слова: историческая археология, реставрация, архитектурная археология, изразцы, погребения, каменные ограды

2016 г. был последним годом активных полевых исследований, начатых в 2009 г. по программе восстановления Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря [*Беляев*, 2013, с. 30–41; 2016, с. 400–417]. Раскопок в 2016 г. не проводилось, все работы связаны с устройством инфраструктуры, вертикальной планировкой, новым строительством, зато сопровождение охватило значительную площадь. Самые серьезные исследования шли в трех пунктах: за стеной монастыря, на сев. склоне по линии

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.85-87

Рис. 15

опорного моста вокруг Ефремовой башни; в ЮВ части в ходе восстановления Южного братского корпуса; при прокладке коммуникаций.

Ефремова башня. Сложная по устройству нижняя часть башни исследовалась в режиме раскопок и мониторинга с 2009 г., но в 2016 г. ее раскрыли полностью. На крайних частях обкладки обнаружились кирпичные опорные столбики, которые в прошлом несли обходной арочный мост (1690-е гг.), окружавший башню и соединявший два отрезка дороги вдоль внешней стены монастыря (мост разобран в кон. XVIII в.). Удалось уточнить конструкцию опор (они соединены друг с другом арками, имеют разную высоту) и даже их количество (восемь). Опоры сложены из кирпича 30–32×15–16×8 см на известковом растворе, базы белокаменные, фундамент булыжный.

Южный Братский корпус был разобран в кон. XVIII в. Потребовалась существенная по объему выемка грунта, сохранены каменные основания [*Бадеев и др.*, 2013, с. 59–67]. Выяснено, что при закладке стен в кон. XVII в. под них подложили слой плоских деталей из белого камня, вторично использованных. Об их назначении трудно судить: это серия плоских дисков с двумя треугольными выступами по оси диаметра, несущие двухцветную роспись «в шахмат» (красно-охристый и черный); два камня, возможно, происходят от гребешков и волют. Исключительно важная находка в той же зоне – личная прикладная печать с надписью «Старца Павла» (рис. 15). Монах с таким именем известен среди «келейных чад», упомянутых в духовной архимандрита монастыря Германа I (†11 декабря 1682) и, позже, в перечне «служебных старцев» 1685 г.

В углу между ЮВ стеной юж. притвора и юж. краем переходов к Подземной ц. Воскресенского собора при прокладке траншеи был открыт «Склеп с изразцами» (стенки могилы выложили изразцами, получив подобие склепа). Изразцы положены на глине, лицевыми пластинами в склеп, куда часть их и обрушилась.

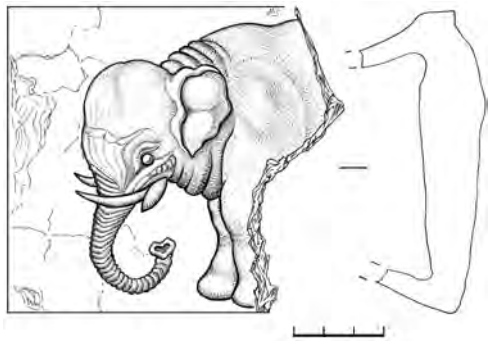

Рис. 16

Изразцы рельефные красноглиняные без поливы, трех типов: ковровый растительный узор из тонких сплетающихся ветвей с листьями, сплошной (таких большинство); центрованный с выпуклым медальоном, в который вписана ваза с цветами (тюльпаны?); упрощенный с вычурным картушем и четырехлистником, нарезанный сочно, но грубовато. Дата – последние годы XVII – нач. XVIII в. (вероятно, изразцы взяли из остатков или из брака). Возможная идентификация: Дарья Михайловна Нащокина (+ 1718).

К эпиграфическим находкам относятся фрагменты букв изразцовой монументальной надписи, не побывавшие в кладке. Среди находок изразцов начала (?) XVIII в. выделяются: угловой изразец из кобальтово-белой серии с фигурами-налепами; фрагмент с серо-зеленой «землистой» глазурью из группы, восходящей к книге «Символы и эмблематы»; экземпляр с рельефным изображением слона, которое дополнило обширный «керамический бестиарий» Нового Иерусалима (рис. 16). Найдена и вещь гораздо более древняя, чем монастырь: бронзовый кельт (II тыс. до н. э.?), дополнивший коллекцию древних предметов поздней бронзы и раннего железа из Нового Иерусалима [*Беляев и др.*, 2016, с. 85–98].

Бадеев Д. Ю., Русаков П. Е., Майорова Е. В., 2013. Старый деревянный дворец и Каменные палаты в Ново-Иерусалимском монастыре: археологические исследования 2009–2011 гг. // РА. № 1. С. 59–67.

Беляев Л. А., 2013. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. № 1. М. С. 30–41.

Беляев Л. А., 2016. Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы науч. конф. / Отв. ред. Л. А. Беляев, А. В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера.

Беляев Л. А., Ершов Н. И., Зеленцова О. В., Кузьминых С. В., 2016. Древнейшие находки на территории Ново-Иерусалимского монастыря: материалы работ 2009–2014 гг. // РА. № 1. С. 85–98.

М. А. Бишутин, В. В. Миненко, Р. А. Федонин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОЗЕРСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: курган, селище, керамика, эпоха бронзы, ранний железный век, дьяковская культура, средневековье, XI–XIII вв., XVI–XVII вв.

Сотрудниками Подмосковной АЭ отдела сохранения археологического наследия ИА РАН проведены разведки на территории Озерского р-на Московской обл. и обследованы три памятника археологии, известные по архивным данным: курган Сосновка, селище Сосновка 2 и Сосновка 9. В ходе работ проведен мониторинг современного состояния, уточнены их местоположение, границы и датировка.

Курган Сосновка (XII–XIII вв.) находится на опушке леса у З окраины с. Сосновка Озерского р-на Московской обл., на первой надпойменной террасе правого берега р. Оки (правый приток р. Волга). Насыпь подовальной в плане формы размерами 15×10 м (вытянута по линии ЮЮЗ–ССВ), высота 1 м. Ровики вокруг основания насыпи кургана не зафиксированы. Возможно, ранее курган был раскопан поперечной траншеей. Его современное состояние – удовлетворительное. По внешним признакам датируется древнерусским периодом XII–XIII вв.

Селище Сосновка 2 (эпоха бронзы, ранний железный век, XI–XIII вв., XVI–XVII вв.) находится в центре с. Сосновка Озерского р-на Московской обл., на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Оки. Площадка селища имеет подовальную в плане форму размерами ок. 60×50 м, длинной стороной ориентирована по линии ЮЗ–СВ. К СВ краю площадки примыкает небольшой пруд-копань с родником, из которого вытекает ручей. Верхняя часть культурного слоя частично повреждена постройками села и распашкой под огороды. В ходе обследования собран подъемный материал: фрагменты лепной гладкостенной и сетчатой керамики дьяковской культуры раннего железного века (I тыс. до н. э.), а также обломки круговых сосудов древнерусского времени (XII–XIII вв.) с линейной орнаментацией поверхности и позднесредневековой керамики (XVI–XVII вв.).

Ранее, при первичном обследовании территории селища Сосновка 2 в 1990-х гг. (В. Ю. Коваль), кроме материалов указанных периодов, также была найдена лепная керамика со «шнуровым» орнаментом эпохи бронзы и раннекруговая керамика XI в. с волнистым и линейным орнаментом.

Селище Сосновка 9 (IX–XII вв.) обнаружено и обследовано В. Ю. Ковалем в 2005 г. На селище были заложены 4 шурфа размерами 2×2 м, в которых прослежен культурный слой общей мощностью до 55 см и ямы в материке, содержавшие лепную и круговую керамику IX–XII вв., а также зафиксированы погребения позднесредневекового кладбища XVI–XVIII вв.

Селище находится в СЗ части с. Сосновка Озерского р-на Московской обл., к ЗСЗ от кирпичной ц. Покрова Пресвятой Богородицы (1895 г.) и расположено на пологом склоне надпойменной террасы правого берега

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.88-89

р. Оки. Площадка памятника имеет подовальную в плане форму размерами 80×50 м (длинной стороной ориентирована по линии З–В). В 40 м к СЗ от селища находится пруд с родником (в настоящее время здесь оборудована купель сельского храма). Территория селища на бóльшей части задернована, поросла разнотравьем, на отдельных участках растут лиственные деревья, в СВ и зап. частях находятся постройки. Кроме этого, проезжая часть сельской улицы заасфальтирована. Участков обнажений культурного слоя на момент осмотра в 2016 г. не обнаружено, в связи с этим сбор подъемного археологического материала не проводился.

В. Ю. Коваль, И. М. Андрианов, И. В. Волков,
С. В. Буренков, А. А. Еремеев, А. Н. Медведь,
Д. О. Осипов, Д. В. Родичкин, П. Е. Русаков,
Е. Ю. Тавлинцева, В. И. Храпов

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО И В ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Ключевые слова: средневековье, ранний железный век, дьяковская культура, ров, весы, селище

Ростиславльской экспедицией ИА РАН проводились работы как на самом городище Ростиславль, так и на примыкавших к нему селищах (Ростиславльское I и V, являющиеся частями городского посада), а также на селище Сосновка IV, представляющем собой остатки раннеславянского поселения VIII–XI вв. на месте селищ дьяковской эпохи и VI–VII вв. Общая площадь вскрытий составила 435 кв. м.

На городище Ростиславль за отчетный сезон пройдены 7 раскопов общей площадью 316 кв. м. Все раскопы представляли собой прирезки к площадям, исследовавшимся в прошлые годы.

Интересные результаты получены на раскопе I в центре площадки городища, где впервые выявлены остатки трех пахотных горизонтов – современного, средневекового и эпохи раннего железа (на них проведены палеопочвенные исследования). В ходе раскопок на средневековом кладбище в сев. части площадки (раскоп II) изучался участок к С от церковного места, который никогда не был заселен. Здесь под могилами были обнаружены несколько округлых в плане ям диаметром 1–2 м и глубиной до 1 м, заполненных материковым суглинком, назначение которых (равно как и причины ликвидации) неясно. Судя по единичным обломкам керамики из этих ям, они относились к XIV в.

Продолжение исследований на вост. склоне мысовой площадки Ростиславля привело к открытию на раскопе IV полностью засыпанного в первые века новой эры рва шириной 3 м и глубиной до 1 м. Ров начинался под вост. концом вала раннего железного века и, вероятно, опоясывал

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.89-91

Рис. 17

вост. склон мысовой площадки. Вероятно, именно благодаря нему в этом месте образовался уступ (терраска), сохранившийся до наших дней.

На самой площадке городища дьяковской культуры в раскопе V было завершено изучение раннедьяковской (III–I вв. до н. э.) жилой постройки («длинного дома»), начатое экспедицией в 1998 г. К сожалению, сев. край этой постройки оказался полностью уничтожен эрозией (размывом склона, случившимся, вероятно, в XVII в. или позднее).

Раскопами VII и VIII продолжено изучение участков, примыкавших к валу (остаткам дерево-земляной стены) Ростиславля, где размещалась довольно редкая застройка XIV–XVI вв. с обширными пространствами без всяких остатков построек. Общая планировка этой части городища не вполне ясна.

На раскопе IX завершены работы на траншее длиной 8 м, заложенной вниз по склону, обращенному к Оке. В результате двухлетних исследований тут был зафиксирован край городни от стены, древесина не сохранилась, но четко было видно различие заполнявшего городню и присыпанного к ней снаружи грунта. Ниже по склону (на 5–6 м ниже края площадки городища) обнаружена подрезка склона и площадка шириной

более 1 м, вытянутая почти горизонтально поперек склона. Это мог быть эскарп или дорожка, проложенная по склону. Для датировки этого объекта данных мало, поскольку археологический материал тут отсутствовал, однако стратиграфия разреза свидетельствует, что выемка на склоне была затянута грунтом не ранее разрушения дерево-земляной стены, то есть после XV в.

Исследования на посаде Ростиславля (селищах I и V) проводились методами раскопок и шурфовки. В раскопе на селище I возобновлено (после многолетнего перерыва) изучение самого большого по площади участка посада Ростиславля (не менее 2,5 га), где обнаружено пятно прокала от печи, стоявшей на древней дневной поверхности, и обнаружен обломок предмета из медного сплава, который, возможно, представлял собой монетные весы (рис. 17). Весы такой конструкции обычно изготавливали из рога, однако изредка встречаются и металлические. Данный экземпляр отличает вычурный декор.

Возобновление раскопок на селище Сосновка IV в ближайших окрестностях Ростиславля позволило продолжить изучение периферийной части площадки, на которой при относительно небольшой плотности находок встречаются целые вещи. В отчетном сезоне это была целая подковообразная спиралеконечная фибула из белого металла, относившаяся, вероятно, к финальному этапу жизни поселения (X – нач. XII в).

А. В. Лазукин

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Ключевые слова: XV–XVII вв., ров, Царицыны палаты, постройка

Археологические раскопки проводились в ЮВ части Саввино-Сторожевского монастыря (г. Звенигород Московской обл.), где был разбит раскоп 1. В зону исследования попал участок между Царицыными палатами и крепостной стеной (1650–1654 гг.). Работы организованы ГБУК Московской обл. «Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей».

В ходе исследований вскрыта площадь 18 кв. м, на которой выявлены и обследованы верхние уровни белокаменных оснований дворца и крепостной стены, прилегающие к ним участки культурного слоя с материалом XV–XVII вв. и, позже, фундаментный ров крепостной стены, материковые ямы (преимущественно, столбовые), постройка 1. В бортах участка зафиксирована стратиграфия отложений, поверхность материка, профиль фундаментного рва стены. Культурный слой на участке оказался нарушен перекопом под коммуникации и кирпичным фундаментом крыльца Царицыных палат – реставрация советского периода, но в целом состояние участка можно признать удовлетворительным. На поверхности материка

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.91-92

зафиксирована погребенная почва с керамикой XV–XVI вв., что говорит об освоенности этого участка до сер. XVII в. – периода грандиозного каменного строительства.

Постройка 1 частично перекрывалась фундаментами Царицыных палат. Это подземная часть сооружения прямоугольной формы габаритами 2,2–2,0×1,7–1,5 м при глубине ок. 40 см. Ориентирована она длинной стороной по оси С–Ю. По углам сооружения зафиксированы столбовые ямы (яма 1, ст. яма 1 и ст. яма 2), а в верхних горизонтах между ними удалось проследить полоски древесного тлена – остатки дощатых стен между столбами. По материалу из ее заполнения постройка датирована XVI в.

Ширина фундаментной траншеи (рва) незначительно превышает проектную толщину крепостных стен этого участка (2,3 м) и составляет 2,4–2,5 м, глубина не менее 1,8 м; в основании фундаментов выкладывались необработанные или грубо отесанные камни известняка; их внешняя поверхность обмазывалась сырой глиной; верхний уровень фундамента соответствовал дневной поверхности участка; выше этого основания выкладывался цоколь – один ряд обработанных белокаменных блоков размером 40×25×20 см на известковом растворе; поверх цоколя велась кладка из кирпича 25–28×14,5–15,0×7,5×8,0 см, так же на извести.

Коллекция индивидуальных находок представлена изделиями из черного, цветного металла и керамики – серебряными и медными монетами XVI–XVII вв. ручной чеканки, книжной застежкой, массивным топором, обломками глиняных грузил.

Д. В. Ожерельев, С. Ю. Лев

РАБОТЫ ЗАРАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Ключевые слова: стоянка, верхний палеолит, очаг, костенковско-авдеевская культура

По результатам многолетних исследований Зарайская стоянка, будучи одним из ключевых объектов для понимания путей развития восточного граветта на Русской равнине, на сегодняшний день представляет собой группу памятников, разнесенных во времени и пространстве. Речь идет о хронологическом периоде между 23-м и 16-м тыс. л. н. Стоянки были обозначены начальными буквами латинского алфавита от А до D – последний пункт был выявлен в 1999 г. Планомерные научные раскопки многослойного поселения Зарайск А (1995–2005, 2012 гг.) и однослойного Зарайск В (2006–2011 гг.) велись экспедицией ИА РАН под рук. Х. А. Амирханова и впоследствии С. Ю. Льва [*Амирханов*, 2000; *Амирханов и др.*, 2009; *Лев*, 2002]. Раскопками было установлено, что палеолитический культурный слой Зарайска А, открытого А. В. Трусовым в 1980 г., который вел работы до 1995 г. [*Трусов*, 1985; 2014], сильно пострадал при строительстве Никольской башни кремля, прокопке внешнего оборо-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.92-94

нительного рва и рытье коммуникаций в XX в. Зарайск В находится частично под городской застройкой и сильно потревожен коммуникациями. Зарайск С, занимающий соседний мыс, практически полностью расположен под частной застройкой.

Шурфовка, проводившаяся ранее внутри кремля, наличие слоя *in situ* не выявила. В шурфе, заложенном в СЗ углу кремля А. В. Трусовым в 1983 г., было найдено два отщепа в супесчаных отложениях без выраженных признаков культурного слоя. В то же время один из шурфов, заложенный тем же исследователем в 1982 г. снаружи зап. кремлевской стены, дал богатый материал, хотя и затронул в основном участок, разрушенный внешним оборонительным рвом [*Трусов*, 2014, с. 28–29].

В сезоне 2016 г. Зарайская АЭ ИА РАН после трехлетнего перерыва возобновила исследования в г. Зарайске. Работы инициировал Гос. МЗ «Зарайский кремль» в рамках программы научной реставрации ансамбля Зарайского кремля. Начавшиеся работы по устройству архитектурной подсветки предполагали земляные работы. Учитывая огромное значение двух памятников – культурного слоя самого кремля и Зарайской верхнепалеолитической стоянки, – было предусмотрено археологическое наблюдение, которое оказалось весьма результативным.

Таким образом, на новом витке исследований работы получили характер разведывательных. Траншеи проходили внутри кремля в его СЗ углу вдоль прясел от Никольской до Егорьевской башни, а также снаружи по всему периметру кремля [*Лев*, 2017, с. 102–113]. Всего 15 траншей разной длины, ширина 0,5 м, проектная глубина 0,7 м, но сильно варьировала в зависимости от участка, наличия/отсутствия культурного слоя. Общая длина траншей составила 1035 м. Общая вскрытая площадь достигала 517,5 кв. м. Площадь, на которой был выявлен палеолитический культурный слой, составила 68 кв. м и затронула траншеи 2, 4 и 6. В рамках проведенных работ сделан 71 разрез с полным документированием и фотофиксацией. Из них в 21 разрезе был обнаружен палеолитический культурный слой *in situ*. Были также сделаны поперечные разрезы оборонительного рва XVI в.

По результатам археологических работ 2016 г. в Зарайском кремле обнаружено как минимум два участка палеолитического культурного слоя большой мощности и исключительной насыщенности материалом. Один из них расположен возле угловой Караульной башни – как снаружи, так и внутри. Наиболее яркой находкой стало обнаружение большого очага костенковского типа. Его диаметр 110 см, глубина не менее 35 см, дно и стенки несут следы длительного воздействия высоких температур. Заполнен очаг костным углем разной плотности и степени обожженности, заполнение структурировано, что позволяет предполагать его неоднократное использование. Как мы знаем на примере Зарайска А, Костенок 1 и Авдеево, подобные очаги формируют центральную линию поселения костенковско-авдеевской археологической культуры [*Амирханов*, 2000; *Лев*, 2002; 2017]. В данном случае также велика вероятность обнаружения новой жилой площадки, можно предположить наличие и других углубленных объектов культурного слоя: различных хозяйственных ям, полуземлянок. С внешней

стороны кремлевской стены у Караульной башни обнаружен и частично исследован углубленный объект (типа полуземлянки) с непереотложенным палеолитическим слоем большой мощности и обилием находок, связанный, скорее всего, с комплексом внутри кремлевских стен.

Вблизи проездной Егорьевской башни находится еще один участок культурного слоя, мощность которого доходит до 40 см. Между этими двумя пунктами насыщенность слоя заметно уменьшается, что позволяет сделать предположение о возможности существования двух неизвестных ранее стоянок эпохи палеолита (Зарайск E и F). Если выводы подтвердятся по результатам планируемых раскопок широкими площадями, количество палеолитических стоянок в Зарайске (а часть из них многослойные) достигнет шести. Продолжение раскопок широкими площадями вдоль стен кремля запланировано на ближайшие сезоны.

Анализ каменных орудий позволяет уверенно говорить об их принадлежности к костенковско-авдеевской археологической культуре. Общее число находок достигает 3976 экземпляров. Собраны также коллекции керамики (83) и индивидуальных находок (32) из позднесредневековых отложений, проведен статистический анализ керамики и фаунистического материала.

Амирханов Х. А., 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 248 с.

Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н., 2009. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Палеограф. 466 с.

Лев С. Ю., 2002. Критерии хронологического расчленения объектов культурных отложений (очаги Зарайской стоянки) // Зарайск. Т. 2. Проблемы и перспективы духовного и культурного развития. Зарайск; М.: Древлехранилище.

Лев С. Ю., 2017. Палеолитический культурный слой в Зарайском кремле // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья. Сборник материалов IX и X регион. научно-практич. конф. / Ред. Э. Э. Фомченко. Ступино.

Трусов А. В., 1985. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // СА. № 3.

Трусов А. В., 2014. Каменные изделия и хозяйственные объекты Зарайской стоянки. 1980, 1982–83, 1989, 1990, 1994–95 гг. раскопок. М.: Репроцентр-М. 132 с.

О. Л. Прошкин, Г. Н. Пронин

РАСКОПКИ НА ОБЪЕКТАХ НОВОСТРОЕК МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: селище, денги, керамика, XVI–XIX вв.

Клязьминским отрядом Подмосковной экспедиции ИА РАН проводились исследования на селище Балашиха 12 на участке землеотвода под хозяйственное освоение, а также на селище Петровское (Раменский р-н) на участке под строительство ЦКАД. Финансирование работ осуществлялось ООО «УК „Скай Лэнд“» и ООО «Стройновация».

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.94-96

Селище Балашиха 12 расположено в юж. части г. Балашиха на 22-м км автодороги М7 «Волга» на правом берегу р. Пехорки (левый приток р. Москвы) при впадении в пойму реки оврага. Высота над уровнем воды в реке 2–5 м. Удалено на СЗ от русла р. Пехорка от 50 м до 131 м. Площадка селища относительно ровная и имеет уклон в сторону реки и оврага (к ЮВ и С).

В плане селище вытянуто по линии СВ–ЮЗ вдоль берега р. Пехорка на 120–125 м, по линии СЗ–ЮВ – до 76 м. Площадь памятника составляет ок. 4400 кв. м.

Памятник обнаружен в 1990 г. Московской АЭ ИА РАН под рук. С. З. Чернова [*Чернов*, 1990]. В 2009 и 2010 гг. им же было проведено повторное обследование памятника, а в 2011 г. проведены охранные археологические исследования [*Чернов*, 2011]. В 2015 г. А. Е. Кравцовым были проведены дополнительные научно-исследовательские работы разведочного характера [*Кравцов*, 2016].

В 2016 г. на памятнике проводились археологические раскопки на площади 1532 кв. м. В результате работ выявлен и изучен культурный слой мощностью до 80 см и до 160 см в заполнении ям, содержавший 150 индивидуальных находок (предметы быта, детали костюма, монеты и др.), фрагменты и части круговых сосудов, фрагменты и целые формы стеклянной посуды и др. Выявлено и исследовано 58 различных объектов (ямы хозяйственные, столбовые, ровики, остатки каменно-кирпичных фундаментов и др). Большой интерес представляют остатки каменно-кирпичных фундаментов строений суконной фабрики, впервые указанной на Топографическом плане окрестностей Москвы 1852 г. [Топографическая карта Московской губернии, 1860]. В числе датирующих находок: монеты «денги» и «полушки» 1-й пол. – сер. XVIII в., крест-тельник XVIII в. Полученные материалы датируются в пределах XVII–XIX вв.

Селище Петровское открыто в 2009 г. в результате охранных археологических разведок, проводившихся А. Е. Кравцовым [*Энговатова и др.*, 2009]. В 2013 г. отрядами Подмосковной АЭ под рук. Р. А. Мимохода, а затем Р. Н. Модина в сев. части селища проведены археологические раскопки (раскопы 1, 2) [*Модин*, 2014].

Селище находится к Ю от д. Петровское, занимает часть слабовыраженного мыса между двумя лощинами на участке водораздельной возвышенности левого берега р. Москвы. Площадка памятника имеет пологий уклон к Ю, в сторону лощины (перепад высот 1–1,5 м), и более выраженное падение высот к С и СВ, в сторону второй лощины (перепад высот на этом участке 1,5–2 м). Абсолютные отметки по Балтийской системе высот 114–115,5 м. Площадка селища имеет неправильно-овальную в плане форму, вытянута по линии ССЗ–ЮЮВ на 200 м. Ширина в сев. части по линии СВ–ЮЗ составляет 90 м, сужаясь к центру и Ю до 70–80 м. Площадь составляет ок. 16 000 кв. м.

В 2016 г. исследовано 2040 кв. м культурного слоя памятника мощностью до 43 см. Найдено 18 индивидуальных находок (предметы быта,

детали костюма, предметы христианского культа и др.), фрагменты круговых сосудов XVI–XIX вв.

Кравцов А. Е., 2016. Отчет об охранных археологических исследованиях (разведке) на земельных участках на территории городского округа Балашиха Московской области на рр. Пехорка и Малашка в 2015 г. // Архив ИА РАН.

Модин Р. Н., 2014. Отчет об охранных археологических раскопках на селище Петровское в Раменском районе Московской области в 2013 г. // Архив ИА РАН.

Топографическая карта Московской губернии, составленная съ топографической съемки произведенной в 1852 и 1853 годах и гравированная въ Военно-Топографическом Депо. 1860 г.: Масштаб въ английском дюйме 2 версты или въ 1/84 000 долю настоящей величины. Ряд. II. Листы 6, 7; Ряд. III. Листы 6, 7 // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387.

Чернов С. З., 1990. Отчет Московской археологической экспедиции о предпроектных археологических исследованиях территории историко-культурного и природного заказника «Пехорка» в Балашихинском и Люберецком районах Московской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15194.

Чернов С. З., 2011. Охранные археологические раскопки на территории памятников археологии селища Балашиха-11 и селища Балашиха-12 в охранной зоне памятника истории и культуры федерального значения «Усадьба Пехра-Яковлевское» в зоне прокладки электрокабеля СПС 194 «Кислородная» (у. Трудовых резервов) до проектируемых очистных сооружений по адресу: Московская область, мкрн. Салтыковка, севернее квартала Акатово в 2011 г. // Архив Департамента культурного наследия МК МО. № 7035.

Энговатова А. В., Кравцов А. Е., Коваль В. Ю., Супренков А. А., Алексеев А. В., 2009. Отчет об археологических разведках в Одинцовском, Истринском, Солнечногорском, Дмитровском, Пушкинском, Ногинском, Щелковском, Павлово-Посадском, Раменском районах Московской области по трассе проектируемой Центральной кольцевой автомобильной дороги (ЦКАД) в 2009 г. // Архив ИА РАН.

А. С. Сыроватко

РАБОТЫ В КОЛОМЕНСКОМ, СТУПИНСКОМ И СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОМ РАЙОНАХ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: курганный могильник, грунтовая кремация, XII в., фибула, литейная форма

Коломенским археологическим центром проведены работы в Коломенском р-не на Щуровском археологическом комплексе, а также на территории г. Коломны, на могильнике Кременье в Ступинском р-не и в с. Воздвиженском Сергиево-Посадского р-на Московской обл. **Щуровский археологический комплекс** оставался основным объектом исследований Коломенского археологического центра, исследовано свыше 200 кв. м в пойменной части памятника. Для выхода на культурный слой осуществлялось удаление пойменного аллювия с помощью экскаватора.

В отчетном сезоне в пойменной части впервые удалось проследить следы ранней распашки. Это очень тонкие (4–6 см) и неглубокие (2–3 см)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.96-98

полосы, идущие, как правило, параллельно друг другу с интервалом 30–60 см. В предыдущие годы их проследить не удавалось, но их открытие объяснило многие особенности культурного слоя в пойменной части памятника. Установлено, что эпизодов распашки было два. Последний непосредственно предшествовал затоплению поймы и началу отложения аллювия, который датируется находками копеек Михаила Федоровича. В это время распашка осуществлялась по линии С–Ю, поперек склона. Более ранняя велась вниз по склону, и именно она повредила крайние погребения и спровоцировала агроэррозию, приведшую к увеличению мощности слоя в небольшой котловине в центре пойменного участка памятника. Разрозненные вещи салтовского времени и небольшие скопления кальцинированных костей на пойменном участке позволяют утверждать, что погребения-кремации изначально располагались в центре пойменного участка, но все они оказались переработанными распашкой.

В ходе работ предыдущих лет нами отмечалось, что за период отложения аллювия в пойме происходили особенно сильные паводки, в ходе которых потоки воды частично срезали накопившийся к тому времени аллювий. Таких эпизодов было не менее четырех, но работы в отчетном сезоне позволили датировать весь «период катастрофических наводнений» периодом от последней трети XVII до 1-й четв. XVIII в. Видимо, эти наводнения и привели к сильному подмыву могильного холма с юж. и вост. сторон и уничтожению значительной части располагавшихся на нем могильников.

В пойменной части впервые прослежен археологический материал 2-й четв. I тыс. н. э., в том числе фибула IV в., однако наибольший интерес представляет собой компактное скопление керамики, бус и литейных форм, которое датируется несколько позднее, вероятнее всего, 3-й четв. I тыс. Самой яркой находкой следует признать целую керамическую створку литейной формы с негативом лунницы и круглой бляхи (?) с ложной зернью (рис. 18).

На могильнике **Кременье** в Ступинском р-не продолжены работы в межкурганном пространстве, где ранее обнаружены грунтовые кремации с инвентарем, синхронным курганам. Доисследовано погребение 1, открытое в 2015 г. Из значимых находок в нем обнаружен круговой древнерусский белоглиняный сосуд сер. XII в. и еще одна сердоликовая бипирамидальная бусина в дополнение к трем, найденным в 2015 г. Помимо него исследовано полностью еще два погребения, инвентарь которых (капли металла, оплавленное стекло) менее выразителен. За пределами погребений встречаются разрозненные кальцинированные кости и яркие оплавленные вещи – бубенчики, лунницы, также указывающие на «вятичский» культурный контекст. Все три погребения отличает полное отсутствие костей животных, столь характерных для всех могильников с кремациями, известными в регионе. У всех кости помещались в небольшие ямки, кроме того, у всех рядом с основным скоплением присутствовала еще одна ямка с темным заполнением и редкими кальцинированными костями. У двух погребений из трех кости были отчищены от угля и, вероятнее всего, от находок. Все открытые погребения находились внутри пространства, очерченного цепочкой курганов, что также может

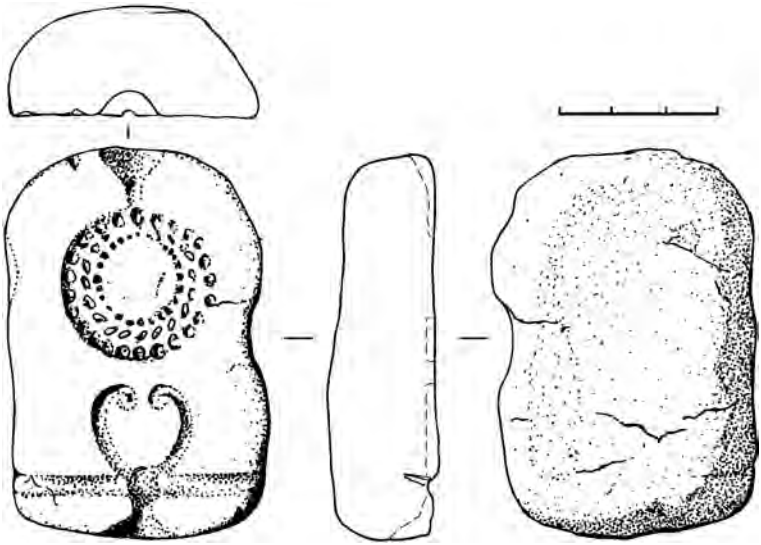

Рис. 18

свидетельствовать о синхронном существовании курганной и грунтовой частей единого могильника.

На окраине исторической части г. Коломны, на ул. Речной, обнаружен участок культурного слоя с материалами XVII–XIX вв., что позволяет расширить охраняемую территорию в городе.

В с. Воздвиженском Сергиево-Посадского р-на, являющегося частью исторического г. Радонежа, осуществлены наблюдения за прокладкой газопровода. Объектов или материалов, которые относились к начальным периодам существования города, не выявлено, немногочисленные прослеженные ямы относятся к XIX–XX вв.

С. З. Чернов

ИССЛЕДОВАНИЯ У ПУТЕВОГО ДВОРЦА СЕЛА ВОЗДВИЖЕНСКОГО В СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОМ РАЙОНЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: селище, белоглиняная керамика, печь, XV–XVI вв.

Исследования на территории селища Воздвиженское 1 в одноименном селе проводились в рамках работ ИА РАН по обновлению документации по памятникам археологии зон охраны древнего города Радонеж.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.98-101

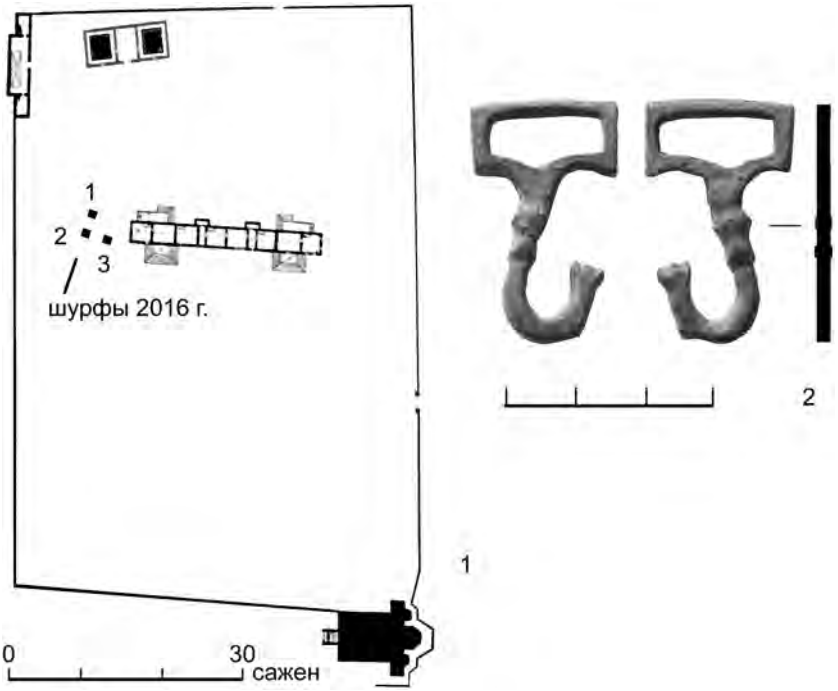

Рис. 19. Государев путевой дворец в с. Воздвиженском 1730 г. *1* – план 1750 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 32992. Л. 9); *2* – бронзовый поясной распределитель

В зап. части двора Государева путевого дворца пройдено три шурфа (12 кв. м). Они были заложены на территории Экспозиции деревянного зодчества для обеспечения сохранности культурного слоя там, где планировалось разместить основания гончарного навеса.

Судя по плану Государева путевого дворца в с. Воздвиженском 1750 г., шурфы 1–3 пришлись на участок между фундаментами путевого дворца и зап. оградой дворцового комплекса, которая пролегала по бровке коренного берега р. Пажи (рис. 19: *1*).

Раскопки показали, что культурный слой (темно-серый гумусированный суглинок с керамикой, мелкими фрагментами печины и обломками кирпича) имеет мощность 0,4–0,5 м. Слой перемешан в результате нерегулярной распашки, которая производилась на этом участке в XIX–XX вв. (в материке зафиксированы следы борозд). Процентное соотношение типов керамики (красноглиняная грубая 8,7%; краснолощеная 0,2%; красноглиняная гладкая (в том числе ранняя) 25,7%; белоглиняная грубая 51%; белоглиняная гладкая 8,6%; ангобированная из красной глины 1,8%; чернолощеная и мореная керамика 4%) свидетельствует о том, что жилая

застройка существовала здесь с 1-й четв. XV в. по нач. XVII в., когда ее сменили строения Государева путевого дворца, известного по письменным источникам начиная с 1623 г.

Для установления верхней даты бытования слоя важна серия белоглиняных гладких венчиков. Среди них имеются и ранние формы со слабо развитым валиком изнутри сосуда и редкими полосами горизонтального орнамента, которые характерны для комплексов 1550-х гг. [*Савельев и др*., 2016], и более поздние формы с развитым валиком и орнаментом, нанесенным гребенкой, которые имеют аналогии в комплексе из селища Лешково 6 с кладом с позднейшей монетой 1603 г. [*Чернов, Волков*, 2016, с. 313, 314, рис. 24, 25].

Таким образом, вывод об изменении использования территории селища в первой четв. XVII в., сделанный для ЮЗ участка дворцового комплекса в 1994 г., подтвердился наблюдениями, полученными в ходе раскопок в центральной части дворцового комплекса.

В шурфе 3 был зафиксирован залегающий *in situ* черный гумусированый суглинок, с которым связаны небольшие ямы 2 и 2а. Процентный состав керамического материала из этого слоя характеризуется доминированием белоглиняной грубой при высоком проценте красноглиняной гладкой керамики и 8% белоглиняной гладкой посуды, которая появляется в 1550-е гг. Это свидетельствует о том, что данный слой отложился во 2-й – 3-й четв. XVI в.

Пашенный горизонт, который бы предшествовал отложению культурного слоя, не прослеживается. Подзолистый горизонт в верхней своей части не утрачен. Следовательно, поселение возникло после сведения леса и ему не предшествовала распашка.

Количество керамики, зафиксированное в верхнем слое шурфов, нарастает с ЮВ к СЗ, от шурфа 3 (230 фрагментов) к шурфу 2 (359) и шурфу 1 (558). Это показывает, что в XVI в. к ССЗ от шурфа 3 располагалось жилое строение. Планиграфия печины дополняет картину, которую дает распределение керамики. По этому показателю доминирует шурф 2 (1321 фрагмент). За ним следует шурф 1 (1191) и далее шурф 3 (842). Шурф 3 располагался ближе остальных к фундаментам путевого дворца, а количество печины и отдельных фрагментов кирпича здесь минимальное. Следовательно, можно полагать, что этот показатель характеризует насыщенность слоя фрагментами разрушенных печей XV–XVI вв., нежели печей, располагавшихся в дворце XVII в.

Раскопки в дворцовом с. Мытищи, проведенные в 2001 г., показали, что количество фрагментов керамики, приходящееся на шурфы одной площади, чутко отражает расстояние шурфа от жилой постройки. Керамика, отложившаяся в XVII–XVIII вв. на территории одного из крестьянских дворов с. Мытищи, дала следующие показатели. На месте жилой постройки было найдено 523 фрагмента на 4 кв. м. На участке, примыкающем к задней (хозяйственной) части постройки, – 277 фрагментов на 4 кв. м, а на участке, расположенном в 7 м от жилой постройки, – 121 фрагмент на 4 кв. м [*Чернов*, 2002, с. 92, 98].

Если исходить из этой статистики, то в Воздвиженском 1 шурф 3 пришелся на участок примерно в 3–4 м от жилой постройки, шурф 2 – на участок хозяйственных строений усадьбы, а шурф 1 попал на место жилой постройки. Эта интерпретация должна быть скорректирована, поскольку на месте шурфа 1 следов строений XVI в. не обнаружено. Судя по всему, они примыкали к шурфу с С. В шурфе 3, который по статистическим выкладкам располагался в 3–4 м от жилой постройки, напротив, найдены следы строения (развала печи не было) – видимо, это было хозяйственное строение, располагавшееся на некотором удалении от центральной жилой постройки усадьбы.

К периоду существования Государева путевого дворца (1623 г. – кон. XVIII в.) относятся столбовая яма, зафиксированная в шурфе 1, фрагмент большемерного кирпича, два обломка поливных изразцов и бронзовый поясной распределитель, изящество которого отражает специфику одежды служителей дворцового ведомства (рис. 19: *2*).

Савельев Н. И., Сергеев А. Ю., Чернов С. З., 2016. Усадьба служилого человека 1540–1550-х гг. на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 г. // АП. Вып. 12. М.

Чернов С. З., 2002. Дворцовое село Мытищи XVII–XVIII вв. в свете охранных раскопок 2001 г. // Древности Подмосковья. М. С. 44–109.

Чернов С. З., Волков И. В., 2016. Археологические маркеры смутного времени: Комплекс керамики с кладом из Лешково 6 и датировка запустения малодворных деревень Радонежского края // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков. Материалы науч. конф. М.; Вологда: Древности Севера.

ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ МОСКВА

Л. А. Беляев, М. С. Батанина,
О. Н. Глазунова

РАСКОПКИ В МОНАСТЫРЕ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ

Ключевые слова: церковная топография, некрополь, келья, XV–XVII вв.

Отдел археологии Московской Руси ИА РАН исследовал культурный слой Рождественского монастыря (г. Москва, ул. Рождественка; договор с религиозной организацией «Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь РПЦ (Московский Патриархат)»).

Рождественский стоит в центре северной дуги московских монастырей (между Сретенским и Высоко-Петровским), внутри стены Белого города (кон. XVI в.); ближе всех к р. Неглинной, на левом берегу («нижняя» дорога на Владимир). Сохранился первый каменный собор

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.101-103

рубежа XV–XVI вв. (дата археологически не подтверждена). Монастырь представляет интерес для археологии Москвы: он впервые упомянут в 1389 г., но без указаний на размещение в городе; был связан с семьей князя Владимира Андреевича (его вдова, Елена Ольгердовна, завещала похоронить себя в обители). Место расположения до кон. XV – нач. XVI в. оспаривается [*Беляев*, 2003, с. 456–469; *Ильенкова*, 1981, с. 82–88; *Фуфаев*, 1947, с. 55–75]. Ранее на территории монастыря систематических работ не было. При земляных работах в 1989 г. затронута юж. пристенная часть с материалами XV в., возможно, не монастырскими [*Векслер*, 1989]; в 1990–2000-х гг. собраны фрагменты надгробий XVI–XVII вв. [*Беркович, Векслер*, 2006, с. 51–81].

Целью работ 2016 г. было установить стратиграфию и степень сохранности слоя на участке, поврежденном строительной и планировочной деятельностью XX в. Раскоп 1 (общая площадь 50 кв. м) заложен в вост. части территории, за апсидами трапезной ц. Иоанна Златоуста, к З от бывшей школы № 240 (1936–2007 гг.). При строительстве и разрушении школы ранний культурный слой был срезан. Антропогенный слой (темно-серая супесь с техногенными примесями 2000-х гг., мощность от 0,70 до 2,5–3,3 м) ложится непосредственно на материк. Ранние объекты выявлены только ниже этого уровня, в котором хорошо читаются контуры могильных ям и другие заглубления XVI–XVII вв. Наиболее интересный объект – деревянная бытовая постройка с погребом (келья?) размером 2,4/2,8 (С–Ю) × 2,8/3,3 (З–В) м; глубина погреба ок. 2 м. Постройка существовала в кон. XV в. (дата по монетам и фрагментам керамики) и сгорела в XVI в., затем была разобрана, а погреб засыпан. Верхний слой – смешанная с углем печина; ниже лежат остатки бревен от сгоревшего пола или опечка (1,0×1,3 м, бревна толщиной 0,17–0,20 м, ориентированы С–Ю), под ними слои разнообразных супесей с углем, печиной, золой и суглинком; в более глубоких пластах наблюдалось формирование засыпки: в центре просевшие слои мешаной серой супеси с большим количеством золы, угля и печины, а по краям – мешаная коричневая супесь (основной грунт засыпки). Со временем все слои просели к центру ямы. Пол погреба сохранился в виде следов досок и древесного тлена, на материковых стенках – остатки деревянных конструкций. Вероятно, после пожара погреб засыпали грунтом и остатками самого сгоревшего сооружения (возможно, с остатками печи).

Не более чем на 3–4 м к В от алтарей церкви материк прорезают, через устойчивые промежутки, немногочисленные могилы (всего семь ям, они не вскрывались). Это вост. край исторического некрополя Рождественского монастыря. Принимая во внимание регулярный характер застройки монастырей XV–XVII вв., нужно думать, что кельи тянулись в линию на расстоянии в 6–8 м от линии церковных алтарей и лишь в Новое время были сдвинуты дальше на В.

Таким образом, небольшие работы позволили прояснить планировку монастыря XV–XVII вв. и наметить хронологию для раннего периода.

Беляев Л. А., 2003. Проблемы архитектурной топографии Москвы XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб.

Беркович В. А., Векслер А. Г., 2006. Монастырские и церковные кладбища XVI–XVII веков. Раскопки и наблюдения Центра археологических исследований г. Москвы. 1989–1997 гг. // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1 / Автор-составитель Л. А. Беляев. М.: Наука.

Векслер А. Г., 1989. Отчет об археологических раскопках на улице Рождественке в г. Москве в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14128, 14130, 14131.

Ильенкова Н. В., 1981. Собор Рождественского монастыря в Москве // Охрана и реставрация памятников архитектуры: опыт работы мастерской № 13. М.: Стройиздат.

Фуфаев А. С., 1947. Собор Московского Рождественского монастыря // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII вв. Новые исследования. М.: Академия архитектуры СССР.

Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова,
С. Б. Григорян, Н. И. Савельев

РАБОТЫ В ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Ключевые слова: историческая археология, архитектурная археология, реставрация, каменная ограда, надгробия, эпиграфика, церковное искусство XIV–XVII вв.

Широкие (более 500 кв. м) предпроектные раскопки проводились ИА РАН в связи с общей реконструкцией ставропигиального мужского монастыря РПЦ (Москва, ул. Петровка). Монастырь известен источникам с XIV в., стоит на верхней надпойменной террасе правого берега р. Неглинной у ворот Белого города внутри его стены. Исторически связан с митрополичьим домом, с XVII в., после рождения Петра Алексеевича, – с родом Нарышкиных [Высоко-Петровский…; *Крылов*, 1841].

Хорошо сохранившийся ансамбль (образец «нарышкинского стиля») отстроен в камне в кон. XVII в. и пополнялся новыми зданиями в XVIII–XIX вв. Его центр – ключевое здание нач. XVI в., собор св. Петра Митрополита (1514–1519 гг., архитектор Алевиз Новый). В 1950–1980-х гг. проводились реставрационные и археологические исследования (Б. П. Дедушенко, археологи В. И. Матвеева в 1955–1961 гг. и Г. Ф. Никитина в 1964 г., а с кон. 1970-х гг. – Л. А. Беляев [*Беляев*, 1994; 1996; *Дедушенко*, 1964, с. 253–272]).

Раскопки 2016 г. охватили зону к С и В от Боголюбской ц., центр монастыря к В от собора, СВ и ЮВ участки трапезной ц. св. Сергия Радонежского и участки юж. двора. Была существенно уточнена история монастыря, выявлены утраченные части зданий, изменены представления о палеорельефе холма. Современная поверхность отличается от археологически зафиксированного уровня XVII в. в центральной части (разница у собора и трапезной 2,0 м, на юж. дворе меньше – ок. 1,0–0,5 м).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.103-106

Рис. 20. Фрагмент первоначального надгробия инока с частью имени Епифан[ий] и датой 31 июля

К ЮВ от собора изучена часть монастырского некрополя XVI–XVII вв. Здесь найден ряд белокаменных плит с надписями, нанесенными повторно через значительный (до столетия) промежуток, что позволило закрыть старую проблему асинхронных надписей на надгробиях Московской Руси [*Беляев, Савельев*, 2016, с. 188–192]. В одном случае два надгробия с идентичной, но нарезанной в разном стиле надписью и с характерными орнаментами обнаружены *in situ* (инок Феодосий, Исаков сын Окулинин, волоченин, умер 31 июля 1512 года «на память святого праведного Евдокима») . По соседству с ним лежали фрагменты двух надгробий с также идентичной надписью, принадлежавшие иноку Епифанию (рис. 20), который умер в один день с Феодосием. Изучены две другие пары асинхронных надгробий, ножевника Конана Климентьева, 1562 г., и Алексея Ергольского, XVI в. Открыто

Рис. 21. Колодец XVII–XIX вв. Вид сверху, от СЗ угла

и несколько одиночных надгробий с интересными надписями: инока Никандра Звенигородского, 1582 г.; сына «банника» Акинфа, кон. XVI – нач. XVII в., и др.

Впервые изучены стены ограды и часть периферии: основания столбов обходной галереи Боголюбовской ц. и каменная палатка к С; фрагменты вост. прясла монастырской ограды (кон. XVII в., дата по кирпичным клеймам); сооружения XVII–XIX вв. к Ю и С от алтаря ц. св. Сергия Радонежского. Собран значительный объем керамического материала (среди индивидуальных находок меднолитые кресты и иконки XVII–XIX вв.). Для истории городского быта и технологий интересно открытие на юж. хозяйственном дворе монастыря колодца XVII–XIX вв. сложного устройства и значительных размеров. Пятно прокопа с обратной засыпкой имело диаметр от 5,5 м. Верхний деревянный сруб (копер для обеспечения работ по устройству колодца?) имел форму четырехгранной пирамиды (7 венцов; размер стороны по нижнему 3,5–4,0 м). Снаружи с наклоном врублены толстые слеги, по две на каждой стороне, а по оси С–Ю установлено по вертикальной балке с прямоугольными отверстиями для поперечного бруса. Глубина котлована под сруб 1 от поверхности до подошвы 7-го венца ок. 3,3 м (рис. 21).

Ниже дна котлована, внутри сруба 1, начался прямоугольный сруб 2 из балок (в отрубе 16–19 см) с углами «в лапу» (стенки более 2,4 м) – крепление шахты для проходки в глубину. В ней на глубине 3,8 м начался сруб 3 – колодец, вставленный в шахту (длина стенки 2,2 м). Он срублен «в обло с остатком» из плотно подогнанных крупных бревен диаметром

18–22 см, установленных вперебежку. В местах «чашек» вбивались штыри из металла (сохранились гнезда), зазор между срубами 2 и 3 дополнительно укрепили тонкими распорками. Бревна срубов 2 и 3 крепкие, так как лежат во влажном слое, пирамидальная конструкция в гораздо худшем состоянии. Монеты и керамика из заполнения и из слоев строительства показали, что колодец засыпан не ранее XVIII в., а сооружен не позднее кон. XVII в. Из-за обильных грунтовых вод проходку остановили на 4,3 м ниже дневной поверхности и законсервировали остатки методом повторного погружения в грунт.

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы (кон. XIII–XV вв.) по данным археологии. М.: ИА РАН, 458 с.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: ИА РАН. 568 с.

Беляев Л. А., Савельев Н. И., 2016. «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV–XVII веках // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. М.: ИА РАН, ИРИРАН. С. 188–192.

Высоко-Петровский мужской второклассный монастырь в г. Москве. М.: Тип. И. Д. Сытина. 1899. 24 с.

Дедушенко Б. П., 1964. К истории ансамбля Высоко-Петровского монастыря // Древнерусское искусство. XVII век. М. С. 253–272.

Крылов И. Э., 1841. Достопамятные могилы в Московском Высоко-Петровском монастыре. М. 52 с.

Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989. 380 с. № 129.

В. А. Беркович, К. А. Егоров, Н. А. Фролов

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В МОСКВЕ

Ключевые слова: Первая мировая война, денга, XVI–XX вв., каменный топор

В 2015–2016 гг. специализированным научно-исследовательским предприятием ООО «Археологические изыскания в строительстве» проведены спасательные археологические раскопки в г. Москве на Соймоновском проезде, вл. 3.

Четыре раскопа общей площадью 682 кв. м располагались на СВ склоне Обыденского холма у правого берега ручья Черторый, рядом с его устьем. Геоморфологические особенности территории в сочетании с ее активным хозяйственным использованием (особенно в XVII–XVIII вв.) привели к интенсивному формированию напластований на этом, находившемся за пределами Белого города, участке. Толщина культурного слоя здесь достигала 8 м.

Всего выделено пять стратиграфических горизонтов (XX в.; кон. XVIII – XIX в.; кон. XVII – кон. XVIII в.; XVII в.; XVI – 1-я пол. XVII в.) с 31 сооружением и 6 ямами.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.106-107

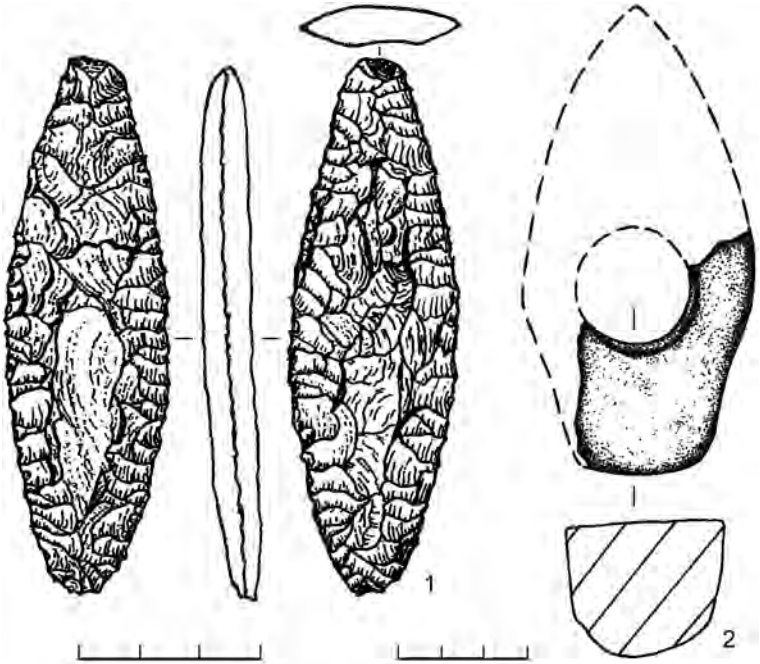

Рис. 22

К первому горизонту относился подвал жилого дома, в котором найден комплекс вещей периода Первой мировой войны: офицерская сабля, фрагменты ножен, свисток, подметка форменного австрийского сапога, медальная колодка, жетон с надписью: «НА ПОДАРКИ СОЛДАТУ въ окопы // 1916 г.». Второму горизонту соответствовала булыжная мостовая и остатки кирпичной столбовой конструкции. Третьему и четвертому – элементы деревянной застройки (жилые и хозяйственные срубы, колодцы, бревенчатые вымостки, дощатые сараи), связанные с существовавшим здесь с XVII в. так называемым Лесным рядом – местом для хранения и продажи леса и дров. Здесь же был обнаружен соответствующий инструментарий: семь фрагментов железных пил, пять вертикальных сверл, два топора, два скобеля, два резца, буравы.

Общее число индивидуальных находок составило 1621 экземпляр. Из нижнего горизонта культурного слоя (XVI – 1-я пол. XVII в.) и материковых ям происходил ряд предметов более раннего времени: денга великого князя Василия II Тёмного (1425–1462 гг.), денга великого князя Василия Дмитриевича Московского (1389–1425 гг.), фрагменты серых (XIII–XIV вв.) и курганных (XII–XIII вв.) горшков, кремневый наконечник дротика (IV–I тыс. до н. э.) (рис. 22: *1*). Кроме того, отметим обнаружение в переотложенном грунте фрагмента каменного шлифованного топора (III–II тыс. до н. э.) (рис. 22: *2*).

**Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль, А. В. Энговатова,
Е. Е. Васильева, К. И. Панченко, Р. Н. Модин,
В. С. Курмановский, Д. Ю. Майоров**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ДЕМОНТАЖЕМ КОРПУСА 14 В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Ключевые слова: архитектурная археология, надгробие, домонгольское время, монастырь, некрополь, литейная форма

Работы на территории демонтажа корпуса 14 проводились с декабря 2015 г. по декабрь 2016 г. В ходе этих работ были заложены 8 разведочных шурфов общей площадью 249 кв. м и 3 раскопа общей площадью 287 кв. м. Параллельно с земляными работами проводилось обследование подвалов 14-го корпуса, где были обнаружены участки кладок 1930–1932 гг., в которых вторично использован белый камень от разрушенных соборов Чудова и Вознесенского монастырей.

Шурфовка проводилась на участках, окружавших зону демонтажа, и имела целью поиск остатков зданий, уничтоженных в ходе строительства корпуса. В ходе этих исследований обнаружены и зафиксированы:

– фундаменты ЮЗ стены Малого Николаевского дворца (в основе которого – Архиерейский дом постройки М. Ф. Казакова 1775 г., фундаменты реконструированы в 1874–1878 гг. Н. А. Шохиным);

– юж. угол ц. Благовещения (построена вместе с ц. св. Алексия в 1680–1686 гг.);

– сев. угол Трапезной палаты Чудова монастыря, построенной в 1680–1686 гг. вместе с цц. Благовещения и св. Алексия;

– фрагменты апсид и часть ЮВ стены ц. св. Екатерины (1808–1817 гг., архитектор К. Росси), входившей в состав комплекса Вознесенского монастыря.

В ходе исследований ц. Благовещения обнаружены обломки белокаменных надгробий 1-й пол. XVII в., в том числе с эпитафиями. Кроме того, часть кладки фундамента была составлена из белокаменных надгробий XVI – 1-й пол. XVII в., снятых с кладбища Чудова монастыря. Рядом с юж. углом ц. Благовещения шурф был доведен до материка (мощность культурных отложений тут превышала 4 м). В «мокром» слое XVI в. расчищены хорошо сохранившиеся деревянные конструкции: частокол, дворовая вымостка, угол бревенчатого погреба (рубка «в лапу»). Ниже фиксировались «сухие» слои XV, XIV вв. и домонгольского времени (1-й пол. XIII в.), залегавшие на мощных материковых (песчаных) прослойках выбросов, которые лежали на материке. В домонгольских слоях собраны характерные бытовые вещи того времени – обломки стеклянных браслетов и шиферные пряслица, а также характерная керамика. В слое XIV в. встречены обломки импортных сосудов – стеклянного с золотой росписью (сирийского производства) и кашинной чаши с полихромной росписью (привезенной из золотоордынских городов Поволжья). Эти предметы свидетельствуют о богатстве жителей усадьбы, размещавшейся на этом месте.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.108-110

Благодаря вышедшему Поручению Президента РФ на двух шурфах были оперативно проведены работы по музеефикации, позволившие уже 25 декабря 2016 г. открыть на Ивановской площади Кремля «археологические окна», в одном из которых демонстрируется часть фундамента Малого Николаевского дворца, а во втором – юж. угол ц. Благовещения Чудова монастыря.

На втором этапе работ (после полной разборки стен корпуса 14) археологические исследования были перенесены в подвальное помещение, вплотную примыкавшее к тому месту, где предположительно размещался полностью разобранный в 1930 г. собор Чуда Архистратига Михаила в Хонех, построенный в 1365 г. митрополитом Алексием и полностью перестроенный в 1501–1503 гг.

В подвалах 14-го корпуса исследованы культурные отложения мощностью от 0,2 до 0,8 м и 114 заглубленных в материк объектов, относившиеся к периоду с кон. XII по XVI в. Изучена часть монастырского некрополя XV–XVII вв. – 108 погребений, из которых 5 были в белокаменных саркофагах. Некрополь занимал всю центральную часть монастыря, здесь совершались захоронения не только монахов, но и светской аристократии, представителей известнейших боярских родов. В одном из фундаментов под колоннами, поддерживавшими перекрытия подвалов 14-го корпуса, сохранился обломок надгробия Василия Глебовича Салтыкова, погибшего, как написано на камне, «В Немецкой земле под Паидой». Взятие крепости Пайда русскими войсками в 1573 г. – одно из известнейших событий Ливонской войны, Василий Салтыков упомянут в одном из синодиков с именами погибших в этой кампании.

Особенный интерес представляют обнаруженные на исследованной площади части фундаментов притворов собора, сложенные с применением тесаного белого камня, и фрагменты фундаментов других монастырских построек XVI в. (галереи, связывавшие главный храм с трапезной?). При сооружении их использовались камни от древнейшего собора, разобранного в 1430-е гг. Найдены также фрагменты терракотовых рельефов, украшавших собор Чуда Архангела Михаила 1503 г.

К древнейшему периоду городской жизни Москвы, предшествовавшему основанию монастыря, относятся канавки от частоколов, разделявших городские дворовладения, и четырехугольные котлованы подполий, углубленные в землю на 1,5–2 м. Это погреба больших наземных построек, которые находились под полом жилищ и служили для хранения припасов. На исследованном участке зафиксированы остатки 6 погребов, относившихся к кон. XII – 1-й трети XIII в. Они свидетельствуют о существовании в этой части Кремля плотной городской застройки, сложившейся не позднее кон. XII в. Из культурного слоя домонастырского времени происходит несколько сот находок, среди которых различные украшения из цветных металлов (браслеты, височные перстнеобразные кольца), ножи, ключи, замки, шиферные пряслица, осколки стеклянных сосудов, обломки византийских амфор и более 300 обломков стеклянных браслетов.

Уникальная находка – каменная формочка для отливки металлических грузиков, на которой процарапаны около полутора десятка букв, часть из них – в зеркальном начертании (рис. 23). Четыре буквы прочитываются

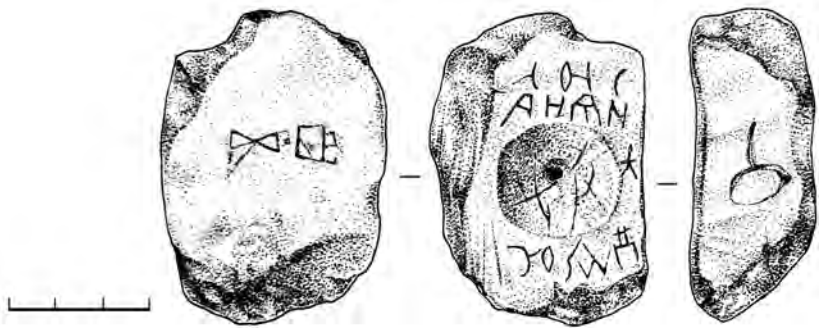

Рис. 23

как «РИЯН», часть личного имени (Юриан?). Формочка из раскопок в Кремле, происходящая из культурного слоя кон. XII – 1-й трети XIII в., несет на себе древнейшую известную науке надпись, написанную в Москве, и представляет собой первое свидетельство появления письменности на Кремлевском холме.

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

С. А. Авдусина, С. С. Зозуля, И. В. Папин,
А. Ю. Кашинцев, А. С. Угланов

ИССЛЕДОВАНИЯ ТИМЕРЕВСКОГО КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Ключевые слова: поселение, курганный могильник, бурение, дирхам, IX–XI вв.

Тимеревский археологический комплекс, состоящий из двух открытых поселений и курганного могильника, располагается на правом берегу небольшой р. Сечки, притоке р. Которосль, в административных границах Карабихского сельского поселения Ярославского р-на Ярославской обл. Основное время функционирования памятников относится к эпохе сложения Древнерусского государства (IX–XI вв.).

В 2016 г. на территории Тимеревского археологического комплекса была закончена программа разведок, начатая совместной АЭ ИА РАН, ГИМ и НП НИЦ «Древности» в 2012 г. Таким образом, исследования шли в течение пяти полевых сезонов.

Задачами работ 2016 г. стало окончание разведочного ручного бурения на территории поселенческой части комплекса, проводимого в целях уточнения границ распространения культурного слоя. Выполнено 339 буровых

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.110-111

скважин с фото- и графической фиксацией каждого керна и балльной оценкой гумусации слоя. Всего на территории поселения и селища располагается 1184 точки бурения. Фиксация расположения скважин на инструментальном топографическом плане, снятом для комплекса памятников в 2012–2015 гг., позволяет достаточно убедительно выделить границы поселений, оценить насыщенность слоя и его мощность. Часть точек бурения выявила углубленные в материк конструкции, значительно превышающие обычную толщину культурных напластований.

Рис. 24

Датировка поселенческой составляющей комплекса осуществляется путем сбора подъемного материала, в том числе с помощью детекторов металла. В результате работ 2016 г. коллекция пополнилась 34 находками. Всего же, с учетом предыдущих сборов и шурфовки, собрано почти 400 предметов, датирующихся довольно продолжительным отрезком времени, охватывающим период от мезолита до современности. Из предметов, найденных в 2016 г., 19 изготовлено из цветного металла, 12 – из железа, 2 – из стекла, 1 – из железа и цветного металла. К наиболее интересным находкам из цветного металла относится фрагмент равноплечей скандинавской фибулы с деградировавшим орнаментом (рис. 24), фрагмент дирхама 912–932 гг. чеканки (определение к. и. н. А. А. Гомзина, ИА РАН), перстень во вторичном использовании, переделанный из пластинчатого браслета. Предметы из железа в основном представлены находками фрагментов ножей (обломками черенков и лезвий), встречены 8 раз, также обнаружены массивная крица, швейная игла, фрагмент топора и клин. Единственным биметаллическим предметом оказалась железная бочонковидная гирька в медной обтяжке (вес 4,90 г). Находки из стекла ограничены 2 бусинами: лимоновидной марганцевой и навитой зонной синей полупрозрачной глазчатой [*Зозуля*, 2016, рис. 1: *4*].

Комплекс разведочных мероприятий в Тимереве, запланированных в 2012 г., можно считать выполненным [*Захаров, Зозуля*, 2017]. Актуальными задачами становятся полная публикация результатов исследований и проведение аналогичных работ на территории Михайловского и Петровского археологических комплексов, вошедших в отечественную историографию под общим названием «Курганы Ярославского Поволжья».

Захаров С. Д., Зозуля С. С., 2017. Тимерево. Итоги нового этапа полевых исследований // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ГУ [Электронный ресурс (DVD)]. С. 396–397.

Зозуля С. С., 2016. Тимерево // Россия как археологическое пространство / Под ред. академика Н. А. Макарова. М.: Изд-во ИА РАН. С. 118–119.

**В. Н. Орлов, А. В. Кашкин, А. Е. Леонтьев,
В. С. Нефедов, Н. Г. Самойлович**

РАБОТЫ В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ

Ключевые слова: хозяйственная яма, XV–XIX вв., наперсный крест, домонгольское время, усадьба

Волго-Окская экспедиция ИА РАН продолжила охранные работы в Ростове Великом. В центре города работы велись на участке строительства жилого дома на ул. Окружная. Раскоп площадью 48 кв. м расположен в 700 м к ВСВ от Кремля и в 350 м к ССЗ от берега оз. Неро. Мощность культурного слоя на участке составляла ок. 2 м. Под слоем строительного мусора, оставшегося от снесенной постройки нач. XX в., залегал рыхлый, насыщенный обломками кирпича горизонт кон. XVIII – 1-й пол. XIX в., времени появления первых строений по плану регулярной планировки городской территории.

Культурный слой XVI–XVIII вв. толщиной 0,40–0,50 м, однородный по составу, явных остатков сооружений не содержал. К нему относятся несколько хозяйственных и «помойных» ям с большим количеством керамики. Самые ранние из них прорезали нижележащие отложения, начало формирования которых датировано находками двух тверских пул кон. XV – нач. XVI в. Среди немногочисленных находок встречены несколько более ранних вещей. В частности, шиферный наперсный (?) крест с изображением Голгофского креста и надписью IC XC. Крест относится к типу так называемых крестов с наконечниками – на его лопастях сохранились следы снятых металлических обоймиц (рис. 25).

Длительный перерыв в заселении исследованного участка приходится на период 2-й пол. XIII – XV в. Следов хозяйственной деятельности этого времени нет, но есть следы проходившего процесса почвообразования на запустевшем участке.

Залегающий ниже древнерусский (домонгольский) культурный слой мощностью ок. 0,3–0,5 м хорошо стратифицирован, что позволяет в общих чертах восстановить историю этого участка городской территории.

На первом этапе возникновения усадебной застройки поверхность участка была выровнена и сооружена глиняная посыпка под будущие постройки. Появляется легкая ограда, плетень, который впоследствии неоднократно подновлялся. На подготовленном месте был сооружен жилой (?) дом (в раскоп попала лишь его часть). С постройкой связаны находки, относящиеся к древнерусскому быту и военному делу: бронзовый браслет, подвеска-лунница белого металла, обломок стеклянного браслета, трапециевидный костяной гребень, железная игла, латунная поясная бляшка, наконечник копья, каменное ядро от пращи. Вблизи постройки найдены каменная литейная форма, свинцовый слиток, выплески цветного металла, тигли, оселок.

Позднее эта постройка была разобрана и к З от нее была сооружена более легкая хозяйственная постройка поперечником 2,5 м, частич-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.112-113

Рис. 25

но поставленная на основание предшествующего дома. В ней найдены бытовые предметы: трапециевидные костяные гребни, шиферные пряслица, стеклянная бусина, нож. Тогда же, по-видимому, был устроен частокол, в отличие от легкой плетневой конструкции предшествующего периода, сооруженный из столбов диаметром до 20 см, в его вост. углу сохранился воротный проем шириной ок. 1,5 м.

Самый нижний горизонт культурного слоя, залегавший на материке и остатках погребенной почвы, – это однородный темный суглинок толщиной от 0,15 до 0,3 м. Его основание на большей части раскопа было «усыпано» овальными в плане ямками, которые предположительно являются следами лопат. Древняя поверхность в целом понижалась с В на З, что отражает особенности древнего рельефа на данном участке. На финальном этапе своего формирования этот горизонт несомненно был огородным (тогда жилая застройка существовала очень близко от раскопанного участка), однако ранее он мог формироваться как пахотный. Период существования усадебной застройки определяется в общих рамках рубежа XI/XII–XIII вв., что подтверждается составом находок. Однако первоначальный период освоения территории, связанный с пашней (?) и огородом, приходится на более раннее время, на что указывают находки фрагментов лепной и круговой керамики ранних форм. Это наблюдение показывает, что территория Ростова в XI в. была больше, чем принято считать, и охватывала значительную часть левобережья р. Пижермы к В от центра города.

Кроме стационарных работ, на территории города велись наблюдения при земляных работах по прокладке коммуникаций на окраинных участках распространения городского культурного слоя на ул. Ленинская, Энгельса, Февральская и Радищева. Общая длина траншей составила ок. 250 м, мощность культурного слоя достигала 0,5–1,2 м, массовый керамический материал позволяет датировать его XVI–XVIII вв.

А. Н. Рыкунов, И. И. Рыкунова

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ШЕКСНА В РЫБИНСКЕ

Ключевые слова: XII–XV вв., ключи, металлические подвески, каменный век

Полевые археологические работы проводились на объекте культурного наследия федерального значения «Селище 2, XII–XIII вв. „Усть-Шексна“», расположенном на правом берегу р. Шексны, левого притока Волги, в границах современного г. Рыбинска Ярославской обл. Организаторы работ – Рыбинский гос. историко-архитектурный и художественный МЗ и ООО «Фирма „Архей+“». Финансирование работ производилось из средств областного бюджета по контракту с Департаментом охраны объектов культурного наследия Ярославской обл.

Раскопки производились на участке 14 раскопа 2 площадью 144 кв. м, расположенном вблизи оплывающего котлована в 600 м выше устья р. Шексны в центральной части памятника. Участок является расширением площадки работ 2015 г. и завершением процесса объединения в единую площадь всех участков раскопа 2.

Общая мощность культурных напластований составляет 100–120 см, на большей части площади раскопа, несмотря на значительное количество поздних перекопов, связанных со строительством ГЭС, плотины и бытованием Волголага, зафиксирован средневековый культурный слой мощностью 25–40 см, выявлены комплексы ям. Как и в 2014–2015 гг., не обнаружены даже следы стерильной прослойки – светло-коричневой супеси, проявившейся при работах на раскопе 2 в 1997–2000 гг. и интерпретируемой нами как свидетельство перерыва в жизни поселения.

На участке выявлены слабо выраженные следы построек, как нам представляется, двух периодов, незначительно отличающихся по датировке – оба могут быть отнесены к нач. XIII в. Более ранние проявились в зап. части комплексом ям 2 и пятном ТКС на уровне –115/-130 см – в ЮВ углу центральной части участка. Более поздние – развалом печки вблизи зап. бровки и многочисленными ямами с углями, свидетельствующими о гибели самих строений в пожаре.

Слой ТКС содержит индивидуальные (123 единицы) и массовые (свыше 1000) находки периода бытования от кон. XII до XV в., большая часть находок укладывается в более узкий период нач. XIII в. Наиболее ранние по датировке находки – ключ типа А и подлировидная пряжка цветного металла, поздние – единичные фрагменты красноглиняной керамики XV в. Слой, судя по находкам ранних фрагментов керамики уже в верхней части, сильно перемешан.

Из находок индивидуального характера наибольший интерес вызывают железные предметы вооружения. Это 2 черешковых наконечника стрел: с подромбовидным лезвием с вытянутой верхней частью и двурогий, а также 3 предмета, интерпретированных как чесноки – крупные

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.114-116

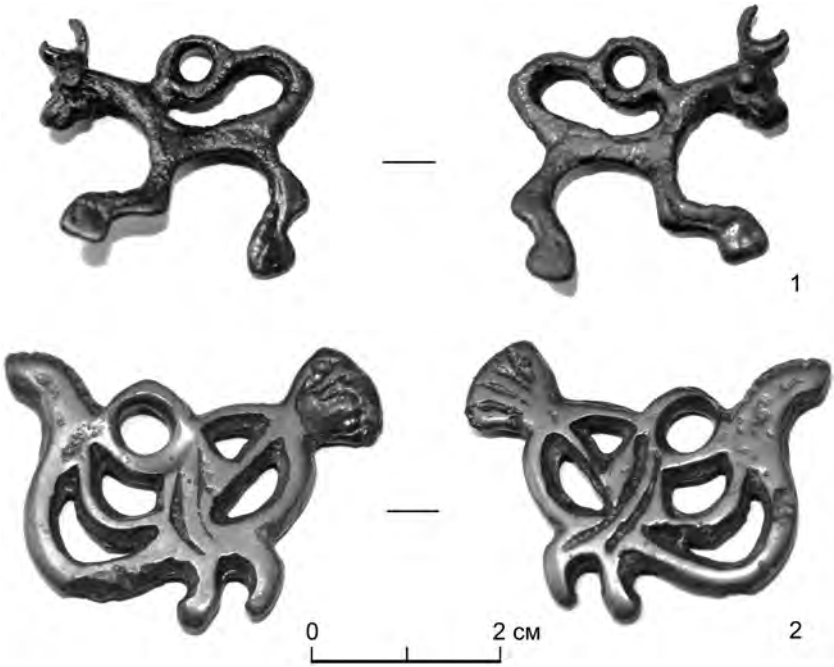

Рис. 26

(ок. 8×6×6 см) острия из 4 развернутых в различные стороны заостренных частей. Свидетельством активного участия поселения в торговле стала свинцовая товарная пломба дрогичинского типа – 19-я подобная находка. Выявлены также две плоские литые подвески из цветного металла. Первая (рис. 26: *1*) относится к группе III, типу XIV по Рябинину [*Рябинин*, 1981, с. 28–30, табл. XII], представляет собой одноглавое животное (конька) с двумя согнутыми ногами и свернутым в петлю хвостом. Хвост соединен с круглым кольцом для подвешивания, связанным, в свою очередь, с шеей амулета. В результате этого в верхней части подвески образованы два отверстия – круглая петля сверху и овальная ниже. На голове – неровные роговидные отростки, расположенные в той же плоскости, что и сама фигурка, круглые выступы – глаза – и намеченная тонкими углублениями линия пасти. Тонкие продольные линии – по ногам. Точных аналогий второй (рис. 26: *2*) не установлено, она близка к подвескам группы 1 по Рябинину [*Рябинин*, 1981, с. 12–16]. Изображает птицу с выпяченной грудью, маленькой головкой и двумя пластинчатыми лапками. По очертаниям фигурка напоминает глухаря. На туловище имеются 4 сегментовидные прорези, в верхней части подвески – круглое отверстие – петля. По верхней части головки и шее – двусторонние короткие насечки, более длинные украшают хвост и среднюю часть тулова.

Находки предметов эпохи камня, среди которых 2 скребка и 5 ножевидных пластин, 2 – с ретушью, традиционны на памятнике и свидетельствуют о том, что в эту эпоху данная территория активно использовалась людьми. В отчетном году все подобные находки были сделаны в границах комплекса ям 2 в слое ТКС с пятнами желтовато-сероватого тонкодисперсного песка. Выходы подобного рода выявлены в обрыве р. Шексны вблизи русла безымянного ручья.

Наличие сохранившегося средневекового культурного слоя обуславливает необходимость продолжения расширения работ в юж. направлении.

Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIII вв. (САИ. Вып. Е1-60). Л.: Наука.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Т. О. Галкин

ИТОГИ РАЗВЕДКИ НА ГОРОДИЩЕ ВОЮТИНО

Ключевые слова: керамика, частокол, ранний железный век, городецкая культура

Отрядом Владимирского ГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых была проведена археологическая разведка на городище Воютино в Меленковском р-не Владимирской обл. Городище расположено на ЮВ окраине с. Воютино на левом высоком берегу р. Оки. Городище обнаружено Н. Г. Добрынкиным [*Добрынкин*, 1868], осматривалось Н. В. Тухтиной [*Тухтина*, 1971], исследовалось В. П. Глазовым [*Глазов*, 1977], разведывалось А. Е. Леонтьевым [*Леонтьев*, 1992], Т. О. Галкиным [*Галкин*, 2014].

Работы 2016 г. носили разведывательный характер с целью уточнения современного состояния памятника, разрушавшегося пескодобывающим карьером в 70–90-е гг. XX в., стратиграфии памятника, а также его хронологии и культурной принадлежности.

Заложен шурф 2×2 м, непосредственно примыкающий к шурфу В. П. Глазова 1976 г. Локализация шурфов В. П. Глазова оказалась возможной благодаря составлению полного топографического плана городища. В период этих работ мы обратили внимание, что две ямы подпрямоугольной формы ориентированы по сторонам света. Их примерные размеры также попадали под размеры рекогносцировочных шурфов. В шурфе 2016 г. обнаружено 55 фрагментов керамики с текстильным и сетчатым орнаментом, а также два кремневых отщепа. На материке, состоящем из рыжеватого суглинка с включениями линз белого речного песка, на глубине 45–48 см от поверхности явственно читались следы

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.116-117

частокольных канавок, две линии ямок выстраивались в две параллельные линии. Именно к этой части шурфа тяготела большая часть керамических фрагментов. В остальной части шурфа культурный слой, представленный сероватой гумусированной супесью, практически не содержал находок.

Мощность культурных напластований 38–48 см. Слой состоит из сероватой гумусированной супеси. Разбор производился по пластам размером в 20 см. Удалось выделить 2 условных пласта. К пласту 1 тяготеет вся гладкостенная лепная керамика (3 фрагмента). Также из материала, собранного на поверхности перед закладкой шурфа, происходит 15 фрагментов гладкостенной лепной керамики. Весь культурный слой просеивался на мелкоячеистом сите, что позволило собрать фрагменты керамики размерами менее 1 см. В пласте 2 выявлена только керамика с «рогожными» отпечатками, всего 25 фрагментов. На уровне обнаружения материковых углублений исследование было прекращено.

Сбор подъемного материала позволил увеличить коллекцию еще на 74 фрагмента, из которых 48 стенок с «рогожным» орнаментом, 2 венчика с «рогожным» орнаментом, 4 донца с «рогожным» орнаментом, 5 фрагментов керамики с «сетчатым» орнаментом и 15 гладкостенных. Как и в работах 2014 г., большая часть подъемного материала была обнаружена на сев. склоне городища, частично сползающем в протекающий у подножия ручей.

Таким образом, по анализу полученного керамического материала можно отметить, что жизнь на площадке городища начинается в сер. I тыс. до н. э. и продолжается до 3-й четв. I тыс. н. э.

Наличие сразу двух керамических традиций (что уже отмечалось исследователями и ранее) не дает возможности отнести памятник к «чистому» комплексу городецкой культуры. Можно сделать предположение, что перед нами памятник так называемой маргинальной зоны контактов финских культур раннего железного века лесной полосы Восточной Европы [*Кренке, Ершов*, 2016; *Успенский, Чаукин*, 2016].

Дальнейшие полевые изыскания помогут определить этническую принадлежность памятника Воютино и синхронных ему городищ нижнего течения Оки в пределах Владимирской обл.

Галкин Т. О., 2014. Отчет об археологической разведке на территории памятника «Городище Воютино – Погорельское» в с. Воютино Меленковского района Владимирской области в 2014 г. // Архив ИА РАН (без номера).

Глазов В. П., 1977. Археологическое обследование Меленковского и Муромского районов в 1976 году // Архив ИА РАН Р-1. № 9673. М.

Добрынкин Н. Г., 1868. Указания о некоторых местностях с народными о них представлениями в Меленковском уезде (археологическая заметка) // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 6 апреля 1868 г. С. 1–2.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., 2016. Городище Васильково на реке Нерль // РА. № 1. С. 37–50.

Леонтьев А. Е., 1992. Отчет о разведках во Владимирской области в 1991 году // Архив ИА РАН Р-1. № 14624. М.

Тухтина Н. В., 1971. Отчет о работе Владимирской экспедиции ГИМ в 1970 году // Архив ИА РАН Р-1. № 4359. М.

Успенский П. С., Чаукин С. Н., 2016. Ареал городищ дьякова типа // КСИА. Вып. 242. М. С. 71–80.

О. В. Данилов, Д. В. Абрамов

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ БАБАЕВО I НА РЕКЕ КОЛОКШЕ

Ключевые слова: бронзовый век, абашевская культура, XII–XVII вв., домонгольское время, свистулька

ООО «Нижнеокское историко-археологическое бюро „Артефакт“» и археологической группой ГБУК Владимирской обл. «Государственный центр по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия» произведены археологические исследования поселения Бабаево I, выявленного в ходе разведки предыдущего года. Памятник расположен на правом коренном берегу р. Колокша (левый приток р. Клязьма) к ЮВ от с. Бабаево Собинского р-на Владимирской обл.

В ходе раскопок исследовано 32 кв. м в сев. части памятника. Мощность культурных напластований в пределах раскопа достигает 70 см без учета заглубленных в материк объектов. В основном они представлены коричневато-серой гумусированной супесью с включениями древесных угольков, крошки печины, небольших камней, колотых, вероятно, от термического воздействия. В ней встречен археологический материал, относящийся к эпохе бронзового века, домонгольскому времени и к более позднему периоду (XV–XVII вв.). В СЗ части раскопа этот слой отделен от материка светлой коричневато-серой супесью древней погребенной почвы мощностью до 26 см, в которой найден фрагмент венчика лепного сосуда, относящийся к эпохе бронзы. Венчик прямой, высотой 3 см и резко отогнутый наружу под углом 30°. Толщина черепка 0,7 см. Орнаментация отсутствует. Данный фрагмент принадлежал сосуду предположительно колоколовидной формы, характерной для абашевской культуры [*Ефименко*, 1961, с. 70–73; *Пряхин, Халиков*, 1987, с. 124–131, рис. 60а].

В СВ углу раскопа расположена часть котлована хозяйственной постройки, заглубленного в материк на 59 см. Размеры вошедшей в раскоп части постройки 264×188 см. Следов в виде столбовых ям в котловане не обнаружено. Вероятно, использовалась срубная конструкция. Объем котлована заполнен серовато-коричневой супесью с примесью желто-белесой материковой супеси с вкраплениями древесного угля и печины. В заполнении обнаружены фрагменты древнерусской керамики из красножгущейся глины. Единственная индивидуальная находка в постройке представляет собой фрагмент стеклянного крученого браслета оливкового цвета. Анализ химического состава стекла показал, что оно относится к классу K-Pb-Si. Такие стеклянные браслеты были широко распространены на территории Древней Руси в XII–XIII вв. На основании собранного археологического материала рассматриваемую постройку можно датировать в пределах сер. XII – нач. XIII в.

Всего в ходе раскопок собрано 10 индивидуальных находок, представляющих все исторические периоды жизнедеятельности людей на терри-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.118-120

тории памятника. К эпохе бронзы относятся скребок концевой на кремневом отщепе, фрагмент венчика лепного сосуда и 3 кремневых отщепа. Среди вещей периода XV–XVII вв. выделяется фрагмент красноглиняной игрушки-свистульки «птички». Аналогичные игрушки встречены в культурном слое Владимира, Суздаля и других средневековых городов [*Нестерова*, 2002, с. 24–34]. Они датируются XV–XVI вв.

Рис. 27

К домонгольскому времени кроме приведенного выше фрагмента стеклянного браслета относится пластина квадратной формы, изготовленная из слоновой кости, с рельефным изображением льва, идущего вправо (рис. 27). Голова льва повернута в фас. Размеры пластины в плане 1,5×1,5 см, толщина 5,8 мм, высота рельефа 0,7 мм. На правой боковой стороне пластины сохранились следы отверстия диаметром 1,5 мм для штифта, который закреплял ее на каком-то основании. Изображение льва выполнено в ярко выраженном «зверином стиле», который нашел широкое распространение в оформлении соборов и церквей Владимиро-Суздальской земли в XII–XIII вв. Считается, что определенное влияние на создававших их мастеров оказали сюжеты резных пластинок из слоновой кости, украшавших ларцы и шкатулки, привозимые из Византийской империи [*Вагнер*, 1964, с. 121]. Предположительно, что и пластина, найденная на памятнике «Поселение Бабаево I», является накладкой на ларец. Известные в настоящее время византийские ларцы и шкатулки из слоновой кости декорированы пластинами с антропоморфными и зооморфными изображениями с размерами не менее 3 см. Однако нельзя исключить существование ларцов или коробочек-реликвариев меньших размеров. Полных аналогий найденной пластине не найдено, но по сюжету и стилю исполнения оно похоже на изображение на двенадцатом медальоне тулова византийской чаши, найденной в Чернигове [*Даркевич*, 1975, с. 59]. Чаша датируется XII в. Сильное сходство изображений на найденной пластине и чаше позволяет предполагать, что оба изделия были одновременно изготовлены в одной ювелирной мастерской или в компактно расположенных мастерских, где ремесленники тиражировали устоявшиеся изображения на различных предметах. В качестве такого места В. П. Даркевич предлагает императорские мастерские в Константинополе [*Даркевич*, 1975, с. 232], обращая внимание именно на одинаковые сюжеты в торевтике и резьбе по слоновой кости. Изготовление пластины местными древнерусскими ремесленниками очень маловероятно. Слоновая кость, как исходный материал,

абсолютно не характерна для мастеров Древней Руси. Следует заметить, что даже в северных окраинах Византии она активно вытеснялась местными материалами, например рогом. Присутствие рассматриваемой находки на территории памятника можно связать с летописным сражением между владимирскими и рязанскими войсками в 1177 г. Известно, что на стороне владимирского князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) в этой битве участвовали черниговские отряды под началом княжичей Олега и Владимира Святославовичей. Вместе с ними костяное изделие (например, коробочка-реликварий) могло попасть из Чернигова на берега Колокши, где в боевых условиях было утеряно или разрушено.

Таким образом, результаты раскопок 2016 г. на территории памятника «Поселение Бабаево I» дают основание рассматривать его как многослойный археологический объект эпохи бронзы и XII–XVII вв.

Вагнер Г. К., 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М.: Наука. 188 с.

Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии. М.: Искусство. 352 с.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1961. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. № 97 / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР. С. 43–110.

Нестерова Н. В., 2002. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: ВСМЗ. 42 с.

Пряхин А. Д., Халиков А. Х., 1987. Абашевская культура // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. М.: Наука. С. 124–131.

Д. А. Кабаев

РАСКОПКИ ВО ВЛАДИМИРЕ И СУЗДАЛЕ

Ключевые слова: XII–XX вв., вал, могильник, золотная вышивка, курганные захоронения

Сотрудники ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ» в рамках реализации проекта «Реконструкция комплекса „Патриарший сад“, ул. Козлов Вал, местного значения. 2 этап» проводили охранные археологические раскопки в г. Владимире на месте строительства конференц-зала и установки газовой котельной. Участок исследования находится на территории объекта археологического наследия «Культурный слой древнего города Владимира, XII–XVII вв.». А также проводили охранные археологические раскопки в г. Суздаль на ул. Васильевская на месте строительства жилого дома с хозблоком (раскоп 1), гостевого дома (раскоп 2), веранды (раскоп 3) и вольера (раскоп 4). Участок исследования находится в вост. части современного Суздаля в границах памятника археологии «Культурный слой, валы и рвы г. Суздаля X–XIII, XIV–XVII вв.».

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.120-123

Работы во Владимире. Место проведения археологических работ расположено на мысовидной надпойменной террасе р. Клязьмы в ЮЗ части «Нового города» (зап. часть древнего Владимира), в 190 м к ЮВ от Спасской ц. и ц. Николая Чудотворца. На месте строительства конференц-зала заложен раскоп 1. Конфигурация и ориентация раскопа определялись проектом здания, его площадь составила 713,23 кв. м.

Культурные отложения, зафиксированные в раскопе, сформировались под воздействием ряда факторов. Фоновая мощность культурного слоя – до 180 см. Напластования формировались на природном склоне. Понижение дневной поверхности в раскопе идет в ЮВ направлении, перепад высот достигает 338 см. Именно в вост. и ЮВ части раскопа наблюдается наибольшая мощность культурных отложений. Здесь фиксируются планировочные работы начиная с XIX в. Природный склон отсыпается при строительстве дома, фундаменты и подвалы которого расчищены в юж. половине раскопа. Дальнейшее выравнивание склона происходит в XX в., когда организуется «Сад 16 республик». В вост. части раскопа фиксируется два горизонта планирования природного склона землей с бытовым и строительным мусором; ниже залегает горизонт слоистой структуры, образованный перемежающимися полосами серо-коричневого суглинка и неоднородной желто-серой супеси. В юж. половине раскопа культурные отложения сильно нарушены при строительстве жилого дома в 70–90-х гг. XIX в. При сносе дома в 80-х гг. XX в. напластования были нарушены вторично. Подвалы и погреба засыпаны строительным мусором. Произведено благоустройство участка разрушенного дома. Отложения, связанные со временем разборки дома, в его границах прослежены до материка.

В центральной и юж. частях раскопа, на участках ненарушенного культурного слоя, до материка прослежен однородный темно-серый гумусированный суглинок. Мощность этого горизонта составила 20–75 см. В сев. части раскопа отложения темно-серого суглинка сильно нарушены. До разбивки раскопа в этой части Патриаршего сада располагался питомник древесных кустарников. Площадка была подрезана, и темно-серый суглинок активно перекапывался. Садовыми работами нарушен и материк.

В раскопе прослежено 4 исторических строительных горизонта. Ранний этап освоения территории относится к XII–XIV вв. Это время в раскопе маркируется котлованами жилых и хозяйственных построек (ямы 1, 19–21, 21А, 23, 24, 28, 30, 34–37, 40, 40А). Котлованы древнерусских построек располагались в сев. и зап. части раскопа, в наиболее высокой части, и были подрезаны в результате планирования территории. Второй строительный горизонт – XV–XVII вв. К этому времени относятся ямы 3, 6–8, 29, 31, 33, 38, 39, 163. Третий строительный горизонт – сооружение XVIII в. – яма 5. Четвертый строительный горизонт датируется последней четв. XIX – нач. XX в.: это разрушенный дом в центральной части раскопа и многочисленные хозяйственные погреба (ямы 9, 11–14, 75, 78, 108).

Коллекция индивидуальных находок насчитывает 77 предметов: это женские украшения из стекла (браслеты и бусы), бытовые предметы из железа (замки и ножи), нумизматический материал, керамическая столовая и тарная посуда, глиняные игрушки.

Раскоп 2 заложен на месте установки газовой котельной в 100 м к ЮВ от раскопа 1. Площадь раскопа составила 40,91 кв. м. Фоновая мощность культурного слоя в раскопе 2 составила 88–143 см. Культурные напластования формировались на природном склоне. Понижение дневной поверхности в раскопе идет в СВ направлении, перепад высот достигает 148 см. В вост. и СВ части раскопа фиксируются планировочные работы XX в. – отсыпка природного склона бытовым и строительным мусором. Верхний горизонт отложений – серо-коричневый и однородный темно-серый суглинок, перекрывшие отложения супесей слоистой структуры и разного окраса. Фиксируются чередования серо-желтой и желто-серой супеси, перемежающиеся желтой и рыжей супесями. В профиле юж. стенки раскопа прослежены тонкие полосы прокаленной супеси и скопления углей и тонкие полосы древесного тлена. Подобная стратиграфическая структура указывает на прохождение по этой территории трассы вала, который был отсыпан на верхней кромке природного склона. Зеленоватые супеси в профиле зап. стенки раскопа – следы могильных перекопов, окрасившие вальные структуры в зеленоватый цвет. Насыпь сформирована на погребенной почве мощностью до 20 см. Вероятно, раскопом захвачен вост. склон вала, который был снивелирован еще в XVIII–XIX вв., а в XX в. застроен.

В раскопе исследовано 34 погребения, из них 12 погребений впущены в материк. Захоронения выполнены в могильных ямах подпрямоугольных очертаний, при расчистке погребений прослежены следы гробовин и найдены железные кованые гвозди. Погребения совершены головой на З, руки сложены в районе живота и таза. В двух погребальных комплексах обнаружены каменные «подушки», в одном комплексе зафиксирован головной и изножный камень. Все захоронения безынвентарные. В погребении 25 найдены фрагменты погребальной одежды: на лбу – золототканое очелье (орнамент – плетенка) и остатки опушки шапки из меха бобра. В районе груди-шеи расчищен фрагмент золототканого воротника с пятью медными пуговками (орнамент – плетенка и «древо жизни»), берестяной подклад под воротник, составной нагрудник с сюжетной вышивкой золотной нитью (процветший крест и птицы в медальонах) и нагрудник (?) с вышивкой золотной нитью Богоматери Оранты и предстоящего Архангела Михаила.

Вал насыпан не ранее кон. XII – нач. XIII в. на месте могильника. Захоронения, исследованные в материке, сделаны до времени строительства вала. Однако могильник продолжает существовать и после строительства вала. Исследованные в раскопе погребения 1–24 сделаны в толще вала и датируются, возможно, XIII–XIV вв.

Раскопки в Суздале. Работы проводились на ул. Васильевская. Общая площадь исследований составила 797,24 кв. м. Землеотвод расположен

на левом берегу р. Каменки, удален на 230 м от укреплений Окольного города в вост. направлении и на 350 м к СЗ от Васильевского монастыря.

Мощность культурных отложений в раскопах составила 16–78 см. Культурные отложения на участке исследований – однородный темно-серый гумусированный суглинок. Длительное время в этой части Суздаля располагался производственный сад и огород. В раскопе 3 зафиксирован строительный горизонт 2-й пол. XVIII в. в виде полос серо-коричневого и охристого суглинка с колотым кирпичом. С этим горизонтом связаны исследованные в материке столбовые ямы и 6 котлованов жилых и хозяйственных построек.

На участке исследований обнаружен могильник XII–XIII/XIV (?) вв. В раскопах исследованы как курганные, так и безкурганные захоронения. На исследованной площади зафиксировано 15 курганов. Курганные захоронения маркируются рвами и кольцевыми и полукольцевыми канавками. Курганы имели округлую форму, диаметр составлял 3,3–5 м. Курган 6 (раскоп 1) имел вытянутую по линии С–Ю овальную форму, так как формировался на протяжении времени. У кургана 6 прослежены 2 рва и две канавки. В кургане расчищено 6 захоронений: 2 взрослых и 4 детских. Грунтовые захоронения носят рядный характер. В общей сложности исследовано 94 захоронения, все выполнены в могильных ямах подпрямоугольной формы, их поперечные размеры достигали 1,2×2,7 м, глубина могильных ям составила 10–70 см. В заполнениях могильных ям фиксировались следы деревянных погребальных сооружений в виде полос древесного тлена и темно-серого суглинка с древесным тленом в голове и ногах. В погребении 2 (раскоп 1) расчищены остатки деревянной колоды. В раскопе 2 погребальные конструкции маркировались железными коваными гвоздями. Погребения совершены лежа на спине, головой на З: руки сложены в районе живота и таза.

Большая часть захоронений безынвентарная. Вещевой материал из захоронений представлен в большинстве случаев медными пуговками. В женских захоронениях найдены медные перстневидные височные кольца. В погребении 24 (раскоп 1) найден комплект из 7 височных колец; в женском погребении 7 (раскоп 3) найден комплект из 6 медных височных колец. В погребениях 30, 49 найдены золототканые очелья с орнаментом «плетенка».

По местоположению могильник получил название «Васильевский». Это четвертый средневековый могильник на территории современного Суздаля. В раскопах граница могильника не установлена. Возможно, учитывая ранее проведенные исследования в ближайшей округе, могильник распространяется в зап. направлении вдоль ул. Васильевская в сторону валов Окольного города.

А. Е. Леонтьев, А. Л. Александровский,
В. В. Бейлекчи, А. В. Кашкин, А. А. Трошина

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ВЫЖЕГША

Ключевые слова: бурение, радиоуглерод, геральдический стиль, споро-пыльцевой анализ, ранний железный век

Работы 2016 г. велись Волго-Окской экспедицией ИА РАН в рамках проекта полевых исследований РГНФ № 16-01-18-059. Предполагалось выяснить современное состояние памятника, снять новый топографический план, уточнить состояние и стратиграфию культурного слоя разных участков территории памятника с помощью шурфов и ручного бурения, получив при этом образцы для радиоуглеродного и палинологического анализов. Также была запланирована разведка в окрестностях поселения для поиска синхронных археологических объектов и осмотра известных, близких по расположению городищ бассейна р. Колокши.

Памятник получил название по имени ближайшего населенного пункта. Городище находится к ЮВ от деревни на противоположном правом берегу р. Черной, правого притока р. Колокши, левого притока р. Клязьмы в Юрьев-Польском р-не Владимирской обл. Городище открыто В. П. Глазовым в 1972 г., известность оно получило после случайной находки в 1983 г. клада куфических монет сер. IX в. [*Фомин*, 1988, с. 103–131]. В 1984–1986 гг. был доследован участок находки монетного клада, где оказался еще один клад: стандартных слитков оловянисто-свинцового сплава, а также проведены разведочные раскопки на центральной площадке. Помимо информации о средневековом городище были получены данные о существовании в этом месте предшествовавшего по времени поселении раннего железного века. Результаты работ опубликованы [*Леонтьев*, 1996, с. 196–209]. По хронологии, многочастной структуре территории, разнообразию материалов городище Выжегша схоже с известным, ныне не существующим, Сарским городищем, находившимся в 85 км к СЗ в бассейне оз. Неро. Другие археологические памятники схожих характеристик в Волго-Окском междуречье не известны.

Городище занимает вытянутый, вдающийся в пойму гребневидный мыс залесенного правого коренного берега р. Черной с общей ориентировкой с Ю на С. С боковых зап. и вост. сторон мыс ограничен низинами речной старицы, а в верхней склоновой части – выположенными старыми оврагами. Зап. склон на всем протяжении круче восточного. Длина мыса с учетом изгибов поверхности составляет ок. 480 м, перепад высот в пределах отметок 125–160 м. Вся поверхность мыса в той или иной степени входила в границы средневекового поселения. Выделяются три площадки поселения, разделенные относительно узкими перешейками. Верхняя напольная площадка ограничена невысоким валом и рвом, центральная основная – сопковидным валом. Между площадками на перешейках сохранились следы древней дороги в виде заплывших выемок шириной ок. 2 м и длиной несколько десятков метров.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.124-126

Рис. 28

Изменения в облик памятника внесли грабительские разрытия последних десятилетий. Полностью оказалась перекопана СВ оконечность центральной площадки. Многочисленные нарушения поверхности заметны и в других местах памятника.

Ручное бурение с шагом 20 м по всей протяженности мыса позволило уточнить состояние и мощность отложений в разных частях памятника. В результате был выявлен погребенный культурный слой на верхней и нижней площадках мыса, о существовании которого на этих участках ранее не было известно.

Взятые в шурфах образцы культурного слоя позволили получить три близкие по значению ^{14}С-даты, по одной для каждой площадки. Определяемый календарный возраст находится в пределах 1110–1230 л. н. (720–840 гг. н. э.) ± 60 лет. Калиброванный возраст по крайним значениям 2σ трех образцов укладывается в рамки 664–1022 гг. н. э. Возможность существования поселения в VII в. подтверждает найденная на поверхности центральной площадки поясная бляшка серебряного сплава с тремя медными шпеньками так называемого геральдического стиля (рис. 28).

Таким образом, новые данные показали, что средневековое городище возникло не в VIII в., как предполагалось ранее, а по крайней мере столетием раньше. Допустимое по результатам радиоуглеродного анализа существование поселения в X в. археологическими материалами пока не подтверждается.

Среди других находок из шурфов и отвала грабительского раскопа – трехлопастные, ланцетовидный и пирамидальный (шиловидный) наконечники стрел, фрагменты топоров, швейные иглы.

Спорово-пыльцевой анализ образцов культурного слоя городища позволил получить первые данные об особенностях ландшафтной ситуации во времена существования поселения, в частности предполагать наличие ближнего пахотного поля.

Существование поселения эпохи раннего железа подтверждается только редкими фрагментами сетчатой керамики в шурфах и находкой двух железных двушипных наконечников стрел на вост. склоне ниже центральной площадки. Сохранившегося культурного слоя этого периода обнаружить не удалось.

Осмотр ближайшей округи городища позволил обнаружить следы деятельности на близких участках береговой линии (подъемный материал при отсутствии культурного слоя).

Обследование находящихся в относительной близости в радиусе 5 км городищ бассейна р. Колокши у дд. Турыгино и Лазаревское показало, что оба памятника не являются синхронными городищу Выжегша и относятся

к более раннему времени. На последнем шурф подтвердил наличие двух стратиграфических горизонтов культурного слоя. Однако наличие в обоих горизонтах фрагментов сетчатой керамики указывает на хронологическую преемственность отложений. Полученная ^{14}С-датировка указывает на существование поселения в период III в. до н. э. – III в. н. э.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 340 с.

Фомин А. В., 1988. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX в. // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: Наука.

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева,
Н. Д. Угулава

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ШЕКШОВО В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

Ключевые слова: геофизические исследования, курганы, ингумация, кремация, X–XI вв.

Могильник Шекшово – один из немногих средневековых некрополей Суздальского Ополья, частично сохранившихся после грандиозных раскопок А. С. Уварова 1851–52 гг. и вновь выявленных Суздальской экспедицией ИА РАН в современных ландшафтах. Современные исследования могильника Шекшово, в котором А. С. Уваровым были вскрыты 244 курганных насыпи, были начаты в 2011 г. За шесть лет работ Суздальской АЭ здесь, на площади ок. 2000 кв. м, вскрыты остатки 10 курганных насыпей, исследовано 20 погребений рубежа X–XI – нач. XII в. по обряду трупоположения, несколько погребений по обряду сожжения, собрано ок. 2000 средневековых вещей. Открытие в Шекшове ярких погребальных комплексов, содержащих предметы вооружения, престижные украшения и торговый инвентарь, и документирование здесь ранее неизвестных в центре Северо-Восточной Руси форм погребального обряда (кремации с рассеянным размещением остатков трупосожжения на поверхности земли X – нач. XI в., бескурганные ингумации XI в.) делает этот некрополь одним из ключевых объектов для изучения становления древнерусской культуры и властных отношений в Суздальской земле в X–XI вв.

В 2016 г. одной из задач раскопок была отработка методов взаимодействия геофизики и археологии в поисках и исследовании погребальных насыпей, в настоящее время полностью снивелированных: в Шекшов-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.126-129

ском некрополе насыпи курганов уничтожены многовековой распашкой, и в настоящее время погребения не имеют внешних признаков.

Раскоп площадью 336 кв. м заложен на участке, где локализуются две круглые в плане аномалии, выявленные группой геофизиков ООО «НПЦ Геоскан» под рук. д. ф. н. И. Н. Модина и к. ф. н. С. А. Ерохина методом электротомографических измерений. Мощность верхнего пахотного слоя, представленного серо-коричневым опесчаненным перемешанным гумусированным суглинком, составляла 18–40 см. На площадке раскопа исследованы углубленные объекты: остатки ровиков курганов, ямы погребений по обряду ингумации и ямы, происхождение и назначение которых не ясно. На большей площади раскопа они прорезали только материк, на некоторых участках в вост. части раскопа ямы прорезали также остатки сохранившегося фрагментарно слоя темного, практически черного, почвенного гумуса.

Центральным объектом исследования стал курган 8. Вост. ровик кургана и край его площадки были изучены в раскопе 2013 г. Площадка кургана имеет подовальную форму, вытянутую по оси З–В, размерами 944×1210 см, покрыта остатками слоя темного почвенного гумуса и окружена кольцевым ровиком, имеющим вид канавы с пологими стенками и плоским дном шириной 300–400 см, глубиной 60–65 см от уровня современной дневной поверхности, заполненной серо-коричневым гумусированным суглинком. В сев. части ровика обнаружены остатки сползшей в него насыпи кургана.

На площадке кургана 8 обнаружены две ямы неправильной подовальной формы без остатков погребений и каких-либо средневековых предметов. По своей форме и заполнению эти ямы отличаются от погребальных, ранее исследованных в Шекшове. Возможно, ямы имеют природное происхождение. Погребение в кургане 8 не найдено. Скорее всего, в кургане была ингумация, помещенная в насыпи или на площадке, которая была уничтожена в результате распашки. Собраны отдельные предметы, которые могли входить в состав погребального инвентаря: фрагмент весов для малых взвешиваний, 6 весовых гирек, наконечник стрелы, железный нож, перстнеобразное височное кольцо, несколько стеклянных и каменных бус. В ЮЗ части ровика найдены фрагменты костей и зубов КРС и лошади.

Курган 8 с сев. стороны имел общий ровик с курганами 12 и 13, также имеющими между собой общий ровик. Эти курганы были исследованы в 2016 г. частично.

У кургана 12 расчищена ЮЗ часть площадки размерами 500×330 см и окружающий ее кольцевидный ровик шириной 350–420 см и глубиной 68 см от уровня современной дневной поверхности. На краю площадки обнаружено погребение по обряду кремации, большая часть комплекса дошла до нас непотревоженной. Погребение представляло собой скопление кальцинированных костей, перемешанных с золой, углями, отдельными предметами (индивидуальными находками), а также частичками обожженной глины с места сожжения. Кости лежали плотным слоем тол-

щиной 4–9 см на площади размерами 110×88 см. Слой с костями с сев., вост. и юж. сторон был окружен 16 ямками диаметром 7–10 см, глубиной 8–10 см, ограничивающими участок овальной формы размерами 130×124 см.

Всего в скоплении собрано 4358 г костей, на некоторых из них видны остатки цветного и черного металла. 175 г определяются как кости мужчины старше 40 лет, остальные – как кости животных или относятся к мелким неопределимым.

Среди костей в скоплении собрана коллекция предметов: обожженные обломки односторонней наборной роговой расчески в роговом футляре, железные клин от топора, прямоугольная пряжка с иглой, маленькая призматическая весовая гирька, бронзовая призматическая головка от фибулы, тоже, вероятно, использовавшаяся в качестве гирьки, а также частично подплавленные бронзовые детали уздечного набора (4 разделителя, 2 бляхи, фрагмент грушевидного крестопрорезного бубенчика, не менее 8 наконечников и 24 накладок, железная пряжечка). Среди костей встречены фрагменты негорелой бересты. Здесь же расчищены глиняные фрагменты лепного горшка, который был помещен в погребение уже разбитым, миниатюрный лепной сосуд, глиняная модель лапы бобра и глиняное кольцо. Лапа и кольцо лежали в вост. части скопления костей и были прикрыты сверху крупным обломком сосуда. Некоторые металлические предметы были оплавлены и обожжены, некоторые нет. По набору находок погребение можно датировать 2-й пол. X в.

Кремация, открытая в кургане 12, существенно отличается от остатков трупосожжений, затронутых раскопками 2012–2015 гг. Последние представляли собой отложения, содержавшие небольшую массу сильно измельченных пережженных костей и отдельные пережженные артефакты, размещенные дисперсно, без специального сохранения их в отдельных погребальных сооружениях.

Площадка кургана 13, от которой в 2016 г. исследована только юж. часть размерами С–Ю 212 см, З–В 780 см, располагалась к З от кургана 12 и к С от кургана 8. Под пахотным слоем на ее поверхности сохранился слой темного почвенного гумуса. На юж. и вост. склонах площадки обнаружены необожженные крупные кости МРС и крупного домашнего копытного. Погребения в кургане не обнаружено.

Кроме остатков курганов в раскопе исследованы 3 погребения, совершенные по обряду ингумации головами на З в грунтовых ямах без сооружения курганов. Вероятно, захоронения были совершены в межкурганном пространстве.

В погребении 2 открыт костяк мужчины 30–39 лет, лежащий в деревянном гробу. Около его левого бедра находились железный нож с остатками деревянной рукояти и железное калачевидное кресало. В районе левого колена стоял целый лепной заглаженный сосуд. Вероятное время совершения погребения – 1-я пол. – сер. XI в.

В погребении 3 расчищен костяк женщины 40–49 лет. Около черепа погребенной, справа и слева от него, располагались два перстнеобразных

разомкнутых височных кольца – бронзовое и из легкоплавкого сплава. В районе груди расчищены лежащие в ряд с З на В три стеклянные кольцевидные бусины: две синие и одна голубая, еще одна такая синяя бусина найдена при разборке костей погребения. Самой последней в ряду находилась серебряная круглая монетовидная подвеска с тисненым декором, подражающим арабским монетам. К ней было приделано пластинчатое ушко. Слева от костей стопы левой ноги лежал кожаный кошелек с прослойкой бересты, полотна которого были скреплены бронзовыми пластинчатыми обоймицами с заклепками. В вост. части ямы за ногами стояли рядом два сосуда – круговой с линейным и волнистым орнаментом и гладкий раннекруговой. Следует отметить, что это первая находка кругового сосуда в ингумации в Шекшове. Во всех ранее исследованных могильных ямах присутствовали лепные сосуды или их развалы. Вероятное время совершения погребения – сер. XI в.

В погребении 4 расчищен череп ребенка в возрасте ок. 5 лет. Около нижней челюсти найдены лежащие в ряд 3 стеклянные бусины, вероятно бывшие на нитке: треугольная коричневая, четырехгранная стекла печеночного цвета и винтообразная. 4-я желтая лимоновидная бусина находилась чуть в стороне. Справа от черепа лежало бронзовое перстнеобразное височное кольцо. По набору бус погребение может быть датировано 1-й пол. – сер. XI в.

Можно предположить, что и исследованные в раскопе погребения по обряду ингумации, и совершенные за пределами внешней границы ровика кургана 8 связаны с ним в единый комплекс. Они близки по времени и не образуют рядов.

Кроме ровиков курганов и ям погребений в ЮЗ и юж. частях раскопа изучены 4 углубленные в материк ямы, назначение которых остается пока неясным.

Могильник Шекшово – единственный погребальный памятник X–XI вв. с центре Ростово-Суздальской земли, исследование которого ведется в настоящее время, спустя почти 40 лет после завершения широких раскопок Тимеревского некрополя в Ярославском Поволжье и почти 30 лет после окончания раскопок на Михайловской стороне Суздаля. Это первые в центре Ростово-Суздальской земли раскопки раннесредневекового некрополя сплошной площадью, со вскрытием остатков погребальных площадок, ровиков, межкурганного пространства, участков с грунтовыми погребениями и поверхностными кремациями. Хотя площадка могильника Шекшово, в отличие от погребальных памятников, исследованных в 1970–1980-е гг., существенно нарушена хозяйственной деятельностью и старыми раскопками, новые исследования с использованием современных полевых методик позволяют сделать ряд существенных наблюдений о погребальной обрядности, ее развитии и соотношении разных ее форм, о хронологии погребений и о пространственной организации некрополя. Новые раскопки раскрывают значительное разнообразие форм погребальной обрядности и документируют их детали, которые ранее не были зафиксированы при раскопках других некрополей X–XI вв.

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. В. Горохова, А. С. Лазарев,
И. А. Бушуев

РАСКОПКИ ЗА ЦЕРКОВЬЮ СПАСА В ГОСТИНОМ ДВОРЕ КОСТРОМЫ В 2015–2016 ГГ. (РАСКОП «МЕЛОЧНЫЕ РЯДЫ II»)

Ключевые слова: частокол, сруб, монеты, керамика, дендрохронология, XIII–XIX вв.

В 2015–2016 гг. АЭ ОБГУ «Наследие» проведены раскопки на территории памятника археологии «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV–XVIII вв.». Работы стали логическим продолжением изысканий на раскопе «Мелочные ряды I», которые проводились в 2013–2015 гг.

В рамках работ изучен культурный слой г. Костромы позднего средневековья и нового времени.

Общая площадь исследований 2015–2016 гг. составила 96 кв. м. По завершении полевого сезона 2015 г. раскоп доведен до уровня 3-го пласта и законсервирован. В ходе работ 2016 г. разобраны еще 3 пласта. После зачистки 6-го пласта выявлены контуры 76 различных ям, основное количество которых представлено различными столбовыми ямами и частокольными линиями. Находки в ямах представлены только керамикой, что не позволяет на данном этапе узко продатировать их. После выборки ям раскоп был доведен до уровня материка и рекультивирован (мощность изученных культурных напластований до 2 м).

На раскопе открыты и исследованы остатки 6 различных сооружений, наиболее интересными из которых являются остатки 5 срубов, представленных нижними венцами и подкладками (обрезками бревен) под углами построек, ориентированных по сторонам света. Стратиграфически все остатки срубов синхронны и прослеживаются со 2-го по 4-й пласт. На уровне зачистки 2-го пласта из-за навалов бревен, досок и древесного тлена практически отсутствовала возможность для определения границ отдельных сооружений. Полностью срубы расчищены в ходе разбора 3-го и 4-го пластов. На всех постройках зафиксированы следы пожара. Назначение выявленных построек предварительно определяется как хозяйственное (торговое), что связано с отсутствием забутовок и укреплений под печи и элементов печных конструкций, а также небольшим количеством кирпича в их заполнении.

Установленные ориентация и расположение обнаруженных построек по сторонам света дополняют материалы, полученные в ходе работ на раскопе «Мелочные ряды I», и позволяют более уверенно характеризовать планировочную структуру г. Костромы до введения регулярного плана застройки в кон. XVIII в.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.130-131

Коллекция индивидуальных находок составила 329 единиц, датирующихся XIII–XIX вв., в том числе монеты и проволочные монеты (чешуйки) XVI–XIX вв., а также массовый материал, представленный венчиками, стенками и днищами серо- и красноглиняных, серо- и чернолощеных глиняных сосудов, а также изделия из стекла и черного металла (XIII–XVIII вв.). Среди наиболее интересных находок – навесные замки, фрагменты кожаной обуви (в том числе целые экземпляры), писало (рис. 29), 2 фрагмента стеклянных браслетов. Несмотря на то что в раскопе сохранились только нижние венцы деревянных построек, были отобраны и направлены на дендрохронологический анализ 25 древесных спилов. Выявленный в ходе работ остеологический материал (655 единиц) также направлен на экспертизу.

На основании стратиграфических наблюдений и интерпретации вещевой коллекции изученные на раскопе «Мелочные ряды II» культурные напластования могут быть датированы XIII–XIX вв. Настоящие раскопки позволили получить новые данные о жизни и быте костромского торга в период средневековья и нового времени. Кроме того, их результаты позволили установить, что исследованная территория была включена в состав городских земель гораздо раньше официальной даты (1619 г.), о чем свидетельствуют находки глиняной посуды XIII–XIV вв., а также обнаружение фрагментов стеклянных браслетов и железного писала.

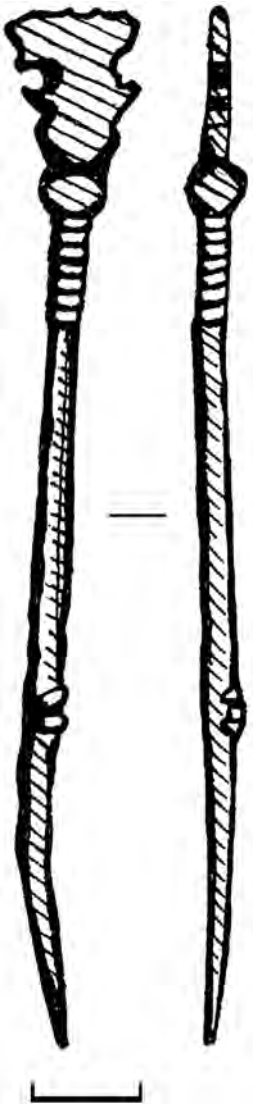

Рис. 29

О. В. Новикова, А. В. Новиков

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ УНОРОЖ

Ключевые слова: IX–XII вв., сруб, морфологический анализ, грунтовое захоронение

ООО «Костромская археологическая экспедиция» продолжила спасательные раскопки городища Унорож, начатые в 2013 г. Работы 2016 г. проводились при участии Костромского отделения РГО. Городище находится в Галичском р-не Костромской обл., расположено на останце первой надпойменной террасы правого берега р. Вёксы, вытекающей из Галичского озера. Высота склонов останца составляет от 9 до 11 м. В результате работ исследован участок культурного слоя на площади 24 кв. м.

Ранее, в 1988–1989, 1991 гг., раскопки на памятнике проведены Е. А. Рябининым, впервые получены сведения о стратиграфии, предложена хронология, разработанная на основе находок стеклянных бус, роговых гребней, бронзовой скандинавской иглы с подвижным кольцом и саманидской серебряной монеты, и сделан вывод о существовании в регионе широтного направления культурных связей, сопоставимого с зап. отрезком Сухоно-Вычегодской торговой магистрали [*Рябинин*, 1989; 1990; 1992а; 1992б].

В раскопе 2016 г. получен представительный вещевой комплекс (изделия из керамики, металла, стекла, кости и др.). Основная часть археологического комплекса городища Унорож – слои IX–X и XI–XII вв., содержащие материалы раннесредневекового племенного и торгово-ремесленного центра локального объединения мери, расселившейся в округе Галичского озера, и, впоследствии, района древнерусского освоения Костромского Заволжья, в меньшем количестве присутствуют материалы XVI–XIX вв., достаточно информативно представлен комплекс раннего железного века, выделяется сетчатая посуда и керамика ананьинского типа. Исследования 2016 г. дают возможность предполагать связь этих находок с отложениями в виде серой супеси, подстилающей горизонты поселка раннего средневековья. Встречаются находки эпохи мезолита.

Исследованы остатки трех наземных деревянных построек, одна из которых (постройка 3) изучена полностью. Деревянные постройки датированы X–XI вв. и фиксировались в виде сильно истлевших нижних венцов срубов, рубленных «в обло», а также скоплений отдельных бревен, плах и досок, составлявших некогда конструктивные части зданий. Все постройки ориентированы с СВ на ЮЗ, при этом некоторые из них находятся на одной линии, образуя тем самым подобие улицы. В постройках верхнего строительного горизонта зафиксированы земляные полы, в том числе с глинобитными участками. Длина стен зданий этого времени могла составлять ок. 6 м. В границах постройки 1 находились развалы двух очажных устройств, одно из которых могло иметь производственное назначение.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.132-134

Постройка 3 (IX – нач. X в.) обнаружена в нижнем строительном горизонте, площадь ок. 14 кв. м. Пол сооружения был не глинобитный, а составленный из плотно подогнанных друг к другу деревянных плах, у стены зафиксированы остатки печи, а в центральной части – подпольная хозяйственная яма, перекрытая настилом. Такие отличия могут свидетельствовать о разных домостроительных традициях у населения, оставившего постройки верхнего и нижнего горизонтов.

Полученные предварительные результаты морфологического анализа (проведен в. н. с. ИГ РАН А. А. Гольевой) существенно дополнили представления о характере освоения территории поселения. Так, в раннем железном веке территория распахивалась, на что указывают отсутствие признаков исходной почвы и однородная структура нижнего горизонта, а также яма, спускающаяся с верхнего уровня пашни и относящаяся по содержащимся в ней находкам к этому времени. Отдельно следует отметить, что в горизонт не вносились минеральные и органические удобрения, о чем свидетельствует его светлая окраска. Далее участок был заброшен, что позволило восстановиться древесному ярусу на залежи. Этот процесс отразился в размытом рисунке нижней границы пашни, а также в присутствии в пашенном горизонте следов древних разложившихся древесных корней и образовании по некоторым из них карбонатных чехликов, которые являются надежным показателем произрастания лиственных деревьев на данном участке. Затем территория вновь была освоена. При этом произошла смена типа хозяйствования. Зафиксировано использование минеральных удобрений, вероятно золы, что нашло отражение в более темной окраске горизонта.

В раскопе 2016 г. изучены 4 грунтовых захоронения, встречаются и перезахоронения. Могильник формируется в XIII – нач. XIV в., возможно, функционировал и позднее. Антропологическое изучение погребений из могильника Унорож продолжено заведующим Центром физической антропологии ИЭА РАН, д. и. н. С. В. Васильевым. Всего в 2013–2016 гг. в погребениях идентифицировано 43 индивида, из которых 21 женщина, 10 мужчин и 12 детей в возрасте до 15 лет. Средний возраст женщин 35 лет, мужчин – 40.

Статистический анализ костных остатков животных (доц. КГСХА С. В. Бармин) говорит о преобладании костей домашних животных над дикими, что свидетельствует о доминирующей роли животноводства в экономике поселения IX–XI вв. Важная роль отводилась также охоте и рыболовству. Объектами охоты служили как крупные животные, такие как лось, медведь, кабан, так и более мелкие: енот, бобр, лиса, заяц. Наибольший удельный вес среди них занимают кости бобра – животного, чей мех был востребован в качестве товара в международной пушной торговле раннего средневековья.

Археологические исследования памятника по-прежнему крайне актуальны и необходимы, так как площадь деревенского кладбища постепенно увеличивается, в результате чего сохранившимся участкам культурного слоя памятника угрожает разрушение. В настоящее время доступной для археологического изучения остается сев. часть памятника.

Рябинин Е. А., 1989. Отчет о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 12779.
Рябинин Е. А., 1990. Отчет о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 15730.
Рябинин Е. А., 1992а. Отчет о работе Заволжской экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 16341.
Рябинин Е. А., 1992б. Северный трансъевропейский путь X в. и меря (по материалам резной кости Костромского Поволжья) // АВ. № 1. СПб.: ИИМК РАН. С. 153–162.

О. В. Новикова, А. В. Новиков,
В. С. Баранов

ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. НЕРЕХТА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: керамика, XV–XX вв., клейма, частокол, грузило

ООО «Костромская археологическая экспедиция» проведены спасательные раскопки на месте планируемого строительства в границах памятника археологии «Участок культурного слоя левобережного посада г. Нерехта» XVI–XVIII вв. в Костромской обл.

Раскоп имел прямоугольную форму 8×10 м, ориентирован ЗЮЗ–ВСВ. Участок долгое время использовался под огород, в недалеком прошлом здесь располагались хозяйственные строения, в результате культурный слой на площадке поврежден. Средняя мощность культурных отложений составила 45–80 см. Стратиграфическая колонка выглядит следующим образом:

– коричнево-серая супесь, 28–60 см (XVII–XXI вв.), верхний уровень слоя переработан в наше время;

– серо-желтая пестрая супесь, 12–40 см (XV–XVI вв.), слой перемешан в результате огородной распашки в позднее время;

– материк – желтый песок.

Насыщенность объектами высокая, при этом в слое поздней распашки на уровне первого пласта ямы не фиксировались вовсе. Изучено 26 объектов хозяйственного назначения, связанных с различными этапами городского домостроительства, в том числе как остатки позднего строения, так и остатки изгороди-частокола. Размеры ям от 78×40 до 360×160 см и 228×312 см.

Собранная коллекция объединяет индивидуальные находки (19 предметов из глины, фаянса, стекла, камня, черных и цветных металлов) и массовый материал – 1334 предмета (фрагменты посуды, стеклянных и железных изделий и др.), отражающие бытование г. Нерехта и наполнение культурного слоя от позднего средневековья до конца советского периода (XV – 2-я пол. XX в.).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.134-136

Артефакты поздней эпохи, характеризующие жизнь города в сер. – 2-й пол. XX в., представлены обломком стеклянного аптечного сосуда, судя по клейму, изготовленного между 1934–1940 гг., находками посуды 1960–1970-х гг., пряжкой с пионерской символикой.

Среди керамического материала позднего средневековья и нового времени следует отметить фрагменты днищ клейменых сосудов. Одно из них рельефное, расположено в центре дна, имеет вид вписанного в окружность четырехконечного креста. Подобный мотив имеет широкое временное и географическое распространение. Во 2-й пол. XI – 1-й пол. XIV в. он был известен на всей территории Северо-Восточной Руси, но более всего – на территории Владимиро-Суздальского Ополья [*Кадиева*, 2007, с. 177]. В Новгороде эти клейма бытуют в X–XIV вв. [*Хижняков*, 2002, с. 138, 146]. Они известны в Старой Рязани [*Панченко*, 2007, с. 202], в Коломне происходят из материалов 1-й пол. – сер. XVI в. [*Сыроватко, Черкасов*, 2010, с. 95, 101], отмечены в материалах Тобольского острога, основанного в 1587 г. [*Балюнов*, 2010, с. 76], в Твери связаны с комплексами XV–XVI, XVIII–XIX вв. [*Кобозева*, 2014, с. 376]. Судя по морфологическим признакам и условиям расположения в культурном слое, нерехтская находка может быть отнесена к XVI–XVIII вв. Вторая находка связана с чернолощеным сосудом, предварительно датированным XVII в. – периодом широкого использования чернолощеной керамики в Костроме [Археология Костромского края, с. 223]. Это клеймо в виде свастики, вписанной в окружность. На некотором расстоянии от нее, рядом с краем дна, – S-образная фигура. К тому же времени следует отнести фрагмент чернолощеной игрушки-лошадки.

К раннему периоду складывания культурного слоя относятся находки шарообразных глиняных рыболовных грузил, имеющие аналогии в материалах Коломны XIII–XV вв. [*Мазуров, Цепкин*, 2003, с. 129–138].

Анализ массового материала показал сопоставимость венчиков сосудов с керамикой типов 10, 13 и 14 г. Владимира, бытование которых относится к XVI–XVIII (10), XVII–XIX (13) и XVII–XVIII вв. (14). Единично встречены венчики, сопоставимые с типом 6 владимирской посуды, датируемым XIV–XIX вв. [*Майорова*, 2011, с. 146].

По результатам работ 2016 г. можно сделать вывод об использовании данного участка с XV в. Объекты этого времени – частокол и пять столбовых ям. Судя по отсутствию между ними крупных объектов, можно предположить, что это обозначившийся фрагмент древней улицы.

Очевидно, после 1815 г. и в 1838 г., когда Нерехта сильно пострадала от пожара, застройка «сдвинута» к В, где и находится в настоящее время. Рассматриваемый участок оказался в глубине дворовой территории и стал использоваться под огород. В XX в. застройка здесь отсутствовала, за исключением, очевидно, отдельных хозяйственных некапитальных строений. Полученные материалы представляют интерес для изучения исторической топографии Нерехты, подтверждают перспективность дальнейших археологических исследований одного из интереснейших малых городов Костромской земли.

Археология Костромского края. Кострома, 1997.
Балюнов И. В., 2010. Тобольские гончарные клейма XVII в. // ВААЭ. № 2 (13).
Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.
Кобозева Е. В., 2014. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 гг. на Затьмацком и Загородском посадах // АП. Вып. 10. М.
Мазуров А. Б. Цепкин Е. А., 2003. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв.: (по данным раскопок в Коломне) // РА. № 4.
Майорова Е. В., 2011. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы науч. семинара. Вып. 3. М.; СПб.
Панченко К. И., 2007. Клейма XII–XIV веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // АП. Вып. 3. М.
Сыроватко А. С., Черкасов В. В., 2010. Керамические комплексы XVI в. из Коломны и селища Романовское (о позднесредневековой коломенской традиции гончарного производства) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь.
Хижняков О. И., 2002. Новгородские гончарные клейма // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. Н. Поляков, В. В. Миненко,
И. Н. Разумов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО, ЖИРЯТИНСКОГО И ЖУКОВСКОГО РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2015–2016 ГГ.

Ключевые слова: селище, керамика, зарубинецкая культура, древности типа Почеп, I–II вв. н. э., древнерусский период, позднее средневековье, XVI–XVII вв.

В 2015–2016 гг. специалистами ГБУК «Брянский областной центр историко-культурного наследия» при участии сотрудников отдела сохранения археологического наследия ИА РАН проведены разведки на территории Брянского, Жирятинского и Жуковского р-нов Брянской обл. Обследовано три памятника археологии: два неизвестных ранее селища – Шапкино 1 (XI–XIII вв.) и Хоробровичи 1 (XVI–XVII вв.), – а также известное по архивным данным селище Жуковка («Жуковское селище») (I–II вв. н. э.).

Селище Шапкино 1 (XI–XIII вв.) расположено к Ю от д. Шапкино Брянского р-на Брянской обл., на правом берегу р. Судость (правый приток р. Десна, левого притока р. Днепр), в 130 м к Ю от русла. Высота площадки селища над уровнем воды в р. Судость 6–11 м. Площадка селища многоугольной, подовальной в плане формы, длина по оси СВ–ЮЗ 240 м, ширина 170 м,

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.136-138

общая площадь 2,9 га. По найденным фрагментам круговой древнерусской керамики селище Шапкино 1 можно датировать периодом XI–XIII вв.

Селище Хоробровичи 1 (XVI–XVII вв.) расположено к ЮЮЗ от д. Хоробровичи, на правом берегу безымянной балки с пересыхающим ручьем (правый приток р. Копыл, левого притока р. Судость) в 410 м к ЮЗ от русла р. Копыл. Высота площадки селища над уровнем воды в ручье 5–9 м, длина по оси СЗ–ЮВ – 230 м, ширина по оси СВ–ЮЗ – 90 м. Общая площадь 1,6 га. К СВ от площадки селища Хоробровичи 1 на расстоянии 70–130 м в долине ручья зафиксированы остатки земляных насыпей плотин двух искусственных прудов, в настоящее время пересохших. Возможно, гидротехнические сооружения связаны с селищем. По найденным фрагментам гончарной позднесредневековой керамики селище Хоробровичи 1 можно датировать XVI–XVII вв.

Селище Жуковка (I–II вв. н. э.), известное в литературе также как «Жуковское селище», впервые обнаружено и обследовано Е. А. Шмидтом и Ф. М. Заверняевым в 1958 г. Повторно обследовано П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом в 1962 г.; Е. А. Шинаковым в 2011 г. Расположено на СЗ окраине г. Жуковка Брянской обл., в 440 м к ЮВ от устья р. Ветьма, на левом берегу р. Десна (левый приток р. Днепр), в 18–25 м к СВ от уреза воды. Высота площадки над уровнем воды в реке – 5–6 м, максимальная длина по оси СЗ–ЮВ – 70 м, ширина по оси СВ–ЮЗ – 47 м. Общая площадь 0,2 га. В центральной части разрушено проходящим с ЮЮВ на ССЗ противотанковым рвом 1941 г., юж. край размывается р. Десна. Культурный слой мощностью 0,08–0,20 м представлен серо-желтым песком, залегающим на рыхлом желтом песке (археологически стерильный материк).

Собранный керамический материал по способу дополнительной обработки поверхности можно разделить на две группы.

Первая – фрагменты лепных гладкостенных сосудов из красножгущихся сортов глины. Цвет поверхности чаще ровный, светло-коричневый, красно-охристый, желто-бурый, реже – с «пятнистой» поверхностью. Обжиг неровный, двух- или трехслойный (с темно-серой внутренней поверхностью сосуда или на изломе). Тесто – с примесью средне- и крупнозернистой дресвы (3–5 мм и более в поперечнике). Венчики хорошо профилированы, отогнуты наружу. Верхний край приострен или немного уплощен с небольшим наплывом наружу. Основной способ орнаментации – прямые или наклонные (вправо) насечки по краю, нанесенные твердым клиновидным в сечении предметом с заостренным рабочим краем. Днища сосудов – плоские с простым оформлением и плоско-выпуклые с «карнизиками», следы подсыпки визуально не прослеживаются. Диаметр днищ – 4–18 см. Толщина стенок сосудов варьируется от 4–6 мм для верхней части до 5–8 мм в средней и увеличением к придонной до 10 мм. Поверхность ряда сосудов так называемая сглаженно-исчерченная со следами хаотичного сглаживания (вероятно, пучком травы) в разных направлениях.

Вторая группа – фрагменты лепных сосудов с лощеной поверхностью из ожелезненной глины (12% от общего числа, что соответствует доле лощеной посуды на памятниках почепского типа – 5–11%). Цвет

поверхности – темно-серый (близкий к черному), излом – серый. Поверхность – с характерным металлическим блеском на двух сторонах или только с внешней стороны (внутренняя сторона, скорее, тщательно заглажена). Тесто – с примесями кварцевого песка и мелких чешуек слюды с золотистым блеском. Обломки лепной керамики с лощеной поверхностью принадлежали ребристым мискам с венчиками вертикальной постановки и горшкам округлобоких пропорций.

Также найден обломок изделия из обожженной глины в форме двусторонне-уплощенного конуса, назначение не ясно, цвет после обжига повторяет цвет гладкостенных лепных сосудов этого памятника, в тесте – примеси песка и мелкой толченой дресвы. Обжиг трехслойный, окислительный.

На основании полученного археологического материала селище Жуковка можно отнести к позднезарубинецким древностям почепского типа и датировать I–II вв. н. э.

Е. А. Шинаков, В. Н. Гурьянов,
Н. Г. Рябчевский

ИССЛЕДОВАНИЯ БРЯНСКОЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Ключевые слова: городище, посад, Древняя Русь, роменская культура, киевская культура

Брянским ГУ им. академика И. Г. Петровского проведено обследование посада древнерусского города Брянска «Петровская гора», сделан разрез вала городища «Чашин Курган» с целью уточнения даты основания г. Брянска.

Первые исследования на самом городище были проведены еще на рубеже XIX–XX вв., вторые (шурфовка А. С. Смирнова) – в 1973 г. [*Гурьянов*, 1997, с. 24–25; *Поляков*, 1998, с. 97–99; 2011, с. 62], третьи – в 1986/87 гг. Результаты первых не сохранились, вторые малорепрезентативны, третьих – сохранились частично.

В частности, в полевой документации 1986/87 гг. полностью отсутствуют материалы по разрезу вала, без которых вопрос о времени его сооружения и особенностях конструкций остается открытым. Именно этот вопрос был ключевым в научном проекте, поддержанном РФФИ/РГНФ. Для сохранения целостности сооружения новый разрез был частично «привязан» к старому, 1986/87 гг., который не был, правда, доведен до конца. Перед раскопками было проведено геофизическое сканирование гребня вала на всем его протяжении, установившее неоднородность его структуры.

Из-за «диагонального» расположения старого разреза новый был сделан несколько выше его и строго перпендикулярно валу. До глубины -200 см от поверхности вала на данном участке проходит новый; ниже, на расстоянии 1,2–1,5 м от него по горизонтали – старый, заново выбранный и зачищенный.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.138-142

Общая структура вала указывает на 2 этапа его сооружения. Прямо на материке были поставлены клети – городни, от внешнего фасада которых сохранились куски перегнившей обкладки, а заполнены они на высоту 2,6 м и длину 4,5 м черным гумусированным слоем со следами древесного тлена, а также кусками болотной руды. Расстояние от внешнего края клетей до внутреннего края рва – 4,5 м. Изнутри клети присыпаны слоем глины высотой 2 м, шириной у основания 1,6–2 м, у поверхности он выклинивается до ширины 30 см. Слой желтой глины уходит даже на площадку городища, но здесь имеет слоистую структуру, говорящую об упавшей внутрь, оконтуривающей слой глины оградке (линза прозоленного суглинка), перекрытой также слоем желтой глины, но более темным. Возможно, после падения (или специальной нивелировки и разравнивания) глиняной «окантовки» вала жизнь на нем продолжалась, так как желтый слой перекрыт мощным слоем серого суглинка с печиной, переходящим в культурный слой площадки городища. Общая ширина глиняной «подушки» – 4,6 м от внутренней границы городен до места ее выклинивания на площадке.

Снаружи клетей глиняной подсыпки нет, зато проходит вертикальный материковой уступ высотой 60 см, оконтуренный по внешней стороне горизонтальными бревнами диаметром 15–20 см (обгорелый древесный тлен сохранился). Возможно, это внутренняя граница внешнего ряда клетей, от которых сохранилось только заполнение – черный углистый суглинок толщиной 1,5 м у городен и выклинивания до нуля на расстоянии 5 м по направлению от городен ко рву. Слой этот перекрыт чередующимися прослойками угля, золы, желтой глины – следами разрушения бревенчатых стен и их обмазки. Ширину внешнего ряда клетей можно реконструировать только предположительно – от 1,6 до 2,9 м. При этом нельзя исключить, что черный суглинок – остаток не заполнения клетей, а подсыпка снаружи к ряду клетей – городен, стоявших выше на материковом уступе. Впрочем, в этом случае расстояние от внешнего контура городен до внутреннего края рва будет равняться 10 м, что малореально. Если же допустить существование двух их рядов, то общая ширина первоначальной нижней части вала с учетом полуметрового разрыва между двумя рядами равнялась 8 м, а вместе с внутренней окантовочной глиняной стенкой – почти 10 м.

На этом участке под предполагаемой внешней клетью встречены фрагменты раннекруговых сосудов, которые для данного региона могут датироваться кон. X – нач. XI в. [*Шинаков*, 1981, прил. 2, гл. II; *Шинаков*, 1991; 2006, с. 465–467]. В самом заполнении клетей никаких культурных остатков, кроме мелких костей животных, не обнаружено.

С высоты свыше 2 м над материком центральной части разреза вала его характер меняется. Его «ядро» на ширину 380 см, начинаясь от внешнего края внутренней клети городней, тянется к внутреннему краю площадки. Оно состоит из отдельных блоков плотной желтой глины, из которых некоторые полуразрушены, а некоторые сохраняют подпрямоугольную форму. Блоки имеют разные размеры, наиболее крупные – 100–110×50–60 см. Они разделены тонкими прослойками серого прозоленного суглинка, иногда – с углями. Всего таких блоков «читается»

в разрезе минимум 7, но еще некоторые явно опрокинулись на внешний склон вала и фиксируются в виде длинных полос «чистой» желтой глины. Они расположены параллельно в четыре ряда по горизонтали и минимум в три яруса по вертикали, имея общую высоту свыше 180 см в их центре.

Над этим глиняным ядром вала находится еще минимум полуметровый слой серо-желтого суглинка и толстый дерновый слой с большим количеством мергеля.

Практически от центра разреза и внешнего края желтоглиняного «ядра» вала весь его внешний склон до края рва на расстоянии 12 м от центра занимает двухметровый толщины мантия чередующихся слоев серого суглинка, гумуса с мергелем, желтой, серо-желтой и оранжевой (обожженной) глины, золы, угля. Все это явно следы целенаправленного обрушения сложных и больших (их площадь в разрезе – свыше 20 кв. м) конструкций, стоявших на поверхности вала, выше и снаружи желтоглиняного «ядра», а также, возможно, и верхней части его самого. Внутренний скат вала покрыт гораздо меньшим по площади в разрезе (максимум 2,5 кв. м) и однородным серым суглинком и печиной, плавно переходящим в культурный слой площадки.

Таким образом, при разрушении «навальных» сооружений они обрушивались только наружу, на площадку между основанием клетей нижнего яруса вала и внутренним краем рва.

Исходя из площади (в разрезе) обрушенных конструкций и ширины площадки, над которой они могли стоять, их высота над данной площадкой могла равняться 5 м.

Опирались эти сооружения на разного размера блоки утрамбованной желтой глины, заключенные в каркасы из плетня или плах. Таким образом, в структуре вала наблюдается три яруса: один или два ряда клетей – городен с оконтуривающей их изнутри глиняной стенкой; сложенное из отдельных блоков желтоглиняное «ядро»; возвышавшиеся над валом деревянные, с использованием обожженной и обычной глины, а также дерново-мергелевой засыпки сооружения (стены-заборола?). Снаружи они были присыпаны на небольшую высоту и отстояли далеко от внутреннего края рва. В разрезе читаются углистые заостренные бревна частокола, возможно располагавшегося на склоне перед стенами.

О датировке этих сооружений могут свидетельствовать несколько десятков фрагментов круговых сосудов, которые по форме венчиков относятся ко 2-й пол. XI – нач. XII в. [*Шинаков*, 1981; 1991; 2006]. При сооружении второго яруса укреплений мог использоваться уже возникший культурный слой поселения, в том числе площадки городища, где аналогичные венчики также встречены (раскопки Г. П. Полякова, 1986/87 гг., Фонды Брянского областного КМ), хотя и при абсолютном преобладании фрагментов XII–XIII вв.

Изучение сохранившейся части полевой документации Г. П. Полякова позволило подтвердить и уточнить характеристику нижнего яруса вала: в части раскопа, прилегавшей к валу, повсеместно прослеживается упавшая внутрь стенка из желтой глины, местами обожженной, оконтуренная деревянной оградкой. Изучение вещевого материала этого раскопка в фондах Брянского КМ дало еще один интересный результат: он относится исключительно

к XII–XIII вв., и культурный слой, в котором он содержится, частично перекрывает нижний ярус конструкций вала, но примыкает к верхнему. Этот факт косвенно подтверждает предположение о двух этапах сооружения укреплений городища («Чашин Курган») и даже, возможно, о том, куда был обращен фас сооружений нижнего яруса на данном участке (по результатам геофизического сканирования, структура вала неоднородная).

Целевые разведки в ур. Чашин Курган проводились как с чисто научными, так и с охранно-учетными целями. Обследование памятников выявило наличие на юж. границе селища 5 комплекса таунхаусов, а в СВ части селища 4 – сооружений базы отдыха «Десна». На остальных памятниках существенных нарушений не выявлено, рост кладбища на С на площадке селища 2 (посад и «окольный город» городища) остановлен городскими властями.

В научном плане исследовалось шурфовкой самое нижнее, на прибрежной гриве-останце, селище 3. Здесь раскопки никогда не проводились, а сбор подъемного материала на бывших огородах дал у разных исследователей (Ф. М. Заверняев, А. А. Амброз, А. С. Смирнов, В. Н. Гурьянов) противоречивые сведения [*Гурьянов*, 1993]. Предположительно селище 3 относилось в основном к первым векам н. э. и вторично использовалось в позднем средневековье. Шурф (4 кв. м), заложенный в его ЮЗ, ближней к городищу части, дал иные результаты.

Безусловно преобладает в культурном слое толщиной до 2 м круговая керамика периода Древней Руси, причем всех хронологических диапазонов – от раннекруговой кон. X – нач. XI в. до сер. XIII в. Второе место делят лепная роменская посуда и фрагменты позднесредневековых сосудов XIV–XVII вв., и только на третьем находится несколько фрагментов венчиков лепных тонкостенных сосудов киево-колочинской принадлежности. Таким образом, селище 3 – часть нижнего посада древнерусского городского центра в ур. Чашин Курган.

В итоге подтверждена гипотеза о существовании как минимум в кон. X в. в ур. Чашин Курган большого торгово-ремесленного комплекса напротив устья р. Болвы, по которой проходил тогда главный путь в Северо-Восточную Русь. С другой стороны, укрепления самого городища Чашин Курган безусловно возникают позднее рубежа X–XI вв., и во всяком случае, второй их этап можно датировать, как и считал ранее один из авторов, не ранее рубежа XI–XII вв. [*Шинаков*, 1997, с. 16; *Шинаков, Рябчевский и др*., 2017, с. 90–94; *Шинаков, Чубур и др*., 2017, с. 93–101].

Кроме того, были проведены спасательные стратиграфические раскопки на «Петровской горе» в центре г. Брянска. Предположительно территория является посадом древнерусского города Брянска XIII–XVII вв. Ранее культурный слой был обнаружен либо к С от этого участка ближе к детинцу – Покровской горе (раскопки В. Н. Гурьянова в 1997 г.), либо к З от данного участка на краю оврага «Княжий клин» (раскопки Е. А. Шинакова, Г. П. Полякова) [*Поляков*, 1985]. В результате закладки 4 шурфов культурный слой обнаружен во всех местах планируемого под застройку участка. Однако кроме слоев «Великокняжеского», Литовского и Московского периодов истории Брянска были обнаружены материалы XII и нач. XI в.

Гурьянов В. Н., 1993. Отчет о разведках в Брянской области в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Гурьянов В. Н., 1997. Археологические памятники Брянска // Страницы истории города Брянска / Отв. ред. В. В. Крашенинников. Брянск.

Поляков Г. П., 1985. Работы в Брянской области // АО 1983 года. М.: Наука.

Поляков Г. П., 1998. Древний Дебрянск // Тезисы докладов Межвузовской ист.-краевед. конф. Брянск: БГПИ.

Поляков Г. П., 2011. Домонгольский Брянск по данным летописей, топонима и археологии // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. № 4 (17).

Шинаков Е. А., 1981. Население междуречья Десны и Ворсклы в кон. X – первой пол. XIII вв. Дис. ... к. и. н. Приложение 2 к главе II. Керамика как массовая основа относительных датировок. М.: МГУ.

Шинаков Е. А., 1991. Керамический комплекс севера «Русской земли» и возможные источники его заселения // Проблемы вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ.

Шинаков Е. А., 1997. Возникновение Брянска в свете теории «бинарных оппозиций» и «пар городов» // Страницы истории города Брянска / Отв. ред. В. В. Крашенинников. Брянск.

Шинаков Е. А., 2006. Опыт корреляционного анализа венчиков древнерусских круговых сосудов // Современные проблемы археологии России / Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ. Т. 2. С. 465–467.

Шинаков Е. А., Рябчевский Н. Г., Чубур А. А., Лобанов Г. В., 2016. О работах на комплексе памятников в урочище «Чашин Курган» // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2016 г. Брянск: РИО БГУ.

Шинаков Е. А., Чубур А. А., Рябчевский Н. Г., 2017. Новые данные о времени сооружения укреплений городища «Чашин Курган» // История. Общество. Политика. № 1 (1).

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. Е. Ефимов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ У Д. ЖЕЛЫБИНО ГОРОДСКОЙ ЗОНЫ КАЛУГИ

Ключевые слова: мезолит, култинская культура, поздняковская культура, бронзовый век, верхнеокская культура, средневековье

На ЮЗ окраине городской зоны Калуги Калужским археологическим отрядом ЗАО «ОКН-проект» (г. Ростов-на-Дону) по проекту «Строительство обхода г. Калуги на участке Секиотово – Анненки с мостом через реку Оку» на стоянках 2, 4 и поселении 1 у д. Желыбино проведены охранные работы: сбор подъемного материала, закладка шурфов и раскопов (площадью 200 кв. м на каждом памятнике).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.142-143

Памятники расположены на первой надпойменной террасе правого берега р. Оки, к ЗЮЗ (стоянка 2), к З (стоянка 4), к С (поселение) от д. Желыбино; недалеко от места впадения р. Угры в Оку.

Исследования стоянки 2 позволили выявить непереотложенный в эпоху средневековья, новое и новейшее время культурный слой. Но при этом при бытовании на исследованной территории стоянки 2 поселения финального этапа поздняковской археологической культуры был перемешан культурный слой мезолитической стоянки предположительно култинской археологической культуры. В свою очередь, надматериковый культурный слой кремнеобрабатывающей мастерской XIV–XII тыс. до н. э. был прорезан пятью ямами времени мезолита.

Стоянка 4 при более скромном, чем на стоянке 2, количестве заготовок, орудий труда и отходов кремневого производства иеневской археологической культуры и переотложенном культурном слое оказалась примечательна обилием археологического материала позднего средневековья. При этом были выявлены следы частоколов, дренажных траншей и ямы хозяйственного и культового (строго ориентированное С–Ю погребение козла в полусферической яме на подстилке с привнесенной засыпкой) назначения позднего средневековья и нового времени.

Охранная зона строительства автодороги затронула незначительно только зап. часть поселения Желыбино, соответственно, и охранные раскопки дали незначительное количество археологического материала конца плейстоцена – начала голоцена и позднего средневековья, однако оказались примечательными находки фрагментов лепной керамики верхнеокской археологической культуры.

Е. Е. Ефимова

ИССЛЕДОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ Р. ШАНЯ, В ГРАНИЦАХ Г. КОНДРОВО И ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: стоянка, верхний палеолит, селище, верхнеокская культура, ранний железный век, иеневская культура, средневековье, новое время, архитектурная археология

На территории городской и пригородной зоны г. Кондрово Калужской обл. (бассейн среднего течения р. Шаня, левый приток р. Угра) АЭ районного КМ Дзержинского р-на Калужской обл. в ходе археологических разведок произведен сбор подъемного материала, заложено 15 шурфов и три зачистки обнажения культурного слоя. Работы частично осуществлены за счет средств гранта Президента РФ в области культуры и искусства «Создание историко-культурного комплекса в центре города Кондрово». В результате на территории г. Кондрово открыта сто-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.143-144

янка конца среднего палеолита Кондрово 4 (на настоящий момент одна из редких стоянок этого времени на территории Калужской обл., в культурном слое которой найдено, в частности, мустьерское треугольное острие леваллуазской техники расщепления кремня и вторичной обработки на развитой стадии), выявлены стоянки Кондрово 3 и 5 кон. плейстоцена – нач. голоцена, найдены местонахождения кремня эпохи мезолита Кондрово 1 и 2. Также обследовано с частичной консервацией культурного слоя выявленное ранее [*Есипов*, 1987, л. 6] и разрушаемое в силу природных (осыпь края террасы) и антропогенных (большое количество грабительских ям) факторов селище Устье 1 верхнеокской археологической культуры (VI в. до н. э. – I в. н. э.) В ходе работ на указанном памятнике помимо фрагментов лепной керамики и орудий труда из кости найдены орудия труда и отходы кремневого производства, относящиеся к иеневской (XI–IX тыс. до н. э.) археологической культуре [*Сорокин*, 2006, с. 58]. Кроме того, определены основные этапы исторического прошлого и выявлены границы с учетом исторических периодов селища Кондрово 1 XII–XVIII вв.

В связи с проектом реконструкции выявленного объекта историко-культурного наследия муниципального статуса «Дом П. Г. Щепочкина, В. Д. Мещеринова, рубеж XVIII–XIX вв., 1840-е гг. » (Калужская обл., Дзержинский р-н, г. Кондрово, ул. Комсомольская) на территории утраченной входной группы данного объекта осуществлены архитектурно-археологические работы. На раскопе площадью 67 кв. м произведен поиск утраченных архитектурных объемов, выявлен фундамент и цокольная часть с выделением отдельных архитектурных участков входной группы «Дома П. Г. Щепочкина…», полноценно исследованы все надматериковые напластования мощностью до 1,6 м с определением основных археологических слоев, отражающих все этапы исторического прошлого г. Кондрово. В ходе работ выявлена и частично исследована одна из первых (сер. XIX в.) в Калужской губернии канализаций. Кроме того, под фундаментом входной группы обнаружены два погребения юж. участка, выявленного в 2014 г. [*Ефимова, Ефимов*, 2014, с. 20–25] могильника Кондрово 1 с останками 5 человек. Собрана разнообразная коллекция предметов культовой металлопластики, нумизматического материала, изделий из стекла, бронзы, кости, железа и камня, обширная коллекция керамического материала с XVI по XX в., в том числе 5 целых форм.

Есипов В. П., 1987. Отчет об археологических разведках в Бабынинском и Дзержинском р-нах. 1987 г. Архив ИА РАН. Р-I. № 12368.

Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е., 2014. Археологические исследования в городской зоне города Кондрово в 2014 г. // От села Кондырево до города Кондрово. Материалы 3-й районной краеведческой конференции. Калуга.

Сорокин А. Н., 2006. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М.: ИА РАН. 312 с.

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ю. Г. Екимов

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ МАМЕНКА НА ВЕРХНЕЙ ОКЕ

Ключевые слова: эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье, культура сетчатой керамики, роменская культура

Экспедиция ГУК Тульской обл. «Объединение „Историко-краеведческий и художественный музей“» продолжила исследование объекта археологического наследия «Поселение Каменка», начатое в 2005 г. Памятник расположен на мысовом участке первой надпойменной террасы левого берега р. Вырка (левый приток р. Ока) к ЮЗ от г. Белёв, между с. Каменка и д. Фатьяново Белёвского р-на Тульской обл.

Объект представляет собой комплекс, включающий многослойное поселение с материалами эпохи бронзы (ранний этап культуры сетчатой/текстильной керамики), раннего железного века, роменской культуры, развитого – позднего средневековья, а также – грунтовый могильник абашевской культуры эпохи средней бронзы (могильник 1) и грунтовый могильник позднего бронзового века (могильник 2).

В 2016 г. к раскопу 1 с юж. и вост. стороны прирезан участок площадью 352 кв. м (общая исследованная площадь – 1464 кв. м.). Из переотложенного культурного слоя мощностью 0,20–0,35 м получено более 10 000 находок массового и индивидуального характера, выявлено 9 разновременных хозяйственных ям и 67 ям от каркасно-столбовых конструкций, относящихся к многослойному поселению. Среди культурно и хронологически диагностируемых артефактов подавляющая часть приурочена к поселкам двух периодов: эпохи бронзы (51%) и позднего средневековья (37%).

Основная часть материальных свидетельств поселения раннесетчатой керамики эпохи бронзы – фрагменты лепной посуды с примесью обильной дресвы и наличием ниже орнаментальной зоны мелкорельефной ложносетчатой фактуры, образованной оттисками зубчатых, шнуровых или иных штампов. Основными типами являются сосуды горшковидной формы с плавной S-видной профилировкой или с резко отогнутой наружу, реже – прямой шейкой. Орнамент покрывает верхнюю часть тулова, срез шейки, а в ряде случаев – и ее внутреннюю сторону. Сосуды украшены многозональными композициями, включающими группы горизонтальных линий, зигзаги, пояса из коротких вертикальных линий, ромбические фигуры, группы переменно-наклонных линий, разнообразные вдавления, подковообразные фигуры и др. Орнамент выполнен зубчатыми штампами, оттисками шнура, плоскими штампами, вдавлениями, оттисками трубчатого штампа.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.145-147

Доминирующая группа индивидуальных находок эпохи бронзы – изделия из кремня (скребки, скобели, ножи, перфораторы, резцы, фигурные кремни и др.), а также – орудия для их изготовления и отходы производства. Более двух десятков находок связаны с металлообработкой: капли и сплески металла, фрагменты глиняных тиглей, обломки глиняных литейных форм и каменных кузнечных орудий.

Следами наземных каркасно-столбовых конструкций этого периода являются два аморфных скопления столбовых ям в зап. (10×8 м) и вост. (8×6 м) части раскопа. К поселку раннесетчатой керамики достоверно относится одна из хозяйственных ям (XLV). Предполагаемая датировка поселка 2-я – нач. 3-й четв. II тыс. до н. э.

Материалы эпохи средневековья представлены серией круговой керамики и немногочисленными находками из черного и цветного металла, камня и глины. Основная их часть, судя по керамическому комплексу, относится к периоду позднего средневековья (XV–XVI вв.). Практически вся посуда этого времени изготовлена из неожелезненной глины с примесью песка в режиме окислительного обжига без дополнительной обработки поверхности. Группа фрагментов восстановительного обжига, в том числе – с лощеной поверхностью, составляет менее 1%. Морфологически доминируют (ок. 80%) сосуды с невысокой прямой или слабо отогнутой шейкой без дополнительного оформления либо с завернутым внутрь или наружу в виде валика черновым краем. Доля орнаментированных фрагментов (горизонтальные линии, различные варианты однорядной и многорядной волны, сочетание линейных и волнистых мотивов, вдавления) не превышает 6,5%. Незначительная часть образцов демонстрирует морфологические и орнаментальные признаки посуды XIII–XIV вв.

Среди других находок из культурного слоя отметим железный варган и серебряную монету – «копейку» Ивана IV псковского чекана 30-х гг. XVI в.

К поселку позднего средневековья относятся две хозяйственные ямы в зап. части раскопа (XLI и XLVI), находившиеся, скорее всего, в пределах наземных построек, погибших в результате пожара. Наиболее интересна почти квадратная в плане яма-погреб XLI размером 3,0×2,8 м и глубиной в материке 0,95–0,65 м. Вдоль стен котлована сохранились следы деревянной облицовки в виде столбовых ям и полос древесного тлена между ними. В заполнении встречены остатки рухнувшей в котлован печи в виде кусков обожженной глины и камней, в том числе – крупных с плоской поверхностью от ее пода. В верхней части котлована обнаружен обгоревший пластинчатый железный нож. В нижней части котлована расчищены остатки сгоревшего деревянного перекрытия. Под ним, на полу, выявлены развалы двух горшков вертикальных пропорций и корчаги, бронзовая дужка серьги и свинцовая пластина-муфта для фиксации кремня в ударно-кремневом ружейном замке.

Эпоха раннего железа в раскопе достоверно представлена лишь ограниченной серией мелких фрагментов тонкостенных лепных сосудов с примесью дресвы и некалиброванного песка, имеющей признаки зольничской и верхнеокской культур 2-й пол. I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э.

Группа материалов роменской культуры IX– нач. XI в. включает фрагменты груболепной толстостенной посуды с примесью обильного крупного шамота и более тонкостенных сосудов с заглаженной поверхностью и примесью мелкого шамота и песка. По краю шейки сосуды орнаментированы пальцевыми вдавлениями. Оба типа керамики обнаружены на дне единственной хозяйственной ямы этого времени (XLIX) диаметром 0,55 м и глубиной 0,15 м.

Каких-либо следов погребений могильников эпохи бронзы в этой, пониженной, части памятника не обнаружено.

Е. В. Столяров, А. М. Воронцов

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: городище, поселение, II в. до н. э. – II в. н. э., мощинская культура, IV–V вв., памятники типа Чертовицкое-Замятино

Отрядом Тульской АЭ гос. военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» под рук. Е. В. Столярова проведены раскопки многослойного городища у д. Малая Стрекаловка и поселения Упа 2.

Городище Малая Стрекаловка находится на мысу разветвленной овражно-балочной системы р. Свинка (левый приток р. Упа правого притока р. Ока) к Ю от г. Тула. Культурный слой на городище не нарушен хозяйственной деятельностью ввиду того, что с XVI в. территория, на которой были проведены исследования, входит в состав Тульской засечной черты.

На памятнике проведены раскопки на площади 60 кв. м (раскоп 1 и 2). Наиболее информативным стал раскоп 1 общей площадью 52 кв. м, который включил в себя шурф 2015 г.

Постройка памятника типа Упа 2, найденная шурфом 2015 г., практически полностью исследована раскопом 1. Кроме фрагментов керамической посуды в ней найдены бронзовые разделители нитей бус и керамические пряслица.

Из предматерикового слоя и заглубленных в материк объектов раскопа 1 происходят находки фрагментов грубой лепной керамики, близкой керамике типа Упа 2, но имеющей серьезные отличия – примесь кристаллической дресвы, иногда крупной, и песка. Орнаментация пальцевыми вдавлениями отмечена только по срезу венчика и отсутствует на горле и плечиках сосуда. Возможно, это первые находки еще не выделенного культурно-хронологического горизонта.

В сев. части раскопа 1 исследована постройка типа Ново-Клеймёново с земляным очагом. Из постройки происходят две железные пряжки, двушипный наконечник стрелы, проушной топор и характерный для этой

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.147-149

группы памятников набор лепной керамики. Многочисленные находки двушипных наконечников стрел, железные ножи с горбатой спинкой, железная кольцевидная застежка, два железных топора, относящиеся к этому культурно-хронологическому горизонту, были найдены на склоне городища.

Наземная постройка мощинской культуры с земляным очагом изучена в СВ части раскопа 1. Из нее происходят железный нож и характерные для мощинской культуры фрагменты лепной керамики, в том числе лощеной. С этим культурно-хронологическим горизонтом, видимо, связана находка клада античных медных монет.

На основании проведенных исследований можно выделить три этапа бытования городища – горизонт типа Упа 2 (II в. до н. э. – I в. н. э.), типа Ново-Клеймёново (II в.) и мощинская культура.

В черте г. Тулы, в 3 км от Тульского кремля, в ходе спасательных исследований при строительстве микрорайона «Времена года» исследовалось **поселение Упа 2**.

Поселение расположено на левом, пойменном берегу р. Упа, на высоте 3–7 м над урезом воды и имеет размеры 500×125 м. СВ часть памятника уничтожена котлованом, вырытым в 1970-е гг. для нереализованного проекта по выпрямлению русла р. Упы. В месте расположения памятника река делает резкий изгиб (Кривая лука, судя по названию расположенной напротив деревни, а ныне района Тулы «Криволучье»). Поселение открыто в 1987 г. Р. В. Кляниным, в 1994–1996 гг. на нем проводились небольшие раскопочные исследования общей площадью ок. 300 кв. м (Т. В. Наумова, Р. В. Клянин, А. М. Воронцов). Основным материалом в этих раскопах были находки рубежа эр, которые послужили основой для выделения памятников типа Упа 2.

Площадь раскопа составила 5040 кв. м. Полученные материалы свидетельствуют о нескольких этапах бытования памятника: I в. до. н. э. – I в. н. э. (памятник типа Упа 2) и кон. IV – V в. (поселение типа Чертовицкое – Замятино). В пахотном горизонте найдено небольшое количество круговой керамики XIV–XV вв., объектов этого времени изучено не было.

Культурный слой имеет мощность 0,5–0,6 м и слабо насыщен находками, скопления керамики связаны только с верхней частью объектов. Основной материал происходит из полуземлянок, судя по всему являющихся остатками жилых построек, и из многочисленных ям.

Материалы типа Упа 2 представлены жилыми постройками столбовой конструкции и небольшими полуземлянками. Кроме того, изучен ряд небольших (0,3–0,4 м в диаметре) ям, в которых расчищены либо развал горшка, помещенного донцем вверх, либо развал горшка и глиняное грузило.

Основной материал с раскопа соответствует материалам памятников типа Чертовицкое – Замятино. Среди находок – стеклянные полихромные бусы, бусы красного глухого стекла, двучленная прогнутая подвязная фибула, фрагмент зеркала с петлей на обороте, фрагмент бронзовой серьги с полиэдрическим окончанием, пинцет, конические грузила, пряслица с рельефным орнаментом, жернова.

Интересно то, что поселение находится на большом удалении от основной группы памятников. В частности, памятники Острой луки Дона находятся более чем в 200 км к ЮВ, а ближайшие поселения удалены не менее чем на 150 км.

Данные исследования продолжают изучение этнокультурной ситуации раннежелезного века, римского времени и эпохи великого переселения народов на территории Верхнеокского региона и будут продолжены в 2017 г.

К. А. Столярова, Е. В. Столяров,
Ю. Ю. Петров

РАЗВЕДКА СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ МАЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: селище, керамика, ранний железный век, мощинская культура, пулелейка, пражский грош

Отрядом Тульской АЭ гос. военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» под рук. К. А. Столяровой проведена археологическая разведка в Щекинском р-не Тульской обл. Целью работ стало изучение северной периферии Майского археологического комплекса, выявленного работами Ю. Г. Екимова в нач. 90-х гг. XX в. и С. В. Зацаринного в нач. XXI в.

Объектом исследования стала разветвленная овражно-балочная система ручья Пироговка (правый приток р. Тросны, правого притока р. Соловы, правого притока р. Упы, правого притока р. Оки) в районе д. Малахово. Исследовалась полностью овражно-балочная система, длина маршрута составила ок. 7 км. Общая площадь обследованной территории составила 2,25 кв. км.

В результате выявлено 7 объектов культурного наследия – селища 1, 2, 3, 3а, 4, 5 и 6. Все выявленные поселения расположены на мысах овражно-балочной системы ручья Пироговка на высоте от 6 до 39 м от тальвега оврага.

На селище 1 найдены фрагменты круговой белоглиняной керамики XVI–XVII вв., железное кресало, два железных ножа и денга «сабельница» Ивана IV Грозного. Подъемный материал с селища 2 состоит из фрагментов круговой керамики XIV–XV и XVII в. С селища 3 происходят единичные фрагменты лепной керамики эпохи неолита, а также многочисленный, но сильно фрагментированный керамический материал I в. до н. э. – II в. н. э. – памятники типа Упа 2, типа Ново-Клеймёново. Найдены единичные фрагменты лощеной керамики мощинской культуры эпохи великого переселения народов (III–V вв.) и круговой керамики XIV–XV вв.

На селище 3а найдены единичные фрагменты лепной керамики раннего железного века, а также круговой керамики XV и XVII–XVIII вв. Из ин-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.149-150

дивидуальных находок стоит отметить 6 керамических пряслиц и один горбатый нож, характерные для памятников типа Ново-Клеймёново.

Работы на селище 4 позволили получить керамический материал раннего железного века – памятники типа Упа 2 и типа Ново-Клеймёново, а также мощинской культуры III–V вв. и XVI–XVII вв.

На селище 5 частично исследована наземная постройка памятников типа Упа 2 (I в. до н. э. – I в. н. э.) и собраны немногочисленные фрагменты лепной керамики типа Ново-Клеймёново. Фрагменты круговой керамики относятся к XIV–XV, XVI–XVII и XVIII вв.

С селища 6 происходит керамический материал, характерный для памятников типа Упа 2, и фрагменты круговой посуды XV, XVII–XVIII вв.

По картам Генерального межевания кон. XVIII в. на месте выявленных объектов культурного наследия селищ 5 и 6 локализуется село Пироговка. К периоду бытования этого поселения относятся многочисленные фрагменты круговой керамики указанного временного периода и ряд индивидуальных находок.

Среди наиболее значимых находок следует отметить серию нательных крестов XVII–XVIII вв. с селища 5 и 6 у д. Малахово. Видимо, данные находки связаны с разрушенным погостом у с. Пироговка. К оружейным находкам времени существования села можно отнести целый экземпляр железной пулелейки, найденный на селище 5. К более раннему времени, 1-й четв. XV в., относятся находки трех монет – пражских грошей – на селище 5.

Дальнейшие работы в регионе будут сосредоточены на исследовании юж. периферии Майского археологического комплекса – бассейн рр. Тросна и Солова до впадения в р. Упу.

КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

В. Е. Родинкова

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ КУРИЛОВКА 2 В 2015–2016 ГГ.

Ключевые слова: поселение, киевская культура, колочинская культура, древности сахновского типа, печь, погребение

Поселение Куриловка 2 открыто И. А. Сапрыкиной и В. Е. Родинковой в 2012 г. во время обследования участка, где был обнаружен Куриловский клад круга днепровских раннесредневековых кладов I группы [*Родинкова*, 2010; *Родинкова, Сапрыкина*, 2015, с. 42]. Оно расположено к В от д. Куриловка Суджанского р-на Курской обл., занимает мысовидный останец древней террасы в пойме правого берега вост. рукава (искусственно

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.150-153

спрямленного современного основного русла) р. Суджа при впадении этого рукава в р. Псел (левый приток р. Днепр). Общая площадь останца 2,3 га, высота над уровнем воды в р. Суджа – 3–4,5 м. Со всех сторон он окружен низкими поймами рр. Суджи и Псла, старичными протоками, заболоченными низинами, позволяющими говорить об «островном» расположении памятника. Ранее его территория распахивалась.

Поселение исследовалось Сужанским археологическим отрядом ИА РАН в 2015–2016 гг. Двумя раскопами и серией шурфов вскрыто около 140 кв. м культурного слоя.

Раскоп I (48 кв. м) располагался в зап. части памятника перпендикулярно невысокой насыпи, зафиксированной в ходе предварительного обследования вдоль СЗ и юж. краев площадки останца. Наибольший интерес в нем представляет выявленный под насыпью вдоль кромки мыса углубленный объект («ровик») шириной (на уровне материка) до 1,35 м, глубиной до 1,23 м от современной поверхности. Судя по находкам в придонной части заполнения нескольких фрагментов круговой поливной керамики XVII в., он связан с хозяйственной деятельностью, осуществлявшейся на исследуемой территории в новое время.

Раскоп II (74 кв. м) заложен в наиболее возвышенной ЮВ части памятника. В нем исследованы 23 углубленных объекта – 22 ямы и жилая постройка. Последняя представляет собой подквадратную полуземлянку размерами 4,5×4,5 м, ориентированную углами по сторонам света с небольшим отклонением, углубленную в материк на 0,3–0,5 м. В углах и посередине каждой стены зафиксированы столбовые ямы, на дне одной из которых расчищена вымостка из фрагментов обожженной обмазки. В восточном углу полуземлянки располагалась глинобитная печь. В процессе эксплуатации печь ремонтировалась: у нее двойные стенки и под.

В заполнении постройки 1 найдено значительное количество материала, прежде всего – лепная керамика (в том числе диски с высоким бортиком) с примесью крупного шамота в тесте. Большая часть посуды орнаментирована пальцевыми защипами, иногда насечками и отпечатками гребенчатого штампа или веревочки по краю венчика. Обнаружены также несколько фрагментов гончарных сосудов волынцевского типа и лепных лощеных, подражающих круговым волынцевским, а кроме того, обломок импортного гончарного кувшина. Из придонной части заполнения происходят целое и фрагментированное пряслица, костяная спица или проколка и половинка стеклянной цилиндрической бусины. По совокупности данных полуземлянку можно отнести к древностям сахновского типа, появляющимся на Днепровском Левобережье не ранее кон. VII в. и существующим в VIII в.

В сев. части постройки 1 зафиксирована яма 1 аморфных очертаний размерами 1,4×1,7 м, глубиной до 0,2 м от уровня пола. Находка в ее заполнении фрагмента лепного сосуда характерной формы позволяет заключить, что сахновское жилище перекрыло строительный объект, принадлежащий киевской культуре.

Еще одно более раннее сооружение, частично разрушенное восточной стеной постройки 1, – яма 21 диаметром около 1,1 м, глубиной 0,5 м

от уровня материка и 0,13 м от дна котлована. В ее заполнении встречены обломки слабопрофилированных неорнаментированных сосудов с прямыми или слабо отогнутыми венчиками киевской или колочинской культур и каменный оселок.

Интересна яма 18 овальной формы размерами 1,1×1,4 м, глубиной 0,48 м от уровня материка, в придонной части которой выявлена линза золы, пепла и мелких углей мощностью до 0,1 м. Из ее заполнения происходят также металлические шлаки и фрагмент ошлакованного тигля. Все вместе это позволяет предполагать связь данного объекта с каким-то производственным (металлургическим) процессом. Судя по наличию фрагмента венчика лепного сосуда с выделенной шейкой и пальцевыми защипами по краю, яма 18 синхронна постройке 1.

Пять изученных в раскопе II углубленных объектов являются столбовыми ямами с характерной меловой забутовкой и могут быть связаны с сооружением типа навеса или ограды, существовавшим на исследуемом участке в новое или новейшее время. В культурном слое обнаружены два безынвентарных погребения по обряду ингумации неясной культурно-хронологической принадлежности. В обоих случаях скелеты неполные, найдены в переотложенном состоянии.

Основную массу находок на поселении составляет керамика. Преобладают фрагменты лепных сосудов «раннеславянской» традиции с примесью шамота в глиняном тесте, но значительна и доля гончарной посуды позднего средневековья и нового времени. Встречены единичные фрагменты керамики эпох неолита и бронзы. Среди индивидуальных находок выделятся серия кремневых изделий, найденное в культурном слое высокое биконическое пряслице колочинской культуры и происходящие из подъемного материала бронзовые серьга волынцевского типа, фигурная поясная накладка и трапециевидная подвеска.

В 2013 г. на памятнике была проведена магнитометрическая съемка (Й. Шнеевайсс, Геттингенский университет). Две из выявленных аномалий располагались на участке, вскрытом раскопом II. Одна соответствует развалу глинобитной печи в постройке 1, вторая – яме 18. Эти данные подтверждают сделанные на других материалах и памятниках наблюдения, согласно которым аномалии магнитного поля вызывают перемещаемые и неперемещаемые объекты, находившиеся в контакте с огнем.

В рамках комплексного изучения микрорегиона на поселении Куриловка 2 в 2015 и 2016 гг. проводились почвенные (С. А. Сычева, ИГ РАН; Е. А. Батраченко, КГУ; Е. В. Пономаренко, Оттавский университет) и палинологические (Л. С. Шумиловских, Геттингенский университет; А. А. Трошина, Коломенский археологический центр; Е. Г. Ершова, МГУ) исследования. Выделены несколько почвенно-литологичеких зон, обусловивших разные типы использования территории. Палинологические данные свидетельствуют, что, хотя присутствие человека в регионе фиксируется с неолита, его деятельность носила локальный характер и не оказывала существенного влияния на природную среду вплоть до начала нового времени.

Родинкова В. Е., 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. С. 78–87.
Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., 2015. Раннесредневековые клады Суджанщины: новые находки и исследования // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Курск: Изд-во КГУ. С. 39–49.

Г. Ю. Стародубцев

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОЧЕВСКОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: курганный могильник, городище, грунтовое погребение, XI–XII вв., XIV–XV вв., данг

Древнерусской экспедицией Курского гос. обл. музея археологии продолжены исследования Гочевского археологического комплекса, расположенного на правом коренном берегу р. Псёл около с. Гочево Беловского р-на Курской обл. Раскопки проводились на курганном могильнике, датируемом 1-й пол. XI – XII в., и на внутренней площадке городища 2 («Царский Дворец»), датируемого 2-й пол. XIV – 1-й пол. XV в.

Под насыпью кургана 121 на уровне древней поверхности обнаружены 3 погребения: 1 мужское (3) и 2 детских (1, 2), произведенных единовременно. В погребении 1 найдено ожерелье из стеклянных бус (бочонковидных черных с волнистым орнаментом белого цвета, шаровидных желтых) и бронзовое перстнеобразное височное кольцо, в погребении 2 – бронзовое позолоченное височное кольцо с тремя узелковыми бусинами из скрученной спиралью проволоки, в погребении 3 – железные нож и наконечник стрелы (тип 52, вид 2 по А. Ф. Медведеву) [*Медведев*, 1966, с. 69–70]. По набору бус и височному кольцу с узелковыми бусинами курган можно датировать 2-й четв. – сер. XI в. Помимо насыпи траншеей шириной 2 м раскапывалось межкурганное пространство к С и Ю от кургана.

На городище работы производились на законсервированном в предыдущем сезоне раскопе VI площадью 93 кв. м. Для исследования уходящих в зап. и юж. борта раскопа объектов и погребений к нему была прирезана площадь 31 кв. м. Доисследовано 6 погребений, обнаруженных в 2014–2015 гг., и выявлено 16 новых захоронений, из них 13 мужских, 6 женских, 3 детских. Захоронения располагались на разном уровне, часть из них перекрывали друг друга. В женском погребении 136 в области шеи зафиксированы фрагменты узкой ленты с геометрическим орнаментом, вышитым золотой ниткой, являющиеся остатками воротника. Стратиграфия залегания погребений 136, 147 позволяет предположить, что данные захоронения произведены в процессе сооружения крепости в последней трети XIV – нач. XV в., а затем были перекрыты в ходе дальнейших отсыпок грунта в юж. части внутренней площадки городища, а также оплыва вала.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.153-154

Помимо этого зафиксированы пятна ям 121, 124–131, а также постройки 6, сгоревшей в пожаре. Раскопки постройки 6 позволяют предположить, что это остатки отапливаемого двухэтажного сооружения, на втором этаже которого в значительном количестве использовались железные и бронзовые гвозди разных размеров.

Массовые находки на городище представлены фрагментами круговой керамики 2-й пол. XIII – XIV в., обмазки, мергеля и кварцита, мелкими углями, костями животных и человека, рыбьей чешуей. Отмечены находки отдельных мелких обломков лепных и раннекруговых сосудов роменского типа, а также фрагментов лепной керамики периода раннего железного века.

Из индивидуальных находок обнаружены: серебряные данги Абдаллаха (чекан Орду и Азака), Тохтамыша (чекан Сарай ал-Джадид) и Пулада (чекан Кафы), а также подражание дангу; фрагменты серебряных пластин с железными заклепками, зажим распределителя ремней из белого металла; бронзовые нательные кресты, пуговицы, фрагменты пластин и пластинчатого браслета, ременные накладки; железные гвозди и их обломки, ножи, наконечники стрел, иглы; стеклянные патинированные бусины; точильные камни и фрагмент изделия из мергеля.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. (САИ. Е 1.36). М.

ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

Ю. Д. Разуваев, И. А. Козмирчук

РАСКОПКИ ГОРОДИЩ НА ОСТРОЙ ЛУКЕ ВЕРХНЕГО ДОНА

Ключевые слова: ранний железный век, раннее средневековье, городище, очаг, печь

Совместная экспедиция Воронежского гос. ПУ и Фонда научного краеведения Липецкой обл. продолжила исследования в Задонском р-не Липецкой обл.

На многослойном городище у с. Верхнее Казачье, расположенном на левом берегу Дона, четырьмя раскопами общей площадью 540 кв. м было продолжено изучение укреплений и культурного слоя.

Под внутренним валом и на краю площадки дополнительно исследованы канавки и золистые напластования, оставшиеся от уничтоженного пожаром наземного фортификационно-жилого сооружения раннескифского

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.154-156

времени, размещавшегося по периметру городища. С этим комплексом связаны многочисленные кости животных и обломки лепных глиняных горшков с заглаженной или покрытой текстильными отпечатками поверхностью, аналогичных посуде из слоя VII–VI вв. до н. э. Пекшевского городища на р. Воронеж [*Медведев*, 1999, с. 33–36, 67–70].

Во внутренней поле того же вала исследован новый участок сгоревшей длинной наземной постройки, примыкавшей к укреплениям IV–III вв. до н. э. В этом строении открыт второй очаг-кострище и углубленная в материк яма, интерпретированная как основание бронзолитейной печи-горна и содержавшая, помимо прочего, обломки двух глиняных тиглей с остатками металла.

В разрезе второй оборонительной линии, обращенной к стрелке городищенского мыса, прослежены фортификации раннескифской эпохи и расчищены два рва гуннского времени. Тем самым доказано существование крепости в хорошо известной группе поселений кон. IV – V в. н. э. [Острая Лука…, 2005; 2015].

На городище найдены относительно немногочисленные вещи и фрагменты керамики эпохи средней бронзы (воронежская культура), славянского (боршевская культура VIII–X вв.) и древнерусского (XIII–XIV вв.) времени. Основные материалы, включая серию ям хозяйственного назначения, относятся к скифскому (городецкая и скифоидная культуры), сарматскому и гуннскому периодам раннего железного века. Среди находок – обломки лепных, лощеных и круговых сосудов, железные, глиняные и костяные орудия труда (ножи, шилья, грузила, пряслица, гарпуны и др.), бронзовые и стеклянные украшения (коньковая подвеска, кольца, бусы).

Неподалеку от края городищенской площадки открыт глубокий (ок. 6 м в материке) колодец, на стенках которого в придонной части сохранилась обугленная деревянная облицовка. По-видимому, это сооружение относится к раннескифскому времени. В его заполнении, гораздо выше дна, обнаружено более позднее коллективное захоронение: сброшенные костяки взрослых мужчин (три полных и расчлененный). Поверх колодца зафиксированы остатки перекрытия. Этот погребально-жертвенный комплекс следует сопоставлять с коллективными захоронениями скифского времени на Семилукском городище [*Разуваев*, 2015].

Ограниченные по масштабам раскопки проведены на оборонительных линиях двух городищ, расположенных в право- и левобережных балках низовьев р. Сновы (правый приток Дона) и обладающих слабонасыщенным культурным слоем.

Небольшие вал и ров на городище 2 у с. Ксизово были разрезаны на участке в 12 кв. м. По немногочисленным керамическим фрагментам они предварительно датированы VI–V вв. до н. э. В заполнении рва наличествовали оставшиеся от пожара углистые прослойки.

На городище у с. Дегтевое раскопом в 36 кв. м исследована двойная линия валов и рвов, практически разрушенная в недавнее время. Удалось проследить следы пожара и последующей перестройки фортификаций.

В насыпи внутреннего вала прослежены забутованные глиной оборонительные стены. Под полой этого вала выявлены остатки наземного жилища. Городище относится к скифской эпохе, но, судя по керамике, более позднее, нежели Ксизовское.

Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н. э. М.: Наука. 160 с.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (РСМ. Вып. 6) / Сост. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2005. 330 с.

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (кон. IV–V в.) (РСМ. Вып. 16) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. 660 с.

Разуваев Ю. Д., 2015. Могильник на Семилукском городище скифского времени в свете новых исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 2. С. 98–107.

В. В. Скинкайтис

РАЗВЕДКА В ЗАДОНСКОМ РАЙОНЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: Дон, эпоха бронзы, ранний железный век, новое время, поселение, одиночный курган

Экспедицией ООО НПО «Черноземье» проведена археологическая разведка (без шурфов) в Задонском р-не Липецкой обл.

Участок обследования находится в междуречье рр. Дона и Сновы. Ограничен с З балкой Гудовкой (приток Сновы), с Ю – балкой Соловьевкой (приток Дона), с С и В – долиной Дона. Общая его площадь составила 765 га.

К С вблизи от маршрута разведки наблюдается большая концентрация памятников эпохи средневековья в районе Острой Луки Дона [*Бирюков и др.*, 2015, с. 9–14; *Тропин*, 2004, с. 74–81].

В результате работ обнаружено восемь памятников археологии. Из них выявлено впервые 3 поселения: Соловьевка 3 (скифоидная культура раннего железного века, VII–III вв. до н. э.), Гудовка 4 и Гудовка 5 (нового времени, XVIII–XIX вв.).

Повторно обследованы 3 одиночных кургана эпохи бронзы, выявленные И. Е. Бирюковым в 1997 г., – Соловьевка, курганы 1 и 2, Засновка, курган 1. Установлено, что насыпи всех трех курганов продолжают распахиваться и уменьшаться в размерах [*Бирюков*, 1998, с. 79, 80]. Кроме того, повторно изучены два поселения скифоидной культуры раннего железного века, открытые Г. Л. Земцовым в 2000 г., – Гудовка 1 и Гудовка 2 [*Земцов*, 2001, с. 10, 11].

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.156-157

Таким образом, на изученном участке присутствуют памятники эпохи бронзы, раннего железного века и нового времени. Средневековые памятники не обнаружены.

Бирюков И. Е., 1998. Отчет отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции липецкой Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области в 1997 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21 404.

Бирюков И. Е., Гончаров В. О., Обломский А. М., 2015. Комплекс памятников сер. 1 тыс. н. э. у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. Общее описание // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (кон. IV–V в.). (РСМ. Вып. 16). М.

Земцов Г. Л., 2001. Отчет о проведении археологических работ в бассейне р. Снова Задонского района Липецкой области в 2000 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25 236.

Тропин Н. А., 2004. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж.

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ф. А. Ахметгалин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. КАСИМОВЕ И С. СТАРЫЙ КАДОМ

Ключевые слова: мечеть, архитектурная археология, татары, XV–XVI вв.

АЭ под рук. Ф. А. Ахметгалина провела исследования в Рязанской обл., столице Касимовского ханства г. Касимове и в его окрестностях, с. Старый Кадом. Экспедиция проведена в рамках гос. программы Республики Татарстан «Сохранение идентичности татарского народа».

В г. Касимове заложены 4 шурфа. Шурф 1 размером 5×4 м, общей глубиной ок. 150 см, заложен возле минарета Ханской мечети вплотную к зап. стенке мечети, выявлено 6 основных слоев.

Самый нижний, шестой слой, темно-серая супесь, мощностью от 5 до 15 см, датирован 1-й пол. или сер. XVI в. Слой уходит под минарет Ханской мечети.

В результате исследований подтвердилась предложенная ранее дата постройки минарета – не раньше сер. XVI в., выявились особенности строения: он построен из прямоугольных известняковых блоков, положенных без фундамента на выровненную поверхность. Также подтвердилась дата постройки нового здания Ханской мечети в кон. 60-х гг. XVIII, она была построена на месте старой мечети сер. XVI в., разрушенной в нач. 60-х г. XVIII в. Мечеть была построена из прямоугольных блоков, на фундаменте из бутовых камней, на известковом растворе.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.157-158

Второй шурф размером 2×2 м заложен на Старом Посаде г. Касимова с целью выяснения границ распространения культурного слоя. В результате получен материал, подтверждающий в данном месте распространение культурного слоя кон. XV – 1-й пол. XVI в. В шурфе выявлены 2 хозяйственные ямы кон. XV – 1-й пол. XVI в.

Третий шурф размером 2×4 м заложен ближе к месту исследований 2014 г., в старом заброшенном саду. В шурфе выявились слои и часть подклета дома нач. XV в.

Материал, полученный в результате исследований, позволяет с большей уверенностью отождествить исследованный район с посадом Городца Мещерского XIV – сер. XVI в.

Четвертый шурф размером 2×2 м заложен на высоком мысу правого берега р. Бабенка на месте впадения ее в р. Оку. Полученные материалы датировали культурный слой кон. XVI – XVII в., есть более ранние материалы эпохи раннего железного века.

Также заложен шурф в Старом Кадоме, Кадомский р-н Рязанской обл. Старый Кадом обычно связывается со средневековыми татарами и мордвой XIV–XV вв. Был заложен шурф размером 2×2 м на берегу р. Мокши. Находки – керамика лепная, связанная с местным населением, керамика в болгарских традициях, связанная с Золотой Ордой, также в заполнении сооружений найдены фрагменты шлаков и чугунных изделий.

БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Т. М. Алиев, А. А. Божко,
А. А. Кононенко, А. Г. Кудряшов

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: селище, городище, курганная группа, керамика, энеолит, репинская культура, срубная культура, бондарихинская культура, скифское время, киевская культура, черняховская культура

ООО «Белгородская археологическая экспертиза» проводились исследования (раскопки) на памятниках археологии в Белгородской обл.

Т. М. Алиевым проводились раскопки на селище **Мокрая Орловка 2**, расположенном в Грайворонском р-не Белгородской обл. Памятник выявлен А. М. Обломским в 1986 г. В настоящее время разрушается действующим карьером. Для спасения части культурного слоя на поселении заложен раскоп площадью 55 кв. м.

Селище расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Ворсклицы (р. Ворскла). Был исследован культурный слой мощностью

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.158-162

ок. 0,6 м и шесть хозяйственных ям. Слой представляет собой гумусированную супесь очень плотной структуры. Почти во всех ямах, за исключением одной, выявлена характерная лепная керамика с шамотом позднеримского времени, а на дне ямы 4 – стенка поливного сосуда нового и новейшего времени. Следовательно, сооружение ямы 4 может быть отнесено к XIX–XX вв., не исключено, что и остальные ямы имеют позднее происхождение и связаны с забором песка местным населением.

Выявленный материал представлен находками лепной посуды бронзового века (бондарихинская культура), железного века (киевская культура), а также поздней круговой керамикой. Также обнаружены бронзовое разомкнутое кольцо и железный предмет.

А. А. Божко исследован культурный слой на площадке **городища Стрелецкое 2** скифского времени в Красногвардейском р-не Белгородской обл. Городище расположено на мысу правого берега балки Бычок (р. Усердец – р. Тихая Сосна – р. Дон). Выявлено П. Д. Либеровым в 1960 г., исследовалось А. А. Божко в 2012 г. [*Сарапулкина* и др., 2012, с. 170–178]. Раскоп площадью 64 кв. м примыкал к раскопу 2012 г. Исследован культурный слой мощностью ок. 0,6 м и две хозяйственные ямы, в одной из которых выявлено 4 развала лепных сосудов. Из них полностью реконструируется сосуд вытянутых пропорций с пальцевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 30). Кроме фрагментов лепных сосудов на поселении зафиксированы в незначительном количестве амфорная керамика, глиняная обмазка и кости животных. Особняком стоит высверлина каменного топора. Зафиксированные нами хозяйственные объекты на городищенской площадке свидетельствуют о наличии постоянного населения в пределах укреплений.

А. А. Кононенко исследован слабонасыщенный культурный слой на разрушаемом действующим карьером **селище Казацкое 1**. Выявлен П. Д. Либеровым в 1961 г. Расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Тихая Сосна (бассейн р. Дон). Всего изучено 65 кв. м и исследована 1 хозяйственная яма.

Выявленный материал позволяет судить о двух периодах функционирования селища. Первый раз данный участок заселялся в эпоху энеолита племенами репинской культуры (кон. IV – III тыс. до н. э.), с этим этапом связаны находки лепной посуды с примесью шамота, песка и органики, украшенные наколами и/или гребенчатым штампом. Второй период заселения участка маркируется неорнаментированной лепной посудой с примесью песка. Данный пласт соотносим с культурными группами бронзового века. Малое количество выявленного материала, возможно, указывает на характер использования поселений как сезонных скотоводческих стоянок.

А. Г. Кудряшовым проводилось исследование **двух курганов и культурного слоя с. Анновка** XVII–XIX вв. в Корочанском р-не, а также селища в Ракитянском р-не Белгородской обл.

В кургане 10 курганной группы Гороженное 1 зафиксировано 3 погребения. Памятник выявлен Т. В. Сарапулкиной в 2004 г. [*Сарапулки-*

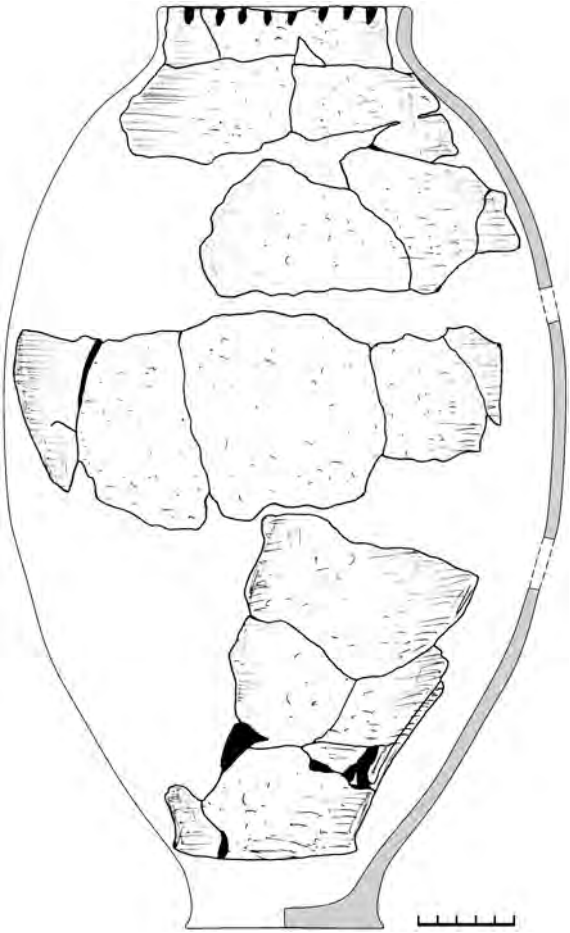

Рис. 30

на, 2004], включает в себя 10 насыпей и расположен на водоразделе р. Корочи (р. Нежеголь – р. Северский Донец) и притоков р. Оскол (рр. Халань и Холок). Диаметр насыпи кургана 10 составлял 41 м, наибольшая высота – 2,1 м.

Погребения 1 и 3 являются основными, сооружены до появления насыпи. Они практически идентичны по погребальному обряду – скорченные на левом боку скелеты в сопровождении 1–2 сосудов и костей животных типичны для срубной культуры. Богатая орнаментация сосудов позволяет предположить их принадлежность к раннему этапу срубной культуры (XVI в. до н. э.).

Погребение 2, совершенное в насыпи кургана, разительно отличается от вышеописанных, вытянутое, ориентированное головой на Ю. Погребальный обряд и сосуд, составивший инвентарь погребения, имеют аналогии в лесостепных древностях предскифского времени (VIII – 1-я пол. VII в. до н. э.) Среднего Дона – в курганах 12/14, 7/28 могильника Мастюгино и кургане 21 могильника Частые курганы [*Пузикова*, 2001, с. 89, 104, рис. 13].

Еще одним объектом, изучавшимся А. Г. Кудряшовым, было **селище Венгеровка 1** в Ракитянском р-не. Памятник выявлен А. М. Обломским в 1987 г., расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Пена (приток Псла). В 2016 г. вскрыто 994 кв. м и изучен культурный слой и объекты, содержавшие отложения бондарихинской культуры бронзового века, черняховской культуры железного века и русской культуры нового и новейшего времени.

Бондарихинские отложения представлены единичными кремневыми изделиями и подавляющим большинством лепной посуды. Все четыре типа лепной посуды, выделенные нами по примесям в глиняном тесте (песок, дресва+песок, шамот+песок, дресва+шамот+песок), судя по характерной орнаментации, присутствовали в обиходе населения бондарихинской культуры. Достаточное разнообразие формовочных масс говорит либо о довольно длительном периоде существования поселения, либо в пользу синкретического характера керамической традиции. В пользу первого утверждения говорит орнаментация керамики и примеси в тесте. Анализ материала позволяет сделать вывод о присутствии на поселении как материалов малобудковского типа, так и собственно классических бондарихинских. К признакам первого относятся орнаментация сосудов гребенчатым штампом, сочетание штампа с косыми вдавлениями по тулову палочкой, орнаментация беспорядочными короткими линиями. Керамика развитого этапа бондарихинской культуры изобилует насечками и пальцевыми защипами по венчику, многие вдавления и насечки этого периода нанесены с наклоном [*Иваницкий*, 2012, с. 160], в это время на сосудах появляются рельефные украшения в виде валика [*Граков*, 1977, с. 197–198], сосуды имеют в тесте примесь крупного шамота [*Корохина, Квитковский*, 2015, с. 118]. Примечательно, что часть подобных сосудов имеет отогнутый венчик, орнаментированный пальцевыми вдавлениями, что делает их похожими на сосуды культур скифского времени Днепро-Донецкой лесостепи. Отличает их наличие вдавлений, покрывающих плечо сосудов. Данный культурный пласт может быть датирован в рамках XII – рубежа IX/VIII вв. до н. э. К данному этапу существования селища относится углубленное сооружение, зафиксированное как объект 11.

Второй раз заселение участка происходило во 2-й четв. I тыс. н. э. племенами черняховской культуры. К данному времени относятся фрагменты круговых сосудов и некоторых лепных с примесью шамота и песка в глиняном тесте. Особый интерес представляет находка железного гребня (рис. 31), обнаруженного при разборе глинобитного выносного очага. Всего в ареале черняховской культуры, по сведениям Б. В. Магомедова

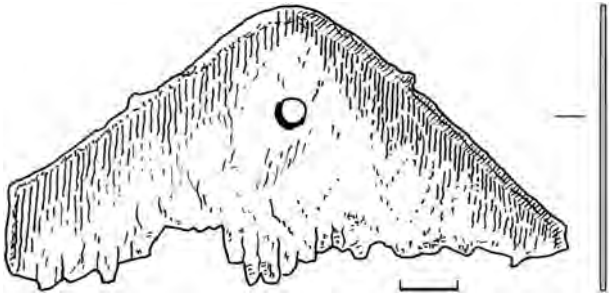

Рис. 31

[*Магомедов*, 2001, с. 84], найдено не более двух десятков данных предметов, причем большинство – на поселениях. Данные гребни показывают наличие устойчивых связей племен черняховской культуры с жителями Южной Скандинавии и Северной Германии. К черняховской культуре относятся объекты 1, 8–10, 12.

Третий этап использования территории памятника следует отнести к русскому времени. Он представлен малочисленными фрагментами круговой белоглиняной керамики, а также железными предметами – гвоздями и обувной подковкой. Видимо, к этому времени следует отнести объекты 2–4, 6 – вероятно, столбовые ямы для ограды.

Неясной остается датировка объектов 4 и 7, правильная форма и наличие в заполнении объекта 7 кости животного не оставляет сомнения в их антропогенном характере. Светлая супесь в заполнении ям отличает их от объектов бондарихинской, черняховской и русской культур, исследованных на памятнике.

Граков Б. Н., 1977. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во Московского ун-та. 232 с.

Иваницкий В. Р., 2012. Поселение бондарихинской культуры Карьерное в Кременском районе на Северском Донце // Донецький археологічний збірник. № 16. Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту. С. 158–176.

Корохина А. В., Квитковский В. И., 2015. Материалы эпохи поздней – финальной бронзы с многослойного селища Пятницкое-I в бассейне Северского Донца // Древности 2014–2015 гг. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 13. Харьков: НТМТ. С. 107–123.

Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин. 276 с.

Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: публикация комплексов. М.: Индрик. 272 с.

Сарапулкина Т. В., 2004. Отчет о разведочных работах на территории Белгородской области в 2004 году // Архив ИА РАН.

Сарапулкина Т. В., Сарапулкин В. А., Божко А. А., 2012. Оборонительные сооружения Стрелецкого городища-2 скифского времени // Восточноевропейские древности. Сборник научных трудов. Воронеж. С. 170–178.

**Т. М. Алиев, А. А. Божко, А. Г. Кудряшов,
Я. С. Москвитин, Т. Е. Сидоренко, В. В. Скребцова**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА БЕЛГОРОДЧИНЕ

Ключевые слова: селище, курганный могильник, палеолит, неолит, бронзовый век, ранний железный век, зарубинецкая культура, киевская культура, черняховская культура, салтово-маяцкая культура

ООО «Белгородская археологическая экспертиза» проводились разведочные работы как по обследованию подлежащих хозяйственному освоению земельных участков, так и отдельных речных долин на территории Белгородской обл. Кроме того, осуществлена работа по мониторингу и определению границ некоторых объектов археологического наследия (ОАН).

В ходе обследования земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, изучено 50 памятников археологии, из которых 30 были открыты в ходе работ 2016 г., остальные 20 – известные ранее.

В результате проведенных работ выявлено 24 неукрепленных поселения и 1 местонахождение археологического предмета. 13 пунктов являются однослойными селищами, остальные – многослойные.

Отложения каменного века отмечены на селище Котеневка 4 в бассейне р. Чуфички (р. Оскол – р. Северский Донец): здесь встречены находки среднедонской неолитической культуры VI–V тыс. до н. э. Еще в одном пункте – ОАН «Лучка, селище 3» на р. Валуй (р. Оскол – р. Северский Донец) – зафиксированы отходы кремневого производства, которые могут быть датированы широкими рамками от палеолита до бронзового века.

Материалы бронзового века встречены на 7 памятниках археологии. Средний бронзовый век представлен селищем 7 у с. Ильинка (бассейн р. Тихая Сосна) с невыясненной культурной атрибуцией и ОАН «Белгород, селище 7» (р. Разумная, бассейн Северского Донца), оставленное племенами катакомбной культуры. Периодом позднего бронзового века датированы материалы селищ 1 и 14 у с. Ильинка (р. Тихая Сосна), Головчино селище 7 (р. Ворскла) и Белгород, селище 7. Последнее соотнесено с племенами срубной культуры.

Неатрибутированный культурный слой раннего железного века зафиксирован на ОАН «Белгород, селище 7», материалы скифского времени (VI–IV вв. до н. э.) – на пяти рядом расположенных поселениях в бассейне р. Чуфичка (р. Оскол – р. Северский Донец) (Верхне-Чуфичево, селища 1, 2, 3; Котеневка, селища 3, 5). Кроме того, еще на одном пункте в этом же районе встречен отдельный фрагмент скифской керамики (Котеневка, местонахождение археологических предметов 2).

Следующим культурно-хронологическим горизонтом является пра- и раннеславянское время. Выявлены и повторно осмотрены селища позднезарубинецкой культуры (Верхне-Чуфичево, селище 3; Котеневка, селище 4, бассейн р. Чуфичка), черняховской культуры (Шагаровка,

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.163-165

селище 1, р. Топлинка, бассейн Сев. Донца), памятников V–VII вв. (пеньковская либо колочинская культура – Ильины, селище 1 на р. Убля (р. Оскол – Сев. Донец) и Трубецкой, селище 1 на р. Пена (приток Псла)). Кроме того, группа из 4 селищ в бассейне р. Валуй (Лучки 1–4) и ОАН «Головчино, селище 7» датированы широкими рамками I–VII вв. н. э.

Материалы салтово-маяцкой культуры раннего средневековья зафиксированы двумя группами: в долине р. Тихая Сосна (селище 1 у с. Ильинка, Ильинка, селища 8 и 19) и в долине р. Чуфичка (Верхне-Чуфичево, селище 1; Котеневка, селища 3 и 5). Древнерусские отложения исследовались на посаде 5 Крапивенского городища (р. Корень – р. Нежеголь – Сев. Донец).

Культурный слой нового и новейшего времени отмечен на 7 пунктах: селищах 1 и 15 у с. Ильинка, Малобыково, селище 3 (р. Тихая Сосна); Лучка, селище 3 (р. Валуй); Верхне-Чуфичево, селище 1, Котеневка, селище 4 (р. Чуфичка); культурный слой п. Яковлево XVIII–XX вв. (р. Ворскла).

В 25 зафиксированных курганных могильниках выявлено 50 насыпей, из которых 16 обследованы впервые. Датировка объектов в связи с отсутствием материала затруднена.

Сотрудниками ООО «Белгородская археологическая экспертиза» проводилось обследование речных долин региона для уточнения археологической карты.

А. А. Божко исследовал долину р. Разумная (р. Северский Донец) в Белгородском, Корочанском и Яковлевском р-нах Белгородской обл. В результате работ в среднем и нижнем течениях реки выявлены 14 новых и обследован 1 ранее выявленный ОАН – 14 неукрепленных поселений и местонахождение археологических предметов.

На четырех поселениях зафиксированы отложения бронзового века (Разумное, селища 4 и 5, Ястребово, селище 2, Мясоедово, селище 4), из них только для поселения Разумное 4 удалось установить культурную принадлежность – памятник оставлен племенами срубной культуры.

В 14 из 15 выявленных памятниках археологии зафиксированы отложения пра- и раннеславянского времени (1-я – 3-я четв. I тыс. н. э.). К позднезарубинецкой культуре отнесено Мелихово селище 1; отложения черняховской культуры зафиксированы на поселении Разумное, селище 3; материалы киевской культуры отмечены на четырех селищах: у с. Шеино (Шеино, селища 1–3) и у с. Мясоедово (Мясоедово, селище 3). Еще 4 памятника (Разумное, селища 4–6, и Мясоедово, селище 4) датированы сер. III – нач. V в. н. э., культурная принадлежность не установлена. Остальные памятники с отложениями этого времени в силу малочисленности и невыразительности обнаруженного материала датированы в широких пределах 1-й – 3-й четв. I тыс. н. э. Исключением является Беловское селище 3, где довольно сомнительно существование поселения в эпоху черняховского влияния в регионе. Поселение Белгород, селище 5, датировано в широких рамках железного века.

На одном поселении (Разумное, селище 4) отмечены находки древнерусской керамики (2-й пол. XI – нач. XII в.). Определение керамики произведено В. В. Скинкайтисом.

На трех памятниках зафиксированы отложения нового и новейшего времени, связанные с периодом освоения края Московским государством начиная с кон. XVI в. и существованием хуторов вплоть до кон. XX в.

Я. С. Москвитин провел обследование долины р. Сажновский Донец (р. Северский Донец) в Прохоровском и Яковлевском р-нах Белгородской обл. В ходе работ выявлены 6 памятников, 5 из которых оставлены племенами пра- и раннеславянского времени. На ОАН «Озерово, селище 1» выявлены отложения черняховской культуры; «Беленихино, селище 1» и «Тетеревино, селище 1» – киевской. Тетеревино, селище 2, оставлено либо позднезарубинецкими, либо пеньковскими племенами; ОАН «Сажное, селище 1» датировано в широких рамках I–VII вв. н. э. Шестой пункт – Сажное, селище 2 – оставлен племенами эпохи бронзы или раннего железного века.

Также Т. Е. Сидоренко проведен мониторинг состояния и использования 12 объектов археологического наследия: городищ XVI–XVII вв. Карпов, Короча, Нежегольск, Усерд, Яблонов, Болховец, Валуйки, городища, селище и могильника салтово-маяцкой культуры у с. Дмитриевка, многослойного поселения (эпоха бронзы – раннее средневековье) Шебекино, селище 3, и Чураево, селище 8. Для 10 из них (кроме городищ Валуйки и Болховец) определены границы территории. Объекты расположены в Белгородском, Валуйском, Корочанском, Шебекинском и Яковлевском р-нах Белгородской обл. При выполнении данных работ выявлено селище 1 у с. Казацкое Яковлевского р-на Белгородской обл. Памятник датирован ранним железным веком.

А. А. Божко, А. Г. Кудряшов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: Белгород, керамика, погребение, XVII–XIX вв.

ООО «Белгородская археологическая экспертиза» проводились археологические исследования (наблюдения) на двух земельных участках в Белгородской обл.

А. А. Божко изучался земельный участок в исторической части г. Белгород в границах выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой исторической части города Белгорода XVII–XIX вв.». Культурный слой на всей площади нарушен строениями XX в., работы велись экскаватором под наблюдением археолога. В ходе работ удалось зафиксировать участки сохранившегося культурного слоя площадью 152,8 кв. м, изучавшиеся методами археологических раскопок. Общая изученная площадь составила 625,8 кв. м.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.165-167

На сохранившихся участках культурные напластования представлены перемешанной в той или иной степени темно-серой и светло-серой супесью с включениями кирпича или кирпичной крошки, угля и меловой крошки.

Состав находок в целом типичен для русских городов нового времени. Количественно преобладает керамический материал – фрагменты сосудов и строительной керамики. Посуда включает в себя фрагменты «черкасской», «московской» и поливной керамики. Значительным количеством находок представлен остеологический материал.

Обследовано 22 углубленных в грунт объекта. Ряд объектов (3, 4, 13, 15, 16, 17) в связи с отсутствием в них круговой керамики с поливой, характерной для нашей местности начиная с XIX в., можно датировать XVII–XVIII вв. Другие (5, 8, 9, 11, 12) мы можем датировать XIX–XX вв. К сожалению, отсутствие узкодатируемых хроноиндикаторов не позволяет предположить более краткую датировку.

Также исследовано 82 целых и множество разрушенных погребений. Выявленные нами погребения, вероятно, относятся к прицерковному кладбищу Введенской ц. г. Белгорода. Она была построена в 1777 г., закрыта в 1939 г. и вскоре разрушена [*Крупенков*, 2012, с. 569]. При церкви было здание церковно-приходской школы, построенное в кон. XIX в. и сохранившееся до наших дней. Однако до постройки церкви 1777 г. в Белгороде существовала другая Введенская ц., упоминаемая в документах XVII–XIX вв. Кроме того, в клировых ведомостях 1870 г. сообщается, что во Введенской ц. метрические книги сохранились с 1774 г., то есть на три года раньше строительства каменного здания, что подтверждает существование более раннего здания церкви.

Датировать выявленный могильник мы можем в рамках 1650 г. – 70-х гг. XVIII в. Оснований для выделения нижней даты, так как мы не знаем времени постройки церкви, у нас нет, поэтому мы берем время строительства самой крепости. То, что уже сразу после строительства крепости данный участок был передан церкви, косвенно подтверждает (за исключением одного случая) факт отсутствия перекрытия погребениями других археологических объектов. Нижняя дата связана с Екатерининскими указами 1771–1772 гг., когда после эпидемии чумы было запрещено хоронить умерших в пределах города. Для этого нужно было организовывать новое кладбище за пределами городских стен. Именно это и произошло в 1770-х г., когда в районе современной улицы Попова начало функционировать новое белгородское кладбище. Факт многочисленного перекрытия погребениями друг друга указывает на довольно длительный период существования погоста. Никаких сведений о существовании кладбища в литературе нет, в отличие от церкви и церковно-приходской школы. Нам кажется, что следующие доводы выглядят вполне убедительными. Уже в 1770-х гг. для предотвращения возникновения новых очагов чумы кладбище разравнивают и засыпают слоем земли. Именно с этим, возможно, связан довольно однородный слой светло-серой супеси с меловой и кирпичной крошкой, а также углями, выявленный в ЮЗ и зап. частях раскопа

(где и расположено кладбище) и отсутствующий в ЮВ части изученного котлована.

На ОАН «Культурный слой с. Анновка XVII–XIX вв.» А. Г. Кудряшовым на трех участках методами археологического наблюдения изучен переотложенный культурный слой на площади 2842,7 кв. м. На состояние культурного слоя оказало сильное влияние позднее антропогенное воздействие, связанное с хозяйственным освоением территории с. Анновка. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие археологических объектов, что связано, вероятно, с тем, что данная территория не использовалась для проживания, а была зоной хозяйственного освоения. Выявленный незначительный материал, представленный керамикой (с поливой и без), печными изразцами и стеклянной посудой, типичен для поселений региона XVII–XIX вв.

Кроме того, был исследован небольшой некрополь (12 погребений). Одно погребение принадлежало взрослому индивиду, 10 – детским захоронениям, еще в одном костяка не обнаружено. Находки представлены нательным крестом; ладанкой; фрагментом ткани; коваными гвоздями и двумя фрагментами стеклянных сосудов из кенотафа, на дне одного из которых указан год – 1887, что может указывать на нижнюю дату погребения. Часть погребений имела следы от полусгнивших гробов.

Крупенков А. Н., 2012. Пройдемся по старому Белгороду. Белгород: Константа. 740 с.

Т. В. Сарапулкина

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ПЕТРОПАВЛОВКА 1 И ОБСЛЕДОВАНИЕ ЕГО ОКРУГИ

Ключевые слова: ранний железный век, вал, ров, керамика, амулет, погребение

Экспедицией производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры при управлении гос. охраны объектов культурного наследия Белгородской обл. совместно с Белгородским ГУ проведены раскопки на городище Петропавловка 1 и разведочные работы в его окрестностях. Памятник выявлен Т. В. Сарапулкиной в 2006 г. В 2013 г. обследовался А. А. Божко, заложено два разведочных шурфа, в 2015 г. небольшие раскопочные работы на площадке городища проводила Т. В. Сарапулкина (192 кв. м).

Петропавловка, городище 1, находится на ЮВ окраине с. Петропавловка в Чернянском р-не Белгородской обл. Расположено на мысу высокого правого коренного берега ответвления р. Ольшанка (приток р. Оскол), образованного небольшим глубоким оврагом и поворотом береговой линии, высота над уровнем поймы 20–35 м. Размеры городищенской площадки 80×160 м. С напольной стороны городище защищено двумя

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.167-169

валами и рвом между ними. Длина оборонительной линии ок. 70 м. Современная высота внутреннего вала 1,5–2 м, ширина ок. 8 м. Высота внешнего вала 2 м (от уровня рва между валами), ширина ок. 8 м. В оборонительной линии, в ее вост. части, заметен проход, направленный по косой по отношению к ней.

На памятнике заложен раскоп площадью 375 кв. м. Было продолжено изучение центральной части городища, а также проводились раскопки оборонительной линии и края вост. склона. Мощность культурного слоя 0,2–0,45 м. Были изучены два вала и два рва.

Вал 1 – внутренний: ширина ок. 12 м, высота от уровня материка 1,4 м. Вал имеет сложную структуру. Вдоль внутренней стороны у его подножия на уровне материка прослежена траншея 1 шириной 40–65 см, глубиной 45–50 см. Далее к центру вала, но на внутренней еще стороне, выявлено пять круглых ям (диаметром от 55 до 80 см, глубиной от 50 до 150 см), расположенных по косой к оси вала.

Стратиграфически выше данных объектов и чуть ближе к краю вала находился объект 8, представляющий собой скопление лепной керамики (два развала горшков и отдельные фрагменты сосудов), челюсть крупного животного (лошадь/корова), несколько небольших камней и немного ниже в уровне – скопление меловых кусков (преимущественно уплощенных). Горшки слабопрофилированы, украшены по венчику пальцевыми вдавлениями и наколами.

Траншея 2, шириной 45–60 см, глубиной 90–100 см, выявлена с внутренней стороны вала.

Траншея 3, шириной 30–50 см, глубиной 20–45 см, выявлена также с внутренней стороны вала. В вост. стенке раскопа в траншее фиксируется объект 18 – столбовая яма (диаметром 7 см и глубиной 37 см), заполненная обожженной глиной более рыхлой структуры, чем заполнение траншеи, на дне небольшое скопление угольков. На дне траншеи выявлены три небольшие и неглубокие ямы.

Траншея 4, шириной 40–50 см, глубиной 30–40 см, выявлена с внешней стороны вала. В траншее были зафиксированы более темные пятна от полубревен. Плоской стороной прижаты к сев. внутренней стенке траншеи, размеры 25×13 см.

Ядро внутреннего вала составляет скопление обожженной глины мощностью до 80 см, в верхней половине отмечается также скопление пережженной глины мощностью до 40 см. Обожженная глина размещена непосредственно на погребенной почве, прокал последней не прослеживается. В целом вал сложен из суглинка с включениями обожженной глины.

Ров 1 – внутренний, расположен между двумя валами, частично перекрывается внутренним валом. Состоит из двух частей: 1-я часть – юж. – ров на последней стадии существования городища, фиксируемый в современном рельефе, 2-я часть – сев. – перекрыта внутренним валом. Ширина ок. 8 м, глубина от вершины внутреннего вала 1,6 м.

Вал 2 – внешний: ширина ок. 6 м, высота от уровня материка 1,2 м. Вал сложен из суглинков различных цветов. На внешней стороне выявлено

корытообразное понижение материка. Предположительно это более ранний ров, засыпанный при возведении вала (ров 3). Ширина 2 м, глубина от уровня материка 0,6 м. Южнее (с внешней стороны) к нему примыкает траншея 5. Ширина 60–70 см, глубина 25–35 см. С внутренней стороны вала располагается траншея 6: ширина 75 см, глубина 50 см, в материк не заглублена.

Подавляющее большинство находок на городище представлено фрагментами лепных керамических сосудов – горшков. Тесто сосудов включает в себя примесь шамота, реже дресвы и песка. Венчики слабопрофилированы, большая часть из них украшена защипами, насечками или проколами по краю венчика.

Также в культурном слое раскопа обнаружены фрагменты обмазки, конусовидные пряслица, фрагмент глиняного грузила, три фрагмента округлых глиняных изделий, фрагменты необработанных камней, кремневый и кварцитовый отщепы, три фрагмента кварцитовых изделий с плоской стороной, фрагмент каменного пряслица (?), фрагмент каменного оселка со сточенной стороной, фрагмент изделия из песчаника с плоской стороной, крупный фрагмент песчаника с двумя плоскими сторонами, фрагмент железного ножа и маленький железный гвоздик. Обнаружено 199 фрагментов костей.

Также обнаружен костяной амулет, предположительно, из когтя медведя. В основании когтя вырезано изображение хищника. Там же сделано сквозное отверстие. Это подражание кабаньим клыкам с зооморфными изображениями или их бронзовым имитациям – категориям, широко распространенным в савроматской культуре, в меньше мере – в скифской и на Северном Кавказе. Выявленный на Петропавловке амулет – предположительно, одно из ранних в этом ряду подражаний и может датироваться нач. V в. до н. э. (благодарю А. Р. Канторовича за помощь в культурной и хронологической атрибуции данной находки).

Также в округе городища на правом берегу р. Ольшанки проводились небольшие разведочные работы. В результате выявлено три памятника: два селища и грунтовый могильник. Селища синхронны городищу, могильник предварительно датирован эпохой металла. На могильнике заложен один шурф, материала в нем не выявлено, на уровне материка обнаружено погребение.

Погребение 1 совершено в подовальной яме (длина 2 м, ширина 0,7 м, глубина от уровня фиксации пятна могильной ямы 0,3–0,5 м), ориентированной продольной осью по линии СЗ–ЮВ. На дне могильной ямы выявлен костяк. Погребенный расположен вытянуто на спине, головой на ЮВ. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги выпрямлены. Голова упала на левый бок. Инвентарь погребения представлен микроскопическим фрагментом бронзового изделия и просверленным когтем животного, расположенными на левой части таза.

А. В. Степовой, В. И. Гребенюков

РАСКОПКИ НА ПАМЯТНИКЕ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ ЮТАНОВКА II

Ключевые слова: древняя металлургия, салтово-маяцкая культура, тигель, энергодисперсионный анализ

Научно-исследовательская лаборатория историографии и полевых методов археологии Нижневартовского ГУ провела раскопки на пункте древней металлургии II лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры с. Ютановка Волоконовского р-на Белгородской обл. Памятник находится на дюне правобережной поймы р. Оскол (зап. часть бассейна Дона) у вост. окраины аланского поселения Ютановка 2.

Целью работ 2016 г. было исследование площади 40 кв. м, расположенной к Ю и ЮЗ от наземного железоплавильного горна 27 и к ЮЗ от гончарной мастерской 2, соединив линию А раскопа 6 (1997 г.) с раскопом 9 (2014 г.). Раскоп расположен на пологой сильно задернованной поверхности дюны с уклоном к С и СЗ. К СЗ уровень современной поверхности понижается на 0,06 м. По дну раскопа, на уровне материка, понижение составляет от 0,14 до 0,24 м. Понижение к С на уровне поверхности составляет от 0,1 до 0,24 м, соответственно уровень материка понижается на 0,1–0,22 м. На площади раскопа находился слой дерна толщиной 0,05 м, состоящий из плотного чернозема и корневой системы. Ниже слоя дерна располагался слой плотного гумуса, толщина которого колеблется от 0,45 до 0,7 м. На глубине 0,3–0,5 м от современной поверхности, в СЗ части раскопа, в гумусе выделяется слой в 0,2–0,32 м темного гумуса, под которым залегал 0,1–0,23 м слой предматерика из коричневой глины с содержанием гумуса. Материковый грунт состоит из пластичной коричневой глины и начинался с глубины 0,74–0,94 м.

На исследованной площади археологических объектов нет. Находки, при отсутствии мест их скопления в пластах, представлены стенками тиглей, черноталлургическим шлаком, салтовской керамикой и отдельными артефактами. В культурном слое они разбросаны по всей площади, но наибольшее их количество наблюдается в третьем пласту. Стенки тиглей без шлака и со шлаком темно-серого цвета, абразивные. Из стенок тиглей, выявленных в раскопе, выделяются стенки с оббитыми краями, придающими им форму, близкую квадратной, прямоугольной или ¼ круга. Три тигельные стенки с треугольным вырезом, создающим впечатление двух вершин, связываем с проявлением культа поклонения горным вершинам; шлак и стенку тигля, оббитые под профиль головы и голову лошади, связываем с проявлением культа коня; стенка тигля, оббитая под голову кобры с капюшоном, является свидетельством культа змеи. К сыродутному горну 27 относим стенки тиглей, имеющие на внутренней поверхности коричневый или коричнево-серый оплав [*Степовой*, 2017, с. 155]. Среди стенок тиглей с оплавом изнутри есть пять стенок с фрагментом отверстия для поддува воздуха.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.170-171

Из изделий из черного металла найдены два лезвия ножа. Для элементного анализа лезвия ножа в Центре коллективного пользования «Диагностика структуры и свойств наноматериалов» Белгородского ГУ сделан небольшой скол в начале лезвия. Спектр металла снимался с середины металлической сердцевины ножа, не подверженной коррозии. Проведенный анализ выявил весовое процентное содержание химических элементов: C (2,84%), O (1,84%), Al (0,52%), Si (0,28%), Fe (94,15%), Ni (0,36%). С учетом погрешности энергодисперсионного анализа, который плохо чувствителен к легким элементам (бор, углерод, азот) и которому свойственно на практике немного завышать процент углерода, середину металлической сердцевины лезвия ножа можно отнести к стали.

В культурном слое встречена керамика. Выделяется стенка тарного сосуда с овальным налепом, на поверхности которого рельефно вдавлен равносторонний крест. Стенка найдена в третьем пласту к ЮЗ от гончарной мастерской 2, при исследовании которой отсутствовали днища сосудов с клеймом. Но клеймо «крест в круге» имеется на дне фрагментарно сохранившегося кухонного горшка, находившегося на поде обжигательной камеры гончарного горна. Гончарный горн сооружен рядом с металлургической мастерской и территориально расположен на значительном удалении от трех гончарных мастерских, что не позволяет их считать единым производственным комплексом [*Николаенко и др*., 2006, с. 36, 37]. Отметим, что рядом с гончарными мастерскими пункта древней металлургии отсутствуют гончарные горны.

Николаенко А. Г., Сарапулкин В. А., Степовой А. В., Пашнев А. Н., 2006. Гончарный горн № 1 из Ютановки // Белогорье: Краеведческий альманах. Вып. 5. Белгород: Изд-во Белгород. ГУ. С. 35–37.

Степовой А. В., 2017. Раскопки на Ютановском пункте древней металлургии II в Белгородской области // АО 2014. С. 155.

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

В. Д. Березуцкий

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ» ВОРОНЕЖСКОГО ПЕДУНИВЕРСИТЕТА И ООО «ТЕРРА»

Ключевые слова: курганный могильник, эпоха бронзы, катакомбная культура, срубная культура, ранний железный век, сарматское время

АЭ студентов Воронежского гос. ПУ и школьников области «Возвращение к истокам» на базе проведения школьных полевых археологических лагерей исследовала курганы в Воронежской обл. в Россошанском,

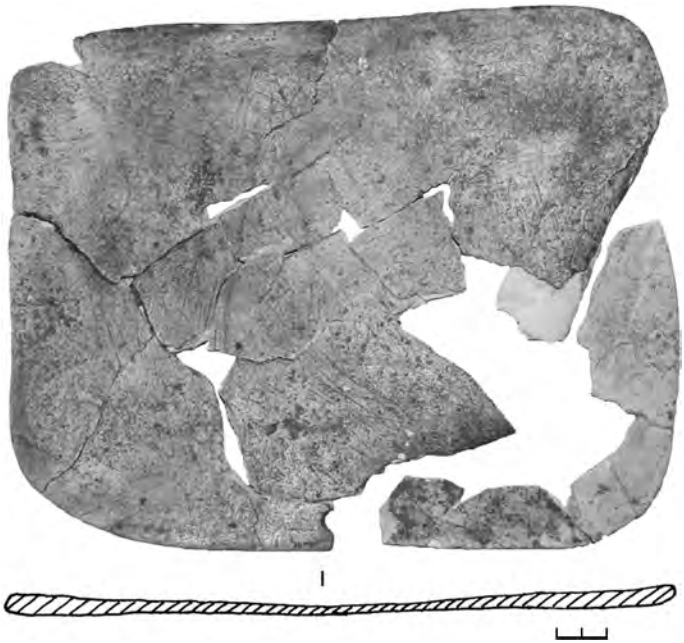

Рис. 32

Таловском, Грибановском и Богучарском районах [*Березуцкий*, 2016а]. Работы были поддержаны РГНФ. Проект № 16-11-36603.

В Россошанском р-не у г. Россошь (донское правобережье) исследован курган диаметром 44 м и высотой 1,6 м, содержавший семь погребений катакомбной культуры. В работах принял участие д. г. н. Ю. Г. Чендев, взявший пробы почв. Основное погребение, совершенное в катакомбной конструкции под первичной насыпью, имело ямно-катакомбные признаки и было окружено кольцевым ровиком, в котором находилось жертвоприношение МРС. Радиоуглеродный анализ по кости и дереву дал схожие даты: 4010±60 BP, или 2698–2346 (89,2%) CalBC (кость); 3910±25 BP, или 2472–2335 CalBC (дерево). Впускные погребения более поздние, с признаками развитого – позднего этапов развития катакомбной культуры, которые могут быть датированы примерно XVIII–XVII вв. до н. э. Погребения совершены в катакомбных конструкциях. Умерших сопровождали лепные сосуды, кости жертвенных животных.

Уникальна находка «жертвенного столика», сделанного из рога, вероятнее всего, лани (рис. 32). По всей внешней поверхности изделия нанесены следы бронзовым ножом, такие же следы обнаружены и на некоторых костях неполного расчлененного скелета мужчины более 50-летнего возраста, находившегося в катакомбе (трасологические определения В. В. Килейникова).

Антропологические определения здесь и далее научного сотрудника отдела теории и методики ИА РАН, к. и. н. И. К. Решетовой.

В Таловском р-не (левобережье Среднего Дона) продолжены раскопки курганного могильника у с. Новая Чигла, расположенного на правом берегу р. Чигла (левый приток Битюга), на мысовом выступе, возвышающемся до 15 м над уровнем поймы. Исследовано два кургана: курган 5 содержал два погребения среднесарматской культуры; курган 13 – погребение катакомбной культуры, ее позднего этапа (XVII в. до н. э.).

В кургане 5, диаметром 20 м и высотой 0,5 м, обнаружена обширная яма почти квадратной формы 2,2×2,4 м, ориентированная по линии ЮВ–СЗ и углубленная в материк на 1 м (1,4 м от уровня погребенной почвы). На подстилке из войлока (?) и коры березы по диагонали с сев. угла на южный лежал скелет женщины 30–35 лет, вытянуто на спине головой на Ю. Умершую сопровождали два бронзовых котла – большой и малый (оба котла сильно и намеренно повреждены), гончарный красноглиняный одноручный кувшин со сливом, красноглиняный бальзамарий (разбит при похоронах), медный таз, бронзовое зеркало с валиком по краю дика и со штырем (поломано), железный нож, каменный оселок, железный трехлопастной наконечник стрелы, остатки железных удил, а также многочисленные и разнообразные бусы.

Впускное погребение принадлежало ребенку 6–8 лет, судя по остаткам колчана, уже прошедшему обряд инициации. Умерший был захоронен в яме с подбоем, вытянуто на спине с юж. ориентировкой. Его сопровождали приземистый сероглиняный гончарный кувшин с петлевидной боковой ручкой, колчан с железными трехлопастными черешковыми стрелами и круглая плоская янтарная подвеска. Погребения были созданы в одно время, и над ними была устроена единая насыпь. Их датирует красноглиняный бальзамарий первой пол. I в. н. э. (консультация по датировке бальзамария А. П. Медведева, за что автор выражает ему признательность). Подобный сосуд ранее был встречен в кургане 11/15 I Чертовицкого могильника [*Медведев*, 1990, рис. 14: *2*]. Погребение женщины принадлежит представительнице кочевой сарматской знати и может быть отнесено к I социальному рангу сарматских погребений [*Глухов*, 2005, с. 96–98].

В кургане 13 в обширной квадратной яме 2,75×2,75 м с сильно закругленными углами и углубленной в материк на 0,75 м, с деревянным перекрытием, ориентированной углами по сторонам света, обнаружен скелет взрослого человека, лежавшего скорченно на левом боку головой на СЗ. В погребении найдена жаровня из верхней части лепного сосуда катакомбной культуры, орнаментированная расчлененными горизонтальными валиками.

В Грибановском р-не (Окско-Донская низменность, донское левобережье) продолжены исследования Первого Власовского могильника, начатые А. Т. Синюком и В. Д. Березуцким в 80–90-е гг. прошлого века. Материалы раскопок вошли в многочисленные публикации и монографические работы [*Синюк*, 1989; *Синюк, Березуцкий*, 1996; 2005 и др.].

Исследован курган 20, диаметром 36 м и высотой 1,4 м, в котором обнаружено два погребения и следы тризн, связанных с основным погребением.

Последнее представляло собой обширную прямоугольную (почти квадратную) яму с закругленными углами 2,35×2,45 м с остатками деревянного перекрытия, углубленную в материк на 0,6 м (1,2 м от уровня погребенной почвы) и ориентированную по линии ЗСЗ–ВЮВ. Перед сооружением погребения древняя поверхность была намеренно выжжена [*Березуцкий*, 2017, с. 8]. На органической подстилке сложного состава (охра, коричневая, черная органика, отпечатки рогожи, листьев тростника) обнаружены останки погребенного мужчины, лежавшего скорченно на левом боку головой на СЗ. В погребении найдены бронзовый нож катакомбного типа с фрагментами кожи, дерева от ножен и остатки уникального браслета из кожи и закрепленных на ней в ряд бронзовых бусин [*Березуцкий*, 2017, рис. 3: *3*]. Нож относится по классификации С. Н. Кореневского к группе 2 [*Кореневский*, 1978, с. 15, рис. 4]. Ножи этого типа были широко распространены в позднекатакомбных культурах – манычской, позднедонецкой, среднедонской [*Братченко*, 1976, с. 95].

Впускное погребение находилось на краю насыпи. Погребальное сооружение представляло собой овальную яму, засыпанную чистым песком, на полу которой лежал скелет мужчины более 50-летнего возраста на левом боку головой на ВСВ. Умершего сопровождал лепной сосуд с расчлененным валиком.

В итоге курган 20 представил материалы более позднего периода развития катакомбной культуры, нежели погребения Первого Власовского могильника, датированные А. Т. Синюком ранним (Павловским) этапом (верхним рубежом XVIII–XVII в. до н. э.) [*Синюк*, 1989, с. 57]. Погребения в кургане 20 в итоге можно датировать временем с XVII в. до н. э., когда прекратил функционировать Первый Власовский могильник и еще не появились погребения покровского типа в кургане 16 того же могильника [*Березуцкий*, 2017, с. 11]. Нельзя не заметить социальную значимость основного погребения: значительные размеры кургана, «очищение огнем», обширные размеры ямы, специально оформленные серповидные выкиды материковой глины, сложный состав органических подстилок, впервые встреченный во власовских курганах бронзовый нож, уникальный браслет. В настоящее время в погребениях среднедонской катакомбной культуры на территории донской лесостепи известно не более 26 находок бронзовых катакомбных ножей, включая власовскую находку. Большая часть их приходится на донское правобережье [*Березуцкая*, 2003, с. 68–69]. Под курганом были произведены заборы грунта на палеопочвенный анализ, а также взяты кости на радиоуглеродный анализ. Пробы осуществлены Т. А. Пузановой.

В Богучарском р-не (донское правобережье) исследован одиночный курган у пос. Дубрава. В сильно разрушенном сурками кургане обнаружено пять погребений (основное – разрушенный кенотаф, остальные – погребения детей с глиняными сосудами), принадлежавших раннему этапу развития срубной культуры (покровский тип памятников) (XV–XIV вв. до н. э.). Подобные погребения были обнаружены в полностью исследованном курганном могильнике II у п. Дубрава [*Березуцкий*, 2015].

АЭ ООО «Терра» осуществила археологические раскопки курганов в зоне проведения подрядных работ по строительству и реконструкции автомобильной дороги М4 «Дон». Исследовано шесть курганов, в которых обнаружено 27 погребений [*Березуцкий*, 2016б]. 25 из них определяются как погребения переходного периода от средней к поздней бронзе (XV–XIV вв. до н. э.) (покровский тип памятников). Погребения совершены в неглубоких прямоугольных ямах с закругленными углами с деревянными перекрытиями. Значителен процент детских сопровождающих и самостоятельных погребений. Среди находок – глиняные сосуды, бронзовый нож, медные обкладки деревянного остроребернoго сосуда, бронзовое шило и бронзовые желобчатые подвески в 1,5 оборота.

Березуцкая Т. Ю. 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж: ВГПУ. 303 с.

Березуцкий В. Д., 2015. Курганы на юге Воронежской области (курганный могильник II у пос. Дубрава на Среднем Дону). Воронеж: ВГПУ. 154 с.

Березуцкий В. Д., 2017. Курган № 20 Первого Власовского могильника // Научный вестник ВГАСУ. Серия: социально-гуманитарные науки. Вып. № 1 (11). С. 7–14.

Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка. 249 с.

Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Дона и Волги в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: ВолГУ. 240 с.

Кореневский С. Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. № 2. С. 33–48.

Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж: ВГУ. 220 с.

Синюк А. Т., 1989. Погребения ямной и катакомбной культур I Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГПУ. С. 27–69.

Синюк А. Т., Березуцкий В. Д., 1996. Погребения эпохи бронзы Второго и Третьего Власовских могильников // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж: Изд-во ВГПУ. С. 89–107.

Синюк А. Т., Березуцкий В. Д., 2005. Новые данные к изучению Первого Власовского могильника // Археологические памятники Восточной Европы: сб. науч. тр. Воронеж: ВГПУ. С. 103–107.

А. А. Бессуднов, А. Н. Бессуднов,
Е. Ю. Захарова, А. М. Родионов

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДИВНОГОРЬЕ 9 НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Ключевые слова: дикие лошади, поздний плейстоцен, древности эпиграветтского круга, геоморфология, бурение

Дивногорской АЭ, состоящей из отрядов ИИМК РАН (рук. А. А. Бессуднов), ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (рук. А. Н. Бессуднов) и ВГУ (рук. Е. Ю. Захарова) при участии археологов МЗ «Дивногорье», продолжено изучение памятников поздней поры верхнего палеолита

у х. Дивногорье Лискинского р-на Воронежской обл. Работа частично выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00438-а (полевые работы) и частично в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме гос. работы № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде» (обработка полученного материала).

Работы были сосредоточены на Дивногорье 9, представляющем собой место загона диких лошадей. В ходе проведенных исследований решались три основные задачи: доисследование 5а уровня залегания костей на площади сев. прирезки, расширение участка раскопа I вдоль правого берега современного оврага в зап. направлении и его углубление до мелового скального основания, изучение участка линзы гумусированного суглинка с повышенной концентрацией каменного инвентаря слоя 2 в юж. части раскопа II.

В процессе расчистки двух законсервированных в прошлом полевом сезоне квадратов на уровне залегания костей 5а выявлено ок. 80 костей позднеплейстоценовой дикой лошади Equus ferus от двух особей. Кости залегали в порядке, близком к анатомическому, с небольшим склоновым смещением. Посреди скопления обнаружена крупная конкреция окремненного известняка с единичными сколами. При исследовании ограниченного участка слоя 2 – линзы гумусированного суглинка (ок. 1 кв. м) – в юж. части раскопа II получена серия кремневых изделий, насчитывающая более 50 единиц и включающая резцы, скребки, пластины, а также мелкий дебитаж. При изготовлении орудий в качестве сырья использовался высококачественный черный меловой кремень. Основная часть выявленных артефактов покрыта патиной бело-голубого цвета. В дальнейшем предполагается продолжить археологические работы на этом участке, поскольку он является перспективным с точки зрения пополнения коллекции каменного инвентаря.

В рамках работы экспедиции на территории МЗ «Дивногорье» продолжены междисциплинарные исследования с целью реконструкции местной экосистемы в различные эпохи. Их активными участниками стала группа геоморфологов во главе с А. В. Паниным, которая с опорой на результаты геологического бурения сделала большую работу по реконструкции геоморфологической и палеогеографической ситуации в бассейне нижнего течения р. Тихая Сосна. С. А. Сычевой продолжены почвоведческие исследования. Коллектив палеонтологов под рук. Т. В. Кузнецовой (И. С. Барсков, В. И. Жегалло, И. А. Стародубцева) продолжил изучение остеологической коллекции, а геологами Ю. А. Лаврушиным и М. А. Романовской существенно дополнены ранее полученные результаты стратиграфических наблюдений.

В результате многолетних комплексных исследований палеолитических памятников у х. Дивногорье получены данные о времени и условиях обитания людей на рубеже плейстоцена/голоцена. Аналитические сведения, полученные по разрезу Дивногорье 9, позволяют считать его опорным для финального плейстоцена Среднего Дона. Технико-типологический облик каменного инвентаря дивногорских памятников свидетельствует о связи его носителей с древностями эпиграветтского круга.

А. П. Медведев

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ В НИЗОВЬЯХ Р. ЕЛАНИ

Ключевые слова: курганная группа, эпоха бронзы, катакомбная культура, абашевская культура, ранний железный век, сарматское время

Совместная АЭ Воронежского ГУ и ООО НПЦ «Древности» провела охранные раскопки двух памятников археологии: курганной группы 5 у п. Елка и курганной группы 3 у п. Сорокинский. Полевые работы осуществлялись на средства Медногорского медно-серного комбината, который планирует хозяйственное освоение этой территории.

Курганная группа 5 у п. Елка расположена в правобережье р. Елань (приток р. Савала, которая впадает в р. Хопер), в пойме реки. Полевые работы на этом памятнике начаты в 2014 г., когда было раскопано шесть курганов. В отчетном полевом сезоне также исследовано шесть курганов: 7, 8, 10, 11, 12, 13. Как правило, они имели диаметр 30–40 м и высоту до 1 м. Большинство насыпей сильно разрушено регулярной распашкой, и лишь две насыпи (7 и 8) находились на лугу. Наиболее значимые научные результаты дали раскопки курганов 7 и 8 курганного могильника

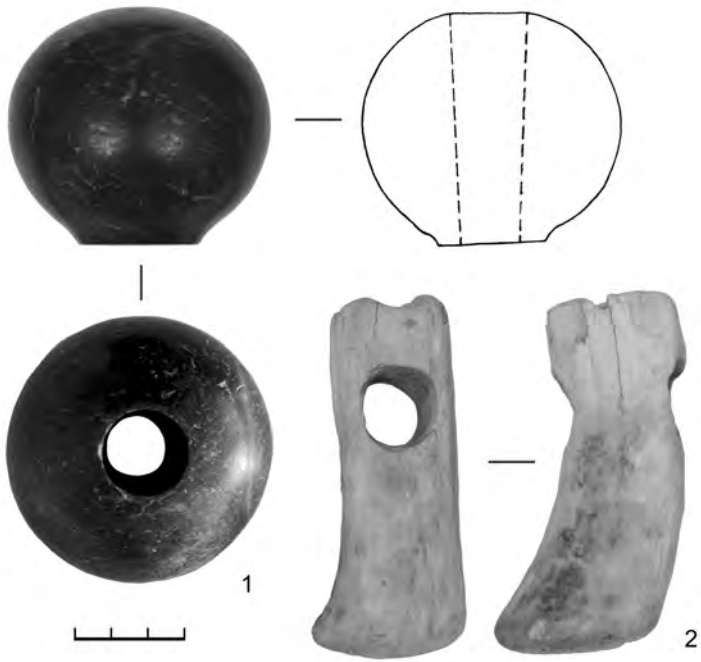

Рис. 33

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.177-178

Елка 5. Под насыпью кургана 7 открыт кольцевой ров с тремя разрывами диаметром 28 м при ширине от 1 до 1,75 м, окружавший основное, разрушенное погребение ямной культуры. В кургане 8 выделялись катакомбные погребения 4 и 5. Погребение 4 содержало три захоронения детей-погодков, при этом в состав сопровождающего инвентаря младшего ребенка входил молоток высотой 9 см из рога оленя (рис. 33: *2*). Погребение 5 представляло парное захоронение юношей 18–20 лет. Оно совершено в необычной круглой могиле с тремя уступами, при этом один из погребенных сопровождался навершием булавы из серпентита диаметром 7 см (рис. 33: *1*). Подобные находки признаются специалистами признаком высокого социального статуса погребенного. Курган 10 содержал четыре погребения. Из катакомбных захоронений выделяется погребение 4, сопровождаемое лепной курильницей и серебряной серьгой.

В курганной группе 3 у п. Сорокинский, расположенной в левобережье р. Елани, раскопаны два кургана, содержащие четыре разграбленных погребения катакомбной, абашевской культур, а также сарматское погребение, нарушенное шурфом. Всего в 2016 г. на Елани исследовано 20 погребений: 2 ямной, 12 катакомбной, 3 срубной и 2 абашевской культуры эпохи бронзы, разрушенное впускное сарматское захоронение, а также одно погребение, культурная принадлежность которого не определена из-за отсутствия скелета погребенного и инвентаря. В ходе раскопок помимо археологических материалов получены новые антропологические, палеопочвенные и иные данные, необходимые для завершения проекта РГНФ «Курганы в низовьях р. Елань».

А. М. Скоробогатов

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Ключевые слова: грунтовый могильник, курганный могильник, энеолит, азово-днепровская культура, эпоха бронзы, срубная культура, стоянка, неолит

АЭ ООО «Терра» продолжены исследования грунтового могильника Голубая Криница в Россошанском р-не Воронежской обл. а также проведены охранно-спасательные раскопки курганов, попадающих в зону строительства новой автодороги в Павловском и Верхнемамонском р-нах Воронежской обл: «Курганный могильник у х. Рассвет», курганы 1–2, и «Курганный могильник 1 у с. Лозовое», курганы 2–3.

В 2015 г. на памятнике Голубая Криница было исследовано девять грунтовых погребений на общей площади раскопа в 54 кв. м, в 2016 г. на вскрытой площади в 101 кв. м выявлено еще семь погребений.

Изученные в 2016 г. погребения характеризуются ориентировкой в юж. часть горизонта с имеющимися отклонениями на ЮЮВ и ЮВ. Погребения как одиночные, так и коллективные (до 5 индивидов в одной яме).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.178-180

Положение погребенных – вытянуто на спине, с руками, расположенными вдоль туловища. Отмечается тенденция к плотному сведению ног погребенных (связывание?). В четырех могильных ямах отмечена красная охра.

Можно предположить, что в ходе работ 2011, 2015–2016 гг. основная часть грунтового могильника исследована полностью [*Березуцкий и др*., 2011, *Скоробогатов*, 2016]. Прослеживается расположение могильных ям горизонтальными рядами по 3–5 погребений, вытянутыми по направлению ЮЗ–СВ. Отмечается расположение костей младенцев в коллективных погребениях на костяках (либо при костяках) мужских индивидов, а также расположение в одной могильной яме разнополых индивидов.

Выявленный погребальный инвентарь в 2016 г. крайне немногочислен. Это дисковидные пронизки из стенок раковины Unio, резец сурка и створка раковины Unio, кремневый отщеп и изделия из кости (наконечники, острия).

Исследованный комплекс грунтового могильника Голубая Криница находит ряд аналогий в погребениях позднего этапа могильников мариупольского типа Украины [*Телегин*, 1991] или погребений второго периода функционирования Мариупольского могильника по Н. С. Котовой [*Котова*, 1994, с. 13; *Макаренко*, 1933], и также тех могильников, которые Н. С. Котова относит ко второму этапу развития азово-днепровской погребальной обрядности – большие ямы могильников Ясиноватский 1, Никольский и Лысогорский [*Котова*, 1994, с. 39–43]. Близкие аналогии имеются со Съезженским [*Васильев, Матвеева*, 1979] и Екатериновским [*Королев и др*., 2015] могильниками на Средней Волге.

В ходе раскопок курганного могильника 1 у с. Лозовое в кургане 2 обнаружено одно погребение срубной культуры. В кургане 3 исследовано три погребения: два срубной культуры и одно впускное безынвентарное предположительно эпохи средневековья.

В результате раскопок курганного могильника у х. Рассвет вскрыто две курганные насыпи, в которых обнаружено и исследовано семь погребений. Все они датируются эпохой поздней бронзы (2-я пол. II тыс. до н. э.). В кургане 1 обнаружено одно погребение (кенотаф?). В кургане 2 исследовано шесть погребений. Наибольший интерес представляет основное погребение 5 кургана 2. В могильной яме размером 220×100 см, глубиной 100 см от материка, находился погребенный в позе скорченно на левом боку, ноги поджаты к тазу, ориентирован головой на С. На материковом полу сохранились остатки органической подстилки. В заполнении могильной ямы находились остатки древесины (перекрытие?). Погребенного сопровождал инвентарь: керамический сосуд с примесью дробленой раковины в тесте с прочерченной орнаментацией и каменный топор усеченно-ромбической формы со сверленым отверстием по центру из мягкой породы темно-зеленого цвета. Погребение можно соотнести со временем начала эпохи поздней бронзы (покровский тип памятников).

Также в 2016 г. обследован правобережный участок р. Дон между х. Титчиха и с. Селявное в Лискинском р-не. Открыто четыре поселения с материалами эпох палеолита, неолита, энеолита, бронзового века, раннего железного века и XVIII–XIX вв. Наиболее перспективным

в плане дальнейших исследований представляется стоянка Устье Хворостани. Подъемный материал и находки из шурфов позволяют отнести основной комплекс памятника к эпохе неолита с ближайшими аналогиями в материалах стоянки Ямное на Верхнем Дону [*Сурков, Скоробогатов*, 2012]. Неолитические материалы представлены ямочно-накольчатой и ямочно-гребенчатой керамикой достаточно позднего облика (гофрированные срезы венчиков, ярко выраженная профилировка). Наличие в слое энеолитической керамики среднестоговской культуры также указывает на «пережиточный» характер неолитического керамического комплекса и позволяет датировать открытое поселение кон. IV – III тыс. до н. э. по некалиброванной шкале.

Березуцкий В. Д., Килейников В. В., Скоробогатов А. М., 2011. Погребение Мариупольского типа на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. Воронеж: Изд-во ВГПУ. С. 76–88.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. № 4. С. 147–166.

Макаренко М., 1933. Маріюпільский могильник. Кїев.

Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А., 2015. Екатериновский Мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. Т. 17. № 3 (2). Самара. С. 514–517.

Котова Н. С., 1994. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье) // Археологічні памятки та історія стародавнього населення Украіни. Луцьк. Вип. 1. С. 39–43.

Скоробогатов А. М., 2016. Отчет о раскопках грунтового могильника Голубая Криница в Россошанском районе Воронежской области в 2015 г. // Архив ИА РАН.

Сурков А. В., Скоробогатов А. М., 2012. Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж: Изд-во ВГПУ. 82 с.

Телегин Д. Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа (свод археологических источников). Киев: Наукова думка. С. 26–32.

А. В. Сурков

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ГРАНИЦЕ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ключевые слова: срубная культура, керамика, постройка, одиночный курган, ров, ивановская культура, погребение

В 2015–2016 гг. в связи со строительством железной дороги Журавка – Миллерово на юге Воронежской обл. экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» проведены масштабные археологические охранные работы. Полностью раскопано поселение срубной культуры Журавка 3 и изучена раскопками часть поселения поздней бронзы Журавка 1 в границах полосы отвода. Оба поселения находятся в Кантемировском р-не Воронежской обл., территориально относящемся к Среднему Дону.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.180-183

Поселение Журавка 3 занимает часть территории дугообразной гривы в пойме правого берега р. Богучарка. Поверхность памятника на момент проведения работ несла следы многолетней интенсивной распашки. Раскопками изучено 10 068 кв. м.

На памятнике удалось исследовать две постройки, связанные с функционированием поселка срубной культуры. Оба сооружения были углублены в материк, имели прямоугольную форму и ориентированы длинной стороной по линии ЮЗ–СВ. В заполнении построек обнаружено большое количество керамики, залегавшей развалами, кости животных, орудия из костей животных и камня. При этом за пределами построек находки были единичны. Керамика позволяет датировать постройки срубной культурой.

В центральной части постройки 1 размером 14×8 м зафиксированы столбовые ямы, расположенные двумя параллельными рядами. По периметру постройки прослежены небольшие столбовые ямки. Постройка 2 по материку имела размеры 20×10 м, в ней удалось выявить два ряда столбовых ям в центральной части постройки и неполные ряды столбовых ям по ее периметру. Ходы в постройки располагались по ЮВ стороне – у постройки 1 в юж. части, а у постройки 2 – в вост.

Помимо этого, в ЮЗ углу раскопа исследованы остатки кургана, насыпь которого была полностью уничтожена распашкой. С курганом связаны следы трех погребений, полностью разрушенных грызунами, а также два сохранившихся погребения, датируемые по инвентарю катакомбной культурой эпохи бронзы.

Большой научный интерес представляют результаты изучения поселения Журавка 1. Памятник занимает сев. и вост. склоны мыса между балкой, по которой протекает р. Журавка и р. Богучарка, и вытянут по террасе левого берега р. Богучарка. Современная поверхность преимущественно задернована, фиксируются следы распашки. В ходе раскопок вскрыто 13 320 кв. м, исследовалась сев. и СЗ части поселения.

В верхней, юж. части раскопа на площадке мыса и его зап. склоне на уровне материка обнаружено пять рвов.

Ров 1 шириной 0,4–0,5 м и глубиной от уровня материка 0,1–0,2 м по форме в виде квадрата со скругленными краями, длина сторон которого ок. 10 м. Углами он сориентирован по сторонам света с небольшим отклонением к З. В заполнении ровика обнаружены кости животных. В сев. углу ровика при зачистке было обнаружено погребение 1, сопровождавшееся типично срубной банкой, стоявшей у головы погребенного младенца. Погребение имело СВ ориентировку, нижняя часть скелета разрушена грызунами.

Погребение 1 перекрывает ров 1 и может быть не связано с ним, но в любом случае позволяет делать определенные выводы о датировке рва.

В 10 м к СЗ от данного погребения обнаружено безынвентарное погребение 2, также принадлежавшее ребенку. Погребение было совершено в яме округлой формы размером 0,4×0,28 м, углубленной в материк на 0,24 м. Погребенный лежал скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях, ориентировка костяка СВ.

Ров 2 имел ширину 0,5–0,7 м и углублен в материк на 03,–0,4 м. По форме он подквадратный со скругленными углами, стороны которого ок. 9,5 м. Ориентирован сторонами по линии С–Ю. В заполнении рва встречены кости животных и фрагменты керамики эпохи бронзы, возможно не связанные со временем сооружения объекта.

Ров 3 имеет форму правильного круга диаметром 10 м. Ширина рва составляет 0,4 м при глубине в материке 0,2 м. В заполнении рва встречены единичные кости животных.

Ров 4 имел неправильно овальную форму, вытянут по линии З–В на 10,7 м и по линии С–Ю на 9,5 м. Ширина рва составляет ок. 0,5 м при глубине в материке 0,2–0,4 м. На ¾ кроме вост. части ров имеет углубление по центру (дополнительный прокоп). Находок в заполнении рва не встречено.

Ров 5 был частично уничтожен распашкой. Имеет форму вытянутого с С на Ю овала со сторонами 10×6 м. Его ширина 0,4 м, а глубина 0,2 м. В юж. части рва прослежено углубление. Находки в заполнении рва отсутствовали.

Судить о характере и назначении описанных рвов затруднительно, можно лишь отметить, что в заполнении некоторых из них фиксируются следы тризны в виде костей животных, что может указывать на их сакральный характер. Что касается датировки, то, вероятнее всего, они были сооружены во время функционирования поселка срубной культуры, который располагался на вост. склоне мыса по берегу р. Богучарка (обследован в ходе разведочных работ, не раскапывался).

На большей части раскопа находки были единичны, наибольшее их количество приходилось на сев. оконечность мыса, выходящую к р. Журавка.

В сев. части раскопа обнаружена постройка 1, с которой и были связаны находки керамики и кости животных. По форме постройка прямоугольная, вытянутая по линии ССЗ–ЮЮВ. Общие размеры постройки 18×10 м, углублена в материк на 0,6 м в юж. части и ок. 0,3 м в сев.

В сев. части постройки в 0,2 м над материком выявлено скопление обмазки и обожженных изделий из глины в виде «кирпичиков» подовальной и подпрямоугольной формы (таких «кирпичиков» всего 112 по всей территории раскопа). Изделия разные по размеру, часть из них сохранилась целиком, но большинство фрагментированы. Эти изделия, вероятно, являлись частью кладки печи. «Кирпичики» по тесту не имеют видимых примесей, обжиг низкотемпературный неравномерный. Их средние размеры ок. 10×8×3 см. Помимо этого, с печью может быть связано и другое изделие в виде полукруга с отверстием в центре (могло являться заслонкой). Подобные изделия встречались и за пределами скопления.

Еще одно скопление материалов прослежено северо-восточнее от постройки 1 и, по-видимому, также является остатками постройки. Здесь зафиксирован золистый слой серого цвета, заполненный фрагментами керамики и костями животных, на некоторых участках имелись следы прокала. Ниже золистый слой подстилал слой леса, материк залегал

на глубине ок. 1,5–1,7 м от поверхности. С этим слоем связана находка хорошо сохранившегося развала сосуда. Горшок вытянутых пропорций с отогнутым наружу венчиком, украшен в верхней части тулова валиком, по которому идут пересекающиеся крест-накрест штампы гребенки. Рядом с этим сосудом встречены венчики горшков без орнаментации.

Наиболее показательными для анализа керамического материала являются находки 3–5 слоев раскопа 1 (сев. часть мыса, собственно заполнение постройки 1 и скопления). По венчикам здесь выделяются ок. 54 сосудов. Керамика в целом тонкостенная (0,8 см), тесто плотное с примесью шамота, поверхности тщательно заглажены, на некоторых сосудах фиксируются расчесы, поверхности коричневого цвета, черные в изломе. Судить о форме сосудов затруднительно, поскольку целые профили восстанавливаются в единичных случаях. Преимущественно это горшки с профилировкой тулова, венчики прямые или отогнуты наружу. Верх венчика оформлен в виде округлого или уплощенного воротничка, на некоторых сосудах срез его приострен. Несколько сосудов имело кубковидную форму венчика и плечиков, но без поддона.

Среди выделяемых по венчикам сосудов более половины – 29 – не имело орнаментации. 10 сосудов украшено валиками: в одном случае это валик без дополнительного орнамента, на двух – валик с насечками, а на остальных по валику идут косые или перекрещивающиеся оттиски короткого гребенчатого штампа. 7 сосудов орнаментированы резными линиями, 6 сосудов – оттисками гребенки, по одному сосуду с ямочным и жемчужным орнаментом.

Помимо этого, к указанным слоям относятся и фрагменты 11 мисок. Миски по характеру изготовления отличаются от горшков – тесто комковатое с примесью шамота и органики, толщина стенок ок. 1 см, поверхности заглажены грубо. По высоте миски ок. 5 см. По цвету миски светлее сосудов – вплоть до красных и белых. Венчик в большинстве случаев округлый. На одной из мисок по уплощенному срезу идет зигзаг из гребенки, еще у двух мисок зауженные венчики украшены насечками.

По характеру изготовления к мискам приближаются и «сковороды» – плоские изделия из глины овальной или подпрямоугольной формы, которые могли использоваться и в качестве заглушек аналогично изделию из постройки 1.

Типологические особенности описанных материалов позволяют рассматривать их в рамках аналогичных древностей финальной бронзы с валиковой керамикой, выделяемых в ивановскую культуру. Основное время бытования ивановских комплексов относится к XIII–XII вв. до н. э.

Материалы поселения Журавка 1 можно считать на сегодня одними из самых показательных для характеристики ивановской культуры на территории Подонья по нескольким признакам. Во-первых, памятник раскопан на широкой площади, во-вторых, на обследованном участке не выявлено остатков слоя иных культур эпохи бронзы и раннего железного века, в-третьих – на памятнике исследованы две постройки ивановской культуры.

III. ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. С. Лапшин

РАСКОПКИ И НОВЫЕ НАХОДКИ НА ВОДЯНСКОМ ГОРОДИЩЕ

Ключевые слова: средневековье, XIV–XV вв., Золотая Орда, монеты, украшения

Волго-Ахтубинской АЭ Волгоградской областной общественной организации «Волго-Донское археологическое общество» и Волгоградского гос. социально-педагогического университета продолжены охранно-спасательные раскопки в разрушающейся прибрежной части Водянского городища в зоне систематических обвалов берега Волгоградского водохранилища.

Водянское городище находится на сев. окраине г. Дубовка Дубовского р-на Волгоградской обл., на правом берегу р. Волга. Время существования городища датируется XIV – нач. XV в. Этот памятник является одним из опорных в золотоордынской средневековой истории и археологии. В Нижнем Поволжье это городище единственное, где обнаружен поселок и сохранившееся христианское кладбище русского населения, переселенного в Золотую Орду в нач. XIV в.

В СВ части городища, на обрывистом берегу водохранилища, в прибрежной зоне заложен раскоп I площадью 70 кв. м. Вост. стенка его частично смыкалась с зап. стенкой раскопа I 13. На большей части раскопа мощность культурного слоя составляла 0,55–0,6 м.

В процессе раскопок в очередной раз подтвердилось, что самые ранние материалы связаны с прослойкой светло-серой золистой супеси, залегавшей на материке. Этот слой оставлен населением раннего русского поселка, который существовал на этом месте в нач. XIV в. еще до возникновения здесь золотоордынского города. Большая часть археологических материалов представлена типичной для этого времени русской керамикой. Это слабопрофилированные плоскодонные горшки, подправленные

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.184-187

на ручном гончарном круге. Русские сосуды изготовлены из глины с большой примесью речного песка и слабо обожжены. Еще из находок, скорее всего связанных с русскими материалами, можно отметить шиферное пряслице биконической формы. Оно выточено из камня красновато-пурпурного цвета – шифера (пирофиллитового сланца). Самое крупное месторождение такого камня в Европе известно у г. Овруч, современной Житомирской обл. Украины, который был центром ремесленного производства, связанного с шиферным промыслом в его окрестностях. Такие пряслица являются одной из распространенных находок в памятниках русских княжеств и датируются исследователями X–XIII вв. Одним из датирующих признаков таких предметов считается диаметр сверленого отверстия [*Розенфельдт*, 1964, с. 222–223]. Шиферное пряслице, найденное в 2016 г. на Водянском городище, имеет диаметр отверстия 7 мм и относится к позднему типу таких изделий, датирующихся XII–XIII вв. Следует отметить, что такие пряслица известны также и в средневековых древностях Польши, Крыма, Волжской Болгарии, мордовских могильниках.

Рис. 34

При разборке культурных напластований обнаружена серия из 12 медных монет 30-х гг. XIV в., что составляет 31% от общего количества датированных монет из слоя; серия из 14 медных монет 40–50-х гг. XIV в., что составляет 37% от общего количества датированных монет из слоя. Также найдены 2 монеты нач. 60-х гг. XIV в. Немногочисленный керамический материал этих периодов представлен в основном фрагментами красноглиняной гончарной керамики.

Примечательной находкой, связанной с ордынскими древностями городища, является серебряная серьга, один конец которой загнут в петельку и оформлен в виде головы дракона (змеи?), с детальной двусторонней проработкой уха, глаз и разинутой пасти (рис. 34). В средней части серьги сделано симметричное раскованное расширение, в центральной части которого расположена заштрихованная ромбовидная фигура, выполненная тонким чеканом. К петельке серьги подвешено кольцо с коротким штифтом для подвешивания жемчужины или бусины через сквозное отверстие. Другой конец серьги частично обломан, но он также был загнут в петельку для крепления на мочке уха. Длина предмета 3,5 см, вес 1,48 г. Следует отметить, что предмет абсолютно не подвергся коррозии и даже

почти не покрыт патиной, что, очевидно, свидетельствует об очень высокой чистоте серебряного сырья, из которого изготовлена серьга.

В золотоордынских памятниках на территории между Дунаем и левобережьем Волги известен тип округлых серег в виде головы дракона-змия, кусающего себя за хвост. Этот тип является достаточно редким, и в настоящее время известно всего 8 находок таких серег и одна литейная форма для их изготовления. Изготовлены они из серебра, реже из золота или позолочены [*Ельников*, 2009, с. 410–420]. Образ дракона-змия на серьгах золотоордынского периода, несомненно, имеет китайские истоки и благожелательное содержание. Сюжет рептилии, кусающей себя за хвост, был связан с солярной символикой и бессмертием; сакральная нагрузка усиливалась металлом, из которого изготовлены серьги: золото символизировало солнце, серебро – луну. Столь широкое распространение этого мотива объясняется тем, что многие народы, входившие в состав Золотой Орды, были хорошо знакомы с образом дракона еще в предшествующий период, что отразилось на заимствовании элементов декора и распространении моды на отдельные украшения. Особенность серьги, найденной на Водянском городище в 2016 г., в том, что такое оформление изделия встречено впервые. Серьга не кольцевидная, а имеет форму прописной русской буквы «б». Кроме того, к нижней петельке подвешен штифт для крепления через сквозное отверстие жемчужины или бусины. Есть мнение, что тип серьги в виде так называемой прописной русской буквы «б» мог быть заимствован из материальной культуры чжурчжэней [*Болдырева*, 2009, с. 51]. Близкие типы формы и крепления серег встречены в золотоордынских погребениях могильника Маячный XIII – нач. XIV в. [*Котеньков*, *Котенькова*, 2010, с. 296].

На раскопе I 12 медных монет датируются 80–90-ми гг. XIV в., что составляет 31% от общего количества монет из слоя. Четыре из них имеет надчекан «Едиль» или «Адиль», характерный для монет этого времени. Статистика их находок за годы раскопок позволяет уже уверенно считать, что эти пулы отчеканены именно здесь, так как в массовом количестве монеты с этой надчеканкой происходят только с Водянского городища. Следует отметить, что в центральной части раскопа 2016 г. три монеты периода правления хана Токтамыша найдены на материковом слое. Это свидетельствует о достаточно четких стратиграфических и хронологических границах некоторых участков культурных напластований, связанных с заключительным периодом существования золотоордынского города на месте Водянского городища.

Следует отметить, что почти на всей площади раскопа не зафиксировано остатков жилых или иных построек и хозяйственных ям. Судя по всему, это была свободная от застройки площадь, возможно, участок улицы между жилыми домами. Об этом свидетельствует малочисленность и сильная измельченность найденных в раскопе фрагментов керамики, костей животных. Аналогичный участок без хозяйственных ям и построек выявлен в сев. части раскопа I 2013 г., примыкающего к раскопу 2016 г. с вост. стороны. Значительное количество монет 80–90-х гг. XIV в., об-

наруженных в раскопах 2016 г. и в 2013 г., а также концентрация жилых и хозяйственных комплексов этого же времени, исследованных в раскопах 1992–93, 1997–98, 2000 и 2003 гг. на СВ участке Водянского городища, свидетельствуют о локализации в этой части памятника городской застройки эпохи хана Токтамыша. Город этого времени (80–90-е гг. XIV в.), просуществовал вплоть до разгрома его войсками Тимура в 1395 г.

В осыпи береговых обнажений, в месте расположения раскопа I 16, найден фрагмент небольшой мраморной колонны с остатками рельефного резного орнамента. Это уже третий случай обнаружения подобных архитектурных деталей на Водянском городище. В раскопах 1970–73 и 2014 гг. на Водянском городище найдены мраморная колонна, капитель и небольшая база [*Егоров*, 1976, с. 128; *Лапшин*, 2015, с. 70–74]. Эти вещи в XIV в. использовались вторично. Наиболее вероятно, что они были взяты из развалин византийских храмов или других строений и попадали на Водянское городище по торговому пути, проходившему через Волго-Донскую переволоку из городов Причерноморья или Крыма.

Самым древним предметом, найденным на раскопе, является каменное тесло, которое, судя по форме, датируется эпохой неолита (VII–V тыс. до н. э.). Оно изготовлено из плотного мелкозернистого камня темно-коричневого, почти черного цвета. Тесло имеет удлиненно трапециевидную форму, прямой обух и слабовыпуклый, почти прямой, контур лезвия. Стороны предмета гладкие, зашлифованы, имеются следы продольных слабозаметных граней предшествующей обивки. Этот предмет мог являться случайной находкой, так как никаких иных находок этого периода до настоящего времени на Водянском городище и в его округе не зафиксировано.

Болдырева Е. М., 2009. Китайское влияние в культуре Золотой Орды // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Вып. I. Астрахань. С. 50–52.

Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А., 1976. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые города Поволжья. М. С. 108–167.

Ельников М. В., 2009. Образ дракона-змия на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект // Stratum plus. Культурная антропология и археология. № 6. 2005–2009. Причерноморские этюды. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 410–420.

Котеньков С. А., Котенькова О. Ю., 2010. Элементы язычества в погребальных обрядах грунтовых могильников «Маячный I–II» – золотоордынских некрополей Красноярского городища в Астраханской области // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: м-лы III Международной Нижневолжской арх. конф. Астрахань. С. 292–299.

Лапшин А. С., 2015. Некоторые итоги раскопок на Водянском городище в 2014 г. // Актуальные проблемы историко-краеведческих исследований. Волгоград. С. 70–74.

Розенфельдт Р. Л., 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. № 4. М. С. 220–224.

В. И. Мамонтов

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА МОГИЛЬНИКАХ ПИСАРЁВКА II И ВЕСЕЛОВСКИЙ I В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: курган, эпоха бронзы, ранний железный век, сарматская эпоха, половцы

Донская экспедиция научно-производственной лаборатории археологии и реставрации Волгоградского гос. социально-педагогического университета провела спасательные работы на месте могильников, где древние курганы подвергаются интенсивной распашке: около п. Писарёвка Иловлинского р-на и п. Вербовский Калачевского р-на Волгоградской обл.

Курганный могильник Писарёвка II. Все исследованные насыпи курганов разрушены грабительскими перекопами. Курган 19. Основным погребением в кургане являлось погребение 4 катакомбной культуры (фрагменты сосуда), которое было позднее нарушено впускными погребениями покровской культуры 3 (фрагменты керамики) и сарматскими погребениями 2 и 5 (фрагменты керамики, железные рыболовный крючок и нож). Погребения полностью разрушены. Сохранившимся погребением оказалось только погребение 1 срубной культуры, находившееся на зап. периферии кургана. Погребенный, мужчина до 45 лет, лежал на левом боку в скорченном положении, головой на СВ. Рядом с ним поставлены четыре лепных толстостенных глиняных сосуда: биконические и баночные.

Курган 20. Могильная яма ромбовидного очертания почти полностью вырублена в плотном слое материковых пластов мела. Скелет погребенного полностью разрушен. В засыпи ямы и на дне обнаружены фрагменты тонкостенного лепного сосуда, обломок гальки, железный нож и фрагменты зеркала из белого металла (рис. 35) – это круглый медальон с прямоугольной петелькой и округлым отверстием для подвешивания на шнур и рельефным валиком по краю диска. В его центре – полусферическая точка с окружностью, от которой отходят 8 лучей, из которых четыре оканчиваются овами. Погребение относится, судя по аналогиям, ко II в. н. э.

Курган 21. Курган большого диаметра насыпан над ямой погребения, вырубленной в массиве меловых осадочных пород, разрушенной грабительским перекопом. Вход округлого очертания с размерами 3,5×3,2 м и глубиной до 2,76 м. Кости скелета мужчины (25–35 лет, череп с искусственной деформацией) были отброшены к юж. стенке ямы. Встречены фрагмент железного меча и кинжала, кольца со следами грызла, фрагменты ножа, фрагменты глиняной курильницы, железные наконечники ремней. Кроме того, на краю ямы найдена бронзовая полусферическая бляха, покрытая тонкой золотой фольгой, с язычком крепления на кожаной узде. Погребение относится к среднесарматской культуре.

Курганный могильник Вербовский I. Проведены раскопки курганов 24 и 25. Под сильно распаханной насыпью кургана 24 обнаружена

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.188-189

узкая яма с небольшими заплечиками вдоль длинных сторон. На органической подстилке на спине покоился юноша в вытянутом положении, ориентированный головой на З. На заплечике обнаружены череп и кости ног лошади. Рядом с погребенным найдены: серьга из серебряной проволоки у левой стороны черепа, две мелкие серебряные бляшки (монеты?) плохой сохранности, бронзовая портупейная пряжка с язычком, путовая костяная пряжка, крупные фрагменты железной сабли с слегка изогнутым клинком, мелкие фрагменты кожаного колчана, в котором находились железные черешковые наконечники стрел (двухлопастные и пулевидный), фрагменты железного ножа, стремени, короткий железный гвоздь. Погребение относится к половецкому времени.

Рис. 35

Курган 25. Был насыпан над сарматским погребением, позднее разрушенным впускными сарматскими погребениями и захоронением половецкой культуры. Все сарматские погребения (1–4) относятся к раннему периоду существования этой культуры в Волго-Донском междуречье. Они стандартны в исполнении погребальных обрядов: положены на спину в вытянутом положении, ориентированы головой в юж. направлении. Рядом со скелетами находился скромный могильный инвентарь: глиняные сосуды ручной лепки, кремневый отщеп, фрагмент оселка, фрагмент втулки копья, кости барана.

Представляет интерес погребение половца, который был положен в прямоугольную яму с закругленными углами, на краю которой поместили «чучело» лошади, ее кости лежали в анатомическом порядке по линии З–В. Рядом со скелетом мужчины 20–25 лет, лежавшего на спине на органической подстилке, найдены: серебряная серьга (у левой стороны черепа), фрагменты сабли, железный четырехлопастной черешковый наконечник стрелы, железный оконечник ремня, костяной втульчатый наконечник стрелы, фрагмент костяной петли для подвешивания колчана, костяная пластинка – накладка на лук, покрытая прочерченными линиями, костяная пуговица-карабин.

Все материалы раскопок переданы в фонды областного КМ.

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Е. А. Виноградова, Н. Б. Леонова

РАСКОПКИ НА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ КАМЕННАЯ БАЛКА II

Ключевые слова: очаг, микропластинки, отщепы, каменнобалковская культура

Археологические исследования проведены в СЗ части верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II в Мясниковском р-не Ростовской обл.

Участок располагается в СЗ части стоянки и занимает площадь 27 кв. м. Верхняя часть культурных отложений на этом участке была вскрыта траншеей в 2014 г. и раскопками 2015 г. В 2014–2015 гг. исследовались верхний культурный слой и верхняя часть основного культурного слоя, из-за высокой насыщенности которого и погодных условий не удалось завершить расчистку, раскоп был законсервирован. В 2016 г. продолжены исследования нижней части основного и нижнего культурных слоев памятника.

Верхний культурный слой на исследуемом участке более насыщен находками, чем в предыдущие годы исследований. В нем обнаружено 98 кремневых находок, часть из которых формировала небольшое скопление в ЮВ части раскопа, которое может считаться продолжением скопления, изученного на соседнем участке в 2014 г. Среди немногочисленных изделий с вторичной обработкой представлены микропластинки с притупленным краем, тронке, стамеска, пластинки с участками ретуши.

Основной (второй) культурный слой, представленный на площади раскопа, чрезвычайно богат находками расщепленного кремня, образующими с достаточно немногочисленными, но выразительными фаунистическими остатками очень плотное сгущение. Насыщенный слой уходил под вост. стенку раскопа, что соответствует предполагаемому размещению жилой площадки – в 2014 г. были исследованы ее окраинные юж. и частично зап. части, в 2015–2016 – зап. и СЗ часть. На раскопанном участке выделяются 2 очага и несколько специализированных скоплений кремня и костных остатков. Один очаг представлял собой крупный углубленный объект в ЮЗ части раскопа, являвшийся центром скопления площадью ок. 15 м, чрезвычайно насыщенного находками. Второй очаг в СЗ части раскопа был сильно разрушен кротовинами, и его линзу удалось проследить лишь частично. У очагов и в скоплениях находок встречались находки раковин морских моллюсков Gastropoda, часто имеющих искусственные отверстия и окрашенных охрой.

На описываемом участке найдено относительно немного фаунистических остатков. На разных участках исследуемой площади встречены одиночные зубы копытных.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.190-191

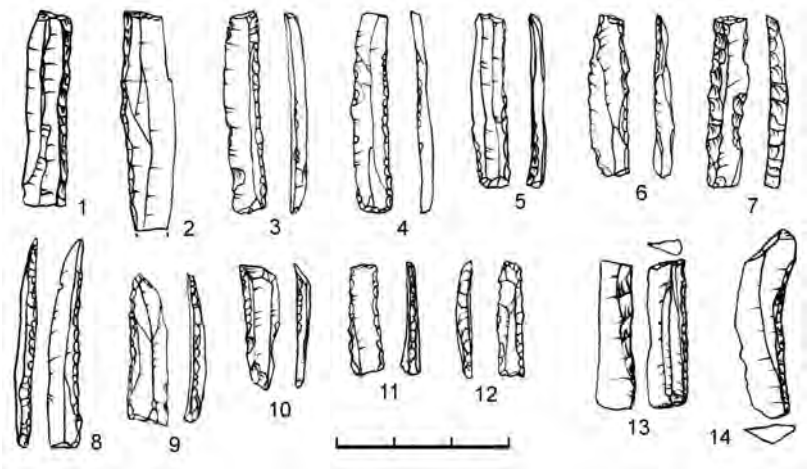

Рис. 36

Расщепленный кремень представлен орудиями и их обломками, нуклеусами, сколами их оживления и многочисленными отходами производства. Каменная коллекция из раскопок 2016 г. составляет 1021 предмет, выявлено 109 изделий с вторичной обработкой из кремня и фрагменты сланцевого ретушера. В целом процентное содержание категорий изделий является типичным для Каменной Балки II, но есть небольшие отклонения от обычного соотношения некоторых категорий. Среди орудий преобладают микропластинки с притупленным краем (40% от всех орудий), что характерно и для всего массива находок основного культурного слоя на этом участке. Эта категория орудий представлена значительным числом целых орудий и большим разнообразием форм (рис. 36), что позволяет выделить несколько устойчивых разновидностей микропластинок с притупленным краем. Второй по количеству категорией орудий являются резцы, представленные ретушными и угловыми формами. Встречаются также характерные для каменнобалковской культуры скребки, стамески, тронке, проколки, чешуйчатые орудия, многочисленные отщепы и пластинки с участками ретуши.

К нижнему культурному слою в раскопе предположительно можно отнести несколько отщепов и фрагмент песчаника, располагавшиеся ниже линзы находок основного культурного слоя на 25 см в СВ части раскопа.

Дальнейшие исследования планируется проводить на прилегающих участках в СЗ части памятника.

В. П. Глебов

РАЗВЕДКИ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: курганная группа, одиночный курган, каменная конструкция

Экспедицией Археологического научно-исследовательского бюро проведены разведки (обследования) на нескольких объектах в г. Ростове-на-Дону, ст. Тацинской, в Красносулинском и Куйбышевском р-нах Ростовской обл.

При обследовании больших земельных участков в Красносулинском р-не (более 200 га) выявлены и сняты инструментальным способом ранее неизвестные памятники археологии: курганные группы Водяная I, Грачёвая Балка I, Грачёвая Балка II, Грачёвая Балка III, курганы Грачёвая Балка IV, Грачёвая Балка V, Грачёвая Балка VI, курган Загаруев I, курганная группа Грачёв II, курганы Никитин I, Никитин II, курганные группы Ясеновская I, Ясеновская II, Михайловка V, Трактирная I, Трактирная II, курган Трактирный III.

Разведки в Красносулинском р-не проводились на водораздельной возвышенности между рр. Лихая и Кундрючья (правые притоки р. Северский Донец в нижнем течении), в пределах Донецкого кряжа – возвышенности в междуречье рр. Дон и Северский Донец, густо расчлененной балочной сетью.

Выявленные памятники археологии курганного типа в большинстве представляют собой одиночные курганы и небольшие курганные группы, состоящие из двух-трех насыпей, обычно невысоких – до 1 м. Помимо этого на обследованном участке выявлено несколько более крупных курганных могильников – по 4–5 насыпей, где маленькие курганы группируются вокруг одного или нескольких высоких (2–3 м) – Михайловка V, Зверево I. Встречены и большие курганные группы (до 18 насыпей), где курганы тянутся цепочкой по гребню водоразделов, – Грачёв II, Савельев. Почти все выявленные курганы имеют каменные конструкции в насыпи.

При обследовании участков в г. Ростове-на-Дону, ст. Тацинской и Куйбышевском р-не Ростовской обл. какие-либо объекты археологического наследия не были выявлены.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.192

А. Н. Коваленко, Р. П. Ёлкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

Ключевые слова: городище, поселение, погребение, керамика, ранний железный век, I–II вв. н. э.

Совместная АЭ ООО «Археологическое общество „Наследие“», Ростовского регионального отделения ВООПИК и Учебного музея археологии Института истории и международных отношений Южного фе-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.192-194

дерального университета провела разведочные работы и спасательные археологические раскопки в зоне планируемого строительства Комплекса многоэтажных жилых домов в г. Ростов-на-Дону. Обследованный земельный участок находится на правом коренном берегу Дона к З от устья Кизитериновской балки. Участок находился под застройкой и археологическим раскопкам ранее не подвергался. На его территории начиная с XIX в. располагались промышленные объекты, а в советское время функционировал завод «Красный Аксай».

В ходе проведенной разведки на территории участка выявлены археологические объекты, на которых в дальнейшем проведены спасательные археологические раскопки. В результате работ в ЮВ части земельного участка выявлены остатки культурного слоя меотского Кизитериновского городища первых веков н. э. В ЮЗ части участка выявлены остатки нового поселения эпохи средневековья, получившего название «Родник» по расположенному в непосредственной близости от него источнику пресной воды, а в СВ части земельного участка, в районе демонтированных зданий бывшего завода «Красный Аксай», обнаружены предметы и отдельные фрагменты человеческих костей, связанные с разрушенными погребениями Кизитериновского некрополя.

На всех выявленных объектах проведены спасательные археологические раскопки. В ЮВ части земельного участка на раскопе площадью в 480 кв. м исследованы остатки культурного слоя Кизитериновского городища. Следует особо отметить, что давно известное в науке Кизитериновское городище [*Книпович*, 1949, с. 148–149; *Каменецкий*, 1993, с. 10] ранее археологическим раскопкам не подвергалось и исследование культурного слоя этого памятника на такой значительной площади проводилось впервые. Однако по итогам проведенных на широкой площади спасательных работ приходится констатировать, что нами исследован лишь культурный слой памятника, но не сам памятник. Стратиграфические наблюдения, характер слоя, отсутствие находок в положении *in situ*, хозяйственных ям, строительных комплексов, целых вещей приводят к выводу, что слой, содержащий значительное количество археологических находок первых веков н. э., является перемещенным и, очевидно, в советское время был вывезен сюда при строительстве железной дороги, проложенной через ядро городища к В от обследованного участка.

Исследованный культурный слой содержал значительное количество керамики, наибольший процент которой приходится на долю амфор. Второе место в керамическом комплексе занимает лепная керамика, а на третьем месте находится сероглиняная (в основном миски и кувшины). В небольшой степени представлены фрагменты красноглиняных и краснолаковых сосудов. К сожалению, среди находок керамики целые формы, за исключением одного лепного светильника, отсутствуют. Фрагменты амфорной керамики по большей части представлены типами, дата которых определяется в рамках I–II вв. н. э. Среди находок лепной керамики преобладают сосуды закрытого типа. Из лепных сосудов также стоит выделить: фрагменты сосудов с ручкой-упором, крышки, фрагменты

курильниц и мисок. Обращает на себя внимание присутствие в керамическом комплексе Кизитериновского городища отдельных фрагментов лепных сосудов, относящихся к эпохе поздней бронзы, что позволяет предполагать наличие на этом поселении слоя кобяковской культуры. Среди находок, обнаруженных в слое Кизитериновского городища, присутствуют также орудия труда: каменные терочники и пряслица. Объем остеологической коллекции составил более тысячи костных фрагментов, большая часть из них относится к категории кухонных остатков.

На поселении Родник исследован весь сохранившийся участок памятника площадью в 126 кв. м. В ходе работ на этом поселении выявлена 31 хозяйственная яма, содержащая в заполнении очень скудный материал, преимущественно остеологический, что сильно затрудняло датировку объекта. В результате лишь несколько обнаруженных в ходе работ фрагментов керамики позволили установить принадлежность этого комплекса ям к стоянке эпохи средневековья и связать с салтово-маяцкой археологической культурой.

В СВ части обследованного земельного участка в ходе спасательных работ исследовано пять погребений I–II вв. н. э., относящихся к некрополю Кизитериновского городища.

Каменецкий И. С., 1993. Городища донских меотов. М.
Книпович Т. Н., 1949. Танаис. М.; Л.

И. Н. Парусимов

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В АКСАЙСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И НЕФТЕКУМСКОМ РАЙОНЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: эпоха бронзы, ранний железный век, ямная культура, катакомбная культура

Отряд экспедиции Археологического научно-исследовательского бюро проводил раскопки кургана в Аксайском р-не Ростовской обл.

В Аксайском р-не проведены раскопки одиночного кургана могильника Грушевский XIII. В кургане исследованы 2 захоронения ямного времени (одно из них основное) и впускные: катакомбное захоронение и 4 могилы периода поздней бронзы, могила раннескифского времени (VI в. до н. э.). В основном захоронении с ЮЗ ориентировкой погребенного найден горшок, а во впускном – с зап. ориентировкой – костяной нож. Безынвентарное катакомбное захоронение со следами позднего вскрытия и ритуального разрушения костяка. Погребенные позднебронзового периода лежали скорченно, ориентированы к В и З. В инвентаре большей части могил горшки. В раннескифском погребении с зап. ориентировкой взрослый мужчина лежал вытянуто на животе. Найдены костя-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.194-195

ные детали колчана. В качестве напутственной пищи были отрубы лошади и барана. В насыпи кургана обнаружено несколько отдельных находок эпохи бронзы. В центре кургана был сооружен блиндаж времен ВОВ.

В Нефтекумском р-не раскопаны 2 кургана могильника Тукуй-Мектеб I. В курганах исследовано по одному разграбленному захоронению эпохи бронзы – средневековья.

Н. А. Хайкунова

ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТОЯНКЕ ТРЕТИЙ МЫС

Ключевые слова: каменнобалковская культура, радиоуглерод, очаг, кремневый дебитаж, микропластинки, украшение

На верхнепалеолитической стоянке Третий Мыс (Каменная Балка 3, х. Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.) продолжены работы Нижнедонской АЭ ГИМ.

Стоянка Третий Мыс входит в группу однокультурных памятников, расположенных возле х. Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл. на правом борту ур. Каменная Балка, впадающего в современную дельту р. Дона (в Мертвый Донец). Стоянка находится на пологом мысу на высоте 39–41 м над уровнем балки. Раскоп 15 кв. м (3×5) расположен к З от раскопа 2015 г. Стратиграфия отложений не отличается от участков прошлых лет. Под слоем чернозема в двух литологических слоях суглинка лежали 3 культурных слоя. Первый – в верхнем суглинке, два других – в средней и нижней части второго суглинка. Слои лежали на пологом участке склона Балки Каменной и одновременно на юж. борту маленькой древней ложбинки, прорезавшей склон балки сверху вниз. Все слои на сегодняшний момент относятся к каменнобалковской верхнепалеолитической культуре.

Первый слой в этой части памятника очень редок и, скорее всего, подвергся частичному переотложению. Кремни лежали разреженной полосой вдоль вост. границы раскопа на линии 39 в чистом суглинке 2, частично попадая в уровень белоглазки. Это продолжение небольшого сгущения в раскопе прошлого сезона. Находки 2016 г., как и нескольких последних лет, представляют собой, скорее всего, дальнюю периферию какого-либо из исследованных или неизвестных объектов.

Второй слой отделен от первого прослоем суглинка практически без находок мощностью ок. 15–30 см. Он лежал выдержанным уровнем с небольшим наклоном к СВ. В раскоп попала вторая половина мощного приочажного производственного скопления (первая исследована в 2015 г.) с очагом и периферийными объектами.

Для скопления получена дата (AMS-датирование): ИГАНams -5075 - 14244±37 BP.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.195-196

Скопление находок состояло из центральной части и разнообразной периферии с более мелкими объектами. Его площадь вместе с дальней периферией составляла ок. 17–18 кв. м, площадь этого сезона ок. 9 кв. м. Центром скопления был очаг на кв. Я 39, окруженный приочажным скоплением (так называемой Ближней периферией или Ближним приочажьем), имевшем небольшую площадь (ок. 0,8–1 кв. м). Вокруг располагались различные производственные объекты или участки Дальней периферии, в большей или меньшей степени связанные друг с другом и с Ближним приочажьем. Самая интенсивная и разнообразная деятельность связана с Ближним приочажьем – примерно метровой зоной вокруг очага. Здесь было больше всего орудий и очень много кремневого дебитажа – отходов первичного расщепления кремня.

Наиболее мощное кремневое скопление, хотя и небольшое по площади (45–47 кв. дм), находилось на кв. ЯА’37–38 к ЮЗ от очага. Здесь представлен почти полный цикл первичного расщепления от оформления нуклеуса до получения заготовок. Состав сколов и ремонтаж позволяет предполагать, что нуклеусы приносили частично подготовленными, а на площадке их переоформляли по мере необходимости. Объект можно назвать центром по получению пластинчатых заготовок.

Рядом, на кв. А’Б’ 39, было несколько мелких участков, где также велась работа по получению пластинчатых заготовок, в основном некрупного и мелкого размеров (5–12 мм шириной).

Преобладающей категорией орудий на объекте являются микропластинки с притупленными краями и концами. Это обычные для памятника четырех- и треугольные формы. Большая часть орудий сломаны и несут следы сильной сработанности. Кроме орудий, найдены отходы производства. Все это позволяет считать, что возле очага имела место как интенсивная работа, так и переоформление, и изготовление новых микропластинок.

Скребки в скоплении не имели явной концентрации. Их немного, но практически на всех предметах есть следы «шкурного износа», что позволяет говорить о работе со шкурами на участке.

Самой интересной и значимой находкой в скоплении 2015–16 гг. были раковины с отверстиями. Единичные ракушки встречались в других скоплениях, но здесь вокруг очага найдено 10 таких предметов (8 – в 2016 г). Они относятся к разным видам, один из них морской. По форме отверстий на хорошо сохранившихся экземплярах можно предполагать, что они делались пропилом, не сверлением. Так что обычные виды деятельности на этом объекте дополнялись производством украшений из моллюсков.

Таким образом, скопление, часть которого исследована в сезон 2016 г., было многофункциональным производственным объектом.

В силу объективных причин третий культурный слой не был вскрыт, он законсервирован для дальнейших исследований, предположительно в 2017 г.

**А. А. Шевченко, С. В. Демиденко,
С. Б. Вальчак, В. Н. Чхаидзе**

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: курганный могильник, эпоха средней бронзы, Гражданская война

Колытвинским отрядом Донской экспедиции ИА РАН проведены исследования по трассе строительства двухпутной электрифицированной железной дороги на участке «Журавка – Миллерово» в Чертковском р-не Ростовской обл. Исследованы курганные могильники Стрелка 2, Сохрановка 1 и Терновский 2. Памятники выявлены в 2015 г. сотрудниками ООО «Археологическое наследие Кубани».

В курганном могильнике Стрелка 2 (расположен к СЗ от п. Сохрановка) исследован курган 1. Размеры кургана 44×50 м, высота 0,4 м, насыпь вытянута по линии З–В. При раскопках кургана выявлено 6 погребений.

Три погребения относятся к срубной культуре эпохи бронзы (сер. II тыс. до н. э.). Погребенные лежали скорченно на левом боку головой на СЗ. В качестве инвентаря представлены фрагменты лепных горшков.

Три погребения, отнесенные к 1-й четв. XX в. (время Гражданской войны?), совершены в один ряд в деревянных гробах (один из гробов скреплен железными коваными гвоздями), положение умерших – вытянуто на спине головой на З. Скелет одного из погребенных не полный (пострадал при взрыве). При погребенных найдены медный с эмалью образок-оберег и два латунных креста-тельника 2-й пол. XIX – нач. XX в. Первый крест – с рельефным изображением на лицевой стороне восьмиконечного креста на Голгофе. На верхней оконечности видны рельефные инициалы под титлами «Царь Славы». На боковых оконечностях – инициалы «Иисус Христос», под Голгофой – инициалы «Место Лобное Рай Бысть». Второй крест – с изображением на лицевой стороне четырехконечного креста на Голгофе, с копием, тростью и инициалами. На оборотной стороне – текст кондака «Да воскреснет Бог».

Курган 1 могильника Сохрановка 1 (расположен к СЗ от п. Сохрановка) и курган 1 могильника Терновский 2 (расположен к З от п. Терновской, к С от п. Марьяны) оказались естественными всхолмлениями.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.197

АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Е. М. Пигарёв, Ю. А. Зеленеев

ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕЛИТРЕННОМ ГОРОДИЩЕ

Ключевые слова: золотоордынское время, хозяйственная яма, жилище, поливная керамика, погребение

Поволжской АЭ Марийского ГУ продолжены и закончены исследования на раскопе XLVII, расположенном на сев. склоне Больничного бугра Селитренного городища (Харабалинский р-н Астраханской обл.). Работы на этом раскопе начались в 2014 г. с целью поиска и изучения остатков крепости «Селитряного городка» [*Пигарёв*, 2015].

На месте развалин золотоордынской столицы города Сарай ок. 1710 г. был устроен казенный завод для добывания селитры, из которой изготовляли порох. Завод с поселком рабочих стал известен под названием «Селитренный городок».

В апреле 1836 г. М. С. Рыбушкин раскопал более двадцати возвышенностей на месте крепости XVIII в., где были обнаружены остатки стен и полов из жженого кирпича, архитектурный декор, керамика и монеты. В 1969 г. здесь обнаружен склеп – «гурхана» – с пятью погребениями и кладом в 23 серебряные монеты 1430-х гг. В 1978 г. в береговой зоне бугра раскопан производственный комплекс XIV в., предназначавшийся для изготовления извести. В 1999 г. на береговом обрыве у зап. подошвы бугра выявлены сруб и хозяйственные ямы, относящиеся к XVII–XVIII вв. В 2001–2004 гг. также на береговом обрыве обнаружены остатки рыбоперерабатывающего производства эпохи Золотой Орды, деревянных жилых и производственных сооружений (селитроварня), конструкций, служащих для укрепления береговой полосы, и следы переработки рыбы, относящиеся к XVII–XVIII вв.

Раскоп XLVII общей площадью 192 кв. м разбит в месте предполагаемого размещения одного из сооружений крепости. Однако в ходе изучения культурного слоя выйти на остатки искомых конструкций русского периода нам не удалось. В 2016 г. раскоп полностью доведен до материка. Мощность культурного слоя вне ям составила 1–1,8 м. На материке обнаружено 50 хозяйственных ям золотоордынского времени, содержащих в качестве заполнения обломки красноглиняной гончарной поливной и неполивной керамики как местного, так и импортного производства, кости домашних животных и рыб частиковых и осетровых пород, фрагменты изделий из стекла и кости, медные золотоордынские монеты и остатки 8 сооружений различных периодов золотоордынской эпохи.

Сооружение 3 сохранилось в виде зафиксированных в зап. борту раскопа границ небольшого котлована. Котлован до 2 м длиной углублен в материковую породу до 50 см. Внутри котлована, в сев. его части, обнаружены остатки стены, сложенной из сырцового кирпича на глиняном растворе,

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.198-200

стена сохранилась в высоту трех слоев кирпича. По всей длине дна котлована и у его торцевых стен выявлен слой сгоревшей древесины и, возможно, циновки. Вероятно, сооружение 3 является остатками небольшого жилища, заглубленного в землю. Жилище погибло в результате пожара, впоследствии его остатки разрушаются в более позднее (русское) время.

Сооружение 5 сохранилось в виде фрагмента угловой части стены, большая часть конструкции уходит в вост. борт раскопа. Сохранилось 9 слоев кладки обожженного кирпича на известковом растворе, размер кирпича 20×20×4 см. Кладка опирается на фундамент, выполненный способом заливки жидкой глины с кирпичным боем в материковую траншею; дно фундаментной траншеи было устлано целыми кирпичами. Беря во внимание строительные методы, можно предположить, что сооружение 5 является остатками капитального строения.

Сооружение 6 сохранилось в виде фрагмента стены размером 3,6×1,2 м. Стена выложена в специально выкопанной в материке траншее, ориентирована по линии З–В. Траншея выкопана точно под размер стены с допуском по сторонам 1–2 см. Кирпичи разноразмерные, вторичного использования, уложены на глиняный раствор. Торцевая (зап.) часть стены сохранилась в высоту 7 слоев кирпича, центральная часть – в 2–3 слоя. Судя по ширине стены, разобранное здание было большого размера.

Сооружение 7 сохранилось в виде фрагмента стены длиной 2 м. Стена опирается на ранее сформированные культурные слои, сложена из обломков обожженного кирпича на глиняном растворе, сохранилась в высоту трех слоев. В то же время сооружение 7 перекрыто слоем кирпичного боя, образованного в результате разрушения сооружения 6.

Сооружение 8 сохранилось в виде фрагмента кирпичного пола. Конструкция пола уходит в зап. борт раскопа, сохранившаяся вдоль борта длина – 2 м. Полы устроены из целых и обломков обожженных кирпичей, уложенных в один слой на глиняном растворе.

Многочисленные и разнообразные находки архитектурного декора и обломков парадной посуды позволяют нам сделать предположение, что в период расцвета Золотой Орды на вершине Больничного бугра находилось крупное элитное жилое архитектурное сооружение, возможно дворец одного из крупных аристократов Сарая, разрушенное в период великой замятни. В кон. XIV – нач. XV в. здесь на жилых развалинах выстраиваются мавзолеи, о чем свидетельствуют обнаруженные могильные ямы, разрушенные человеческие костяки, фрагменты гробов. Впоследствии и эти сооружения были разрушены во время строительства русской крепости в нач. XVIII в.

В коллекции предметов особый интерес вызывают найденные в 2015 г. поливные сосуды. Первый из них – кувшин – относится к местному золотоордынскому производству кашинной поливной керамики. Внутри кувшина находилась горсть семян дыни, завернутая в ткань. Второй сосуд, от которого сохранились только дно и нижняя часть тулова, был из беложгущейся глины с поливой зеленого цвета. Тулово сосуда украшено двумя поясами круглых штампов. Изображения на штампах двух видов:

так называемые лютый зверь и архангел. Подобная парадная посуда характерна для производственного центра, находящегося в Твери.

Корпус монетных находок датирует этот участок золотоордынской столицы 30-ми гг. XIV – нач. XV в. Особенно важным является большое количество медных монет 1380–90-х гг. и нач. XV в., обнаруженных в хозяйственных ямах. Кроме того, в 2016 г. обнаружен небольшой клад (кошелек), состоящий из 14 серебряных монет, чеканенных в период с 1414 по 1426 г. на монетных дворах Орду, Сарай, Хаджи-Тархан, Иль-уй Муаззам, Джунди бек базар.

Помимо раскопочных мероприятий в 2016 г. начались работы по созданию инструментального плана Селитренного городища. Специалистами ИА АН РТ была обработана территория Больничного бугра и его склонов, намечена поэтапная программа инструментальной топосъемки памятника.

Работы на раскопе XLVII показали, что, несмотря на многочисленные разрушения архитектурных объектов и активное использование этой территории в период существования крепости Селитренного городка, при дальнейших исследованиях Больничного бугра высока вероятность обнаружения остатков конструкций эпохи Золотой Орды. Кроме того, было выяснено, что остатки русской крепости расположены южнее исследованной нами площади, ближе к современному береговому обрыву.

Пигарёв Е. М., 2015. Отчет об археологических исследованиях на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2014 г. (Больничный бугор, раскоп XLVII) // Архив ИА РАН.

Пигарёв Е. М., 2016. Отчет об археологических исследованиях на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2015 г. (Больничный бугор, раскоп XLVII) // Архив ИА РАН.

Пигарёв Е. М., 2017. Отчет об археологических исследованиях на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2016 г. (Больничный бугор, раскоп XLVII) // Архив ИА РАН.

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

В. С. Батченко, С. С. Горланов, Д. О. Дрыга, Э. П. Зазовская, А. С. Клемешов, В. Л. Лысанов, А. А. Малышев

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Ключевые слова: магнитная разведка, ландшафтная археология, городище, оборонительные сооружения, радиоуглерод

Границы азиатской части Боспорского государства на ЮВ очерчивают зап. отроги главного Кавказского хребта. В сформированной ими Анапской долине (Краснодарский край, земли г.-к. Анапа и г. Новорос-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.200-203

сийск) расположена античная Горгиппия. Экспедиционные исследования трех отрядов Новороссийской АЭ ИА РАН, которые проводились недеструктивными (магниторазведка, аэро- и топосъемка) и деструктивными методами (раскопки), свидетельствуют о значительной роли ландшафта в формировании внутренних и внешних коммуникаций, политических центров и систем фортификации.

Важное стратегическое положение **Раевского городища** (долина р. Маскага) для развивающейся в эллинистическое время хоры Горгиппии подтверждают данные о масштабном строительстве в эллинистическое и раннеримское время: монументальный комплекс пастадного типа, а позднее – фортификационная система (цитадель и внешний оборонительный контур).

Благодаря исследованиям в сев. части цитадели, где систематические раскопки никогда не проводились, удалось связать воедино результаты многолетних исследований, установить планиграфию в СВ углу городища в античное время.

В частности, обнаружены остатки основания прямоугольного в плане, ориентированного по сторонам света башенного сооружения. С З выявлены проем входа и ступени каменной лестницы, ведущие вдоль стены внутрь сооружения. Лестница сложена из массивных блоков песчаника разного размера. Подобный строительный материал использован в кладках фундаментного цоколя сооружения, которые сохранились на высоту 3–4 рядов.

Характер развала мелких и средних камней, реже – массивных крупных блоков вдоль вост. оконечности раскопа, позволяет интерпретировать его как остатки внешней оборонительной стены шириной ок. 1,5 м. Вышеуказанный каменный завал, а также зафиксированные СЗ и ЮЗ углы позволяют оценить размеры башни.

Западнее башенного сооружения выявлен мощный сырцово-каменный завал с довольно расплывчатыми контурами размером 4×4 м. Юж. часть объекта представляет собой скопление строительного камня, в слое завала сырцов обнаружено большое количество зерновых остатков.

Система обороны внешнего оборонительного контура была построена на системе фланкирующих башен. Одна из них располагалась в средней части юж. оборонительной линии и контролировала указанный еще на плане XIX в. въезд на городище. Благодаря расширению площади раскопа, заложенного еще в 2014 г., на Ю и В зафиксирован общий контур оборонительного сооружения: зап., юж. и вост. стены. С внешней стороны контура сооружения на глубину более 2,5 м раскоп был заполнен крупным, длиной ок. 1 м, строительным камнем из разрушенных фасов стен. Кладки внутренних фасов сложены из мелких и средних блоков известняка и песчаника, лицевая поверхность камней имеет характерный цвет обжига. Горизонт пожарища выявлен и во внутреннем заполнении здания, в 1,5 м выше прослежен слой крупного плитняка с характерной ребристой поверхностью, который, вероятно, связан с вымосткой одного из верхних уровней сооружения.

Не менее результативными оказались исследования фортификационных сооружений на отрогах Безымянного хребта – сев. границе региона,

известного как п-ов Абрау. Обследования башенных сооружений в ур. Даниленкова Поляна (верховья р. Куматырь), расположенном на зап. оконечности, и на бытовых и фортификационных сооружениях Верхнегостагаевского городища (верховья р. Гостагайка), открытого в 2013 г. на вост. оконечности, показали, что он выполнял и коммуникативную функцию.

У юж. края плато «поляна Даниленкова» проведены разведочные работы двух курганообразных возвышенностей. Под насыпями выявлены остатки башенных сооружений, одно в значительной мере пострадало от грабительских раскопок, другое представляло собой каменный цоколь, сложенный из разногабаритного камня, высотой ок. 2 м, над которым сохранилась кладка сырцовой стены метровой высоты.

На **Верхнегостагаевском городище** проведен целый комплекс разведочных и стационарных работ, которые позволили определить основные элементы этого центра эпохи великого переселения народов. Сооружения крепости занимают практически всю площадь (2,7 га) мыса неправильной, близкой к четырехугольной, формы.

На верхней площадке мыса (0,5 га) – цитадели городища – выявлены контуры проездного сооружения. Раскопками исследовалось монументальное сооружение: расчищены кладки трех стен шириной ок. 1,2 м. Внешние фасы стен, образующих сев., обращенный к проездным воротам цитадели угол здания, были сложены из крупных, высотой 0,15–0,2 м, квадров отесанного ракушечника. Во внутренних фасах, как правило, габариты камня меньше, чаще встречается местный известняк.

Исследования обширного, более 2 га, пространства между валами цитадели и внешнего пояса оборонительных сооружений не выявили материалов, свидетельствующих об интенсивной хозяйственной деятельности.

Важные результаты получены в ходе раскопок проездного сооружения в сев. части внешнего оборонительного контура. В основе сооружения – ориентированная по оси валообразной насыпи стена 3. Расчистка юж., внутреннего, фаса показала неоднородный (разновременный?) характер кладки на всю (более 2,6 м) высоту. Вост. торец стены 3, двухметровой ширины, является частью фаса внутреннего пространства проездного сооружения. Чтобы компенсировать воздействие склоновой деформации, с внешней стороны, по флангам проездного проема, шириной 3 м, были пристроены встык контрфорсные сооружения.

Раскопками расчищено внутреннее пространство ворот длиной примерно 6,5 м, на проезжей части прослежена кладка каменного порога. Надо полагать, что дубовые ворота при осаде были сожжены, конструкция перекрытия надвратного сооружения рухнула и завалила проезд строительным камнем вперемешку с углем и сырцовой крошкой. Об этом свидетельствуют также разрушенные сильным огнем блоки фасовых кладок стен внутреннего пространства ворот и их значительный крен вовнутрь.

Благодаря археологическим раскопкам мы располагаем материалами, которые позволяют определить период бытования крепости в различных системах датировки, относительной и абсолютной. Нижнюю

границу – нач. IV в. до н. э. – очерчивает единственная монета – бронзовый боспорский статер Радамсада – 318/319 г. н. э. (309/310–322/323), верхнюю – в пределах 2-й пол. V – VI в. н. э.: 472 (430±60) г. и 598 (590±60) г. – результаты радиоуглеродного анализа двух образцов угля из заполнения монументального сооружения.

А. В. Бонин

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ И ПОСЕЛЕНИИ ИЛЬИЧЕВКА В ТЕМРЮКСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: II–IV вв. н. э., салтово-маяцкая культура, винодельня, усадьба, ранний железный век

На территории памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка», расположенного близ п. Ильич (Темрюкский р-н Краснодарского края) Отделом сохранения археологического наследия ИА РАН совместно с отделом истории античной культуры ИИМК РАН и АНО «НИЦ» проведены охранно-спасательные работы, обусловленные строительством объекта «Кабельный переход через Керченский пролив». Один из ключевых пунктов энергомоста – переходный пункт «Кубань» – ныне располагается на территории этого памятника западнее крепости-батарейки и ее так называемого вала. Общая площадь землеотвода под объекты строительства составила почти 3 га, в ходе работ заложено и выкопано четыре раскопа. В работах принимал участие О. В. Шаров (ИИМК РАН, раскопы 1а и 4).

Весьма интересные результаты дал раскоп 1, разбитый в 100–150 м к ЮВ от крепости на территории отвода под вспомогательную ЛЭП ПП «Кубань». Площадь раскопа составила 2130 кв. м. Здесь обследован многослойный хозяйственный комплекс, который предварительно датируется II–IV вв. н. э. В состав комплекса входят каменные фундаменты стен и многочисленные хозяйственные ямы и пифосы римской эпохи (на раскопе зафиксировано более двухсот объектов, в основном хозяйственные ямы). В вышележащих слоях выявлены фрагменты серолощеной керамики, которые можно отнести к эпохе салтово-маяцкой культуры и датировать VII–VIII вв. н. э.

Не менее интересен раскоп 2, общей площадью в 11 268 кв. м, заложенный в 200 м к СЗ от укрепления-батарейки под обследование территории ПП «Кубань». В ЮВ углу раскопа прослежена мусорная свалка II–III вв. н. э., в центральной и сев. частях раскопа на уровне материка прослежены ямы, материал из которых можно отнести к эпохе поздней бронзы. К сожалению, слой, синхронный вышеуказанным ямам, прослежен не был.

Раскоп 3 (площадь 11 520 кв. м), разбитый в 200 м к З от батарейки под подъездную дорогу к переходному пункту, показал (на части площади)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.203-205

весьма примечательную стратиграфию. По всей видимости, через сев. часть раскопа проходила балка, которая на определенном этапе жизнедеятельности городища была засыпана мусорными сбросами, содержавшими в больших количествах золу, раковины мидий, а также многочисленные фрагменты керамики II–III вв. н. э. и прочие находки. Мощность слоя на этом участке раскопа достигала 2,5 м. Севернее описанной свалки прослежен жилищно-хозяйственный комплекс с хозяйственными ямами и вкопанными пифосами. Южнее зольной свалки прослежена (предположительно) часть некрополя позднеримского времени и эпохи переселения народов.

Нельзя обойти молчанием и находку винодельни в СЗ части раскопа 3. Комплекс состоял из остатков давильной площадки и трех цистерн. Несмотря на повреждения распашкой, а также окопом военного времени, сохранность винодельни следует признать удовлетворительной: на давильной площадке и в цистернах сохранилось цемяночное покрытие.

На раскопе 4, площадью 4975 кв. м, разбитом на обрывистом берегу Керченского пролива, в зоне нивелировки склона и сооружения инженерной защиты кабельного перехода через Керченский пролив, совершены одни из самых примечательных находок этих раскопок. В центральной части раскопа открыт каменный фундамент и вымостки двора большой усадьбы размерами 20×20 м, состоящей из 5 помещений. Сев. часть этой постройки была открыта в 1993 г. экспедицией Таманского музея под рук. Э. Р. Устаевой. Рядом с усадьбой тогда же была открыта сильно разрушенная винодельня, часть которой доследована в отчетном сезоне. Две новые винодельни открыты в сев. части раскопа. Они были однотипны и состояли из давильной площадки и двух цистерн. Рядом с винодельней 3 открыты каменные фундаменты и вымостки еще одной усадьбы. Все открытые комплексы датируются I в. до н. э. – I в. н. э. Удалось выявить в этом сезоне и более ранний слой, относящийся к раннему железному веку. К нему относится целый ряд комплексов: 8 колодцев и большие хозяйственные ямы глубиной до 4–6 м, в которых встречены лишь лепные чернолощеные сосуды и кости животных. Один из лепных сосудов с петлевидной ручкой, найденный в кладке и засыпи колодца 5, относится к протомеотскому периоду VIII–VII вв. до н. э.

Подведем предварительные итоги исследований 2015–2016 гг. Раскопки зап., неукрепленной части поселения дали как ожидаемые, так и неожиданные результаты:

1. Многочисленные находки поселенческих комплексов эпохи бронзы и раннего железного века, открытые на двух раскопах на значительной площади, свидетельствуют о заселенности побережья пролива до начала греческой колонизации.

2. Слои I в. до н. э. – I в. н. э., синхронные времени функционирования Ильичевской батарейки, выявлены лишь на береговом раскопе 4. Там же, вблизи, в 50 м к Ю от раскопа, А. А. Завойкиным в 1999 г. была раскопана усадьба этого же времени. На остальных раскопах ни один комплекс нельзя достоверно датировать этим узким периодом.

3. Слои V–VI вв. н. э., так ярко представленные на самом городище, не выявлены в раскопах к ЮЗ и З от городища. В культурном слое при-

сутствуют лишь немногочисленные фрагменты амфор типа «Делакеу» и несколько фрагментов мисок формы 1 «Pontic Red Slip Ware» по К. Домжальскому, которые могут относиться также и к последней четв. IV в. н. э. Штампованная керамика фокейской и африканской групп V–VI вв. н. э. полностью в керамическом материале отсутствует.

4. Как и предполагалось [*Бонин*, 2014, с. 85], основное время жизнедеятельности «посада» Ильичевского городища падает на II–IV вв. н. э. Большинство комплексов на раскопах 1, 1А, 2 и 3 относятся именно к этому времени. Эту дату подтверждают и находки многочисленных монет боспорской чеканки, относящихся к эпохе Савромата 1 – Рескупорида V (VI).

Бонин А. В., 2014. Неукрепленные батарейки // ДБ. Т. 18.

Ю. А. Виноградов

ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО 1

Ключевые слова: святилище, жертвоприношение, полуземлянка, VI–V вв. до н. э.

Бугазский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН продолжил спасательные раскопки античного поселения Артющенко 1 (Темрюкский р-н Краснодарского края), расположенного на Таманском п-ове, на высоком, сильно абразирующем берегу Черного моря. Систематические раскопки памятника были начаты в 1998 г. и дали ряд важных результатов [*Виноградов*, 2013; *Vinogradov*, 2015; *Vinogradov, Lebedeva*, 2005]. В отчетном сезоне работы велись на двух участках (I и II).

На участке I, заложенном в зап. части памятника, продолжено изучение глинобитной площадки, относящейся к II–III вв. н. э. Она была открыта в 2012 г. и раскапывалась в 2015 г. Площадка представляет слой материковой глины (толщина 5 см), залегающий на высоте до 10 см над материком. В предыдущие годы на ней было обнаружено большое количество обгоревших зерен злаковых, на 95% – пленчатой пшеницы-однозерняники (Triticum monococum). По этой причине даже предполагалось, что площадка являлась молотильным током [*Виноградов*, 2015; *Vinogradov*, 2015, p. 159].

В 2016 г. изучено всего 15 кв. м этой конструкции; обгоревших зерен здесь найдено немного, но удалось выявить ее зап. границу. В общей сложности площадка раскрыта на площади более 100 кв. м, она уже оконтурена с Ю, В и З. Осталось найти сев. границу комплекса.

На участке исследовано девять ям, относящихся к первым векам нашей эры. Особый интерес среди них представляет яма 80, пробивавшая глинобитную площадку. В вертикальном сечении она имеет цилиндрическую форму (диаметр 1,75 м, глубина от уровня глинобитной площадки 2,4 м), в ее СВ части была вырублена ниша глубиной 0,6 м. При изучении ямы обнаружен

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.205-207

Рис. 37

весьма многочисленный археологический материал, но особое внимание следует обратить на одну очень важную особенность – на разных уровнях заполнения обнаружены скопления костных остатков животных.

Первое скопление открыто в центре ямы (на глубине ок. 1 м от уровня материка); посередине его была положена лепная сероглиняная миска. При расчистке этого скопления выяснилось, что его основу составляла часть позвоночника с крестцом, принадлежавшая корове; поперек него головой на СЗ была положена собака (рис. 37). Ниже его (на глубине ок. 1,25 м) в центре ямы зафиксировано еще одно скопление – часть позвоночника собаки и череп козы, под которым находился скелетик поросенка, точнее – эмбрион. На этом же уровне около зап. борта зафиксированы два черепа молочных поросят.

С этого уровня в сев. борту ямы была вырублена ниша (ширина – 1,10 м, глубина – 0,60 м), в которой на глубине 1,32 м обнаружены пять скелетов молодых животных, три из которых были определены вполне уверенно: барашек, козленок и поросенок. Под ними (на глубине 1,44 м от уровня материка) найден лепной горшок, украшенный налепами. Еще ниже, почти на уровне дна, около юж. борта обнаружен второй череп козы, а около вост. борта – скелет собаки, уложенной на правый бок головой на С. На самом дне ямы лежала крупная челюсть коровы.

Почти нет сомнения, что яма 80 была связана с совершением жертвоприношения, очевидно, божествам плодородия. Можно предположить, что и глинобитная площадка являлась частью сельского святилища.

На участке II, расположенном в вост. части поселения, в обрыве берега были замечены остатки небольшой полуземлянки (строительный комплекс XIV). В результате проведенных раскопок исследована приблизительно половина заглубленного в землю строительного комплекса; вторая половина разрушена обрывом. Сохранившиеся размеры полуземлянки 1,95×0,95–1,25, глубина от уровня материка 0,40–0,45 м. Никаких деталей интерьера зафиксировать не удалось, кроме неглубокой ямы, вырытой в центральной части почти на всю ширину помещения. Ее диаметр составлял не менее 1,85 м, глубина от уровня пола – 0,15 м. Заполнение ямы ничем не отличалось от заполнения котлована, поэтому можно считать, что она входила в конструкцию полуземлянки.

При разборке заполнения найден показательный археологический материал, состоящий в том числе из фрагментов аттической чернолаковой и чернофигурной посуды кон. VI – 1-й трети V в. до н. э. Строительные комплексы этого времени – большая редкость на поселении [*Виноградов*, 2002]. Примитивный облик этой полуземлянки, отсутствие на ее дне промазок пола и пр. заставляет считать, что постройка не была рассчитана на долгое проживание, а была временным сооружением.

Виноградов Ю. А., 2002. Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. Вып. 4. С. 61–66.

Виноградов Ю. А., 2013. Основные итоги изучения поселения Артющенко I (Таманский полуостров) // Проблемы истории, филологии и культуры. № 2. С. 233–241.

Виноградов Ю. А., 2015. Об открытии молотильного тока на поселении Артющенко-1 (Таманский полуостров) // Таврические студии. Вып. 7. С. 43–45.

Vinogradov Y. A., 2015. Excavations at the Settlement of Artyuschenko I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. Vol. 21. Fasc. 1. P. 157–160.

Vinogradov Y. A., Lebedeva E. V., 2005. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskyoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316–319.

Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев,
А. Г. Недомолкин, Е. В. Дороничева

ИЗУЧЕНИЕ СТОЯНОК ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Ключевые слова: пещера, радиоуглерод, нуклеус, скол, пластинчатая индустрия, проколка, ашель

Северо-Кавказская палеолитическая экспедиция АНО «Лаборатория доистории» провела исследования стоянок раннего верхнего палеолита в Мезмайской пещере, расположеной по правому борту р. Сухой Курджипс (долина р. Белой) на плато Лагонаки (Апшеронский р-н Краснодарского края) на абсолютной высоте 1310 м. Пещера была найдена и раскапывается Л. В. Голованова с 1987 г. К настоящему

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.207-210

времени стратиграфическая колонка пещеры включает 6 голоценовых и 20 плейстоценовых слоев. В 2016 г. проведены раскопки литологических слоев 1B и 1C, имеющих серию радиоуглеродных дат в интервале от 36–37 до 37–42 тыс. л. н. В результате изучения 4 кв. м отложений при мощности ок. 30 см получена коллекция, включающая 2609 каменных артефактов, изделия из кости и многотысячные фаунистические материалы.

В коллекции представлены преимущественно нуклеусы призматические одноплощадочные; призматические двуплощадочные и торцовые единичны. Часть нуклеусов сильно редуцирована, представлена остаточными формами, особенно это касается нуклеусов из приносного высококачественного сырья. О том, что переоформление, подправка и расщепление нуклеусов производилось в пещере, свидетельствует большое количество технических сколов: реберчатые пластины, пластинки и микропластинки, разнообразные варианты сколов подправки. Основным продуктом расщепления были пластины, пластинки и микропластинки. Индекс пластин для слоя 1B: 68,2%, для слоя 1C: 62,4%. Преобладают пластинки (слой 1C – 47,0%) и микропластинки (слой 1C – 35,4%). Ретушированные орудия составляют 10,5% (1B) и 9,9% (1C) от всей коллекции, а от количества всех сколов 17,6% (1B) и 17,2% (1C). В материалах обоих слоев почти половина коллекции – пластинки с притупленным краем. Второй по численности является группа острий, преобладают острия граветт и микрограветт. Представлены пластинки и микропластинки с ретушью. Скребки, резцы и долотовидные орудия малочисленны. Характерной особенностью индустрии слоев 1B и 1C является изготовление этих орудий преимущественно на отщепах с коркой.

Особенно интересны костяные изделия из слоев 1B и 1C. Костяные острия преимущественно круглые двуконечные. Они характерны для материалов не только Мезмайской пещеры, но и для других индустрий раннего верхнего палеолита Кавказа: пещеры Дзудзуана, Ортвала-клде [*Bar-Yosef et al*., 2011; *Golovanova, Doronichev*, 2012]. Типичны костяные проколки. Особенно интересны украшения. В 4-м горизонте слоя 1B (на контакте со слоем 1C) в углистом пятне найдена подвеска из резца копытного, которая практически аналогична подвеске из слоя 1C. Похожи также детали оформления ушка подвески. В верхней части слоя 1B, на контакте с вышележащим слоем 1A2, найдены два изделия, которые имеют аналогии в слоях 1A1, 1A1/1A2 и 1A2. Прежде всего, это нашивка-бусина из бивня мамонта, аналогичная по форме найденным ранее двум нашивкам-бусинам из бивня мамонта и двум нашивкам-бусинам из кости. Но наиболее интересна подвеска из кости. По форме и деталям оформления она практически аналогична каплевидным подвескам из молочных зубов оленя, которые ранее были найдены в слоях 1A. Подобная имитация подвески из кости, сделанной похожей на каплевидные подвески из молочных зубов оленя, известна в материалах пещеры Дзудзуана, уровень C [*Bar-Yosef et al*., 2011, p. 342, fig. 6–9]. Этот уровень синхронизируется со слоями 1A в Мезмайской пещере.

В заключение следует отметить, что слой 1С представляет период интенсивного обитания древнего человека в Мезмайской пещере. На площади, изученной в 2016 г., зафиксированы углистые пятна, которые являются остатками кострищ. Также на пристенном участке расчищена углубленная в нижележащий слой яма, в которой обнаружен крупный целый рог бизона. Из определимой фауны преобладал бизон, олень, козел, найдены фаланги пещерного медведя. Раскопки слоев 1В и 1С в Мезмайской пещере позволили изучить планиграфическую структуру стоянок, особенности хозяйственной деятельности, собрать дополнительные коллекции изделий из камня и кости. Материалы этого периода имеют наиболее близкие аналогии в ранних комплексах верхнего палеолита Южного Кавказа (пещера Дзудзуана, Ортвала-клде, Бонди).

Район разведочных работ в 2016 г. расположен в среднем течении р. Белой, в Майкопском р-не Республики Адыгея. Проведенные исследования показывают, что в долине р. Семияблоня (левый приток р. Белая, бассейн р. Кубани) существуют выходы кремня хорошего качества, который активно использовался древним человеком для изготовления орудий труда. В русле р. Семияблоня собран подъемный материал. Местонахождение было открыто и предварительно исследовано П. У. Аутлевым в 1978–1979 гг. Более 30 лет работы здесь не проводились [*Голованова*, 1994]. В ходе исследований 2016 г. удалось собрать интересную коллекцию каменных изделий, в том числе были обнаружены два ашельских бифаса. Основную часть материалов составляют нуклеусы и сколы. Среди нуклеусов преобладают односторонние одноплощадочные формы. На всех нуклеусах сохранились участки желвачной корки. Эти особенности материалов местонахождения на р. Семияблоня и расположение его рядом с коренными выходами сырья позволяют говорить, что здесь мы имеем дело с остатками разрушенной стоянки-мастерской. Техника расщепления, представленная в коллекции, близка материалам ашельских местонахождений этого региона [*Golovanova*, 2000; *Golovanova, Doronichev*, 2017]. По данным С. А. Несмеянова [*Несмеянов, Голованова*, 1988; *Несмеянов*, 1999], возраст речных террас, с которых предположительно происходит материал местонахождения, может быть определен в интервале от конца среднего до начала позднего плейстоцена. Этот район является перспективным для поиска стратифицированных стоянок открытого типа. Обнаруженные материалы подтверждают предварительную датировку этого памятника концом ашеля – средним палеолитом, хотя не исключено, что древний человек мог приходить на выходы сырья и в более позднее время.

В среднем течении р. Белая, на правобережном притоке – р. Средний Хаджох, в 2016 г. найдено новое местонахождение Хаджох 5 к З от пос. Каменномостский. Материал собран вдоль лесной дороги, прорезавшей правобережную высокую 40-метровую террасу. Все изделия сделаны из местного желвачного кремня [*Дороничева, Кулькова*, 2011], на выходах которого расположено местонахождение. Основную часть коллекции составляют отходы расщепления (нуклеусы и сколы), выделено только два

скребла. Предварительно можно оценивать эти материалы как остатки мастерской по обработке местного кремневого сырья, на выходах которого и расположена стоянка. Согласно стратиграфической схеме С. А. Несмеянова [*Несмеянов*, 1999, с. 187], район местонахождения Хаджох 5 можно коррелировать с Майкопским уровнем местной геоморфологической шкалы и сопоставлять с поздним плейстоценом. Безусловно, датировка этих комплексов на сегодняшний день носит предварительный характер.

Голованова Л. В., 1994. Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб. 170 с.

Дороничева Е. В., Кулькова М. А., 2011. Петрографическое исследование кремня из месторождений и стоянок среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе // Stratum plus. № 1. С. 153–169.

Несмеянов С. А. 1999. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита. М. 391 с.

Несмеянов С. А., Голованова Л. В., 1988. Геоморфологическое положение палеолита в среднем течении р. Белой Майкопского района // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Meshevilianі T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto B., Goldberg P., Eliso Kvavadze E., Matskevich Z., 2011. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // Antiquity. 85. P. 331–349.

Golovanova L. V., 2000. Late Acheulean of the Northern Caucasus and the Problem of Transition to the Middle Palaeoolithic. In: D. Lordkipanidze, O. Bar-Yosef and M. Otte (eds.) Early Humans at the Gates of Europe. Proceedings of the first international symposium. Dmanisi, Tbilisi (Georgia), 1998 // ERAUL. 92. P. 49–65.

Golovanova L. V., Doronichev V. B., 2012. EUP of the Caucasus: In context of Western Euro-Asian sources // The Aurignacian of Yafteh cave and its context (2005–2008 excavations). Eds. M. Otte Marcel Otte, S. Shidrang, D. Flas. Liège. ERAUL. 132. P. 137–160.

Golovanova, L. V., Doronichev V. B., 2017. Dynamics of transformation of the industries on a boundary of Lower and Middle Palaeolithic Northwest Caucasus // Quaternary International. 428. P. 26–48.

Д. В. Журавлев, А. В. Батасова, А. И. Кудряшова, К. Б. Фирсов, У. Шлотцауер

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЙ ГОЛУБИЦКАЯ 2 И СТРЕЛКА 2 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Ключевые слова: хозяйственная яма, пифос, VI–II вв. до н. э., укрепления, керамика

Боспорской АЭ ГИМ совместно с Евразийским отделом Германского АИ (Берлин) продолжались исследования памятников на СВ Таманского п-ва на территории Темрюкского р-на Краснодарского края.

На поселении Голубицкая 2 работы велись на двух раскопах. На Раскопе 5, в центральной части памятника, общая исследованная площадь составила 75 кв. м. В слое, непосредственно под пашней, зафиксирован

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.210-212

Рис. 38. Поселение Голубицкая 2. Оттиск геммы с изображением Эрота на грузике для ткацкого стана. IV–III вв. до н. э. Глина

развал пифоса эллинистического времени. Были изучены 13 ям различной конструкции 2-й пол. VI – II в. до н. э. Из них происходит ряд важных находок, включающих восточно-греческую керамику, обломок литейной формы 2-й пол. VI в. до н. э., граффити, интересные образцы лепной керамики VI–V вв. до н. э., две нижние части позднеэллинистических амфор. Отметим пирамидальное грузило с оттиском геммы – фигурой идущего Эрота (рис. 38), и голову терракотовой статуэтки девушки V в. до н. э. с остатками грунтовки и краски.

На Раскопе 4 (исследования в этом сезоне велись на площади 300 кв. м) продолжено изучение фортификации поселения. Выявлены в плане контуры оборонительного рва, начато исследование его верхнего горизонта, относящегося, согласно нумизматическим находкам, к сер. – 3-й четв. III в. до н. э., и, что особенно важно, создан плацдарм для исследования конструкции этого рва широкой площадью работами следующего года.

Основным итогом раскопок на поселении Стрелка 2 стало изучение горизонта ниже уровня каменных конструкций, открытых в предше-

ствующие годы (работы велись на площади 150 кв. м). Нами был исследован слой, залегающий на материке, относящийся ко 2-й пол. VI – V в. до н. э., а также 7 ям различной конструкции, датирующихся тем же временем. Впервые с поселения Стрелка 2 получен обильный материал, включающий амфорные фрагменты (в том числе крупные от хиосских пухлогорлых амфор), а также обломки восточно-греческой, чернолаковой и лепной керамики, несколько граффити на стенках амфор. Все эти находки проливают свет на начальный этап жизни этого поселения.

Э. Д. Зиливинская

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ И МОГИЛЬНИКЕ СОЛЕНЫЙ II НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Ключевые слова: античное время, средневековье, керамика, XVIII в., горн, грунтовый могильник, Крымское ханство

В Темрюкском р-не Краснодарского края проводились широкомасштабные раскопки у поселения Соленый. Работы выполнялись археологическим отрядом ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз» в связи с реконструкцией автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив, ведущей к строящемуся Керченскому мосту.

Площадь поселения составляет 33,3 га. Датировка памятника по подъемному материалу и материалу из шурфов следующая: IV в. до н. э. – IV в. н. э.; VIII–XI вв. и XIV в. В 2016 г. площадь раскопок составила 33 395 кв. м. Раскопки во многом изменили взгляд на датировку и культурную атрибуцию памятника, а также дали богатый и часто неожиданный материал.

К самому раннему периоду освоения этой территории относятся кремневые изделия, найденные в культурном слое. Датировка их достаточно широкая – от верхнего палеолита до раннего бронзового века. Эпоха поздней бронзы представлена четырьмя погребениями, в которых покойники лежали в скорченной позе. В качестве сопроводительного инвентаря были положены лепные черноглинянные сосуды баночной формы и мелкие медные предметы.

К античному времени относятся многочисленные ямы и скопления керамики в культурном слое. Керамика античного времени представлена фрагментами амфор, красноглиняных гончарных сосудов различных форм, лепными сосудами, светильниками. Датируется керамический комплекс по амфорам, в основном, II–IV вв. Наряду с керамикой в ямах встречается большое количество керамических грузил, что свидетельствует об активном занятии населения рыболовством. Также были найдены четыре медные монеты Боспорского царства.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.212-214

Комплексы развитого средневековья на памятнике отчетливо не выделяются. В культурном слое встречаются фрагменты воротничковых амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, сероглиняных лощеных кувшинов и мисок. К этому же времени, вероятно, относятся некоторые металлические предметы, такие как железные ножи, наконечники стрел, медные пряжки, накладки, бубенчики. Из раскопов происходит небольшая коллекция монет Тьмутараканского княжества.

Хронологический период XV–XVI вв. представлен русскими монетами и монетой Крымского ханства. К нему относится клад из 15 серебряных испанских монет, лежавший в поливном двуручном кувшине. Монеты номиналами 4 и 8 реалов чеканены в Севилье, Толедо, Сеговии, Мехико и Потоси (Боливия, вице-королевство Перу). Самая ранняя дата – 1596 г., самая поздняя – 1623–1625 гг.

Наиболее активно данная территория использовалась в XVIII в. В раскоп попали многочисленные хозяйственные ямы и производственные комплексы. К ним относится небольшой двухкамерный горн для обжига керамики.

В культурном слое этого времени найдено большое количество бытовых предметов: железных гвоздей, ножей, кресал, сапожных подков, замков, пряжек. Достаточно много мелких предметов из медных сплавов: пряжек, накладок, пуговиц, различных застежек, наперстков.

Керамика этого периода разнообразна. Наибольшее количество фрагментов и целых форм гончарной керамики произведено в мастерских Юго-Восточного Крыма. Она включает в себя неполивную ангобированную красноглиняную керамику, красноглиняную керамику с росписью красно-коричневым и белым ангобом и поливную посуду с зеленой, желтой и коричневой поливой. Основные формы – кувшины, кувшины водолеи, тарелки, миски. Местная гончарная керамика представлена неполивной красноглиняной неангобированной и с красным ангобом. Основные формы – это чаши, миски, кувшины, водолеи, корчаги, крышки сосудов, туваки, подсвечники.

Две немногочисленные группы керамики происходят из османских керамических центров. Также найдены 3 фрагмента малоазийских расписных полуфаянсовых кофейных чашечек (г. Кютахья). Довольно представительную коллекцию составляют керамические курительные трубки. В целом керамический комплекс Османского времени позволяет датировать поселение (а также могильник) Соленый II XVII–XVIII вв. Последний период существования памятника представлен также монетами Крымского ханства, которые охватывают 2-ю пол. XVIII в.

К этому времени относится грунтовый могильник, часть которого вошла в зону раскопок. Всего было вскрыто 163 погребения: 63 мужских, 46 женских и 54 детских. Все они совершены по мусульманскому обряду, в то же время во многих погребениях обнаружены различные вещи. В мужских погребениях встречаются ножи, кресала и кремни, ножницы, железные пряжки. В трех случаях в ногах стояли широкогорлые кувшины. Умерших хоронили в одежде, о чем свидетельствуют находки латун-

ных пуговиц и бляшек, также у нескольких покойников на пальцы были надеты медные перстни.

В женских погребениях инвентарь более разнообразен. В качестве хозяйственных предметов в могилу клали железные ножи, глиняные пряслица, медные наперстки. В качестве украшений женщины использовали стеклянные, сердоликовые и гагатовые бусы, серьги, браслеты, цепочки, подвески и перстни из меди и серебра. Очень интересен амулет из челюсти мелкого хищника в медной оправе. Частой находкой являются серебряные височные подвески в виде дисков с отверстием в центре. В части женских погребений также найдены сосуды – кувшины, чайники, миски. Таким образом, материалы могильника показывают, что он принадлежал оседлому населению, исповедовавшему ислам, но не отказавшемуся до конца от доисламских верований. Можно предположить, что здесь проживала какая-то группа адыгов, принявшая мусульманство. На связь с адыгами Северного Кавказа указывают некоторые предметы из погребального инвентаря: серебряные дисковидные височные кольца с прорезью и перстни-«печатки» с конусовидным щитком, площадка которого имеет насечку в виде розетки [*Дружинина, Пежемский*, 2014, с. 36–37].

Дружинина И. А., Пежемский Д. В., 2014. Кабардинский курганный могильник Каррас (по материалам раскопок Д. Я. Самоквасова в Пятигорье в 1881 г.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество.

С. В. Кашаев, К. А. Огарков, А. С. Цинько

РАБОТЫ ТАМАНСКОГО ОТРЯДА БОСПОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК РАН

Ключевые слова: грунтовый некрополь, поселение, погребение, тризна, античное время

Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН продолжал работы в юж. части Таманского п-ова на территории Новотаманского сельского округа Темрюкского р-на Краснодарского края. Проведены раскопки памятника археологии «Поселение и некрополь Артющенко 2», расположенного на берегу Черного моря.

На Раскопе «Н» (некрополь) исследовано 4 участка общей площадью 336 кв. м. В ходе раскопок обнаружено 5 погребений (159–163). Нумерация новых погребений продолжает нумерацию, принятую ранее. Два погребения (159–160) обнаружены в пределах раскопа, они датируются II–I вв. до н. э.

В погребении 159 (женщина 25–30 лет) обнаружены: сероглиняный кувшин и фрагмент железного кольца. В погребении 160 (мужчина 40–45 лет): красноглиняный кувшин, фрагмент ножа железного, железный наконечник стрелы (?).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.214-215

Три погребения (161–163) обнаружены на береговом склоне разрушенными в результате абразии берега. Датируются они II–III вв. н. э. Помимо погребений обнаружено еще два комплекса: Тризна 22 и Тризна 23, которые содержали несколько раздавленных грунтом керамических сосудов III–II вв. до н. э. После обработки находок из Тризны 22 было склеено несколько археологически целых сосудов: рыбное блюдо, тарелочка, две красноглиняные солонки, фрагментированная пелика, полный профиль леканы с фрагментом крышки. Из Тризны 23 было собрано: рыбное блюдо, дно красноглиняной миски, фрагментированная кастрюля с красноглиняной крышкой.

Таким образом, в 2003–2016 гг. на некрополе Артющенко 2 исследована площадь ок. 4451 кв. м, обнаружено 175 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями.

В 2016 г. было зафиксировано разрушение памятника археологии «поселение Артющенко-2». Разрушение произведено неизвестными лицами с применением тяжелой землеройной техники, предположительно с целью создания песчаного карьера. О незаконных работах был составлен Акт, после чего работы были остановлены сотрудниками полиции.

Для оценки масштабов ущерба, нанесенного памятнику, был проведен осмотр поврежденного участка и образовавшегося «карьера» (котлована). Котлован расположен вдоль берегового обрыва и имеет неправильную, С-образную в плане форму. Общие размеры котлована примерно 200×50 м, площадь 9540 кв. м. В котловане грунт снят на глубину от 0,5 до 4,0 м (до материка), средняя глубина котлована ок. 1,5 м.

Археологический материал фиксируется на всей площади котлована, в его бортах и отвалах. Среди подъемного материала, собранного на отвалах «карьера», большинство археологического материала представлено фрагментами красноглиняной тарной и столовой посуды античного времени V–IV вв. до н. э., самые ранние фрагменты керамики относятся к кон. VI в. до н. э.

Е. В. Кузнецова

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ТАМАНЬ 3 В 2015–2016 ГГ.

Ключевые слова: каменная постройка, керамика, IV в. до н. э., амфоры, хозяйственная яма

Отряд Саратовского национального исследовательского ГУ им. Н. Г. Чернышевского проводил раскопки на поселении Тамань 3. Памятник находится на берегу Таманского залива в Темрюкском р-не Краснодарского края к В от ст. Тамань. Расположен на равнине, плавно повышающейся к Ю. Высота берегового обрыва, на котором расположено поселение, колеблется от 5 до 11 м. Большая часть памятника находится

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.215-217

под сельскохозяйственной распашкой. Случайная находка под водой в 90 м от уреза воды остатков каменной кладки позволяет утверждать, что сев. часть памятника затоплена водами залива.

В настоящее время работы проводятся в рамках археологической практики, чем обусловлен их крайне небольшой масштаб. В 2015 г. раскоп с первоначальной площадью 50 кв. м был заложен в центральной части памятника. В дальнейшем его площадь увеличена до 100 кв. м за счет прирезки с В. Дневная поверхность на данном участке имела понижение с Ю на С и с В на З. На уровне ок. 60 см от дневной поверхности выявлены строительные остатки. В дальнейшем работы продолжились до уровня залегания камней. Глубина раскопа достигла 76 см.

В результате расчистки выявлена строительная конструкция, состоящая из двух стен (сев. и юж.) и каменной вымостки. Сев. стена с ориентировкой ЮЮЗ–ССВ представляет собой остатки кладки, составленной из плоских широких камней с небольшими следами подтесывания. Ее размеры: ширина (E–E1) 156 см, длина (C1–C2) 380 см, высота 10–12 см. С сев. стороны стены сохранилась кладка из мелких необработанных камней. У ЮЗ окончания стены, на стыке с вымосткой, зафиксировано скопление угольков. Среди золы встречались мелкие кости рыб, мельчайшие фрагменты керамики. Юж. стена с ориентировкой ЮЮЗ–ССВ также выложена крупными плоскими камнями, между которыми закреплены мелкие камни. Ее размеры: ширина (D–D1) 105 см, длина (B–B1) 288 см, высота 10 см. Обе стены уходят в вост. борт раскопа.

С зап. стороны к стенам примыкает вымостка, выложенная крупными плоскими блоками известняка, иногда встречается небольшая галька, отдельные фрагменты железняка и мергеля. С вост. стороны вымостки между крупными камнями зафиксирован развал жаровни. Неподалеку от развала виден небольшой «провал». Это может свидетельствовать о наличии под ним ямы. В зап. части вымостки зафиксирован более четкий провал крупных камней.

Анализ находок показал, что подавляющее большинство составляют фрагменты амфор (81,5%). Второе место занимают фрагменты красноглиняных сосудов (12,4%). На расписную и покрытую лаком керамику приходится всего 1,9% всех находок, при этом большую часть составляют фрагменты краснолаковых сосудов. Лепная керамика представлена всего 47 фрагментами (1%). Материалы относятся к эпохе античности и охватывают период с кон. VI в. до н. э. по II в. н. э. Бóльшая часть находок датируется V–IV вв. до н. э. В связи с тем, что памятник многие годы подвергался распашке, в том числе плантажным плугом, верхние пласты раскопа представляют собой переотложенный грунт. Нетронутым можно считать слой, начиная с уровня залегания камней (-65 от современной дневной поверхности), представляющий собой светло-серый грунт.

Обнаруженная конструкция первоначально была продатирована 2-й пол. IV в. до н. э., может быть, нач. III в. Однако на уровне залегания камней зафиксирована монета Диоскуриады 1-й трети I в. до н. э. Остальные монеты, обнаруженные уже в отвале, но явно происходящие

из третьего пласта вост. части раскопа, также датируются II–I вв. до н. э. Нач. II в. до н. э. датируется и клеймо на ручке родосской амфоры, обнаруженное внутри помещения. Таким образом, в настоящий момент вопрос о датировке конструкции остается открытым. Более точные данные могут быть получены только после ее снятия.

В сезоне 2016 г. планировалось продолжение исследований 2015 г. Однако поле оказалось засеяно зерновыми и к началу полевого сезона еще не было убрано. В связи с этим был выбран небольшой участок на береговом обрыве. Он казался наиболее перспективным с точки зрения его выгодного положения. Это практически самая высокая точка береговой линии, если смотреть на террасу с моря. Раскоп площадью 50 кв. м заложен в 160 м от раскопа 2015 г. с отклонением на 20° к З.

Раскоп доведен до материка, глубина составила 150–160 см от современной дневной поверхности. В зап. части зафиксирована хозяйственная яма, заглубленная в материк на 90 см. Грунт заполнения серо-коричневый, рыхлый, с большим количеством золы, костей и раковин. Материал из заполнения представлен фрагментами амфор, красноглиняной и сероглиняной посуды, лепной керамики. В яме обнаружено множество кусков печины различной величины. В процессе расчистки ямы зафиксировано несколько прослоек камки. Амфорный материал разновременный, с V в. до н. э. по V в. н. э., с абсолютным преобладанием фрагментов первых веков н. э. Более ранний материала попал в заполнение при сооружении ямы. На самом дне ямы, представляющем собой черный плотный слой, обнаружена бронзовая фибула 2-й пол. I – нач. II в. н. э. [*Кропотов*, 2010, с. 131, рис. 42].

Материалы, обнаруженные в ходе работ на остальной площади раскопа, относятся к эпохе античности и охватывают период с кон. VI в. до н. э. по IV в. н. э. с преобладанием поздних материалов.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина. 384 с.

Е. С. Левин, М. Ю. Лунев

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАПАДНО-КАВКАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАКУБАНЬЕ

Ключевые слова: эпоха бронзы, курганный могильник, меоты, ранний железный век, оружие

ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» проводила раскопки памятников археологии у ст. Тенгинская и в г. Курганинск, расположенных на правобережье р. Лаба.

Археологические исследования у ст. Тенгинская были начаты ЗКАЭ под рук. О. А. Селивантьева в 2015 г. Необходимость проведения археологических исследований была связана со строительством автомобильной

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.217-220

дороги «станица Тенгинская – граница Республики Адыгея» в Усть-Лабинском р-не Краснодарского края. Первоначально в проекте строительства были предусмотрены раскопки только насыпи кургана 16 из курганного могильника Тенгинский 1. Однако в процессе исследований было установлено, что курган 16 перекрыт грунтовым могильником V–IV вв. до н. э. меотской культуры, а также выявлена необходимость раскопок насыпи кургана 35. В результате большая часть работ была перенесена на 2016 г.

Курганный могильник Тенгинский 1 открыт и описан в 1981 г. отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР при проведении разведок в Усть-Лабинском р-не (рук. работ И. С. Каменецкий и С. А. Науменко). Могильник состоит из 35 насыпей, которые вытянуты цепочкой с З на В вдоль высокого правого берега р. Лабы. Памятник расположен в Усть-Лабинском р-не Краснодарского края на зап. окраине ст. Тенгинской.

В 1994 г. на зап. окраине ст. Тенгинская АЭ ГМВ под рук. Е. А. Бегловой обнаружила грунтовый могильник Тенгинский, относящийся к II в. до н. э. – III в. н. э., меотской археологической культуре. Е. А. Беглова проводила исследования данного грунтового могильника с 1994 по 2003 г.

Необходимо отметить, что раскопы Е. А. Бегловой расположены в вост. части курганного могильника Тенгинский 1, между курганами 2 и 6, и находятся в прямой видимости от кургана 16 (расстояние ок. 700 м), исследованного нами в 2015–2016 гг. Вероятно, обнаруженные нами погребения V–IV вв. до н. э. в насыпи кургана 16 являются зап. и более ранней частью грунтового могильника Тенгинский.

Всего за два сезона работ в насыпи кургана 16 и к С от него в полосе землеотвода строительства обнаружен и исследован 51 археологический комплекс (23 комплекса в 2015 г., 28 комплексов в 2016 г.). Из них 11 комплексов принадлежит эпохе бронзы и 39 относится к меотской культуре раннего железного века.

Из исследованных погребений меотов три (7, 29 и 37) можно отнести к элитным. К сожалению, все они были ограблены в древности. Эти погребения были совершены в больших прямоугольных ямах и имели деревянное перекрытие. Часть перекрытия зафиксирована в комплексе 37, где сохранилась не тронутая грабителями сев. часть погребения.

В погребении 29 обнаружены фрагменты железного пластинчатого панциря с бронзовым нагрудником (рис. 39: *2–5*), наконечники стрел бронзовые (более 200) и железные (более 60), фрагменты от 18 наконечников копий. Кроме этого, здесь же была найдена пластина из желтого металла, по-видимому, обкладка деревянной чаши с выдавленным изображением головы лося. Голова лося украшена рогами, в центре которых изображено две головы грифонов. По краям пластины пробиты мелкие отверстия. Размеры: высота 8,5 см, ширина по верхнему краю 6,5 см. (рис. 39: *1*)

В нетронутой грабителями сев. части комплекса 37 обнаружены два скелета подростков, погребенных сидя между керамическими сосудами. Всего в этой части погребения находилось 9 сосудов, из которых три были очень крупными: два лепных кувшина (высота 73 и 75 см, диаметр

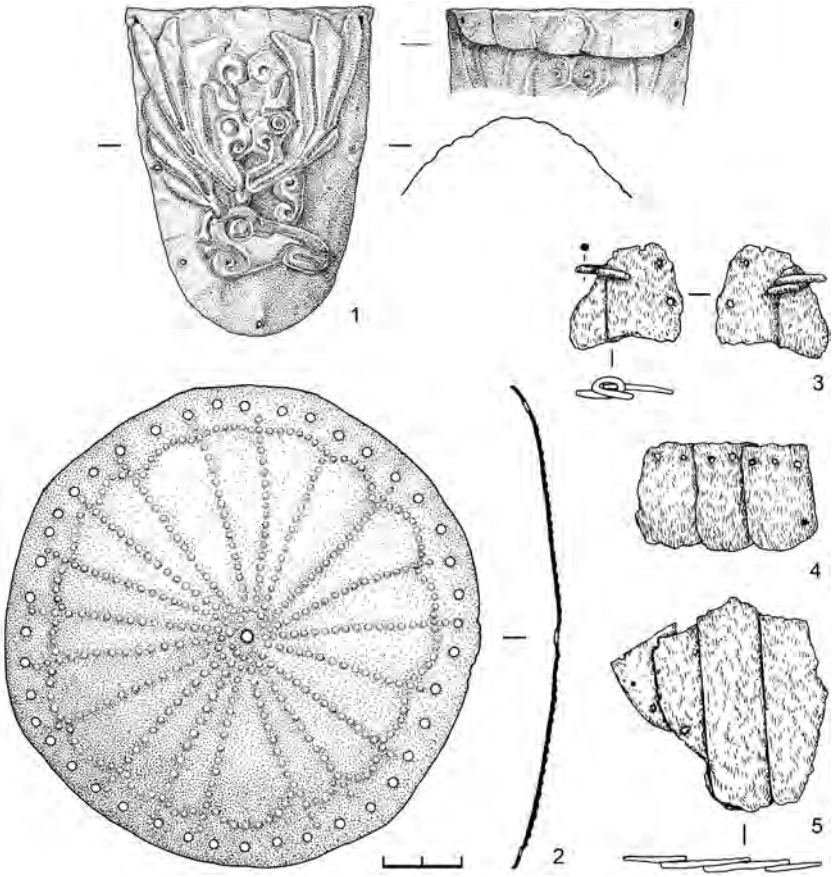

Рис. 39

тулова 50 см) и крупный лепной горшок (высота 47 см, диаметр тулова 42,8 см). В погребении находились античные сосуды со следами красного лака на поверхности: канфар и два кувшина. Здесь же найдены фрагменты античного лутерия.

В нескольких погребениях могильника обнаружены бронзовые элементы упряжи, выполненные в скифском зверином стиле.

В насыпи кургана 35 из состава могильника обнаружено и исследовано 18 археологических комплексов и одна современная яма. Из них непосредственно погребениями являются только 17 комплексов. Большая часть погребений (14 комплексов) относится к разным этапам эпохи бронзы. Среди них стоит выделить катакомбные погребения 8 и 18, в которых

обнаружены бронзовые и костяные подвески и бусы, а также фрагменты керамики.

Раскопки в г. Курганинск. В 2016 г. Западно-Кавказская АЭ проводила раскопки кургана 4 из курганной группы Курганинская 10, расположенной в г. Курганинск Краснодарского края. Памятник находится к СВ от правого берега р. Кукса, правого притока р. Лабы.

В результате проведенных охранно-спасательных археологических работ в насыпи кургана обнаружено и исследовано 12 археологических комплексов, из них 6 погребений эпохи бронзы III–II тыс. до н. э., 2 погребения сарматского времени, 1 погребение раннего средневековья и 3 комплекса, точная датировка которых затруднительна.

Г. А. Ломтадзе

ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО ПАМЯТНИКА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА – АХТАНИЗОВСКАЯ 4

Ключевые слова: поселение, укрепление, хозяйственная яма, светильник, погребение, XVI–XVII вв., ногайцы

Таманская АЭ ГИМ продолжила раскопки поселения Ахтанизовская 4 в СВ части ст. Ахтанизовская Темрюкского р-на Краснодарского края.

В прошедшем сезоне основное внимание уделено раскопкам центральной по своему значению части поселения – укрепленной цитадели (раскоп III). Эта часть памятника находится на выступающем в Ахтанизовский лиман мысу и представляет собой невысокий холм с плоской вершиной и пологими склонами, возвышающийся над лиманом на 7–7,6 м. Размеры предполагаемого укрепления по топосъемке составляют 108×112 м.

Исследованы квадраты 206–210, 222–226 (5×5 м каждый). Общая исследованная площадь составила 250 кв. м, мощность на отдельных участках слоя достигала 2 м. В прошедшем сезоне вскрыто 9 погребений позднесредневекового времени и более десятка объектов античного времени (в основном представлявшие собой хозяйственные ямы). Наибольшее количество находок встречено в слоях и объектах II–I вв. до н. э. Приведем в качестве примеров буролаковую ойнохою, аналогии которой известны в материалах «Дома Хрисалиска» [*Сокольский*, 1976, рис. 53: *2*], и анонимный обол нач. 70–60-х гг. I в. до н. э. [*Анохин*, 1986, с. 146, № 212] (рис. 40: *1, 2*).

В одном из найденных светильников I в. до н. э. (вариант 4.2 по Д. В. Журавлеву [*Журавлев и др.*, 2010, с. 93–108]) (рис. 40: *3*) обнаружены остатки органического вещества. Проведенное исследование состава этих органических остатков на базе Курчатовского института дало интересные результаты (исследования проводились сотрудником Курчатовского НБИКС комплекса В. М. Пожидаевым в рамках совместного проекта ГИМ и Курчатовского института). Образцы органических остат-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.220-222

Рис. 40

ков из светильника подвергали экстракции смесью растворителей по методу Фолча. Остаток после экстракции по Фолчу обрабатывали раствором спиртовой щелочи. Экстракты подвергали дериватизации метанолом с кислотным катализатором для получения метиловых жирных кислот (МЭЖК). Составы МЭЖК исследовали методом газожидкостной хроматографии (ГЖХ). В составе экстрактов были идентифицированы насыщенные жирные кислоты (ЖК) – С14:0 – С 18:0, в том числе с нечетным числом углеродных атомов (С15:0 и С17:0); а также мононенасыщенные ЖК – пальмитиновая и олеиновая. На основании исследования количественного соотношения различных жирных кислот предположено, что в светильнике использовался жир жвачных животных.

В верхних слоях исследованных квадратов зафиксировано девять погребений, датирующихся в пределах XVI–XVII вв. Из них 4 детских погребения (29, 30, 34, 36) и 4 погребения взрослых мужчин (28, 31–33). Особое место занимает погребение молодой женщины с грудным ребенком (35). Оно обнаружено в зап. части квадрата 222, частично за пределами квадрата, на отметках -102; -106. Погребенная лежала головой на З. В области ее живота находился младенец, кости которого сохранились плохо. Костяк женщины вытянут по линии В–З, голова слегка повернута направо, череп раздавлен. У костяка женщины отсутствовали ступни ног и левые берцовые кости ноги. Размеры сохранившейся части костяка по линии З–В 1,3 м, С–Ю 0,37 м. Размеры скелета младенца по линии З–В составляли 0,3 м. Погребального инвентаря рядом с костяком обнаружено не было.

В предыдущие сезоны нами было установлено, что большая часть погребенных относятся к монголоидному типу. Это, вместе с мусульман-

ским, в целом, обрядом захоронения, убеждает нас в том, что на данном участке в XVI–XVII вв. находилось ногайское кладбище.

Анохин В. В., 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка.
Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л., 2010. Светильники 2-й пол. III в. до н. э. – IV в. н. э. // Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция светильников. Т. II. Киев.
Сокольский Н. И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука.

В. П. Мокрушин, Д. В. Кутуков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТЕМРЮКСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: поселение, хозяйственная яма, очаг, керамика, эпоха бронзы, раннее средневековье, салтово-маяцкая культура

Спасательные исследования проводились на поселении Балка Хреева 3 в полосе сооружения автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив (М25), к ВЮВ от ст. Тамань, площадь исследования 36 580 кв. м. Памятник выявлен Н. И. Сударевым (2011 г.) к Ю от берега Таманского залива, у сев. подножья горы Комендантская.

Стратиграфическая ситуация исследуемого объекта неординарна. Сверху залегала темная однородная слабо насыщенная культурными остатками гумусированная почва. На глубине 30–60 см от дневной поверхности с З на В тянулась вершина гряды, сложенной скальными породами из непрочного ожелезненного песчаника. К Ю и к С от гряды вскрыты коричневатые отложения, вмещавшие немногочисленные древние культурные остатки; ниже выявлялся серый материковый суглинок с включением известняковой крошки (белоглазка).

При разборке 1 пласта зафиксирован лишь один объект, ниже их засвидетельствовано больше, в том числе хозяйственные ямы – обычно слабо заглубленные в грунт. Также обнаружены несколько погребений и нерегулярные выкладки из необработанных камней разного размера. Найден круглый жернов из светлого плотного песчаника; на нем лежал бегунок с тремя углублениями для поворотной рукояти.

В центральной части раскопа расчищено скопление красной обожженной глиняной обмазки, оказавшееся просевшим сводом очага. Хорошо сохранилось основание очага округлой формы размером 1,60×1,31 м. В его разрезе читался розовый материковый прокал толщиной 3–4 см. Находки рядом не отмечены, кроме небольшой компактной груды кусков шлака к В от очага.

К периоду Великой Отечественной войны относятся остатки нескольких блиндажей, соединенных извилистыми траншеями, откуда происходят железные проволока, скобы, обрывки жести и др.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.222-223

Полученная нами археологическая коллекция, помимо обломков турлука, представлена остеологическими остатками, вещами из кости и проч. Засвидетельствованы отдельные кремневые предметы, в основном, видимо, верхнепалеолитического возраста. В их числе: фасетированные ножевидные пластины; чешуйка; отщепы; сколы подправки ударных площадок нуклеусов; поперечный скребок с округлым лезвием, наконечник стрелы со сколотым острием и краями, подправленными «зубчато-выемчатой» ретушью. Следует упомянуть шлифованный каменный топор, вероятно относящийся к ямной культуре. Интересен терочник на гальке округлой формы с оббитыми рабочими гранями. Среди бытовых предметов – пряслице, выточенное из стенки сосуда с добавлением в тесто слюды, а также огниво из светло-серого кремня со следами желвачной корки.

Отметим бронзовые изделия: нож, черенок которого плавно переходит в резко сужающийся, линзовидный в сечении клинок; булавку (стило?), на ее ушко в виде цепочки нанизаны два проволочных колечка; язычок поясной пряжки с загнутым носиком.

В коллекции доминировали фрагменты посуды, есть целые экземпляры. Большой выборкой представлены плоскодонные чаши и горшки, вылепленные вручную из плотного теста, в основном с примесью шамота. Они преимущественно коричневого цвета, иногда темные либо оранжевые, в изломе – черные или серые. Имеющиеся венчики – округлые, изредка уплощенные, отогнуты наружу и в отдельных случаях украшены с помощью косых прочерченных линий или пальцевых вдавлений. Есть крышки. Горло сосудов, иногда оформленных с помощью характерных воротничковых налепов, плавно переходило в резко расширяющееся тулово, которое подчас декорировалось. Для этого могли использовать двойные и одинарные пояски грубых пальцевых вмятин, треугольных ямок, а также круглых, вертикальных, подпрямоугольных или наклонных вдавлений. Применялся валик с косыми насечками, а также – прочерченная горизонтальная «елочка» в сопровождении дополнительных округлых оттисков. Узор на горле отмечен нечасто и выполнен с помощью рядов ногтевидных вдавлений, поставленных вертикально или наклонно. Обнаружено несколько развалов подобных сосудов в сопровождении отдельных галек. Кухонную утварь такого рода относят обычно к бронзовому веку (сабатиновская культура?).

Многочисленны обломки кружальных сосудов, включая фрагменты кольцевых поддонов, а также ручки. Керамические изделия преимущественно красноглиняные, хотя встречаются желто-, коричнево- и светлоглиняные. Некоторые из них относятся к античной эпохе, но в абсолютном большинстве, судя по всему, датируются салтовским временем (VIII–IX вв.) или несколько раньше. Встречались обломки сероглиняных сосудов с примесью в тесте кварцевого песка и пролощенным сетчатым орнаментом, разделенным валиками на зоны. Также найдены две раздавленные амфоры. Одна из них – остродонная (карандашевидная) красноглиняная, верхняя часть ее утрачена. Вторая – круглодонная; внешняя поверхность светло-коричневая/бежевая, ангобированная, внутренняя – коричневая.

М. Ю. Федосов

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ДЖУБГА 1

Ключевые слова: XIII–XV вв., каменная конструкция, вооружение, каменный ящик, адыги

Экспедицией ООО «Кубаньохранкультура» проводились охранно-спасательные раскопки курганов 6, 10, 18, 20 могильника Джубга 1 к С от одноименного населенного пункта Туапсинского р-на Краснодарского края. Курганы располагались в зоне строительства транспортной развязки.

Памятник выявлен М. Б. Тешевым в ходе разведок 1979–1981 гг. [*Тешев*, 1972] и поставлен на гос. учет в количестве 10 насыпей. В 2011 г. 2 насыпи (1 и 2) были исследованы экспедицией ООО «Кубаньохранкультура» под рук. Ю. Н. Федосовой. На момент изысканий 2011 г. на могильнике были определены 32 насыпи. Памятник датирован 2-й пол. XIII – XV в. Результаты раскопок 2011 г. опубликованы [*Голубев и др.*, 2012].

Основание всех курганных насыпей представляло собой кольцевую крепиду, сложенную из камней различных осадочных пород размерами от 15 до 40 см. Ширина крепиды колеблется от 60 до 250 см. Крепида в плане округлой формы, диаметром от 5 до 9 м. Максимальная высота кромлеха от уровня погребенной почвы 50 см. Камни кромлеха укладывались непосредственно на древний горизонт (погребенную почву).

Курган 6. Высота 50 см, диаметр 10 м. В кургане обнаружено одно погребение-кенотаф, подобное комплексу кургана 2, исследованного в 2011 г. Погребение совершено на уровне погребенной почвы в центральной части кургана, длинной осью ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ. Был найден следующий инвентарь:

1. Железная сабля. По классификации У. Ю. Кочкарова, клинок наиболее соответствует типу VIБ. Полной аналогии перекрестью рассматриваемой сабли у исследователя нет, наиболее близок к ней тип IВ [*Кочкаров*, 2008, с. 27, 32]. Саблю можно с осторожностью датировать XIII в.

2. От ножен сабли сохранился окованный железом наконечник.

3. Фрагменты железного ножа.

4. Красноглиняный гончарный сосуд.

5. Два скопления железных наконечников стрел. Всего 18 наконечников. Наконечники черешковые двухлопастные. Выделяются три типа, согласно классификации А. Ф. Медведева. Семь относятся к клиновидным или «классическим» – тип 40, датируемый X–XIV вв. [*Медведев*, 1966, с. 64, 67, табл. 30б, рис. 36]. Второй тип – «фигурнолистные» или «пламевидные» (всего 1), соответствует типу 71 и датируется XIII в. [Там же, с. 77, 7, табл. 30в, рис. 62]. Третий тип – крупные наконечники, плоские в сечении, с ланцетовидным острием – «срезни в виде узкой вытянутой лопаточкой» (3 шт.), относятся к типу 67 и датируются XIII–XIV вв. [Там же, с. 75, 76]. Один наконечник соответствует типу 61 [Там же,

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.224-226

с. 73, табл. 30в, рис. 58] – «остролистный». Подобные наконечники имеют широкий диапазон бытования с X по XIV в. Один наконечник близок типу 82 [Там же, с. 81, табл. 30г, рис. 83] – «килевидный сплющенный с шейкой», хотя исследователь ограничивает их применение X в. Два фрагмента соответствуют варианту 7 типа 60 – «двурогие срезни с упором», – характерному для XIV в. [Там же, с. 72, табл. 30в, рис. 56]. Следы колчана не найдены.

5. Железный шлем найден в ЮЗ углу погребения. Шлем сфероконический, четырехчастный, относится ко II типу по классификации Р. Б. Схатума и имеет широкую датировку [*Схатум*, 2011, с. 191].

Курган 10. Высота 40 см, диаметр 7 м. В кургане обнаружены два погребения, совершенные в каменных ящиках в центральной части кургана и перекрывающие кромлех.

Погребение 1 длинной осью ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Крышка фрагментирована, просела внутрь ящика. Боковые стенки состояли из двух плит песчаника размерами ок. 1,0×0,4×0,03 м каждая. Размеры торцевых плит ок. 0,5×0,45×0,3 м. С обоих торцов ящик подпирают камни песчаника размерами 0,4×0,2×0,11 м, по 2 с каждой стороны. В заполнении в сев. части ящика фиксировалось большое количество древесных углей. Других находок не было.

Погребение 2 длинной осью ориентировано по линии З–В. Крышка фрагментирована, просела внутрь ящика. Сохранились обе торцевые стенки и одна боковая (юж.). Сев. боковая стенка ящика не прослеживалась. Не исключено ее отсутствие, так как плиты перекрытия опирались непосредственно на камни, подпирающие юж. боковую стенку ящика погребения 1. В ЮЗ углу ящика зафиксированы костный тлен и несколько молочных зубов человека. В центральной и вост. частях ящика расчищено несколько фрагментов длинных костей человека. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой был ориентирован на ЗСЗ. В ногах погребенного найден красноглиняный гончарный сосуд.

Курган 18. Высота 47 см, диаметр 8 м. В ходе зачистки пространства внутри крепиды в сев. части на уровне погребенной почвы обнаружен красноглиняный гончарный сосуд. По-видимому, он являлся частью разрушенного погребения.

Курган 20. Высота 72 см, диаметр 7 м. В кургане обнаружено одно погребение, совершенное в центральной части внутри кольцевой крепиды на небольшой подсыпке из мелкого галечника. Оно представляло собой захоронение человека мужского пола возрастом 14–25 лет. Погребенный лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на ЗСЗ. Найден следующий инвентарь:

1. Фрагменты железного кинжала. Сохранились перекрестие, часть лезвия. Клинок был прямым. Сечение рукояти гарды овальное, плечики симметричные, опущены вниз под тупым углом. Кинжалы в составе снаряжения восточноевропейского воина распространяются с XIII в. [*Кирпичников*, 1966, с. 72–73]. Тогда же распространение получает и перекрестие ромбической формы с опущенными концами.

2. Фрагменты железной обкладки ножен кинжала.

3. Фрагмент железного ножа.

Полученный в ходе раскопок 2016 г. материал дополняет данные 2011 г., сужает датировку памятника до 2-й пол. XIII – XIV в. Могильник демонстрирует большое разнообразие погребальной обрядности в рамках довольно узкого хронологического периода, имеет большое значение для реконструкции средневековой истории адыгов.

Голубев Л. Э., Федосов М. Ю., Федосова Ю. Н., 2012. Раскопки двух средневековых курганов группы «Джубга 1» // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир; Краснодар; М. С. 154–174.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие (мечи и сабли IX–XIII вв.). САИ. Вып. Е1-36. Л.: Наука.

Кочкаров У. Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус. 176 с.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (лук, стрелы, самострел). САИ. Вып. Е1-36. М.

Схатум Р. Б., 2011. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII–XIV вв.) // Военная археология. Вып. 2. М.

Тешев М. К., 1972. Отчет о разведках археологических памятников Туапсинского и Лазаревского районов: 1971–1972 гг. // Архив Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края.

В. Н. Чхаидзе

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТАМАНСКОМ ГОРОДИЩЕ

Ключевые слова: средневековье, XIII–XVI вв., каменные ящики, византийские печати, османский период, генуэзский период

Таманская средневековая АЭ ИА РАН продолжила исследования на памятнике федерального значения Таманское городище (ст. Тамань Темрюкского р-на Краснодарского края), раскоп «Нагорный», юж. площади (XXXIII–XL). Площадь исследования составляет более 200 кв. м. Работы проводятся с 2010 г. [*Чхаидзе*, 2015; 2016; 2017].

В процессе работ исследованы кладки 8 (241), 10 и 12, вскрыты ямы 7, 8, 9, 10, вымостка 4. Разобраны каменные фундаменты дома 1, датированного кон. XIX – нач. XX в. Прорезанная домом 1, уходящая в слой кладка 11 относится к XIII–XIV вв., ее доследование предстоит в дальнейшем.

Вост. часть территории раскопа с XI в. использовалась под кладбище. Здесь был разобран каменный ящик 2, исследованный в предыдущие годы. Среди камней, составлявших ящик, выявлена расколотая на две части ступа из ракушечника и основание мраморной колонны.

В коллекции находок – фрагменты турецкой керамики XVI–XVII вв., в том числе производства Кютахьи и Изника, но в основном преобладают фрагменты поливной посуды XI–XIII вв., амфор с высоко поднятыми

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.226-227

ручками XIII–XIV вв., воротничковых амфор X–XII вв., высокогорлых кувшинов с плоскими ручками VIII–XI вв., фрагменты горшков, кувшинов и пифосов VIII–XIV вв., черепица VIII–XI вв.

Среди нумизматического материала выделяются херсоно-византийские бронзовые монеты IX в., а также генуэзские аспры XIII в.

Среди подъемного материала, собранного в акватории Таманского залива под городищем, следует отметить медный односторонний крестельник XI–XII вв., изготовленный по модели креста-мощевика. Выявлены 18 византийских свинцовых печатей X–XII вв., среди которых выделяются моливдовулы: Георгия Цулы, императорского протоспафария и стратига Херсона (нач. XI в.); Георгия Врахамия, протопроэдра и стратига (2-я пол. XI в.); Проэдра (архиепископа) Зихии (XI в.); частная печать Стефана (XI–XII вв.) с редкой композицией, изображающей Богородицу Агиосоритиссу, молящуюся с воздетыми руками.

Открытый на раскопе «Нагорный» фрагментированный слой датируется XIII–XV вв. – генуэзским, а впоследствии – османским периодом истории Матрики – Тамана.

Близ городища зафиксирована фрагментированная мраморная плита с надписью фиасов (семь строк вверху и одна внизу) ок. II в. до н. э. Плита используется в качестве нижней ступени лестницы в погребе.

Чхаидзе В. Н., 2015. Исследования Таманского городища (раскоп «Нагорный») в 2010–2013 гг. // АО 2010–2013 гг. М. С. 437–440.

Чхаидзе В. Н., 2016. Исследования Таманского городища // АО 2014 г. М. С. 214.

Чхаидзе В. Н., 2017. Исследования Таманского городища (раскоп Нагорный) // АО 2015 г. М. С. 245–246.

РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ

С. М. Осташинский, Е. А. Черленок

РАБОТЫ В НАВЕСЕ МЕШОКО

Ключевые слова: энеолит, промывка культурного слоя, жилище, керамика, ретушь

Начиная с 2011 г. Закубанская экспедиция ГЭ при участии Санкт-Петербургского ГУ ведет изучение скального навеса Мешоко. Этот многослойный памятник расположен на левом берегу ручья Мешоко (правый приток р. Белая) в предгорной части Майкопского р-на Республики Адыгея недалеко от п. Каменномостский. В 2016 г. было продолжено исследование пятого слоя, относящегося к позднеэнеолитическому времени (ок. 3800–3600 до н. э.).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.227-229

Всего вскрыто ок. 72 кв. м. На этой площади разбиралась нижняя часть энеолитических отложений. В СЗ участке раскопа исследовалась прослойка необожженной глины медового цвета. Выяснилось, что под ней находится поверхность желтой необожженной глины. Предположительно, эти объекты являются остатками пола подпрямоугольного жилища, который периодически подновлялся.

В ходе работ обнаружено более 5 тыс. находок. Большую часть составляют фрагменты сосудов, зафиксированные в количестве 3775 экземпляров, ок. 3% из них украшены типичным для энеолита жемчужным орнаментом, представляющим собой выдавленные изнутри небольшие округлые выпуклины. Реже встречаются другие приемы орнаментации. Так, прочерченный орнамент обнаружен на 24 фрагментах, налепной криволинейный – на восьми, в одном экземпляре найдены фрагменты стенок сосудов, украшенные неглубокими округлыми и ногтевидными вдавлениями.

Среди индивидуальных керамических находок необходимо отметить фрагменты небольшого сосуда тюльпановидной формы. Подобные изделия среди керамического комплекса навеса еще не встречались. В качестве некоторой аналогии можно указать первый тип сосудов из поселения Свободное на Кубани, но здесь они отличаются более крупными размерами [*Нехаев*, 1992, с. 93, рис. 8: *1–2*].

Вторая интересная находка представляет собой сохранившееся целиком горло сосуда с прочерченным орнаментом. Особенности его формы позволяют предполагать, что эта находка может являться частью двугорлого сосуда (реконструкция Ю. Ю. Пиотровского). Данный тип керамики имеет широкое территориальное и хронологическое распространение: он известен в неолите и энеолите Ближнего Востока, в лейлатепинской культуре Азербайджана, в памятниках майкопской культуры эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Однако в материалах энеолитической культуры Северо-Западного Кавказа подобная форма обнаружена впервые.

Наиболее редкими среди находок являются металлические изделия, представленные двумя неопределимыми фрагментами и целым шилом четырехгранного сечения. Как показывают результаты анализа, все они изготовлены из чистой меди с небольшой естественной примесью мышьяка (определения С. В. Хаврина).

Коллекция кремневых изделий этого сезона (864 экземпляра) отличается от предыдущих большим количеством геометрических микролитов (в основном, обнаружены в ходе промывки культурного слоя). Всего выявлено 8 предметов: три сегмента, четыре треугольника и одна трапеция. Микролитические орудия в виде треугольников найдены на памятнике впервые. Они, как правило, обработаны двусторонней приостряющей ретушью. Аналогии подобным изделиям в энеолитических материалах Северо-Западного Кавказа нам пока не известны, поэтому резонно поставить вопрос о выделении нового типа геометрических микролитов. Как треугольники, так и сегменты в основном найдены на границе энеолитического слоя и нижележащих отложений.

Украшения представлены разными типами и изготовлены из различных материалов (обнаружены в ходе промывки культурного слоя). Изде-

лия из кости представляют собой подвески из зубов животных, бусину и пронизки. Кроме того, найдены четыре керамические бусины бочонковидной формы с узким отверстием и три шлифованные бусины из камня зеленоватого цвета. Но наибольшее количество украшений, обнаруженных в этом сезоне (42), представляет собой мелкий бисер диаметром от 2,5 до 4,5 мм. Бисерины имеют цилиндрическое или, реже, биконическое сечение. Они были изготовлены из камня, близкого по свойствам энстатиту (определения К. С. Чугуновой и И. А. Григорьевой). Из этого же материала были сделаны и две более крупные бусины. Аналогичные экземпляры встречались при исследовании навеса и ранее [*Осташинский, Черленок*, 2016, с. 49, рис. 1: *3*], а также известны на поселении Мешоко.

В заключение необходимо отметить, что значительная часть находок получена в результате промывки. Применение этой методики позволило обнаружить обугленные зерна злаковых, по-новому оценить кремневую индустрию памятника, а также за один сезон сформировать представительную коллекцию украшений энеолитического времени.

Нехаев А. А., 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // АВ. № 1. СПб. С. 76–96.

Осташинский С. М., Черленок Е. А., 2016. Комплекс энеолитических украшений из навеса Мешоко (по результатам работ 2011–2015 гг.) // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко. СПб. С. 49–52.

РЕСПУБЛИКА КРЫМ

Н. И. Винокуров

ИССЛЕДОВАНИЯ АРТЕЗИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МПГУ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Ключевые слова: городище, цитадель, слой пожара, пифос, ГИС-технологии

Артезианская АЭ продолжила планомерные работы на территории Ленинского р-на Республики Крым. В зап. части траншеи выборки стены 194 выявлена каменная выкладка из квадров в виде горизонтальной площадки, выложенной в прямоугольном котловане на дне траншеи ниже уровня камней фундамента стены. Она повторяла правильную форму котлована. Ее размер в плане 4,40×2,75 м, а площадь достигала 12,1 кв. м. Платформа занимала всю ширину строительной траншеи (СТ) 194. Конструктивно она не отличалась от системы кладки вост. отрезка

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.229-230

стены 194, но ее расположение ниже камней фундамента потребовало объяснений. Первое предположение, что несколькими ярусами квадровой кладки (по меньшей мере, выявлено их два) древние строители компенсировали некое понижение в рельефе или забутовали таким образом колодец, оказалось несостоятельным, так как ничего подобного проследить не удалось. Однако обращали на себя внимание значительный износ верхней части квадров, сколы углов, заметные повреждения горизонтальных поверхностей и боковых граней. Вполне допустимо, что данную квадровую площадку использовали для установки подъемного устройства. Не противоречит этому предположению и обнаруженная в одном из квадров подквадратная выемка для установки вертикальной стойки, которая могла быть использована в конструкции подъемника. Дело в том, что глинисто-песчаный грунт, в котором были выкопаны траншеи под фундамент ранней цитадели, очень неустойчив, на нем было невозможно установить надежным образом тяжелый подъемник. По-видимому, для этого и потребовалась такая мощная квадровая платформа.

В примыкающем с С к цитадели квартале был частично вскрыт полуподвал 4 с вкопанными на разную глубину пифосами, открытый в 2015 г. Полуподвал 4 был разрушен до гибели крепости в момент первого вражеского штурма, время которого укладывается в узкий промежуток 45–46/47 гг. Руины полуподвала перекрыты углисто-черным слоем пожара 2 незначительной мощности. В горелом слое сохранились остатки сгоревшей крыши с соломенным или камышовым покрытием, угли от балок, большое количество морских галек, околотых и пережженных. Все гальки обнаружены снаружи крепостной стены ранней цитадели. Они, очевидно, использовались в качестве метательных снарядов штурмующими. Важно отметить, что пифосы из хранилища 4 были извлечены до пожара. На месте остались только те сосуды, которые лопнули при неосторожном выкапывании.

В процессе раскопок в сев. части раскопа III расчищено продолжение подпорной стены 65/66 – контрфорса 209, построенного при царе Савромате I во время реконструкции цитадели. Он повторял контур стен и башен крепости и частично перекрыл полузасыпанный ров. Контрфорс сооружен из больших квадров и блоков, сложенных пирамидально, насухо, по однолицевой постелистой ложковой системе, однослойной, однорядной схеме.

На базе Артезианской АЭ успешно проведены археологическая практика студентов МПГУ, а также, в ходе совместной экспедиции «Кредо 2016» – геодезическая практика студентов из различных вузов России и Белоруссии. Во время практики прошла апробация передовых ГИС-технологий на городище и некрополе Артезиан, включая прилегающие к памятнику пространства на площади ок. 167 га, которые вошли в территорию историко-культурного заповедника «Урочище Артезиан в Крымском Приазовье» в рамках Восточно-Крымского историко-культурного МЗ. С помощью навигационных систем восстановлена сеть реперов. Новые опорные пункты, необходимые для чертежных и привязочных работ, были забетонированы. Специалистами компании «Кредо-диалог» полностью сделана цифровая ГИС-модель Артезиана, городища и некрополя.

А. В. Катцова

РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА НА ТЕРРИТОРИИ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА КИТЕЙ

Ключевые слова: зольник, керамика, амфора, клеймо, I–III вв. н. э.

Китейская АЭ ГЭ начала работу на территории античного городища Китей, расположенного на ЮВ Керченского п-ва близ населенного пункта с. Заветное (Ленинский р-н Республики Крым).

Основное внимание уделено исследованию зольного холма, расположенного в центральной части городища. Раскоп общей площадью 150 кв. м разбит на вершине зольной насыпи близ береговой линии. Общая мощность выявленных напластований составила ок. 2 м. После раздерновки по всей площади раскопа открыт слой рыхлого серого суглинка мощностью 0,2–1,9 м. При разборке слоя зафиксировано множество керамических обломков античного периода, а также предметов, относящихся к военному времени. Находки керамики представлены различными обломками толстостенной посуды, многочисленными фрагментами амфор, обломками расписной и простой столовой красноглиняной посуды, кухонной и лепной керамикой. Среди находок зафиксированы обломки клейменой амфорной тары производства Синопы и Херсонеса, фрагменты посуды с граффито. Также обнаружены оселки, грузила, пряслица. Изделия из бронзы представлены браслетом с наконечниками в виде голов змей, миниатюрным долото. Среди находок можно упомянуть фрагмент терракоты в виде мужской головы, костяную пронизку, фрагментированный лепной светильник и обломок постамента статуэтки египетского фаянса, а также две монеты III в. К сожалению, весь представленный материал происходит из переотложенных напластований – грабительских перекопов и укреплений времен ВОВ. Первой находкой прошедшего сезона стала икона с изображением Николая Чудотворца.

Под переотложенными напластованиями по всей площади раскопа, исключая лишь небольшой участок вдоль сев. борта, открыт слой желто-коричневого суглинка с включениями створок мидий. Напластования насыщены многочисленными прослойками пепла различной мощности и протяженности, фрагментами сырца и печины. При разборке слоя выявлены скопления раковин мидий, зафиксированы развалы амфорных сосудов, отмечены скопления амфорных стенок и печины, выявлена прослойка камки. Также обнаружен скелет собаки, зафиксированы позвонки и череп животного.

При разборке слоя зольника отмечена высокая его насыщенность находками. Общая численность материала достигла 20 675 обломков керамики и 130 фрагментов черепицы. Зафиксированы обломки костей животных и рыб. В верхних слоях превалировал амфорный материал I–II вв. н. э., отмечен материал III в. н. э. По мере понижения уровня раскопа среди находок отмечены обломки родосских, книдских, синопских

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.231-233

и гареклейских амфор. Обнаружены фрагменты ручек с клеймами таких центров, как Синопа, Херсонес, Менде и Родос.

В составе керамических находок зафиксирована расписная и столовая посуда. Краснофигурная керамика представлена несколькими фрагментами открытых сосудов с неясным изображением. Среди обломков краснолаковой и буролаковой посуды зафиксированы фрагменты с частью граффито или клейма, обнаружен фрагмент дна открытого буролакового сосуда с граффито ΔΙΟΣΚΟΡΟΥ. Большинство обломков краснолаковой посуды принадлежит к так называемой понтийской сигиллате и могут быть отнесены ко II в. н. э. В нижних слоях исследуемого участка обнаружены незначительные обломки сероглиняных мегарских чаш с растительным или геометрическим орнаментом.

Наибольший процент неамфорного материала занимают обломки простой столовой керамики, зафиксированы обломки кухонной и лепной посуды. Количество находок лепной посуды сравнимо с обломками красноглиняной керамики. При разборке слоя обнаружены обломки терракот, среди которых отдельного внимания заслуживают: фрагмент терракоты в виде женской фигуры, выполненный из глины, характерной для лепной посуды, с примесью шамота, и фрагмент терракоты в виде женской головы со следами черного и красного лака, сохранившегося возле век и на прическе. Высота сохранившегося фрагмента чуть больше 10 см.

В слое зольника найдены ткацкие пирамидальные грузила с одним или двумя отверстиями, пряслица и керамические пробки. Встречаются находки с прочерченным граффито и орнаментом, выполненным по сырой глине. Обнаружены изделия, выполненные из дна буролаковых сосудов с просверленным отверстием в центральной части.

Изделия из кости представлены шлифованными астрагалами и фрагментами накладки с изображением волюты и части пальметки.

Среди каменных изделий выделим фрагмент мрамора со следами обработки. Здесь же отметим еще одну находку – переносной небольшой алтарь, выполненный из известняка. Также обнаружены различные изделия из металла, монеты, фрагменты светильников различных типов.

В ЮВ части раскопа в слое зольника обнаружена Яма 1/2016. Исследована не полностью – юж. ее часть уходит в юж. борт, вост. частично повреждена перекопами. Заполнение – пепельный слой с прослойками желтого суглинка. При разборке строительного комплекса обнаружены обломки амфор, столовой, кухонной и лепной посуды. Среди находок следует выделить фрагмент горла кувшина с неясным дипинто красной краской, фрагменты курильниц, выполненных из сырой глины.

В ЮВ части исследуемого участка, вдоль вост. и частично юж. бортов, открыт слой коричневой супеси, отличный от зольных напластований. Исследованная мощность слоя составила 0,15–0,9 м. В ходе проведенных работ обнаружен немногочисленный керамический материал, представленный обычным для античных памятников набором керамики. Это обломки амфорной тары, фрагменты краснолаковой и буролаковой, красноглиняной и сероглиняной, кухонной и лепной посуды. Немногочис-

ленные профильные фрагменты представлены обломками венчиков поздних синопских и красноглиняных амфор с ребристыми стенками, зафиксирован обломок IV в. В ЮВ части раскопа в слое коричневой супеси зафиксирована двухфасная кладка, идущая по направлению СВ–ЮЗ, сложенная из камней, средний размер которых равен 0,28×0,16, 0,30×0,20, 0,22×0,18 м. Сохранившаяся длина объекта составляет 2,5 м, ширина – 0,8, открыта на два ряда. Кладка перекрыта слоем коричневой супеси, основание стоит на напластованиях желто-коричневого суглинка.

В настоящее время зольник античного городища Китей принято считать наиболее масштабным из известных памятников подобного рода на территории Северного Причерноморья. Исследованные слои могут быть предварительно датированы I–III вв. Полученные материалы позволяют расширить наши знания о зольных насыпях римского времени, внести дополнения и коррективы в вопрос интерпретации данных объектов.

А. Е. Кислый

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРЧЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РАН

Ключевые слова: каменская культура, эпоха ранней бронзы, лощеная керамика, погребение, святилище

Продолжены раскопки поселения эпохи ранней бронзы Глейки II на СВ окраине г. Керчь (Керченский п-в, Республика Крым, непосредственно у Керченского пролива, к ЮЗ от мыса Фонарь). Поселение Глейки II является единственным памятником такого типа в Крыму. Критическое состояние его сохранности требует продолжения охранных работ, он находится в зоне оползней наиболее опасной части Керченского пролива.

В урочище у м. Фонарь располагались два памятника – поселение Глейки I и Глейки II. Поселение Глейки I каменской культуры Восточного Крыма открыто В. В. Веселовым в 50-х гг. прошлого века. Поселение Глейки II, хронологически более раннее, впервые обследовано и описано А. Е. Кислым в 90-х гг. Размещено к З и ЮЗ от поселения Глейки I на сравнительно открытой местности.

Раскоп I. На территории ранее законсервированных квадратов X, XI, XII, XIII произошли обрушения грунтов вместе с укрепительной каменной стенкой. Территория была расконсервирована, основные работы проводились на кв. X, XI, XVI на различную глубину, наибольшая – до 2,45 м. Подпорная стенка возобновлена. В целом участки раскопок 2016 г. размещены в СЗ части поселения, на пологом склоне в центре долины, к С от глубокого рва, образовавшегося в 1998 г. в результате оползня. Сооружения с каменными конструкциями на поселении не найдены.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.233-235

Керамика поселения лепная, отличается от основной массы керамики каменской культуры и от основных известных типов керамики энеолита – бронзы Крыма. Отдельные аналогии можно найти, но все же керамический комплекс поселения весьма своеобразный. Примеси в тесте могут быть аналогичны каменской керамике, однако чаще всего она более хрупкая, с большей примесью морского песка. Наличие значительной доли примесей раковин связано с необходимостью формирования крупных сосудов, когда глиняная масса должна быть хорошо подготовлена, отощена и иметь хорошее внутреннее армирование. Одновременно среди глейковской керамики есть и плотная, отмученная, более однородная с небольшой примесью ракушки. Такая керамика несколько напоминает кемиобинскую. Майкопская отличается от первой и второй более однородным обжигом и обработкой поверхности.

Внешняя и внутренняя поверхности всех форм преимущественно тщательно обработаны – до блеска залощены или подлощены, заглажены. Обжиг неравномерный. Внешне сосуд может быть черного цвета с серыми или красными пятнами, внутри – черный, красно-желтый. Большая часть сосудов качественной выделки, значительно лучшей обработки, чем посуда степных культур энеолита – бонзы. Орнамент крайне редко встречается – это нечеткие каннелюры (иногда подобные широкой полосе заглаживания) при переходе от шейки к тулову горшка. В этом же месте иногда располагается малозаметный оттянутый валик. Еще более редкие и невыразительные фрагменты имеют прочерченные линии или отпечатки перевитой тесьмы. Формы посуды разнообразны, особенностью в сравнении с собственно степными культурами является керамика с шаровидным туловом, плоским или закругленным дном, кубкообразной формы.

Особый интерес представляют погребения, сделанные в культурном слое поселения, вероятно связанные с какими-то племенными стычками. Погребальные ямы не прослеживаются, скелеты иногда неполные. В 2016 г. обнаружено погребение 4, на площади кв. XVI в культурном слое по камням заклада. Заклад – бесформенные рваные камни известняка-ракушечника, уложены прямо на скелет на верхней части площадки, представляющей собой, вероятно, мусорную (культовую?) свалку.

Погребенный лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на СВ–В. Завален вниз, в вост. сторону, по наклонной поверхности, на которой осуществлялось положение трупа. Череп на 0,2 м ниже кистей ног, левое плечо ниже правого. Таз завален влево. Ноги вытянуты, впечатление, что сведены судорогой. Левая рука вытянута, кисть, вероятно, была сжата. Плечевая кость правой руки направлена вдоль туловища, локтевая кость направлена к локтевой кости левой руки, кисть сжата в кулак. Череп запрокинут назад. Скуловая кость перебита камнями заклада. На верхней части левой плечевой кости находился каменный дисковидный терочник диаметром 8 см. В области живота – скопление мелких рыбных костей. Общее положение скелета, костей рук и черепа может свидетельствовать, что погребенный умер насильственной смертью, возможно был забит камнями. Терочник представлял собой предмет, связанный с его деятельностью, положен или просто кинут на труп. Возраст adultus, до 30 лет.

Объект «Святилище» находился у скалы-останца коренной породы (40), разграничивающей нижнюю часть поселения (одну из террас, кв. X–XVI) и верхнюю (кв. XVII–XIX). Площадка для «действ» святилища (закрытая или открытая?) располагалась к ЮВ от скалы. Заметим, на площадке в 2015 г. обнаружена глиняная статуэтка животного (свинья?) и фрагмент чаши из человеческого черепа. Далее, в этом же направлении в 12 м от скалы устроен был алтарь, исследованный в 2011–12 гг. Видимая часть скалы-останца со стороны кв. XI имеет форму выступающего вверх неправильного полукружия, подобно выступам на антропоморфных неолитических стелах, и имеет размеры: видимая часть у основания – 2,30 м, у завершения сверху – до 1,8 м; высота – 2,5 м. Поверхность скалы-останца сверху залощена и заглажена в результате использования.

Внизу, у основания скалы-останца, с ее ЮВ стороны был поставлен в прислоненном положении к плоскости скалы сравнительно небольшой блок природного камня (43) в целом подтреугольной формы – алтарик (высота 0,65 м, ширина 1,1 м, верхняя площадка – 1,1×0,25 м) с площадкой для возлияний сверху. Нижняя часть на 0,05 м впущена в щебенисто-глинистую брекчию с остатками культурного слоя. В средней части площадка имела углубление неправильной формы до 0,04 м глубины, более открытое в сторону скалы. В случае возможных возлияний жидкость должна была стекать в сторону скалы. В этом месте, возможно, были строения, разжигались разной силы кострища, но привязкой всех действий служила скала 40, величественно выступающая на границе верхней и нижней части поселения.

В результате раскопок сложнейшего участка, подверженного оползням, получены новые, порой уникальные материалы о хозяйственной деятельности и верованиях жителей поселения, их контактах с местными племенами.

Н. В. Кузина

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА

Ключевые слова: Узунларский вал, башня, поселение, некрополь, магнитная разведка

Сотрудником Нижегородского ГУ им. Н. И. Лобачевского проведена археологическая разведка без осуществления локальных земляных работ на территории Ленинского р-на Республики Крым (бассейн Азовского моря). Работы проводились на базе Восточно-Крымской АЭ ИА РАН и на основании Генерального соглашения о сотрудничестве между ИА РАН и Нижегородским ГУ им. Н. И. Лобачевского.

Протяженность маршрута с З на В составила в целом ок. 40 км. Зап. точка маршрута – это сев. участок Узунларского вала в окрестностях

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.235-237

с. Новониколаевка. Здесь визуально обследована башня Казан 1, расположенная к СВ от кладбища упомянутого населенного пункта в ур. Казан. Башня находится на вершине каменистого хребта к С от грунтовой дороги, к В от Узунларского (Киммерийского, Аккосова) вала и непосредственной близости к З от бетонной площадки под вышку ветряной электростанции. История изучения этого крупнейшего земляного погранично-оборонительного сооружения подробно изложена в монографии А. А. Масленникова [*Масленников*, 2003]. Работая над изучением вала, исследователь описал и этот объект, а также осуществил зачистку фрагмента каменной кладки в зап. склоне вала напротив него и также опубликовал результаты магнитной разведки [*Масленников*, 2003, с. 97–100]. Визуальное обследование объекта в полевом сезоне 2016 г. позволило уточнить его границы. Размеры самой башни составляют 20×20 м, площадь объекта с учетом прилегающего пространства составляет 990 кв. м. В вост. части культурный слой был нарушен при строительстве площадки под вышку. В обнажении грунта четко читается фрагмент каменной стены. Также здесь собран подъемный материал античного времени, представленный восьмью стенками лепных сосудов, четырьмя стенками красноглиняных амфор, семью стенками тонкостенных красноглиняных сосудов.

Далее маршрут пролегал на С к окраине с. Золотое. На окраине деревни осмотрен известный археологический памятник – античное поселение Золотой Берег, открытое в 1953 г. И. Т. Кругликовой. Дальнейший маршрут пролегал вдоль Караларского побережья (территория природного парка «Караларский»), насыщенного разнообразными археологическими памятниками. Внимание было сосредоточено на обследовании СЗ района Караларского побережья – ур. Сююрташ, где располагаются поселения Золотое Восточное (2-я четв. III – рубеж II–I вв. до н. э.), Золотое Восточное в бухте (III в. до н. э. – VI н. э.), некрополь и несколько сакральных объектов, связанных с указанными поселениями и исследованных ранее [*Масленников*, 1998, с. 175–180, 263–267; 2007, с. 351–371]. Здесь были вновь осмотрены господствующие возвышенности приморской гряды – горы Большой и Малый Чобан абсолютной высотой 96 и 92 м. Детальному визуальному обследованию было подвергнуто плато на приморском мысу к СВ от сопки Большой Чобан (раскопками 2006 г. здесь частично открыт теменос) [*Масленников*, 2007, с. 372–405]. В ходе обследования плато выявлено несколько объектов. В 47 м к Ю от упомянутого выше «теменоса» отмечено небольшое всхолмление (10×5 м), его дневная поверхность умеренно задернована, местами с известняковыми камнями. На дневной поверхности встречается достаточное количество раковин морского гребешка, характерных для подсыпок в античных сельских святилищах Крымского Приазовья. К З от упомянутого святилища, по направлению к обрыву, также зафиксированы три небольших всхолмления (зольников) диаметром ок. 7 м или чуть больше, но менее значительные, чем отмеченный выше. Примечательным является присутствие раковин моллюсков, мелких невыразительных фрагментов стенок лепных сосудов. Среди фрагментов керамики примечательны находки донца красноглиняного закрытого сосуда и два

фрагмента терракот, один из которых представляет собой часть женской головки (богини) в высоком головном уборе (калафе). Проведенное обследование ближайших окрестностей известных археологических памятников ур. Сююрташ позволили выявить объекты (зольники), расположенные на вершине к С от горы Сююрташ и, вероятно, связанные с располагавшимся там теменосом и поселением Золотое Восточное в бухте.

На В маршрут завершает участок, примыкающий к линии Чокракского вала – вала Бескровного – обширное плато к ЮВ от оз. Чокрак, с ЮВ ограниченное ур. Бабчикская балка, с СЗ и ЮЗ – современной грунтовой дорогой. Здесь осуществлено визуальное обследование трех невысоких сопок и всхолмлений в непосредственной близости от пограничных сооружений. Выделено три объекта, подвергнутых детальному исследованию, включающему методы геомагнитной разведки. Два объекта определены как археологические, относящиеся к античному периоду. Один из них представляет собой овальную в плане курганоподобную насыпь высотой ок. 2,1 м, ее ширина в основании по линии СВ–ЮЗ ок. 20 м и 15 м по линии З–В. Растительный покров на дневной поверхности «насыпи» отличается от окружающего растительного ландшафта преобладанием степной полыни на фоне степных злаков и ковыля. Грунт, образующий холм, – мягкий, с небольшим количеством мелких известняковых камней, дневная поверхность нарушена норами животных. Аномалии, выявленные при проведении магниторазведки на данном объекте, по мнению С. Л. Смекалова, могут быть связаны с зольником и присутствием остатков строительных конструкций из известняка. Не исключено, что с описанным объектом также связана и курганообразная насыпь (условно «Курган»), расположенная примерно в 10 м к СВ от него. Очертания данного холма в плане приближаются к кругу, его диаметр в основании – ок. 20 м, высота – 1,8 м. На вершине «всхолмления» отчетливо прослеживается развал некрупных известняковых камней. При визуальном обследовании участка, включающего описанные объекты, на дневной поверхности собран подъемный материал, представленный фрагментами красноглиняных амфор, датирующийся в пределах IV–III вв. до н. э. Среди находок отметим два венчика красноглиняных амфор; фрагмент горла амфоры с фрагментом овальной в сечении ручки; пять фрагментов овальных в сечении ручек светлоглиняных и красноглиняных амфор; а также фрагмент стенки красноглиняной амфоры с верхним прилепом овальной в сечении ручки из оранжевой глины с песком. Кроме того, на дневной поверхности участка (включая прилегающую грунтовую дорогу) собраны пятнадцать фрагментов стенок красноглиняных амфор. Описанные объекты можно отнести к вновь выявленным.

Масленников А. А., 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены // Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик. 304 с.

Масленников А. А., 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К. 280 с.

Масленников А. А., 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К. 564 с.

И. В. Рукавишникова, М. Ю. Меньшиков

ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ТАСУНОВО 7

Ключевые слова: IV–III вв. до н. э., хозяйственная яма, усадьба, керамика, клеймо

Отрядом Восточно-Крымской АЭ предприняты работы на поселении Тасуново 7 в Ленинском р-не Республики Крым на территории прохождения планируемой трассы строящегося газопровода.

Работы носили спасательный характер, раскопки проведены на площади, ограниченной охранной зоной траншеи – места прокладки трубы. Полевые исследования осложнялись наличием охранной зоны существующего газопровода 1999 г., проходящего параллельно проектируемому. Территория, включающая в себя остатки распаханного памятника, была повреждена строительной техникой до археологических работ: частично снят пахотный горизонт с остатками наземных сооружений.

Поселение известно по работе А. Л. Ермолина [*Ермолин*, с. 148, 150, рис. 15: *2*], в которой описан район вблизи п. Горностаевка и д. Тасуново; здесь разведаны и в разные годы изучались поселения, укрепления и могильники, относящиеся к бронзовому веку, античному времени и Средневековью. Памятник представляет собой поселение в несколько гектаров, относящееся к эпохе Боспорского царства, расположенное на территории, ограниченной валами, описанными в работе А. Л. Ермолина. Поселение находится в глубине полуострова на открытой равнине, пригодной для развития сельского хозяйства. Площадь памятника включает несколько распаханных всхолмлений, вероятно построек. В пахоте видны выходы рваного камня и фрагменты античной керамики.

Памятник хронологически относился к одному периоду бытования и может быть датирован кон. IV – нач. III в. до н. э. по керамическому комплексу, клеймам, найденным монетам и инвентарю. В пределах трех раскопов расчищены и исследованы остатки вымосток и фундаментов каменных конструкций, три полуземлянки, а также 51 столбовая и хозяйственная яма. Эти сооружения относились к трем отдельным комплексам – «домам» или усадьбам. Постройки в значительной мере разрушены в результате запустения, распашки и выборки камня. Полученная коллекция предметов и керамических форм – документированный комплекс материалов сельского поселения Древнего Боспора.

В результате проведенных раскопок изучена площадь ок. 3000 кв. м, включающая три раскопа. Первый раскоп, самый обширный, шириной до 20 м, заложен в месте максимальной концентрации рваного разрушенного камня и мест обнажений плит фундаментов. В пределах основной площади раскопа (ок. 1250 кв. м), выявлены остатки фундаментов одной усадьбы, возможно относящиеся к двум строительным периодам. Одной из интересных находок был фрагментированный стеклянный литик с изображением грифона (рис. 41).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.238-239

Второй раскоп, заложенный в единой системе с первым, включил в себя лишь юж. край вымостки сооружения и развала каменной конструкции, расположенной к С от охранной зоны прокладываемой трубы.

Третий раскоп находился в 240 м к СВ от раскопа 1 в месте концентрации развала строительных остатков и керамики. Здесь была вскрыта часть другого комплекса сооружений поселения.

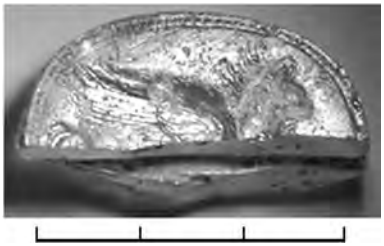

Рис. 41

Таким образом, исследования в 2016 г. проходили на площади трех поселенческих комплексов – «домов» – трех комплексов построек античного времени, относящихся к сельскому поселению.

Найденная и исследованная коллекция античной керамики и орудий труда, монет, украшений – это предметы быта рядового населения сельской округи Древнего Боспора.

Поселение было заброшено, так как многие комплексы изделий были найдены заваленные камнями построек.

Была получена коллекция археозоологического материала. Пястные кости лошадей фиксировались между камнями фундаментов. В яме 43 находились скопления костей лошади и барана. Среди разрушенных плит и сырца сооружения 10 найдена нижняя челюсть молодой женщины и несколько ребер лошади. Рядом находился железный нож с горбатой спинкой.

На основании дат амфорных клейм амфор Синопы (определения клейм к. и. н. Н. Ф. Федосеев), многочисленных профильных частей амфор, а также пантикапейских монет [*Зограф*, 1951] можно датировать памятник нач. IV – 1-й пол. III в. до н. э.

Ермолин А. Л., 2010. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. Т. 14. М.
Зограф А. Н., 1951. Античные монеты. МИА. № 16. М.

А. А. Супренков, А. А. Масленников, Н. В. Кузина

РАБОТЫ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Ключевые слова: поселение, городище, каменные сооружения, амфоры, клеймо, мегарская чаша, III–II вв. до н. э.

Восточно-Крымская АЭ ИА РАН продолжила раскопки ряда античных памятников в районе Крымского Приазовья. Основное внимание уделено исследованиям на **поселении I в. до н. э. Полянка**, расположенном

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.239-245

к З от центра с. Курортное, которые возобновлены с 2007 г. В основном в хроностратиграфическом отношении это трехслойный памятник. Самые ранние культурные напластования относятся, по-видимому, к рубежу 1-й – 2-й трети III – кон. II в. до н. э. и представляют собой повсеместно типичный зольно-мусорный грунт различной мощности и консистенции. Над ним или отчасти в нем были сооружены постройки следующего века, по крайней мере, трех строительных периодов. Собственно культурный слой этого времени весьма незначительный как по мощности отложений, так и по насыщенности находками. Над ними кое-где сохранились остатки неких построек раннесредневекового времени (VII–IX вв. н. э.?). Связанный с ними «горизонт» культурного слоя практически не прослеживается. Зато напластования «периода разрушения и запустения» поселения, а равно и последующего времени уже как бы неантропогенного происхождения достаточно представительны. Топографические особенности памятника определили некоторую специфику слоеобразования и основных принципов планировки застройки. В первом случае – это крутой склон скалистого холма, ограничивавшего долину с поселением с В и отчасти Ю. Во втором – террасное расположение строений с общим значительным уклоном к СЗ и З. Основной раскоп в 2016 г. был на площади 312,5 кв. м расширен к Ю и отчасти – З. Примыкавший к нему с СВ раскоп «Верхняя или восточная терраса» – к В (работы велись на площади ок. 100 кв. м).

В первом случае удалось открыть значительную часть относительно неплохо сохранившейся застройки в основном первого, а также второго и третьего строительных периодов поселения I в. до н. э. и остатки трех стен раннесредневекового периода. Грунт приблизительного «горизонта» их расположения содержал небольшое число соответствующих находок (обломки амфор и краснолаковой посуды). В целом же верхние (до заполнения помещений и прочих относительно закрытых замкнутых пространств) напластования культурного слоя (дерн, гумус, гумусированный суглинок и супесь разной степени плотности и цвета) при их мощности примерно от 0,25 до 0,5–0,6 м также были слабо насыщены находками. Преимущественно это измельченные и сильно измельченные фрагменты амфорной тары эллинистического периода (Синопа, Родос, Колхида, Косс и некоторые другие) и I в. до н. э. простой (чашки-миски, кувшины, лягиносы, горшки, кастрюли), лепной (горшки, миски, кувшины и кружки) и реже лаковой (чашки, кубки, канфары) посуды и немногочисленные кости животных. Индивидуальные находки практически отсутствовали.

Открытые строения представляли собой довольно значительный по площади участок первоначальной застройки поселения в его юж., ЮВ части. Они «кварталами-домами» располагались по обе стороны, по-видимому, основной улицы – въезду на городище, – которая шла с ЮВ на СЗ. С учетом раскопок только этого и предшествовавшего сезонов ее протяженность составила не менее 30 м. При этом ширина ее (участками) составляла от 2–3 м на СЗ до 3,5 м на ЮВ. Ее «рабочей» поверхностью служил, вероятно, специально выровненный «горизонт» предматерикового и материкового грунта (плотный, мелкий щебень и известняковая крошка

на глине или же довольно плотная глина), над которым образовался слежавшийся слой золистого, местами со щебнем и мелкими фрагментами керамики грунта или специально утрамбованной глины, также со щебнем и редкими керамическими обломками. Какое-либо мощение, даже из керамического боя, отсутствовало. Уровень поверхности улицы плавно, но заметно (следуя общему, естественному наклону рельефа местности) понижался к СЗ, что обеспечивало сток воды в указанном направлении. Более того, непосредственно вблизи одного из помещений, примыкавших к улице с «запада», имелся своего рода специальный водосток («ров-канава» в материке, окаймленный на дне поставленными на ребро плоскими камнями). Общий перепад высот на поверхности улицы (на открытом участке ее трассы), таким образом, составлял не менее 2 м.

«Кварталы» изначальной застройки условно к В от улицы были почти полностью открыты ранее. Исключение – две довольно солидные (шириной 0,75–0,85 м) и протяженные (6,5 и 3,5 м) каменные стены, являвшиеся «внешними» по отношению к двум довольно качественно вымощенным пространствам (дворам), также полностью открытым в истекшем сезоне. Примечательно, что, как и в прошлом году, в районе этих вымосток обнаружен весьма солидный обломок скалы, явно скатившийся с близлежащего скального массива, скорее всего, непродолжительное время спустя (его подстилал слой затекшего грунта толщиной до 0,2 м) после прекращения жизни на данном поселении.

С «запада» к улице примыкали еще три «дома-квартала» (раскопаны с разной полнотой), разделенные перпендикулярными к ней двумя переулками шириной ок. 1 м. Можно предположить, что первый «квартал» был в плане почти квадратным (8×8 м) и делился на три частично вымощенных «помещения», одно из которых (вост.) было двориком, куда с улицы вел вход с порогом шириной ок. 1 м. В юж. части дворика, вероятно, находилась яма, плотно заваленная заметно просевшими каменными плитами. В углу ЮВ помещения помещался очаг. Ширина внешних, довольно плохо сохранившихся стен этого «дома» составляла ок. 0,75–0,8 м. Две внутренние были несколько тоньше (до 0,6 м). В высоту они сохранились не более чем на 0,4 м. Два «горизонта» вымосток и пола демонстрируют соответствующие периоды бытования этой постройки. Из относительно немногочисленных находок заполнения этого «дома» упомянем несколько фрагментов терракотовой женской статуэтки (протомы?). К З от него располагалось весьма значительное (вскрыта площадь ок. 20 кв. м), достаточно качественно вымощенное большими плитами пространство. Не исключено, что по крайней мере еще один дом-квартал существовал к «югу» от описанного. Наличие же такового к «северу» совершенно очевидно. Однако он при ширине ок. 6 м и длине (условно с В на З) не менее 11 м имел совершенно иную планировку. В «восточной», примыкавшей к большой улице части имелось необычное, сегментовидное помещение с глинистым полом (внешний «радиус» ок. 4 м). Вход в него шириной ок. 0,55–0,6 м вел с ЮЗ как бы через позднее заложенный проход (шириной 1,6 м), открывавшийся в упомянутый переулок. Далее

к ЮЗ находилось второе почти квадратное в плане (5,5×5,5 м) помещение с частично мощеным (в СЗ части) полом и сегментовидным (радиус ок. 1 м, высота 0,55–0,6 м) возвышением, сложенным из различных по форме и размеру, но плотно уложенных камней. В районе указанной вымостки имелась загородка из двух поставленных на ребро плоских камней, а в СВ углу – некий камень с небольшим округлым углублением. Проход в это помещение располагался в его вост. стене и имел ширину ок. 0,94 м. Внешние стены помещения были, пожалуй, самыми высокими (до 1,2 м), толстыми (до 0,82 м) и тщательно сложенными в рассматриваемом «квартале». Между только что описанными помещениями находилось частично вымощенное (два слоя) пространство неправильной конфигурации. Вымостка эта была достаточно качественной и лежала на мощном массиве разнородных (не менее трех-четырех слоев) культурных напластований с находками, несомненно относившимися к сер. III – II в. до н. э., в том числе несколько амфорных клейм, медная монета и даже обломок каменного топора. На этом же слое стояли и упомянутые стены помещений данного «дома». Пока не ясно, где находился вход на втором этапе бытования. Зато совершенно очевидно, что «севернее», также через переулок шириной ок. 1,5–1,8 м, находился третий из указанных «домов-кварталов». В истекшем сезоне раскопан его «восточный» угол, образованный двумя весьма качественными и хорошо сохранившимися кладками стен. Их ширина – не менее 0,85 м. С учетом раскопанного ранее, размеры этого квартала были больше вышеописанных. Третий строительно-хронологический период на поселении представлен на раскопе в первую очередь еще одним участком «южной» оборонительной стены городища. Длина его 16,5 м, средняя ширина 1,5–1,6 м, сохранившаяся высота – от 0,5 до 1,1 м (больше на В). Она частично включила в свою кладку более ранние стены, но по большей части ее основание покоится на предматериковом грунте или на специальной подсыпке (засыпи переулка), включавшей в себя перемещенный грунт с немногочисленными разновременными находками. В районе большой улицы в стене имелся проход-калитка шириной 1,1 м. Он был довольно небрежно заложен различными по размерам камнями на глинистом грунте.

Еще один новый участок «западной» куртины той же стены аналогичной ширины и характера кладки (длиной ок. 4 м) открыт на небольшом (5×5 м) раскопе в зап. части основного. Сохранившаяся высота ок. 0,6–0,7 м. Стена также лежала на мощном (до 0,7 м) неоднородном массиве культурных напластований с находками эллинистического времени. От стен ближайшего квартала застройки I в. до н. э. ее отделяло свободное пространство шириной 3–4 м, нижний горизонт грунта которого также относился к указанному периоду.

Обращает на себя внимание, что в целом на раскопанном в 2016 г. участке находок, особенно датированных именно I в. до н. э., весьма немного и они малопримечательные. Скорее всего, это объяснялось тем, что часть городища, оставшаяся неприкрытой поздней оборонительной стеной, была еще до полного прекращения жизни на нем оставлена жителями.

На раскопе «Верхняя терраса» (75 кв. м) было полностью раскрыто пространство (помещение, двор?), являвшееся частью большого жилищно-хозяйственного комплекса все того же I в. до н. э. Подпрямоугольное в плане, оно имело площадь 4,57–4,6×8–8,22 м и было ограничено стенами, сложенными в технике обычной иррегулярной кладки из крупных и средних необработанных камней местного известняка на растворе желто-коричневой глины. Стены эти сохранились в высоту до 1,2–1,4 м при ширине 0,81–0,83 м и стояли на относительно плотном слое золисто-мусорного грунта предшествовавшего времени. СВ часть двора на площади ок. 6,4 кв. м была вымощена относительно крупными плитами, которые лежали на субструкции из желто-коричневой глины с известняковой крошкой. Грунт заполнения этого «помещения» был неоднородным, причем в нижнем горизонте, над вымосткой, – сплошной мощный (до 1,5 м) завал средних и мелких камней или золистого, серо-коричневого суглинка с ракушкой, мощностью до 0,5 м. На поверхности вымостки зафиксирована прослойка темно-серо-коричневого грунта с растительными остатками (протогумус?). Возможно, она образовалась в период запустения построек, до их окончательного разрушения. Находки отсюда: относительно немногочисленные фрагменты стенок амфор, тонкостенной столовой и лепной посуды. Среди индивидуальных – обломок подставки очага и кремневое орудие.

К СВ от описанного комплекса исследован верхний горизонт культурных напластований, представленный гумусным слоем, насыщенным щебнем и камнями. В нем частично выявлены развалы двух стен еще одного блока помещений. А к СЗ открыты остатки стен, вероятно относившихся к последнему строительно-хронологическому периоду. Раскрыто продолжение вымостки к С от помещения, исследованного в 2015 г., а также продолжение подпорной стены, ограничивавшей данную террасу с З. На уровне упомянутой вымостки зафиксирована довольно толстая золистая прослойка. В ней отмечается относительное преобладание фрагментов лепной керамики, в том числе небольшая лепная миска.

К С от этого участка частично выявлены остатки еще нескольких стен, принадлежавших более ранним постройкам и соотносимых как минимум с тремя строительно-хронологическими периодами в рамках того же горизонта. Из находок с данного раскопа упомянем несколько обломков «мегарских» чашек и амфорных клейм эллинистического времени, фрагмент горла лягиноса с частью граффито, грузила из амфорных ручек, кусочки свинца.

Кроме вышеизложенного в истекшем сезоне проведены раскопки на одной из приморских возвышенностей (г. Михалкова), расположенной между с. Курортным (мыс Зюк) и с. Войково (пригород Керчи). Здесь ожидалось наличие одной из сторожевых башен, характерных, как показали предыдущие исследования, для полевой фортификации Боспорского царства I в. до н. э. На курганообразном холме был заложен раскоп площадью 125 кв. м. Работы выявили наличие культурных напластований мощностью до 0,3–0,5 м, следы выборки камня, ямы (воронки) времени ВОВ. Был получен значительный керамический материал, в том

числе довольно значительное число обломков черепицы: соленов разной глины и желобчатых калиптеров. Амфорный и иной материал подтверждает вышеуказанную дату. Но собственно построек выявлено не было. *In situ* сохранился лишь один подпрямоугольный квадр юж. угла и небольшой «отрезок» ЮВ стены некоего сооружения с примыкавшей к ней снаружи довольно качественной вымосткой, а также следы обгорелого пола изнутри. Все остальные кладки и строительные остатки были выбраны, по-видимому, еще в древности, а также относительно недавно (упомянутые воронки, ямы новейшего времени и сооружение триангуляционного знака). С большим трудом и весьма приблизительно можно определить длину той стены: ок. 8,5 м.

В прошедшем сезоне работы на **городище Золоте Восточное (Сюрташ)** продолжались к Ю от основного раскопа на площади 150 кв. м. Дневная поверхность повсеместно была задернована и имела уклон к Ю и В. Стратиграфия представлена тремя основными слоями: светло-желтой супесью (слой 1), светло-серой золистой супесью (слой 2) и серой супесью с золой, ракушками мидий и большим количеством находок (слой 3). Максимальную мощность культурные напластования имели в зап. части раскопа и достигали вместе со слоем гумуса 2,4 м. К В же их толщина сокращалась, а наиболее насыщенный слой 3 пропадал.

Выявленные строительные остатки относились к нескольким периодам. К первому (соответствующему, скорее всего, периоду II для этой части городища в целом), вероятно, принадлежали полностью исследованные помещения 4 (часть которого была открыта в 2015 г.) и 5, расположенные в центре раскопа. Площадь первого составляла ок. 20 кв. м. Стены сохранились в высоту до 0,7 м. В вост. стене имелся проход шириной ок. 1 м, а полом служила прослойка серо-зеленой глины. В центре помещения зафиксирован небольшой, заглубленный ниже уровня пола очаг (яма 0,6×0,3 м), а еще один очаг располагался к В от прохода. Здесь вокруг поставленной на ребро известковой плиты также прослеживались следы горения.

В 5 м к Ю от этого помещения располагалось помещение 5. Максимальная высота его стен, при весьма низком уровне качества кладки, достигала 1 м (5 рядов кладки). В зап. также имелся проход шириной 0,8 м, ведший на небольшой дворик площадью до 4 кв. м, на котором расчищено два очага. Площадь этого помещения не превышала 10 кв. м. Очевидно, оно перестраивалось; пол в зап. части был вымощен, а в вост. им служила все та же серо-зеленая глина. Оба эти помещения были, по всей видимости, как-то связаны между собой: проходы в них располагались друг напротив друга, а пространство между ними было вымощено, то есть существовал какой-то общий двор.

К этому же строительному периоду, видимо, относился и небольшой (2,8×2 м) участок вымостки, выявленный на 3 раскопа. Она примечательна искусственной подсыпкой из материкового песка, то есть имело место террасирование территории.

В третьем строительном периоде все эти постройки были перекрыты мощным слоем золистого грунта, «стекавшего» с ЮЗ.

Наконец, к последнему, четвертому, строительному периоду относились десять однотипных хозяйственных (зерновых?) ям, располагавшихся к З, В и Ю от упомянутых помещений. Диаметр их горловин колебался от 1 до 1,4 м при глубине в ряде случаев более 1 м.

Как и прежде, основную массу индивидуальных находок составляли клейма на ручках синопских и родосских амфор и фрагменты «мегарских» чаш. Отметим также обломки терракотовых статуэток, глиняные грузила и пряслица, почти целый светильник, несколько малоинформативных граффити на амфорных стенках и одну монету.

Массовый материал был представлен многочисленными обломками в основном синопских и родосских амфор, а также простой красноглиняной, реже сероглиняной и буролаковой посуды, лепных сосудов и большим количеством костей животных. В целом их датировка достаточно широка: с сер. III по кон. II в. до н. э.

В. А. Хршановский

ИССЛЕДОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО УЧАСТКА НЕКРОПОЛЯ КИТЕЯ

Ключевые слова: погребение, тризна, керамика, амфоры типа Делакеу, IV в. н. э.

АЭ ИА РАН продолжила раскопки некрополя античного города Китей, располагавшегося на ЮВ Керченского п-ова, к ЮЗ от мыса Такиль и устья Керченского пролива. Ближайший населенный пункт к месту проведения работ – с. Заветное Ленинского р-на Республики Крым.

На протяжении последних лет (2010–2016 гг.) на некрополе Китея раскопки велись преимущественно на ЮЗ участке, в зоне береговой абразии. Помимо эллинистических склепов IV–III вв. до н. э. (141, 206, 300) [*Хршановский*, 2013, с. 182–200], исследованных здесь ранее (в кон. XX – нач. XXI в.), открыт позднеантичный грунтовой некрополь IV в. н. э. [*Хршановский*, 2016, с. 108–141].

В отличие от других боспорских некрополей, насколько можно судить по имеющимся сегодня данным, он был перекрыт 24 насыпями-«валами» (высота от 0,5 до 2,5 м), расположенными параллельно друг другу на расстоянии от 30 до 600 м к ЮЗ от зап. крепостной стены Китея и прослеживающимися от берегового обрыва в меридиональном направлении на 30–150 м.

С 2010 по 2015 г. «вал» 4 был почти полностью «разрезан» раскопом XLVI, имеющим форму прямоугольника (10×20 м), вытянутого в широтном направлении. Под насыпью на уровне погребенного слоя открыты два грунтовых погребения 382 и 384 и многочисленные следы поминальных тризн: ритуальное сооружение 380, несколько жертвенных ям (377–380, 383), ритуальные площадки с каменными алтариками и жертвенниками, керамические остатки и кости животных.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.245-248

Могилы и жертвенные ямы были «впущены» в материк с уровня древнего горизонта. Для выявления новых погребально-поминальных сооружений в 2016 г. раскоп XLVI почти по всей площади был углублен на 1 штык и выведен на уровень предматерика. В результате обнаружено еще одно безынвентарное детское погребение 386. Для уточнения происхождения (и возможного назначения) скопления в сев. половине раскопа камней была сделана прирезка (6×2,5 м). На глубине 1,7–1,8 м от современной дневной поверхности (также на уровне древнего горизонта) обнаружена еще одна выгороженная площадка, имевшая, как можно предположить, ритуальное назначение. Площадка имела округлую форму и диаметр 2–2,5 м. С зап. и юж. сторон граница ее была обозначена положенными плашмя плоскими плитками известняка размером от 0,1×0,2 до 0,35×0,7 м и толщиной до 0,1 м. С ЮВ стороны площадку ограничивала конструкция из небольших плоских кусков известняка, положенных друг на друга, которая в описываемом комплексе могла служить алтарем. С сев. стороны площадка была ограждена стенкой из трех небольших блоков известняка (от 0,2–0,35 до 0,3–0,45 м и толщиной 0,18–0,22 м), стоящих на боковых гранях. Возможное ритуальное назначение площадки косвенно подтверждает наличие над ней и возле нее нескольких зольных пятен и вымостка из известняковых плит различной формы (от 0,2×0,2 до 0,3×0,5 м), как бы подводящая к предполагаемому алтарю.

В ходе работ в раскопе XLVI, помимо многочисленных (более 1 тыс.) фрагментов амфорной, кружальной и лепной керамики, найдено около десятка индивидуальных находок (фрагменты терракот, керамические и каменные пряслица, медные монеты, бусины, изделия из кости) с привычно широкой хронологической вилкой IV–III вв. до н. э. – IV в. н. э. Так как исследуемые объекты представляются «закрытым комплексом», они должны датироваться по самым поздним материалам.

Для проверки функционального назначения 24 насыпей в минувшем сезоне, на ближайшем к зап. крепостной стене самом высоком (до 2,5 м) «валу» 1, в зоне береговой абразии заложен новый раскоп (5×10 м), получивший порядковый номер XLVII.

В отличие от исследованного ранее «вала» 4, дерновый и гумусный слои в раскопе оказались мощностью всего 0,1–0,3 м, сменяясь уже знакомым по стратиграфии раскопа XLVI слоем серо-желтого суглинка с щебенчатыми прослойками. В середине раскопа было выявлено пятно грунта неправильной округлой формы (3×4 м) со щебнем, на котором (и в котором) лежали многочисленные керамические остатки, кости животных, створки раковин морских моллюсков. В нескольких местах зафиксированы зольные пятна и скопления угольков. Удивительным было наличие в этом пятне и значительного количества мелких обломков штукатурки, которые, как представляется, наряду со щебнем и небольшими обломками известняка были использованы вторично в качестве вымостки этой ритуальной площадки со следами тризны (?).

После проведенных работ раскоп достиг глубины 1 м. В грунте заполнения обнаружено более 4 тыс. фрагментов амфорной, кружальной

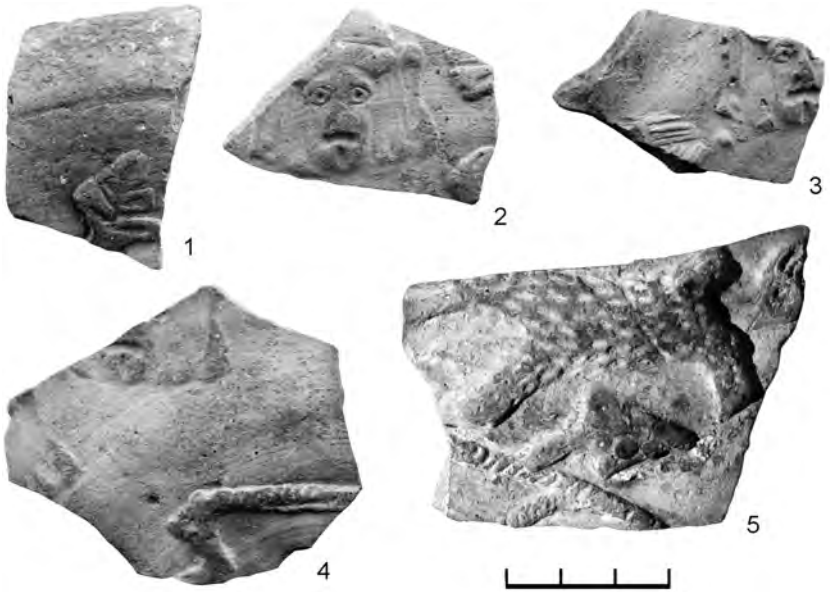

Рис. 42

и лепной керамики, многочисленные кости животных. Самые поздние амфоры – толстостенные светлоглиняные с венчиком в форме полувалика [*Зеест*, 1960, с. 121–122, табл. XLI, 104а] или типа «Делакеу» [*Зубарев, Шапцев*, 2014, с. 191–102, рис. 3: *1*] – надежно датируют комплекс IV в. н. э., в целом подтверждая датировку вала 4 и их синхронность.

Из раскопа XLVII в. в фонд Керченского Восточно-Крымского заповедника сдано ок. 50 индивидуальных находок, выполненных из глины, бронзы, кости, стекла. Самая интересная из них – обломки редкого сосуда, возможно относящегося к другой эпохе и культуре. В слое серо-желтого суглинка в разных местах и на разных уровнях найдены пять фрагментов с рельефными изображениями театральных (трагических) масок, виноградной лозы и кисти винограда, морды козла и туловища еще одного четвероногого животного (козла или собаки) (рис. 42). Насколько можно судить по имеющимся фрагментам, сосуд представлял собой чашу большого диаметра с вертикальными стенками и широким слабо выраженным венчиком, подчеркнутым на лицевой стороне тонкой бороздкой. Рельеф был оттиснут в форме, глаза и рты масок доработаны стекой.

По предварительному заключению специалистов (Н. В. Молевой), глина, из которой сделан сосуд – светло-красная, пористая, слоистая, с редкими белыми и темными включениями, – боспорская, возможно даже взята из окрестностей Китея. Внешняя поверхность покрыта тонким

светлым желтоватым ангобом. Поверх ангоба сосуд был раскрашен голубой краской, следы которой местами (в основном в углублениях) сохранились. Сюжет рельефа, по всей вероятности, носит культовый (дионисийский?) характер. Однако на данном (начальном) этапе исследования отсутствие близких аналогий не позволяет ни уточнить назначение сосуда, ни определить время его создания. Известные кувшины из такой же глины датируются II–III вв. н. э.

Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора. МИА. № 83. М. 179 с.

Зубарев В. Г., Шапцев М. С., 2014. Комплекс с амфорами типа SNP I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» // Боспорские чтения XV. Актуальные проблемы хронологии / Редакторы-составители В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь. С. 190–196.

Хршановский В. А., 2013. Элитные склепы IV–III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой. Вып. 2. Сб. научных статей / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород. С. 182–200.

Хршановский В. А., 2016. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // Культурный слой. Вып. 4. Сб. научных статей / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород. С. 108–141.

ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЬ

Н. Ю. Новоселова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА В XX КВАРТАЛЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Ключевые слова: усадьба, эпоха эллинизма, подвал, керамические клейма, мегарская чаша, штукатурка

Экспедиция ГЭ проводит раскопки в XX квартале Херсонеса Таврического в административных границах г. Севастополь.

XX квартал расположен на сев. берегу городища. Этот район исследован Г. Д. Беловым в рамках спасательных работ по предотвращению береговых обрушений. С 1932 г. исследования принимают систематический характер, раскопкам и музеефикации подвергается весь сев. берег, за исключением СВ части XX квартала, поскольку здесь, на прибрежной территории, около ограды мужского монастыря Святого Владимира, была сооружена мощная земляная насыпь для устройства монастырской смотровой беседки.

В 1949 г. Г. Д. Беловым исследована сев. часть XX квартала, где были вскрыты остатки средневекового дома XIII–XIV вв., в 1982–1991 гг.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.248-250

Ю. П. Калашник, сняв земляную насыпь, исследовал второй дом XIII в. в СВ части этого квартала [*Калашник*, 1989, с. 165–187]. Средневековый дом состоял из девяти помещений. На территории домохозяйства исследована печь для изготовления черепицы, которая использовалась при строительстве дома. Под средневековыми помещениями сохранились подвалы античного времени, вырубленные в скале, содержащие материалы эллинистического времени.

В 1989–1991 гг. Ю. П. Калашник приступил к исследованию лежащих под усадьбой XIII в. эллинистических подвалов, но их выборка завершена не была.

В сезоне 2014–2016 гг. в СВ части XX квартала исследованы и частично зачищены заново три идущих друг за другом подвала, сохранившиеся от существовавшей здесь эллинистической усадьбы, а также хозяйственные углубления под пифосы, ямы и подрубки материковой скалы.

В 2016 г. исследовано ок. 150 кв. м на глубину от дневной поверхности свыше 4 м. Исследования проводились в СВ части XX квартала в кв. К-М/3-4. Все исследованные в 2016 г. слои и комплексы можно разделить на четыре строительных периода: кон. IV в. до н. э., 2-я пол. II в. до н. э., римского и средневекового времени.

К первому строительному периоду относятся кладки, стоящие на материковой скале: 21 и 22. К кладкам примыкает слой желтого суглинка кон. IV в. до н. э. Эти конструкции остались от первого построенного на этом месте домохозяйства, но проследить его планиграфию пока невозможно.

Впоследствии кладки 21 и 22 были перестроены и к ним были пристыкованы вырубленные в материковой скале подвалы, засыпанные во 2-й пол. II в. до н. э.

В 2016 г. был исследован подвал 2. Он представляет собой прямоугольное углубление, выдолбленное в скале. Размеры исследованной части подвала 3 составляют 4,52×2,05 м. Юж. часть подвала осталась не раскрытой, поскольку ее перекрывают кладки средневековых домов 17 и 6. Глубина подвала 2 достигает 1,5 м. Дно подвала практически ровное скальное, стенки подвала практически полностью вертикальные, с зап. и сев. сторон вырубленные в материковой скале. В вост. стене первоначально был сделан проход в соседний подвал 3, но впоследствии проход был заложен кладкой 23.

Самой важной датирующей находкой следует считать горло родосской амфоры с клеймами на двух ручках и граффито Е. Клеймо Ανδρονικοζ на ручке амфоры относится к магистратским группы Vb 132–121 гг. до н. э. и датируется ок. 132 г. до н. э. по Г. Финкельштейну [*Finkielsztejn,* 1995]

Из редких находок необходимо назвать ручку жаровни 2-й пол. II в. до н. э., произведенную в Малой Азии [*Sahin*, 2001, fig. 40].

Отдельную интересную датирующую группу составляют мегарские чаши, произведенные в Малой Азии. Весь массив находок рельефной керамики из рассматриваемого контекста можно отнести к продукции

производственного центра Эфеса, за исключением одного лишь фрагмента чаши, выпущенной, судя по всему, мастерскими пергамского круга [*Lautonier*, 1977, p. 21–68, 129–213].

Самой важной находкой, обнаруженной в 2016 г. при исследовании подвала 2, является сброс расписной декоративной штукатурки [*Новоселова*, 2016, с. 387–393]. Всего собрано 1027 штукатурных обломков. Средний размер обломков составлял 10×7 см, хотя часто встречались и менее крупные фрагменты ок. 3×4 см.

Все обломки штукатурки находились в перемещенном состоянии, некоторые были обращены расписной частью наверх, некоторые лежали цветной поверхностью вниз, какие-то зафиксированы упавшими на боковое ребро. Очевидно, что обломки штукатурки являются нивелировочным сбросом, а не располагались на стенах помещения, где были обнаружены.

Цветовая гамма обнаруженных фрагментов представлена красным, желтым, голубым, черным, белым цветом и фрагментами штукатурки с полихромной росписью – «мраморировкой». Красные и желтые штукатурные фрагменты были хорошо залощены, а голубые, черные и белые практически не имели лощения, а, наоборот, имели более пористую поверхность.

На многих фрагментах штукатурки красного, желтого, голубого цветов присутствуют следы от разметки стеновых панелей на прямоугольные квадры. Значительное количество обломков имеет угол, скошенный под 45 градусов, оформляющий край фрагмента.

Кроме большого количества штукатурных обломков обнаружены тяги со сложным профилем.

Таким образом, описанный комплекс находок из подвала 2 включает в себя хорошо датированные, интересные и разнообразные материалы эллинистического времени, фрагменты штукатурной росписи, поддающиеся реконструкции, редкие индивидуальные находки.

Также в сезоне 2016 г. исследованы две хозяйственные ямы римского и средневекового времени.

Калашник Ю. П., 1989. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982–1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Л. С. 165–187.

Новоселова Н. Ю., 2016. Комплекс расписной штукатурки из раскопок XX квартала Херсонесского городища (предварительные замечания) // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола, СПб.: Палаццо. С. 387–393.

Finkielsztejn G., 1995. Chronologie basse des timbres amphoriques rhodiens at evaluation des exportations d'amphores. Acta Hyperborea 6.

Lautonier A., 1977. La ceramique hellenistique a reliefs. Ateliers «Ioniens». EAD XXXI. Paris.

Sahin M., 2003. Hellenistische Kohlenbecken mit figurlich verzierten Attaschen aus Knidos. Bioliopolis.

IV. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ[1]

В. Е. Маслов, А. Р. Канторович

РАСКОПКИ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ III НА СТАВРОПОЛЬЕ

Ключевые слова: скифская культура, IV в. до н. э., вооружение

На территории Георгиевского р-на Ставропольского края Ставропольской экспедицией кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова произведены раскопки скифского курганного могильника Новозаведенное III.

В 2016 г. продолжены исследования, начатые в 2015 г. Для раскопок выбраны два кургана, расположенных близ края первой надпойменной террасы р. Кумы: нераспаханный курган 5 и полностью снесенный курган 6, расположенный на краю пахотного поля. Оба кургана разграблены в древности.

В обоих случаях древесно-камышовое перекрытие могильных камер и подкурганной площадки вокруг них практически не сохранилось. Лишь небольшие участки отпечатков камыша прослежены у краев могилы в кургане 5. В кургане 6 древесный тлен – остатки перекрытия – зафиксирован к Ю от могилы. На них найдены железные чешуйчатые пластины. Возможно, панцирный доспех был расстелен на бревенчатом накате.

Вокруг обеих могил зафиксирован материковый выброс.

Оба кургана окружали рвы, находившиеся у краев насыпей. В кургане 5 ров был неглубоким с пологими стенками. Ров кургана 6 достигал глубины 3,7 м от уровня погребенной почвы. Нижняя, придонная часть рва имела вид узкой траншеи высотой в человеческий рост. Грунт из заглубленной узкой части рва должен был подаваться вертикально вверх и сразу использоваться для строительства насыпи, склоны которой,

[1] См. также статью И. Н. Парусимова на с. 194; статью Д. С. Коробова и А. В. Борисова на с. 254.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.251-253

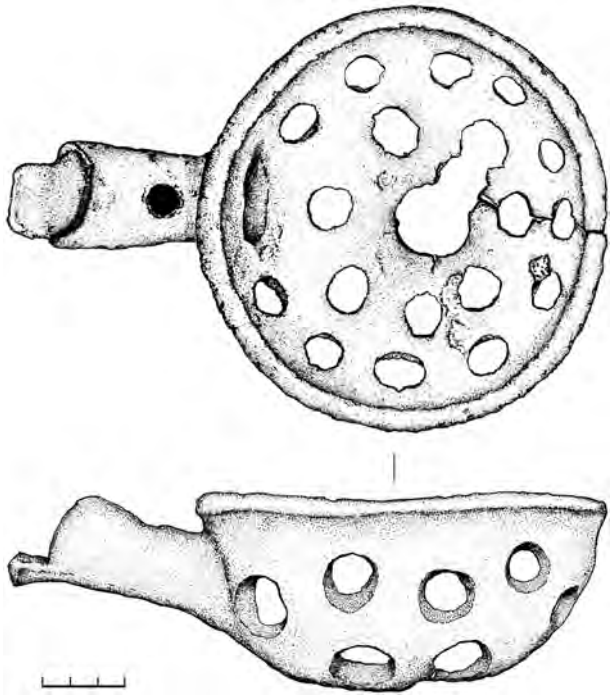

Рис. 43

вероятно, были крутыми. Во рвах найдены следы тризны – попавшие в их заполнение черепа, кости животных и мелкие фрагменты керамики.

В кургане 5 близ ЮЗ угла могильной камеры на уровне погребенной почвы найден бронзовый черпак-жаровня, вероятно выброшенный наверх в ходе ограбления (рис. 43). На подкурганной площадке также найден каменный пест (?).

На вершине кургана 6, вероятно, была установлена столбообразная каменная стела, которая в ходе ограбления была разломана надвое и сброшена или сползла вниз к сев. краю могильной камеры.

Могильные камеры обоих курганов находились в центре подкурганных площадок и были ориентированы меридионально с отклонением к В.

Могильная камера в кургане 5 представляла собой в плане трапецию со скругленными углами, несколько сужающуюся к С, а в кургане 6 имела неправильную подпрямоугольную форму со скругленными углами. Оба погребения были тотально ограблены в древности. Судя по расположению находок на дне могильных камер, ограбление осуществлялось тогда, когда еще сохранялось древесно-камышовое перекрытие могил. После ограбления перекрытие обрушилось и в камеры затек грунт насыпей.

В заполнении могильной камеры кургана 6 встречались куски шлака (?), однако следов горения не было.

На дне могильных камер обнаружены разбитые плиты-терочники, игравшие какую-то символическую роль в погребальном ритуале, бронзовые и железные наконечники стрел, обломки клинкового оружия, фрагменты втулок дротиков, железные и бронзовые ворворки. Чернолощеная керамика была разбита на мелкие части и раскидана по дну камер. В кургане 6 также обнаружены фрагменты бронзовых пластин боевого пояса и золотая нашивная бляшка, а примерно в центре могильной камеры обнаружена миниатюрная каменная стела. Явных следов обработки на ней нет, но ее форма напоминает антропоморфную. Не ясно, стояла ли она первоначально на кургане на перекрытии или сразу была помещена в могильную камеру.

Открытые комплексы можно датировать в пределах IV в. до н. э. Они демонстрируют преемственность с памятниками скифской культуры архаического горизонта в традициях погребального обряда и широкий круг культурных контактов.

Погребальные конструкции и некоторые традиции погребального обряда демонстрируют преемственность по отношению к погребальной архитектуре и поминальным традициям соседнего раннескифского могильника Новозаведенное II. Сходны также конструкция и характер рвов, окружающих насыпи, грунт из которых использовался для их строительства.

Немногочисленные находки из курганов демонстрируют определенный синкретизм, связанный с материалами из различных культурных провинций степного пояса, что подтверждает элитарный характер памятника [*Канторович*, 2016; *Канторович, Маслов*, 2016; 2017].

Канторович А. Р., 2016. Произведения скифского звериного стиля из могильника Новозаведенное-III // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. М-лы междунар. науч. конф. / Под ред. М. Х. Багаева, Х. М. Мамаева. Грозный. С. 82–84.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2016. Раскопки скифского могильника Новозаведенное-III на Ставрополье // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. М-лы междунар. науч. конф. / Под ред. М. Х. Багаева, Х. М. Мамаева. Грозный. С. 85–87.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2017. Могильник Новозаведенное III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V–IV в. до н. э. // Исторические исследования. Вып. 8. С. 107–139.

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА

Д. С. Коробов, А. В. Борисов

РАБОТЫ В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ

Ключевые слова: топографическая съемка, аэрофотосъемка, каменная ограда, скотоводство, поселение, раннее средневековье, кобанская культура

Кисловодская экспедиция ИА РАН в рамках проекта РФФИ 15-06-02561а продолжила исследования следов древнего и средневекового скотоводства в окрестностях Кисловодска. Как и в предыдущий полевой сезон, разведки проходили в двух ландшафтных зонах: в верхней части Кисловодской котловины на абсолютных высотах ок. 2200 м и в нижней ее части, в окрестностях поселений эпохи раннего средневековья.

На обследованных памятниках проводилась инструментальная тахеометрическая съемка и шурфовка, осуществлялся сбор подъемного материала, устраивались почвенные разрезы с отбором проб на химические и микробиологические анализы. Новым технологическим приемом в текущем сезоне было проведение низковысотной аэрофото- и видеосъемки с беспилотного квадрокоптера Phantom 3 Advanced, осуществлявшейся профессиональным оператором П. С. Сидоровым (телеканал Flight TV), по результатам которой получены фотограмметрические изображения.

Обследовалось высокогорье возле Гуд-Горы – скалистой возвышенности на юж. оконечности водораздельного плато между долинами рр. Подкумок и Эшкакон с абсолютной высотой ок. 2460 м – на территории Малокарачаевского р-на КЧР. Серия каменных загонов для скота, предварительно намеченных для обследования при изучении аэрофотосъемки 1970-х гг., была изучена к СВ от Гуд-Горы. Здесь располагается крупное сооружение неправильной формы (загон Гуд-Гора 1), пристроенное к высоким скальным обломкам. Размеры загона составляют 45×70 м. В устроенном в зап. части загона шурфе археологических материалов не обнаружено, однако в непосредственной близости от данного сооружения находится не менее пяти отдельных небольших каменных построек (домики пастухов?), возле которых найден немногочисленный подъемный материал – фрагменты керамики кобанской культуры и раннего средневековья. Загон Гуд-Гора 2 представляет собой небольшое сооружение размерами 2,5×3,2 м, пристроенное к двум обломкам скалы, находящимся в 44 м к З от загона Гуд-Гора 1. Здесь также никаких материалов найдено не было. Кроме того, в 1 км от данных сооружений, возле проселочной дороги, поднимающейся на вершину водораздельного плато, в скальных выходах в нише осмотрено захоронение, о котором нам сообщил местный пастух. Погребение законсервировано.

Еще несколько каменных сооружений для содержания скота обследовались с зап. стороны от Гуд-Горы. Загон Гуд-Гора 3 находится к СЗ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.254-256

от одноименной возвышенности. Он представляет собой несколько каменных стен, пристроенных к крупным скальным обломкам и сохранившихся на высоту до 1,0 м. Общие размеры комплекса сооружений составляют 11×12 м, с юж. стороны возле загона прослеживаются остатки не менее трех небольших однокомнатных сооружений – домиков пастухов (?). В устроенном шурфе внутри загона найден материал, относящийся к Новейшему времени переиспользования данной ограды, очевидно, во 2-й пол. XX в., возле загона обнаружен подъемный материал – керамика эпохи раннего средневековья.

Загон Гуд-Гора 4 – каменная ограда подпрямоугольной формы к ЗСЗ от Гуд-Горы – также не нес очевидных следов его использования в древности и средневековье в виде находок фрагментов керамики. Однако по некоторым архитектурным особенностям (двухпанцирная кладка стен, полукруглое завершение сев. стены, внутренние ограды помещений подквадратной формы) данное сооружение размерами 18,3×22,5 м более всего напоминает поселения раннего этапа кобанской культуры, в изобилии обнаруженные в последнее время в высокогорной части Кисловодской котловины и ее окрестностей [*Белинский и др.*, 2009]. Данное наблюдение подкрепляется следами не менее трех поселений в непосредственной близости от загонов Гуд-Гора 3 и 4, напоминающих отдельно стоящие постройки кобанской культуры, исследованные ранее экспедицией А. Б. Белинского и С. Райнхольд.

Проводились также разведки в нижней части Кисловодской котловины, в долине р. Кич-Малка в непосредственной близости от укрепления Кич-Малка 1, на территории Предгорного р-на Ставропольского края. Здесь, в 0,6–1,3 км к ЮЗ от укрепления, с помощью аэрофотосъемки обнаружено три комплекса каменных оград для содержания скота, последовательно пронумерованных по мере удаления от поселения.

Загон Кич-Малка 1 представляет собой крупное сооружение подпрямоугольной формы размерами 30,7×41,2 м с пристроенными полукруглыми помещениями меньших размеров; сохранившаяся высота стен до 1,5 м. В шурфах глубиной до 3,0 м, устроенных во внутреннем пространстве каменных оград, обнаружено значительное количество керамических фрагментов аланской культуры эпохи раннего средневековья (V–VIII вв.) и костей животных, маркирующих время функционирования данных мест содержания скота. Загоны были устроены на пологих склонах, в погребенной почве которых прослеживаются следы жизнедеятельности населения кобанского и майкопского периодов.

Отстоящий от вышеописанного на 400 м выше по течению реки загон Кич-Малка 2 представлял собой сложноплановое поселение, состоящее из семи каменных оград, пристроенных к крупным скальным обломкам, среди которых прослеживаются небольшие однокомнатные постройки – домики пастухов (?) – числом не менее двух. Общие размеры данного комплекса построек – 44×53 м. Здесь также устроен шурф глубиной 2,0 м и почвенный разрез, в которых обнаружено большое количество керамики и костей животных эпохи раннего средневековья, отложившихся

в процессе функционирования данного загона на погребенной почве, в которой найдены осколки посуды кобанской культуры.

Похожая ситуация прослеживается и в загоне Кич-Малка 3, находящемся в 300 м к ЗЮЗ от вышеописанных сооружений. Здесь сохранились остатки каменной ограды овальной формы размерами 29,6×38,4 м, в 80 м к Ю от которой находится небольшой домик пастуха (?), состоящий из одного помещения размерами 3,0×5,0 м и с сохранившейся высотой стен до 0,55 м. Внутри загона и в его окрестностях, а также в устроенном возле стенки ограды почвенном разрезе? встречается обильный материал – керамика аланской культуры, датирующаяся эпохой раннего средневековья (V–VIII вв.).

Помимо каменных загонов, устроенных возле р. Кич-Малки, средневековым населением в качестве мест содержания скота использовались также скальные навесы и карнизы. Так, возле укрепления Кич-Малка 1 обследован один из подобных навесов, внутри которого был устроен почвенный разрез глубиной до 1,8 м. В разрезе прослежены отложения навоза, среди которых встречается керамика эпохи средневековья.

Проведенные исследования позволяют наметить сезонное использование аланским населением Кисловодской котловины мест содержания скота в субальпийской зоне в окрестностях Кисловодска, предположительно, в весенне-летний период и в непосредственной близости от поселений во внутренних территориях котловины – в осенне-зимний. Полевые исследования сезонных каменных загонов для скота будут продолжены в следующем году.

Белинский А. Б., Коробов Д. С., Райнхольд С., 2009. Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового – раннего железного века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология, краеведение. Ставрополь: Наследие. С. 175–218.

У. Ю. Кочкаров

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ХУМАРИНСКОМ ГОРОДИЩЕ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Ключевые слова: средневековье, хозяйственная яма, амфоры, VIII–X вв., Хазарский каганат

Карачаевский отряд ИА РАН продолжил исследования на Хумаринском городище, находящемся на территории Карачаевского р-на. Хумаринское городище является одним из интереснейших средневековых памятников Восточной Европы. В 2016 г. продолжены работы на раскопе Ж. С севера к раскопу прирезано несколько квадратов общей площадью 64 кв. м. В процессе раскопок обнаружено 6 хозяйственных ям, неболь-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.256-258

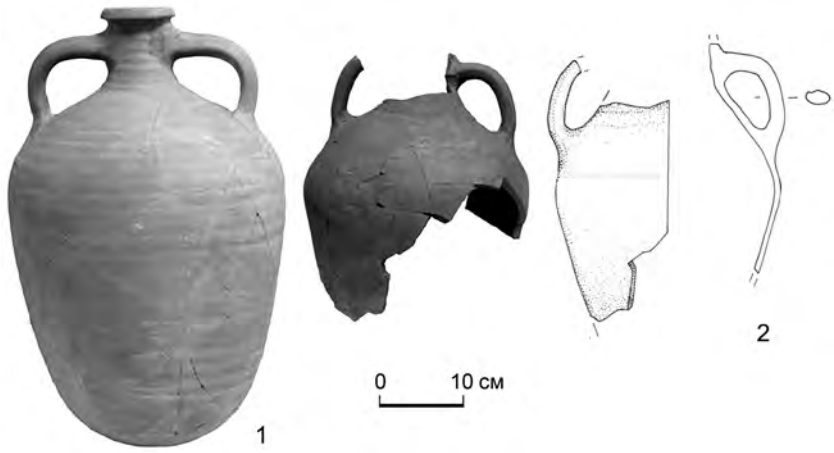

Рис. 44

шое количество костей животных, керамика, в том числе целая амфора и неполный профиль другой амфоры, изделие из железа, выплеск бронзы, фрагмент пряслица и др.

Целые формы на городище обнаружены впервые. Первая амфора обнаружена в яме 1, имеет сужающийся книзу корпус с наибольшим расширением в верхней части и заканчивается округлым дном (рис. 44: *1*). Верхняя часть корпуса профилирована симметричными полукруглыми в сечении валиками шириной 7–9 мм, разделенными врезными желобками. Центральная часть корпуса профилирована симметричными уплощенными валиками шириной 9–15 мм, между ними уплощенные желобки шириной 9–12 мм. Горло цилиндрическое. Под горлом – граффито в виде креста или греческой буквы «хи» – самый распространенный и простой знак-метка на тарной керамике [*Майко*, 2012, с. 70, рис. 1: *11*; *Нессель*, 2009, с. 244; *Флёрова*, 1997, с. 78, табл. XV: *276–304*]. Под ручкой – граффито в виде греческой буквы «лямбда» и прямого угла под ней. Аналогии не известны. Фрагменты аналогичных амфор ранее встречались на Хумаринском городище [*Биджиев*, 1983, с. 71, рис. 46: *7*]. Ареал бытования: Крым, Таманский п-ов, Болгария, Мезийское Подунавье. Амфоры этого типа можно хронологически локализовать в пределах 2-й пол. VII – VIII в., хотя отдельные сосуды «доживают» до 2-й пол. IX в. [*Sazanov*, 1997, p. 94, tab. 1: *30*].

Производство зафиксировано в гончарных печах в зап. части Херсонеса [*Якобсон*, 1979, с. 71, рис. 43: *1*].

Вторая амфора имеет расширяющееся горло (рис. 44: *2*), цилиндрическое, резко отделяющееся от верхней части тулова. Ручки в своей верхней части крепятся несколько ниже венчика, в сечении имеют форму, приближающуюся к треугольнику, профилированы с внешней стороны двумя уплощенными желобками, образующими по краям внешней поверхности

два ребра, а в центре несколько уплощенный валик. В нижней части, у основания ручек – пальцевые вдавления. Глина оранжевая, с включениями шамота и извести, присутствует зеленовато-белый ангоб. Ареал бытования амфор: Крым, Таманский п-ов, Подонье. Общая датировка – от 2-й пол. VI в. до 2-й пол. IX в. [*Sazanov*, 1997, p. 92, tab. 1: *23*]. Эти амфоры производились в печах в окрестностях села Лучистое [*Паршина и др*., 2001, с. 61, рис. 21], а также в районе Песочной бухты и Радиогорки в Херсонесе [*Седикова*, 1995, с. 434–435, рис. 1, 3].

Весь обнаруженный в раскопе материал датируется VIII–IX вв.

Биджиев Х. Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.

Майко В. В., 2012. Граффити на амфорах Юго-Восточного Крыма VIII – начала XI вв. // 1000 років візантиійської торгівлі (V–XV століття). Київ.

Нессель В. А., 2009. Граффито в виде креста на прямоугольной подставке на средневековой керамике из Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 39. Екатеринбург.

Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М., 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. Сборник научных статей. Киев.

Седикова Л. В., 1995. Керамические печи IX в. в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь.

Флёрова В. Е., 1997. Граффити Хазарии. М.

Якобсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Sazanov A., 1997. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la mer Noire // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Aix-en Provence.

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Е. В. Дороничева, Л. В. Голованова,
В. Б. Дороничев, А. Г. Недомолкин

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАННЕМУ И СРЕДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ключевые слова: пещера, стоянка, обсидиан, леваллуа, мустье

Основной задачей полевых работ в 2016 г. был поиск новых стоянок палеолита, связанных с источниками каменного сырья на Северном Кавказе. Было сделано очень важное открытие: впервые на Центральном Кавказе, в Приэльбрусье, найдена среднепалеолитическая стратифицированная пещерная стоянка. Несмотря на то что в Приэльбрусье, в долине р. Баксан, известны мощные выходы обсидианового и кремневого сырья, которое очень ценилось в древности и поступало в соседние ре-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.258-260

гионы, сохранившихся памятников эпохи каменного века здесь известно немного. Проведенные исследования установили, что в Мезмайской пещере на Северо-Западном Кавказе в слоях среднего палеолита найдены изделия из обсидиана, который происходит из Заюковского местонахождения в долине р. Баксан на Центральном Кавказе [*Doronicheva, Shackley*, 2014], но стратифицированные памятники среднего палеолита в этом регионе были неизвестны. Целенаправленные поиски палеолитических стоянок на Центральном Кавказе привели к открытию первой в Кабардино-Балкарии стоянки среднего палеолита в гроте Сарадж-Чуко, расположенном к ЮВ от с. Заюково. Пещерная стоянка приурочена к левому берегу правого притока р. Баксан – р. Фандуко (местное название реки – Сарадж-Чуко) [*Дороничева и др*., 2016].

Для уточнения стратиграфии в гроте заложен небольшой шурф (1×1,5 м). Общая мощность изученных отложений – 1,6 м. В шурфе выделено 7 слоев. Каменные изделия были обнаружены только в слоях 5 (2 экз.) и 6 (24). Для дальнейшего изучения отложений и полной стратиграфии памятника необходимо проведение тщательных раскопок. Из слоя 6 происходят 24 каменных изделия и 4 кости плейстоценовой сохранности. На основании небольшой коллекции археологического материала из слоя 6 грота Сарадж-Чуко, исследованного предварительно на площади шурфа, можно говорить, что на стоянке производилось первичное расщепление, изготовление и подправка орудий. Технико-типологические характеристики индустрии позволяют охарактеризовать ее как леваллуа-пластинчатое мустье. Эти материалы более близки индустриям Восточного Кавказа.

Вторым этапом работ экспедиции в 2016 г. были разведки в Кабардино-Балкарской Республике. Основной задачей разведочных работ было обнаружение памятников – грота Сосруко, навеса у Алебастрового завода и грота Кала-Тюбю, которые исследовались более 55–60 лет назад, обследование современного состояния этих стоянок, сохранности культурного слоя, определения перспектив исследования данных памятников в будущем.

Памятники находятся в Приэльбрусье, где известны местонахождения обсидиана – вулканического каменного сырья, которое высоко ценилось в каменном веке. Доказательством этому служит транспортировка обсидиана древним человеком на значительные расстояния. На протяжении верхнего палеолита обсидиан из этого района регулярно транспортировали [*Doronicheva, Shackley*, 2014] на стоянки Северо-Западного (ок. 200–250 км; Мезмайская, Касожская пещера) и Южного Кавказа (пещера Бонди, ок. 270 км). Исследования показывают, что Центральный Кавказ был важнейшим сырьевым регионом. Однако памятники палеолита здесь немногочисленны. С. Н. Замятнину удалось найти в 1954 г. палеолитический слой только на одной стоянке – в навесе Сосруко. В те же годы исследовались мезолитические стоянки в навесе у Алебастрового завода и гроте Кала-Тюбю [*Замятнин, Акритас*, 1957а; 1957б].

Разведки 2016 г. в Кабардино-Балкарии, которые потребовали значительных усилий и времени, позволили обнаружить эти памятники, а также обследовать их и установить, что наименее поврежденным является грот Сосруко, на котором, однако, требуется проведение больших работ по расчистке раскопа 60-летней давности. Культурный слой в навесе у Алебастрового завода и в гроте Кала-Тюбю сильно поврежден не только природными процессами, но также главным образом в результате деятельности человека.

Дороничева Е. В., Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Недомолкин А. Г., 2016. Центральный Кавказ в палеолите: новые данные // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 5. Иркутск. С. 94–101.

Замятнин С. Н., Акритас П. Г., 1957а. Исследование по каменному веку в Кабарде (в 1954–1955 гг.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XI. Нальчик. С. 415–424.

Замятнин С. Н., Акритас П. Г., 1957б. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XIII. Нальчик. С. 431–452.

Doronicheva E. V., Shackley M. S., 2014. Obsidian exploitation strategies in the Middle and Upper Paleolithic of the Northern Caucasus: New data from Mezmaiskaya cave // PaleoAnthropology. P. 565–585.

А. А. Кадиева, С. В. Демиденко

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО 3 В БАКСАНСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: предскифская эпоха, раннее средневековье, вооружение, кобано-колхидская культурно-историческая общность, сарматское время

Объединенная Северо-Кавказская АЭ ГИМ, Кабардино-Балкарского ГУ и ИА РАН проводила раскопки могильника Заюково 3. Памятник находится в окрестностях с. Заюково Баксанского р-на Кабардино-Балкарской Республики на левом берегу р. Баксан.

Исследовано 25 погребений, 1 тризновая и 2 жертвенные ямы. Из них 11 объектов относится к предскифской эпохе (VIII–VII вв. до н. э.), 3 – к скифской (V в. до н. э.), 1 – к раннесарматской (II в. до н. э.), 7 – к позднесарматской (III в. н. э.), 4 – к эпохе великого переселения народов (IV–V вв.), 1 тризновая яма – к эпохе средневековья [*Кадиева, Демиденко*, 2017а].

Тризновая яма представляла собой Г-образную стенку, сложенную из окатанных рекой камней. Учитывая, что ближайшая река находится в двухстах метрах ниже некрополя и доставка материала для постройки стены требовала значительных не оправданных рациональной необходимостью усилий, культовый характер этого объекта очевиден. Внутри пространства, отгороженного стеной, обнаружены многочисленные фраг-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.260-263

менты как минимум двух пифосообразных сосудов и одного кувшина. Керамический материал позволил датировать объект VIII–IX вв. Среди фрагментов сосудов лежала ручная мельница.

Одна из жертвенных ям (VIII–VII вв. до н. э.) содержала черепа и кости ног коня и быка. Вероятно, в яму были уложены шкуры животных. Во второй жертвенной яме (IV–V вв.) обнаружена половина туши лошади. Яма была сооружена непосредственно над синхронной ей катакомбой.

Одним из наиболее интересных открытий сезона стали четыре погребения VIII–VII вв. до н. э., совершенные в грунтовых ямах. Одно погребение (60) принадлежало мужчине, захороненному в вытянутом на спине положении. У ног погребенного располагался колчан, от которого сохранились пять наконечников стрел. У пояса лежал биконический каменный предмет с отверстием, вероятнее всего являющийся навершием булавы-скипетра. В трех погребениях (53, 55, 68) были захоронены женщины в богатых бронзовых уборах, основной составляющей которых были ожерелья и различного рода подвески. Ожерелье женщины, захороненной в погребении 53, состояло из низки бус, включающей спиральную трубчатую и спиральную биконическую пронизи, а также подвеску в виде птицы (рис. 45). На руки погребенной были надеты браслеты со спиральными концами. На груди погребенной обнаружены две булавки, обращенные остриями к голове. Очевидно, что они не относились к погребальному костюму, а являлись застежками савана.

Скифская эпоха (VII – нач. V в. до н. э.) представлена двумя воинскими погребениями с железными мечами-акинаками. В одном случае воина в загробный мир сопровождало еще и копье. Показательно, что в обоих воинских погребениях обнаружены женские браслеты и перстни, вероятно являющиеся заупокойными дарами.

Единственное погребение II в. до н. э. было совершено в грунтовой яме. Ему посвящена отдельная публикация [*Кадиева, Демиденко*, 2017б]. Среди могильного инвентаря обнаружена подвеска-лунница с двумя бараньими головками на концах. Аналогичная подвеска обнаружена в могильнике Майтубек (Южное Приуралье) вместе с моделью бронзового котла.

Весьма представительными были захоронения позднесарматской эпохи и раннего средневековья (III–V вв.), совершаемые в грунтовых ямах, катакомбах и подбоях. В погребении женщины с ребенком (51) обнаружены серебряные обувные пряжки, подвязная лучковая фибула с верхней тетивой и кувшин с раструбовидно расширяющимся горлом. Сочетание этого инвентаря указывает на 1-ю пол. III в. н. э. К этому же периоду относится погребение ребенка с железными пряжкой и сильно профилированной фибулой, а также бронзовым браслетом. Наличие инвентаря в детском погребении указывает на высокий социальный статус родителей ребенка.

Восемь погребенных из могил позднесарматского времени – раннего средневековья имели деформированные черепа. Шесть из них принадлежали мужчинам из одной катакомбы (70), датированной V в. На висках погребенных обнаружены калачевидные серьги. В этом же погребении находились железный меч и бронзовые фибула и туалетный набор.

Рис. 45

Материалы могильника Заюково 3, полученные в 2016 г., проливают свет на несколько проблем археологии центральных районов Северного Кавказа. Захоронения вытянутых костяков в грунтовых ямах, относящиеся к предскифской эпохе, указывают на связь погребального обряда этого периода с традициями эпохи бронзы. Погребение II в. до н. э. является редчайшей находкой для горной и предгорной зон центральных районов Северного Кавказа, где почти неизвестны комплексы раннесарматского времени. Показательно, что в этом погребении обнаружена подвеска, демонстрирующая сохранение ювелирных традиций кобанской эпохи в пе-

риод, когда кобанская КИО прекращает свое существование. Погребения позднесарматской эпохи на сегодняшний день представляют единственный могильник этого периода в горной зоне центральных районов Северного Кавказа.

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2017а. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкария) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2 (87). С. 164–171

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2017б. Погребение раннесарматского времени из могильника Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика) // Кавказология. № 2. С. 33–40.

РЕСПУБЛИКА ИНГУШЕТИЯ

В. Ю. Малашев, С. Б. Вальчак, У. Б. Гадиев,
С. Ю. Фризен, К. Б. Шаушев

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА «ЭКАЖЕВСКИЕ 1-Е КУРГАНЫ» В НАЗРАНОВСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ

Ключевые слова: курганы, аланская культура, середина III в. н. э., катакомба

Совместная АЭ ИА РАН (Дагестанская экспедиция) и ГКУ «Археологический центр им. Е. И. Крупнова» на средства ингушских меценатов Г. А. Халухаева и А. А. Харсиева проводила исследования могильника «Экажевские 1-е курганы», попадающего в зону самозахвата земельных участков на территории с. Экажево Назрановского р-на Республики Ингушетия.

Могильник «Экажевские 1-е курганы» находится на юж. и ЮЗ окраинах с. Экажево и занимает высокую (вторую) террасу правого берега р. Сунжа (на расстоянии ок. 900 м от ее русла). Он являлся некрополем городища Ачим-Боарз и первоначально занимал значительную площадь (не менее 2 кв. км), которая в настоящее время почти полностью находится под застройкой с. Экажево; сохранился незначительный участок, на котором фиксируется 23 кургана. Памятник был выявлен в ходе разведок Б. М. Хашегульговым [*Хашегульгов*, 1986]. В 1996 г. Ингушская экспедиция ИА РАН на данном памятнике провела охранно-спасательные исследования в зоне строительства г. Магас: были исследованы пять курганов, четыре из которых относились к аланской культуре и датировались кон. III – нач. IV в. н. э., и один курган эпохи бронзы [*Воронин, Малашев*, 2006]. В 2016 г. раскопан курган 6, а также произведен осмотр соседних земельных участков и прилегающей территории могильника, которые находятся в зоне активного хозяйственного освоения. В результате

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.263-264

выявлены 23 кургана, в той или иной степени имевшие нарушения вследствие активного антропогенного воздействия.

Насыпь кургана 6 округлой в плане формы диаметром 36 м и высотой 0,91 м. Курган содержал одно погребение, совершенное в катакомбе типа I (длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны). Входная яма размерами 3,45×1,7–1,85 м ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Вдоль ЮВ стенки были сделаны 13 ступенек высотой от 0,3 до 1,0 м, образующих три пролета. Глубина дна у входа в камеру – 7,9 м от уровня древнего горизонта. Вход в камеру находился в СЗ стенке входной ямы. Входную яму с камерой соединял дромос длиной 0,5 м. В камеру вела вертикальная ступенька высотой 0,54 м. Камера овальной в плане формы размерами 2,85×1,55 м ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны. Свод незначительно сглаженной стрельчатой формы вынесен вверх от входа. Высота камеры 1,4 м. На дне фиксировалась мощная (до 8 см) подсыпка древесного угля. Вследствие ограбления в древности *in situ* сохранились фрагмент нижней челюсти и фрагмент крыла таза в сочленении с головкой бедренной кости, позволяющие предположить, что погребенный был положен головой на СВ. Из инвентаря сохранились фрагменты железных удил, клинка меча, железные пряжки, серебряные предметы ременной гарнитуры, в том числе кольца с зажимами, пряжка, бронзовые накладки усеченно-конической формы с крупными штифтами в центре, а также миска с загнутым внутрь бортиком и поддон от миски с отбитой емкостью.

Исследованное в кургане 6 погребение относится к аланской культуре Северного Кавказа и содержало мужское захоронение. Тип катакомбы, ориентировка входной ямы, расположение камеры и наличие ступенек у задней стенки входной ямы находят аналогии в данном культурном контексте. На основании предметов ременной гарнитуры датировка комплекса может рассматриваться как сер. III в. н. э. (ранняя часть 2-й пол.).

Судя по размерам погребального сооружения и составу погребального инвентаря (фрагменты клинкового оружия, детали сбруйного набора и высокое качество серебра ременных гарнитур), данное захоронение можно отнести к достаточно высокой по статусу воинской группе населения. Могильник «Экажевские 1-е курганы», на котором производились исследования 1996 и 2016 гг., по всей видимости, является изолированным от городского некрополя городища Ачим-Боарз участком, где происходили захоронения воинской элиты.

Воронин К. В., Малашев В. Ю., 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.: ИА РАН. 152 с.

Хашегульгов Б. М., 1986. Отчет о разведках 2-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского Госуниверситета им. Л. Н. Толстого и Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии в сезоне 1985 г. в Назрановском и Шалинском районах Чечено-Ингушской АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11240.

РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН

А. К. Абиев, А. Л. Будайчиев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ

Ключевые слова: Западный Прикаспий, курганный могильник Паласа-сырт, аланы

Новостроечная экспедиция ИИАЭ Дагестанского НЦ РАН провела археологические разведки на возвышенности Паласа-сырт, в ур. Сюгут и в балке Шур-дере в Сулейман-Стальском р-не Республики Дагестан на участке строительства инженерных сооружений для эксплуатации возводимого водохранилища [*Абиев*, 2018, с. 63–71].

Начало маршрута находилось на пересечении асфальтовой дороги, ведущей в с. Сыртыч Табасаранского р-на, и грунтовой дороги, ведущей в кутан Сюгут в одноименном урочище. Конец маршрута находился в балке Шур-Дере, где возводится плотина будущего водохранилища. Протяженность маршрута обследования составила 7 км. Проектируемая дорога проходит по существующей грунтовой дороге в зап. части юж. участка Паласа-сыртской возвышенности. Окружающая местность представляет собой ровный участок без явных возвышенностей или балок и оврагов.

В ходе проведенных разведок вдоль грунтовой дороги, ведущей по плато Паласа-сырт в кутан Сугют, выявлено пять курганов, расположенных цепочкой по линии ССЗ–ЮЮВ к СВ от дороги. Курганы находятся к С от кутана Сугют и к ЮЮЗ от ближайших курганов юж. участка обширного Паласа-сыртского могильника сер. IV – сер. V в. Крайние с С и Ю курганы выделяются размерами насыпи (соответственно высота 1,6 и 2 м, диаметр 27 и 20 м). Насыпи остальных курганов имеют меньшие размеры – высоту от 0,6 до 1,5 м, диаметр 12–17 м. Расстояние между курганами от 30 до 115 м. Расстояние между двумя крайними курганами составляет ок. 270 м. Расположение выявленных курганов на плато Паласа-сырт и относительная их территориальная близость к Паласа-сыртскому курганному могильнику позволяет включить их в состав данного обширного некрополя в качестве самостоятельной, территориально изолированной группы и дать выявленным курганам продолжающуюся нумерацию (2282–2286).

Таким образом, границы Паласа-сыртского курганного могильника расширены в зап. направлении. Выявленная группа курганов, как и другие курганные могильники этой зоны Южного Дагестана (Паласа-сырт, Сугют, Пиренятаг, Донгуз-ноур, Кухмазкунт), очевидно, относится к кон. сарматского – нач. гуннского периода (сер. IV – сер. V в. н. э.) и к кругу памятников «страны маскутов» – известного в этот период по письмен-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.265-266

ным источникам маскуто-аланского военно-политического объединения в приморской зоне Южного Дагестана и Северного Азербайджана [*Малашев и др.*, 2015].

Абиев А. К., 2018. Археологические разведки на возвышенности Паласа-сырт и в балке Шур-Дере в 2016 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 1. С. 63–71.

Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. Махачкала: МавраевЪ. 451 с.

А. Л. Будайчиев, А. И. Таймазов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ПРИМОРСКОЙ ЧАСТИ ДЕРБЕНТА

Ключевые слова: сасанидский период, предмонгольский период, мусульманские погребения, укрепление

Дербентская новостроечная АЭ ИИАЭ Дагестанского НЦ РАН провела разведки в приморской части Дербента с внешней стороны сев. оборонительной стены города – за пределами средневекового шахристана. Работы выполнялись в связи с проектированием строительства винно-коньячного завода. Площадь участка обследования составляла 4,5 га. Заложены четыре разведочных шурфа (26–29).

Шурф 26 (2,4×2 м) заложен вплотную к сев. городской стене в месте стыка полукруглой башни 3 (по нумерации Е. А. Пахомова) и оборонительной стены. На данном участке оборонительной стены сохранились *in situ* несколько блоков-кронштейнов машикулей. Высота оборонительной стены от современной дневной поверхности в данном участке составляет 6,3 м. Подошва оборонительной стены зафиксирована в шурфе на гл. -4,95 м от нуля. Таким образом, сохранившаяся высота оборонительной стены с учетом вскрытой в шурфе части стены составляет ок. 11,25 м. Реальная высота стены составляла ок. 12,5 м.

В шурфе выявлено несколько слоев различного генезиса: слой 3 имеет аллювиальное происхождение; слой 4 отразил ремонтные работы на примыкающей башне в новое время (нач. XIX в.?); слой 5, содержащий фрагменты неполивной и глазурованной керамики X – нач. XIII в., отражает период расцвета города в предмонгольский период; слой 6, представляющий отходы камнеобработки (тески) и содержащий фрагменты сасанидской керамики, и связанная с ним строительная траншея под оборонительную стену отражают этап сооружения каменной фортификации Дербента в сер. VI в., точнее в 568–569 гг. (*Гаджиев*, 2006, с. 77–94; *Gadjiev*, 2008, p. 1–15).

На гл. -3,16 –3,22 м от нуля вплотную к оборонительной стене было обнаружено мусульманское безынвентарное погребение, впущенное

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.266-268

в слой 6 на глубину до 0,8 м. Погребение, перекрытое слоем 5 предмонгольского периода, датируется в рамках VIII–X вв.

Иная стратиграфическая картина наблюдалась в шурфах 27 и 28. В них под мусорными слоями (слои 1–3 шурфа 27, слой 1 шурфа 28) шло переслаивание горизонтов морского песка желтовато-коричневого оттенка с песчанистыми суглинками. Последние содержали фрагменты керамической посуды, в т. ч. показательные образцы глазурованных изделий домонгольского периода (X – нач. XIII в.; слой 7 в шурфе 27, слой 6 в шурфе 28), неполивной керамики сасанидского времени (сер. V – сер. VI в.; слои 9 и 11 шурфа 27) и единичные индивидуальные находки. В шурфе 29 культурные отложения не выявлены.

Таким образом, археологические разведки, проведенные на территории строительства винно-коньячного завода в г. Дербенте, предоставили новые данные по исторической топографии средневекового города и показали наличие на обследованном участке наслоений различного генезиса, содержащих в том числе археологический материал. Полученные данные фиксируют за пределами шахристана наличие культурных напластований, относящихся к предмонгольскому времени (X – нач. XIII в.) (шурфы 26–28) – периоду расцвета средневекового Дербента, когда город полностью занял территорию межстенного, архитектурно выделенного шахристана и когда активно стала использоваться ближняя и дальняя сельскохозяйственная округа города. Эти данные подтверждают также ранее полученные данные о прекращении активной жизни в городе во 2-й четв. XIII в., что было связано с монгольскими завоеваниями. Вместе с тем выделяются слои, относящиеся к позднесасанидскому времени и связанные с масштабным фортификационным строительством по возведению каменной оборонительной стены в сер. VI в. (шурфы 26, 27) и, возможно, сырцовой оборонительной стены в сер. V в. (шурф 27), полностью перегородивших Дербентский проход.

На зап. границе участка проведения археологических изысканий обнаружен котлован (4,8×4 м, глубина 2 м), в котором найдены мусульманские каменные саркофагообразные надмогильные памятники (6 экз.) XI–XII вв., а также каменные плиты (13) от разрушенных погребальных конструкций (каменных ящиков). Выявленные «саркофаги» однотипны по форме, имеют полукруглое сечение, с боковыми выступами, внутри полые; длина их колеблется в пределах 190–230 см, высота 40–50 см. Все они вытесаны из цельного каменного монолита; надписи на них отсутствуют. В срезах котлована зафиксированы также части десяти парных обломанных вертикально установленных боковых плит каменных ящиков, разрушенных экскаватором при рытье котлована и фиксирующих местонахождения пяти погребальных конструкций. Очевидно, что выявленные саркофагообразные надмогильные камни некогда были установлены над мусульманскими погребальными сооружениями в каменных ящиках. Выявленные «саркофаги» – самые крайние восточные в пределах средневекового некрополя Дербента, и они выступают наглядным подтверждением к гравюре Адама Олеария

(1637 г.), изображающей Дербент и его обширное сев. кладбище с такими надмогильными памятниками.

Гаджиев М. С., 2006. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // Вестник ИИАЭТ. № 1. С. 77–94.
Gadjiev M. S., 2008. On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex // Iran and the Caucasus. Vol. 12. No. 1. P. 1–15.

М. С. Гаджиев, А. К. Абиев,
А. Л. Будайчиев, А. М. Абдуллаев

РАСКОПКИ ДЕРБЕНТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: III–VI вв., крепостная стена, Чор/Чол, керамика

Дербентская АЭ ИИАЭТ Дагестанского НЦ РАН продолжила по гранту РГНФ (проект № 16-01-18022е) раскопки на территории Дербентского поселения, расположенного на отроге Джалганского хребта к Ю от цитадели Нарын-кала г. Дербента (Республика Дагестан).

Площадь раскопа XXV, заложенного в 2012 г. (*Гаджиев*, 2017; *Гаджиев, Будайчиев*, 2013, с. 108–129; *Гаджиев, Будайчиев, Абдулаев*, 2016, с. 144–173; *Гаджиев, Будайчиев, Абдулаев, Шаушев*, 2016, с. 168–187; 2017, с. 70–92), увеличена в юж. направлении на 29 кв. м и достигла 143 кв. м. Общая мощность культурных напластований достигает 3 м (слои 1–4). В результате проведенных работ вскрыты культурные слои, хозяйственно-бытовые и строительные остатки, датируемые III–VI вв., выявлены хозяйственные ямы 21–26, стены 12, 13 и продолжение стены 4, образующие помещения 6, 7а и 7б, средневековые мусульманские погребения (погр. 22–27), впущенные в культурный слой поселения, получен разнообразный археологический материал, представленный фрагментами и целыми экземплярами керамической посуды, изделиями из глины (пряслица, штыри), бронзы (головная булавка, кольцо), железа (гвозди), камня (зернотерка, пест), стекла (фрагменты сосудов).

В площади помещения 5 вскрыты нижняя часть слоя 3 и предматериковый слой 4. Общая прослеженная протяженность стены 4, связанной с отложением слоя 3, составила свыше 22 м; ее местоположение, направление, протяженность, более основательный характер по сравнению с другими стенами выявленных строений позволяют считать, что эта стена, обращенная своим наружным (вост.) фасом в сторону Прикаспийской равнины, выполняла роль внешней фасадной стены окраинных домостроений Дербентского поселения, выполняя тем самым и оборонительную функцию.

В результате снятия слоев 1 и 2 были расчищены помещения 6 и 7, относящиеся к концу формирования слоя 3, датируемые V в. и несущие следы пожара (зольные и обожженные пятна, скопления древес-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.268-269

ных угольков, следы сгоревших балок и жердей). В площади помещения 6 выявлены остатки глинобитной стационарной пристенной печи, а на уровне пола – скопления 11 археологических целых сосудов – кухонных, столовых, тарных. Обнаружение значительного количества сосудов в данном помещении (и отдельных целых сосудов в других секторах раскопа, связанных с функционированием данного жилищно-хозяйственного комплекса) может свидетельствовать о внезапности его оставления, связанного с какой-то угрозой, и последующей его гибели. Учитывая датировку слоев 2 и 3, мы склонны связывать это с бурными военно-политическими событиями 440–450-х гг. (вторжения гуннов, иранские военные кампании, антисасанидское восстание 450–451 гг.).

Полученные материалы характеризуют культуру и быт населения Дербентского поселения, идентифицируемого с городом-крепостью Чор/Чол, как центр, известный древним армянским, грузинским, сирийским, ранневизантийским и арабским авторам и выступавший важным административно-политическим, военно-стратегическим и религиозным центром Восточного Кавказа. Вместе с тем полученные материалы в настоящее время подтверждают отсутствие на территории поселения слоев, относящихся к последним векам до нашей эры и более раннему времени (предскифскому, скифскому). С другой стороны, стратиграфические данные раскопа фиксируют непрерывное и преемственное развитие поселения на протяжении нескольких столетий – с первых веков н. э. до сер. I тыс. н. э.

Гаджиев М. С., 2017. Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 гг.) // Вестник РФФИ. № 2.

Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л., 2013. Раскопки Дербентского поселения в 2012 г. // Вестник ИИАЭТ. № 4. С. 108–129.

Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л., Абдулаев А. М., 2016. Раскопки Дербентского поселения в 2013 г. // Вестник ИИАЭТ. № 1. С. 144–173.

Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л., Абдулаев А. М., Шаушев К. Б., 2016. Раскопки Дербентского поселения в 2014 г. // Вестник ИИАЭТ. № 3. С. 168–187.

Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л., Абдулаев А. М., Шаушев К. Б., 2017. Раскопки Дербентского поселения в 2015 г. // Вестник ИИАЭТ. № 1. С. 70–92.

V. ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

О. Н. Глазунова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В НИЖНЕЙ СЛОБОДЕ Г. ГОРОДЦА

Ключевые слова: XVII в., печь, рельефные изразцы, изображения птиц, поливная керамика

В 2016 г. при осмотре берега р. Волги в районе Нижней слободы найдены многочисленные обломки горелых изразцов кон. XVII в. Все изразцы были рельефными безрамочными ковровыми. Яма, заполненная кирпичами, хорошо читалась в срезе берега. Сразу стало ясно, что ситуация критическая. Нижегородские археологи, проводящие ежегодный мониторинг берега, отмечали, что обрушение произошло в текущем году, прошлой осенью ямы даже видно еще не было. В подобных случаях, если немедленно не предпринять спасательные работы, памятник будет потерян навсегда. Было принято решение раскопать объект малой площадью. Основной культурный слой Нижней слободы датируется XII–XIV вв. Гораздо более поздняя яма с изразцами прорезала этот слой. Яма представляла собой подполье жилого дома, в которое при пожаре провалился наземный этаж. Кирпичи и изразцы были навалены беспорядочно.

В результате проделанных работ собрана значительная коллекция печных изразцов кон. XVII – нач. XVIII в. Подобрался полный комплект печи, начиная от печных ножек и арки до завершающего городка, на котором изображен петух. Всего набралось 8 различных сюжетов лицевых изразцов, причем 2 были ранее неизвестны.

Изразцы сюжетные. В центре – различные птицы, заключенные в сложную секировидную рамку (рис. 46). Рамка объединяет изразцы в группы по 4. Подобные изразцы впервые были изготовлены в Москве как архитектурные для украшения Мостовой башни в Измайлове. Затем сюжеты, претерпев некоторые изменения, перекочевали на фасады ниже-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.270-271

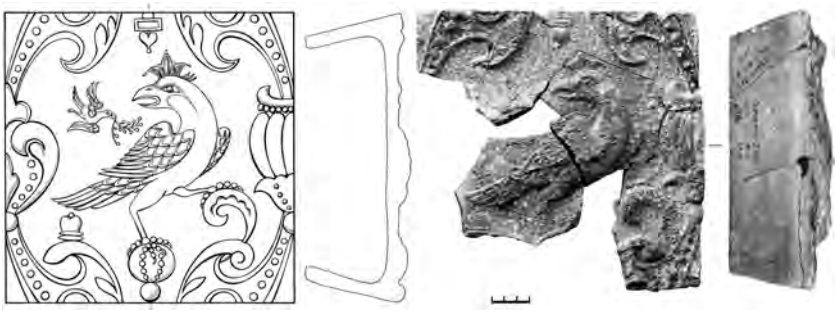

Рис. 46

городских церквей и в Соликамск. Стали они использоваться и в печах. Однако сохранили признаки, характерные для архитектурного изразца, крупные размеры и коробчатую румпу.

Интересно, что в собранном наборе часть птиц «смотрит» в ту же сторону, что и на известных архитектурных аналогах, а часть – в другую. Кроме того, обнаруживаются многочисленные мелкие различия, частично, возможно, обусловленные чередой реставраций, постепенно слегка изменивших облик изразцов, сохраняющихся в декоре. Это придает особую значимость нашим находкам. Благодаря им мы можем воссоздать подлинный облик изразцов XVII в.

Остается до конца не объясненным, почему при раскопках большинство изразцов было без поливы. Надо сказать, что все сохранившиеся архитектурные аналоги покрыты многоцветными поливами. Да и печные изразцы в подавляющем большинстве также полихромны. В ряде случаев без поливы оставляют боковые стенки печей, так как такие изразцы значительно более дешевы. Однако в Нижней слободе без поливы оказалось более 50%. Обычно наличие такого количества изразцов без поливы позволяет предположить их местное изготовление. Но подобное предположение требует доказательств. Так как наши изразцы побывали в пожаре, сказать определенно, были ли они использованы в печном декоре или только изготовлены, но так и не использованы, невозможно. Мы не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть версию изготовления изразцов в Городце.

Так как исследованная яма подполья прорезала средневековый слой Нижней слободы, был собран также материал XII–XV вв., в том числе половинка сланцевой литейной формы для пуговиц, рыболовные крючки и грузила, лодочные заклепки.

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

К. Н. Глушков

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В СЛОБОДСКОМ, ЯРАНСКОМ Р-НАХ И В Г. КИРОВО-ЧЕПЕЦКЕ

Ключевые слова: XVIII–XIX вв., новое время, селище, керамика

Экспедицией НПЦ по охране объектов культурного наследия Кировской обл. проводились работы в Слободском, Яранском р-нах и в г. Кирово-Чепецке.

Г. Слободский Слободского р-на. Проводилась разведка в зоне строительства тепловых сетей и котельных. В ходе проведения работ обнаружен участок культурного слоя зап. части г. Слободского XVIII–XIX вв. Он располагается в глубине коренного правого берега р. Вятки на перекрестке ул. Большевиков и Дерышева.

В двух заложенных шурфах обнаружено большое количество фрагментов глиняной посуды XVIII–XIX вв., фрагмент курительной трубки, фрагмент помадной банки, кости животных. Культурный слой представлен темно-коричневой гумусированной супесью мощностью 0,15–0,2 м. Площадь обнаруженного участка культурного слоя составляет 470 кв. м.

Яранский р-н. Целью экспедиции было обследование территорий Салобелякского, Сердежского, Никулятского сельских поселений, обнаружено три новых археологических памятника. Все они относятся к эпохе нового времени.

Селище Опали I (XVIII–XIX вв.) расположено на территории бывшей д. Опали на ровной площадке надпойменной террасы правого берега р. Шулки, бассейн р. Волги, к З от д. Энгенер. Территория памятника заросла травой, кустарниками и одиноко стоящими деревьями. Площадь селища составляет 23 500 кв. м. В ходе проведения разведки в двух шурфах и одной зачистке выявлен культурный слой в виде серой супеси мощностью 0,08–0,1 м и черной супеси мощностью 0,01–0,3 м, а также обнаружены фрагменты гончарной керамики.

Селище Опали II (XVIII–XIX вв.) расположено на надпойменной террасе левого берега р. Шулки, бассейн р. Волги, к З от д. Энгенер. Территория памятника заросла травой. Площадь объекта составляет 5500 кв. м. В ходе проведения археологической разведки в качестве подъемного материала и в одной заложенной зачистке на территории селища обнаружены фрагменты гончарной керамики. Культурный слой представлен черной супесью мощностью 0,1–0,19 м.

Селище Атлабанур (XVIII–XIX вв.) расположено на мысу в устье р. Сердежанки и образованном террасами правого берега р. Сердежанки и правого берега р. Бурданки, бассейн р. Вятки, на территории ур. Атлабанур. Территория селища заросла травой и деревьями. Площадь па-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.272-273

мятника составляет 113 000 кв. м. В ходе проведения разведки в зачистке и шурфе обнаружены фрагменты гончарной керамики и культурный слой в виде серой супеси мощностью 0,2–0,4 м.

Г. Кирово-Чепецк. Проведена разведка в зоне строительства АГНКС на пересечении ул. Мелиораторов и ул. Производственной. В результате выявлено селище Прокошевы нового времени. Памятник располагается в глубине коренного левого берега р. Вятки на юж. окраине г. Кирово-Чепецка. В двух шурфах и двух зачистках обнаружен культурный слой в виде темно-серой супеси мощностью 0,25–0,35 м и светло-коричневой супеси мощностью 0,35–0,4 м. Находки представлены фрагментами гончарной керамики XVIII–XIX вв.

При этом есть основания предполагать распространение культурного слоя за пределами участка строительства АГНКС. Однако вследствие проведения археологических работ в соответствии с условиями договора и выданным открытым листом лишь в границах земельного участка определить точные границы памятника археологии не удалось. Прослеженная площадь распространения культурного слоя составляет 3500 кв. м.

А. В. Егоров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В Г. КИРОВЕ И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: XVII–XX вв., керамика, грунтовый могильник, жертвенник, налобная повязка, ломоватовская культура, родановская культура

Экспедицией НПЦ по охране объектов культурного наследия Кировской обл. проведены раскопки Монастырской слободы XVII–XIX вв. на территории г. Кирова, Волковского могильника XVI–XVIII вв. в Слободском р-не и разведка на территории Афанасьевского р-на Кировской обл.

На территории г. Кирова обследованию подвергнут участок площадью 0,35 га, отведенный под постройку жилого дома по ул. Водопроводной, расположенный в глубине левого коренного берега р. Вятки. В 2015 г. на данном участке в ходе археологической разведки выявлен памятник археологии «Монастырская слобода XVII–XIX вв.», известный по письменным источникам с 1628 г. В ходе проведения работ раскопана площадь в 892 кв. м, прослежена стратиграфия XIX–XX вв. и получены фрагментарные данные о жизни населения слободы в XVII–XVIII вв. Выявлено 29 сооружений, в основном относящихся к усадьбам XIX в., которые располагались по ул. Водопроводной, 15 и 17 (в соответствии с современной планировкой). Культурный слой монастырской слободы, попавший в границы раскопа, сильно переработан в результате строительной и хозяйственной деятельности на исследуемом участке в XIX–XX вв.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.273-274

Среди находок – фрагменты гончарной глиняной посуды XVII–XX вв., железные пищальные ядра, кованые ножи, гербовые пуговицы XIX в., костяная игла для плетения сетей, фрагменты глиняных игрушек, нательные кресты и иконки, глиняная курительная трубка, кованые гвозди и проч. Культурный слой в границах раскопа изучен полностью.

В ходе исследований на территории Слободского р-на раскопкам подвергся участок Волковского могильника площадью 20 кв. м, расположенный в с. Волково по ул. Верхней, рядом с Троицкой ц. В ходе раскопок выявлено и изучено 20 погребений, ориентированных по линии ЮЗ–СВ, и 1 жертвенная яма. Погребения располагались несколькими рядами, а в некоторых случаях – ярусами. Погребенные лежат вытянуто на спине, руки скрещены на груди либо лежат на тазу. В заполнении могильных ям фиксируется уголь и фрагменты керамики, реже – кости животных. На изученной части могильника выявлены жертвенные комплексы в виде жертвенной ямы 1 (представлена углем, обожженной керамикой, костями и обугленными можжевеловыми поленьями на дне), а также собственно в погребениях (скоба от топора в районе головы в погребении 9, проволочная серьга в районе груди детского погребения 2 и др.). Погребения 2 и 6 расположены в одной могильной яме размером 80×40 см, обнесенной по краям рамой из деревянных досок. Погребение 2 совершено в лубе. В качестве материала в погребениях выявлены нательные кресты, иконка, украшения, налобные повязки, бисер и др.

Некоторые элементы погребального обряда, в частности наличие у двоих погребенных характерных налобных повязок, позволяет с определенной долей уверенности соотнести вскрытую часть могильника с погребениями местного финно-угорского (удмуртского) либо смешанного русско-удмуртского населения, уже крещенного, но не отказавшегося в полной мере от традиционного обряда погребения. Многочисленные аналогии как топографии могильника и особенностей погребального обряда, так и погребального инвентаря прослеживаются с поздними удмуртскими могильниками на территории современной Удмуртской Республики.

В ходе археологической разведки в бассейне р. Камы на территории Афанасьевского р-на определены границы Васиневского (ломоватовская культура, VIII–IX вв.), Аверинского (ломоватовская культура, VI–XI вв.; родановская культура, XII–XIV вв.), Горт-Кушетского (ломоватовская культура, VII–IX вв.; родановская культура, X–XII вв.) могильников. На Аверинском и Горт-Кушетском могильниках зафиксированы неисследованные погребения и жертвенные комплексы, что позволяет сделать вывод о неполной изученности данных памятников в ходе предшествующих работ. Была исследована местность предположительного расположения Грибятского могильника, однако следов памятника выявлено не было, что позволило сделать вывод о его разрушении.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Г. П. Головчанский

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА МЕЛЕХИНО 1 В ЧЕРДЫНСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: средневековье, ломоватовская культура, родановская культура, грунтовый могильник, детали костюма

Отряд Камской АЭ Частного учр. доп. проф. образования «Учебно-научный центр Волант-Наука» проводил раскопки могильника Мелехино 1 в Чердынском р-не Пермского края.

Памятник расположен к Ю от бывшей д. Мелехино, к ЮВ от с. Пянтег Чердынского р-на на левом берегу р. Камы, в 1,5 км от ее берега на пологом мысу, круто обрывающемся к узкой долине безымянного ручья, граничит с З с проселочной дорогой Пянтег – Лимеж. Сев. часть мыса занята узкой полоской старых елей, на зап. растут отдельные деревья и кусты, к Ю от могильника растет молодой сосновый лес, вост. часть могильника залесена. Территорию могильника пересекает лесная дорога. На территории могильника фиксируются следы ранее существовавших овощехранилища, тока, фиксируются несколько крупных ям и многочисленные грабительские раскопы и закопушки. Часть грабительских раскопов и закопушек уже покрылась мхом, что свидетельствует о их сравнительной давности возникновения, часть – совершенно свежие, выполненные не ранее весны – лета 2016 г. Общая площадь свежих разрушений 2016 г. составляет не менее 100 кв. м.

Основной задачей проведения работ являлось предотвращение разрушения памятника путем раскопок, а также получение научной информации о древней истории Прикамья.

Находки с Мелехинского могильника известны с кон. XIX в. – они отражены в работах Н. Н. Новокрещенных, И. Я. Кривощекова, И. Г. Остроумова. Известен «Каталог выставки археологических коллекций и предметов древности Пермского края», в котором среди прочих экспонатов перечисляются вещи, найденные близ д. Мелехина (дореволюционное написание названия деревни) Пянтежской волости Чердынского уезда: части сложных украшений, идол с драконом в виде медальона, птицевидный идол, украшение на пояс в виде росомахи.

В 1961 г. могильник был обследован В. А. Обориным, который датировал могильник по вещам, найденным на нем и хранящимся в разных музеях (ГЭ, ГИМ, Пермский и Чердынский музеи) IX–X вв., и отнес его к раннему (лаврятскому) этапу родановской культуры.

В 1962 г. могильник раскапывался Ю. А. Поляковым под рук. В. А. Оборина. Им было заложено три раскопа общей площадью 224 кв. м. Всего в 1962 г. было вскрыто 14 погребений. В 2000 г. в ходе проведения

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.275-277

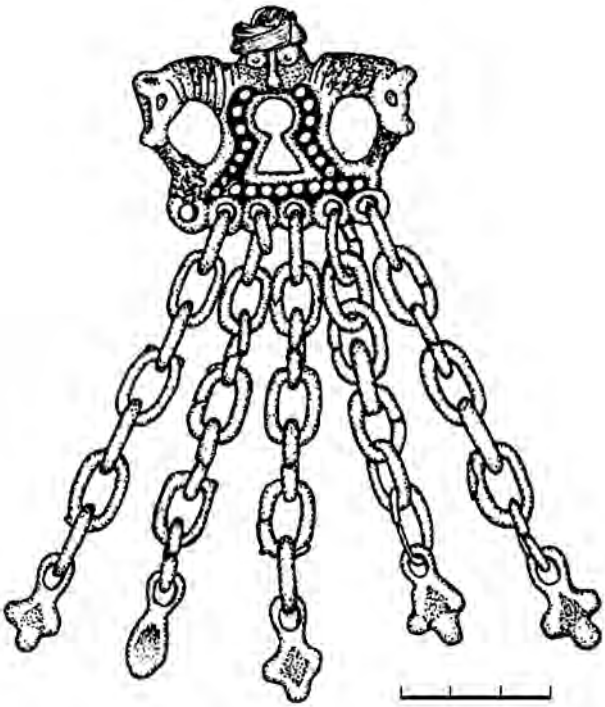

Рис. 47. Могильник Мелехино 1. Коньковая подвеска. X в. н. э. В верхней части ушко для подвешивания, с сохранившимся фрагментом кожаного ремешка

инвентаризации памятник был осмотрен Н. В. Кулябиной. В 2006 г. в ходе мониторинга состояния и использования объектов археологического наследия могильник обследовался С. В. Шатуновым. Им же выявлены многочисленные следы несанкционированных раскопок. В 2013–2014 гг. памятник раскапывался Г. П. Головчанским, в 2015 г. – Е. В. Чуйкиной. Всего в 2013–2015 гг. вскрыто 407 кв. м, изучено 43 погребения.

В 2016 г. могильник изучался Г. П. Головчанским, было вскрыто 92 кв. м, изучено 13 погребений. Погребения имели различную ориентацию по сторонам света (З, СЗ, С), кроме этого, часто перекрывали друг друга. Погребальный обряд, применявшийся на могильнике в районе раскопа 2016 г., – трупоположение. Антропологический материал, ввиду особенности почв, сохранился скудно.

Территория могильника ранее распахивалась, поэтому погребения, расположенные неглубоко от поверхности, частично нарушены пахотой. Находки, происходящие из разрушенных погребений, фиксируются в пахоте.

Найденные предметы делятся на две категории по способу залегания: из разрушившего часть могил пахотного слоя и непосредственно из могил. Значительная доля погребального инвентаря представлена предметами из бронзы, серебра, железа. Это в основном украшения и принадлежности костюма (рис. 47). Зафиксирована находка серебряной монеты предположительно X в. Из бронзовых украшений встречались пронизки и бусины. Из железных предметов найдены обломки ножей.

Суммируя все сведения о материальной культуре могильника Мелехино с учетом данных, полученных во время раскопок 1962–2015 гг., можно сделать заключение, что вещевой комплекс относится к широкому хронологическому периоду от VII–VIII вв. (урьинский этап ломоватовской археологической культуры) до IX–XII вв. (ранний этап родановской археологической культуры) включительно.

Результаты работ 2016 г. не противоречат результатам, полученным В. А. Обориным, Г. П. Головчанским и Е. В. Чуйкиной в предыдущие годы исследований: отличительным признаком погребального обряда могильника Мелехино I является трупоположение. Об этом свидетельствует присутствие сырых костей человека. Ориентация могил, вероятно, определялась протеканием р. Камы, и могилы были ориентированы на нее.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все единовременные могильники, расположенные в районе Пянтега (Лимеж 1, Мелехино 1, Сартаково 1, селище-могильник Амбор), приурочены к песчаным дюнам, выделяющимся в рельефе местности. По-видимому, наличие таких дюн было непременным условием для определения места под захоронения. Также все эти могильники приурочены к р. Каме или р. Вишере (Сартаково), находящейся в пределах видимости, но на значительном отдалении (от 500 м до 1,5 км).

А. В. Данич

ИССЛЕДОВАНИЯ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Ключевые слова: грунтовый могильник, средневековье, X в., ломоватовская культура, финно-угры

Отрядом Камской АЭЭ ПГГПУ проведены работы на разрушающемся Баяновском I могильнике на территории Перемской сельской администрации МО г. Добрянка Пермского края. В работах, кроме автора отчета, приняли участие студенты и выпускники ПГГПУ.

Работы проводились к СЗ от д. Бояново на правом берегу р. Исток, бассейн р. Камы, на гребне пологого холма. С СВ и ЮВ к могильнику примыкают карстовые воронки, с З памятник ограничен карьером. Зап. часть памятника интенсивно разрушалась в 2003–2004 гг. «черными

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.277-279

археологами» из г. Москвы. Нами насчитано более 110 грабительских ям глубиной от 20 до 60 см. По памятнику проходит лесная дорога.

Могильник обнаружен весной 1951 г. при разработке карьера, которым была разрушена часть памятника. Солдаты воинской части, строившей дорогу, собрали эти вещи и сообщили о находках в Молотовский (Пермский) областной краеведческий музей, а затем в Молотовский ГУ. В 1951 и 1953 гг. памятник изучался В. А. Обориным, было исследовано 17 погребений [*Оборин*, 1953; 1965].

Работы 2016 г. продолжали исследования, начатые в 2005–2015 гг. автором статьи. В этом сезоне планировалось раскопать 64 кв. м. На памятнике заложено три сектора. Общая площадь вскрытой поверхности составила 205 кв. м.

На секторе А исследовано 22 погребения, расположенные 2 рядами. Два оказались полностью разрушенными грабительскими раскопками. Ориентировка могильных ям: первый ряд – 4 погребения ССЗ–ЮЮВ; 4 погребения С–Ю; 1 погребение ССВ–ЮЮЗ; второй ряд – 7 погребений С–Ю; 4 погребения ССЗ–ЮЮВ; 2 погребения ССВ–ЮЮЗ. Погребения продолжают ряды, идущие с З–ЮЗ на В–СВ раскопа 2015 г. и понемногу принимающие направление З–В.

На секторе Б исследовано 14 погребений, расположенных 4 рядами. Шесть из них оказались полностью разрушенными грабительскими раскопками. Ориентировка могильных ям: первый ряд – 1 погребение С–Ю; второй ряд – 4 погребения ССЗ–ЮЮВ; третий ряд – 3 погребения С–Ю; четвертый ряд – 3 погребения ССВ–ЮЮЗ; 3 погребения СВ–ЮЗ. Погребения продолжают ряды, идущие с З–ЮЗ на В–СВ раскопов 2011, 2014 гг. Нижний ряд резко меняет свое направление и загибается на СЗ.

На секторе В было исследовано 10 погребений, расположенных 2 рядами. Ориентировка могильных ям: первый ряд – 3 погребения ССЗ–ЮЮВ; 2 погребения С–Ю; второй ряд – 4 погребения ССЗ–ЮЮВ; 1 погребение СЗ–ЮВ.

Таким образом, за 2016 г. на трех секторах изучено 46 погребений, расположенных 6 рядами. Могильные ямы имеют овально-подпрямоугольную форму и отвесные стенки, плавно переходящие в ровное дно. Глубина ям 0,50–0,65 м от поверхности.

Погребения совершены по обряду ингумации – в погребениях отсутствуют кальцинированые кости, прокалы, мощные углисто-зольные пятна. Следов огня нет и на украшениях. Только в засыпи всех погребений содержатся мелкие угольки, что связано с культом огня. Судя по расположению инвентаря и остатков костяков в захоронениях, можно говорить о том, что погребенные лежали ногами к реке. Этот обряд захоронения умерших отмечен в Прикамье с эпохи раннего железа.

Остатки погребальных сооружений не обнаружены. Исходя из того, что случаев взаимопроникновений погребений на могильнике практически не обнаружено, можно предположить наличие наземных сооружений.

На присутствие культа коня указывают многочисленные находки костей и зубов этого животного. По мнению Е. П. Казакова, данное явление наиболее характерно для угорского мира [*Казаков*, 2001, с. 160].

Сопровождающий погребения вещевой материал представлен височными кольцами, ножами, бронзовыми и стальными кресалами, поясами с накладками из оловянистого сплава и бронзовыми пряжками, фрагментами серебряных масок, стеклянными и каменными бусинами, дирхемами и др.

В ходе работ исследованы останки 29 индивидов из 26 погребений и с участка межмогильного пространства. Среди них достоверно определяемых – 2 мужчины, 4 ребенка до 15 лет, индивид до 20 лет, 12 взрослых людей. Там, где удалось определить, возрастной интервал взрослых людей составлил 20–55 лет. В остальных случаях половозрастные оценки получить не удалось.

В большинстве могил погребенные уложены на спину головой на С с отклонением на СЗ или СВ. Ноги выпрямлены. Челюсти погребенных сомкнуты, нижняя челюсть стоит на основании (иногда слегка завалившись набок), это позволяет предполагать наличие подстилки под головой. Руки вытянуты вдоль корпуса. Таз там, где удалось зафиксировать, – раскрыт, кости лежат на наружных поверхностях. Так происходит, когда вокруг покойного остается некоторое пространство, в котором возможно движение костей. Вероятно, тело оборачивали в плотный материал (кожа, шкура, береста). В основном погребения одиночные, кроме погребения 385, где одновременно похоронены трое взрослых мужчин.

В целом, основываясь на обряде погребения и вещевом материале, можно сделать вывод, что могильник оставлен угорским населением Пермского Предуралья, очень близким по этнокультурным традициям к венграм периода обретения родины, и относится к ломоватовской археологической культуре. Погребения, исследованные в этом году, можно датировать X в.

Таким образом, за четырнадцать лет исследований Баяновского могильника на площади 2280 кв. м было изучено 406 погребений.

Казаков Е. П., 2001. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: тезисы докладов межд. науч. конф. Оренбург: ОГПУ. С. 160.

Оборин В. А., 1953. Баяновский могильник на р. Косьве // Ученые записки ПГУ. Т. IX. Вып. 3. Труды КАЭ. Вып. 1. Харьков. С. 145–161.

Оборин В. А., 1965. Памятники родановской культуры у с. Таборы // КСИИМК. Вып. 65. М. С. 107–118.

О. А. Казанцева

ИССЛЕДОВАНИЯ КУДАШЕВСКОГО I МОГИЛЬНИКА

Ключевые слова: грунтовый могильник, пряжки, бусы, IV–V вв.

Отряд Камско-Вятской АЭ Удмуртского ГУ (г. Ижевск) продолжал стационарные исследования Кудашевского I могильника. Памятник расположен в Бардымском р-не Пермского края Приволжского федерального округа. Могильник размещается на правом берегу р. Большая Амзя, бассейн р. Камы.

Раскопом 2016 г. продолжено изучение грунтовой (ЮЗ) части некрополя. Вскрыто 48 кв. м площади, на которой зафиксированы 2 ритуальные ямы, 7 индивидуальных погребений. Яма 30 имеет прямоугольную форму 175×110 см, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ, в ней найдена лепная керамика. При зачистке дна ямы 30 в ее СВ части выявлена яма 31 овальной формы и размерами 46×32 см. Ориентирована в направлении С–Ю, находок нет. Могильные ямы прямоугольной формы, ориентированы по линии СВ–ЮЗ. Параметры погребений: длина от 130 до 215 см, ширина от 43 до 100 см, глубина от 11 до 93 см. Вещи представлены обломками лепной керамики, пластинкой из кремня с площади раскопа и предметами из погребений: железные ножи, шило, фрагмент удил, наконечники копий и пряжка, фрагменты бронзовых пряжек и гривны ромбического сечения. Найдена трехсоставная бронзовая пряжка, которая морфологически соответствует пряжкам типа П8 [*Малашев*, 2000, с. 196]. Обнаружено ожерелье, состоящее из разноцветного стеклянного бисера печеночного и голубого цвета. В одном из погребений найдены круглые стеклянные и янтарная бусы. На основании вещевого материала полевого сезона 2016 г. дата памятника определена IV–V вв. н. э.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Т. I. Сер. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.

Н. Б. Крыласова

ИССЛЕДОВАНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: городище, ров, частокол, жилища, грунтовый могильник, X–XIV вв.

Отряд Камской АЭЭ ПГГПУ продолжал раскопки Рождественского археологического комплекса. Комплекс, занимающий несколько выступов коренного левого берега р. Обва, правого притока р. Кама, включает Филипповское (малое) и Рождественское (большое) средневековые городища, неукрепленный посад, мусульманский домонгольский некрополь и средневековый языческий могильник.

На Рождественском городище продолжены исследования на раскопе IX, где в 2014–2016 гг. полностью или частично изучено 5 жилищ, расположенных двумя рядами параллельно логу, ограничивающему с В площадку городища [*Крыласова*, 2017].

В 2016 г. завершено исследование наиболее крупного и информативного жилища 1, которое, предположительно, представляло собой двухэтажную постройку [*Крыласова*, 2016]. Изучены столбовые конструкции в основании его сев. и вост. стен, стали точно известны размеры жилища:

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.280-284

длина – 18 м, ширина – 10 м, площадь – 180 кв. м. Жилище было ориентировано по линии ВСВ–ЗЮЗ, торцевой вост. стеной – к Постаноговскому логу, ограничивающему площадку городища с В. В основании сев. стены выявлен двойной ряд столбовых ям, занимавший пространство длиной 7 м в районе центральной части стены, и столбовые ямы в углах жилища. Это может объясняться тем, что стандартная длина делового бревна обычно составляет 9 м; бревна, образующие сев. стену, могли закрепляться в пазах угловых столбов, а там, где находился стык, помещались между двумя рядами столбов. Параллельно сев. стене располагалась дренажная канавка.

Продолжено изучение жилища 2, расположенного в 2 м севернее жилища 1 параллельно ему. Оно, как и жилище 1, имело каркасно-столбовую конструкцию и прямоугольную форму. В 2015–2016 гг. жилище 2 вскрыто почти целиком, осталась не исследованной только зап. стена, где располагался выход. Длина жилища 2 составляла 17 м, ширина – 6 м, площадь – 102 кв. м. В основании юж. стены жилища 2 располагался двойной ряд столбовых ям, в зап. части, где стена выходила на открытое пространство, вдоль нее прослеживалась завалинка, а восточнее, между жилищами 1 и 2, – мостки на основании из кольев. В основании сев. стены выявлен одинарный ряд столбовых ям, менее крупных, чем с юж. стороны; в 1 м севернее параллельно располагалось вновь выявленное на раскопе жилище 5, пространство между жилищами также было обустроено мостками и, вероятно, закрыто, что обеспечивало надежную теплоизоляцию обоим домам. В основании двускатной кровли находилось 3 параллельных ряда опорных столбов: один – на осевой линии жилища в основании князевой балки, два – на расстоянии 1 м от сев. и юж. стен – в основании стропил.

Исследованная часть жилища 5 составила 72 кв. м, в его пределах почти целиком изучена юж. стена длиной 16,5 м, в основании которой прослеживался одинарный ряд столбов. На расстоянии 4,3 м от юж. стены жилища 5 параллельно ей прослеживался центральный двойной ряд опорных столбов кровли, что может свидетельствовать о наличии пары балок на коньке кровли с целью устройства щели, предназначенной для выхода дыма. На расстоянии 2 м к С и к Ю от осевого ряда прослеживались параллельные ему ряды столбов в основании стропил.

Все три жилища были разделены перегородкой на две части, причем меньшая (зап.) часть, где располагался выход, соотносилась с остальной площадью в пропорции 1:2. В интерьере всех жилищ вдоль стен прослежены основания нар шириной 2 м или пристенных лавок шириной 1 м в виде конструкций из вбитых в землю двойными рядами кольев, между которыми горизонтально закладывались тонкие бревна – на эти «стеночки» укладывался дощатый настил. Такая конструкция являлась универсальной и при сооружении иных малых архитектурных форм: отмостки вокруг жилищ, галереи вдоль зап. стены жилища 1, рабочих столов возле печей и пр.

Наблюдения показали, что при постройке жилищ всегда сооружался дощатый пол на лагах из жердей, который занимал только пространство между нарами. В процессе эксплуатации жилищ пол неоднократно

обновлялся, периодически, в особенности возле печей, он перекрывался слоем глины, местами обожженной. Расположение печей тяготело к углам между длинной стеной и перегородкой. При сооружении надземной части печей нередко в качестве основы использовали несущие столбы кровли. Отмечалось и расположение печей вдоль осевой линии жилищ со сдвигом к сев. стене. Большое количество тепловых устройств в помещениях (например, в жилище 1–4 печи и наземный очаг) объясняется заменой обветшавших сооружений на новые в процессе эксплуатации жилищ. Преобладающим типом тепловых устройств являлись печи на ямах-подпечьях, типичные для Рождественского городища [*Крылосова*, 2015]. Подпечья преимущественно предназначались для хранения продуктовых запасов и приготовленной пищи.

Все изученные в 2016 г. жилища датируются в пределах XI–XII вв. Среди находок кроме бытовых вещей, хозяйственных инструментов и орудий домашнего производства присутствовали остатки кузнечного и литейного производства (шлаки, крицы и кузнечные заготовки, фрагменты тиглей, льячки, литейные формочки, полуфабрикаты, слитки). К числу наиболее интересных находок принадлежат обнаруженные в пределах жилища 2 несколько цилиндрических пружинных замков, обтянутых медью, и ключи; железная булава в виде шестигранника со срезанными углами, сопровождавшаяся гвоздем с большой полусферической шляпкой (рис. 48: *1, 2*) – первая подобная находка на территории Пермского края (такие булавы датируются XII–XIII вв., характерны для Древней Руси и Волжской Булгарии [*Белорыбкин*, 2001, с. 145, рис. 82/3–4]); костяная шахматная фигурка (рис. 48: *3*), аналогичная фигуркам (пешкам), найденным на территории Волжской Булгарии [*Закирова*, 1988, с. 233]; костяное писало (стилос) (рис. 48: *4*), которое можно отнести к типу 15 по классификации Б. Б. Овчинниковой [*Овчиникова*, 2000, с. 58–59, рис. 14]. В этом же жилище в одной из ям найдено скопление железных заклепок (119 экз.), которые, предположительно, могли быть связаны с конструкцией доспеха. Эти находки свидетельствуют о высоком социальном и имущественном статусе главы семейства, проживавшего в этом доме.

Также выявлены остатки фортификационных сооружений, о которых ранее не было известно. На участках, примыкающих к Постаноговскому логу, изучен фрагмент рва шириной 2,7 м, вытянутого параллельно логу. Перед постройкой жилищ ров был засыпан, роль фортификационного сооружения стали выполнять обращенные к логу торцевые стенки жилищ, построенных почти вплотную друг к другу. После разрушения жилищ вдоль лога в небольшой канавке был установлен частокол из толстых бревен.

На Рождественском могильнике на площади 141 кв. м исследовано 38 погребений, которые имели типичное для данного памятника расположение рядами, вытянутыми вдоль течения р. Обва, ориентировку по линии ССЗ–ЮЮВ – ногами к реке. Фрагменты костяков выявлены в 14 погребениях. В целом зап. участок могильника, исследованный в 2016 г., отличался небольшой глубиной захоронений, что, вероятно, обусловило плохую сохранность костяков, а также отсутствием или бедностью по-

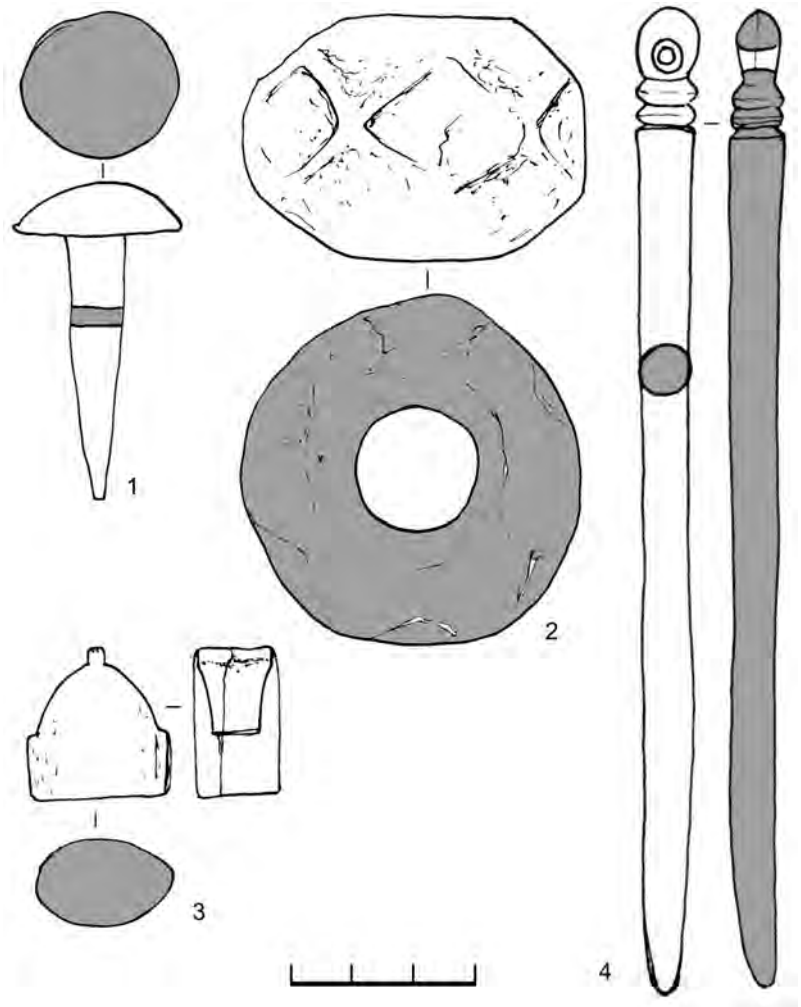

Рис. 48

гребального инвентаря (за исключением одного погребения). Возможно, на этом периферийном участке могильника хоронили представителей низкого социального статуса. Кроме погребений изучено 16 жертвенно-поминальных комплексов в виде типичных для Рождественского могильника округлых ям, окруженных столбовыми ямками от кольев. В пяти ямах обнаружены зубы и кости животных, в одной яме – желтая стеклянная бусина и бронзовая накладка, в одной – железные удила.

Белорыбкин Г. Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК РАН. 198 с.
Закирова И. А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 220–243
Крыласова Н. Б., 2015. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды Камской АЭЭ. № 10. С. 125–137.
Крыласова Н. Б., 2016. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского НЦ УрО РАН. № 3. С. 63–76.
Крыласова Н. Б., 2017. Раскопки Рождественского археологического комплекса // АО. 2015 г. М.: ИА РАН. С. 307–310.
Овчинникова Б. Б., 2000. Писала-стилосы Древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург. С. 45–105.

Е. Л. Лычагина, Е. Н. Митрошин

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК-МАСТЕРСКИХ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО X И XI

Ключевые слова: радиоуглерод, палинология, отщепы, микролиты, камская культура, мезолит

Отряды Камской АЭЭ ПГГПУ производили раскопки стоянок в окрестностях г. Березники Пермского края.

Стоянка **Чашкинское Озеро X** находится к СЗ от г. Березники, в его пригородной зоне, к ЮЗ от д. Чашкино Соликамского р-на, на мысу, образовавшемся в результате впадения в озеро безымянного ручья. Площадка мыса активно эксплуатируется жителями близлежащих населенных пунктов (д. Чашкино, г. Березники, г. Соликамск). Мыс с трех сторон омывается водами Чашкинского оз. и безымянного ручья. С ЮЗ стороны расположена подтопляемая болотистая пойма.

Памятник открыт Е. Н. Митрошиным в 2014 г. в ходе проведения археологической разведки по вост. берегу озера [*Митрошин*, 2015, с. 17]. Им же была проведена шурфовка памятника в 2015 г., которая показала его перспективность для исследований [*Митрошин*, 2016, с. 16]). При разборе шурфа собран уголь для анализа. Полученная дата подтвердила мезолитический возраст памятника (8000±200 BP, Le-10792) [*Митрошин и др.*, 2016, с. 120].

В 2016 г. на стоянке проведены раскопки под рук. Е. Л. Лычагиной. Раскоп площадью 72 кв. м разбит в центральной, наиболее высокой части памятника вокруг шурфа 2015 г.

В ходе работ удалось зафиксировать остатки производственных площадок, на которых происходило расщепление кремня. Их маркировали скопления отходов производства – чешуек, мелких отщепов, технических сколов и остаточных нуклеусов, углубления культурного слоя, имевшего чуть более темную окрашенность, чем основной культурный слой. Наибольший интерес вызывает яма 1, которая является частью построй-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.284-287

ки мезолитического времени и нуждается в дальнейших исследованиях [*Лычагина*, 2016, с. 39–40]. Отобран органогенный материал для радиоуглеродного датирования и палинологическая колонка.

Коллекция 2016 г. состоит из 4584 предметов. К ним относятся 7 фрагментов керамики и 4577 изделий из камня.

Керамический комплекс представлен мелкими фрагментами стенок и одним фрагментом венчика. Венчик скошенный внутрь с наплывом, его толщина 1 см. Фрагменты стенок имели толщину 0,7–0,8 см. На 2 фрагментах от одного сосуда прослежена орнаментация неглубокими овальными ямками. Еще один фрагмент был орнаментирован диагональными рядами гребенчатого штампа. Керамический комплекс может быть отнесен к развитому этапу камской неолитической культуры [*Лычагина*, 2013, с. 64; *Лычагина, Батуева*, 2016, с. 113–115].

Основную часть коллекции каменного инвентаря составляют отходы производства. К ним мы относим: отщепы (643 экземпляра), пластинчатые отщепы (168), неправильные пластины (39), ребристые пластины (54), случайные сколы и осколки (67), первичные сколы с галек (134), чешуйки (2622). Всего: 3727 (81,5% от всей коллекции).

Довольно значительную коллекцию составляют нуклевидные формы (179; 4%). При этом целые нуклеусы представлены всего 7 экземплярами. К пренуклеусам отнесено 3 изделия. Остальные изделия относятся к различным сколам, образовавшимся при первичной и технической обработке нуклеусов.

Пластин правильных форм и их фрагментов – 653 экземпляра (14,5% от всей коллекции). 85% пластин имеет ширину не более 10 мм и относится к мелким и микропластинам. На части пластин заметны следы сработанности в виде залощений или мелких выкрошенностей – ретуши утилизации. Целенаправленной вторичной обработке пластины подвергались крайне редко (не более 3%).

К орудиям отнесено 43 предмета (1%). Небольшое количество предметов со следами вторичной обработки, возможно, свидетельствует о том, что исследованная часть памятника в большей степени использовалась для обработки камня, нежели для производства каких-то хозяйственных операций. К основным типам орудий относятся: пластины и отщепы с ретушью, скребки и их фрагменты, резцы, отбойники и их фрагменты.

В целом коллекция каменного инвентаря не отличается большим разнообразием. К ее характерным особенностям можно отнести: использование местного низкокачественного сырья, высокий уровень микролитизации, низкий уровень изделий со следами вторичной обработки, небольшое разнообразие в номенклатуре орудий. Ближайшие аналогии данному комплексу можно найти на других памятниках Чашкинского микрорегиона – стоянках Запоселье и Чашкинское Озеро V [*Крыласова и др*., 2014]. Стоянка Чашкинское Озеро X может быть отнесена к развитому (огурдинскому) этапу камской мезолитической культуры [*Бадер*, 1966; *Лычагина*, 2013].

Отряд под рук. Е. Н. Митрошина провел раскопки стоянки **Чашкинское Озеро XI**. Работы финансировались за счет средств гранта РГНФ № 16-11-59601 е/У.

Стоянка находится к СЗ от г. Березники Пермского края, в его пригородной зоне, к ЮЗ от д. Чашкино Соликамского р-на. Территория памятника представляет собой край надпойменной террасы Чашкинского оз. (высота от современного уреза воды ок. 11 м) и в настоящее время находится в глубине лесного массива в 60 м от берега.

Памятник открыт Е. Н. Митрошиным в 2014 г. в ходе археологической разведки по вост. берегу озера [*Митрошин*, 2015, с. 21], проведена шурфовка памятника в 2015 г., которая показала его перспективность для исследований [*Митрошин*, 2016, с. 19]. При разборе шурфа получен интересный каменный инвентарь, а также собран материал для палинологического анализа.

В 2016 г. на стоянке проведены разведочные раскопки для более точного определения культурной принадлежности, перспективности дальнейших исследований и сбора материала для радиоуглеродного анализа. Раскоп площадью 16 кв. м прирезан к шурфу 2015 г.

Остатков сооружений не обнаружено. Культурный слой, в котором зафиксировано большинство находок, представлял собой темно-коричневую увлажненную супесь. Средняя мощность слоя достигала 0,3 м. Однако ближе к СВ части разведочного раскопа мощность слоя увеличивается до 0,4 м, и именно на этом участке фиксируется больше половины находок.

Коллекция, собранная в результате исследований 2016 г., состоит из 271 артефакта из камня. Основным сырьем для изготовления орудий служил кремень разных оттенков – 218 экземпляров (в основном темно-коричневый полупрозрачный, серый и сургучный кремень) галечникового происхождения. Однако также встречаются орудия, изготовленные из других пород – окремненного известняка (24), доломита (25), халцедона (3) и кварцито-песчаника (1).

К отходам производства отнесены только чешуйки (57). Формой заготовки для орудий служили: мелкие отщепы (11), средние пластинчатые отщепы (1), мелкие пластинчатые отщепы (8), крупные пластины (4), средние пластины (39), мелкие пластины (138), микропластинки (9), нуклевидные осколки (2), чешуйки (57), сколы (2).

Типологически к орудиям были отнесены 39 предметов, включая 3 изделия со следами сработанности (15%). Ведущая категория орудий – пластины с резцовыми сколами (16). Одной из ведущих групп орудий являются пластины с ретушью (9). Более половины пластин с ретушью имеют ширину свыше 1 см. В коллекции выделены скребки (11), часть из которых (6) можно отнести к микроскребкам.

Единичными экземплярами представлены орудия, которые отнесены к остриям, – наконечник, сверло и проколка. Наконечник из окремнелого известняка представлен обломком, черешок которого оформлен с брюшка.

К характерным чертам каменного инвентаря памятника можно отнести: использование кремня разных оттенков (темно-коричневый полупро-

зрачный, серый, сургучный и др.) в качестве основного сырья. Орудия представлены фрагментами микро- и мелких пластин с частичной краевой ретушью, угловыми резцами, микроскребками. Отходов производства в раскопе практически нет, а те, что есть, в основном представлены чешуйками, полученными при обработке лезвий орудий и карнизов нуклеусов [*Лычагина, Митрошин*, 2016, с. 68–72].

На основании проведенных исследований и сырьевой однородности орудий предварительно памятник можно охарактеризовать как кратковременную стоянку охотников эпохи мезолита [*Митрошин и др*., 2016, с. 117–120]. Ближайшие аналогии данному памятнику мы можем увидеть на стоянках Нижнее Адищево и Новожилово [*Бадер*, 1966; *Мельничук*, 2001].

Бадер О. Н., 1966. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // МИА. № 126.

Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В., 2014. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: ПГГПУ. 566 с.

Лычагина Е. Л., 2013. Каменный и бронзовый век Предуралья. Учебное пособие. Пермь: ПГГПУ. 120 с.

Лычагина Е. Л., 2016. Особенности изучения объекта мезолитического времени на стоянке Чашкинское Озеро X, Среднее Предуралье // Каменный век Северной Евразии: актуальные проблемы и исследования. М-лы науч. конф-й. М.: ИА РАН. С. 39–40.

Лычагина Е. Л., Батуева Н. С., 2016. Использование историко-культурного подхода для анализа неолитической керамики Прикамья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. М-лы междунар. конф. СПб.: ИИМК РАН. С. 113–115.

Лычагина Е. Л., Митрошин Е. Н., 2016. Мезолитические памятники Чашкинского микрорегиона // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). М-лы всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Изд-во Института компьютерных исследований. 424 с. С. 68–72.

Мельничук А. Ф., 2001. Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург. С. 19–36.

Митрошин Е. Н., 2015. Отчет об археологической разведке по восточному берегу оз. Чашкинское в пригородной зоне г. Березники Пермского края в 2014 г. // Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.

Митрошин Е. Н., 2016. Отчет об археологической разведке по восточному берегу оз. Чашкинское в пригородной зоне г. Березники Пермского края в 2015 г. // Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ.

Митрошин Е. Н., Лычагина Е. Л., Демаков Д. А., Батуева Н. С., 2016. Предварительные итоги изучения раннеголоценовых памятников, расположенных на восточном берегу Чашкинского озера // Экология древних и традиционных обществ: М-лы V междунар. науч. конф. 7–11 ноября 2016 г. / Под ред. Н. П. Матвеевой. Вып. 5 в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Тюм. ГУ. С. 117–120.

М. Л. Перескоков, А. В. Васильева

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

Ключевые слова: ранний железный век, гляденовская культура, ананьинская культура, костище, могильник, поселение, конец VI в. до н. э. – V в. н. э.

Частным учр. доп. проф. образования «Учебно-научный центр Волант-Наука» в рамках гос. контрактов с МК Пермского края проведены охранные раскопки на памятниках раннего железного века Мокино I (поселение-могильник) и Гляденовское городище (костище) в Пермском р-не Пермского края.

Гляденовское городище (костище) находится к В от д. Федотово Пермского р-на Пермского края и занимает длинный мыс левого коренного берега р. Камы, высота которого над поймой достигает 106 м. У подножия мыса протекает р. Нижняя Мулянка, впадающая в Каму южнее памятника. Работы явились продолжением раскопок 2014–2015 гг., когда был исследован вал, разделяющий среднюю и нижнюю площадки городища, а также продолжены исследования средней площадки, где располагается святилище – Гляденовское костище.

Перед началом работ проведено уточнение топоплана памятника, что дало неожиданные результаты. На стрелке нижней площадки городища выявлено две ранее не известные и слабо фиксируемые фортификационные системы из вала и рва каждая. Внешний вал (4) пролегает по краю площадки, огибает стрелку мыса и продолжается вдоль оврага с юж. стороны площадки. Фиксируется вал в наиболее залесенной части площадки памятника. В 30–40 м к В выявлен еще один, сильно оплывший вал, который перпендикулярно площадке отсекал стрелку мыса, используя небольшой высоты естественный уступ. Таким образом, систему фортификации можно реконструировать следующим образом: внешний вал ограждал поселение с напольной стороны, средний вал (2) отделял среднюю площадку городища от нижней, валы на мысовой части (3 и 4) защищали поселение со стороны стрелки мыса, где площадка памятника сильно понижается к пойме. Судя по раскопкам первого и второго валов, система укреплений Гляденовского городища датируется поздним этапом ананьинской культуры (кон. VI – III в. до н. э.) и является наиболее сложной и монументальной из всех известных городищ ананьинского времени в Пермском Прикамье.

Раскоп площадью 110,4 кв. м разбит в самом центре площадки памятника, где между раскопами 1980–1990-х и 2000-х гг. оставался значительный неисследованный участок, который подвергался регулярному ограблению «черными копателями». В результате работ исследован самый центр площадки святилища, включавший крупный жертвенник и остатки столбовых конструкций, что позволило точно привязать все раскопы ко-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.288-290

стища и сделать вывод о том, что раскопами кон. XX – нач. XXI в. исследовалась отдельная локальная культовая площадка святилища [*Коренюк, Перескоков*, 2017], а не остатки основной площадки костища, не исследованные Н. Н. Новокрещенных в 1896–1897 гг., как это предполагали предыдущие исследователи [*Лепихин*, 2007]. В ходе раскопок найден материал, характерный для костищ: бусы, вотивные предметы, наконечники стрел, бронзовая металлопластика. Керамический материал представлен 64 сосудами позднего этапа ананьинской и гляденовской культуры.

Поселение-могильник Мокино I расположено к Ю от д. Мокино и занимает обширный мыс подпрямоугольной формы левого берега р. Нижняя Мулянка. Высота мыса над уровнем реки 8–10 м. Раскоп разбит в центральной части памятника, площадь 156 кв. м.

Вскрыто 12 погребений, все разрушены перекопами. В большинстве из них зафиксированы погребальные конструкции в виде деревянных настилов на дне погребения и над костяком, вертикальных деревянных плах. Часть перекопов, вероятно, являются культовыми и фиксируют распространенный в эпоху переселения народов обряд обезвреживания погребенных. Часть перекопов, несомненно, являются грабительскими и произведены, очевидно, в новое и новейшее время. Погребальный инвентарь представлен характерными для гляденовской культуры железными ножами. Наибольший интерес представляет материал из сильно разрушенных погребений 296 и 300, где обнаружены детали ременной гарнитуры и обломки меча в деревянных ножнах.

Уникальной находкой является скопление очень мелкого бисера желтого и зеленого цвета (98) в погребении 295, которое можно интерпретировать как украшение женского головного убора, потревоженного в процессе разрушения погребения. Головные уборы такого типа имеют аналогии в Прикамье во второй фазе раннего железного века [*Перескоков и др.*, 2018, с. 190]. Исследованные погребальные комплексы можно отнести к кон. IV – нач. V в. н. э.

В ходе исследований зафиксирован ряд взаимно пересекающихся канавок. Две из них – параллельные и идентичного заполнения, шириной 0,8–1,2 м, глубиной до 0,6–0,7 м, ориентированы по линии З–В. Они зафиксированы еще в раскопе 2015 г., но тогда не было оснований для их достоверной интерпретации. Канавки проходят через раскоп 2016 г. и уходят в зап. стенку раскопа, несколько загибаясь друг к другу, что позволяет предположить их соединение. Другая, более глубокая канавка имеет ширину 1–1,2 м, глубину 0,9–1,0 м, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ, разрушает одну из описанных выше и явно является более поздней. В центральной части раскопа, рядом с погребением 300 зафиксированы остатки сильно разрушенного пахотой очага, располагающегося ровно посередине между параллельными канавками. Таким образом, выявленные объекты можно интерпретировать как остатки долговременных жилых построек, окруженных дренажными канавками. Такая конструкция жилых сооружений широко развита на памятниках среднего и позднего этапа гляденовской культуры [*Перескоков*, 2011]. При

этом выделяется два строительных горизонта. Первый – постройка, ориентированная по линии З–В, которая была рекультивирована в древности, после чего было построено жилище, ориентированное по линии ССВ–ЮЮЗ, очаг и противоположная стена которого зафиксированы в раскопе 2015 г. В канавках найден керамический материал – слабопрофилированные сосуды, орнаментированные резным, гребенчатым и шнуровым орнаментом и соответствующие среднему этапу гляденовской культуры. Судя по датировке ранних комплексов могильника, гляденовское поселение на данной площадке функционировало с I–II вв. и не позднее нач. III в. н. э.

Коренюк С. Н., Перескоков М. Л., 2017. Планиграфия Гляденовского городища // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. СПб.: Скифия Принт. С. 77–79.

Лепихин А. Н., 2007. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники: Типография купца Тарасова. 224 с.

Перескоков М. Л., 2011. Древнепермское жилище в финале раннего железного века // Преподаватель XXI век. Вып. 3. Ч. 2. С. 231–238.

Перескоков М. Л., Доткин К. В., Якимова Д. А., 2018. Головной убор IV в. н. э. из Мокинского могильника // ПА. № 1 (23). С. 178–198.

Е. В. Чуйкина

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ В ЕЛОВСКОМ, ОСИНСКОМ, ОХАНСКОМ, КРАСНОКАМСКОМ И СОЛИКАМСКОМ РАЙОНАХ

Ключевые слова: городище, селище, поселение, ранний железный век, грунтовый могильник, средневековье, VIII–X вв., родановская культура

Отрядом Камской АЭ Частного учр. доп. проф. образования «Учебно-научный центр Волант-Наука» проведены разведки в Еловском, Осинском, Оханском, Краснокамском и Соликамском р-нах Пермского края, работы финансировались из бюджета Пермского края. Также проведена разведка в Краснокамском р-не и проведено исследование Плеховского могильника в Соликамском р-не. Работы проводились на бюджетные средства по заданию МК края в рамках гос. программы «Культура Пермского края» (раздел «Мероприятия по гос. охране, сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия Пермского края»).

1. По заданию МК Пермского края обследовано 43 объекта археологического наследия (Осинский р-н – 21, Оханский – 21, Еловский – 1).

Состояние обследованных памятников различно. Из обследованных объектов большое количество объектов находятся на сельскохозяйственных территориях – существующих и заброшенных полях, часть расположена по берегам Воткинского водохранилища и подвержена активному

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.290-293

разрушению его водами. Большое количество памятников археологии находится на существующих и заброшенных полях и пастбищах, несколько объектов расположены в границах населенных пунктов, поэтому подвержены значительному антропогенному воздействию.

2. **Разведка в Краснокамском р-не** Пермского края по р. Черная для подтверждения сведений местных жителей о нахождении здесь группы городищ. Житель д. Залесная рассказал, что по гряде гор вдоль р. Черная есть два места, которые имеют местное название «Городище» – «Большое» и «Малое». Существуют предания о жившей здесь «чуди», а также о кладе в озере под «Большим городищем».

На стадии предварительных работ были проведены поиски дополнительных сведений по участку обследования. В сборнике И. А. Талицкой выявлено «Ананичевское городище» с валом и рвом [*Талицкая*, 1952, с. 92, № 697]. В архиве КАЭ в отчете И. Ю. Серебровой о разведке в Краснокамском р-не в 1988 г. также упоминается Ананичевское (Чертово) городище. Целью осмотра территории была проверка сведений И. А. Талицкой, но они не были подтверждены [*Сереброва*, 1988].

В 2016 г. проведено полевое обследование обоих мест расположения локальных топонимов – «большое городище» и «малое городище». На месте «Малого городища» признаков объекта археологического наследия не обнаружено. На месте «Большого городища» выявлено городище, названное по ближайшему существующему населенному пункту «Залесная I». Оно расположено на высоком (до 80 м над уровнем реки) мысовидном уступе коренного берега р. Черная. С трех сторон естественными границами городища являются крутые склоны горы, с СВ оно защищено валами и рвами. Оборонительная система состоит из трех валов и рвов. Внутренний вал изогнутой формы, с изгибом в юж. части. Длина 110 м, ширина в основании 2–3 м, высота до 2 м. Средний вал слегка изогнутой формы. Длина 100 м, ширина в основании 3–5 м, высота до 1,5 м. Внешний вал разрушен старыми проездами и расплылся, сохранившаяся часть ок. 25 м, ширина в основании до 4 м, высота 0,5–1,0 м. Ров между внутренним и средним валами достигает глубины 1,5 м, между средним и внешним валами – до 0,5 м. Вдоль внешнего вала фиксируются старые колеи от проезда техники (возможно, волоки для вытаскивания рубленого леса либо борозды от лесопосадок).

Площадка городища задернована, заросла деревьями, кустарниками и травой. Размеры площадки составляют 80–100 м по оси СЗ–ЮВ, 140–160 м по оси СВ–ЮЗ. Склоны сильно залесены. На площадке имеются несколько заплывших ям правильной формы средними размерами 1,5×1,5 м, предположительно кладоискательских. В отвале одной из таких ям обнаружены два фрагмента неорнаментированной лепной керамики.

Для выявления культурных напластований заложен шурф размерами 1×1 м на краю площадки в вост. части. Культурный слой – серо-коричневый суглинок мощностью до 0,25 м, располагается под слоем лесного подстила. В шурфе найден неорнаментированный фрагмент лепной керамики ручного обжига с заглаженной травой поверхностью и небольшой

вытянутый железный предмет. По керамике городище может быть отнесено к железному веку – нач. I тыс. н. э.

По результатам проведенных работ приказом МК городище включено в список выявленных объектов культурного наследия Пермского края.

3. Исследование **Плеховского могильника** в Соликамском р-не.

Могильник Плехово расположен к СЗ–З от пос. Чертеж и к СЗ от бывшей д. Плехово на ровной площадке террасы правого берега р. Боровица, левого притока р. Камы. Площадка практически вся поросла хвойным лесом, высаженным ровными рядами.

На основании дореволюционных источников в 1949 г. могильник осмотрен сотрудниками КАЭ В. А. Обориным и В. П. Денисовым, которые отметили разрушенный пахотой памятник. Зафиксированные углубления диаметром 4–5 м были ими интерпретированы как следы от выкорчевки деревьев. В 2007 г. могильник осмотрен С. В. Скорняковой в ходе мониторинга памятников археологии. Ею обнаружены следы грабительских раскопок на общей площади ок. 9 га. Новые грабительские ямы продолжают появляться в течение последующих лет. Стационарные раскопки могильника начаты Е. В. Чуйкиной в 2008 г. и продолжаются до сих пор (2008–2009, 2013–2016 гг. – Е. В. Чуйкиной, 2010–2011 гг. – С. Н. Коренюком, 2012 г. – С. В. Скорняковой).

В ходе полевых работ в 2016 г. заложен раскоп XV, располагавшийся к СЗ от раскопов XIII (2014), XIV (2015) и примыкавший к ним.

Всего в ходе раскопок исследовано 105 кв. м, зафиксировано 16 погребений и 16 ям. Часть погребений оказалась нарушена грабительскими вкопами, в том числе крупными, а часть оставалась нетронутой. Очертания погребений фиксировались на глубине от 0,2 до 0,35 м от поверхности. Погребения имели различную ориентацию по сторонам света. Погребальный обряд, применявшийся на могильнике, – трупосожжение, что подтверждается наличием углистого слоя в могильных ямах и нечастыми находками обожженных костей и фрагментов горелых органических остатков (дерево). Зафиксированные остеологические остатки единичны, представлены двумя фрагментами зубной эмали и фрагментом костей ключицы, в остальных случаях фрагментарность материала не позволяет с уверенностью говорить о находках костей человека.

Средняя мощность культурных напластований на могильнике составила 0,3–0,5 м от поверхности, мощность погребений варьировалась от 0,18 до 0,5 м от уровня фиксации могил, основные слои – песок и супеси.

Среди найденных предметов (более 130 индивидуальных находок) большую часть коллекции занимают вещи, найденные непосредственно в погребениях. Особенностью коллекции из раскопок 2016 г. можно считать обилие стеклянных бусин и почти полное отсутствие бронзовых элементов поясной гарнитуры. Все типы найденных бус встречаются на средневековых могильниках Прикамья и относятся к периоду VII–IX вв. н. э. [*Абдулова, Чуйкина*, 2013; *Голдина*, 2010]. Предметов из бронзы в коллекции всего 7 экземпляров. Это фрагменты спиралевид-

ных пронизок, пряжка, коромысловидная подвеска, бусины и перстень. Безусловно, интересной и датирующей является находка бронзовой ажурной пряжки из погребения 129. Подобного вида пряжки неизвестны на средневековых памятниках Прикамья. Предположительно, аналогии подобному предмету имеются в материалах Средней Азии IX–XI вв. Погребальная посуда представлена обломками керамики от тонкостенных сосудов разной степени обжига (преимущественно встречается в скоплениях и в развалах сосудов).

По обряду погребения и вещевому материалу могильник может быть датирован VIII–X вв. н. э., относится к родановской археологической культуре.

Абдулова С. И., Чуйкина Е. В., 2013. Бусы из раскопок Плеховского могильника в Соликамском районе Пермского края (2008–2011 гг.) // Переходные эпохи в археологии: м-лы Всерос. археол. конф. с междунар. уч. «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. С. 137–140.

Голдина Е. В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск, 2010.

Сереброва И. Ю., 1988. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Краснокамска // Архив КАЭ ПГНИУ. Пермь. С. 9–10.

Талицкая И. А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким) // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Вып. IV (МИА. № 27).

РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ

А. С. Пронин

РАСКОПКИ ШАЛИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Ключевые слова: грунтовый могильник, средневековье, VIII–XI вв., мордва-мокша

Экспедицией НИИ гуманитарных наук проведены раскопки Шалинского могильника. Памятник находится на месте бывшей д. Шалы Атюрьевского р-на Республики Мордовия на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Ляча. В недавнем прошлом на территории могильника располагались хозяйственные и жилые постройки. Могильник был случайно открыт в 2012 г. при строительстве часовни. Во время этой работы экскаватором было разрушено два погребения, судя по вещам – мужское (погребение I) и женское (II). Вещи из разрушенных погребений состояли из 12 предметов, включающих в себя два топора, наконечник копья, нагрудную бляху, бубенчик, 3 сюльгамы, 6 браслетов,

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.293-294

3 наконечника стрел, поясной набор (22 детали от поясного набора), 14 фрагментов от украшения обуви.

Впервые памятник осмотрел и описал профессор кафедры дореволюционной истории МГУ им. Н. П. Огарёва, кандидат исторических наук, доцент И. М. Петербургский. Вещи из разрушенных погребений позволили ему датировать памятник VIII–XI вв.

Примерная площадь памятника составляет 0,4 га. Стационарные раскопки памятника ранее не производились. На момент проведения полевых работ в 2016 г. на поверхности могильника отмечается большое количество грабительских ям. Выбором места разбивки раскопа послужили относительно ровная дневная поверхность, со всех сторон ограниченная грунтовыми дорогами, без наличия следов построек, а также нарушенный культурный слой в результате грабительской деятельности, представленный мелкими оплывшими ямками. В юж. часть раскопа вошла яма, ориентированная длинной осью З–В, возникшая в результате добычи песка для строительства фундамента часовни в 2012 г.

Контуры могильных ям прослеживались под слоем темно-серой супеси на глубине 40–60 см от уровня дневной поверхности.

На исследованной площади могильника в 80 кв. м было вскрыто 9 погребений, не перекрывавших друг друга. Возможно, в древности существовали надмогильные сооружения. Все погребения нарушены кладоискательскими ямами.

По половозрастному признаку захоронения распределяются следующим образом: 1 мужское (погребение 6); 1 неопределенное (8); 7 женских (1, 2, 3, 4, 5, 7, 9). Во всех погребениях вещевой комплекс состоял из деталей украшений, глиняных изделий и предметов вооружения. Сохранность костяков очень плохая, поэтому пол погребенных и их ориентировка определялись по составу погребального инвентаря. Из-за относительно неглубоких могильных ям сохранность вещей очень плохая. Исключение составляют глиняные изделия и втульчатый топор из погребения 6.

Анализ полученного вещевого материала позволяет датировать памятник VIII–XI вв. н. э. При сравнении материалов и погребального обряда Шалинского, Второго Журавкинского, Степановского могильников и памятников, расположенных на средней Цне, становится очевидным факт проживания в бассейнах рр. Цна, Мокша, Вад этнически однородной группы населения – мордвы-мокши.

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Е. Н. Кемаев, В. В. Ставицкий

НОВЫЕ РАСКОПКИ РАЖКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Ключевые слова: грунтовый могильник, трупоположение, женский головной убор, II–IV вв., древнемордовская культура

Совместная экспедиция Пензенского ГУ и НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия проводила археологические раскопки древнемордовского грунтового могильника, расположенного у с. Ражки в Нижнеломовском р-не Пензенской обл. Исходя из имеющихся в настоящее время сведений, памятник датируется II–IV вв. н. э.

Ражкинский могильник занимает пологий мысовидный склон первой надпойменной террасы, уходящей в пойму вдоль осевой линии СВ–ЮЗ при впадении в р. Мокша (правый приток р. Ока) р. Атмис. Мокша протекает севернее, по направлению на З–СЗ; расстояние до могильника составляет 0,8–0,9 км. Современная поверхность мыса относительно пологая, полностью задернована, покрыта густым травяным покровом, местами – кустарником и отдельно стоящими деревьями. В зап. части мыса, несколько севернее раскопа 2016 г., находится естественная промоина, поросшая ивовым кустарником и многолетними деревьями. Чуть южнее нее поверхность мыса повреждена поздними ямами, которые определяются по оплывшим западинам на дневной поверхности.

Стратиграфия на обследованной площади памятника, где она не нарушена антропогенной деятельностью, довольно простая: дерн (до 3–5 см), темно-серый плотный чернозем (до 70–75 см), желто-коричневая материковая глина.

В ходе полевых работ на памятнике разбит один раскоп, общая площадь которого составила 148 кв. м. Выявлено и обследовано 4 погребения (67–70), которые подразделяются по размерам могильной ямы и составу погребального инвентаря: 2 женских, 1 мужское, 1 детское. Все они были совершены по обряду трупоположения в могильных ямах подпрямоугольной формы с закругленными углами без дополнительных земляных либо деревянных конструкций. Ориентировка костяков – на С и СЗ. Кости и вещи в погребении 68 располагались в хаотическом порядке на разных глубинах, могильная яма была ориентирована по линии С–СЗ – Ю–ЮВ, в сев. части была прорезана поздней ямой.

Наибольший интерес представляет погребение 70. Это богатое женское захоронение, совершенное по обряду трупоположения в могильной яме подпрямоугольной с закругленными углами формы, ориентированной длинной осью по направлению С–СЗ – Ю–ЮВ. Следует отметить сравнительно большую длину ямы, которая составляет 298 см, ширина – 84 см, глубина от современной дневной поверхности – до 95 см. Толщина

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.295-296

слоя заполнения 15–16 см, в нем отмечены угольки (в незначительном количестве).

Сохранность костяка частичная. В погребении удалось расчистить фрагменты раздавленного землей черепа с нижней челюстью, локтевой (?) кости (условно слева от туловища), а также фалангу пальца (условно в области живота). Судя по сохранившимся костям и расположению инвентаря, умершая была положена на спину головой на ССЗ.

В изголовье обнаружено пряслице и лепной глиняный сосуд горшковидной формы с округлым несколько вытянутым туловом и отогнутым горлом. Ближе к теменной части черепа находилась бронзовая бляха с обломанными краями (в сохранившейся части край был прямым), орнаментированная пятью выпуклинами. На обратной стороне находилась петля для крепления с сохранившимся кусочком кожи. Несколько глубже, под ней, расчищена бронзовая круглая бляха с иглой и двумя валиками плохой сохранности, под которой найдены 5 золотостеклянных бус и одна из красной непрозрачной пасты (рассыпалась при снятии). Кроме того, в районе черепа обнаружено большое количество золотостеклянных бус и бронзовых колечек-пронизок (часть из которых обжимала кожаный ремешок), а также несколько фрагментов кожи. Следует полагать, что вышеперечисленный инвентарь принадлежал головному убору. В качестве височных украшений в данном погребении присутствовали подвески с лопастью трапециевидной формы (одна фрагментарной сохранности).

В области шеи находилась гривна, состоящая из двух перевитых проволок с замком в виде крючка. Несколько ниже, условно в области правой ключицы, была расположена бляшка с умбоновидным колпачком и петелькой на обратной стороне. В области груди обнаружена круглая бронзовая бляха с радиальной прорезью, иглой и тремя валиками. Справа и слева от нее лежали 2 плоские бронзовые бляшки с отверстием в центре. Украшения рук: круглодротовый браслет с завернутыми в спирали концами и частичной обмоткой бронзовой проволокой (ближе к концам); браслет с расплющенными заходящими друг за друга концами; а также перстень с волютообразным щитком. Судя по их расположению, руки покойной были сложены в области живота. Между браслетами находилась бляшка с умбоновидным колпачком и петелькой на обратной стороне. Кроме того, в «нижней» части погребения, на уровне ног, найдено несколько золотостеклянных бус.

Комплекс сопроводительного инвентаря погребения имеет ярко выраженный ранний облик. Ближайшие аналоги погребальному инвентарю прослеживаются в ранних погребениях Кошибеевского могильника, а прототипы восходят к древностям андреевско-писеральского круга. Вскрытые в этом году захоронения датируются 2-й пол. II – рубежом II–III вв. н. э. Таким образом, полученные материалы соотносятся с данными исследований 2015 г. о локализации в СЗ части могильника группы захоронений, которые относятся к числу наиболее древних на памятнике.

Материалы могильника иллюстрируют процесс формирования древнемордовской культуры на территории Примокшанья.

УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ[1]

В. И. Введенский, Л. А. Вязов, Е. А. Каравашкина, Е. М. Макарова, А. В. Панин, Д. А. Петрова, Д. С. Пономаренко, В. Л. Харченко

ИССЛЕДОВАНИЯ В УЛЬЯНОВСКОМ ПРЕДВОЛЖЬЕ

Ключевые слова: эпоха великого переселения народов, средневековье, именьковская культура, грунтовый могильник, кремация, городище, оборонительные сооружения

Объединенным отрядом ИА им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан, Тольяттинским ГУ, НПФ «АрхГео» и НИИ истории и культуры Ульяновской обл. проводились работы на территории Комаровского археологического комплекса в Ульяновском р-не и археологические разведки в Сенгилеевском р-не Ульяновской обл.

Комаровский археологический комплекс, по результатам работ 2016 г., состоял из двух городищ, трех селищ и грунтового могильника. Исследователи относят данную группу памятников к позднему этапу существования в Среднем Поволжье племен именьковской археологической культуры (2-я пол. VI – VII в.) [*Вязов, Петрова*, 2013, с. 19]. Памятники расположены в Ульяновском р-не Ульяновской обл., к ЮЗ от с. Комаровка, на водоразделе рр. Свияги и Волги. Работы на комплексе велись в нескольких направлениях.

Были продолжены раскопки Комаровского грунтового могильника с погребениями, совершенными по обряду кремации. Данный памятник является уникальным для Ульяновского Поволжья и именьковской археологической культуры в целом. В центральной части памятника заложен раскоп VI площадью 167,5 кв. м, примыкавший к раскопам предыдущих исследователей – раскопы I–III Д. В. Серых (2013–2014 гг.) и раскопы IV–V Е. П. Казакова (2015 г.). Вскрыто 12 погребений, совершенных по обряду кремации в неглубоких ямах, очертания которых редко удается зафиксировать. Анализ костных останков выявил несколько вариантов захоронений: захоронение одного человека, парное погребение, погребение троих людей, захоронение человека и животного, одно погребение без костей. Сожжение погребенных происходило на стороне, кости тщательно очищены от остатков погребального костра. Погребальный инвентарь представлен керамическими сосудами или фрагментами керамики, орудиями труда и упряжью, элементами костюма и украшениями. Многие элементы инвентаря со следами пребывания в огне, в особенности бусы, и большая часть вещей разрушены до захоронения. На основании обнаруженной среди погребального инвентаря поясной гарнитуры

[1] См. также статью А. В. Вискалина на с. 337.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.297-299

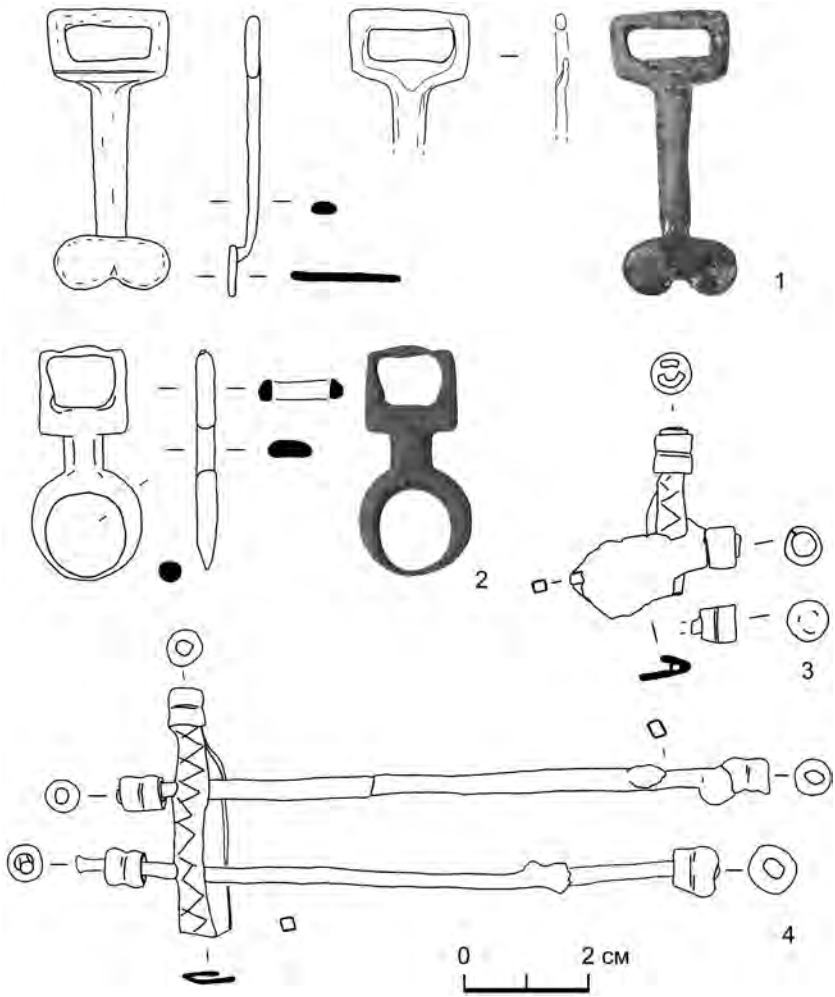

Рис. 49. Комаровский грунтовый могильник. *1, 2* – поясная гарнитура из погребения 32, бронза; *3, 4* – фрагменты фибул из погребения 34, бронза, железо

в «геральдическом» стиле (погребение 32, рис. 49: *1, 2*), а также фрагментов двупластинчатых фибул типа Дюрсо (погребение 34, рис. 49: *3, 4*) могильник может быть датирован сер. VI – сер. VII в. н. э.

Другое направление исследований на Комаровском комплексе – изучение оборонительных сооружений Комаровского II городища. Про-

изведена зачистка обнажения оборонительных сооружений городища на высоком берегу долины ручья. Обнажение сечет вал под углом ок. 240 градусов и вскрывает в левой части (внутренней по отношению к валу) еще шесть разновозрастных сооружений. Работы позволили заключить, что сооружению укреплений предшествовал период существования памятника в виде неукрепленного поселения. Уже после сооружения укреплений наблюдаются изменения в керамическом комплексе населения, оставившего памятник.

Продолжены разведочные работы на территории Комаровского археологического комплекса с целью выявления новых памятников, а также уточнения границ и культурно-хронологической принадлежности селищ. Под рук. В. Л. Харченко на Комаровском III селище (выявлено в 2015 г. В. И. Введенским) заложен рекогносцировочный шурф площадью 7 кв. м, в результате работ на котором выявлен именьковский культурный слой. Кроме того, было выявлено еще одно селище – Комаровское IV, определены его границы и принадлежность к именьковской культуре.

Еще одним видом работ на Комаровском комплексе стали геоморфологические и палеоэкологические исследования. Заложены пять рекогносцировочных разрезов с целью получения данных об эволюции ландшафтов и землепользования в ближайшей округе памятника. Осуществлено геоморфологическое исследование окрестностей комплекса. В результате проведенных естественно-научных исследований выявлена высокая степень хозяйственной освоенности территорий, прилегающих к памятникам Комаровского археологического комплекса, установлено, что существенную роль в процессе антропогенного изменения ландшафтов играла металлургическая деятельность.

В Сенгилеевском р-не Ульяновской обл. отрядом под рук. Е. А. Каравашкиной проведено обследование территории Новослободского сельского поселения и выявлен новый памятник археологии – городище Каранино I. Памятник располагается к С от с. Каранино, на террасе левого берега р. Тушенка. Площадка памятника окружена одной линией оборонительных сооружений – валом и рвом глубиной до 2–3 м. Результаты работ на рекогносцировочных шурфах, а также изучение особенностей оборонительных сооружений позволили исследователям выявить два хронологических этапа существования городища: первый связан с племенами именьковской археологической культуры, второй – с культурой Волжской Булгарии.

Вязов Л. А., Петрова Д. А., 2013. Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй пол. I тысячелетия н. э. Материалы к V Междунар. археол. конф. 25–28 ноября 2013 г. Самарский областной ИКМ им. П. В. Алабина. Самара, 2013. С. 15–20.

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН[1]

Ф. А. Ахметгалин, П. В. Красильников, Д. А. Петрова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Ключевые слова: селище, середина I тыс. н. э., курган, эпоха бронзы

Сотрудниками ИА АН РТ осуществлялись разведки земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению в восточных районах Республики Татарстан. Территория исследований охватывала юж., ЮВ и В районы республики. Эти территории неоднократно изучались в течение последнего столетия, но систематическое разведочное обследование проводилось только в 1960–70-е гг., в то время как предыдущие и последующие работы носили локальный и кратковременный характер. К настоящему времени выявлено более 900 археологических памятников.

В результате проведенных полевых исследований выявлено 3 объекта археологического наследия.

Куперлинское селище расположено на территории Тукаевского р-на к ЮЗ от д. Куперле. Селище расположено на береговой площадке, с С ограниченной безымянным левым притоком р. Челны, а с З – овражком. С юж. стороны селища расположено сельскохозяйственное поле. Площадка поселения относительно ровная, с незначительным уклоном на СВ к притоку, сильно задернована. В ходе работ с целью определения территории заложены археологические шурфы, выполнена зачистка обнажения, в которых зафиксированы фрагменты лепной керамики, относящиеся к сер. I тыс. н. э. Площадь вновь выявленного памятника равна 0,2 га. Мощность культурного слоя достигает 1,25 м.

Подлесный курган расположен на территории Лениногорского р-на к В от п. Подлесный. Памятник занимает нижнюю террасу Бугульминско-Шугуровского возвышенного плато, находится на левом берегу р. Попова Речка, впадающей с З в р. Степной Зай. Насыпь кургана имеет округлую форму, ее размеры составляют 25×26 м, высота – 1 м. Грабительских вкопов на поверхности не фиксируется. По состоянию на 2016 г. поверхность памятника распахивается.

Тимяшевский курган расположен на территории Лениногорского р-на Республики Татарстан к З от с. Тимяшево. Памятник занимает надпойменную террасу левого берега безымянного ручья, впадавшего в р. Лесная Шешма с С. Насыпь кургана имеет округлую форму, ее размеры составляют 44×41 м, высота – 0,6 м, наиболее высокая точка возвышена на 0,6 м по отношению к окружающему рельефу. Грабительских вкопов на поверхности не фиксируется, поверхность памятника распахивается.

[1] См. также статью Н. В. Лебедевой на с. 347.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.300-301

На основании имеющихся сведений о ходе историко-культурного развития в древности на современной территории Республики Татарстан оба кургана могут быть отнесены к памятникам эпохи бронзы и предварительно датированы XVIII–X вв. до н. э.

Д. Ю. Бадеев, В. Ю. Коваль

ЗАВЕРШЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАЗАРА БОЛГАРА

Ключевые слова: XIV в., Золотая Орда, монеты, печать, именьковская культура, домонгольская эпоха

Отряд ИА РАН, работавший в составе Болгарской экспедиции ИА АН РТ, продолжил исследования в центральной части Болгарского городища (Спасский р-н РТ) на площадке в 80–150 м к ЮЗ от Соборной мечети, где в сер. XIV в. располагалось монументальное сооружение центрального городского базара. Работы 2016 г. проводились на раскопах CLXXIX (исследуется с 2012 г.) и CXCII (с 2013 г.).

В 2016 г. на раскопе CLXXIX (участки Ф–Ч) вскрыта площадь 144 кв. м. Основной задачей являлось завершение исследований зап. части здания городского базара, существовавшего в 50–70-х гг. XIV в. В ходе работ обследованы следы СЗ и ЮЗ стен базара, а также внутренних конструкций постройки – оснований перегородок из сырцового кирпича, которые располагались параллельно внешним стенам здания. К конструктивным элементам кровли городского базара относились две железные решетки от световых окон. Как и в прошлые годы, основные находки с территории базара связаны с торговлей: золотоордынские медные и серебряные монеты 50–60-х гг. XIV в., весовые гирьки и западноевропейские товарные пломбы. С функционированием базара, возможно, связана и найденная в переотложенном слое миниатюрная печать, выполненная из плотного рога. Она имела шахматовидную форму, ушко обломано. На печати прорезано изображение бегущего быка.

Под горизонтом строительства и разрушения базара на участке исследований располагались разновременные сооружения и объекты, относящиеся как к золотоордынскому и домонгольскому периодам существования города, так и к догородскому (именьковскому) этапу освоения площадки. В сев. части раскопа на границе раннего и позднего золотоордынского слоя выявлено продолжение уличной ограды (дувала) из сырцового кирпича, остатки которой впервые зафиксированы в раскопе 2012 г. и позволили наметить трассировку улицы 20–40-х гг. XIV в. К раннеордынскому времени относились все самые крупные ямы, выявленные на площади раскопа, среди которых имелись как прямоугольные (размерами 4×4 м), так и округлые или овальные. Интерес представляла крупная яма от погреба (яма 220), вост. часть которой была исследована в раскопе

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.301-303

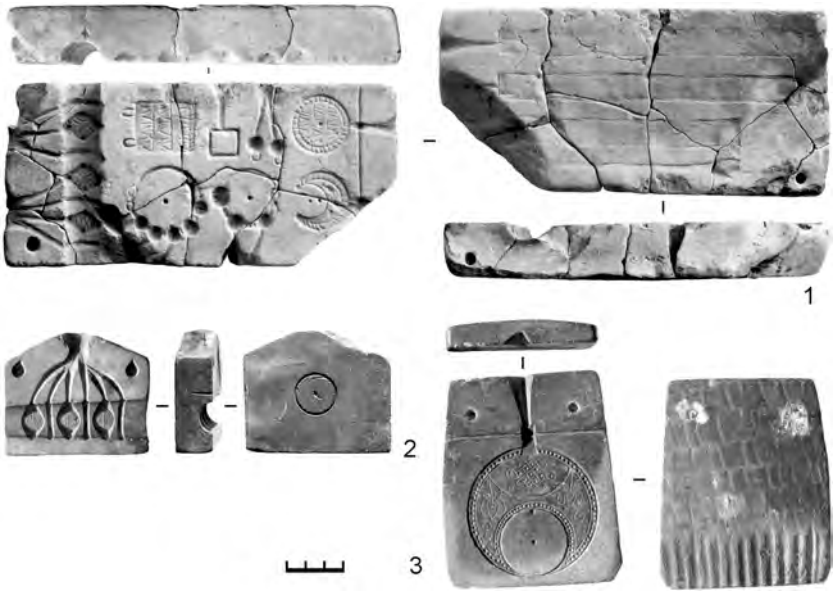

Рис. 50

2015 г. На дне ямы сохранились остатки от деревянной конструкции крепежа стенок погреба. Из ее заполнения происходило большое количество обрезков и обломков медных изделий, подготовленных к переплавке. К моменту разорения города монгольским нашествием относятся остатки двух наземных построек, представленные обгоревшими деревянными полами наземных домов. С доболгарским периодом связана яма глубиной 50–60 см, которая в плане имела прямоугольную форму размерами 5×4,6 м, конструкция включала центральный опорный столб. Подобные постройки в Среднем Поволжье характерны для именьковской культуры (IV–VII вв.). На дне ее находился развал лепного плоскодонного горшка с примесью в тесте крупнозернистого шамота, поверхность неровная, бугристая, венчик прямой, чуть отогнут наружу. Небольшое количество материала позволяет предположить непродолжительное существование данной постройки или ее временный (сезонный?) характер.

В результате работ 2016 г. завершено исследование доступной для археологического изучения части здания базара (85% его площади), оставшиеся участки размещаются под действующими коммуникациями.

В раскопе CXCII (участки Ж–К) зафиксированы все прослойки, представленные в болгарской стратиграфической шкале, за исключением доболгарского слоя VII. Главным направлением исследований было изучение характера городской застройки к ЮЗ от Соборной мечети. Основную площадь раскопа занимали крупные заглубленные объекты (подвалы) золото-

ордынского периода (сер. XIII – нач. XV в.), на дне большинства из них зафиксированы остатки каркасно-столбовых конструкций. Размеры объектов составляли от 2,5×3 до 4,5×4,2 м, глубина от древней дневной поверхности 200–220 см. Объекты углами ориентированы по сторонам света. Из заполнения этих ям происходила представительная коллекция каменных литейных форм и их обломков – всего 64 шт. Формы были изготовлены из местного белого камня – известняка (рис. 50: *1*), мергеля, – уральских сланцевых пород (рис. 50: *2*) и обломков среднеазиатских талькохлоритовых котлов (рис. 50: *3*). Набор изделий, предназначенных для отливки в эти формы, включает щитковые перстни, височные кольца, пластинчатые браслеты, игольник, различные привески, грузики грибовидной формы, пуговицы, бусы, пронизи, навершие головного убора. Внешние поверхности створок одной из литейных форм содержали надписи, состоявшие из тюркских слов, выполненных кириллическими буквами. Значительное количество литейных форм и присутствие, пусть и в небольшом количестве, отходов производства указывает на возможное существование где-то рядом с раскопом ювелирной мастерской.

Рис. 51

Одной из интересных находок раскопа стал обломок обгоревшей в пожаре сердоликовой вставки с арабографической надписью, обнаруженный в огородном слое русской деревни, но явно попавший туда из золотоордынских слоев (рис. 51). Согласно прочтению к. и. н. И. В. Волкова, на камне вырезана сура 112 Корана «Чистое исповедание».

На территории раскопа выявлено 6874 экземпляра стеклянных изделий. Их обилие объясняется не только близостью производственных объектов, но и широким использованием просеивания и промывания культурного слоя в ходе работ 2016 г.

Объекты домонгольской эпохи (слои V–VI) представлены постройкой с заглубленным полом и остатками бытовой глинобитной печи (яма 126, сооружение 13), а также зерновыми (глубиной до 2 м) и хозяйственными ямами. Яркой находкой, происходившей непосредственно из слоя начального периода существования города, является половина серебряного дирхема сер. X в. Это уже вторая подобная находка с площадки исследований раскопов CLXXIX и CXCII, что наряду с наличием жилых и производственных (металлургических горнов) объектов, других характерных находок (лимоновидные, золотостеклянные, гагатовые бусы, шиферные пряслица), датированных X–XI вв., позволяет говорить о городском характере использования этой территории.

**Р. Р. Валиев, Л. А. Вязов, Д. В. Серых,
Р. А. Степанов, А. Г. Ситдиков**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОКУЙБЫШЕВСКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ

Ключевые слова: селище, эпоха великого переселения народов, IV в., средневековье, булгары, ров

Сотрудниками ИА им. А. Х. Халикова АН РТ проведены широкомасштабные раскопки на размываемых участках Старокуйбышевской группы археологических памятников. Работы велись в рамках реализации проекта «Культурное наследие: древний город Болгар и остров-град Свияжск» Республиканского фонда «Возрождение».

Старокуйбышевская группа памятников располагается на островах в акватории Куйбышевского водохранилища в сев. части Спасского р-на Республики Татарстан. До образования водохранилища данная территория представляла собой пойму и первую надпойменную террасу левого берега р. Волги, изрезанную малыми и средними реками, ручьями, протоками и старичными озерами.

Раскопки проведены на Старокуйбышевских III, IV, V, VII селищах, а также на II могильнике, занимающем ЮЗ размываемую часть V селища, и неолитической II стоянке, расположенной на СЗ части III селища. Общая площадь работ превысила 2110 кв. м [*Валиев, Вязов и др.*, 2017, с. 24–25; *Валиев, Степанов и др.*, 2017, с. 26–28].

На Старокуйбышевском III селище вдоль береговой линии заложено два раскопа общей площадью 978 кв. м. Культурный слой памятника достигает 50–67 см и относится к эпохе великого переселения народов – раннему средневековью. Предполагаемая дата памятника – IV в. н. э.

Раскопами исследованы два жилища полуземляночного типа, вокруг которых концентрировались круглые хозяйственные ямы. Одно жилище квадратной формы размерами 4×4 м имело сильно углубленный в почву центральный опорный столб, а также ямы от столбовых конструкций. Над котлованом данного жилища прослежена прокаленная почва с небольшой каменной наброской – вероятно, следы очага, а также развалы лепных горшков. У второго жилища сохранилось дно котлована с очажным прокалом в центре.

На Старокуйбышевском IV селище площадь раскопок составила 428 кв. м. Мощность культурного слоя на сохранившихся участках достигает 40 см. Так как раскоп располагался на размытых участках памятника, работы заключались в зачистке берега, фиксации объектов и их выборки и исследовании остатков слоя. Раскопом изучено 7 сильно разрушенных объектов, представленных ямами. Вещевой материал раскопа незначителен. Памятник является булгарским поселением XI–XV вв.

На Старокуйбышевском V селище исследования проводились двумя раскопами общей площадью 704 кв. м, вдоль размываемой береговой

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.304-306

линии. В результате проведенных работ выявлены культурные напластования булгарского поселения X – 1-й трети XIII в., верхние горизонты слоя переработаны пахотой в XVIII–XX вв. Мощность культурного слоя в пределах раскопа I составила 24–48 см, на раскопе II – 52–72 см. Исследованные на раскопах 80 объектов относятся к булгарскому поселению периода домонгольской Волжской Булгарии. Они в основном представлены хозяйственными ямами, а также одним подполом наземного жилища и остатками двух наземных жилищ размерами 440×280 и 440×400 см, сложенных из бревен. Срубы погибли в пожаре, прослойки разрушения содержат предметы быта, целые керамические сосуды и развалы посуды. В одной из ям обнаружены развалы четырех жерновов. Кроме того, раскопками исследовано 8 погребений XI – 1-й трети XIII в., совершенных по мусульманскому обряду. Четыре объекта относятся к современности. Вещевой материал селища разнообразен, представлен цельными и восстанавливаемыми сосудами, предметами из черного и цветного металла, поделками из кости, камня, глины и стекла. Имеются находки именьковского времени IV–VII вв. В коллекцию отобрано 325 индивидуальных находок (раскоп I – 78 предметов, раскоп II – 247). Статистически зафиксированы 7714 обломков керамических сосудов, 5092 фрагмента костей животных и 603 образца иного массового археологического материала.

На Старокуйбышевском VII селище площадь раскопок составила 106 кв. м. Мощность слоя 26–112 см. Выявлены 7 объектов X–XIII вв., частично разрушенных поздними перекопами строений г. Спасска (Куйбышева). Один из объектов (яма 9) является рвом шириной 380 см и глубиной 260–270 см от дневного уровня, треугольный в сечении и с канавкой по дну. Он вытянут по оси СВ–ЮЗ, практически параллельно руслу р. Бездна. Ближайшая аналогия – раннедомонгольский ров Болгарского городища, также частично вытянутый вдоль Иерусалимского оврага. По мнению А. М. Губайдуллина, такого рода оборонительные укрепления датируются нач. X в. [*Губайдуллин*, 2002; 2004, с. 78–79; 2011, с. 109–111], что не противоречит стратиграфическому и материальному содержанию рва. Ров к XII в. был засыпан, и на его месте располагаются хозяйственные и производственные объекты – гончарный горн с предтопочной ямой и ямой складирования битой посуды, а также хозяйственные ямы.

Находки с VII селища представлены в основном круговой булгарской керамикой домонгольского периода. Встречаются фрагменты лепных сосудов именьковской культуры, салтово-маяцких истоков и неопределенные фрагменты, относимые к I тыс. н. э. в целом.

Необходимо проведение ежегодного мониторинга состояния памятников и продолжение раскопок, пока ежегодные разрушения водохранилищем не лишили нас такой возможности.

Валиев Р. Р., Вязов Л. А., Серых Д. В., Ситдиков А. Г., 2017. Новый памятник эпохи Великого переселения народов в Западном Закамье // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань: Казанская недвижимость. С. 24–25.

Валиев Р. Р., Степанов Р. А., Ситдиков А. Г., 2017. Археологические исследования булгарских поселений в зоне водохранилища // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань: Казанская недвижимость. С. 26–28.

Губайдуллин А. М., 2002. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: ИИ АН РТ. 231 с.

Губайдуллин А. М., 2004. Исследование фортификационных сооружений X в. Болгарского городища // АО в Татарстане: 2002 год / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: «РИЦ» Школа. С. 78–79.

Губайдуллин А. М., 2011. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. № 2. С. 109–111.

А. М. Губайдуллин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ В РАЙОНЕ «ЧЕРНОЙ ПАЛАТЫ»

Ключевые слова: средневековье, домонгольское время, керамика, монеты

Болгарское городище расположено в Спасском р-не Республики Татарстан в левобережье р. Волга на высокой (25–30 м) коренной террасе. Занимаемая памятником площадь – ок. 400 га. Исследования памятника проводились АЭ ИА им. А. Х. Халикова АН РТ. Их целью являлось изучение центральной части городища для выявления линии прохождения оборонительных сооружений, ограждавших город в предмонгольское время, а также определения характера использования данной территории в XIII–XIV вв. Экспедиция финансировалась в рамках реализации комплексного проекта «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и Остров-град Свияжск».

В районе Школьного переулка, к С от «Черной палаты», разбиты два раскопа: CCXXV и CCXXVI площадью 128 и 120 кв. м. соответственно. Они располагались ступенчато по отношению друг к другу на расстоянии 14 м, раскоп CCXXVI находился южнее раскопа CCXXV.

Мощность вскрытых культурных напластований первого достигала 180 см вне объектов. В процессе исследований на раскопе CCXXV выявлены и вскрыты остатки 26 сооружений золотоордынского периода различного назначения. Материальные остатки характеризуются большим количеством керамики общеболгарского типа, а также фрагментами привозной посуды. Также в процессе работ найдены железные бытовые предметы различного предназначения и несколько десятков медных и серебряных монет золотоордынского периода. Кроме того, в заполнении сооружения 10 и около него найдено два клада, состоящих из нескольких десятков небольших нашивок из золотой фольги различной формы.

Культурные напластования второго раскопа достигали 130 см вне объектов. При его изучении выявлены и вскрыты остатки 12 сооружений жилого и хозяйственного назначения, датирующиеся золотоордынским

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.306-307

временем. Здесь также найдены многочисленные фрагменты керамики и целый ряд индивидуальных находок: монеты, бытовые предметы, фрагменты стеклянных изделий. Из последних вызывают интерес фрагменты небольшого специализированного сосуда (реторты?).

Керамический материал из раскопа представлен большим количеством фрагментов керамики. Основная масса керамического материала относится к общеболгарскому типу. В процессе работ найдены железные бытовые предметы различного предназначения и несколько десятков медных и серебряных монет золотоордынского периода, а также фрагменты привозной посуды и керамические трубы.

Во время исследования выявлено значительное количество археологического материала, связанного с историей Болгарского городища золотоордынского времени. Вскрыты 37 разновременных сооружений жилого и хозяйственного назначения. Найдены многочисленные фрагменты керамики золотоордынского периода, кости животных, несколько десятков индивидуальных находок.

К сожалению, следов укреплений Болгарского городища предмонгольского времени, которые ранее предполагались на этом месте и указаны на планах памятника, не выявлено.

Э. И. Карпов, Е. В. Макиевский

ОТКРЫТИЕ ИДРЯС-ТЕНИКЕЕВСКОГО СЕЛИЩА В АПАСТОВСКОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: селище, X–XIII вв., домонгольское время, керамика

Сотрудниками ИА им. А. Х. Халикова АН РТ проведены археологические разведки на территории Апастовского муниципального р-на. В результате сплошного пешего обследования на левом берегу р. Улема, правого притока р. Свияга, в округе д. Идряс-Теникеево выявлен ранее не известный памятник археологии, получивший в дальнейшем название «Идряс-Теникеевское селище».

Участок распространения вещевого материала расположен на относительно ровной площадке, вытянут по линии СВ–ЮЗ (150×70 м) с незначительным уклоном на ЮВ к реке. Площадь составляет ок. 1 га.

Современная поверхность селища разделена дорожной насыпью с твердым покрытием по линии СВ–ЮЗ. С сев. и юж. стороны памятника проложена полевая грунтовая дорога, за которой находится сельскохозяйственное распахиваемое поле, где подъемный материал не фиксируется.

В результате пешего осмотра местности произведен сбор подъемного материала. Фрагменты керамических сосудов (37 единиц) по цвету черепка, качеству обжига, составу глиняной массы, технике формовки отнесены к кругу общеболгарских памятников, датируемых X–XIII вв. н. э.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.307-308

Керамика представлена двумя вариантами: 1) венчики и стенки круговой красноглиняной керамики хорошего и плохого обжига (некоторые со следами лощения) – общеболгарского типа; 2) лепная керамика (венчики и стенки) с примесью шамота и толченой раковины, орнаментированные гребенчатым штампом.

Кроме керамики найдена стеклянная бусина синего цвета, шаровидная, орнаментирована коричневыми вертикальными линиями.

Общая характеристика подъемного материала позволяет отнести памятник к болгарскому домонгольскому времени X–XIII вв. Открытие данного памятники позволяет расширить представление об освоении Предволжского региона в период Волжской Булгарии.

Э. И. Карпов, Е. М. Пигарев

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ КАЗАНИ

Ключевые слова: кузнечная мастерская, пожар, частокол, цирк, керамика, товарные пломбы, XVI–XXI вв.

Сотрудниками ИА им. А. Х. Халикова АН РТ проводились спасательные работы в посадской части г. Казани на пересечении ул. Чернышевского и Дзержинского (Вахитовский р-н города). На месте предстоящего строительства многоэтажного здания заложены два раскопа общей площадью 334 кв. м (раскоп 1 – 84 кв. м, раскоп 2 – 250 кв. м).

Участок находится на территории достопримечательного места регионального значения «Культурный слой исторического центра города Казани XI–XVIII веков», в 300 м как от Казанского кремля – памятника археологии «Казанское городище XI–XVI вв.», так и от «Старого городища» – укрепленного поселения XII–XIV вв., располагавшегося на месте современного Богородицкого монастыря.

Данный район осваивался с XIII–XV вв., когда город постепенно начал расширяться на Ю по гребню Кремлевского холма, объединяя и включая в свою границу ремесленные посады. По письменным источникам сер. XVI в., на данной территории локализуется Военно-служилая слобода стрелецкая прибору Данилы Хохлова. Военные слободы в Казани появляются для соблюдения спокойствия в завоеванном городе. Надо отметить, что в раскопе найдено несколько универсальных железных наконечников стрел, формы которых относят их ко времени освоения района.

Непосредственно на участке археологических исследований располагалось Банное оз., которое на протяжении XVIII–XIX вв. было превращено в городской парк. В 1890 г. на данном месте открывается первый стационарный казанский цирк братьев Никитиных.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.308-310

В результате проведенных работ зафиксированы культурные слои и сооружения древнего города. Сохранились культурные напластования XVII–XXI вв. средней мощностью до 350 см и остатки сооружений XVIII–XX вв.

В раскопах обнаружено 2 сооружения, 20 хозяйственных и 8 столбовых ям XVIII–XIX вв., 3 траншеи от частоколов XVII–XVIII вв. Особый интерес представляют остатки производственного помещения кузнечной мастерской (сооружение 2), сгоревшего в пожаре сер. XVIII в. Вокруг сооружения найдены заготовки для ножей и подков, фиксировались отходы и следы производства свинцовых пуль.

Недалеко от ремесленной мастерской обнаружена часть фундамента вышеупомянутого первого казанского цирка.

Археологические исследования дали богатый и яркий вещевой материал, отражающий этапы развития древнего города начиная с XVI в.

Среди самых ранних и наиболее ярких находок из раскопа выделяются наконечники стрел и ажурная бляха с растительным орнаментом, относящиеся к периоду Казанского ханства. Также в материалах представлены серебряные чешуйки времени правления Ивана Грозного, свидетельствующие о непрерывном освоении данной территории на протяжении всего XVI в.

К более поздним находкам можно отнести элементы, связанные с православной обрядностью – крестики и образки, относящиеся к XVII–XIX вв., а также обильный нумизматический материал, характеризующий динамику денежной системы Российской империи. Этими же веками датируются многочисленные разбросанные свинцовые пульки и их заготовки, видимо связанные с переходом регулярных войск от метательного к огнестрельному виду оружия дистанционного боя.

Начиная с XVIII в. среди керамических изделий из раскопов выделяется серия однотипных и зачастую стандартизированных курительных трубок, полученных путем окислительного обжига. В раскопе обнаружено значительное количество фрагментов ранней группы русской гончарной керамики и фаянсовой орнаментированной посуды 2-й пол. XIX – нач. XX в. К тому же времени относится богатая коллекция стеклянных бутылок, штофов и флаконов.

Стоит особо отметить, что с этого участка исторического центра Казани происходит самая массовая в городе коллекция свинцовых товарных пломб, датированная временем правления императора Николая I. До этого находки торговых пломб обычно не превышали нескольких экземпляров. Большинство идентифицированных штампов на пломбах говорят об импортном европейском происхождении товаров, поставлявшихся на розничные рынки Казани. Связь этих товарных пломб прослеживается с функционированием расположенного неподалеку Гостиного двора.

Большое количество найденных грузил для рыболовных сетей и пуговиц с гос. символикой и гербом города дают представление о занятости населения – как о промысловой деятельности, так и гос. службе (работе).

В целом исследования дали богатый информационный материал по истории и быту Казани. Материалы раскопа свидетельствуют о начале активного освоения данного участка г. Казани не позднее сер. XVII в., хотя свидетельства письменных источников и собранный вещевой материал позволяют говорить о более раннем освоении данной территории.

Ю. А. Салова, М. В. Сивицкий, Л. А. Вязов

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ С. ТАРЛАШИ ЛАИШЕВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Ключевые слова: грунтовый могильник, местонахождение, позднее средневековье, чуваши

Сотрудниками ИА АН РТ выполнены научно-исследовательские работы по обследованию земельных участков, расположенных на территории с. Тарлаши Лаишевского р-на РТ и подлежащих хозяйственному освоению.

Заложено 29 шурфов общей площадью 72 кв. м. В большинстве из них на фоне материковой супеси выявлены пятна переотложенной материковой супеси, перемешанной с гумусированной, маркирующие могильные ямы. Всего выявлены следы 24 таких ям. В заполнении ям погребений 4 и 19 обнаружены находки: железные орудия труда и бытовые предметы (ножи, кочедык, замок). Определены юж. и ЮВ границы выявленного объекта археологического наследия «Могильник Тарлаши», относящегося к позднесредневековому времени. Культурные слои на территории проведения работ не обнаружены.

Могильные ямы прямоугольной формы, несколько неправильных очертаний, со слегка скругленными углами, шириной 65–95 см, длиной до 2,3 м. Глубина могильных ям небольшая: дно погребений находилось на уровне от 46 до 66 см от современной поверхности. Все могильные ямы ориентированы в направлении З–В с небольшими отклонениями к С и к Ю. Костяки располагались в погребениях вытянуто на спине, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук находились в районе живота (погребение 1) или таза (4) погребенных. В обоих расчищенных погребениях костяки ориентированы головой на З, в погребении 1 голова была повернута лицом на Ю, а в погребении 4 – лицом на СВ.

Состав вещевого инвентаря, найденного на памятнике, имеет широкие рамки бытования в рамках средневековья. Единственным предметом, который указывает на время его функционирования, является замок из погребения 4, относящийся к типу «сничных» и распространяющийся в Восточной Европе не ранее сер. XV в. [*Никитин*, 1971]. Такие замки Б. А. Колчин выделял в тип Е и также указывал на 2-ю пол. XV – XVI в. как на время их бытования [*Колчин*, 1959]. Остальные предметы широко

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.310-312

датируются эпохой средневековья. Кочедыки с петлей на рукояти широко известны как на Руси, так и у финно-угорских народов Поволжья.

Прослеженные особенности погребального обряда позволяют предположить, что население, оставившее памятник, было языческим (или, по меньшей мере, языческое население составляло значительный процент в общем составе). Об этом свидетельствуют находки вещей в погребениях и небольшая глубина могильных ям, которая характерна для всех поволжских народов позднего средневековья, сохранявших традиционные верования. Преобладание зап. ориентировки погребенных характерно для позднесредневековых могильников, расположенных на территории современной Чувашии, связываемых многими исследователями с этническими чувашами.

Данные письменных источников не противоречат археологическим материалам и позволяют соотнести могильник с местным немусульманским населением. Само с. Тарлаши с сер. XVI в. было населено русскими, о чем свидетельствуют данные писцовой книги Казанского уезда 1565–1568 гг. Вместе с тем в окрестностях села имелись достаточно крупные выселки, населенные «татарами» и «чювашой» [*Невоструев*, 1877].

В 1620-е гг. писцовые книги фиксируют образование, вероятно, на основе одного из починков более раннего времени (вероятнее всего – Екшеикова), с. Тарлаши Татарские (Караево тож): «Село Тарлаши Татарские, а Караево тож на озерке на Круглом, а в нем живут таторовя и чуваши» [Писцовая переписная …, 1906]. В сер. XVII в. численность татарско-чувашского населения региона сокращается, а многие населенные пункты приходят в запустение.

С письменными источниками согласуются и топонимические данные (авторы благодарят д. и. н. В. В. Напольских и к. и. н. С. К. Белых за консультацию). Топоним «Тарлаши», по-видимому, связан с марийским «тарлаш» – «нанимать, нанять кого-либо». Это слово является производным от марийского «тар» – «вознаграждение за труд, плата за пользование чем-либо, воздаяние». Марийское слово заимствовано из чувашского, ср. чувашское «тар» – «плата за работу, за труд», производное от него «тара ил» – «снимать, арендовать (комнату, землю)». В других тюркских языках этому соответствует: древнетюркское «ter» – «плата, вознаграждение», тур. «ter oglan» – «наемный рабочий».

Представляется наиболее предпочтительным связать выявленный в ходе разведочных исследований грунтовый могильник Тарлаши с одной из групп местного населения региона, сохранившего элементы языческой обрядности и зафиксированного в письменных источниках под названием «ясачная чюваша». Скорее всего, население, оставившее могильник, обитало южнее, в населенных пунктах, зафиксированных источниками под названиями «Починок Смойлева займище» и «Починок Екшеиков». Наиболее вероятно, что пик функционирования могильника приходится на 2-ю пол. XVI – 1-ю пол. XVII в., но не исключено его существование и в более позднее время. Выявленный объект представляет собой исключительно важный памятник истории этнических и культурных процессов на территории Среднего Поволжья и Прикамья в эпоху позднего средневековья.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого // МИА. № 65. М. С. 84.

Невоструев К. И., 1877. Список с Писцовых книг по г. Казани с уездом (1566–1568). Издан Советом Казанской духовной академии к IV Археологическому съезду в Казани. 1877.

Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. Свод археологических источников. Вып. Е1-34. М. С. 43–44. Табл. 8.

Писцовая переписная и межевая книга вотчинных сел митрополита казанского и свияжского Матвея, письма и меры Ивана Леонтьевича Скобельцына и подьячего Якова Власьева; 1622–1624 гг.; сп. // Покровский И. М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно да 1764 г. Казань. 1906.

А. Г. Ситдиков, Н. Р. Садриев,
А. С. Старков, Д. Р. Хасанов

ИССЛЕДОВАНИЕ КАЗАНСКОГО БОГОРОДИЦКОГО МОНАСТЫРЯ В Г. КАЗАНИ

Ключевые слова: собор Казанской иконы Божьей Матери, XVI–XIX вв., фрески, погребение

В рамках работ по воссозданию собора Казанской иконы Божьей Матери (1799–1808 гг., утрачен в 1932 г.), расположенного по ул. Большая Красная, Институтом археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан начато изучение культурного слоя на территории Казанского Богородицкого монастыря. Целью работ 2016 г. стала расчистка руин здания собора Казанской иконы Божьей Матери. Участок закладки раскопа определен историко-культурным опорным планом монастыря. Общая площадь исследований составила ок. 2578 кв. м. Работы на территории монастыря проводились в различные годы [*Халиков*, 1985; *Хузин, Печенкин*, 2001; *Хузин, Печенкин*, 2004].

Известно, что в 1910–1913 гг. в рамках подготовки к празднованию «300-летия дома Романовых» в подвальных помещениях собора Казанской иконы Божьей Матери был устроен «Пещерный храм», состоявший из часовни на месте обретения Казанской иконы Божьей Матери и ц. Рождества Пресвятой Богородицы.

По всей площади раскопа выявлены остатки кирпично-каменного сооружения 53,40×43,80 м, кладка которого устроена на известковом растворе. Сооружение было вытянуто по линии В–З и представляло собой руинированные остатки стен, фундаментов, подвалов собора Казанской иконы Божьей Матери 1799–1808 гг. («молодой» собор). Наиболее сохранившимся являлся СЗ угол собора, где сохранились стены выше уровня поверхности земли на период функционирования храма. В раскопе выявлены следующие части «Пещерного храма»: часовня на месте обретения Казанской иконы Божьей Матери, помещение, являющееся ц. Рождества Пресвятой Богородицы с сохранившимися остатками росписей-фресок, устроенных в 1913 г.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.312-313

С зап. края собора Казанской иконы Божьей Матери выявлен ленточный фундамент каменной постройки 10,02×11,50 м, вытянутый по линии В–З, из рваного бута, кирпичного боя, с проливками известкового и глиняного растворов, продолжающийся под кладку собора. Толщина стен достигала 180 см. Вероятно, данное сооружение соотносится со «старым» собором XVI в., дата строительства, по письменным свидетельствам, 1595 г., он был разобран за «ветхостью» в кон. XVIII в. перед строительством «молодого» собора.

На небольшой «периферийной» площади, вне здания собора, выявлены более 150 погребений XVII–XX вв. На участке СВ части раскопа следов православного погоста не прослежено, что косвенно указывает на топографию монастырских построек.

При прокопке обнаружено более 3000 предметов, большинство из них являются фрагментами позднейшей керамики XIX–XX вв., изделия из металла, стекла, монет, изразцов.

В выявленных руинах собора Казанской иконы Божьей Матери находятся подтверждения письменных источников о перестройке подвальных частей и внесении значительных изменений в конструктивные части здания.

Халиков А. Х., 1985. Отчет об археологических наблюдениях в Казани в 1985 г. // Научный фонд МАРТ ИИ АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65А.

Хузин Ф. Ш., Печенкин А. В., 2001. Отчет об археологических исследованиях на территории бывшего Богородицкого монастыря // Научный фонд МАРТ АН РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 155.

Хузин Ф. Ш., Печенкин А. В., 2004. Отчет об археологических исследованиях на территории бывшего Богородицкого монастыря. Р. XXXVII // Научный фонд МАРТ АН РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 120.

М. Б. Шигапов, Ф. А. Ахметгалин,
Д. С. Епифанов

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ В КАЗАНИ

Ключевые слова: XVII–XX вв., белоглиняная керамика, кирпичный дом, погреб

Исследования проводились в г. Казань (Республика Татарстан) отрядом Казанской АЭ Института археологии АН Республики Татарстан.

Первый участок исследований находился в глубине квартала во дворе здания по ул. Муштари. Раскоп прямоугольной формы 6×8 м, вытянут по линии С–Ю. Мощность залегания слоев вне сооружений достигала 0,3–0,5 м. В раскопе выделены культурные напластования XIX–XX вв., семь сооружений и четыре столбовые ямы, датированные XIX–XX вв. Обнаружено небольшое количество находок в количестве 72 предметов: керамика, изделия из металла. Находки, полученные из переотложенных напластований, предоставляют косвенные сведения о заселении данного района Казани в более ранние периоды, что также подтверждают материалы письменных источников.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.313-315

Участок представлял собой интересный район, культурный слой которого был частично разрушен поздними сооружениями, а также поврежден строителями до начала работ.

Второй участок исследований находился на ул. Московской. Раскоп прямоугольной формы 8,5×6 м, вытянут по линии СЗ–ЮВ.

Ниже напластований начала XXI в. выявлены 4 слоя: XIX–XX вв., 2-й пол. XVIII в., 2-й пол. XVII – 1-й пол. XVIII в., нач. XVII в. В них найдены: керамика серая мореная, серая с черной поверхностью лощеной и нелощеной, по образцу белоглиняной поздней и белоглиняной ранней, русской белоглиняной, фаянс, фарфор, стеклянные бутылки, поливные изразцы, монета 1939 г., медный предмет, свинцовая пуля.

В раскопе выявлено 7 сооружений. Интересным объектом является фрагмент дома с кирпичными стенами на известковом растворе. Внутри выявлена круглая печь диаметром 80 см, выложенная из кирпичей, снаружи она была облицована железом. Дом имел крашеный деревянный пол из досок. Основные горизонты функционирования сооружения датируются 2-й пол. XIX в. В нижней, более широкой части стена объекта, возможно относится к более раннему дому XVIII в.

Наиболее ранним объектом является яма прямоугольной формы размерами 530×180 см (-220 см от верхнего края). В ее заполнении выявлено 5 прослоек. Сооружение являлось подклетом несохранившегося наземного дома, по находкам и стратиграфии датируется XVII в.

Третий участок исследований располагался на ул. Баумана. Площадь раскопа составила 80 кв. м. Выявлены культурные напластования XVII–XX вв. Наиболее ранним объектом на раскопе является погреб XVIII в. В нем зафиксированы следующие находки: керамики татарско-русской серой лощеной 26 фр., мореной 8 фр., по образцу белоглиняной ранней 4 фр., в развитии белоглиняной 6 фр., глазурованной 1 фр. Найдены изделия из кожи: неопределенные изделия (3 фр.), палец от рукавицы, отход производства.

В слое раскопа найдены татарско-русская, русская белоглиняная керамика, фаянс, предметы быта, вооружения, украшения из черного и цветного металла, дерева, керамики, кости, которые датируются XVIII–XX вв. Отдельный интерес представляют находки в слое двух бронзовых пуговиц-гирек, датируемых XVI–XVII вв., переотложенных в слое XVIII в., а также 8 свинцовых шаровидных пуль. Находки довольно значительного количества сохранившихся кожаных изделий, большую часть которых составляют детали кожаной обуви, связаны с особенностью насыщенных влагой культурных напластований. Установлено, что в районе исследований отсутствуют культурные напластования ранее XVII в.

В коллекцию взяты предметы быта, вооружения и украшения из черного и цветного металла, дерева, керамики, кости. Индивидуальные находки датированы с XVIII по XX в. Отдельный интерес представляют две бронзовые пуговицы-гирьки, датируемые XVI–XVII вв., переотложенные в слое XVIII в., а также 8 свинцовых шаровидных пуль.

Всего на раскопе найдено 1127 фрагментов неполивной керамики, что составляет 84,86% всех находок. Из них 1021 фрагмент керамики татар-

ско-русской (90,59% от всей неполивной керамики), 102 – керамики русской белоглиняной (9,05% всей неполивной керамики).

Квартал между ул. Профсоюзная и Баумана представляет собой перспективный район исследований.

УДМУРТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Е. М. Черных, С. А. Перевозчикова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ

Ключевые слова: селище, поселение, грунтовый могильник, городище, мазунинская культура, наборный пояс

Отрядами Камско-Вятской АЭ Удмуртского ГУ в ходе реализации договора с Администрацией Вавожского р-на проводились разведочные работы в бассейне р. Вала, притоке третьего порядка р. Кама. Район находится в зап. части Удмуртской Республики.

Последние археологические исследования на этой территории проводились в 1988 г. Целью нынешних работ являлось обследование уже известных памятников – уточнение их местоположения, состояния и оценка сохранности. Всего удалось локализовать местоположение 32 памятников археологии.

Часть осмотренных объектов соотносится с поздними удмуртскими поселениями (вужгурт) и могильниками (вужшай), впервые исследованными в 1936 г. экспедицией ГИМ под рук. А. П. Смирнова [*Смирнов*, 1937; 1941]. Впервые после работ А. П. Смирнова удалось локализовать местоположение Малиновского селища. Осмотрены и документированы места обнаружения в прошлом монетных кладов – в д. Лыстем (монеты-чешуйки XVI в.) и д. Зяглуд-Какси (XIX в.), а также случайной находки эполетовидной застежки II в. н. э. На левобережье р. Валы осмотрены известные по раскопкам Т. М. Гусенцовой стоянки и поселения эпохи мезолита – неолита – энеолита (Курекгурт I–IV, Валадорские I–IV), занимавшие участки низкой и высокой поймы. Часть поселений до сих пор подвергается распашке, часть задернована; сохранность в целом удовлетворительная. На Валадорском II поселении были выявлены 6 впадин округлой и овальной формы диаметром от 10 до 20 м, глубиной до 0,5 м, не фиксировавшихся прежними исследованиями. При зачистке обнажения одной из впадин обнаружены фрагменты лепной толстостенной керамики новоильинской культуры, кремневый отщеп. Впервые после 1970-х гг. осмотрено единственное известное на территории района

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.315-316

Касихинское городище I–II тыс. н. э. На городище обнаружены следы шурфов неустановленного происхождения.

Одновременно в ходе разведочных работ были открыты 8 новых памятников: поселение эпохи камня выявлено на правом берегу р. Вала у д. Яголуд, а также 7 новых могильников (с микротопонимами «вужшай» и «шайнюк»), в основном на левобережье. Почти на всех выявленных могильниках зафиксированы следы разрушений – либо в ходе хозяйственных работ, либо вследствие незаконных грабительских раскопок. Материалы, полученные в ходе разведочных работ – монеты, железные орудия труда (ножи, топоры), женские украшения, – позволяют датировать все обнаруженные памятники XVII–XIX вв.

Продолжены стационарные исследования в Киясовском р-не Удмуртии на Дубровском («Красная горка») могильнике IV–V вв. н. э. В двух раскопах общей площадью 324 кв. м изучено 15 грунтовых могил в 5 рядах. Таким образом, общее количество изученных на могильнике погребений составило 186. Человеческие останки – 6 мужчин, 5 женщин и трех детей – выявлены в 14 ямах. Положение умерших вытянуто на спине, головами на Ю. Остатки гробовищ сохранились в виде тлена. Погребальный инвентарь обнаружен во всех могилах, за исключением детских и трех мужских.

В целом коллекция этого года отличается бедностью и общей невыразительностью. К развитому этапу мазунинской культуры относятся пояса с бронзовыми (бесщитковыми, трехсоставными) и железными овальнорамчатыми пряжками, височные подвески мазунинского типа, синий рубленый бисер. Редкой находкой можно считать наборный пояс из погребения 176, включавший железную пряжку, наборный наконечник ремня и накладки двух типов – железные квадратные с пятью медными заклепками и бронзовые прямоугольные с тремя выпуклинами. Пояс был свернут пополам, при этом в могиле найден еще один ремень, имевший пряжку и наконечник, уложенный вдоль погребенного. Из общего хронологического контекста коллекции выбивается находка пружинной фибулы с гладким пластинчатым приемником треугольной формы и завитком на конце (погребение 178). В инвентаре могильников Прикамья пьяноборской эпохи такие фибулы редки. Так, в Тарасовском могильнике известны всего 2 подобные находки; хронологически они выделены Р. Д. Голдиной во II группу женских погребений 2-й пол. III в.

Есть основания полагать, что погребальное поле могильника близко к завершению. Подтвердились юж. и сев. границы некрополя, резко сократилось (в сравнении с раскопами прошлых лет) количество рядов могильных ям, уменьшилась плотность могил внутри рядов.

Смирнов А. П., 1937. Памятники феодального строя среди удмуртов (IX–XIII вв.). Отчет археологической экспедиции по изучению реки Вятки // Записки УдНИИ. Вып. 7. Ижевск. С. 177–195.

Смирнов А. П., 1941. Обследование р. Валы // Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. М.; Л. С. 109–112.

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН[1]

В. С. Горбунов, Ю. В. Горбунов

РАЗВЕДКИ В УФИМСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Ключевые слова: керамика, стоянка, ранний железный век, бронзовые кинжалы, эпоха бронзы

АЭ Башкирского гос. ПУ им. М. Акмуллы проводились разведки на двух земельных участках, отведенных для строительства жилых домов, а также разведки в бассейне р. Средний Удряк.

Один из участков располагался на окраине с. Миловка Уфимского р-на. На площади заложено в общей сложности 62 шурфа размером 1×1 м. Выявлена стоянка Миловка-Восточная, относящаяся к раннему железному веку Волго-Уральского региона. Определена форма и размеры участка распространения культурного слоя – 1430 кв. м. Всего из четырех шурфов получено 19 мелких фрагментов глиняной обожженной посуды, изготовленной вручную. В глиняном тесте – примесь песка. Цвет светло-коричневый. Орнамент отсутствует. Судя по фактуре глины, цвету и обработке поверхности, данную керамику можно отнести к кара-абызской археологической культуре раннего железного века.

Проведены разведки в бассейне р. Средний Удряк. Этот район ранее исследованиям не подвергался. В 70-е гг. XX в. на огородах с. Рассвет местными жителями было обнаружено литое копье развитого бронзового века. Впоследствии оно было передано директором местной школы в БГПУ им. М. Акмуллы и опубликовано Ю. В. Горбуновым [*Горбунов*, 2008, с. 133].

Тщательный осмотр обоих берегов р. Средний Удряк не выявил внешних признаков наличия объектов культурного наследия, что в целом типично для территорий, связанных с Бугульминско-Белебеевской возвышенностью [Археологическая карта Башкирии, 1976]. Обследование территории, прилегающей к огороду, где было обнаружено копье, охватило несколько квадратных километров к Ю и ЮВ от села в сторону р. Средний Удряк. В обнажениях заброшенного котлована небольшого карьера в слое погребенной почвы на глубине 1,2 м от современной поверхности найдены два медных или бронзовых ножа-кинжала эпохи бронзы. Оба предмета сильно патинированы и имеют следы механических повреждений.

Первый нож-кинжал длиной 78 мм и толщиной 1,5 мм. Лезвие в сечении линзовидной формы. Второй – длиной 132 мм и толщиной 2,1 мм

[1] См. также статьи Н. В. Лебедевой на с. 347 и А. В. Епимахова, А. Д. Таирова и М. Г. Епимаховой на с. 388.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.317-318

в средней части. Лезвие, как и у первого ножа, линзовидное в сечении. Предмет неоднократно деформирован по всей длине. Имеется слабовыраженное перекрестье. Представляет собой широко распространенный в культурах бронзового века тип ножей-кинжалов.

Находки новых артефактов позволяют предположить наличие комплекса бронзового века в окрестностях с. Рассвет.

Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. Карты 4–9.
Горбунов Ю. В., 2008. Наконечник копья из д. Рассвет // РА. № 3. С. 133

Э. В. Камалеев, А. Т. Ахатов,
А. Г. Колонских

РАЗВЕДКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕЛА НИКОЛО-БЕРЕЗОВКА КРАСНОКАМСКОГО РАЙОНА

Ключевые слова: поселение, могильник, керамика, русское население

Сотрудниками Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН проведена археологическая разведка с осуществлением локальных земляных работ на территории исторической части с. Николо-Березовка (ранее с. Никольское) Краснокамского р-на Республики Башкортостан, расположенного в междуречье р. Камы и р. Березовка.

Ввиду отсутствия комплексного финансирования на проведение всего объема заявленных работ на территории Краснокамского, Караидельского и Гафурийского р-нов РБ, было принято решение о проведении археологической разведки в пределах отдельно взятого объекта археологического наследия – «Николо-Березовка 1, культурный слой и могильник» Краснокамского р-на. Финансирование археологических работ осуществлялось за счет средств Института этнологических исследований.

Разведка с осуществлением локальных земляных работ в 2016 г. является продолжением начатых в 2014 г. исследований по натурному обследованию памятников нового времени на территории РБ. В 2014 г. были определены предварительные границы с. Николо-Березовка XVI – нач. XX в., в ходе осмотра береговых обнажений и современной поверхности территории села выявлены предметы материальной культуры русского населения [*Камалеев*, 2015].

Предварительная историко-архивная работа способствовала выявлению разновременных карт XVIII–XIX вв., что позволило наметить границы распространения культурного слоя кон. XVI – XVIII в. и XIX – нач. XX в. с. Никольского, которые подтверждаются полученными археологическими сведениями и полевым материалом 2014 г. [*Камалеев, Ахатов*, 2015].

Непосредственно исследования на территории исторической части с. Николо-Березовка XVI–XX вв. связаны с разведкой и проведением локальных земляных работ. Целью данных работ являлось выявление

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.318-319

особенностей распространения, характер культурного слоя XVI–XX вв., его мощность, а также датировка древнейших отложений на территории одного из наиболее ранних русских населенных пунктов современного Башкортостана.

В ходе археологической экспедиции проведена закладка шурфов 1×1 и 2×1 м общей площадью 10 кв. м в центральной, исторической части с. Николо-Березовка в радиусе 500 м от храма Николая Чудотворца. Мощность культурного слоя в среднем составила 0,2–1,4 м.

Помимо шурфовки производился визуальный осмотр площадки памятника, а также приусадебных участков жителей села с целью сбора подъемного материала. По результатам исследований собрано более 200 фрагментов гончарной поливной керамики, в том числе фрагменты реконструируемых кринок, кувшина, а также развала чашки с ручкой. Для периода раннего нового времени XVI–XVIII вв. на территории села характерно ангобирование посуды в качестве дополнительной обработки поверхности. Орнамент ангобированной посуды вариативен и состоит из горизонтальных и волнистых линий, зеленой глазурованной либо прочерченной волны по ангобу и чередования вертикальных полос затирания ангоба на верхней части сосуда.

Для гончарной посуды с. Николо-Березовка XVI–XVIII вв. характерна незначительная вариация форм, ограниченная горшками, в том числе с крышками, корчагами, кринками, а также кринками-творильнями или приземистыми кринками. Варианты форм венчиков, выделенные для подъемной керамики, сохраняются и остаются неизменными. Данный факт является свидетельством преемственности гончарных традиций вплоть до нач. XX в.

Индивидуальные находки представлены рыболовным пряслицем, железными коваными гвоздями со сферической шляпкой, стеклянными аптекарскими и парфюмерными флаконами XIX–XX вв., фрагментом глиняной трубы и др.

Проведенные исследования являются необходимым этапом на пути проведения широкомасштабных археологических раскопок с целью комплексного этноархеологического изучения памятников XVI–XX вв. на территории Республики Башкортостан.

Камалеев Э. В., 2015. Научный отчет об итогах археологической разведки в Краснокамском районе Республики Башкортостан в 2014 г. // НА ИЭИ УНЦ РАН.

Камалеев Э. В., Ахатов А. Т., 2015. Историко-археологическая характеристика культурного слоя с. Николо-Березовка XVI–XX вв. // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа. С. 45–52.

Т. А. Леонова, Н. Б. Щербаков, И. А. Шутелева

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ АУРГАЗИНСКОГО РАЙОНА

Ключевые слова: курганный могильник, поселение, бронзовый век, срубная культура, алакульская культура

Отрядом Лаборатории методологии и методов гуманитарных исследований Башкирского гос. ПУ им. М. Акмуллы проведена археологическая разведка на территории среднего течения р. Белый Ключ (правый приток р. Уршак) в Аургазинском р-не Республики Башкортостан от д. Мурадым до д. Алексеевка. Работы выполнены при поддержке РФФИ (проект № 16-11-02003). В рамках археологической разведки продолжены исследования Казбуруновского археологического микрорайона, ограниченного рр. Уршак и Белый Ключ, площадь 23,4 кв. км.

В ходе проведения разведки осмотрены 3 ранее выявленных археологических памятника: курганный могильник вблизи д. Мурадимово Мурадым 5, поселение Мурадым 7, поселение Мурадым 8. Курганный могильник Мурадым 5 состоит из двух курганов, общая площадь 11 000 кв. м. Поселения Мурадым 7 и Мурадым 8 относятся к позднему бронзовому веку – к срубной и алакульской археологическим культурам.

Разведочные работы проходили в комплексном взаимодействии с палеопочвоведческими исследованиями, проводимыми д. г. н. А. А. Гольевой (Институт географии РАН), эти исследования позволили выявить две новые жилищные впадины на площадке поселения Мурадым 8, где в настоящее время зафиксировано шесть жилищных впадин, общая площадь поселения составляет 8962,0 кв. м. В результате разведочных работ собраны материалы, а затем проведены петрографические и геохимические анализы глин из окружающего ландшафта и керамики поселений Ш. П. Куинном (Институт археологии Лондонского университетского колледжа).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.320

Е. В. Русланов

РАЗВЕДКИ В ЗАПАДНЫХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНАХ БАШКИРИИ

Ключевые слова: курганный могильник, городище, IV–VI вв., бахмутинская культура

Археологическим отрядом МЗ «Древняя Уфа» проведены разведочные работы в Благоварском, Буздякском, Ермекеевском, Туймазинском

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.320-321

и Уфимском р-нах Республики Башкортостан по берегам рр. Уфа, Санны, Кидаш. В результате выявлено два новых археологических памятника.

Старые Санны 1, курганный могильник. Памятник расположен в Благоварском р-не к С от с. Старые Санны, на высоком сырте (178 м по мБС), покрытом степной растительностью.

Памятник занимает практически всю плавно понижающуюся к С возвышенность сырта и состоит из 9 курганных насыпей, вытянутых цепочкой по линии Ю–С. Длина площадки 200 м, ширина 110 м. Самые крупные насыпи расположены в юж. части площадки могильника, далее к Ю курганы все менее выделяются на поверхности. Все насыпи, за исключением кургана 2, хорошо задернованы, часть из них имеет кольцевую обкладку либо наброску из среднего размера песчаных и известняковых камней. Размеры курганов от 9×8 до 16×17 м, высота 0,1–1,1 м.

Вотикеево 1, городище. Памятник находится в 0,4 км к В от юж. окраины с. Вотикеево Орджоникидзевского р-на на мысовидном участке коренной террасы р. Уфа в ур. Опошная Гора. Мыс имеет фигуру вытянутого широкобедренного треугольника. Высота террасы варьирует от 157 до 199 м над уровнем моря. В настоящее время к С от площадки городища находится оз. Вотикеевское, старица р. Уфа, протекающей ныне в 5 км к В.

Городище занимает ровную площадку на зап. оконечности мыса с незначительным понижением к З размером 240×100 м. Площадка памятника площадью ок. 24 000 кв. м вытянута с СВ на ЮЗ. С юж. и зап. стороны городище защищено резкими и крутыми обрывами, с сев. стороны наблюдается понижение рельефа, но более пологое и плавное. С напольной (вост.) стороны – нешироким валом длиной 30–35 м и высотой до 1 м и рвом шириной 3–4 м и глубиной 0,3–0,4 м, переходящим в крутую возвышенность, достигающую высоты 199 м над уровнем моря. Площадка городища покрыта лесом, имеются лишь небольшие открытие участки. Керамическая коллекция, полученная с городища, составляет 61 фрагмент. Сравнение полученной керамики с материалами хорошо изученного раннесредневекового городища Уфа II позволяет предположить, что время существования Вотикеевского городища приходится на IV–VI вв. н. э. [*Русланов и др*., 2016, с. 205, рис. 102, 6, 7]. Это предположение основано на отсутствии толстостенных грубых фрагментов керамики бахмутинской культуры, которой присущ темно-серый цвет. В массе своей эта посуда соотносится с поздним этапом культуры. В пользу приводимой даты может служить и тонкостенность обнаруженной посуды, что выдает в ней раннебахмутинский (мазунинский) облик.

Ближайшие аналогии полученным материалам можно обнаружить в коллекции городища Каменная гора у д. Бажина Поляна Благовещенского р-на РБ [*Овсянников, Сунгатов*, 2004].

Овсянников В. В., Сунгатов Ф. А., 2004. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфа // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 218–240.

Русланов Е. В., Шамсутдинов М. Р., Романов А. А., 2016. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. М-лы раскопок 2015 г. Уфа. 266 с.

С. В. Сиротин

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КУРГАННОМ НЕКРОПОЛЕ ИВАНОВСКИЕ I КУРГАНЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАШКИРИИ

Ключевые слова: курганный могильник, эпоха бронзы, срубная культура, алакульская культура, ранний железный век, прохоровская культура, катакомба, меч

Экспедицией Стерлитамакского филиала Башкирского ГУ проводились работы на курганном могильнике Ивановские I курганы (курган 11) в Хайбуллинском р-не Республики Башкортостан.

Впервые работы на данном могильнике проведены А. Х. Пшеничнюком в 1974 г. В четырех курганах, раскопанных данным исследователем, выявлены погребения срубно-алакульской культуры (курган 1 и 4) и савроматской культуры (курганы 1–3) [*Пшеничнюк*, 1975, с. 10–15; 1983, с. 35–37]. В 2013–2015 гг. работы на могильнике были продолжены [*Сиротин*, 2014, с. 149–150; 2015, с. 18–19]. Исследованы курганы 5–10, в которых выявлены два срубно-алакульских комплекса (курган 6, 7), 12 раннепрохоровских комплексов кон. V – IV в. до н. э. (курганы 5–10), 2 комплекса эпохи Средневековья (курган 7).

В 2016 г. раскопан курган 11, крайний западный в группе. Его диаметр составил 34 м, высота до 0,88 м.

В процессе исследования насыпи кургана найдены фрагменты керамических сосудов, бронзовые наконечники стрел, фрагменты каменного жертвенника-алтарика, элементы конской узды.

В насыпи кургана выявлены каменные крепиды. В кургане обнаружено девять погребений различной конструкции (в насыпи кургана, простые ямы, подбойные и катакомбные погребения), как коллективные, так и индивидуальные.

Погребение 1 (детское) было совершено в насыпи кургана в 3,7 м к СВ от центра. В погребении найден керамический сосуд, относящийся к ранним этапам прохоровской культуры V–IV вв. до н. э.

Погребение 2 (впускное) выявлено в 3,5 м к СВ от центра кургана. Могильная яма, вероятнее всего, имела подбойную конструкцию. В погребении обнаружено три костяка (один детский и два взрослых женских) с южной ориентировкой. В сев. части ямы найдены остатки заупокойной пищи в виде передней части туши барана (ребра, лопатки, передние конечности). Инвентарь представлен серьгами из бронзовой проволоки, бронзовыми и железными браслетами, бусами и подвесками из стекла и сердолика.

Погребение 3 (впускное) обнаружено в 2,7 м к ВЮВ от центра кургана. Конструктивно погребение представляет собой катакомбу, ориентированную длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ с входной ямой, коротким ходом-дромосом и погребальной камерой, устроенной перпендикулярно общей оси катакомбы. При исследовании входной ямы обнаружен заклад

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.322-324

из камней размерами 0,1×0,14 м, 0,16×0,38–0,55×0,6 м, закрывавший вход в погребальную камеру в зап. части катакомбы. Общая длина катакомбы (погребальная камера, ход-дромос и входная яма) по линии дна по оси В–З составила 3,65 м, по уровню материковой поверхности 3,38 м. Погребальная камера 2,5×1 м углублена в материк до 1,1 м. В погребении обнаружено два костяка. Судя по конфигурации погребальной камеры, костяк 1 (мужской), ориентированный головой на Ю, был уложен перед входом в камеру на дне хода-дромоса в 1–1,2 м восточнее зап. стенки погребальной камеры (по линии дна). При нем найден железный меч с дуговидным перекрестьем и слабоизогнутым брусковидным навершием. Кроме того, найдена каменная бусина и набор бронзовых трехлопастных наконечников стрел. Костяк 2 (женский) был также ориентирован головой на Ю и найден в погребальной камере. Сопровождающий инвентарь представлен двумя лепными круглодонными сосудами с примесью талька в тесте, бронзовым зеркалом, фрагментом гончарного сосуда, трубками из кости, керамическим пряслицем. На запястьях найдены железные браслеты. Кроме того, около правого бедра найден набор бронзовых трехлопастных стрел. Между костяками (в ногах) найдены остатки жертвенной пищи – часть туши барана (лопаточные кости с передними конечностями и ребра).

Погребение 4 (впускное) обнаружено в 3,7 м к ЗЮЗ от центра кургана. На дне ямы неправильной подтрапециевидной формы найден частично разрушенный мужской костяк, ориентированный головой на ЮЗ. В ЮВ углу ямы найден фрагментированный лепной керамический сосуд.

Погребение 5 (впускное) обнаружено в юж. поле кургана в 6 м к ЮВ от центра. При исследовании входной ямы в заполнении найдена лопатка КРС и ребра и лопатка барана. В погребении найден женский костяк, ориентированный головой на Ю. Около черепа найден лепной круглодонный керамический сосуд с примесью талька в тесте. На левом запястье был железный браслет плохой сохранности. Между левым плечом и стенкой ямы найден набор фрагментированных железных предметов (проколки? и нож?).

Погребение 6 (впускное) обнаружено в 7,35 м южнее центра кургана. Погребение подбойное. В погребальной камере, устроенной в юж. стенке ямы, расчищен костяк ребенка головой на СВ. Между стенкой ямы и костями левой руки найден лепной круглодонный керамический сосуд с примесью талька в тесте.

Погребение 7 (основное) выявлено в центральной части кургана. Погребение разграблено. Яма неправильной подквадратно-прямоугольной формы с неровными стенками, закругленными углами размерами 3,24×2,92 м, углублена в материк до 1,21 м. В яме обнаружены фрагментированные костяки не менее чем от трех человек. Два костяка располагались ортогонально, головами на Ю и на З. Найдено два железных меча с дуговидными перекрестьями и слабоизогнутыми брусковидными навершиями и несколько фрагментов лепной керамики.

Погребения 8 и 9 обнаружены в 6,7 и в 5,3 м к СЗ от центра кургана. Погребение 8 было совершено в катакомбе. Погребение 9 – в простой яме. К моменту исследования оба погребения были разрушены.

В погребении 8 обнаружены детские кости вне анатомического порядка, в погребении 9 – трубчатая кость и фрагменты черепа взрослого человека. Никаких категорий инвентаря в этих погребениях не найдено.

Таким образом, раскопками кургана 11 полевые исследования на курганном некрополе «Ивановские I курганы» полностью завершены. Полученные материалы позволяют проследить культурно-хронологические этапы сооружения некрополя, что находит свое отражение не только в хронологии комплексов, но и в определенной, хорошо фиксируемой планиграфической системе расположения курганов и размещении впускных погребений. Ранние этапы строительства могильника относятся к эпохе бронзы (2-я пол. II тыс. до н. э.), о чем свидетельствуют срубно-алакульские захоронения. Вместе с тем большая часть курганов и погребальных комплексов относится к раннему этапу прохоровской культуры V–IV вв. до н. э. Особым богатством инвентаря и разнообразием погребальных конструкций отличаются комплексы 2-й пол. IV – рубежа IV–III вв. до н. э. В целом материалы могильника иллюстрируют один из этапов трансформации культуры ранних кочевников Южного Урала в кон. V – IV в. до н. э.

Пшеничнюк А. Х., 1975. Научный отчет о работе археологического отряда ИИЯЛ в 1974 г. Уфа. 24 с. // Архив ИИЯЛ Уфимского НЦ РАН.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука. 199 с.

Сиротин С. В., 2014. Погребальные памятники Зауральской Башкирии // Научные экспедиции РГНФ / Отв. за выпуск Р. А. Казакова. М.: РГНФ С. 149–150.

Сиротин С. В., 2015. Охранные исследования на могильнике «Ивановские I курганы» в 2013–2014 гг. // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1 (2). С. 18–19.

А. И. Тузбеков

РАЗВЕДОЧНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Ключевые слова: селище, эпоха бронзы, срубная культура, ранний железный век, кара-абызская культура, средневековье, кара-якуповская культура

Сотрудниками ООО «Центр развития творческих индустрий» проведены археологические разведки на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению на территории Республики Башкортостан. В состав отряда вошли к. и. н. А. И. Тузбеков, к. и. н. И. И. Бахшиев, к. и. н. А. Т. Ахатов, к. и. н. Э. В. Камалеев, А. Г. Колонских.

Археологические разведки проводились на участках, находящихся на территории Иглинского, Кармаскалинского, Миякинского, Стерлитамакского, Уфимского и Чишминского р-нов, приуроченных к малым и средним водотокам бассейна р. Белая.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.324-325

Отрядом обследованы известные селища эпохи бронзы (срубная культура) – Ашкадар 1, Озерковка 2 [*Тузбеков*, 2011], эпохи раннего железа (кара-абызская культура) – Волково 1 [*Бахшиев*, 2015], эпохи средневековья (кара-якуповская культура) – Таптыково 2 [*Акбулатов*, 1985] и выявлены новые селища: эпохи бронзы (срубная культура) – Янбай 1, эпохи раннего железа (кара-абызская культура) – Покровка 1, эпохи средневековья (кара-якуповская культура) – Канбеково 1 и Таптыково 3.

В ходе проведенных исследований установлено, что в соответствии с существующими требованиями для сооружения нефтегазопроводных коммуникаций проектировщиками выбираются прямоугольные устойчивые плесовые участки с пологими не размываемыми берегами русла при минимальной ширине заливаемой поймы, именно на таких участках нами осмотрены ранее известные и выявлены новые памятники.

В результате активного строительства сооружений нефтегазовой инфраструктуры в 60–70-х гг. семь из восьми вышеупомянутых памятников частично разрушены и находятся в аварийном состоянии. Наличие столь большого количества объектов, оказавшихся в той или иной степени на грани уничтожения, подтверждает значимость и необходимость проведения археологами мероприятий по выявлению и сохранению памятников археологии.

Акбулатов А. М., 1985. Научный отчет о разведках в Илишевском, Чишминском, Бижбулякском и Миякинском районах БАССР в 1984 г. // Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 1. Уфа.

Бахшиев И. И., 2015. Научно-технический отчет об итогах натурного археологического обследования зоны хозяйственного освоения по объекту: «МНПП „Салават – Уфа“, Дн500 на участке 115–174 км. Вынос за городскую черту г. Уфа. Реконструкция» (Кармаскалинский, Иглинский, Уфимский районы Республика Башкортостан, городской округ город Уфа) // Архив ГБУК НПЦ МК РБ. Ф. 2. Уфа.

Тузбеков А. И., 2011. Научный отчет по проекту «Реконструкция системы технологической связи Стерлитамакского ЛПУМГ». Раздел: «Охрана историко-культурного наследия». Ч. 1. Уфа, 2011 // Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 1.

САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

М. А. Изотова

ИССЛЕДОВАНИЕ БОЛДЫРЕВСКОГО СЕЛИЩА

Ключевые слова: Укек, золотоордынское время, XIV в.

Отрядом ГАУК НПЦ по ИКН Саратовской обл. проводилось охранно-разведочное обследование, включающее мониторинг состояния и определение границ территории объекта историко-культурного археологического наследия «Болдыревское селище», расположенного на ЮЗ

окраине г. Саратова, в пос. Тепличный, на границе города и Саратовского р-на Саратовской обл.

Болдыревское селище и могильник обнаружены в 1978 г. М. И. Куракиным. В результате сборов на поселении найдена поздняя русская серая лощеная керамика и керамика эпохи Золотой Орды. В 1982–1983 гг. на этой территории найдены три медных пула и клад из 74 золотоордынских серебряных и медных монет. По мнению специалистов, клад был, вероятно, накоплен в последние годы правления Джанибека и при Бердибеке (сер. – кон. 1350-х гг.), а зарыт в нач. 60-х гг., то есть на начальном этапе междоусобицы [*Моржерин*, 1997, с. 169; *Пырсов, Моржерин*, 2000, с. 201–203].

В 1990 г. сотрудниками НИАЛ СГУ под рук. Г. И. Касанкина проводились раскопки Болдыревского грунтового могильника. На раскопе, общая площадь которого составила 524 кв. м, было исследовано 50 захоронений, датированных автором XIV в. [*Касанкин*, 1990].

В 1994 г. сотрудником КГУ Л. Ф. Недашковским был снят топографический план памятника и заложены 2 разведочных шурфа. В одном из них был зафиксирован культурный слой золотоордынского времени мощностью 35–40 см и остатки деревянного столба, относящегося, по мнению автора, к XVIII–XX вв. Данные нумизматики позволили ему ограничить период существования селища 2-й пол. XIV в. н. э. [*Недашковский*, 1995].

Площадь обследованного земельного участка составила 3 га. С целью определения границ территории памятника были заложены 13 шурфов общей площадью 16 кв. м. В пяти из них обнаружены культурные слои разной степени сохранности и различные артефакты, в основном остатки от керамических сосудов и кости животных.

Болдыревское селище располагается на второй высокой террасе левого берега оврага, в котором находится один из истоков р. Увековки (Назаровки). Последняя в 8,4 км к ЮВ от пос. Болдыревка впадает с правой стороны в р. Волга в районе п. Увек, на южной окраине г. Саратова. На этом месте в эпоху средневековья существовал крупный городской центр Золотой Орды – Укек, к округе которого Л. Ф. Недашковский отнес в том числе и Болдыревское селище [*Недашковский*, 2010].

В геоморфологическом отношении участок представляет собой крутой склон горы с большими перепадами высот, на котором имеются более или менее ровные участки. Разница между самой высокой и самой нижней частями памятника составляет ок. 7 м. Местность отличается большой пересеченностью и изрезана разной величины оврагами и ручьями. На территории памятника располагается несколько маленьких водоемов, образованных родниковыми водами.

Анализ полученного материала позволил прийти к следующим выводам: поселение имеет относительно небольшие размеры – 2,52 га; основная жизнедеятельность на нем концентрировалась в районе родников и берущих из них начало ручьев, впадающих в овраг, где находится один из истоков р. Увековки (Назаровки).

На селище вполне вероятна усадебная планиграфия расположения жилых и производственных объектов. Три шурфа показали наличие в рай-

оне родников культурных слоев мощностью до 120 см. Один из них, в котором на глубине в 160 см материк не обнаружен, а концентрация находок возросла, был законсервирован до проведения масштабных научных раскопок. Вероятно, на данном участке располагалось жилое или хозяйственное сооружение.

Практически во всех шурфах, где обнаружены находки, фиксируется два слоя: 1 – светло-серая довольно рыхлая мелкокомковатая гумусированная супесь мощностью от 15 до 70 см, на некоторых участках в этом слое содержится большое количество золы; 2 – темно-серая более плотная гумусированная супесь, как правило, с вкраплениями угольков разной степени концентрации, мощностью от 45 до 80 см. Между ними на некоторых участках встречалась прослойка светло-коричневой или коричневой плотной супеси мощностью от 5 до 40 см. Во всех указанных слоях встречаются материалы эпохи Золотой Орды. Каких-либо типологических особенностей в характере материала пока не прослежено.

Основная масса находок представлена фрагментами золотоордынской гончарной керамики, которые отличаются плотным тестом, не содержащим крупных примесей.

Помимо фрагментов гончарных сосудов обнаружены обломки лепных сосудов серо-коричневого цвета с примесью в тесте сухого шамота, песка, в ряде случаев – дресвы. Известно, что лепная керамика представлена в небольшом количестве на волжских памятниках этой эпохи. Ее чаще всего маркируют как мордовскую. Вместе с тем эти фрагменты вполне могут относится к эпохе поздней бронзы. Однако небольшие размеры и отсутствие ярких признаков не позволяют провести их более точную культурно-хронологическую интерпретацию. Среди фрагментов керамики несколько экземпляров (сероглиняные тонкостенные с хорошо отмученным серым в изломе тестом и тщательно обработанной поверхностью) относятся к XIX – нач. XX в.

Судя по большей части находок, поселение относится к золотоордынским памятникам и может быть датировано XIV в. н. э.

Касанкин Г. И., 1990. Отчет о раскопках грунтового могильника в зоне строительства пионерского лагеря «Ударник» у села Болдыревка Саратовского района Саратовской области в 1990 г. Саратов // Архив ИА РАН. Р-1. № 14800.

Моржерин К. Ю., 1997. Случайные находки на территории Саратовской области (из фондов СОМК, поступления 1980–1995 гг.) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов. С. 169.

Недашковский Л. Ф., 1995. Отчет о разведках к юго-западу от Саратова в 1994 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 18682.

Недашковский Л. Ф., 2010. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Восточная литература. 363 с.

Пырсов Е. Ю., Моржерин К. Ю., 2000. Клад серебряных монет XIV века у пруда Пионерский // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Материалы IX межрегиональных краеведческих чтений. Саратов. С. 201–203.

О. А. Кубанкина

РАЗВЕДКИ В ТАТИЩЕВСКОМ РАЙОНЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: поселение, курганная группа, эпоха бронзы, срубная культура, золотоордынское время

Отрядом ГАУК НПЦ по ИКН Саратовской обл. проведены исследования по выявлению новых и мониторингу ранее открытых памятников. Разведки проводились в бассейне р. Старый Курдюм (верховьях) на СЗ Татищевского р-на Саратовской обл. В 1980–2000-е гг. была обследована часть территорий, вошедших в зону работ 2016 г. [*Воробьев*, 1984; *Изотова*, 2001].

В ходе работ зафиксировано впервые четыре памятника историко-культурного значения (поселения Корсаковка I и Хлебновка I, местонахождение Ченыкаевка I, курганная группа Хлебновка II), а также проведен мониторинг трех ранее известных объектов (поселение Мизино-Лапшиновка, курганные группы Хлебновка I и Ченыкаевка II).

На поселении Корсаковка I подъемный материал представлен керамикой эпохи бронзы. Керамический материал поселения Хлебновка I относится к разным эпохам: на памятнике встречаются фрагменты лепных сосудов поздней бронзы (срубная культура), золотоордынского (XIII–XIV вв.) и более позднего времени (кон. XIX – нач. XX в.). На поселении Мизино-Лапшиновка обнаружена монета деньга 1730-х гг., средневековая (XIII–XIV вв.) и серая тонкостенная (XIX в.?) керамика. По сведениям В. Б. Воробьева, обследовавшего территорию памятника в 1984 г., здесь было собрано более 50 фрагментов лепной керамики эпохи бронзы и несколько кварцитовых отщепов [*Воробьев и др.*, 1984, с. 22]. На местонахождении Ченыкаевка I найден фрагмент сосуда эпохи поздней бронзы (срубная культура 2-й пол. II тыс. до н. э.). Есть сведения, что в нач. 1980-х гг. на территории, прилегающей к местонахождению, встречались фрагменты керамики срубной культуры. Также при мониторинге объекта курганная группа II к ЮВ от с. Ченыкаевка впервые зафиксирован курган 9 [*Изотова*, 2001].

Воробьев В. Б., 1984. Отчет об археологических исследованиях в Татищевском районе Саратовской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10271.

Воробьев В. Б., Ляхов С. В., Юдин А. И.,1984. Археологическая карта Татищевского района Саратовской области // Архив ЛНА ИАКН СГУ. Саратов. С. 22.

Изотова М. А., 2001. Отчет об археологических разведках в Татищевском районе Саратовской области в 2001 году // НА СОМК. Саратов.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.328

Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА

Ключевые слова: средневековье, керамика, дирхем, хозяйственная яма

Отрядом Казанского (Приволжского) федерального университета продолжено изучение золотоордынских селищ Саратовского р-на Саратовской обл. В исследованиях приняли участие научный сотрудник ИА им. А. Х. Халикова АН РТ М. Б. Шигапов, Ю. В. Терехина, Н. О. Умяров, А. П. Чихирев и студенты Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Осуществлялись исследования Багаевского селища, раскапывавшегося Л. Ф. Недашковским в 2002–2003, 2006–2012 и 2014–2015 гг. [*Валиулина, Недашковский*, 2005; *Недашковский*, 2003, с. 291–292; 2006; 2009; 2010; 2011; 2013а–2013в; 2015; *Недашковский, Семыкин*, 2014; *Недашковский, Шигапов*, 2016]. В процессе раскопок памятника проводилась частичная флотация заполнения сооружений для выявления остатков зерновых культур. Багаевское селище располагается на левом берегу р. Петровка, правого притока Волги. Размеры поселения, обнаруженного Л. Ф. Недашковским в 1995 г. [*Недашковский*, 1996, с. 281], составляют 225×490 м, площадь 5,1 га.

В 2016 г. в ЮЗ части памятника продолжены работы на раскопе I. К раскопу I 2002–2003, 2007–2012 и 2014–2015 гг. были прирезаны с целью доисследования выявленных ям 9, 33, 37 и возможного обнаружения новых сооружений усадьбы с З стороны 20 участков размерами 2×2 м – раскоп I-2016. Раскоп I-2016 имел Г-образную форму и был ориентирован по сторонам света. Размеры раскопа составили 6 м с З на В и 16,8 м с С на Ю, его площадь 73,1 кв. м.

На раскопе I-2016 выделяются два горизонта культурного слоя золотоордынского времени. Верхний горизонт представляет собой слой старой пашни светло-серого цвета, перекрытый серым слоем дерна. Его мощность составляет до 54 см (в СВ части раскопа); в Ю части раскопа горизонт смыт эрозией, в вост. местами оказался полностью срезанным землеройной техникой. Индивидуальные находки представлены керамическим грузилом, свинцовой булавой, фрагментами бронзовых неорнаментированного зеркала и перстня с надписью на щитке, железными наконечником ремня, фрагментом замка, пробоем и серебряным дирхемом Сарая 681 г. х. С горизонтом связан дневной уровень ямы 38.

Нижний горизонт – серая супесь мощностью до 36 см (в ЮВ части раскопа); в СЗ части горизонт местами полностью переработан. Из горизонта происходят свинцовый грузик, железные замок, пружина замка, фрагмент косы, 3 ножа, пробой, скоба, 3 гвоздя и 10 неопределенных предметов. С горизонтом связаны дневные уровни ям 9, 33, 37, 39–43.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.329-332

В культурном слое найдено 986 фрагментов неполивной золотоордынской гончарной керамики, в том числе с орнаментацией в виде прочерченных горизонтальных линий, многорядной и однорядной волны, фестонов, оттисков гребенчатого штампа и палочки, ручка сосуда с прочерченным крестовидным знаком, лепной круглодонный котел, фрагмент сероглиняной штампованной керамики, 4 фрагмента красноглиняных поливных сосудов, фрагмент кашинной чаши и фрагмент чаши с люстровой росписью, 339 фрагментов древнерусской керамики, в том числе с орнаментацией в виде горизонтальных линий, многорядной и однорядной волны, 18 фрагментов мордовской посуды, 11 фрагментов трапезундских амфор, фрагмент керамики эпохи бронзы, керамический и 37 железных шлаков, 23 куска глиняной обмазки (в том числе 2 – тандырной), камни и кости животных.

На раскопе I-2016 исследовались ямы 9, 33, 37–43 золотоордынского времени (ямы 33 и 37 в 2016 г. доисследованы полностью). Яма 9, видимо, представляет собой природное понижение, в юж. части которого была оборудована полуземлянка. Ямы 33 и 37 являлись хозяйственными, ямы 38–40 представляли собой колоколовидные зерновые ямы. Яма 41 являлась остатками очага, яма 42 представляла собой колоколовидный в сечении погреб, а небольшая яма 43 являлась столбовой.

Очень крупная яма 9 вышла за пределы раскопа (размеры исследованной части сооружения 2170×3000 см). В яме в 2016 г. найден 41 фрагмент неполивной золотоордынской гончарной керамики, в том числе фрагменты посуды с орнаментацией в виде прочерченных горизонтальных линий, многорядной волны, фестонов, 30 фрагментов древнерусской посуды, в том числе с орнаментацией в виде горизонтальных линий, 6 фрагментов трапезундских амфор, фрагмент керамики эпохи бронзы, 12 кусков глиняной обмазки, 24 железных шлака, камни и кости животных. Индивидуальные находки из ямы 9 представлены медной муфтой ножа и железным ножом.

Яма 37, выявленная на раскопе I-2014, имела сложную подвосьмеркообразную в плане форму, ее размеры составили 394×378 см. В яме в 2016 г. обнаружены камни, кости животных, 15 фрагментов золотоордынской неполивной гончарной керамики, включая орнаментированные прочерченными горизонтальными линиями и фестонами, 14 фрагментов древнерусской посуды, 33 куска глиняной обмазки, железные нож и гвоздь.

Каплевидная в плане на уровне выявления (наиболее глубокая часть сооружения подпрямоугольной в плане формы) яма 38 имела размеры 154×190 см. В яме найден 41 фрагмент неполивной золотоордынской гончарной керамики, включая орнаментированные прочерченными горизонтальными линиями и многорядной волной, 15 фрагментов древнерусской посуды, в том числе с орнаментацией в виде горизонтальных линий, фрагмент трапезундской амфоры, 2 железных шлака, камни и кости животных.

Яма 39 имела подвосьмеркообразную в плане форму, ее размеры составили 127×200 см. В яме обнаружены камни, кости животных, 105 фрагментов золотоордынской неполивной гончарной керамики, в том числе археологически целая копилка, фрагменты посуды, орнаментированной

прочерченными горизонтальными линиями, многорядной волной и фестонами, 2 фрагмента красноглиняных поливных сосудов, фрагмент кашинной керамики и фрагмент чаши с люстровой росписью, 143 фрагмента древнерусской посуды, в том числе орнаментированной горизонтальными линиями, многорядной и однорядной волной, оттисками палочки, фрагмент мордовского сосуда, фрагмент трапезундской амфоры, фрагмент керамики эпохи бронзы, 3 куска глиняной обмазки, железные 3 ножа, игла, кольцо, колечко, 2 скобы, 2 неопределенных предмета, кашинная бусина с бирюзовой поливой, стеклянные фрагмент зеленого браслета, зеленая прозрачная ребристая эллипсоидная бусина, коричневая прозрачная винтообразная бусина, коричневая полупрозрачная 14-гранная бусина, синяя прозрачная битрапецоидная бусина, черная эллипсоидная бусина с мозаичным узором, бирюзовая непрозрачная кольцевидная бусинка, 3 синие прозрачные бусинки: 2 шарообразные и экземпляр цилиндрического рубленого бисера.

Округлая в плане яма 40 имела диаметр 96 см; в ней был найден 91 фрагмент неполивной золотоордынской гончарной керамики, включая орнаментированные прочерченными горизонтальными линиями, многорядной и однорядной волной, оттисками гребенчатого штампа, фрагмент красноглиняного поливного сосуда, 160 фрагментов древнерусской посуды, в том числе с орнаментацией в виде горизонтальных линий, многорядной и однорядной волны, фрагмент мордовского сосуда, 2 фрагмента трапезундских амфор, фрагмент керамики эпохи бронзы, камни, кости животных, фрагмент стеклянного сосуда и железный нож.

Яма 41 имела округлую форму, ее диаметр 55 см; в яме обнаружены кости животных, 2 фрагмента золотоордынской неполивной гончарной керамики и 16 фрагментов древнерусской посуды, в том числе орнаментированной однорядной волной.

Округлая на уровне выявления (более глубокая часть сооружения подовальной формы) яма 42 имела размеры 171×188 см. В яме найдены 370 фрагментов неполивной золотоордынской гончарной керамики, в том числе заготовки напрясел из стенок сосудов, фрагменты посуды, орнаментированной прочерченными горизонтальными линиями, многорядной волной, фестонами, оттисками гребенчатого штампа, фрагмент красноглиняного поливного сосуда, 5 фрагментов кашинной керамики, 144 фрагмента древнерусской посуды, в том числе с орнаментацией в виде горизонтальных линий и многорядной волны, 7 фрагментов мордовских сосудов, 2 фрагмента трапезундских амфор, кусок глиняной обмазки, камни, кости животных, фрагменты бирюзового и черного стеклянных перстней, железные наконечник ремня, фрагмент топора, замок, ключ, пинцет, 3 гвоздя, 2 скобы и 2 неопределенных предмета.

Валиулина С. И., Недашковский Л. Ф., 2005. Стеклянные изделия Укека и его округи // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. С. 257–280.

Недашковский Л. Ф., 1996. Разведки в южной части Саратовского района // АО 1995 года. С. 280–281.

Недашковский Л. Ф., 2003. Работы на золотоордынских памятниках Саратовского района // АО 2002 года. С. 289–292.

Недашковский Л. Ф., 2006. Раскопки Багаевского селища в 2003 г. // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. М-лы межрегиональной науч. конф. к 120-летию Саратовской губернской ученой архивной комиссии, 5–6 декабря 2006 г. Саратов: Локатор. С. 319–320.
Недашковский Л. Ф., 2009. Раскопки Константиновского и Багаевского селищ // АО 2006 года. С. 474–475.
Недашковский Л. Ф., 2010. Раскопки Багаевского селища // АО 2007 года. С. 373–375.
Недашковский Л. Ф., 2011. Исследование Багаевского селища // АО 2008 года. С. 373–375.
Недашковский Л. Ф., 2013а. Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 7–19.
Недашковский Л. Ф., 2013б. Работы на Багаевском селище // АО 2009 года. С. 230–232.
Недашковский Л. Ф., 2013в. Химический состав изделий из цветных металлов и стекла с Багаевского селища // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 77–81.
Недашковский Л. Ф., 2015. Исследование Багаевского селища в 2010–2012 гг. // АО 2010–2013 годов. С. 512–513.
Недашковский Л. Ф., Семыкин Ю. А., 2014. Результаты металлографического анализа изделий из черного металла с золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (по материалам Хмелевского I и Багаевского селищ) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 156. Кн. 3. С. 31–43.
Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2016. Топография и застройка Багаевского селища // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: мат-лы 7-й междунар. конф., посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus. С. 183–186.

А. И. Юдин, А. А. Выборнов

ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОРОШАЕМОЕ В САРАТОВСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Ключевые слова: хвалынская культура, энеолит, неолит, орловская культура, прикаспийская культура, радиоуглерод

Совместной экспедицией АНО «НИЦ по сохранению культурного наследия» (рук. А. И. Юдин) и Самарского гос. социально-педагогического университета (рук. А. А. Выборнов) продолжены начатые в 2014 г. охранные раскопки поселения Орошаемое [*Выборнов, Юдин*, 2015, с. 3–33; 2016, с. 3–41]. Поселение находится к С от с. Александров Гай Саратовской обл. и занимает один из мысов правого берега р. Большой Узень (Камыш-Самарский бессточный бассейн в Волго-Уральском междуречье). Памятник исследовался тремя раскопами в местах разрушения культурного слоя береговой эрозией.

На раскопе Орошаемое на краю обрывистого берега р. Б. Узень новые квадраты прирезаны с ЮЗ стороны. Площадь исследования – 16 кв. м. Культурные напластования достигали 2,30–2,65 м (2,8 м по дну ямы в кв. 18) и состояли из трех культурных слоев, разделенных стерильными прослойками.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.332-335

Верхний культурный слой толщиной до 0,3 м. Керамика немногочисленна, находит аналогии во второй группе керамической коллекции стоянки хвалынской культуры Каиршак VI [*Барынкин*, 1989, с. 106–117]. Кремневые и кварцитовые находки представлены сечениями пластин, скребками, проколкой с двусторонней краевой ретушью.

Наиболее насыщен находками средний слой, в основном – каменными предметами и костями животных (толщина от 0,3 до 0,6 м) раннеэнеолитического времени. Керамика находит аналогии среди прикаспийской на стоянках Курпеже-Молла [*Барынкин, Васильев*, 1985, с. 59–75] и Кумыска [*Юдин*, 2012, с. 8–15]. Каменный инвентарь слоя полностью соответствует параметрам прикаспийской культуры, в которой сочетаются макроизделия из кварцита и микропредметы из кремня.

Толщина нижнего культурного слоя изменяется в пределах 0,4–0,8 м. Слой подстилался материковым суглинком, в котором частично выбраны две очажные (?) ямы, уходящие под борта раскопа. Ямы плоскодонные, стенки слегка сужаются ко дну. Размеры ям: диаметры 0,83 и 0,72 м, глубина 0,38 и 0,2 м соответственно. Немногочисленная, но выразительная керамика относится к орловской культуре; каменный инвентарь также полностью соответствует орловским комплексам [*Юдин*, 2004].

Две полученные даты по костям животных можно соотнести с верхним хвалынским слоем – SPb-2091, 5934±100 BP (5060–4547 calBC) и нижним орловским – SPb-2090, 6889±100 BP (5933–5631 calBC). Последняя дата совпадает со временем слоя 2Б Варфоломеевской стоянки. Еще две даты по углю из основания нижнего слоя – SPb-2143, 7010±110 BP (6072–5674 calBC) и SPb-2141, 7245±60 (6227–6015 calBC) относятся к наиболее раннему времени неолита в степном Заволжье и синхронны слою 3 (нижнему) Варфоломеевской стоянки.

Раскоп Алгай 1 разбит на краю котлована пруда, в центральной части мыса и вдали от берега реки, на расстоянии 150 м от раскопа Орошаемое и продолжил раскоп 2014 г. в ЮВ направлении. Площадь раскопа 12 кв. м, толщина культурного слоя достигала 2,1 м (вместе с балластным слоем 0,4 м). Слой стратиграфически делится на два горизонта. Толщина верхнего составила 0,24–0,60 м, нижнего – от 0,34 до 1,1 м (над котлованом полуземлянки). Раскоп обнажил один из бортов неолитического жилища-полуземлянки глубиной 0,6–0,8 м.

Материалы, полученные в раскопе Алгай 1, полностью относятся к орловской неолитической культуре. По своим характеристикам (керамика с наплывом по внутренней стороне венчика, сегменты, соотношение кремневых и кварцитовых изделий) находки из нижней части культурного слоя раскопа Алгай 1 наиболее близки комплексу слоя 2Б Варфоломеевской неолитической стоянки. Из каменных изделий наиболее выразительны геометрические микролиты. В верхней части слоя они представлены сегментами и трапецией со струганой спинкой, в нижней – трапецией и сегментами, в том числе с гелуанской ретушью (рис. 52: *1–4*). Там же встречаются подвески из ископаемой раковины Pectunculus (рис. 52: *5*) и бусины из створок раковины Unio (рис. 52: *6–8*).

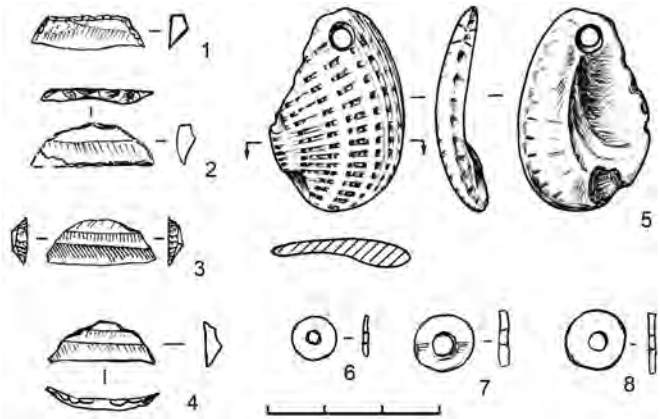

Рис. 52

Получены две новые даты по коллагену: SPb-1968, 70–80 см – 5875±60 BP (4856–4580 calBC); SPb-2038, 90–100 см – 6284±100 BP (5472–5018 calBC). Еще одна дата по почве с уровня жилища хорошо соотносится с неолитической датой из раскопа Орошаемое и датами нижнего слоя Варфоломеевской стоянки: SPb-2144, 7284±80 BP (6271–6008 calBC). Полученные даты подтверждают время формирования культурного слоя синхронно двум нижним слоям (3 и 2Б) Варфоломеевской стоянки и частично слою 2А в интервале от последней четв. VII тыс. до н. э. до последней четв. VI тыс. до н. э.

Разведочный раскоп Алгай 2 разбит приблизительно в центре поселения, между раскопами Алгай 1 и Орошаемое. Площадь раскопа составила 16 кв. м, общая толщина напластований достигала 2,35–2,50 м (вместе с балластным слоем толщиной до 0,4 м). В данном раскопе представлена полная хронологическая колонка культурных слоев, встреченных в двух других раскопах. Первые три стратиграфических слоя (балласт, дернина, гумус) находок не содержали. Культурные напластования раскопа Алгай 2, в отличие от раскопа Алгай 1, содержат слои энеолитического времени. Слой 4 относится к хвалынской культуре, слой 5 – к прикаспийской. Находки неолитического времени, как и в раскопе Алгай 1, относятся к двум этапам неолита и стратиграфически делятся на два горизонта – верхний (слои 6 и 7) и нижний (слои 8 и 9). Оба горизонта содержат находки орловской неолитической культуры. Возможно, находки слоя 9 относятся к более раннему времени, синхронному нижнему слою Варфоломеевской стоянки. Аналогичный слой, залегавший под темно-серым суглинком, был встречен и в раскопе Алгай 1 в 2015 г. Раскоп обнажил, вероятно, один из бортов полуземлянки высотой от 0,38 до 0,84 м. Хронология всех слоев раскопа Алгай 2 определяется по аналогиям с датировками в раскопах Орошаемое и Алгай 1.

Таким образом, впервые установлено, что верхний горизонт культурных напластований поселения Орошаемое сформировался в хвалынское время. Ниже залегают материалы прикаспийской культуры, причем на раскопе Орошаемое хвалынские и прикаспийские материалы разделяются стерильной прослойкой. Также впервые обнаружен культурный слой орловской культуры на раскопе Орошаемое, где до этого встречались находки только прикаспийской культуры. Как и ранее в неолитическом слое, из домашней фауны встречены кости собаки, а кости овцы появляются в прикаспийском слое.

Поселение Орошаемое возникло в неолите и существовало на протяжении приблизительно тысячи лет. Затем в эпоху раннего энеолита здесь проживало население прикаспийской культуры, а еще позже – хвалынской, но площадь их поселений была несколько меньше, насколько можно судить по отсутствию этих слоев в наиболее удаленном от реки раскопе Алгай 1.

Барынкин П. П., 1989. Энеолитический памятник Каиршак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

Барынкин П. П., Васильев И. Б., 1985. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж. С. 59–75.

Выборнов А. А., Юдин А. И., 2015. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 13. Саратов.

Выборнов А. А., Юдин А. И., 2016. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2015 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 14. Саратов.

Юдин А. И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов.

Юдин А. И., 2012. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов.

САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

К. М. Андреев, О. В. Ересько

РАСКОПКИ И РАЗВЕДКИ В КРАСНОЯРСКОМ РАЙОНЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: поселение, керамика, срубная культура, эпоха бронзы, средневолжская культура, неолит, стоянка, мезолит, селище

Археологическим отрядом Самарской областной общественной организации «Самарское археологическое общество» продолжены научно-исследовательские работы в Красноярском р-не Самарской обл.

Поселение Калмыковка I расположено на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Сок к В от с. Калмыковка. К раскопу

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.335-337

2014–2015 гг. с вост. и сев. сторон осуществлена прирезка площадью 160 кв. м, общая вскрытая площадь на памятнике составила 384 кв. м.

Первая группа керамики, выявленная на поселении Калмыковка I, относится к срубной культуре и представлена 113 фрагментами. Орнамент в основном наносился оттисками гребенчатого штампа, реже – прочерченными линиями и ямчатыми вдавлениями. По венчикам и выразительным фрагментам стенок восстанавливается 14 сосудов. Большая часть остеологической коллекции памятника (67 единиц) имеет отношение к позднему бронзовому веку. Лишь 13,5% из выявленных на стоянке костей являются определимыми. Среди них доминируют кости КРС (6), также представлены кости МРС (2) и лошади (1).

Вторая группа керамики, выявленная на поселении Калмыковка I, относится к средневолжской культуре развитого – позднего неолита (150 фрагментов). По орнаментации неолитическая керамическая коллекция (27 сосудов) разделяется на четыре типологические группы. Первая (9 сосудов) представлена венчиками, неорнаментированными или орнаментированными лишь поясками ямок-жемчужин. Вторая группа (8 сосудов) представлена фрагментами, орнаментированными наколами различной формы. Третья группа (8 сосудов) представлена фрагментами, орнаментированными оттисками зубчатого и гребенчатого штампа. Наконец, четвертая группа (2 сосуда) представлена фрагментами, орнаментированными преимущественно прочерченными линиями. Также выявлено шесть фрагментов днищ и придонных частей от плоскодонных сосудов диаметром 8–15 см и 58 неорнаментированных стенок.

Коллекция каменного инвентаря стоянки Калмыковка I включает в себя 180 единиц. К отходам производства могут быть отнесены 89 отщепов, 25 кусков кремня и 22 продольных и поперечных скола без ретуши. Выявлено 11 пластин и их фрагментов: 5 целых, 1 проксимальная и 6 дистальных частей пластин без ретуши и с мелкой краевой ретушью. Орудия и нуклеусы выявлены в 32 экземплярах, что составляет ок. 18% всех изделий из кремня. Нуклеусов и нуклевидных кусков 14 экземпляров. Деревообрабатывающие орудия представлены 1 топором и 2 долотами. Скребков обнаружено 6 экземпляров, все они относятся к разным типам (боковые, концевые, конце-боковые). Выявлено 4 прямолезвийных и 2 саблевидных ножа. В коллекции также представлены: перфоратор на продольном сколе, обломок наконечника стрелы (насад) с мелкой нерегулярной ретушью по краям и скобель на продольном сколе.

Пешим маршрутом был осмотрен **участок правобережной поймы р. Сок** (левый приток Волги) от п. Угловой до д. Трухмянка. В ходе работ выявлено три новых памятника археологии.

Стоянка Кочкари I находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Сок к ЮВ от п. Кочкари. Поселение расположено на небольшом дюнном всхолмлении, с зап. и юж. стороны ограниченном старичным озером, имеет размеры 80×70 м и вытянуто по линии СЗ–ЮВ. Кремневый материал, обнаруженный в шурфах (7 шт.), а также в подъемном материале (7 ед.), является гомогенным и рассматривается обобщенно. Он

представлен 21 фрагментом пластин, отщепов, сколов и орудий из темно-серого, серого и белого кремня хорошего качества. Изделия с вторичной обработкой представлены: тремя пластинами и их фрагментами с ретушью по продольным граням, срединным резцом на продольном пластинчатом сколе, концевым скребком с округлым рабочим краем на сколе, концевым скребком на продольном сколе. Также выявлено комбинированное орудие – концевой скребок на пластине с нерегулярной краевой ретушью по обеим граням и узкой неглубокой скоблевидной выемкой и резцовыми сколами на аккомодационной части. Представленная коллекция пластин, отщепов и орудий из кремня относится к мезолитической эпохе.

Селище Кочкари II находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Сок к В от п. Кочкари. Селище расположено на небольшом дюнном возвышении, с вост. стороны ограниченном плавно понижающимся склоном террасы, имеет размеры 80×75 м и вытянуто по линии С–Ю вдоль грунтовой дороги. Керамический материал представлен 8 фрагментами лепной керамики эпохи бронзы, относящимися к срубной культуре (два венчика: неорнаментированный и украшенный вдавлениями подовальной формы, придонная часть и 5 неорнаментированных стенок).

Селище Кочкари III находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Сок к ЮВ от п. Кочкари. Селище расположено на дюнном всхолмлении, с юж. и вост. стороны ограниченном понижением рельефа, связанным с переходом надпойменной террасы в пойму р. Сок. С севера и З оно ограничено пологим, небольшим овражным углублением, старицей р. Сок. Селище имеет размеры 280×130 м и вытянуто по линии СВ–ЮЗ вдоль склона террасы и овражного углубления. Керамический материал представлен 52 фрагментами лепной керамики эпохи бронзы, относящимися к срубной культуре. На памятнике обнаружено девять венчиков, четыре из них орнаментированы оттисками гребенчатого штампа, один – подовальными вдавлениями, остальные неорнаментированные, все венчики прямые; а также 12 орнаментированных вдавлениями различной формы, прочерками и оттисками гребенчатого штампа стенок.

А. В. Вискалин

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ПРИУРАЛЬЕ

Ключевые слова: курганный могильник, селище, керамика, эпоха бронзы, срубная культура

Отрядом ООО «Научно-производственная фирма АрхГео» и ООО «Белгородская археологическая экспертиза» проведены разведки на ряде проектируемых объектов в Оренбургской, Пензенской, Ульяновской и Самарской обл. В ходе разведок обследован курганный могильник

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.337-338

Бестужевка и выявлен одиночный курган Взгорье. Кроме того, осуществлены охранные археологические раскопки селища Экономия I.

Курганный могильник Бестужевка находится на возвышении в поле по левому берегу р. Малая Свияга к С от с. Бестужевка Кузоватовского р-на Ульяновской обл. Курганы у с. Бестужевка впервые упоминает В. Н. Поливанов за 1900 г., но точных данных об их числе и расположении не имелось. В ходе проведенного обследования курганного могильника выявлено 6 пологих насыпей от 15 до 30 м в диаметре и высотой от 0,3 до 0,8 м.

Одиночный курган Взгорье обнаружен на возвышении левого берега р. Крымза к СЗ от п. Взгорье Сызранского р-на Самарской обл., на заросшем кустарником заброшенном поле. Насыпь диаметром 40 м и высотой 2 м является достаточно крупной для данной местности.

Селище Экономия I расположено к В от сельского поселения Экономия Безенчукского р-на Самарской обл., на сев. берегу заболоченной старицы в пределах высокой поймы левого берега р. Волга. Открыто в 2012 г. Н. В. Ивановой. Охранные раскопки на селище проведены в 2012 г. О. В. Сергеевой (400 кв. м) и в 2015 г. В. В. Тихоновым (3675 кв. м). В 2016 г. исследован участок на зап. периферии селища площадью 700 кв. м, примыкающий с З к раскопу 2012 г.

Строение культурных отложений однотипно на всех профилях. Различие проявляется в уклоне поверхности и мощности почвенного горизонта, подстилаемого бурым суглинком. Толщина почвенного горизонта колеблется от 1,8 м по краю террасы до 0,25 м в ее тыловой части. Культурный слой отличает слабая насыщенность находками, большинство из которых связано с округлой хозяйственной ямой диаметром ок. 1 м и примыкающей к ней площадке. Найдены бронзовый браслет желобчатого сечения, обломок песта из красного кварцита, 110 обломков лепных глиняных сосудов с «расчесами» на поверхности и орнаментом из прочерченных «крестов», вертикальной «елочки», двойного асимметричного «зигзага», наклонных оттисков зубчатого штампа, строчек округлых ямочных вдавлений, а также куски медного шлака и пищевые отбросы в виде расколотых и обожженных костей, принадлежащих особям низкорослых пород КРС и лошадей старших возрастных групп (определение Д. Ю. Семенова). Подобные находки являются характерными для 2-го этапа срубной культуры лесостепного Заволжья и датируются XV – 1-й пол. XIV в. до н. э. [*Агапов*, 1983, с. 7–59; *Обыдённов*, 1992, с. 122, 137–141].

Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П., 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышевский гос. ПИ. С. 7–58.

Обыдённов М. Ф., Обыдённова Г. Т., 1992. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во Саратов. ун-та, Самарск. филиал. 176 с.

Е. В. Волкова, А. А. Ластовский

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ВОЛЖСКОМ РАЙОНЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: стоянка, нуклеусы, поздний палеолит, отщепы

ООО НПЦ «Бифас» проводило охранно-спасательное археологическое обследование участка, отводимого под строительство жилого микрорайона в Волжском р-не Самарской обл. В результате археологической разведки выявлен новый памятник археологии – стоянка Орлов Овраг I, относящаяся к эпохе каменного века.

Стоянка Орлов Овраг I административно находится в Волжском р-не Самарской обл., в вост. его части к З от п. Петра Дубрава. По установленному распространению культурного слоя площадь памятника составляет 3788 кв. м. В геоморфологическом отношении вновь обнаруженный памятник располагается на водораздельном плато между бассейнами рр. Сок и Самара и связан с действующим водотоком – р. Орловкой, левобережным притоком более древнего, ныне не действующего водотока, протянувшегося с С на Ю. Вновь открытый памятник располагается у места впадения русла р. Орловка в древнюю долину при повороте реки на Ю. Ряд шурфов, заложенных на поверхности террасового склона при повороте р. Орловки на Ю, показал наличие каменных артефактов, залегающих преимущественно на контакте древней почвы и перекрывающего ее делювия. При этом памятник приурочен к участку погребенного русла р. Орловка.

Полученный из восьми шурфов материал (рис. 53) позволяет в предварительном плане определить его культурно-хронологическую позицию. Весь собранный из шурфов кремень происходит из отложений Пермской свиты. Данная разновидность кремня представляет собой в разной степени окремнелый известняк. Кремень хрупкий и рыхлый, легко поддается обработке, хотя тонкие и мелкие сколы из такого кремня получать сложно.

Из шурфов собран гомогенный комплекс, в котором отсутствуют посторонние примеси, такие как инородное сырье или специфические типы изделий, относящиеся к поздним стадиям каменного века или эпохе бронзы. Большинство собранных предметов имеют остаточное корочное покрытие. Это говорит о том, что сырье могло собираться неподалеку, в многочисленных местах выходов на поверхность пермских известняков.

Площадки имеющихся нуклеусов не фасетированы или минимально подправлены. В качестве нуклеусов использовались случайные куски кремня, пригодные для торцового или плоскостного расщепления, при этом дополнительная обработка нуклеусов, характерная для призматического расщепления (создание ребер, оббивка боковых поверхностей) не проводилась. Так же архаично выглядят большинство полученных сколов-отщепов – с гладкой, не фасетированной и широкой площадкой.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.339-341

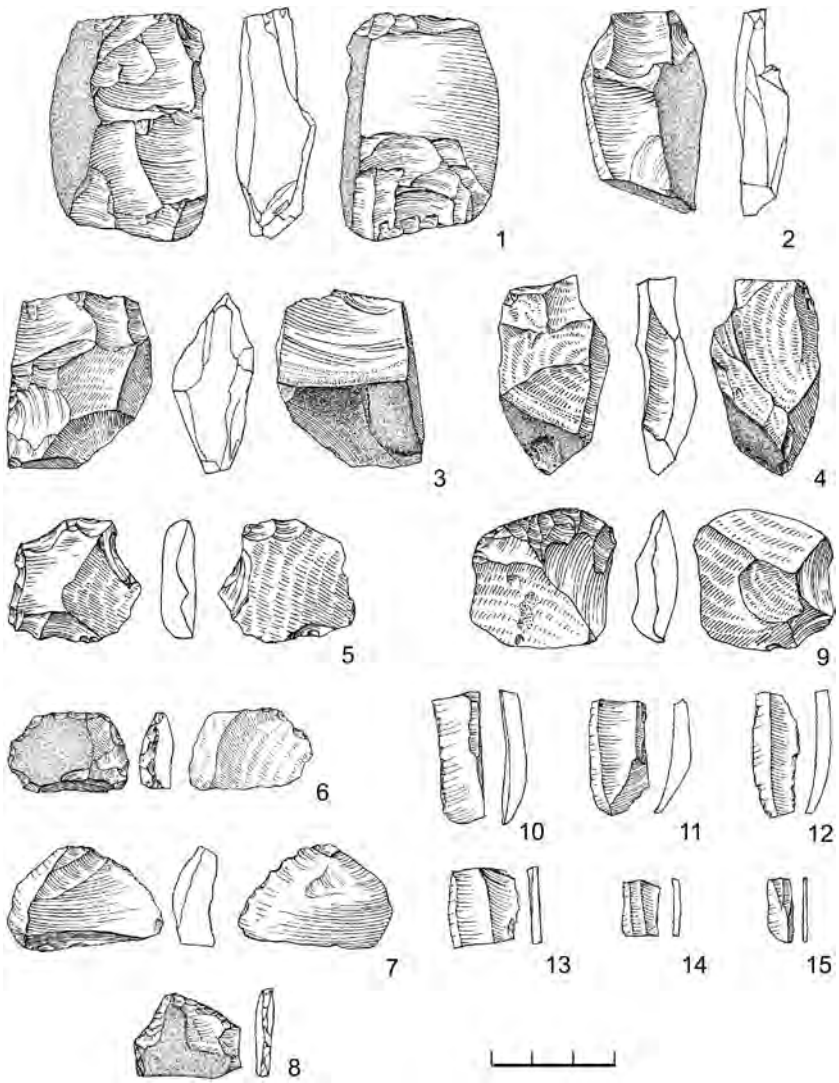

Рис. 53. Каменный инвентарь стоянки Орлов Овраг I:
1, 3, 4 **– нуклеусы,** ***2*** **– фронтальный скол с нуклеуса,**
5–8 **– отщепы с ретушью,** ***9*** **– скребок на отщепе,** ***10–15*** **– пластины**

Ударные бугорки на таких сколах массивные, волна в большинстве случаев выраженная, объемная. Все это говорит о том, что расщепление производилось твердым отбойником и в специфической технике плоскостного расщепления, характерной для среднего и верхнего палеолита, предшествующей появлению призматического расщепления. Вместе с тем стоит отметить, что призматическая и плоскостная техники развивались параллельно и сосуществовали на протяжении длительного времени. Следы плоскостного расщепления обнаруживаются в целом ряде палеолитических памятников Русской равнины. В Среднем Поволжье плоскостное расщепление представлено в двух хронологических срезах: поздний палеолит и неолит. Плоскостное расщепление в палеолите Среднего Поволжья представлено в памятниках усть-камской культуры и в материалах стоянки Постников Овраг. В неолите юга Среднего Поволжья плоскостное расщепление присутствует в материалах большинства памятников. Но ни в одном шурфе стоянки Орлов Овраг I не обнаружено керамики и костей, которые обычно встречаются на неолитических памятниках. Неизвестны к настоящему времени неолитические памятники, которые бы располагались на водораздельных плато, вдали от крупных рек, поскольку хозяйство неолитического населения во многом было ориентировано на эксплуатацию водных и пойменных ресурсов.

Судя по имеющимся сколам, расщепление было направлено на получение коротких и широких заготовок, отщепов или пластинчатых отщепов. Техника расщепления и имеющиеся сколы в совокупности демонстрируют заметные отличия от известных к настоящему времени мезолитических памятников и проявляют технико-типологическое сходство с позднепалеолитическими и неолитическими комплексами. Вместе с тем в коллекции присутствуют и немногочисленные пластины, но они, как правило, укороченные, с неровной огранкой. Короткая пластинка найдена в единственном экземпляре, микропластины отсутствуют вовсе. Техника ретуширования пластин в материалах стоянки Орлов Овраг I не представлена. Пластины использовались, будучи необработанными. Набор типов орудий обычен для памятников позднеплейстоценового – раннеголоценового возраста: резцы-скребки. Однако обработка скребковых лезвий попеременной или пологой ретушью неизвестна в неолитических комплексах, а встречена на памятниках усть-камской культуры и на стоянке Постников Овраг. В то же время не обнаружены диагностирующие типы каменных изделий, характерные для усть-камской культуры: срединные, ретушные резцы или вогнуторетушные трапеции. Техника расщепления и геоморфологическое положение стоянки Орлов Овраг I, залегание каменных изделий в шлейфе делювиальных суглинков, а также их связь с погребенной почвой в предварительном плане позволяют определить время ее бытования в пределах позднего, возможно, финального палеолита.

Н. В. Костин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: курганный могильник, керамика, бронзовый век, ранний железный век, селище, именьковская культура, раннее средневековье

Совместными отрядами ООО «НПФ АрхГео» и ООО «Белгородская археологическая экспертиза» проведены исследования в Безенчукском, Ставропольском, Похвистневском, Шенталинском р-нах Самарской обл.

Курганный могильник Экономия II выявлен в 1979 г. В. А. Скарбовенко. Могильник расположен на первой надпойменной террасе р. Волга. Расстояние до ближайшего водоема – оз. Липовское – 2 км к СВ от насыпи кургана 5. Географически могильник расположен в районе п. Экономия Безенчукского р-на Самарской обл.

Раскопан курган 4 в составе курганного могильника Экономия II, обследованы известные памятники археологии: курганный могильник Привольный, селище Большая Рязань II, одиночный курган Подбельск I; вновь выявлены: селище Большая Рязань V, одиночные курганы Станция Аверкино I и Крепость Кондурча I.

На месте кургана 4 проходят трассы существующего МН «Куйбышев – Унеча-2» и «Уфа – Западное направление». В процессе раскопок выявить остатки насыпи не удалось. В процессе разбора кургана в СВ его части обнаружено изделие из кремня, применявшееся для обработки дерева; в зап. части кургана обнаружен развал керамического сосуда, предположительно выполнявшего роль жертвенника/тризны при грунтовом погребении. Сосуд баночной формы, имеет выраженную закраину у дна. Горло сосуда слегка сужено, шейка стянута к центру, на поверхности с обеих сторон сохранились следы копоти. Край венчика горизонтально срезан, слегка загнут внутрь, на венчике вылеплен желобчатый слив для жидкости. Сосуд хорошо обожжен, цвет черепков на срезе ровный. Примеси – органика и шамот. С наружной и внутренней стороны сосуда наблюдаются следы заглаживания от травы. Высота сосуда до 19 см, диаметр венчика – 17,8 см, диаметр тулова 19 см, диаметр дна составляет 8,8 см. Слив выступает от стенки сосуда на 2 см.

Найденный сосуд аналогичен сосуду, обнаруженному в погребении 1 могильника Утевка IX, и может быть отнесен к памятникам нурского типа. И. Б. Васильев относил памятники нурского типа к переходному времени от бронзового к железному веку (VIII–VII вв. до н. э) [*Васильев, Матвеева*, 1986]. Возможные погребения в кургане либо отсутствовали, либо были разрушены при прокладке магистрального нефтепровода «Уфа – Западное направление» и «Куйбышев – Унеча-2». Территория кургана 4 изучена полностью. Всего раскопано 1308 кв. м.

Обследованы ранее известные памятники – курганный могильник Привольный в Безенчукском р-не и селище Большая Рязань II в Ставро-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.342-343

польском р-не. Открыто селище Большая Рязань V в Ставропольском р-не Самарской обл.

Могильник Привольный выявлен в 2001 г. при проведении разведки В. А. Цыбиным. Могильник находится у основания овражной стрелки оврага Колдыбань. Ближайший источник воды – ручей, протекающий по руслу оврага и находящийся в 120 м к В от курганной насыпи 2.

Могильник состоит из 4 насыпей. Насыпи 2–4 вытянуты цепочкой в направлении ЮВ–СЗ. Насыпь кургана 1 расположена в 114 м к ЮЗ от кургана 2.

Селище Большая Рязань II выявлено в 1988 г. В. И. Пестриковой и В. Г. Фадеевым. Селище расположено на возвышенном участке водораздела рр. Волги и Усы на зап. берегу оврага Маркелкин в районе с. Большая Рязань. По дну оврага протекает ручей. Площадка, на которой расположено селище, ровная, с небольшим уклоном в сторону оврага. В заложенных шурфах найдено 163 обломка керамической посуды, 9 обломков костей животных. Селище относится к именьковской культуре эпохи раннего средневековья и датируется IV–VII вв. н. э.

Селище Большая Рязань V расположено на возвышенном участке водораздела рр. Волги и Усы на вост. берегу оврага Маркелкин в районе с. Большая Рязань. По дну оврага протекает ручей. Площадка, на которой расположено селище, ровная, с небольшим уклоном в сторону оврага. В заложенных шурфах было найдено 173 обломка керамической посуды, 29 обломков костей животных, одно биконическое усеченное пряслице, сделанное из глины, и обломок абразива из песчаника. Селище также относится к именьковской культуре эпохи раннего средневековья и датируется IV–VII вв. н. э.

В Похвистневском р-не Самарской обл. обследован ранее известный памятник – курган Подбельск I и выявлен курган Станция Аверкино I.

Курган Подбельск I выявлен в 2009 г. М. О. Жуковским. Курган находится на коренной террасе левого берега р. Большой Кинель. Ближайший источник воды – р. Большой Кинель – расположен в 2,4 км к ССЗ от вершины кургана.

Курган Станция Аверкино I находится на сев. склоне водораздела рр. Большой Кинель и Большой Толкай. Ближайший источник воды – оз. Большое (старичное озеро р. Б. Кинель) – расположен в 1,5 км к СЗ от вершины кургана.

В Шенталинском р-не Самарской обл. выявлен курган Крепость Кондурча I.

Крепость Кондурча I находится на СЗ склоне водораздела рр. Кондурча и Хмелевка. Ближайший источник воды – р. Кондурча – расположен в 1,2 км к СЗ от вершины кургана.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.

А. Ф. Кочкина

РАСКОПКИ ЭКСПЕДИЦИИ САМАРСКОГО МУЗЕЯ ИМ. П. В. АЛАБИНА

Ключевые слова: грунтовый могильник, энеолит, ярусные захоронения, V тыс. до н. э., Муромский городок, домонгольское время, ров

АЭ Самарского обл. ИКМ им. П. В. Алабина проводила раскопки двух памятников в Самарской обл.: грунтового могильника Екатериновский мыс эпохи энеолита в Безенчукском р-не в Левобережье р. Волги и городища Волжской Болгарии Муромский городок в Ставропольском р-не на Самарской Луке. Исследования на могильнике проводились при финансовой поддержке РГНФ и Самарской обл. в рамках научного проекта № 16-11-63601/16.

Грунтовый могильник Екатериновский мыс, обнаруженный в 2013 г., расположен на вост. окраине с. Екатериновка на мысу, образованном в месте слияния р. Безенчук с Саратовским водохранилищем. В 2013–2015 гг. совместной экспедицией СОИКМ им. П. В. Алабина и Самарского гос. социально-пед. ун-та на могильнике раскопано 60 погребений раннего энеолита.

В 2016 г. исследованная площадь составила 80 кв. м. Мощность слоя достигала 60–80 см. Верхняя часть культурного слоя была переотложена во время существования здесь дач в 1970–1990-е гг. и проведения строительных работ на рыбозаводе в 2012 г.

Всего в 2016 г. на раскопе исследовано 19 захоронений. Погребения преимущественно одиночные, парным, скорее всего, являлось погребение 70–71. Костяки лежат вытянуто на спине. Погребенные головой ориентированы на В, ВЮВ. Для большинства захоронений отмечается наличие посыпки охрой разной степени интенсивности. Могильные ямы не прослеживались. Одной из особенностей обряда захоронения является расположение погребений в несколько ярусов. Например, погребения 63, 64, 68 располагались друг над другом в три яруса. Встречается частичное перекрывание погребения нижнего яруса (74) верхним погребением (73). В планиграфии могильника четко фиксируется рядовое расположение захоронений.

Особое место среди исследованных захоронений занимает погребение 79, которое представляло собой компактно сложенные кости на участке размерами 65×35 см, обильно засыпанные красной охрой. Комплекс представлен неполным скелетом, причем оказалось, что захоронение содержит кости трех взрослых индивидов. У черепа из погребения 79 находилась дисковидная булава (7,4×2,7 см) с усеченно-коническим отверстием (1,1–2,5 см), с широкой стороны которого сделан кольцевой ободок (2 мм). Она изготовлена из камня светло-зеленого цвета с темно-зелеными вкраплениями, возможно, серпентина, поверхность заполирована (рис. 54).

На могильнике выявлены жертвенные площадки с развалами глиняных сосудов, характеризующихся наличием воротничка на венчике и дробленой раковины в составе формовочной массы. Аналогичные площадки были исследованы в 2014 г. Необходимо подчеркнуть обнаруже-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.344-347

Рис. 54

ние жертвенных комплексов около погребения 76, включающих предметы из камня и рога. Зооморфное навершие, скорее всего, из рога лося, с конусообразным штырьком (2,8×0,8×0,3–0,4 см) в отверстии, имеет Г-образную форму, рукоять цилиндрической формы (рис. 55: *1*). «Мордочка» с довольно свирепым выражением состоит из двух несомкнутых пластин и уплощена с фронтальной стороны. На боковой стороне вырезаны концентрические линии, оконтуривающие углубленный глаз, со стороны рукояти голова подчеркнута резной дугообразной линией. Общая длина 18,0 см, диаметр рукояти 4,6–5,2 см.

Большинство погребений содержало погребальный инвентарь, состоящий из каменных орудий (навершия скипетров, тесла из зеленого камня и окремнелого известняка, кремневые и кварцитовые изделия), костяных и роговых предметов.

Каменное фигурное навершие овальной формы с круглым отверстием для рукояти (13,2×5,3×4,2 см) из погребения 76 (рис. 55: *2*) с одной стороны оформлено в виде мордочки животного с вытянутой передней частью, с обеих боковых сторон глаза обозначены пунктиром.

Работами 2016 г. завершено исследование центральной части могильника, выявлены его границы с ЮЗ и юж. сторон.

Комплекс материалов, полученный при раскопках, позволяет убедительно соотносить могильник с памятниками мариупольского круга и датировать его V тыс. до н. э. Памятник имеет исключительную значимость для изучения вопросов археологии нео- – раннеэнеолитического периода не только Среднего Поволжья, но и Восточной Европы в целом.

В слое встречаются находки керамики, связанной с поселением, существовавшем здесь в эпоху поздней и финальной бронзы.

На Самарской Луке продолжены исследования юж. части внешнего города **Муромского городка**, одного из крупнейших городов Волжской Болгарии домонгольского периода. Раскоп XXXII был заложен в центральной части внешнего города в 40–45 м к Ю от широкого и глубокого оврага, отделяющего его от внутреннего города, на краю ложбины, имеющей террасовидный склон к В. Раскоп площадью 16 кв. м имел мощность культурного слоя 80–90 см с большой насыщенностью массовым материалом. Основным сооружением

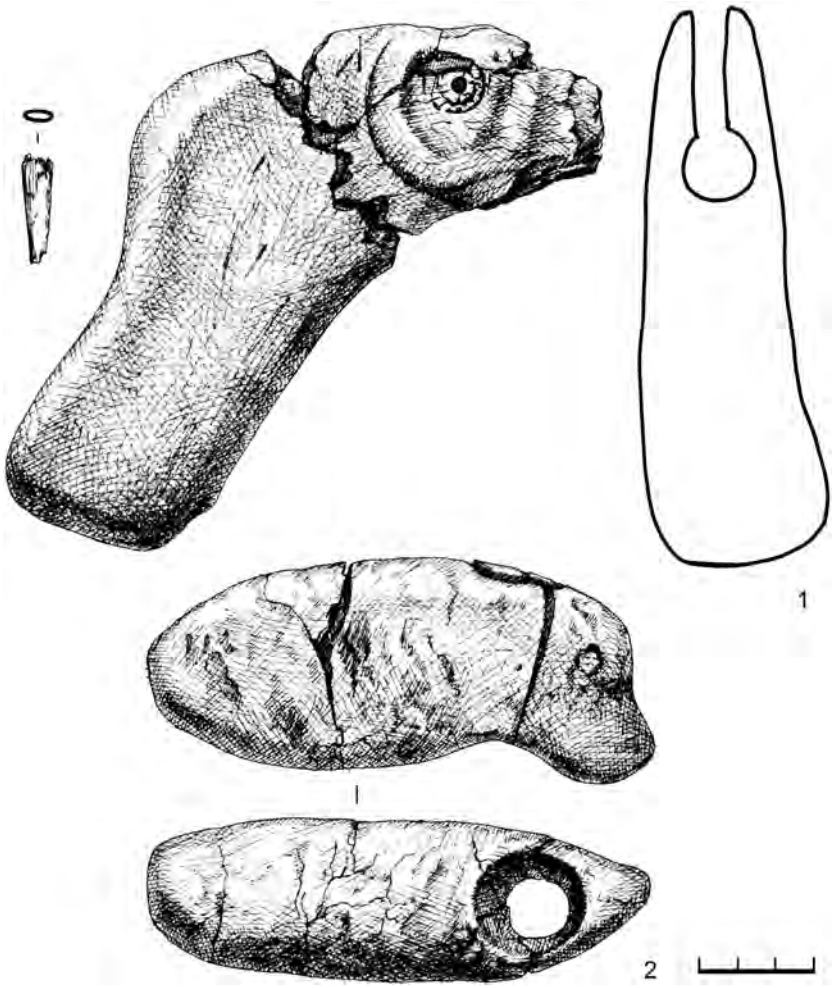

Рис. 55

явился ров, расположенный по диагонали раскопа по линии СЗ–ЮВ. Ширина рва в верхней части составляет 2,25–2,5 м, глубина от материка 1,1 м. Ров имеет в поперечном сечении подтрапециевидную форму, на дне – углубление с плоским дном. Зап. борт рва более крутой, вост. – более пологий. Заполнение представляло собой слоистый пестроцветный легкий суглинок с небольшими песчаными прослойками. Это – забутовка с небольшим количеством находок. На склоне вост. борта в юж. части обнаружен неполный череп и фрагмент позвоночника КРС, на дне был найден рог КРС. Судя по профилю, после

завершения функционирования ров был засыпан, а позднее на этом месте находились объекты, основная часть которых осталась за пределами раскопа.

Вост. часть рва ближе к сев. стенке раскопа перекрыта неглубоким сооружением 1 корытообразной формы с небольшими столбовыми ямками с ЮВ стороны. Вероятно, с ним связаны находки развалов горшковидных сосудов, подправленных на круге. Среди многочисленного керамического материала абсолютно преобладает круговая керамика, характеризующаяся разнообразием ассортимента и высоким качеством изготовления. В то же время следует отметить наличие значительного процента пережженной керамики, в том числе ошлакованной. Встречены фрагменты кирпичей и огнеупоров, что позволяет предположить наличие в данном районе разрушенных объектов, связанных с гончарным производством. В 250 м к ЮЮЗ от раскопа в 1979 г. уже был исследован гончарный горн.

Исследование небольшого участка рва не позволяет однозначно определить его функциональное назначение на внутригородской территории. По своим конструктивным особенностям этот объект близок рву домонгольского времени в Болгаре [*Баранов, Губайдуллин*, 2016, с. 196–198]. Несмотря на то что на профилях стенок СВ сектора раскопа имеются некоторые признаки разрушенной насыпи, вопрос о наличии вала остается открытым до более полного изучения сооружения. Это же касается и его точной датировки. Учитывая стратиграфию, можно предположить существование рва в пределах XI–XII вв.

Баранов В. С., Губайдуллин А. М., 2016. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // ПА. № 2. С. 193–218.

Н. В. Лебедева

РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: курганный могильник, ранний железный век, сарматы

На основании договора, заключенного между НПФ «АрхГео» и ООО «БашНИПИнефть», проведено археологическое обследование земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение в республиках Башкортостан и Татарстан. Земельные участки под проектируемые площадные и линейные объекты располагались в западных районах Башкортостана в бассейнах рр. Белая, Ик, Дема и их притоков рр. Тавашла, Тарказы, Кармалка, Так-Елга, Гарейка, Каргала и др. и местах переходов коммуникаций через них.

Целью работ являлось определение наличия или отсутствия на участках осмотра объектов археологического наследия, а также объектов, имеющих признаки объектов археологического наследия, определение их сохранности и культурной значимости, выработка рекомендаций по выполнению мероприятий по обеспечению их сохранности.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.347-348

В результате работ выявлены новые курганы Сафаровский, Богдановский, Михайловский, Знаменский, разработаны разделы по их сохранению.

Проведены охранно-спасательные раскопки и археологические наблюдения на территории **курганного могильника Разъезд Башкирский II** в зоне реконструкции участка магистрального нефтепровода «Куйбышев – Унеча-2» Красноселки – Губино, 121–144 км в Безенчукском р-не Самарской обл.

Раскопан курган 2 курганного могильника Разъезд Башкирский II, который расположен на первой надпойменной террасе р. Волга к СЗ от ж/д станции Разъезд Башкирский Безенчукского р-на Самарской обл. По центру могильника проходят трассы магистральных нефтепроводов Дружба I, Дружба II и другие коммуникации.

Курган 2 диаметром 16 м, высотой 0,1 м находился к СВ от проектируемой трассы Куйбышев – Унеча-2 и раскопан вручную.

В центральной части кургана на уровне материка расчищена могильная яма, сильно изрытая грызунами, к ЮЗ от нее находился могильный выкид. В заполнении насыпи кургана и могильной ямы найдены отдельные кости скелетов двух человек – взрослого мужчины 30–40 лет и ребенка (определения д. и. н. А. А. Хохлова), и 3 фрагмента керамики от лепных сосудов без орнамента. А также 4 кости животных, видимо, от тризны, одна из них – целая правая бедренная кость взрослой лошади (определения к. и. н. Н. В. Росляковой). Предположительно, курган относится к сарматской культуре раннего железного века (I тыс. до н. э.), но не исключено, что его оставили кочевники эпохи раннего средневековья по аналогии с погребением 2 кургана 1 курганного могильника Масленниково I, исследованного на территории Самарской обл. Кость лошади от правой половины туши располагалась над головой погребенного [*Козин*, 2004, с. 154].

Козин Е. В., 2004. Хворостянский район. Очерки древней истории. Самара.

В. А. Скарбовенко, Е. В. Волкова, А. В. Денисов, С. В. Козин, П. В. Ломейко

РАСКОПКИ СЕЛИЩА ЯИЦКОЕ II В ВОЛЖСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: неолит, стоянка, эпоха бронзы, керамика

В 2016 г. совместная экспедиция НПЦ «Бифас» и Самарского ГУ провела раскопки селища Яицкое II в Волжском р-не Самарской обл. Раскопки носили спасательный характер и были связаны со строительством Южного города – нового микрорайона г. Самары, возводимого на левобережной стороне долины одноименной реки.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.348-349

Селище располагалось на мысу правого коренного берега небольшой р. Подстёпновки, к ЮЗ от п. Яицкое. Открыто в 2013 г. разведочными работами П. В. Ломейко. Площадь заложенного на селище раскопа составила 1332 кв. м; селище исследовано полностью.

В результате проведенных раскопок установлено, что в прошлом мыс заселялся дважды, причем с большим хронологическим разрывом. В эпоху неолита на мысу существовала кратковременная стоянка, которой принадлежит комплекс кремневых и кварцито-песчаниковых артефактов в количестве 137 единиц, ок. 10% каменных неолитических артефактов являются орудиями, остальные – сырьем, заготовками и отходами производства. Керамикой неолитический каменный комплекс не сопровождался.

В начале эпохи поздней бронзы, в 1-й четв. II тыс. до н. э., мыс был повторно заселен этнокультурной группой, мигрировавшей в заволжские степи из более западного района Волго-Донского междуречья. Культурная принадлежность этой группы населения в современной археологической литературе является предметом дискуссии: одни специалисты рассматривают ее как доно-волжскую абашевскую, другие – как наиболее раннюю покровскую. Поселение эпохи бронзы также носило кратковременный характер, в его границах не выявлены жилища и другие сооружения этого времени. Культурные остатки представлены фрагментами керамики, каменными и костяными орудиями, среди которых преобладают орудия для обработки шкур животных. Основу керамического комплекса эпохи бронзы составляют сосуды с обильной примесью дробленой раковины и обработкой поверхности орудием, оставившим глубокие желобчатые следы. Среди остеологического комплекса эпохи бронзы имеются кости КРС, МРС, свиньи и лошади.

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ

Е. А. Купцов, В. В. Труханов, А. А. Файзуллин, И. А. Файзуллин, П. В. Харламов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

Ключевые слова: курганный могильник, одиночный курган, эпоха бронзы, ранний железный век, кольцевой ров

Отрядами АЭ Оренбургского гос. ПУ продолжалось обследование районов Западного и Центрального Оренбуржья. Работы проводились с целью выявления историко-культурных объектов в соответствии с планом научно-исследовательской деятельности по теме «Древняя история Южного Урала», а также в местах хозяйственно-промышленного освоения земельных

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.349-352

участков (охранные исследования) [*Купцов*, 2017; *Труханов*, 2017 (а); *Труханов*, 2017 (б); *Файзуллин*, 2016; *Файзуллин*, 2017; *Харламов*, 2016].

Обследованы водораздельные площадки и надпойменные террасы рек, относящихся к бассейну р. Урал: Итчашкан (приток берега р. Курала), Курала (приток р. Илек) и Сынтас (приток р. Итчашкан) в районе с. Новопавловка Акбулакского р-на; Иртек и Кинделя (притоки р. Урал) в районе с. Солнечный Ташлинского р-на; Кинделька (приток р. Кинделя) у с. Волостновка Новосергиевского р-на; Большая Вербовка (приток р. Рубежка), Малая Вербовка (приток р. Большая Вербовка), Рубежка (приток р. Урал), Чаган (приток р. Урал) в окрестностях пп. Долинный, Веснянка и Лебедев Первомайского р-на. Маршруты разведок также пролегали по пойме, надпойменным террасам и водоразделу рр. Самара и Малый Уран (бассейн р. Волга) в окрестностях сс. Октябрьский, Бурдыгино, Надеждинка, п. Заречный и г. Сорочинск в Сорочинском городском округе Оренбургской обл.

В ходе работ выявлено восемь новых объектов историко-культурного наследия, в том числе: четыре курганных могильника (курганный могильник IV у с. Новопавловка, курганный могильник III у п. Лебедев, курганный могильник II у с. Веснянка, курганный могильник I у с. Надеждинка) и четыре одиночных кургана (курган I у г. Сорочинск, курганы I и II у с. Веснянка, курган I у с. Надеждинка).

Археологические находки, позволяющие надежно соотнести вновь открытые памятники с той или иной исторической эпохой, при обследовании не обнаружены. Тем не менее специфика топографического расположения и размеры курганных насыпей позволяют предполагать, что сооружение памятников у с. Надеждинка Сорочинского р-на происходило в эпоху бронзы – раннего железного века, остальные курганы, очевидно, были оставлены кочевым населением сарматской культуры раннего железного века Южного Приуралья.

Кроме того, была осуществлена проверка текущего состояния пяти памятников археологии, выявленных обследованиями предыдущих лет (курган I у с. Новопавловка, курганный могильник I у с. Новопавловка, курганный могильник III у с. Волостновка, курганный могильник IV у с. Солнечный, курганный могильник I у с. Красная Нива). В ряде случаев проводилось уточнение географического расположения и инструментальная топографическая съемка ранее известных памятников.

Из тринадцати обследованных объектов историко-культурного наследия современное состояние девяти можно охарактеризовать как удовлетворительное. Четыре памятника подвергаются систематическому разрушению курганных насыпей вследствие разнообразных процессов антропогенного воздействия.

Курган I у с. Новопавловка в Акбулакском р-не расположен на первой надпойменной террасе р. Итчашкан. В результате разрушения глубокой распашкой курганной насыпи, очевидно, повреждено содержащееся в кургане погребение, о чем свидетельствуют находки мелких фрагментов и отдельных костей человека на его поверхности.

Курганный могильник I у с. Новопавловка в Акбулакском р-не находится на площадке водораздела рр. Илек и Итчашкан (часть Илекского плато) на пашне. Могильник состоит из 2 курганов. Насыпи курганов округлые в плане, правильной полусферической формы, распахиваются. Кольцевой ровик, отмеченный во время обследования 1998 г. вокруг кургана 1 [*Халяпин*, 1998], в настоящее время визуально не фиксируется.

Состоящий из 4 курганных насыпей курганный могильник II у с. Веснянка в Первомайском р-не расположен на высокой водораздельной площадке рр. Рубежка и Чаган. Насыпи курганов 2–4 ранее распахивались. Насыпь кургана 1 повреждена вследствие установки триангуляционного знака. Все курганные насыпи имеют следы современных грабительских вкопов.

Расположенный на первой надпойменной террасе левого берега р. Самара, состоявший из двух курганных насыпей, курганный могильник I у с. Красная Нива Сорочинского городского округа исследовался в 1977 г. В. Н. Зудиной и О. В. Кузьминой [*Зудина, Кузьмина*, 1978]. В настоящее время практически вся верхняя часть насыпи сохранившегося кургана 2 прорезана грабительскими вкопами. Ямы 1–3 прямоугольной формы, достаточно свежие, их размеры 2–2,3×4 м, ориентированы длинными сторонами по линии С–Ю. Глубина ям составляет от 1,5 до 2,3 м. В ходе земляных работ грабители разрушили основание некогда находившегося на кургане геодезического знака, бетонные блоки основания знака скатились в грабительскую яму 2. Яма 4 – аморфных очертаний, близких к кругу, выкопана достаточно давно и заросла степной растительностью. Существует угроза полного разрушения насыпи кургана 2.

Таким образом, результаты работ 2016 г. значительно пополнили базу данных по наличию и сохранности археологических объектов на территории Оренбургской обл. Полученные данные переданы в Управление гос. охраны объектов культурного наследия Министерства культуры и внешних связей Оренбургской обл. для дальнейшей их постановки на учет в Единый гос. реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Зудина В. И., Кузьмина О. В., 1978. Работы в зоне строительства Сорочинского водохранилища // АО 1977 г. М. С. 173–174.

Купцов Е. А., 2017. Отчет о проведении археологической разведки в Акбулакском районе Оренбургской области в 2016 году по Открытому листу № 512 // Архив ИА РАН.

Труханов В. В., 2017 (а). Отчет о проведении археологических полевых работ по хозяйственному освоению земельных участков в Переволоцком, Курманаевском, Новосергеевском, Сорочинском, Бузулукском, Пономаревском, Грачевском, Красногвардейском районах Оренбургской области по Открытому листу № 2031. Т. 1 // Архив ИА РАН.

Труханов В. В., 2017 (б). Отчет об археологическом обследовании земельных участков, отводимых под объекты «Техническое перевооружение нефтесборного трубопровода от АГЗУ-2 до УПСВ Самодуровка Самодуровского месторождения» в Пономаревском районе, «ПС 110/10 кВ “Рыбкинская” в Новосергиевском районе Оренбургской области в 2016 г. по Открытому листу № 2271 // Архив ИА РАН.

Файзуллин А. А., 2017. Отчет о проведении археологической разведки в Ташлинском районе Оренбургской области в 2016 году по Открытому листу № 329 // Архив ИА РАН.

Файзуллин И. А., 2016. Отчет о проведении археологических разведок в Сорочинском районе в Оренбургской области в 2016 году по Открытому листу № 330 // Архив ИА РАН.

Халяпин М. В., 1998. Отчет об археологических разведках в Акбулакском, Александровском и Беляевском районах Оренбургской области летом – осенью 1998 года по Открытому листу № 759 // Архив ИА РАН.

Харламов П. В., 2016. Отчет о проведении археологической разведки на территории Первомайского района Оренбургской области в 2016 г. по Открытому листу № 980 // Архив ИА РАН.

А. В. Умаров, Е. В. Мишанина

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В БУЗУЛУКСКОМ РАЙОНЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, новое время, дворянская усадьба, храм

Работы с целью выявления новых памятников археологии проводились на территории Бузулукского р-на Оренбургской обл. Участок находится в СВ части муниципального района и представляет собой слабохолмистую лесостепь, основными водными артериями которой являются рр. Боровка (правый приток р. Самары), Кондузла (правый приток р. Боровки), Вязовка (правый приток р. Кондузлы), р. Березовка (левый приток р. Боровки) (бассейн Волги).

Работы финансировались сельскохозяйственной артелью им. Дзержинского (с. Преображенка) и общественным фондом им. Г. Р. Державина. В состав участников экспедиции входили представители администрации сс. Преображенки и Троицкого и учащиеся средней школы.

Маршрут состоял из двух направлений. Часть исследования была сосредоточена на сев. окраине с. Преображенка Бузулукского р-на, к ЮВ от села выявлен ранее неизвестный памятник археологии – одиночный курган Преображенка I диаметром 20 м, высотой 0,8 м.

Из бесед с краеведами и жителями села, а также при изучении архивных материалов установлено, что прежнее название села – Михайловка, Большая Карамзиха, Карамзино (Преображенское), основано в 1750 г. отцом первого российского историографа Н. М. Карамзина – Михаилом Егоровичем, которому земли пожалованы за долголетнюю службу в Оренбургской губернии офицером Пензенского пехотного полка. В этой усадьбе 1 декабря 1766 г. родился Н. М. Карамзин и прожил первые 4–5 лет жизни. До 1917 г. усадьба оставалась во владении потомков родного младшего брата Н. М. Карамзина – Федора Михайловича.

Из старинных построек в селе сохранился православный храм Святителя Николая Чудотворца, возведенный из красного кирпича на месте одноименного деревянного, построенного в 1772 г. М. Е. Карамзиным. С 1857 по 1910 г. на месте деревянного продолжалось строительство ка-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.352-354

менного храма. Старожилы утверждают, что с юж. стороны и внутри него располагаются могилы господского кладбища. По метрическим книгам Преображенской ц. установлены фамилии 13 отпетых и погребенных дворян и священнослужителей. В советское время церковь перестроена, купола сняты, сооружена двухскатная крыша. Здание расположено в достаточно низменном месте на краю низкой первой надпойменной террасы левого берега р. Вязовки. Длина храма по основанию 29 м, ширина 18 м.

Подъемный материал в количестве 6 предметов собран справа от входа в Николаевскую ц.: три венчика (один от кувшина, два от горшков или корчаг), орнаментированная стенка от гончарного сосуда серо-коричневого цвета, фрагмент стеклянного аптекарского флакона. Техника изготовления и материалы позволяют датировать данные предметы кон. XIX – 1-й пол. XX в.

На ССВ окраине с. Преображенка сохранились следы существования дворянской усадьбы с руинами дома на левой стороне р. Вязовки, на высокой террасе с заросшим барским парком с 200-летними липами. Территория усадьбы определена условно на основе свидетельств жителей села и рукописного плана усадьбы, составленного в 1910 г. Территория включает барский парк, место бывших усадебных хозяйственных строений. Возможно, что в XVIII в. усадьба занимала и правый берег р. Вязовки. Территория уже плотно задернована, парк сильно зарос сорной растительностью. Без осуществления производства локальных земляных работ более точное определение границ оказалось невозможным.

Вторая часть маршрута пролегала до с. Троицкое Бузулукского р-на, которое основано в 1750-е гг. оренбургским помещиком Гаврилой Петровичем Ждановым, служившим офицером в оренбургских полках вместе с М. Е. Карамзиным. В XVIII в. именовалось Ждановкой и Гавриловкой, но после возведения в 1784 г. православного храма в честь Святой Троицы стало называться Троицким. Бывшая сельская площадь занимает сев. окраину зап. части современного села. На месте площади стоит кирпичное здание Троицкой средней общеобразовательной школы. В досоветское время на площади находились две церкви: зимняя Троицкая (на ее месте построен сельский клуб, позднее – школьная котельная). Возле Никольской ц. располагалось родовое кладбище Ждановых-Геймер и могилы церковнослужителей. У центрального заасфальтированного крыльца школы имеется прогиб асфальта. По утверждениям старожилов, в этом месте находится склеп. Во время строительства школы свод склепа обвалился, и в яме были видны кости, гроб с кистями. Погребенный человек лежал с крестом и Евангелием, ориентирован головой на З. Обе церкви возведены недалеко друг от друга в XVIII в. (Никольская в 1771 г., Троицкая в 1784 г.), возможно, с дальнейшими перестройками просуществовали до 1930-х гг. По центральной улице села встречено несколько фрагментов надгробий из белого мрамора и песчаника, валяющихся на обочинах. Одно из них привлекло внимание. У дома 41 под вазон для цветов приспособлено надгробие кубической формы, полое внутри, из светло-серого мрамора. Размеры куба по основанию 0,7×0,7 м, высота 0,45 м. На одной из сторон удалось

прочитать выбитую на камне надпись: «Иванъ Иосифовичъ Геймеръ». Размеры надписи 40×40 см. По архивным источникам установлено, что это один из последних владельцев усадьбы, прусский подданный, женившийся на правнучатой племяннице Н. М. Карамзина Софье Васильевне Рушко.

В результате археологической разведки на территории земельных участков, расположенных в Бузулукском р-не Оренбургской обл., выявлены ранее неизвестные объекты древности и нового времени, которые рекомендованы к включению в список выявленных объектов культурного наследия (памятников археологии) Оренбургской обл.

А. А. Файзуллин, Н. Л. Моргунова,
А. А. Евгеньев, П. В. Харламов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ I КРАСИКОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: эпоха бронзы, ямная культура, абашевская культура, наконечник стрелы, керамика

Отрядом Оренбургской АЭ Оренбургского гос. ПУ проведены археологические раскопки I курганного могильника у с. Красиково в Красногвардейском р-не Оренбургской обл. Работа выполнена при поддержке Задания № 33.1389.2017/ПЧ Министерства образования и науки РФ.

Памятник был открыт Н. Л. Габелко (Моргуновой) в 1977 г. Могильник расположен к С от с. Красиково на обрывистом левом берегу р. Ток (правый приток р. Самара), он насчитывал 6 земляных курганов диаметром от 13 до 40 м и высотой от 0,25 до 2 м. В 2015 г. было исследовано 2 кургана (1 и 3), которые располагались в юж. и центральной части могильника. Изучено 5 погребений ямной и абашевской культур. В 2016 г. исследованы курганы 2, 4, 5.

Курган 2 раскопан при помощи бульдозера, диаметр кургана достигал 28 м, высота от 6,1 до 8,9 м. Стратиграфия: дерновый слой, насыпь (светло-коричневая гумусированная супесь мощностью до 80 см), погребенная почва (более темная гумусированная супесь, сильно изрытая норами, мощность 30–50 см), материк (коричневый суглинок).

Подкурганную площадку окружал кольцевой ров. Ров прослежен по всей площади раскопа, за исключением ЮВ части. Диаметр площадки, окруженной рвом, – 18 м. Ширина рва 2–3,5 м.

В насыпи кургана, в погребенной почве и во рву обнаружены фрагменты керамики, кремневые изделия (пластины, нуклеус, сколы), кости животных, фрагмент гальки.

Основное погребение 1 находилось в центральной части подкурганной площадки, в 2 м к Ю от условного центра кургана. На уровне материка

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.354-356

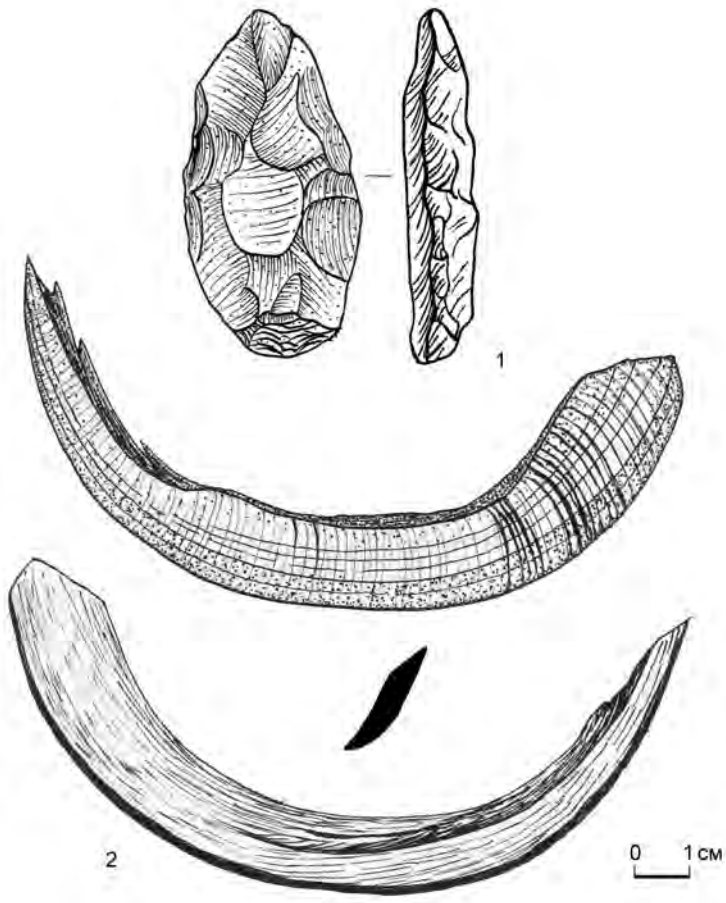

Рис. 56

могильная яма имела неправильные прямоугольные очертания с закругленными углами, размеры 2,8×2,21 м. Яма ориентирована длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. С сев., вост. и юж. сторон в яме отмечены ступеньки. В заполнении ямы на разных уровнях встречались человеческие кости и фрагменты дерева от перекрытия. В СВ углу на глубине (от -262 до -295 см от 0) обнаружены компактно сложенные человеческие кости: таз, кости ног и рук, ребра, которые были нарушены норой сурка. На них найдена костяная пектораль из клыка кабана (рис. 56: *2*). Дно ямы покрыто толстым слоем органической подстилки. Череп находился в зап. половине ямы и был установлен на постаменте из глины, укреплен по краям плотной спрессо-

ванной глиной. Рядом с черепом найден наконечник стрелы листовидной формы, размеры 6,2×3 см, в сечении линзовидный, изготовленный из светло-коричневого кварцита (рис. 56: *1*).

Погребение 2 (впускное) находилось в центральной части кургана, в бровке, над основным погребением 1. Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении на спине, головой на В. Череп и ноги в сильно скорченном положении обращены в левую сторону. Кисть левой руки располагалась на тазовых костях погребенного, кисть правой руки частично перекрывала кости ступни правой ноги. В районе черепа, ребер и ступни правой ноги отмечены пятна красной охры. Вещей в погребении не было.

Судя по устройству курганного пространства, особенностям погребального обряда и инвентаря, курган 2 следует отнести к раннему этапу ямной культуры [*Моргунова*, 2014]. Культурная принадлежность кремневых изделий, найденных в погребенной почве, устанавливается в широком диапазоне от мезолита до энеолита, но вполне вероятна их связь с основным погребением.

Курган 4 раскопан вручную; диаметр кургана составлял 10 м, высота от 0,1 до 0,2 м. Курган сооружен на ровной площадке, ровики не прослежены. Стратиграфия: дерновый слой, насыпь (темно-серая гумусированная супесь мощностью от 30 до 50 см), погребенная почва (коричневая гумусированная супесь мощностью 30–40 см), материк (коричневый суглинок). В насыпи кургана и на уровне погребенной почвы обнаружены фрагмент сосуда со следами высокотемпературных воздействий и орудие труда из гальки размером 9×4.

Погребение 1 обнаружено в 2 м к СВ от условного центра кургана. Могильная яма прямоугольной формы перерыта норами грызунов, кости погребенного сильно потревожены и находились на разных уровнях. На тазовой кости обнаружен след от травмы, которая читалась наличием на кости окислов бронзы и торчавшим фрагментом бронзового оружия. Череп в погребении отсутствовал.

Судя по особенностям погребального обряда и инвентаря, курган 4 следует отнести к эпохе бронзы.

Курган 5 раскопан вручную; диаметр кургана составлял 10 м, высота от 0,1 до 0,2 м. Стратиграфия: дерновый слой, насыпь (темно-серая гумусированная супесь мощностью от 10 до 30 см), погребенная почва (коричневая гумусированная супесь мощностью 30–60 см), материк (коричневый суглинок).

В насыпи кургана, в погребенной почве обнаружены кости животных и фрагменты керамики. В СЗ секторе выявлена канава, в центре которой зафиксирована глубокая яма. В ней найден расчлененный костяк хищного животного из семейства псовых. Погребения людей в кургане не обнаружено.

Судя по фрагментам керамики, найденным в насыпи, курган 5 относится к эпохе бронзы.

Моргунова Н. Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 348 с.

**И. А. Файзуллин, Е. А. Крюкова, Л. В. Купцова,
Е. А. Купцов, Н. Л. Моргунова, В. В. Труханов**

РАСКОПКИ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У С. КАМЕНКА СОРОЧИНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА

Ключевые слова: каменная конструкция, керамика, украшения, бронзовый нож, эпоха бронзы

Отрядом Оренбургской АЭ проведены раскопки I курганного могильника у с. Каменка в Сорочинском городском округе Оренбургской обл. Раскопки памятника носили охранно-спасательный характер и были профинансированы ООО «СамараНИПИнефть». Работа выполнена при поддержке Задания № 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части гос. задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации.

Могильник расположен к СЗ от с. Каменка на водоразделе рр. Большой Уран и Малый Уран. Некрополь состоит из трех насыпей диаметром от 16 до 22 м, высотой от 0,2 до 0,6 м. Исследованы курганы 1 и 2, находящиеся под угрозой разрушения. В результате раскопок обнаружены материалы эпохи поздней бронзы.

Насыпь кургана 1 перед началом археологических работ была снивелирована в результате хозяйственной деятельности. Курган раскапывался участками, в основу которых был положен квадрат размером 8×8 м, ориентированный по сторонам света. Между участками оставлялись бровки, по которым изучалась стратиграфия.

Верхний слой представлял собой плохо задернованную погребенную почву (темно-серая с коричневыми включениями гумусированная супесь с примесью органики, мощность от 20 до 50 см), под которой залегал слой материка (рыжая запесоченная глина, зафиксирован на глубине 25–50 см от 0). В бровках читались остатки конструкции геодезического знака, ранее установленного на кургане.

В слое погребенной почвы зафиксирована каменная конструкция, частично углубленная в материк, а также шесть сосудов и один фрагмент керамики, по всей видимости приуроченных к ней. Погребения не выявлены. Каменная конструкция в древности, предположительно, имела округлую форму и была сложена из крупных и мелких камней размером 5–50 см. Достоверно конструктивные особенности данного сооружения не восстанавливаются, так как оно дважды было повреждено в ходе хозяйственной деятельности: первый раз – во время установки на курган геодезического знака, и второй – во время установки рядом с насыпью нефтяной скважины.

Обнаруженные в кургане 1 сосуды имеют горшечную форму. Среди них – горшок с перегибом в середине профиля, плавнопрофилированный сосуд, четыре сосуда с уступчиком при переходе от шейки к тулову, выявленный фрагмент керамики также принадлежал сосуду с уступчатым

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.357-359

плечом. Орнаментированы два сосуда и фрагмент керамики. Орнамент наносился гребенчатым или гладким штампом, орнаментальные образы представлены заштрихованными треугольниками, двухрядными зигзагами, параллельными горизонтальными линиями.

Курган 2 раскапывался вручную методом кольцевых траншей, для изучения стратиграфии были оставлены две перпендикулярные бровки. Стратиграфия кургана: дерн толщиной 2–3 см, пахотный слой мощностью 20 см; насыпь мощностью до 50 см; погребенная почва толщиной до 40 см, материк – рыжая запесоченная глина – зафиксирован на глубине 90–100 см от 0. В кургане обнаружено три погребения.

Могильная яма погребения 1 имела прямоугольную форму, ориентирована по линии С–Ю. В засыпи могильной ямы зафиксированы мелкие фрагменты дерева, вероятно, от деревянного перекрытия. На дне погребения на белесой органической подстилке обнаружен скелет взрослого человека. Он лежал на левом боку в скорченном положении, кисти рук располагались перед лицом, головой погребенный ориентирован на ССВ.

На черепе, челюсти и в верхней части грудного отдела лежала челюстно-лицевая подвеска. Украшение представляет собой сложный гарнитур. Форма – угловая конструкция, закрепляемая в районе висков на головном уборе, свободно свисающая к центру груди. Основой для угловой конструкции служили кожаные ленты, на которые сверху нашивались параллельно расположенные низки чередующихся нескольких пастовых бусин и одиночных длинных бронзовых бусин, надетых на нити из сухожилий животных, и ряды бронзовых обойм, закрепленных на узкие кожаные полоски.

Возле локтя левой руки погребенного лежал бронзовый нож и кость животного. Бронзовый нож – черенковый, двулезвийный, с удлиненным прямоугольным черешком и раскованной пяткой черешка. Имеет лезвие листовидной формы, ромбовидное перекрестие, в верхней части лезвия притален.

В ходе разбора костяка на височных костях черепа (на левой и правой стороне) были обнаружены две бронзовые височные подвески (сохранились фрагментарно). Изделия овально-треугольной формы изготовлены из широкой, свернутой желобком бронзовой пластины.

Погребение 2 представляло собой могильную яму подпрямоугольной формы, ориентированную по линии С–Ю. Над ямой обнаружены фрагменты деревянного перекрытия.

На дне погребения на белесой органической подстилке находился скелет взрослого человека, лежащий на левом боку в скорченном положении, руки располагались перед лицом. Череп погребенного был смещен в результате деятельности норных животных, но судя по положению остального костяка, покойный был ориентирован головой на С.

В засыпи погребения встречались фрагменты от керамического сосуда горшечной формы. Сосуд орнаментирован в верхней части при помощи мелкозубчатого штампа. Изображен пояс из заштрихованных треугольников, направленных вершинами вверх, сверху и снизу ограниченный двумя параллельными горизонтальными линиями.

В 15 см от колена левой ноги скелета найден костяной предмет, изготовленный из поперечного спила трубчатой кости с двумя сквозными отверстиями друг против друга.

Погребение 3 обнаружено в погребенной почве, его контуры не прослежены. Костяк взрослого человека лежал на левом боку в скорченном положении головой на В. Возле кистей рук зафиксирован комплекс из костей животных.

Основные признаки погребального обряда и характеристики большей части инвентаря, выявленного в насыпях I курганного могильника у с. Каменка, свидетельствуют о том, что некрополь был оставлен населением срубной культуры Волго-Уральского региона.

Уникальной для Оренбургского Предуралья находкой является обнаруженное в кургане 2 женское украшение – челюстно-лицевая подвеска. Подобные украшения широко известны в памятниках синташтинской, петровской и алакульской культур Южного Зауралья и Казахстана [*Куприянова*, 2008; *Усманова*, 2010].

Куприянова Е. В., 2008. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф. 244 с.

Усманова Э. Р., 2010. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. Караганда: ТАиС. 176 с.

VI. УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ[1]

А. В. Гусев

АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ ЗЕЛЕНЫЙ ЯР

Ключевые слова: средневековье, поселение, погребение, береста, мех

Археологический комплекс у п. Зеленый Яр в Приуральском р-не ЯНАО расположен на ЮВ оконечности небольшого возвышенного участка террасы, замкнутого между основным руслом р. Полуй с ЮЗ и его протокой Горный Полуй с СВ. Терраса образует здесь узкий пологий мыс, на котором выявлены два средневековых могильника и поселение. Общая хронология памятника устанавливается в рамках VI–XIII вв. н. э.

Комплексные исследования комплекса Зеленый Яр проводились в 1999–2002, 2013–2016 гг. В 2005 г. опубликована коллективная монография, посвященная итогам четырехлетнего изучения памятника [*Алексашенко и др.*, 2005]. Уникальная сохранность средневекового памятника, новые возможности изучения на современном этапе развития науки подтолкнули к возобновлению раскопок. Работы финансировались в рамках действия окружной долгосрочной целевой программы Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2014–2020 годы».

Общая площадь вскрытого участка в 2016 г. составила 120 кв. м. В ходе проведенных исследований удалось получить новые материалы для изучения средневековой истории региона. Изучено 8 погребений, остатки поселенческого слоя в виде одного кострища, получена археологическая коллекция в количестве 191 единицы.

Особого внимания заслужило погребение 67. Погребальный комплекс являлся парным захоронением, совершенным единовременно. Оба тела

[1] См. также статью И. Ю. Чикуновой на с. 377.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.360-362

находились в единой погребальной конструкции, у которой удалось зафиксировать два слоя верхнего перекрытия. Несовпадение размеров и особенностей залегания слоев свидетельствует о том, что оба слоя являлись самостоятельными элементами конструкции. Первый слой, лежащий над телами, представлен лубом. Второе, верхнее перекрытие, состояло из бересты. Береста была уложена на всей площади погребальной камеры в два слоя, полотна располагались внахлест, их направление было вариабельно (продольное, поперечное и под углом к центральной продольной оси). Также удалось проследить, что край берестяного перекрытия имел обработку: срез полотна был подогнут вовнутрь, укреплен берестяной лентой и прошит. Дно погребальной конструкции не сохранилось, однако о его наличии свидетельствует деревянная плаха, уложенная в головной части могильной ямы параллельно юж. торцевой стенке.

Взаиморасположение и особенности залегания костных останков дают возможность реконструировать некоторые манипуляции с телами. Умершие были уложены головой на Ю параллельно друг другу. В вост. половине могильной ямы располагался индивидуум 1 (скелет 1), в зап. – индивидуум 2 (скелет 2). Положение тел погребенных сходно, но не идентично.

Индивидуум 1 был уложен на спину, но его тело правым боком опиралось о продольную стенку погребальной конструкции. Правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе и уложена в область таза, левая выпрямлена вдоль тела, предплечье пронировано и заведено под область таза. Правая нога была выпрямлена, стопа упиралась в сев. торцевую стенку, левая нога была присогнута в коленном суставе, уложена набок, область пятки подведена под правую ногу. В качестве сопровождающего инвентаря были использованы преимущественно пластины: две серебряные пластины были уложены у левого виска и на теменной части головы, у правого виска находилось бронзовое височное кольцо. Еще одна пластина находилась в области рта-подбородка. Изделие из бронзовой пластины в виде круга с пробитыми отверстиями, оформленными кожаными ремешками, располагалось под правой рукой погребенного над областью таза. В области правого локтя находилась еще одна бронзовая пластина. И наконец, две бронзовые пластины располагались под стопами.

Судя по сохранившимся фрагментам посткраниального скелета индивидуума 2, лежащих *in situ*, тело погребенного было уложено вытянуто на спине, головой на Ю. Ноги выпрямлены, сведены, но не фиксированы. Левая рука погребенного была согнута в локтевом суставе и уложена в область живота или таза. Останки индивидуума 2 были потревожены в процессе грабительского вторжения в погребальную камеру. Мумификация левой верхней конечности, скорее всего, свидетельствует о наличии медесодержащих предметов около тела. В исходном положении зафиксированы бронзовые пластины, лежащие под стопами умершего.

Наиболее вероятным представляется сценарий, при котором тела умерших были одеты в плотную одежду, ограничивающую смещение элементов тел при их разложении. Возможно, что сверху тела были на-

крыты меховым покрывалом, подоткнутым под тело. При исследовании захоронения обнаружены два типа меха и тканое полотно. Тела принадлежат мужчинам, умершим в возрасте 20–30 лет. Одонтологические расовые признаки указывают на смешение зап. и вост. расовых стволов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что продолжение исследований археологического комплекса у п. Зеленый Яр способно дать огромное по своим масштабам количество материалов и исторических данных для реконструкции средневековой истории региона и сопредельных территорий.

Алексашенко Н. А., Брусницина А. Г., Литвиненко М. Н., Косинцев П. А., Перевалова Е. В., Ражев Д. И., Фёдорова Н. В., 2005. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Под ред. Н. В. Фёдоровой. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН. 368 с.

А. В. Плеханов

РАЗВЕДКА НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ

Ключевые слова: местонахождение, жилище, лепная керамика, поселение, средневековье

ООО «Ямальская археологическая экспедиция» провела археологическую разведку в центральной и сев. части п-ова Ямал. В ходе работ повторно обследованы археологические памятники, выявленные А. Г. Брусницыной в 1996 г.: местонахождения Юр-яха 1 и Юр-яха 2. На сев. оконечности п-ова Ямал выявлено и зафиксировано новое поселение Хэхэ-яха 1. Административное положение места проведения работ: Тюменская обл., Ямало-Ненецкий автономный округ, Ямальский р-н.

Отправной точкой маршрута послужило низовье р. Юръяха, являющейся левым притоком р. Юрибей, протекающей в средней части п-ова Ямал. Маршрут разведки проходил по правому берегу р. Юръяха на невысокой коренной террасе, покрытой тундровой растительностью. Первым обследовано местонахождение Юр-яха 2. Памятник находится на правом берегу р. Юръяха, выше ее устья. Терраса здесь удалена от русла реки на 100–150 м. Местонахождение фиксировалось по обнаружению фрагментов керамики на небольшом поверхностном выдуве (площадью ок. 100 кв. м) на площадке мыса (в его зап. части), спускающегося на ЮЗ, в пойму. Высота мыса 4–4,5 м, ограничен с З глубоким оврагом.

На выдуве найдены два фрагмента лепной керамики. Первый – фрагмент шейки сосуда, орнаментированный по кромке венчика крупными прямоугольными вдавлениями ребром. Шейка орнаментирована прямоугольными вертикально поставленными оттисками, ниже имеется ряд ямок. Второй фрагмент представлен основанием шейки и рядом ямок. Памятник датируется кон. I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э. Культурный слой не фиксируется.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.362-364

В 0,6 км от устья ручья Лабахэйто-сё левого притока р. Юръяха осмотрено местонахождение Юръяха 1. Мыс коренной террасы с сев. и юж. стороны образован оврагами с задернованными склонами. С зап. стороны склон полого спускается к ручью и покрыт моховой растительностью. Высота мыса достигает 7 м от уреза воды на момент съемки плана. Бока мыса покрыты хвощом, а подошва (1–3 м от уреза воды) – влаголюбивой растительностью. На площадке мыса имеется ориентированный по оси ЮЮЗ–ССВ выдув общей площадью 1000 кв. м, глубина выдува достигает 0,2–0,5 м. В сев. части выдува имеется фрагмент сохранившейся поверхности, доходящий почти до середины выдува по направлению на Ю. У его юж. окончания собран подъемный материал: фрагменты керамики от одного сосуда, образующие часть стенки и дно. От этого же сосуда в 1996 г. А. Г. Брусницыной был найден фрагмент венчика. Сосуд крупный со слабой профилировкой и пологой слегка отогнутой наружу короткой шейкой. По основанию шейки имеется ряд ямочных вдавлений. Образованные ими на внутренней стороне жемчужины приплюснуты. Кромка венчика плоская, горизонтальная, орнаментирована редкими наклонными оттисками двузубого гребенчатого штампа. Всю шейку сосуда покрывают оттиски вертикально поставленного волнистого штампа. Памятник датируется III–IV вв. н. э. Следы сооружений и культурный слой не фиксируются.

Дальнейшая часть маршрута проходила по сев. части п-ова Ямал на мысе Хаэн-сале. В устье р. Хэхэ-яха выявлен археологический памятник, получивший название Хэхэ-яха 1. Объект представляет собой небольшое возвышение (жилище?) ок. 1 м от уровня террасы. Располагается на пологой гряде (до 3 м высотой), покрытой тундровой растительностью. Терраса плавно переходит в пойму реки с влаголюбивой растительностью. Длина участка 100 м, ширина 61 м. Сев. сторона возвышения ограничена поймой пролива Малыгина, вост. – р. Хэхэ-яха, зап. и юж. – заболоченными участками. На поселении заложен стратиграфический шурф, показавший следующие напластования:

дерн (мох) – 10 см;
темно-серый перемес – 30 см;
погребенный дерн – 2 см;
органика, дерево – 10 см;
серый песок – 10 см.

Произвести выборку шурфа до материка не удалось, помешала мерзлота. В слое мерзлоты зафиксированы два вертикально стоящих столбика. В слое с органикой большое количество остатков жердей. Слои разделяются тонкими прослойками из органики и мелкой щепы. Верхний темно-серый слой содержит много мелких угольков. В шурфе найдены кости оленя, кость рыбы, кости птиц, ложка из рога оленя, изделия из рога оленя, стружка, фрагмент лепной посуды, фрагмент изделия из кости.

Площадь территории выявленного объекта составляет 3870,92 кв. м.

Поселение предварительно датировано эпохой средневековья (сер. I тыс. н. э. – нач. II тыс. н. э.).

Длина маршрута разведки составила 73 км. В устье р. Хэхэ-яха, впадающей в пролив Малыгина на сев. оконечности п-ова Ямал, впервые обнаружено средневековое поселение. Также проведено обследование выявленных в 1996 г. А. Г. Брусницыной местонахождений Юр-яха 1 и 2. В итоге составлены топографические планы, произведена фотофиксация и съемка GPS-координат объекта. Местонахождения не задернованы и продолжают разрушаться под воздействием ветра.

Брусницына А. Г., 2000. Современная источниковая база изучения позднего железного века Полярной зоны Западной Сибири // Научный вестник. Вып. 3. Салехард. С. 32–48.

А. А. Ткачёв

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТАЗОВСКОГО РАЙОНА ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: грунтовый могильник, трупоположение, кинтусовский этап, жертвенник, поселение, кулайская культура

Тазовская АЭ ИПОС СО РАН продолжила исследования на территории Тюменского Заполярья (Тазовский р-н, ЯНАО, Тюменская обл.). В урочище Мамеев мыс изучено несколько объектов, расположенных на высоких террасах ручья Нум-хибя-сихэри – левобережного притока р.Таз.

Продолжены работы на могильнике Нум-хибя-сихэри I, находящемся к СЗ от п. Газ-Сале на пологой площадке мысовидного уступа левобережной террасы ручья Нум-хибя-сихэри на высоте 6–8 м от уреза воды. Основная часть верхних отложений уничтожена в процессе современного антропогенного воздействия, связанного с добычей песка и суглинка для отсыпки зимника. В результате современная дневная поверхность памятника представляет собой бугристый участок, перекрытый переотложенным мешаным серым суглинком. В трех раскопах площадью 420 кв. м (общая площадь, вскрытая за три полевых сезона, составляет 640 кв. м) изучено 14 грунтовых могильных ям, содержащих разрушенные остатки захоронений, совершенных по обряду трупоположения. Особенности погребального обряда и вещевого инвентаря (железный наконечник стрелы, обломки ножей, обломки металлической посуды, бронзовые и серебряные подвески, гремящая подвеска, бронзовые и серебряные крестовидные накладки) позволяют соотнести исследованный могильник с древностями кинтусовского типа и датировать время бытования памятника кон. I – нач. II тыс. н. э.

Могильник Нум-хибя-сихэри II расположен к СЗ от п. Газ-Сале на высокой террасе правого берега ручья Нум-хибя-сихэри, возвышающейся над уровнем поймы на 11–12 м, к Ю от его устья. Погребальная площадка представляла собой ровный овальный участок, вытянутый в меридиональном

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.364-366

направлении (50×25 м), площадью 1,1–1,3 тыс. кв. м. Зап. часть памятника вдоль кромки террасы сильно разрушена в процессе антропогенной деятельности и водно-ветровой эрозии. Вдоль кромки берегового обрыва заложен раскоп (площадь 243 кв. м), в пределах которого исследованы две ямы, одну из них можно рассматривать в качестве могильного, вторую – жертвенного сооружения. Могила (1,4×0,4×0,7 м), зафиксированная в юж. части раскопа, частично разрушена в результате обвала кромки береговой террасы, ориентирована СЗ–ЮВ. На современной дневной поверхности прослеживалась в виде овального возвышения (2,1×1,4×0,15 м), вытянутого в меридиональном направлении. В сев. части насыпи фиксировались следы грабительского лаза овальной формы. Погребение частично нарушено: череп, кости плеча правой руки и грудной клетки в процессе ограбления сдвинуты к СЗ стенке. Между костями найдена сильно коррозированная подвеска, изготовленная из медной пластинки удлиненно-треугольной формы (2,9×1,8 см, толщина 1 мм). Кости грудной клетки и правой ноги найдены у подножия обрыва. На дне ямы сохранились следы берестяного короба, в котором находились останки подростка 13–14 лет, лежавшего на спине в вытянутом положении головой на СЗ. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе, кисть покоилась на тазовых костях; правая также согнута в локтевом суставе, но кисть расположена в области груди. Скорее всего, у бедра правой ноги был размещен нож (на склоне террасы найдены сильно коррозированные мелкие железные кусочки и пластинки). После захоронения короб с погребенным закрыли крышкой из бересты. По завершении обряда захоронения могильную яму засыпали вынутой землей, но, судя по объему надмогильной конструкции, часть земли была привнесена со стороны. В 0,5 м к СВ от могилы зафиксирована округлая грунтовая яма (диаметр 0,5 м, глубина 0,45 м). Внутри могли находиться предметы из нестойких материалов, не дошедшие до современности. Наблюдается определенное сходство некоторых черт погребальной обрядности с кинтусовским комплексом могильника Нум-хибя-сихэри I, расположенным на другой стороне ручья. Можно допустить, что в захоронении отражен особый подход к погребению человека, умершего, скорее всего, необычной смертью, выходящей за рамки традиционности, что и потребовало не характерного для данных комплексов погребального ритуала.

Поселение Нум-хибя-сихэри III расположено к СЗ от п. Газ-Сале на надпойменной террасе левого берега ручья Нум-хибя-сихэри, возвышающейся на 11 м над уровнем поймы. Жилая площадка (5–6 тыс. кв. м) почти полностью разрушена в процессе антропогенной деятельности (площадь сохранившегося участка не превышает 1,5–2 тыс. кв. м). На развеянном участке фиксировались остатки жилища, над которым и был заложен раскоп (64 кв. м). Исследованная постройка представляла собой наземное сооружение – овально-прямоугольная площадка (5,4×4,9 м), вытянутая в меридиональном направлении, оконтурена канавками (ширина 0,3–0,7 м, глубина 0,12–0,15 м). Выход из жилого помещения оформлен в виде разрыва в системе канавок в зап. части ограждения (длина выхода 0,3–0,4 м, ширина 0,7 м). На полу постройки

выявлено 4 хозяйственных углубления (0,3–0,8×0,3–0,65×0,12–0,21 м) и 2 скопления керамики: одно находилось внутри, второе – за пределами жилой конструкции. Помещение обогревалось двумя очагами: первый располагался в центре постройки – канавка (ширина 0,25–0,5 м, глубина 0,12–0,23 м), не замкнутая в сев. части, которая охватывала прокаленную площадку овально-прямоугольной формы (1,8×1,6 м); второй – наземного типа (0,5×0,3 м), зафиксирован на дне камеры (1,6×1,5 м), встроенной в систему канавок в ЮВ секторе. Вещевой инвентарь представлен железной пластинкой и обломком каменного песта. Керамический комплекс близок древностям позднекулайского облика, что позволяет датировать время бытования памятника в пределах 1-й пол. I тыс. н. э.

Поселение Нум-хибя-сихэри IV расположено к СЗ от п. Газ-Сале на всхолмлениях высокой террасы правого берега ручья Нум-хибя-сихэри, возвышающейся над уровнем поймы на 10–11 м. Имеет две жилые площадки, разделенные неширокими логом: первая представляла собой ровный участок, вытянутый в меридиональном направлении (100–110×50–60 м), частично нарушена в результате ветровой эрозии; вторая занимала пологую оконечность уступа террасы (15–20×10–12 м) на сев. стороне лога. Здесь прослежены остатки развеянной постройки, над которой заложен раскоп (64 кв. м). Жилище имело котлован подквадратной формы, ориентированный по сторонам света (4,4×4,2×0,2 м). В зап. стенке располагался тамбурообразный выход (1,4×1,5 м), направленный в сторону ручья. На полу прослежено три участка прокаленного грунта от очагов наземного типа (1,8×0,6; 2,1×1,1; 1,5×0,9 м). Вещевой инвентарь представлен железной стамеской, черешком железного наконечника, абразивами, кусочком шлака и двумя поделками из глины неясного назначения. Собранный керамический материал близок посуде с поселения Нум-хибя-сихэри III, имеющей сходство с древностями кулайского типа 1-й пол. I тыс. н. э.

Могильник Нум-хибя-сихэри V расположен к СЗ от п. Газ-Сале на треугольном мысу, образованном слиянием двух безымянных ручьев, являющихся левобережными притоками ручья Нум-хибя-сихэри. На площади 800 кв. м, вдоль сев. и юж. кромок мыса прослежено ок. 70 бессистемно расположенных овально-удлиненных могильных западин. Близ вершины мыса заложен раскоп (37 кв. м), в котором исследовано 6 грунтовых ям, содержащих разрушенные захоронения, совершенные по обряду трупоположения. Особенности погребального обряда и вещевого инвентаря (обломки железных ножей, обломки бронзовых украшений, бронзовая крестовидная накладка) сопоставимы с материалами могильника Нум-хибя-сихэри I, но отражают более позднюю стадию развития кинтусовского населения в пределах 1-й пол. II тыс. н. э.

Поселение Нум-хибя-сихэри VI расположено к СЗ от п. Газ-Сале на уступе высокой террасы правого берега ручья Нум-хибя-сихэри, возвышающейся над уровнем русла ручья на 8–16 м, к Ю от его устья. Жилая площадка представляет собой пологий уступ террасы подтреугольной формы (40–70×60–70 м) площадью 2–3 тыс. кв. м. На развеянных участках жилой площадки собраны бронзовые пластинки и фрагменты посуды, имеющие сходство с кулайскими комплексами поселений Нум-хибя-сихэри III и Нум-хибя-сихэри IV.

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ – ЮГРА

С. Ф. Кокшаров, О. С. Абакумова, Е. А. Жирных, И. Е. Пушкарев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ОКТЯБРЬСКОМ РАЙОНЕ ХМАО – ЮГРЫ

Ключевые слова: поселение, укрепленное жилище, неолит, эпоха бронзы, сумпаньинская культура, ранний железный век

Продолжены археологические работы на поселении Ендырское VIII и могильнике Ендырский II (р. Ендырь в Октябрьском р-не ХМАО – Югры Тюменской обл.). Кроме того, открыто неизвестное прежде средневековое городище. В исследованиях участвовали сотрудники ИИА УрО РАН, студенты и преподаватели исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Раскоп площадью 72 кв. м прирезан с З к раскопу VII 2004 г. В задачи прошедшего сезона входило изучение жилища 9, котлован которого фиксировался в зап. профиле раскопа 2004 г.

При раскопках выяснилась ошибочность отнесения объекта к числу жилищ. Он занимал всю центральную часть раскопа 2016 г. и представлял собой канаву с аморфными краями протяженностью свыше 8 м, шириной ок. 4 м. Ее торцевая часть проявлялась в раскопе VII, а противоположный край обращенной в сторону поймы выклинивался на краю террасы. Она пересекает раскоп по диагонали в направлении СВ–ЮЗ. В заполнении отмечены углистые пятна, переотложенный материковый песок и погребенный подзол. С ней связаны обломки керамики бронзового и железного веков.

В сев. части раскопа 2016 г. исследованы участок вала и заплывшие рвы укрепленного жилища, относящиеся к неолиту и бронзовому веку.

Внутренняя сторона неолитического рва осталась за пределами раскопа, а внешняя уничтожена рвом бронзового века (1-я пол. II тыс. до н. э.). Установлена лишь глубина раннего объекта относительно погребенного подзола (ок. 0,7 м). В зависимости от уровня фиксации, ширина рва эпохи бронзы варьирует от 0,6 до 2 м. Его глубина от погребенной почвы сопоставима с неолитическим. Дно объекта кюветообразное, заполненное угольками и супесью с включениями охры.

В раскопе зафиксирован разрыв рва бронзового века. В его торцевой части, в углу, сохранился горелый столб диаметром ок. 15 см, который можно связывать с остатками деревянной обшивки, предохранявшей стенки от обрушения. Рядом с концом рва расчищены горизонтально лежащие горелые плахи, связанные скорее всего с основанием деревянной стены укрепленного жилища бронзового века.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.367-368

Ранние находки из раскопа представлены керамикой сумпаньинского (?) типа эпохи неолита, которая концентрировалась возле обваловки укрепленного жилища и в заполнении рвов. Посуда бронзового века происходит в основном из центральной и сев. части раскопа. Она делится на две хронологические группы. Первая, датируемая досейминским или доандроновским временем, представлена керамикой полымьятского типа, которая синхронна синташтинским памятникам Южного Урала. Ко второй отнесена керамика атлымской культуры, одновременной гамаюнским комплексам и бархатовским комплексам Среднего Урала и Притоболья.

Каменные изделия происходят из переотложенных слоев, поэтому затруднено их однозначное соотнесение с упомянутыми выше типами керамики. Они включают отщепы из кварца, абразивы из плиток зернистых пород камня и скребки. В коллекции выделяются морфологически выраженные орудия – шлифованный нож из сланцевой плитки и трехлезвийный скребок из серого кремня.

В юж. части раскопа расчищен котлован жилища раннего железного века с керамикой синдейского типа, врезанный в склон террасы (раннекулайское время). От него сохранился вост. угол, часть СВ и ЮВ стенок. Противоположная часть сооружения была наземной и практически не сохранилась на склоне берега. В пределах котлована отмечены наземный очаг-кострище, выбросы очажной золы, ямки от столбов. Находки представлены черепками синдейской керамики, среди которых есть фрагменты, украшенные оттисками шнура, что, по мнению специалистов, отражает влияние западных приуральских культур. С поселком железного века связаны также два железных черешковых наконечника стрел (двух- и трехлопастной), железная игла и небольшая бусина из синей пасты. Аналоги этим вещам можно найти в памятниках саргатской культуры сарматского времени на юге Западной Сибири.

К средневековому могильнику Ендырский II относятся кальцинированные кости черепа человека и кусочек серебряной фольги с просеченным отверстием. Они обнаружены в юж. части раскопа на уровне современного подзола. Подобное залегание находок характерно для захоронений, совершенных по обряду кремации.

Раскопки территории, прилегающей к большому укрепленному жилищу с напольной стороны, планируется продолжить в следующем полевом сезоне. Постепенная отработка периферийной части его вала и опоясывающего рва позволит в дальнейшем приступить к непосредственному изучению этого крупного археологического объекта. Кроме того, планируется проверить сведения местных жителей о наличии неизвестных археологических памятников, расположенных на р. Ендырь.

С. С. Макаров, А. С. Резвый

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА СТОЯНКЕ ЛУГОВСКОЕ

Ключевые слова: палеолит, топографическая съемка, шурф, отщеп

Сотрудниками Ханты-Мансийской палеолитической экспедиции ООО «Аристо Северо-Запад» проводились разведочные полевые археологические работы на стоянке Луговское.

Стоянка Луговское расположена у Мамонтового ручья на первой надпойменной левобережной террасе Иртыш-Обской протоки Марамка в Ханты-Мансийском р-не Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской обл. Ручей протекает по небольшому логу, в днище которого располагается местонахождение Луговское – скопление костных останков позднеплейстоценовой фауны. На территории данного местонахождения и по обоим бортам лога расположена стоянка первобытного человека – стоянка Луговское, датируемая 13–11 тыс. л. н.

Основным результатом работ 2015 г. стало выявление нового, весьма перспективного участка культурного слоя с незначительными признаками переотложения и высокой концентрацией находок. Более того, в результате работ 2015 г. установлено, что культурный слой на стоянке характеризуется несколькими локальными скоплениями находок, между которыми располагаются участки без находок. Одно из таких скоплений исследовалось в 2012–2014 гг., а в 2015 г. обнаружено второе [*Макаров*, 2016].

Понимая всю важность и ответственность в точном полевом исследовании нового перспективного участка, было решено приостановить изучение центрального участка стоянки и сконцентрироваться на определении границ распространения культурного слоя и обнаружении дополнительных локальных скоплений археологического материала. Именно эти цели были поставлены перед полевыми исследованиями 2016 г.

В ходе экспедиционных работ выполнено: осмотр территории стоянки, поиск подъемного материала, проверка существующей системы реперов, земляные работы в шурфах 21–29, стратиграфические наблюдения, отбор образцов для радиоуглеродного датирования, камеральная обработка материала.

В ходе осмотра территории стоянки подъемный материал обнаружен только на поверхности донных отложений лога, по которому протекает Мамонтовый ручей, как и в предшествующие годы. Для определения границ памятника первоначально с разных бортов Мамонтового лога заложены 6 шурфов. После того как в трех шурфа обнаружили находки, были заложены еще три шурфа для выявления участков без признаков культурного слоя. В результате выполненных работ удалось провести линию, очерчивающую территорию стоянки Луговское. Эта линия (граница территории памятника) проведена по шурфам, в которых не обнаружены признаки культурного слоя, и по самым дальним находкам подъемного

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.369-370

материала. Для проведения границы памятника использованы данные не только работ 2016 г., но и вся совокупность полевых работ, когда-либо проводившихся на памятнике.

На всей территории выполнена топографическая съемка, а результаты переданы в региональный орган охраны памятников истории и культуры для утверждения границ данного памятника и внесения данных о нем в реестр объектов культурного наследия.

Среди подъемного материала представлены фрагменты трубчатых костей и бивня шерстистого мамонта, фрагмент корня зуба шерстистого носорога и фрагмент стенки керамического сосуда без орнамента. Обнаруженный фрагмент керамического сосуда, вероятнее всего, можно датировать эпохой бронзы по аналогии с ранее обнаруженными на дне лога фрагментами [*Макаров*, 2009].

В трех шурфах обнаружено по одной находке: отщеп без ретуши (шурф 22), фрагмент зуба мамонта (шурф 25) плохой сохранности и фрагмент трубчатой обожженной кости (шурф 28). В шурфах 22 и 28 культурный слой выявлен в положении *in situ*, в шурфе 25 культурный слой потревожен флювиогляциальными процессами. Жилищ, хозяйственных ям, иных западин, скоплений каменного инвентаря или иных структур антропогенного происхождения не выявлено. Отщеп и фрагмент обожженной кости зафиксированы в нижней части 3-го литологического горизонта в положении *in situ*, фрагмент зуба – в верхней части 4-го литологического горизонта.

На основании проведенных шурфовочных работ, а также результатов сбора подъемного археологического материала уточнены границы территории археологического памятника «Местонахождение Луговское», площадь которого составила ок. 6000 кв. м. Большую часть этой территории занимает ложе Мамонтового лога и неширокая долина протоки Марамка, где сконцентрированы подъемные материалы. Важным результатом работ 2016 г. стало обнаружение находок на левом борту Мамонтового лога, что позволило включить и эту территорию в границы памятника. Однако, учитывая большую разницу в концентрации археологического материала на левом и правом бортах лога, правый борт остается более перспективным для дальнейших исследований. Новых участков с высокой концентрацией археологического материала не обнаружено.

В настоящее время весь материал передан на временное хранение в «Музей Природы и Человека» (Ханты-Мансийск).

Макаров С. С., 2009. Отчет о разведывательных работах Ханты-Мансийской палеолитической экспедиции на стоянке Луговское в 2008 г. СПб. 105 с.

Макаров С. С., 2016. Отчет о разведывательных полевых археологических работах на стоянке Луговское в 2015 г. Ханты-Мансийск. 126 с.

С. А. Мызников

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ СЕЛИЩ КУЧИМИНСКОЕ 39 И КУЧИМИНСКОЕ 40 В СУРГУТСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: жилище, хозяйственная яма, ранний железный век, кулайская культура, средневековье, зеленогорский этап

Экспедицией ООО НПО «Северная археология – 1» проводились охранно-спасательные (аварийные) раскопки археологических памятников селищ Кучиминское 39 и Кучиминское 40. Памятники находятся в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа, к Ю от зоны застройки д. Сайгатина.

Памятники расположены в центре Среднеобской низменности (Сургутская низина), в правобережье р. Обь, на сев. берегу проток Большая Гнилая и Проточка в Сайгатинском ур. Место расположения памятников периодически затапливается во время высоких паводков, имеются следы повреждения поверхности тяжелой техникой. Памятники расположены в зоне деятельности АО «Транснефть-Сибирь». Раскопками исследованы аварийные участки селищ Кучиминское 39 и Кучиминское 40, попадающие в зону эксплуатации магистрального нефтепровода «Усть-Балык – Нижневартовск, 231 км».

Перед раскопками на поверхности четко выраженных объектов не зафиксировано, верхний почвенный слой сильно поврежден при строительстве и обслуживании трубопровода. Памятник находился под угрозой частичного уничтожения в ходе предстоящих работ по реконструкции магистрального нефтепровода.

В процессе раскопок селища Кучиминское 39 изучена аварийная часть памятника, попадающая в зону эксплуатации нефтепровода. Общая площадь раскопок составила 1856 кв. м. Зафиксированы остатки 3 построек (углубленное жилище и 2 крупные хозяйственные ямы), более полутора сотен небольших ям и культурный слой в «межжилищном» пространстве. Найдено ок. 3 тыс. артефактов.

В центральной части раскопа, где зафиксировано углубленное жилище, культурный слой выглядит однородным и датируется эпохой средневековья, керамический материал позволяет отнести его к зеленогорскому этапу обь-иртышской КИО (кон. VII – VIII в. н. э.).

В целом комплекс является многослойным. Находки зафиксированы по всей площади раскопа, включая разрушенные места (в переотложенном слое). Помимо фрагментов керамических сосудов найдены артефакты из камня и несколько металлических предметов. Наиболее интересными находками представляются железный наконечник стрелы и бронзовая колоколовидная подвеска.

В результате раскопок изучен участок селища Кучиминское 40, попадающий в зону эксплуатации магистрального нефтепровода «Усть-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.371-372

Балык – Нижневартовск, 231 км». Общая площадь раскопок составила 688,2 кв. м. Изучены остатки 11 ям и культурный слой в межобъектном пространстве. Археологический материал, полученный из раскопа, насчитывает 99 предметов, 36 437 мелких кальцинированных костей, 4 сырые кости и 3 образца угля.

Полученные материалы представляют 2 культурно-хронологических периода: ранний железный век (IV в. до н. э. – IV в. н. э., кулайская археологическая культура) и средневековье (VII–VIII вв. н. э., зеленогорский этап).

А. А. Погодин, А. Я. Труфанов

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ НЕУШЬЯ 2.1

Ключевые слова: могильник, ранний железный век, эпоха бронзы, энеолит, каменный век

Экспедиция ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» провела спасательные раскопки выявленного объекта археологического наследия «Городище Неушья 2.1». Памятник находился к ССЗ от г. Урай Кондинского р-на близ устья р. Неушья при впадении ее в р. Мулымья (лев. приток р. Конд) на полого-рельефной площадке гривы. Территория памятника подверглась значительным техногенным разрушениям. Площадь раскопа составила 1816,5 кв. м и помимо собственно городища включала значительные участки правого берега р. Мулымья к С и особенно к Ю от него.

Основной объект исследования – городище раннего железного века, зап. часть которого оказалась значительно разрушена карьером. Городище было возведено на краю террасы высотой не менее 4 м. Конструкция состояла из прямоугольной жилой площадки размерами 20×10 м, огороженной стеной и обнесенной рвом, имевшими в плане ломаный, предположительно восьмигранный контур. Городище было вытянуто вдоль края террасы и ориентировано по линии Ю–С; размеры его составляли не менее 30×20 м.

Жилая площадка была выделена эскарпом высотой от 1,5 до 2,8–3,0 м. Вокруг эскарпа была выровнена площадка шириной 5–7 м, на которой была сооружена деревянная стена, состоявшая, по-видимому, из трех параллельных бревенчатых рядов, расположенных на расстоянии 1,0–1,2 м друг от друга. Общая ширина стены составляла 3,5–4,5 м. Внутреннее пространство между рядами было забутовано песком, принесенным со стороны. Таким же песком заполнили пространство между внутренней линией стены и эскарпом. Внешний край укреплений был маркирован ровиком шириной от 0,8 до 1,8 м и глубиной (от уровня площадки, на которой располагалась стена) до 0,5 м.

Жилая площадка была покрыта настилом толщиной 0,15–0,20 м. Подтверждение этому – хорошая сохранность горизонтов погребенного почвенного профиля – древней дневной поверхности эпохи раннего железа.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.372-374

В сев. и юж. частях жилого пространства зафиксированы два кострища, являющиеся, по-видимому, остатками наземных очажных конструкций прямоугольной формы.

За сев. рвом городища было возведено наземное строение, в интерьере которого имелся прямоугольный котлован размерами 4,0×3,5 м, глубиной 0,25 м. В центре его зафиксирована очажная конструкция размерами не менее 2×1 м, забранная, видимо, деревянной рамой.

К Ю от городища выявлено еще одно наземное кострище с прямоугольным контуром.

Комплекс культурных отложений на площадке городища сложился на аллювиальных или иллювиальных песках и песках погребенной почвы – бело-серого или белого цвета. Мощность погребенной почвы составляла в среднем 0,3 м. Грунты выравнивания поверхности в границах жилой площадки и у стен, в том числе забутовка пространства между стеной сооружения (она же внутренняя стена обороны) и стенкой эскарпа, были представлены желто-серыми песками с прослойками переотложенного погребенного подзола. Горизонт обитания на площадке городища был выражен слоями коричневого или, в меньшей степени, коричнево-черного и черного углистого песка толщиной 0,1–0,2 м.

Комплекс отложений по элементам фортификации характеризуется грунтом забутовки стены – пески серо-желтого с прослойками погребенного подзола и/или темно-коричневого цвета. Мощность слоя значительная – до 2,2–2,9 м. Углубления от основания стен, вскрытые под слоем засыпки, были заполнены бело-серым и бело-серо-желтым песком с углем толщиной 0,3–0,5 м. В целом толщина культурных отложений по городищу составляет от 0,6–0,8 до 3,3–3,5 м.

Коллекция эпохи раннего железа насчитывает 8063 единицы, большинство из которых найдено на площади городища, включая остатки фортификационной системы. Преобладает керамика (7346), не менее чем от 246 сосудов. Из железных изделий (10) имеются столовые ножи (6) и фрагмент лезвия кинжала в железных ножнах. Бронзовые предметы (92) представлены изделиями и их обломками (43), а также предметами, связанными с обработкой металла (49). Среди изделий отметим отливку в виде головы лося, выполненную в кулайском стиле, две бляшки, обойму. К остаткам бронзолитейного производства отнесены находки литников, слитков, сплесков и капель металла. Предметы из обожженной глины (142) представлены преимущественно обломками тиглей (53), литейных форм (3), технологической керамики (60). Также имеются 132 скребка на фрагментах глиняной посуды, изделия из кости и рога (169), среди которых выделим заготовки и обломки наконечников стрел (19). Единичны каменные оселки (7).

Особо отметим коллекцию бус – 54 единицы, из которых 43 экземпляра в виде бисера из прозрачного и полупрозрачного стекла с золотой или серебряной подкладкой. Две бусины крупные: одна с золотой, другая с серебряной подкладкой. Восемь бусин средних размеров сделаны из глухого стекла сине-голубых тонов. Три из них украшены желтыми глазками с красным «зрачком». Еще одна бусина выполнена из коралла.

Керамический комплекс раннего железного века достаточно однороден и может быть отнесен к синдéйскому типу, датирующемуся достаточно широко, в пределах V в. до н. э. – I–II вв. н. э.

Объекты и находки других эпох обнаружены в основном на площади к Ю от городища.

Комплекс, относящийся к лóзьвинской культуре эпохи бронзы (рубеж II–I тыс. до н. э.), был представлен сооружениями в виде четырех ям. Находки (1787) залегали *in situ* в ямах, а также в слоях сформированного почвенного профиля – серо-белом подзоле и иллювиально-железистом темно-желтом песке. Подавляющая их часть – фрагменты керамики (1783) как минимум от 39 сосудов. Три находки являются изделиями из обожженной глины, два из них – орнаментиры.

Комплекс эпохи средней бронзы – полымьятский тип (сер. II тыс. до н. э.) – представлен сооружениями в виде ямы и пятна. Найдено 111 фрагментов керамики от 10 сосудов (в том числе развал), а также шесть грузил с характерными Т-образными окончаниями.

Энеолитические древности (2-я пол. III тыс. до н. э.) сохранились в виде семи неглубоких ям, которые рассматриваются как остатки столбовой конструкции углубленного сооружения. Помимо этого расчищены две слабогумусированные линзы, приуроченные к одному из двух небольших скоплений керамики. Коллекции энеолитической посуды – 127 фрагментов как минимум от 11 сосудов. Четыре из них относятся к атымьинскому, три – к волвончинскому типу. Из трех найденных керамических грузил два имеют сигаровидную форму, характерную для волвончинских памятников, третье, украшенное рядами гребенки, сфероидное, соответствует атымьинским грузилам.

Захоронения эпохи камня, предположительно мезо-неолитического времени (VII–V тыс. до н. э.), обнаружены в юж. части раскопа на краю террасы, а также под конструкциями городища. Исследованы восемь погребений. Часть могил была разрушена в древности и в наши дни. Погребения совершены в ямах, выкопанных в почвенных и аллювиальных песках на глубину 0,5–0,7 м. Шесть ям ориентированы по оси ЮЗ–СВ, две – Ю–С. Общим для всех захоронений является использование охры мощностью не менее 0,2 м, залегавшей выше дна могильной ямы на 0,10–0,15 м. Абрис могильных ям в целом прямоугольный, ближе ко дну – овальный. Размеры ям были не менее 1,5–1,8×0,5–0,6 м. Обряд захоронения – кремация. В трех могилах сохранились останки погребенных – зубы, фрагменты черепа.

На этом же участке раскопана ловчая яма, предположительно сооружение функционировало в более ранний период, чем поздняя бронза.

Многослойный памятник «Городище Неушья 2.1» исследован практически полностью.

Т. Н. Собольникова, А. В. Кузина

КОМПЛЕКСНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЖНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

Ключевые слова: городище, кинтусовская культура, IX–XIII вв., радиоуглерод, палеоботанические исследования

Проведены исследования средневекового поселенческого комплекса Чебачья Пристань 2, расположенного на зап. берегу оз. Домашний Сор в верховьях р. Согом (левый приток р. Иртыш; Ханты-Мансийский р-н ХМАО – Югры Тюменской обл.).

Раскопки на территории археологического комплекса Чебачья Пристань 2 осуществлялись на средства гранта РГНФ (№ 16-11-86603/16) и являлись продолжением работ 2014–2015 гг. [*Собольникова, Кузина*, 2015; *Собольникова, Кузина и др*., 2015]. В современном рельефе городище выражено в виде площадки подовальной формы (24,0×15,0 м), окруженной по периметру валом-рвом; с тыльной стороны городище имеет дополнительную линию фортификаций (вал-ров). К внешнему рву вплотную прилегает поселение, состоящее из 7 впадин, 6 из которых располагаются в два ряда.

В процессе раскопок полностью изучена постройка подпрямоугольной формы размерами 8×9 м с двумя «выходами», расположенная на площадке городища. Сооружение представляло собой срубное наземное жилище, незначительно углубленное в грунт и разрушенное в результате пожара. Более основательно изучена насыпь, окружавшая городище: по периметру площадки зафиксированы две узкие параллельные друг другу «канавки», которые, по аналогии с исследованными памятниками Нижнего и Сургутского Приобья, можно интерпретировать как остатки частокола или бревенчатой стены, которые укреплялись дополнительно насыпью [Очерки культурогенеза…, 1995, с. 369].

В стратиграфии нашел отражение многослойный характер памятника: под слоем погребенного дерна, на котором была возведена средневековая постройка, располагались остатки неолитического поселения. В планиграфии зафиксированы контуры неолитического жилища с большим очагом подпрямоугольной формы, а также нескольких ям рядом с ним и «ровика» (вокруг поселения?). Неолитическая керамика обнаружена при обследовании поселения Согом 93, расположенного в 180 м к З от городища Чебачья Пристань 2.

Раскопки одной из впадин на территории поселения Чебачья Пристань 2, прилегающего к городищу, подтвердили их одновременное бытование. По своему функциональному назначению объект являлся сезонной постройкой скорее всего хозяйственного назначения (наличие хозяйственной ямы с остатками костей рыб). Подобные небольшие по площади наземные постройки с открытым кострищем в центре типичны для раннего средневековья таежной зоны Западной Сибири [*Зыков*, 2012, с. 95].

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.375-376

Основную массу находок поселенческого комплекса составили фрагменты керамики кинтусовского облика (культура, этап нижнеобской КИО, выделенный по материалам Кинтусовского могильника в Сургутском Приобье; датируется IX–X–XII–XIII вв.). Полученные помимо керамики артефакты свидетельствуют, что помимо охоты и рыболовства население занималось металлообработкой (фрагменты тиглей, шлаки), обработкой шкур (скребки, ножи, шила, проколки), ткачеством (пряслица, кочедыки).

Археозоологический анализ позволил установить, что основой рациона питания средневекового населения являлся северный олень [*Лобанова, Собольникова*, 2016, с. 106]. Кроме него объектами промысла являлись медведи, лоси, белки, лисицы, бобры, песцы, боровая дичь и рыба (щука, окунь, ерш, карповые). В ходе палеоботанических исследований (проведены кандидатом геолого-минералогических наук Н. Е. Рябогиной) отмечены признаки активного преобразования прилегающей к городищу территории; зафиксированы различия ландшафтно-климатической ситуации в разные хронологические этапы освоения этой территории. Неолитическая фаза обитания была связана с более теплыми условиями, в Средневековье – с более холодными.

По образцам угля, дерева, кости получена серия радиоуглеродных дат (анализ проведен М. А. Кульковой, лаборатория факультета географии РГПУ им. А. И. Герцена). Дата по углю из очага неолитической постройки укладывается в 3-ю четв. IV тыс. до н. э. Даты по образцам угля и дерева из слоя городища укладывается в XI–XII вв.; по образцам кости – в пределах XIII в. Не исключено, что площадка городища позднее могла использоваться в качестве «ритуальной площадки» или святилища.

Особенности планиграфии городища (небольшая площадь при развитой оборонительной системе, наличие «организованного» селища) позволяют рассматривать Чебачью Пристань 2 в качестве своего рода «центра» в пределах Согомского микрорайона.

Зыков А. П., 2012. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий. 232 с.

Лобанова Т. В., Собольникова Т. Н., 2016. Археозоологическое исследование остеологических коллекций средневекового городища Чебачья Пристань 2 // Экология древних и традиционных обществ. М-лы V междунар. конф. Тюмень. С. 104–107.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1. Поселения и жилища. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 485 с.

Собольникова Т. Н., Кузина А. В., 2015. Археологические исследования средневекового городища Чебачья Пристань 2 в низовьях Иртыша // Вестник угроведения. № 2 (21). Ханты-Мансийск. С. 112–127.

Собольникова Т. Н., Кузина А. В., Кениг А. В., Сенюрина Ю. А., 2015. Археологические исследования городища Чебачья Пристань 2 в Нижнем Прииртышье (предварительные итоги полевого сезона 2015 г.) // Вестник угроведения. № 4 (23). Ханты-Мансийск. С. 162–166.

И. Ю. Чикунова

ИССЛЕДОВАНИЯ В ХМАО И ЯНАО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: поселение, стоянка, ранний железный век, средневековье, русская культура

Отрядом АЭ ИПОС СО РАН проведены разведочные работы на территории Ямальского р-на ЯНАО, обследовано 29 выявленных объектов культурного наследия. Новых памятников не выявлено. Определены техническое состояние объектов культурного наследия, их основные параметры и характеристики.

В процессе проведения работ установлено, что под воздействием природных факторов (ветровая и почвенная эрозия), техно- и антропогенного воздействия утрачено 12 объектов культурного наследия: поселение Юнета-Яха 1, стоянки Юнета-Яха 2, 4, Холятосё 1, Найтосе 2–6, поселения Халято 2, 4, Юньяха 1.

Стоянки Юнета-Яха 11, Найтосе 7, Мыс Каменный 1 и культовое место Юньяха 1 признаны не существующими ввиду отсутствия руинированных следов, культурного слоя и находок.

Стоянки Юнета-Яха 5, 8, Лэнгсавэй-то, Мутная 4, Халято 3 находятся в неудовлетворительном либо аварийном состоянии, культурный слой которых практически полностью либо частично уничтожен в результате почвенной эрозии, выдувов и техногенных факторов.

Поселение Надуй-Яха 1, стоянки Юнета-Яха 7, 9, 12, стоянки Хангалаваяха 1, 2, 3, Мутная 3 находятся в удовлетворительном состоянии.

В Ханты-Мансийском автономном округе (г. Ханты-Мансийск, р-н Самарово) проведены спасательные археологические раскопки на территории поселения Самаровский ям на участке строительства многоквартирного дома.

Несмотря на значительное количество письменных источников, изучение Самаровского яма как археологического объекта было начато недавно. Летом 2010 г. при осмотре места земляных работ при обустройстве площади Свободы и возведения памятника основателям Ханты-Мансийска в профилях котлована визуально выявлен культурный слой. При зачистке стенок котлована обнаружен хорошо стратифицированный культурный слой, содержащий в себе артефакты XVIII–XIX вв., а также предметы нач. XX в. [*Собольникова*, 2010]. Благодаря этим работам, Самаровский ям (XVII–XIX вв.) получил статус выявленного объекта культурного наследия, были утверждены его границы и режим использования. В 2013 г. уточнены границы распространения культурного слоя.

Необходимость проведения спасательных раскопок вызвана начавшимся строительством жилого многоквартирного дома весной 2016 г. Сев. половина котлована выкопана с осуществлением археологического надзора. В процессе его выборки Я. А. Яковлевым установлено, что

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.377-378

в котловане имеется непотревоженный культурный слой, и строительные работы были приостановлены.

По свидетельствам местных краеведов известно, что на выделенном участке строительства в XIX в. располагались два жилых двухэтажных деревянных дома. В большом доме жил Александр Иванович Кузнецов. Соседний дом, построенный Петром Семеновичем Скрипуновым, снесли в конце XX в.

На месте дома Кузнецовых в 30-е гг. XX в. построено двухэтажное деревянное общежитие, которое снесли в 2013 г. С учетом вышесказанного следовало ожидать наличие повреждения верхней части культурного слоя.

Над юж. частью планируемого котлована заложен раскоп площадью 480 кв. м, в котором исследованы напластования, образованные в результате жизнедеятельности людей как минимум в течение 200–250 лет. Обнаружены остатки плота-фундамента, которые обычно устанавливаются под постройки различного назначения для придания им устойчивости в болотистой местности.

В нижнем слое темно-коричневого цвета, залегающем под слоем речного наноса, найдено большее количество фрагментов лепной посуды, что в свою очередь (как и мощность слоя речного наноса) предполагает некоторый хронологический разрыв между слоем, залегающим над слоем речного наноса. Можно предположить, что этот долгий разлив произошел в 70-х гг. XVIII в., факт которого описан в книге Х. М. Лопарева [1896].

Полученные находки включают деревянные и берестяные изделия, кухонную утварь: рыболовные поплавки и грузила (кибасы); остатки кожаных изделий и обуви; железные ножи, клевцы; чугунки; фрагменты станковой, глиняной лепной, поливной, стеклянной, фарфоровой посуды. Это позволяет в подтверждение многим архивным данным на конкретном материале увидеть, что местное население активно занималось коневодством, охотой и рыболовством. Домашние промыслы и ремесла представлены обработкой кожи и дерева, керамическим производством. Коллекция находок передана на хранение в Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск).

Лопарев Х. М., 1896. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. 2-е изд. СПб. 244 с.

Собольникова Т. Н., 2010. Отчет о НИР. Историко-культурные изыскания по проектной документации по объекту «Благоустройство площади Свободы в г. Ханты-Мансийске». Ханты-Мансийск.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

С. В. Берлина, С. И. Цембалюк, В. М. Костомаров

РАБОТЫ НА ЮГЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: городище, гороховская культура, укрепления, жилище, саргатская культура, радиоуглерод

Раскопки проводились в рамках выполнения базового бюджетного проекта ИПОС СО РАН «Закономерности развития древних обществ Тоболо-Ишимского междуречья в переходные периоды». Исследования велись на городище Дикая Яма, расположенном в Заводоуковском р-не Тюменской обл., на левом берегу р. Тобол.

Городище трехплощадочное, площадки вписаны в мыс, при этом они имеют оригинальную, не имеющую прямых аналогов форму. Первая площадка городища расположена на стрелке мыса, отделена от остальных «вал-ров-вал» линией в виде полукруга. Такая система обороны широко распространена на памятниках древнего населения Западной Сибири начиная с эпохи поздней бронзы. Наличие двух валов и рва между ними более характерно для зодчества гороховской культуры, бытовавшей в Притоболье в VII–II вв до н. э., подобное строение фортификаций имеется на городище Чудаки, Марьино ущелье IV, Павлиново, Мало-Казахбаевское.

За пределами первой площадки расположены еще две, но не одна за другой, а вписанные в мыс рядом и являющиеся зеркальными – укрепления в виде вала-рва-вала идут от входа на первую площадку, имеют перемычки во рву и понижения в валу – входы на вторую и третью площадку. Далее фортификации немного расходятся в стороны, затем вдаются небольшим треугольным выступом в напольную сторону и примыкают к склонам мыса. В плане городище напоминает бабочку-мотылька.

На территории площадок зафиксированы жилищные западины, над одной из них на второй площадке и заложен раскоп. В результате исследована камера 1 жилища 1. Постройка имела трапециевидные очертания, размеры ее составляли 6,2×4,2–5,1 м. Из камеры 1 фиксировалось два выхода: один в СЗ стенке, оформлен в виде коридора-перехода на одном уровне с полом камеры, с канавками вдоль стен толщиной от 2 до 10 см. Конструкция коридора вдается вглубь камеры на 0,8–1,0 м, у основания стен и у основания коридора зафиксированы глубокие овальные ямы от опорных столбов-стоек. Подобные конструкции характерны для домостроительной традиции гороховской культуры и зафиксированы на городище Чудаки (жилища 4, 6), на Павлиновом городище у саргатского жилища 3 [Среда, культура… С. 38, 164]. Выход из постройки на территорию площадки зафиксирован в СВ стене в виде перемычки в конструкции стен шириной 1,1–1,2 м.

Общее строение жилища представляется следующим. Первоначально была размечена территория, затем выкопан котлован жилища, при этом

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.379-380

грунт при выкапывании складировался преимущественно к ЮЗ и ЮВ, за «глухие» стены постройки – именно в этих частях раскопа фиксировался мощный слой выброса желто-коричневой глины. Затем в котлован были установлены каркасные элементы конструкции – вертикальные стойки и скрепляющие их горизонтальные бревна. Данные следы указывают на строение стен в технике заплота, широко распространенной у носителей саргатской и гороховской культур. Однако наличие в основном неширокие канавок в основании стен позволяет предположить либо облегченную конструкцию стен из тонких жердей, либо создание каркаса, который затем был дополнен/утеплен вертикальными жердями-бревнами, дерном. Кровля жилища реконструируется как двухскатная, ориентированная по длиной оси постройки. Выход из жилища оформлен в виде проема в стене. Переход во вторую камеру оформлен в виде длинного утепленного коридора. В целом строение камеры находит аналогии в строении жилищ городища Чудаки: на данном памятнике преобладали двухкамерные постройки, одна из камер являлась основной, построенной в технике заплота, вторая – более легкая по конструкции, каркасно-столбовая, выход-коридор из основной камеры глубоко вдавался во вторую камеру.

В слое памятника зафиксирована керамика саргатской культуры, несколько фрагментов от среднеазиатских станковых сосудов, из вещевого комплекса – дисковидные и сферические пряслица, костяная рукоять орудия, скребок, фрагмент железного орудия и позолоченная бисерина.

Проба угля из жилища, датированная радиоуглеродным методом, определяет время существования постройки 2070±80 л. н.: 200 до н. э. – 20 н. э. (68,2%), 360–270 до н. э. (9,2%), 260 до н. э. – 90 н. э. (86,2%).

Таким образом, памятник функционировал ближе к позднему этапу существования саргатской культуры, является однослойным, и в то же время в архитектурных чертах присутствуют и гороховские традиции, памятники которой встречаются только до II в. до н. э. Полагаем, в материалах памятника отражается этап симбиоза саргатских и гороховских традиций и включение последних в культурные традиции саргатцев. Если в Приисетье на материалах Павлинова городища мы видим смену гороховского населения саргатским, то на данном памятнике мы фиксируем включение гороховских традиций в саргатские.

Разведочные работы проводились Некоммерческим партнерством «Центр этноэкологических и технологических исследований Сибири» на территории Викуловского и Ялуторовского р-нов Тюменской обл. в рамках выполнения госконтракта «Обследование памятников археологи на юге Тюменской области». В результате работ в Ялуторовском р-не отсняты планы средневековых городищ Ревда I, Ревда II, III, в Викуловском р-не обследованы 12 памятников археологии широкого хронологического диапазона.

Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л. Н. Корякова, М. И. Дэйр, А. А. Ковригин, С. В. Шарапова, Н. А. Берсенева, С. Е. Пантелеева, Д. И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е. Г. Ефимова, А. А. Каздым, О. В. Микрюкова, О. А. Сахарова. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.

Н. А. Ткачева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: поселение, жилище, энеолит, эпоха бронзы, пахомовская культура, ранний железный век, баитовская культура, саргатская культура

АЭ Тюменского гос. нефтегазового ун-та продолжила изучение поселенческого микрорайона, расположенного на вост. берегу оз. Сингуль (Ялуторовский р-н, Тюменская обл.).

В 2016 г. продолжены исследования **поселения Роза Ветров VI**. В раскопе (121 кв. м), примыкавшем к северной стенке участка, исследованного в предшествующем полевом сезоне, изучено две постройки. Жилище 3, располагавшееся в вост. части исследованного участка в 9 м от кромки берегового обрыва, имело котлован неправильно-прямоугольной формы площадью 22 кв. м, ориентированный углами по сторонам света (5,1×3,8–4,2×0,1–0,2 м). В центре СЗ стенки находился выход, оформленный в виде тамбура (0,7×1,5 м), направленного в сторону озера. На полу помещения расчищены 3 хозяйственные ямы и 6 столбовых углублений (еще 4 ямки прослежены на участках, прилегающих к стенкам котлована). Последние располагались по периметру котлована на расстоянии 0,1–0,2 м от его стенок (диаметр ямок 11–18 см, глубина 18–26 см). В придонной части заполнения постройки преобладала посуда энеолитического и раннебронзового времени.

Жилище 4 представляло собой наземную постройку, располагавшуюся в 3 м к В от берегового обрыва. Основой жилой конструкции являлся опорный столб (диаметр 24 см, глубина 29 см), диаметр округлой постройки ок. 5 м, высота конусовидного сооружения типа чума или шалаша не менее 3 м. Выход, функционировавший в виде открывающегося полога, направлен на З в сторону озера. Придонная часть постройки и предвходовая площадка перекрыты темно-серым суглинком, насыщенным разновременными находками. Наиболее поздними изделиями в пределах помещения являются обломок грузила и бронзовый втульчатый двулопастный наконечник стрелы, соотносимый с материалами позднебронзовых комплексов пахомовского облика Притоболья. Индивидуальные находки представлены изделиями из камня (наконечники стрел и дротиков, скребки, пластинки, отщепы, орудия на пластинах и отщепах) и глины (пряслице, лощила, разнотипные грузила).

Проведены исследования на **поселении Сарыкбай**, расположенном на открытой площадке первой надпойменной террасы правого берега р. Емуртлы (правый приток р. Тобол, Упоровский р-н, Тюменская обл.). Среди лесного массива на хорошо задернованной поверхности прослежено 12 западин, вытянутых в широтном направлении двумя параллельными рядами. Длина каждого ряда ок. 50 м, расстояние между ними 4–5 м, площадь жилой площадки составила 1,5 тыс. кв. м. Диаметр западин

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.381-382

4–5 м, глубина 0,1–0,3 м. В раскопе (площадь 42 кв. м) полностью или частично исследовано 3 постройки.

Жилище 1 являлось вост. сооружением юж. ряда древнего поселка. Помещение имело котлован подквадратной формы с закругленными углами, ориентированный по сторонам света (3,5×3,5–3,9×0,2–0,3 м), площадью 13 кв. м. В юж. стенке котлована располагался выход в виде широкого прямоугольного тамбура (0,7×1,5 м), дно которого оформлено в виде пологого пандуса. СЗ угол жилища соединен с частично исследованной канавкой, направленной на СЗ (ширина 0,4–0,5 м, глубина 12–15 см).

Жилище 2 располагалось в 1,5 м к ЮВ, площадь исследованного участка котлована составила 2 кв. м, глубина 0,2–0,3 м. К сев. стенке примыкали две канавки (длина 1,3–2,2 м, ширина 0,3–0,35 м, глубина 0,2–0,5 м). Жилище 3 располагалось в 1,8 м к ЮВ от жилища 1, площадь исследованного участка 1 кв. м, глубина котлована 0,2–0,3 м.

Вещевой инвентарь невыразителен (обломок поделки из кости, куски лимонита и песчаника, обломки глиняных кирпичиков и орудия неясного назначения). Керамический комплекс, собранный в пределах исследованного участка, соотносится с баитовскими и саргатскими древностями раннего железного века.

Н. П. Турова, А. А. Адамов, П. Г. Данилов,
Е. П. Загваздин, В. А. Данилова

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ТОБОЛ-ТУРА 1 В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Ключевые слова: городище, средневековье, родановская культура, XII–XIV вв.

Раскопки на городище Тобол-Тура 1 проводились сотрудниками рабочей группы по этноархеологическим исследованиям Тобольской комплексной научной станции УрО РАН в рамках работ по теме ФНИ № 0408–2015–0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

Городище Тобол-Тура 1 находится в Тобольском р-не Тюменской обл. на правобережье р. Тобол близ с. Тоболтура.

О существовании городища было известно с нач. XIX в. [*Муратова, Тычинских*, 2015], однако точное местонахождение памятника было определено лишь в результате разведочных работ 2012 г. [*Турова*, 2013].

Памятник расположен на мысовидном выступе надпойменной террасы р. Тобол, достигающей высоты 13 м. Мыс вытянутой подтреугольной формы, образован с зап. и вост. сторон оврагами. Площадь городища ок. 15 000 кв. м. Площадка городища свободна от деревьев, значительная часть площадки мыса периодически распахивается местными жителями, поэтому наземные признаки городища (в 1806 г. фиксировалась форти-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.382-384

фикационная система, состоящая из двух рвов и валов, а также проезда) в настоящее время не выражены в рельефе.

Раскоп площадью 24 кв. м заложен на сев. окраине памятника. Мощность культурных напластований на основной площади составляет ок. 0,7 м (4 условных горизонта), а в ямах – до 1,94 м. Под слоем дерна шел слой темно-серого суглинка (пашня). Его мощность колеблется от 18 до 42 см. Ниже шли прослойки, документирующие интенсивную хозяйственную деятельность средневекового населения городища Тобол-Тура 1. Многочисленные прослойки представляли собой заполнение ям различных размеров и назначения, а также выбросы, совершенные во время их сооружения. На площади раскопа многочисленные напластования содержали в себе значительное количество угля, золы, фрагментов обожженной глины; встречались и линзы прокаленной почвы, прослойки навоза. Слой погребенной почвы мощностью от 14 до 39 см сохранился на незначительной площади раскопа, не подвергшейся хозяйственной деятельности средневекового населения городища. В нем обнаружены артефакты, иллюстрирующие ранние периоды заселения мыса: 12 фрагментов керамики, предварительно датированные концом раннего железного века, ранним и развитым средневековьем (VII–XI вв.).

На уровне материка зафиксированы контуры семи крупных объектов, границы которых выходили за пределы исследованной раскопками площади. Скорее всего, часть из них представляет собой погреба жилых помещений (яма 3), а некоторые (объект I, включающий в себя ямы 4–5), вероятно, являются частью производственного (металлургического) комплекса. Для уточнения требуются дальнейшие исследования данных объектов.

Массовые находки представлены палеозоологическими материалами (кости диких и домашних животных, птиц, рыб), фрагментами обожженной глины (от чувалов), шлаками. Палеозоологическая коллекция еще не атрибутирована (передана на хранение в Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург), но ее облик свидетельствует о значительной роли животноводства, охоты и рыболовства в жизни населения.

Также найдены разнообразные изделия из металла: железные ножи, наконечники стрел, клинья от топоров, ручка, фрагменты медной посуды. Из раскопа происходит представительная коллекция костяных изделий: наконечники стрел, кочедыки, нож для чистки рыбы (?), пряслице, ложечка, застежка для пут, игральные астрагалы с отверстием или нарезками, свистки (охотничьи манки) из трубчатых костей мелких пушных зверьков и др. [*Турова*, 2017]. На части из них имеются крестообразные знаки (тамги) и резной орнамент. Украшения представлены фрагментом бронзовой шумящей подвески, серебряным медальоном с изображением всадника, каменными и глиняными бусинами. Изделия из глины также представлены пряслицами различных размеров, фрагментами лепной посуды. Среди каменных изделий имеются точильные камни, кремень и формочка для отливки украшений.

Основываясь на результатах проведенных работ, можно говорить о первоначальном, видимо, кратковременном периоде заселения территории мыса в конце раннего железного века, а затем в раннем и раз-

витом средневековье (VII–XI вв.). Подавляющее же количество обнаруженных изделий (а также напластований) можно датировать в пределах XII–XIV вв. н. э. и связать с населением Нижнего Притоболья, материальная культура которого значительно отличается от синхронных усть-ишимской археологической культуры, культуры кинтусовского и сайгатинского этапов. Это не позволяет отнести материалы с городища Тобол-Тура 1 ни к одной из вышеназванных археологических культур. Ближайшие аналогии вещевому комплексу городища обнаруживаются на приуральских памятниках родановской археологической культуры периода развитого и позднего средневековья.

Муратова С. Р., Тычинских З. А., 2015. Средневековые укрепления на территории Тоболо-Иртышья в XVI в. // Тобольск научный. М-лы XII Всероссийской научно-практич. конф. Тобольск: Принт-Экспресс. С. 199–204.

Турова Н. П., 2013. Отчет о проведении археологической разведки в Тобольском районе Тюменской области в 2012 г. // НА ТИАМЗ. № 18224.

Турова Н. П., 2017. Коллекция костяных изделий с городища Тобол-Тура 1 (по результатам археологических исследований 2016 г.) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 12: м-лы XII междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко, И. В. Толпенко. Омск: Издатель-Полиграфист. С. 57–60.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. В. Гордиенко, Н. Э. Александров,
Е. Ю. Костин

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА КРАСНЫЙ ЯР В СЛОБОДО-ТУРИНСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: укрепления, керамика, средневековье, батырская культура, VIII–IX вв.

АЭ Тюменского гос. института культуры осуществлены раскопки городища Красный Яр. Памятник находится недалеко от п. Туринская Слобода и д. Красный Яр, на берегу старичного озера р. Туры.

Городище имеет оборонительную систему (ров-вал), жилищные западины и примыкающее селище. Ров шириной до 2 м, глубиной до 1,5 м, вал высотой до 2,5 м, шириной до 3 м. На жилищной площадке городища прослеживаются четыре округлые западины глубиной до 0,3 м, расположенные у вала и береговой линии. Две из западин, расположенные у береговой линии, частично разрушены оползнем в реку. Между ними, в центре жилищной площадки городища, – возвышение овальной формы

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.384-386

(размеры 5×4 м, высотой 0,1–0,2 м). Именно здесь сосредоточены грабительские ямы городища. На этом сильно разрушенном грабителями участке и заложен раскоп. Растительность на памятнике и прилегающей к нему территории в верхнем ярусе – смешанный лес (сосна, осина, береза), в нижнем ярусе – лесные травы (папоротник и др.).

Керамический комплекс городища Красный Яр эпохи средневековья насчитывает 140 сосудов. По форме сосуды горшковидные, чаши единичны, все круглодонные. Для шеек характерно утолщение в средней части, в результате чего получалась ее округлая форма изнутри сосуда. В глиняном тесте прослеживается естественная примесь песка, 98% с примесью талька.

Венчики скошенные (64%): во внутрь (44%), сглаженные вовнутрь (14%), наружу (6%); прямые со сглаженными сторонами (25%), единично острыми (1%). Половина сосудов (70 шт. – 50%) не имеет ямочно-жемчужной зоны, у 35% она представлена горизонтальной полосой неровных ямок в средней или нижней части шейки, которые образуют с внутренней стороны сосуда округлые выпуклые «жемчужины».

По типу орнамента можно выделить 2 группы сосудов.

1. Первая группа – сосуды с оттисками шнура и гребенки (72%).

2. Вторая группа – сосуды, орнаментированные только отпечатками гребенки (28%).

Можно представить характерный тип батырского сосуда – это круглодонный горшок с прямой или отогнутой шейкой, утолщенной посередине, без ямок, с обязательной орнаментацией скошенного внутрь венчика гребенкой. Культура характеризуется двумя группами посуды – с шнуро-гребенчатой и гребенчатой орнаментацией. В группе гребенчатой керамики преобладают сосуды с горизонтальной многорядной елочкой. В шнуро-гребенчатой керамике парный шнур обычно соседствует с полосами отпечатков крестов, сетки, зигзага (из гребенки) или «тройным» шнуром, нанесенным диагонально.

В результате раскопок городища Красный Яр установлен многослойный характер памятника. Верхний слой (серая супесь мощностью до 0,7 м) относится к эпохе средневековья, батырской археологический культуре (VI–IX вв.), существовавшей на данном памятнике в VIII–IX вв. Нижний слой (серо-желтая супесь мощностью до 0,7 м) относится к эпохе бронзы, II тыс. до н. э. На материке под культурными слоями в ЮВ и юж. частях раскопа (секторы 1, 3 и 4) зафиксированы три погребения (два взрослых, одно детское), отнесенные ко времени возникновения городища – VIII в.

Погребения обнаружены под культурным слоем (мощностью до 1 м) и скорее всего были совершены при сооружении городища. Единственным датирующим предметом является бронзовая накладка полусферической формы. Полных ее аналогий неизвестно. В типологическом отношении она занимает промежуточное место между полусферическими конусовидными бронзовыми поясными накладками Зауралья XI–XII в. и круглыми серебряными и бронзовыми накладками VI–VII в. Поэтому

она может быть датирована VIII–IX вв. н. э. На основании этого можно сделать вывод, что погребения относятся к VIII в. н. э. В культурном плане в это время на данной территории была распространена батырская культура, к которой относятся данные погребения.

О. А. Павлова, Е. О. Святова,
Н. А. Соболева

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ДВОРА «ПЕРВОГО ДОМА Е. М. ОШУРКОВА» В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Ключевые слова: новейшее время, XIX в., фарфор, Российская империя

Спасательные археологические работы (раскопки) на территории хозяйственного двора усадьбы объекта культурного наследия «Первый дом Е. М. Ошуркова, вторая половина XIX в.», расположенного в г. Екатеринбург, осуществлялись сотрудниками отдела археологии ГБУК Свердловской обл. «НПЦ по охране и использованию ПИК Свердловской обл.».

Об археологических памятниках на территории исторической части Екатеринбурга известно немного. Один из старейших археологов Урала Е. М. Берс приводит данные об отдельных случайных находках (керамика, каменные и бронзовые изделия) с берегов р. Исети в пределах центральной части города [*Берс*, 1963, с. 22]. Интерес к ней пробудился лишь в кон. 90-х гг. XX в. и совпал по времени со строительным бумом, однако изучение культурного слоя ограничивалось ведением археологического надзора и лишь в отдельных случаях – проведением небольших раскопок. Ситуация стала меняться в последние годы. В 2014–2016 гг. проведены археологические изыскания в исторической части г. Екатеринбурга [*Святов*, 2014; 2015; *Шакаев*, 2016]. В ходе работ на территории объекта культурного наследия «Первый дом Е. М. Ошуркова, вторая пол. XIX в.» во дворе усадьбы обнаружены культурные слои XIX в., залегающие под мусорным слоем XX в.

Эта усадьба впервые была показана на плане города 1810 г. В плане это прямоугольник, длинной стороной направленный в глубину квартала. Во второй половине XIX в. усадьба принадлежала екатеринбургскому купцу Евдокиму Михайловичу Ошуркову; по его запросу в 1889 г. было построено два дома по красной линии улицы, объединенных каменной оградой с деревянными воротами и калитками. После революции усадьба национализирована, одноэтажный флигель в глубине двора в 1920-х гг. был надстроен и приспособлен под коммунальное жилье. За усадьбой сохранялась территория размером 48×46 м. В 1991 г. решением Свердловского облисполкома № 75 от 18.02.1991 «Первый дом Е. М. Ошуркова», стена и ворота поставлены под охрану. На сегодняшний день из усадебного комплекса сохранился двухэтажный жилой дом и полуразрушенный флигель за ним.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.386-387

Раскоп 2016 г. площадью 72 кв. м ориентирован в соответствии с планировкой квартала и после нивелирования поверхности разбит на участки 2×2 м с обозначением буквами русского алфавита (с А до Г) и арабскими цифрами (с 1 до 5). Он занимал территорию между вост. границей усадьбы и кирпичным флигелем, расположенным во дворе усадьбы. К В и Ю от территории раскопа располагаются действующие коммуникационные сети. С сев. стороны раскопа располагается опора ЛЭП и зеленые насаждения. Прокладка сетей в советский период повредила целостность культурного слоя.

Верхние уровни раскопа образованы современными строительными и мусорными слоями, под которыми залегает культурный слой XVIII (?) – XIX вв., представленный суглинками разной цветности и плотности, совокупной мощностью до 150 см. В СВ и ЮЗ углах раскопа зафиксированы сооружения из бутовых плит в известковом растворе, уходящие в стенки раскопа, размеры видимых частей 136×80 см, 220×92 см соответственно, они начали фиксироваться сразу после снятия современного слоя. В зап. стенке уч. В–Г/1 фиксировался слой из битого кирпича в известковом растворе, его максимальные размеры 392×166 см, возможно, этот слой связан с флигелем. Непотревоженный культурный слой XIX в. фиксировался с глубины 55 см. Максимальная концентрация находок отмечена на уровнях фиксации -80 см, -95 см, -115 см. Категории артефактов представлены: монетами Российской империи 2-й пол. XVIII – 1-й пол. XIX в. Индивидуальные металлические изделия немногочисленны: наперстки, нательный крест, элементы декора и конской упряжи, замочная скважина, медная рукоятка с чеканным орнаментом; встречались столовые и кухонные приборы, фрагменты подков и гвозди. Гончарные емкости разнообразны по форме: небольшие чаши-светильники, гусятницы, миски, крынки, тарелки, горшки, банки. Немногочисленны изделия из кости – фрагменты гребней, рабочая часть зубной щетки, пуговицы. Изделия из стекла представлены двумя бусинами, разнообразными емкостями для хранения жидкостей с клеймами XIX в. на дне, пробками и сосудами для питья. Фрагменты фарфоровой и фаянсовой столовой посуды были сильно фрагментированы, принадлежали, как правило, нескольким сервизам, декорированным в схожей манере и цветовой гамме. Среди ярких находок: крупный фрагмент стенки с носиком и дном фарфорового Гарднеровского чайника, чашки с клеймом на дне, золоченые фрагменты сахарницы.

Берс Е. М., 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии Урала и Предуралья. Том 2. М. 272 с.

Святов В. Н., 2014. Отчет о проведении историко-архитектурно-археологического обследования территории объекта культурного наследия «Мельница Борчанинова-Первушина». Екатеринбург.

Святов В. Н., 2015. Отчет о проведении археологических изысканий (разведка) на территории исторического центра г. Екатеринбурга (ул. Максима Горького, 34, 57) Свердловской обл. в 2014 г. Екатеринбург.

Шакаев Б. А., 2016. Отчет о проведении археологических полевых работ в квартале ул. С. Разина – Декабристов – Чапаева – Тверитина. г. Екатеринбурга в 2016 г. Екатеринбург.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. В. Епимахов, А. Д. Таиров,
М. Г. Епимахова

РАСКОПКИ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКОРТОСТАНА И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: эпоха бронзы, погребения, срубная культура, позднесарматское время

Продолжены исследования курганных могильников в двух зонах Южного Урала. Отряд совместной АЭ ИИА УрО РАН и Южно-Уральского ГУ исследовал могильник Каменный Амбар 5 (Челябинская обл.). Второй отряд Южно-Уральского ГУ и Фонда содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд “Южный Урал“» изучал могильник Шатмантамак I (Республика Башкортостан). Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (гос. задание 33.5494.2017/БЧ).

Могильник Каменный Амбар 5 располагается на правом берегу р. Карагайлы-Аят (Тобольский бассейн) к В от с. Варшавка в Карталинском р-не Челябинской обл. Начало изучения курганов бронзового века относится к 1994 г., синташтинская часть была опубликована ранее [*Епимахов*, 2005]. Вторая группа (по результатам раскопок 2001, 2004, 2015 гг. относящаяся к кругу срубных древностей) занимает зап. фланг могильника. Работы 2016 г. (курган 12) полностью подтвердили это заключение. Был изучен курган с грунтовой насыпью, диаметр которого составлял 17–18 м при высоте не более 0,4 м. Эти параметры имеют оттенок условности, так как сооружение располагается на склоне первой террасы. Кроме того, на характер сооружения повлияли многочисленные сурчиные норы. В этой связи, несмотря на многочисленность бровок и погоризонтную зачистку площади раскопа, удалось сделать только самые общие заключения о надмогильном сооружении. За пределами первоначальной насыпи погребенная почва не сохранилась, насыпь сложена из грунта разных оттенков серого, в разных частях площадки расчищены отдельные крупные камни и угли, достоверных следов ритуальных действий вне погребений не обнаружено.

В площади раскопа изучены две могильные ямы, еще одно, видимо, индивидуальное погребение взрослого оказалось полностью уничтожено норными животными. Детское индивидуальное захоронение на юж. периферии площадки было перекрыто массивными каменными плитами. Покойный располагался скорченно на левом боку головой на С и сопровождался двумя сосудами и единичной бусиной. Вторая могильная яма с несохранившимся деревянным перекрытием стала местом упокоения двух взрослых, расположенных в аналогичной позе. Их сопровождали

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.388-390

фрагменты не менее трех сосудов, костяная втулка, пастовый бисер и металлический обоюдоострый нож с приостренной рукоятью и слабо намеченным перекрестием. Череп одного из покойных имел следы прижизненной трепанации. Совокупность признаков обряда и облик инвентаря, прежде всего керамики, позволяют уверенно отнести комплекс к кругу срубных памятников бронзового века.

На **могильнике Шатмантамак I** проведены охранные раскопки курганов 2 и 3. Памятник, состоящий из четырех сильно распаханных курганов, расположен к ЮЮВ от юж. окраины с. Шатмантамак Миякинского р-на Республики Башкортостан, на левом берегу р. Уязы. Некрополь, открытый Р. Г. Игнатьевым в 60–80-х гг. XIX в. [*Игнатьев*, 1884], был многократно переобследован. В 2015 г. изучен курган 1 [*Самигулов*, 2016], возведенный носителями срубной археологической культуры (одно погребение). Вводное погребение, вероятно, было совершено в финале эпохи бронзы или переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Округлая грунтовая насыпь кургана 2 диаметром ок. 32 м и высотой ок. 0,6 м вскрывалась шестью параллельными траншеями с оставлением бровок. В центре на древней дневной поверхности расчищены остатки деревянного сооружения, внутри которого было совершено захоронение мужчины (35–45 лет) в сопровождении керамического сосуда. Под вост. полой кургана выявлена прямоугольная могильная яма 1, ориентированная по линии С–Ю. В ней был похоронен мужчина 35–45 лет. Судя по сохранившимся в непотревоженном положении костям, умерший был уложен скорченно головой на С. Слева от него, между грудной клеткой и вост. стенкой ямы, был установлен сосуд. Центральное захоронение и деревянное сооружение были устроены в эпоху поздней бронзы носителями срубной культуры. Вводное погребение было совершено чуть позднее, но также относится к срубным памятникам.

Распаханный курган 3 удалось обнаружить по остаткам каменного панциря, который сохранился в виде незамкнутого кольца шириной от 0,3–1,9 м. При разборке надмогильного сооружения выявлены фрагменты двух сосудов эпохи бронзы и одного, относящегося к раннему железному веку. Курган содержал пять могильных ям: две в центре кургана, одна под каменной конструкцией и две за ее пределами.

Первоначальная земляная насыпь диаметром ок. 10 м сооружена в эпоху бронзы над погребением, совершенным на уровне дневной поверхности. В эту же эпоху в юж. полу кургана были впущены три могильные ямы. Могильная яма 2 содержала погребение женщины (25–35 лет), уложенной скорченно на левый бок головой на СВ. В головах поставлены два сосуда. В могильной яме 3 исследовано погребение мужчины 30–40 лет, уложенного скорченно на правый бок головой на С. За его головой, в СВ углу погребальной камеры, поставлены два сосуда. На дне могильной ямы 4 расчищены костяки двух детей в возрасте 3–5 лет. При погребении дети укладывались скорченно на левый бок, головой на ССЗ. Руки согнуты в локтях, кисти обеих рук помещены под левую щеку. Возле предплечий поставлено по одному сосуду.

В позднесарматское время в центр кургана впущено захоронение взрослого человека, которое разрушило остатки центрального погребения эпохи бронзы. Умерший был уложен в узкую могильную яму вытянуто на спине головой на С и сопровождался керамическим сосудом. Позднее, вероятнее всего в раннем средневековье, в центр кургана было впущено безынвентарное захоронение женщины (35–45 лет). Умершая была уложена на левый бок головой на З, лицом на С. Ноги слегка согнуты в коленях, левая рука вытянута вдоль туловища, правая находилась поверх туловища. Эта яма уничтожила сев. половину позднесарматского погребения. Кости человека и разбитый сосуд были выброшены на насыпь кургана. Сама же насыпь была облицована каменными плитками, уложенными в 1–2 слоя.

В составе инвентаря бронзового века выделяются три сосуда, минимум два из которых явно изготовлены одним мастером. Они характеризуются тщательностью исполнения, а также рельефными элементами орнаментации (валики, парные шишечки). Эти признаки могут указывать на раннюю хронологическую позицию комплекса. Остальная керамика соответствует срубным стереотипам.

Епимахов А. В., 2005. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск.

Игнатьев Р. Г., 1984. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книга Уфимской губернии за 1983 г. Уфа. С. 2–10.

Самигулов Г. Х., 2016. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Шатмантамак I в Миякинском районе Республики Башкортостан в 2015 г. Челябинск.

Е. В. Куприянова

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЕ VII В ПЛАСТОВСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: петровская культура, алакульская культура, грунтовый могильник, кольцевой ровик, кинжал

Отрядом АЭ Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского ГУ проводились спасательные раскопки могильника Степное VII, расположенного на левом берегу р. Уй (наиболее крупного для зоны Зауральского пенеплена притока р. Тобол) к СВ от околицы современного п. Степное и трассы Челябинск – Магнитогорск в Пластовском р-не Челябинской обл. Исследован погребальный комплекс 8, примыкающий к борту песчаного карьера, активно расширяемого местными жителями.

Могильник Степное VII располагается в непосредственной близости от карьера. Первая информация о разработках карьера и разрушении объектов археологии была получена в июне 1999 г. Памятники иссле-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.390-393

довались отрядом АЭ ЧелГУ и Заповедника «Аркаим» в 1999–2003 гг. (в 2000–2001 гг. рук. работ Д. Г. Зданович; в 2003 г. рук. работ Е. В. Куприянова). Материалы раскопок опубликованы в монографии [*Куприянова, Зданович*, 2015]. В предыдущие годы исследований вскрыто 6 погребальных комплексов эпохи бронзы (петровская и алакульская археологические культуры Южного Зауралья), содержавших более 100 объектов – погребений и жертвенных ям. Также исследованы остатки одного комплекса, разрушенного карьером. За годы раскопок получена богатая коллекция оружия, украшений, орудий труда из металла, камня, кости.

Исследованный в 2016 г. комплекс 8 вплотную примыкал с З к ранее раскопанному комплексу 7, продолжая цепочку исследованных погребальных сооружений, вытянутую с ЗСЗ на ВЮВ. Площадь раскопа 281 кв. м. Курганный комплекс состоял из прерывистого 8-образного рва, двух крупных центральных могильных ям и одного детского погребения. Погребение 1 (алакульская культура) содержало останки двух подростков 6–13 и 14–18 лет (антропологические определения С. Р. Газизовой, г. Челябинск) в богатых нарядах и жертвоприношение двух лошадей (археозоологические определения Л. Л. Гайдученко, г. Челябинск). Погребение 2 (петровская культура) содержало остатки ограбленного коллективного захоронения с элементами богатого инвентаря. В детском погребении находились два керамических сосуда. В ходе исследований прослежена стратиграфия памятника: изначально были сооружены кольцевой ров и погребение 2 (центральное для него), затем (значительно позднее) с ЮЗ пристроено полукольцо рва и яма 1, вписанная в старый ров.

В результате раскопок получена коллекция предметов, включающая бронзовый кинжал, бронзовый нож, каменные наконечники стрел, украшения и фрагменты украшений из бронзы, золота, пасты, зубов животных, керамические сосуды, каменные и бронзовые орудия. Найденный в погребении 1 кинжал (рис. 57: *1*) представляет собой уникальное по технологии и качеству оформления изделие, свидетельствующее о контакте местных племен эпохи бронзы с сейминско-турбинским населением. Ближайшие аналогии отмечены в Гладунинском кладе [*Корочкова и др.*, 2013], памятнике Шайтанское Озеро II [*Сериков и др.,* 2013]. Интересен также реконструированный головной убор, находившийся в сумке одной из погребенных в яме 1, – накосник и лицевая подвеска (рис. 57: *2*).

Могильник Степное VII является на данный момент одним из самых богатых памятников эпохи бронзы Южного Зауралья. Раскопки 2016 г. позволили спасти от разрушения один из интереснейших погребальных комплексов могильника. Комплекс 8 органично вписался в структуру памятника. Его погребальный обряд, с одной стороны, продолжает традиции могильника, с другой – представляет ряд новых черт и артефактов, существенно расширяющих знания о культуре эпохи бронзы.

К продолжающимся традициям относится сооружение 8-образных рвов в комплексах, некоторые из которых также являлись бикультурными (в прежние годы исследований таких комплексов было зафиксировано 3). Как продолжение петровских традиций в алакульских погребениях можно

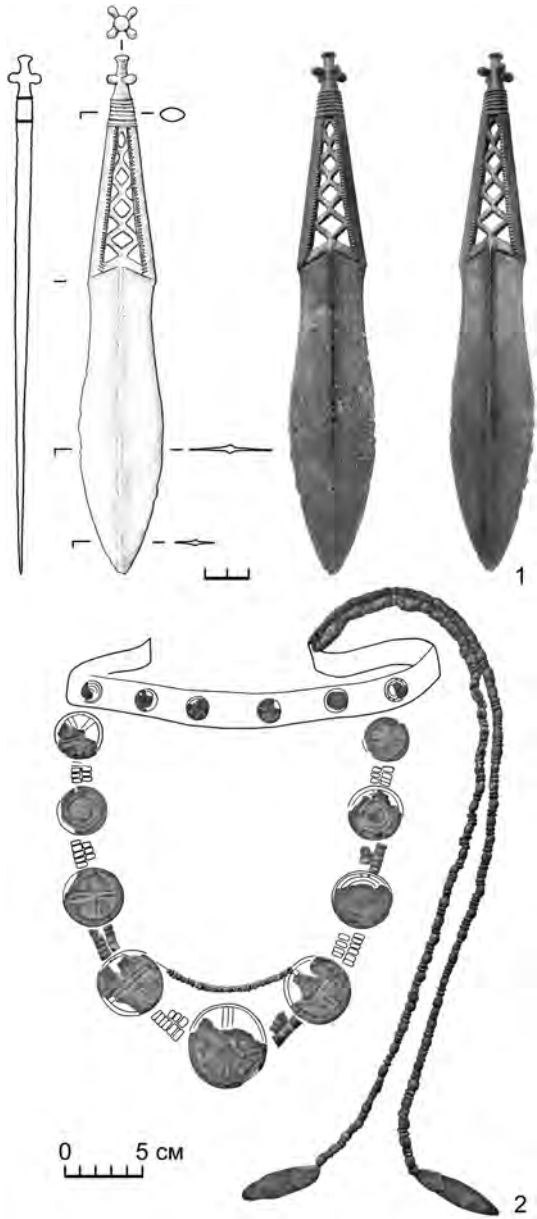

Рис. 57

интерпретировать и парное жертвоприношение целых туш лошадей, зафиксированное в этом памятнике ранее лишь в петровских комплексах [*Куприянова, Зданович*, 2015, с. 109, 121]. Некоторые виды украшений, зафиксированные в яме 1 (лицевая подвеска, накосник, браслет из клыков животных), были отмечены ранее тоже только в петровских погребениях могильника [*Куприянова, Зданович*, 2015, с. 44]. Эти факты свидетельствуют о том, что алакульское население воспринимало себя как продолжателей традиций и потомков петровской культуры, так же как и зафиксированные ранее на могильнике случаи использования одних жертвенных ям в разные периоды, близость обрядности и материальной культуры.

Особый интерес представляет собой помещение в могилу набора украшений в сумке (яма 1). На других памятниках эпохи бронзы Урала и Казахстана такая традиция фиксируется, но довольно редко [*Куприянова*, 2008, с. 131–132]. Исследование остатков сумки показало, что она изготовлена из шерстяной ткани полотняного переплетения, окрашенной мареной на стадии волокна (анализы проведены О. В. Орфинской и А. А. Мамоновой в Центре археологического наследия Института наследия им. Д. С. Лихачева).

Изучение материалов могильника Степное VII, существенным дополнением к которым стали раскопки комплекса 8 в 2016 г., представляет неоспоримые доказательства тому, что алакульское население микрорайона не считало себя чем-то отличным от петровского, полностью воспроизводя традиции и продолжая уже существующие погребальные комплексы, возможно сохраняя и используя артефакты предыдущего периода.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Усачев Е. В., Ханов С. А., 2013. Гладунинский клад эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. № 2 (39). С. 129–136.

Куприянова Е. В. 2008. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск. 244 с.

Куприянова Е. В., Зданович Д. Г., 2015. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия. 196 с.

Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И., 2009. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. № 2 (38). С. 67–78.

Ф. Н. Петров, Н. С. Батанина, В. В. Носкевич

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ (СИНТАШТА II)

Ключевые слова: 3D-моделирование, аэрофотосъемка, геофизическая съемка, рентгенофлюоресцентный анализ, жилище, черкаскульская культура, лощило

Раскопки поселения Левобережное (Синташта II) проводились отрядом АЭ Челябинского гос. историко-культурного заповедника «Аркаим» под рук. Ф. Н. Петрова при участии клуба юных археологов «Формика» (г. Челябинск).

Поселение расположено на левом берегу р. Синташта, левого притока р. Тобол, у пос. Комсомольский Брединского р-на Челябинской обл. Было открыто в 1989 г. в результате дешифровки аэрофотоснимков И. М. Батаниной. Решениями Челябинского облсовета от 1992 г. и Законодательного собрания Челябинской обл. от 1998 г. включено в состав охраняемого комплекса памятников «Страны городов» эпохи бронзы. Впервые обследовано по полной программе в 2015 г. в рамках подготовки к раскопкам.

Поселение существенно повреждено, через его вост. часть в 1980-е гг. была проведена асфальтированная дорога, уничтожившая ок. ⅓ от общей площади памятника, а юж. часть поселения повреждена песчаным карьером.

Первоначальный облик поселения реконструируется на основании аэрофотоснимков 1957 и 1976 гг. Оно имело подпрямоугольную форму, вытянуто в широтном направлении, размеры 175×105 м и площадь ок. 16 тыс. кв. м. Структура памятника образована двумя параллельными широтными рядами меридионально вытянутых жилищных впадин, расположенных непосредственно друг за другом; всего в обоих рядах фиксируется до 23 впадин. Центральная ось поселения проходит по «улице», проходящей между сев. и юж. рядами впадин. С наружной стороны оба ряда впадин окружены валом, представляющим собой развал общей внешней стены жилищ поселения, за ним прослеживаются углубления заплывшего рва. В сев. части памятника сразу за рвом фиксируется небольшое поднятие второго внешнего вала. В центральной части поселение пересекают меридиональный ров и вал, разделяющие его на две не совсем равные части.

Выполненная в 2016 г. тахеометрическая съемка поселения и построенные на основе этой съемки 3D-модели микрорельефа дневной поверхности памятника позволили привязать данные аэрофотоснимков к современному рельефу. В результате этих работ удалось определить на местности расположение 5 жилищных впадин в зап. и центральной части сев. ряда, 2 впадин в зап. части и 1 – в вост. части южного ряда, выявить существенные участки первого внешнего вала и рва, отдельные фрагменты второго внешнего вала, меридиональные вал и ров.

Изучение памятника продолжено геофизическими методами. В ЮЗ части поселения на участке площадью 700 кв. м проведена микромагнитная съемка с использованием градиентометра ММПГ-1 по сети 0,5×0,5 м. На полученной карте магнитных аномалий дешифрируется четкий контур подпрямоугольного котлована жилища 1, фрагмент котлована жилища 2, основание внешней стены и ров; в центре жилища 1 определено местоположение колодца.

В ЮЗ части поселения, на территории, исследованной с помощью микромагнитной съемки, заложен раскоп площадью 80 кв. м. Раскопом вскрыт фрагмент центральной «улицы» поселения и примыкающая к нему торцевая часть котлована жилища 1, фрагмент котлована жилища 2 и участок межжилищного пространства с двумя неглубокими ямами и значительными следами горения.

Торцевая часть котлована жилища 1 имеет ширину 9 м и слегка скругленные подпрямоугольные углы, глубина котлована в материке до 0,6 м. Вдоль торцевой стенки в котловане жилища зафиксированы 33 столбовые ямки, отражающие, вероятно, неоднократные перестройки или заселения жилища в котловане с использованием одного и того же архитектурного принципа строительства жилищной конструкции с опорой на ряды деревянных столбов. Фрагмент котлована жилища 2, идущего параллельно котловану жилища 1, но существенно дальше заходящего на территорию «улицы», также имеет глубину 0,6 м, однако в нем не обнаружено ни одной столбовой ямки, что свидетельствует об использовании иного архитектурного принципа. В расположении 13 столбовых ямок на межжилищном пространстве можно увидеть следы трех почти параллельных субширотных рядов столбовых конструкций, возможно оставшихся от примыкавших к жилищу 1 навесов или изгородей либо являющихся свидетельствами существования еще одного жилища, не имеющего котлована в отличие от жилищ 1 и 2.

Заполнение котлованов обоих жилищ подобно друг другу, на примыкающих к стенкам котлованов предматериковых участках фиксируется слой серо-коричневой гумусированной супеси, а основное заполнение образовано темно-серой гумусированной супесью; в котловане жилища 1 вдоль его зап. края залегает золистый слой мощностью до 0,35 м. На межжилищном пространстве фиксируется, в основном, однородный культурный слой, сложенный плотной темно-серой супесью, представляющей собой, по определению почвоведа А. С. Якимова, засоленный грунт с характерной столбчатой структурой.

У ямы 2, расположенной в ЮВ части раскопа на межжилищном пространстве и содержащей в себе значительные следы горения, зафиксировано пристроенное углубление, в котором обнаружены костные остатки туши молодой овцы (определение П. А. Косинцева).

Основную часть коллекции с поселения составляет ок. 700 фрагментов керамических сосудов ручной лепки, среди которых выделены три культурно-хронологические группы: сосуды синташтинско-петровского времени – 25% от культурно-определимой керамики, сосуды черкаскульского типа (45%), межовского типа (30%).

Изучение планиграфического и стратиграфического распределения керамики в культурном слое поселения пока не позволило однозначно связать определенные слои или конструкции с той или иной группой керамики, однако можно отметить, что на дне котлована жилища 2 залегает керамика межовского облика, хотя выше, в заполнении, присутствуют фрагменты сосудов синташтинско-петровского времени, что является очевидным случаем «обратной стратиграфии» и отражает последствия перекопов.

Коллекция металлических предметов состоит из двух небольших слитков, пластины и трех капель. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа, проведенного в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН, показали, что одна из капель состоит из медно-мышьяковистого сплава, еще одна – из свинцово-медного сплава, остальные предметы – из меди, при этом в двух из них фиксируется заметная доля мышьяка.

Найдены фрагменты девяти шлаковых лепешек, в том числе с закраинами. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа, выполненного М. Н. Анкушевым, позволили установить, что большинство шлаков хромитсодержащие, что свидетельствует об ультраосновной рудовмещающей породе.

Коллекция каменных предметов включает в себя 11 галечных лощил, в основном изготовленных из кварцевых галек (авторы петрографических определений – А. Л. Шохин и В. В. Богатырев). В раскопе обнаружено значительное количество макроорудий, классификация которых осуществлена С. Я. Зданович, в их числе: 4 абразива из песчаника, молоток для дробления из кварцита, лощило по металлу из кремнистой породы и др.

Таким образом, поселение имеет многослойный характер, оно функционировало, возможно, со значительными перерывами на протяжении II тыс. до н. э. Основной культурный слой на раскопанной части памятника связан с населением черкаскульской культуры, что представляет большой интерес в рамках изучения вопроса распространения памятников этой культуры в степной зоне и, возможно, проблемы ее происхождения. Изучение памятника в рамках комплексной программы исследований планируется продолжать еще не менее 5 лет.

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

В. С. Мосин, Е. С. Яковлева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ КОЧЕГАРОВО 1

Ключевые слова: неолит, энеолит, эпоха бронзы, средневековье, поселение, погребение, алакульская культура

Поселение Кочегарово 1 расположено в Мишкинском р-не Курганской обл., к З от д. Кочегарово на правом берегу старичного русла р. Миасс (левый приток р. Тобол).

Памятник является многослойным; содержит поселенческие материалы эпох нео-энеолита, а также могильники эпохи бронзы (курганный), раннего железного века и средневековья (грунтовый). Сплошная площадь исследования составила 1949 кв. м, из которых 290 кв. м раскопаны в 2016 г. [*Мосин*, 2016]. Общая численность выявленных артефактов составила 33 440 экз., из которых 2640 относятся к последнему году исследований.

Раскопом 2016 г. исследовано сооружение 5, связанное с энеолитическим временем. Оно имело подпрямоугольные очертания со скругленными углами размером 6,5×6 м и, соответственно, площадью ок. 39 кв. м.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.396-397

Сопутствующие материалы связаны с керамикой аятского, липчинского и шапкульского типов, а также каменным инвентарем. Аналогичные артефакты, а также фрагменты отдельных сосудов были ранее выявлены в жилище 1, что позволяет связать их во времени строительства и использования.

Коллекция каменного инвентаря составила 277 экземпляров, из которых 47 – пластины и орудия на них, 15 – орудия на отщепах, 2 – нуклеусы, 205 – отходы производства, включая мелкие чешуйки. Сырье – преимущественно яшмы и яшмовые породы, а также кварциты, халцедоны. Энеолитическая керамика представлена 1292 фрагментами от 47–50 сосудов, выделенных по венчикам и крупным стенкам. Сосуды слабопрофилированные, открытые или несильно закрытые с чуть отогнутым наружу венчиком, округлодонные. Гребенчатые сосуды абсолютно преобладают. По аналогии с радиоуглеродными датами, полученными для жилища 1, сооружение 5 можно датировать 5600–5200 л. н. в некалиброванных значениях.

Вышележащий культурный слой содержал материалы эпохи бронзы: керамику петровского и алакульского типов, в том числе с чертами федоровских гончарных традиций, что вполне характерно для многих памятников позднего бронзового века Зауралья [*Потёмкина*, 1985, с. 47, 114, 249, 376; *Стефанов, Корочкова*, 2006, с. 60–67].

Керамика представлена 1065 фрагментами, из которых преобладают неорнаментированные. Керамика из слоя синхронна материалам могильника, которые могут быть датированы в пределах существования алакульской культуры XVIII–XVI вв. до н. э. [*Епимахов*, 2007, с. 412], а позднее могильник использовался для впускных погребений раннего железного века и средневековья.

Также непосредственно в культурном слое обнаружено грунтовое безынветарное погребение без признаков могильной ямы, предварительно отнесенное к средневековью. Погребение очень плохой сохранности ввиду деятельности грызунов.

Многолетние наблюдения в процессе исследования крупными площадями позволяют делать ряд важных выводов относительно динамики заселения площадки на протяжении длительного времени и стратегий жизнеобеспечения.

Епимахов А. В., 2007. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиокарбонных датировок // ПИФК. № 17. Магнитогорск.

Мосин В. С., 2016. Поселение Кочегарово I в Урало-Иртышской лесостепи (краткие итоги исследований) // Вестник Южно-Уральского ГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 16. № 1. С. 27–31.

Потёмкина Т. М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. 376 с.

Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 2006. Урефты I: зауральский могильник в андроновском контексте. Екатеринбург. 160 с.

VII. СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

Е. В. Артемьев, М. Н. Мещерин

АЧИНСКАЯ СТОЯНКА: ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ПАМЯТНИКА

Ключевые слова: верхний палеолит, стратиграфия, отщеп, чоппер

Разведка проводилась по заданию Красноярского краевого органа по сохранению ИКН. Задачи работ на памятнике: оформление учетной документации, выявление культуросодержащего слоя и определение его границ.

Открытие стоянки в 1960 г. и ее изучение связано с именем Г. А. Авраменко (1911–1974 гг.). В результате совместных исследований, в которых в разное время приняли участие археологи из Томска, Новосибирска, Ленинграда, Москвы, на памятнике было вскрыто ок. 200 кв. м, получена коллекция в составе более 1500 каменных артефактов, массовый остеологический материал мамонтового фаунистического комплекса, сформированы некоторые представления о структуре культурного слоя [*Авраменко*, 1963; *Аникович*, 1976; Палеолит СССР]. Памятник был отнесен к средней стадии верхнего палеолита Сибири в кругу стоянок Мальта, Буреть, Томская, Тарачиха [*Лисицын*, 2000, с. 120] с отдельными технолого-морфологическими вариациями [*Васильев*, 1996, с. 173–174]. Геохронологические характеристики стоянки имеют разночтения, а абсолютных дат на текущий момент не известно.

Окружающие ландшафты стоянки – плакор, оформленный холмисто-грядовым рельефом, который преобразован криогенными процессами (незначительные пучения и просадки термокарста, полигональное заложение временных водотоков и ложбин). Коренной подложкой являются мезозойские позднемеловые и юрские пески, галечники, алевриты, глины.

Стоянка связана с низовой частью склона сев. экспозиции, обращенного мысовидным пологим уступом в долину безымянного ручья, впадающего в р. Типтятка (приток р. Чулыма). На разведываемой терри-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.398-400

тории поставлено 7 шурфов. В рыхлой толще, пройденной на глубину 2,3–3,5 м, выделено до V–VI литологических слоев (ЛС). Составной стратиграфический профиль подразделяется на три основные пачки. Верхняя – современная техногенная толща, проработанная новейшими почвообразовательными процессами (мощность от 0,5 до 1, 35 м). Средняя пачка (ЛС II–IV – мощность 1,5–2 м) сложена суглинками, изрядно ожелезненными, пронизанными столбчатыми текстурами корнеходов и мелких трещин, с редкими включениями гравийно-галечного материала. Отложения отнесены к пролювиально-делювиальному генетическому типу. Местами отмечаются псевдоморфозы по мерзлотным клиньям и текстуры дефлюкционного течения. Ближе к кровле отложения более опесчанены. В верхней части ЛС IV залегает культурный слой. Нижняя пачка (ЛС V, VI) – переувлажненные тяжелые суглинки и сизовато-серые глины, являющиеся водоносным горизонтом. Границы между слоями практически не различимы, переходы постепенные. В целом стратиграфическая картина повторяет результаты раскопок полувековой давности. Вместе с тем фиксируются уточняющие обстоятельства, проявляющиеся в локальных ситуациях фациального замещения рыхлого материала на склоне. Шурфы сев. и зап. периферии памятника, на уровне ЛС III и IV, замещены отложениями линейных размывов. С В шлейф ограничивается пологим уступом, обращенным в долину современного ручья. На юж. окраине шурфом выявлена отдельная находка, залегающая в отложениях так же пролювиально-делювиального генезиса, но перекрывающих основной культуросодержащий ЛС IV.

Три шурфа из семи дали отдельно лежащие находки – проколка и отщепы (2 шт.) с размерами до 5 см, обломки кости конечности северного оленя. Кроме того, на прилегающей поверхности собраны крупные инструменты, изготовленные из галек. Один из них – чоппер с выпуклым лезвием, другое – фасиально уплощенное изделие, напоминающее рубило, имеет следы дефляции поверхности, оформленной сколами.

Многочисленные горные выработки в современном рельефе существенно усложнили обследование территории. Земляные работы по выявлению границ спланированы таким образом, чтобы минимизировать риски захвата насыщенных участков культурного слоя в предполагаемой центральной зоне памятника и оптимально проследить простирание культурного слоя на его периферии. Первоначально выявлены и отслежены площади предшествующих археологических вскрытий. Затем, сообразно особенностям рельефа, размечались новые шурфы. Крайние шурфы, не содержащие находок в ЛС IV, принимались за пограничные точки простирания культурного слоя. Таким образом, всего в 2016 г. семью шурфами вскрыто 28 кв. м. Геоморфологическая оценка территории и результаты шурфовки указывают на то, что наиболее перспективными для изучения слоя могут оказаться ЮВ и, возможно, ЮЗ участки памятника. Центральная часть существенно потревожена техногенной выемкой, вокруг которой концентрируются раскопы 1960, 1963, 1964 и 1972 гг.

Геолого-геоморфологические изыскания проводились с участием Д. В. Кобылкина (лаборатория геоморфологии ИГ СО РАН им. В. Б. Сочавы), палеонтологические определения сделаны А. М. Клементьевым (Институт земной коры СО РАН). Земляные работы проведены усилиями группы студентов Забайкальского ГУ, воспитанников М. В. Константинова.

Авраменко Г. А., 1963. Палеолитическая стоянка у г. Ачинска (Предварительное сообщение). Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск. С. 21–24.

Аникович М. В., 1976. Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). Новосибирск. С. 155–168

Васильев С. А., 1996. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское Востоковедение. 224 с.

Ларичев В. Е., 1981. Дом из бивня мамонта. Красноярск: Красноярское книжное изд-во. 192 с.

Лисицын Н. Ф., 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское Востоковедение. 232 с.

Палеолит СССР / Отв. ред. П. И. Борисковский (Археология СССР). М.: Наука, 1984. 384 с.

А. В. Веженко

РАЗВЕДКА НА ЮГЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: стоянка, ранний железный век, тагарская культура, VIII–VI тыс. до н. э.

Отрядом НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания» выполнены полевые разведочные работы на территории, отводимой для ремонта трассы М54 «Енисей» в Шушенском и Ермаковском р-нах Красноярского края.

В ходе работ прокопано 13 шурфов, обнаружен памятник археологии Казанцево 2 в Шушенском р-не. Он приурочен к высокой, 15-метровой правобережной надпойменной террасе р. Оя, притока Енисея. Границы стоянки вытянуты по оси СЗ–ЮВ на 510 м, по оси СВ–ЮЗ – на 150 м.

Исследования выявили два культурных горизонта. Первый распространяется только в вост. части объекта и датируется VII–II вв. до н. э., второй – на всей его территории и относится к VIII–VI тыс. до н. э. Археологический материал, в зависимости от его хронологической принадлежности, залегает в верхнем и нижнем горизонте темно-бурой супеси. Первый культуросодержащий горизонт содержит фрагменты лощеных, преимущественно неорнаментированных керамических сосудов и колотые кости животных. Из второго горизонта происходят, помимо множества отщепов, клиновидные нуклеусы и микропластины. Характерно отсутствие керамических изделий и бифасов.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.400-401

Датировка верхнего культурного горизонта не вызывает сомнения, он относится к тагарской культуре раннего железного века, погребальные памятники которого во множестве встречаются в районе исследований. В определении хронологических рамок нижнего культурного горизонта есть некоторые вопросы. Сделанные нами выводы о его предположительной датировке обусловлены несколькими факторами:

– в непосредственной близости к СЗ от Казанцево 2, в похожих геоморфологических условиях, на этой же высокой террасе располагается Казанцево 1. Этот объект был обследован в 1990 г. сотрудниками Красноярского гос. ПИ под рук. А. Л. Заика. В результате проведения тех раскопок из слоя темно-бурой супеси ими была получена коллекция археологического материала во многом схожего по технико-типологическим показателям с артефактами, происходившими из шурфов настоящего исследования. А. Л. Заика определил датировку Казанцево 1 периодом VII–VI тыс. до н. э. [*Заика*, 1990];

– характер каменной индустрии Казанцево 2 (клиновидные нуклеусы, микропластины, отщепы со следами утилизации, отсутствие бифасов и керамических изделий) определен микропластинчатой техникой и во многом схож с характером раннеголоценовых памятников Западного Забайкалья, в частности селенгинской культуры, которая ограничена рамками 18–8 тыс. л. н. [*Павленок*, 2015];

– нижняя часть темно-бурой супеси, в которой залегают находки второго культурного горизонта, по всей видимости, приурочена к периоду атлантического оптимума, который продолжался с IX до V тыс. до н. э. (превышение температуры от современной 2–9 ºС), когда происходил процесс активного почвообразования [*Хотинский*, 1977];

– каменная индустрия изучаемого археологического объекта является более развитой, чем палеолитическая, но менее разнообразная и стандартизированная, чем неолитическая. На то же косвенно указывает отсутствие керамического материала.

В Минусинской котловине, в которой располагается обнаруженный археологический объект, интерес археологов был в основном обращен к изучению погребальных памятников, тогда как эпохе камня было уделено мало внимания. В этой связи Казанцево 2 представляет особый научный интерес как один из немногих археологических объектов раннего голоцена.

Заика А. Л., 1990. Отчет об археологических исследованиях на территории Шушенского района в 1990 г. // Архив ИА РАН.

Павленок Г. Д., 2015. Технология изготовления клиновидных нуклеусов в Селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) // Известия Алтайского ГУ. Исторические науки и археология / Гл. ред. С. В. Земляков. Барнаул: АлтГУ. С. 178–184.

Хотинский Н. А., 1977. Голоцен северной Евразии. М.: Наука. 200 с.

**П. В. Мандрыка, А. Д. Виноградов,
Л. А. Максимович, П. О. Сенотрусова,
К. В. Бирюлева, З. Ю. Жарников,
Ю. А. Титова**

ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ключевые слова: местонахождение, цэпаньская КИО, таштыкская культура, курган, тагарская культура, стоянка, керамика

Экспедиция Сибирского федерального университета работала несколькими отрядами. Один отряд под рук. П. В. Мандрыки в Енисейском р-не Красноярского края провел раскопки на местонахождении Рудиковка 3 (Дом отдыха 3). Объект расположен на правом берегу р. Енисей напротив г. Лесосибирска на 12-метровой террасе против верхней оконечности о. Маклаковский, на территории бывшего Дома отдыха, к СЗ от д. Рудиковка.

Работы продолжили раскопы прошлых лет по изучению жилищ раннего железного века, устроенных рядами вдоль края террасы. Раскопом площадью 120 кв. м выявлено два культурных слоя. Первый приурочен к темно-серой супеси на глубине 10–15 см и датируется таштыкским временем. Здесь изучено углубленное жилище 6 шестиугольной формы с наземным очагом в центре. В углу жилища с сев. стороны от входа найден целый сосуд баночной формы без орнамента. Во втором слое на глубине 20–25 см в светло-серой супеси зафиксированы развалы и одиночные фрагменты сосудов каменско-маковского типа, скопления галечниковых камней, каменные песты, точила, куски железных шлаков, обломки неопределимых железных и бронзовых предметов, бронзовые сплески. Находки сопоставляются с предметами из жилища 4 цэпаньской КИО, изученного в 2014 г. на этом же поселении.

Сухобузимским отрядом под рук. Д. А. Виноградова проводились работы в Емельяновском и Сухобузимском р-нах Красноярского края. Сплошной разведкой обследована территория трех участков: левобережной террасы долины р. Сухой Бузим в месте расположения д. Погорелка, левобережной террасы р. Минжуль в районе д. Татарская и д. Карымская, и междуречье рек Сухой Бузим и Большой Бузим в районе с. Сухобузимское. Из д. Погорелка местными жителями был передан бронзовый кинжал тагарской культуры. С огородов собраны фрагменты керамического сосуда, сделанного на гончарном круге. У д. Татарская и у с. Сухобузимское осмотрены и сняты планы двух известных одиночных курганов тагарской культуры. Обследование близлежащих территорий археологического материала не дало.

Енисейским отрядом под рук. Л. А. Максимович проводились разведочные работы по двум маршрутам в Енисейском р-не Красноярского края: по правому берегу Енисея от устья р. Рудиковки до устья р. Климовки (протяженность 28,5 км); по левому берегу Енисея в пределах извест-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.402-403

ного археологического комплекса Чермянка III тыс. до н. э. – XIX в. н. э. (протяженность 1,2 км). Проведены работы по съемке топографического плана и выделению визуально читаемых рядов жилищных котлованов.

На правом берегу Енисея выявлено три объекта археологического наследия. На объекте «Высокогорский. Стоянка Высокогорская» на двух пунктах собран археологический материал. Найденные фрагменты венчиков керамических сосудов относятся к лесосибирской культуре и датируются XI–XIV вв. н. э. На объекте «Абалаково. Стоянка Костыльниковский Мыс» в осыпях террасы собраны фрагменты керамического сосуда с тонкими волнистыми валиками, датируемого ранним железным веком. На объекте «Смородинка. Стоянка Верхний Ручей» зафиксированы фрагменты «рубчатой» керамики, датируемые сер. III–II тыс. до н. э.

Проводилось также археологическое обследование земельных участков под хозяйственное освоение в г. Красноярске и Дивногорске, в Мотыгинском, Бирилюсском, Туруханском, Таймырском (Долгано-Ненецком) р-нах Красноярского края, а также в Тазовском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа. В границах обследованных площадей объектов археологического наследия не найдено.

Е. А. Миклашевич

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ НА БЕРЕГАХ ЮЖНОЙ ЧАСТИ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Ключевые слова: петроглифы, неолит, бронзовый век, ранний железный век, окуневская культура, тагарская культура

Кузбасской лабораторией ИАЭТ СО РАН и МЗ Томская Писаница проводились разведки памятников, расположенных на правом и левом берегах в юж. части Красноярского водохранилища. В задачи работ входили: выявление новых памятников наскального искусства и новых изображений на известных, их документирование, оценка состояния сохранности, а также изучение археологического контекста (поиск и картографирование объектов других типов – курганы и рисунки на курганных плитах, поселения с наскальными рисунками у подножия гор). Особое внимание уделялось осмотру участков дна, обнажающегося при падении уровня воды Красноярского водохранилища, с целью фиксации еще сохраняющихся после затопления остатков археологических памятников – размытых поселений, курганных могильников, изображений на береговых скалах. Исследования проводились в Краснотуранском и Минусинском р-нах Красноярского края (горы Бычиха, Туран, Тепсей, Суханиха – на правом берегу р. Енисей, ныне Красноярское водохранилище), а также в Боградском р-не Республики Хакасия (горный массив Оглахты на левом берегу, напротив устья р. Тубы).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.403-407

Всего обследовано 17 памятников (из них 4 – впервые): памятников наскального искусства – 9 (3), остатков размытых поселений – 3 (1), остатков размытых могильников – 3, курганных могильников – 2. Писаницы и остатки поселений представляют собой разновременные памятники и относятся к следующим культурам и эпохам: неолит (предположительно), афанасьевская, окуневская, карасукская, тагарская, тесинская, таштыкская культуры, раннее и позднее средневековье, новое время. Курганные могильники относятся к тагарской, тесинской и таштыкской культурам.

В горном массиве Оглахты продолжено планомерное обследование территории, в ходе которого определена локализация и уточнены границы ранее изучавшихся и известных по литературе и архивным данным местонахождений наскального искусства – Оглахты Берег, Абрашкин Лог, Большой Лог, Черёмуховый Лог, Чёртов Лог и Бадалажкин Лог. Везде были найдены незафиксированные ранее изображения, произведено частичное документирование. Обнаружено новое местонахождение – Моховский Лог, содержащее выполненные краской и выбивкой изображения личин окуневской культуры. При обследовании береговых скал (затопленных водохранилищем) выявлены новые плоскости с петроглифами, находящиеся выше максимального уровня воды: некоторые из них доступны, другие находятся высоко на отвесных утесах и могут только быть сфотографированы из лодки с помощью телеобъектива. Среди них мастерски выполненные фигуры быков, архаров, лосей, дикой лошади (рис. 58) и др. Все они относятся к пласту самых ранних изображений в наскальном искусстве Минусинской котловины, датируемому предположительно эпохой неолита или энеолита. По заказу гос. природного заповедника Хакасский разработана база данных по памятникам наскального искусства хребта Оглахты и произведено факсимильное копирование нескольких плоскостей.

Обследование петроглифов на затапливаемых береговых скалах проводилось и на памятнике Усть-Туба (ЮВ склон горы Тепсей, правый берег р. Тубы у места впадения в Енисей). Здесь также обнаружены неизвестные ранее плоскости с изображениями древнейшего пласта, находящиеся на неприступных утесах выше уровня затопления.

Периодическое понижение уровня воды в водохранилище выявляет на обнажающемся дне остатки размытых могильников и поселений. В некоторых случаях очень хорошо прослеживаются могильные конструкции, полностью освобожденные от дерна и грунта; на упавших курганных плитах выявляются изображения, которые ранее были скрыты лишайником и по этой причине не копировались; в тех местах, где были поселения (практически не раскапывавшиеся в период спасательных работ перед затоплением), в песке находится большое количество черепков, обломков костей, камня со следами обработки и использования и др. артефактов. Этот подъемный материал перемещен и перемешан, но тем не менее его анализ добавляет существенную информацию к культурно-хронологической характеристике отдельных археологических микрорайонов, изучавшихся ранее в основном только по погребальным памятникам, причем,

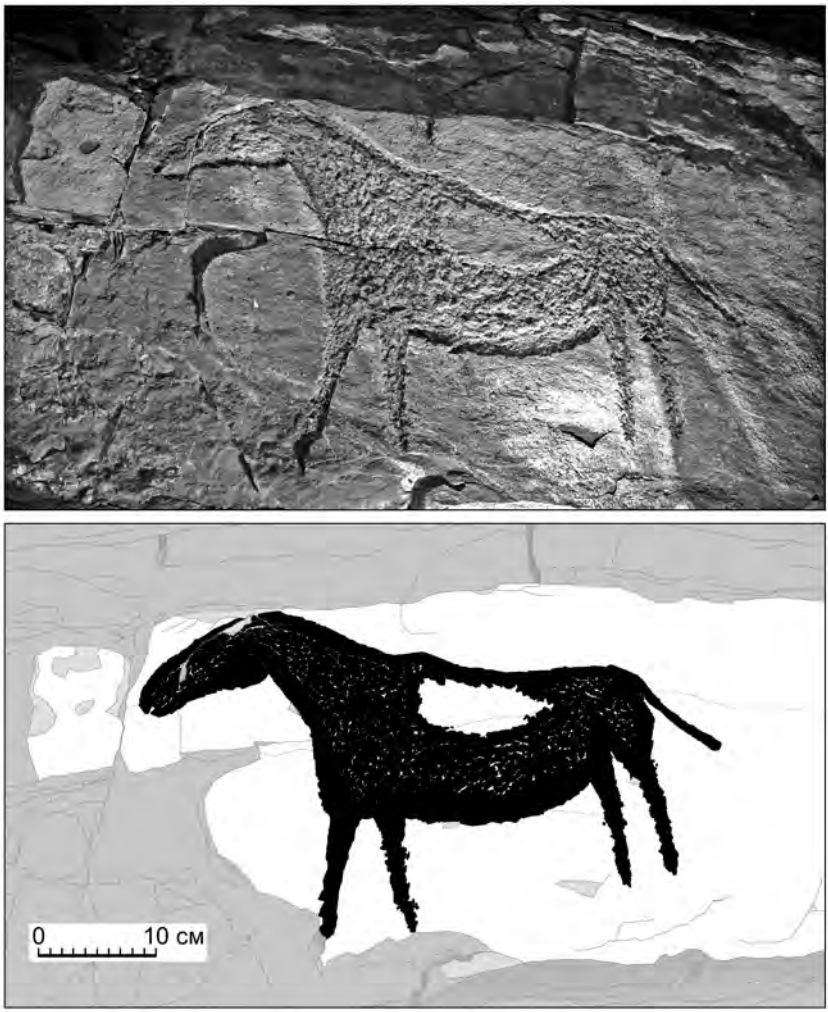

Рис. 58

как правило, только тех эпох, для которых были характерны наземные каменные конструкции. В Краснотуранском р-не проведено обследование двух таких микрорайонов, содержащих памятники наскального искусства; в них до затопления проводились раскопки погребальных памятников, а теперь выявлены и остатки поселений. Один связан с горой Бычиха (правый берег Сыдинского залива), другой – с горой Туран (правый берег Енисея, ниже впадения р. Тубы). На периодически затапливаемой

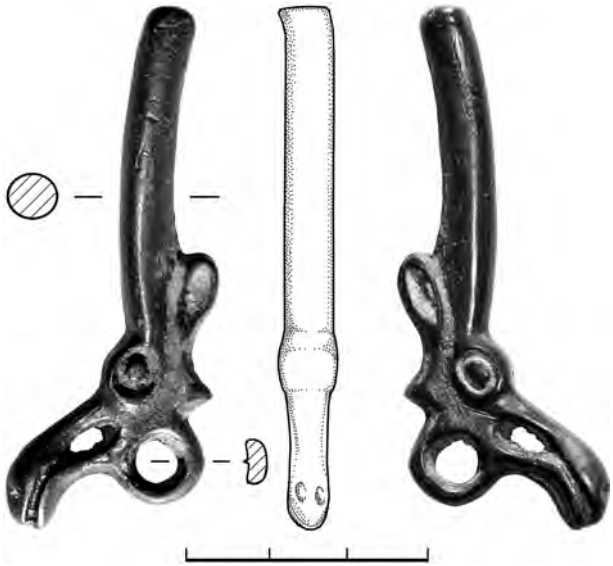

Рис. 59

территории под Бычихой выявлено два могильника подгорновского этапа тагарской культуры, несколько курганов которых раскопал С. В. Киселёв; собран подъемный материал на месте двух размытых поселений, расположенных в 7 км друг от друга. Керамика относится в основном к тагарской и тесинской культуре, отдельные черепки, возможно, к более ранним и более поздним периодам. В большом количестве обнаружены обломки зернотерок и курантов, других терочных камней, пестов, точильные камни, а также «грузила» и «лощила», костяной наконечник стрелы и костяные «пряслица», обломки железных предметов.

Под горой Туран на обнажившейся отмели идентифицированы могильники, которые до затопления раскапывал А. Д. Грач. На многих плитах развалившихся курганных оград обнаружены петроглифы. К Ю от могильника некогда располагалось очень большое по площади поселение либо несколько поселений: подъемный материал в изобилии встречается на протяжении нескольких километров. Здесь собрана керамика (относящаяся к афанасьевской, окуневской, карасукской, тагарской, таштыкской культурам; орнамент некоторых черепков не находит аналогий среди известных по погребальным комплексам сосудов), зернотерки целые и в обломках, кремневые пластинки и обломок наконечника стрелы, каменные орудия, астрагалы со следами обработки; фрагменты костяных и железных изделий и др. Большой интерес представляет хорошо сохранившееся бронзовое изделие (пронизка?) в виде головки лося (рис. 59), относящееся к тагарской культуре. Артефакт найден на территории хотя и содержащей

поселенческий материал, но расположенной близко к могильному полю; не исключено, что он мог быть вынесен водой и из погребального комплекса. Кроме того, на горе Туран в разных местах выявлено несколько скоплений наскальных изображений разных периодов. В результате работ составлены археологическая карта для комплекса памятников у горы Бычиха и база данных (с координатами) памятников разных типов для горы Туран и ее окрестностей.

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

С. С. Тихонов, С. Ф. Татауров

РАСКОПКИ ТАРСКОЙ КРЕПОСТИ

Ключевые слова: XVII–XVIII вв., изба, печь, дендрохронология, башня, вилка

Нижнетарская экспедиция Омского филиала ИАЭТ СО РАН проводила раскопки Тарской крепости, основанной князем Андреем Васильевичем Елецким в 1594 г. Крепость была расположена на левом берегу р. Аркарка (левый приток Иртыша) на первой надпойменной террасе р. Иртыш. Памятник был выявлен С. Ф. Татауровым в 2009 г. при изучении центральной части города, с тех пор раскопки крепости идут ежегодно. Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ, проект № 14-50-00036.

В результате полевых работ изучен участок Тарской крепости на площади 180 кв. м. Верхняя часть культурного слоя (0,8 м) значительно повреждена хозяйственной деятельностью человека в XIX–XX вв. Говоря о строительных горизонтах, фиксируемых по остаткам деревянных конструкций и особенностям находок, можно сделать заключение, что слои XIX–XX перемешаны и залегают на глубину от дневной поверхности на 0,8 м. Строительный горизонт XVIII в. распределен в основном на глубине 0,8–1,2 м. Строительный горизонт XVII в. залегает на глубине от 1,2 до 1,6 м. Большая влажность культурного слоя, а также наличие щепы и навоза способствовали сохранности деревянных срубов, от которых сохранилось 3–5 венцов. Обратим внимание на небольшое расстояние срубов друг от друга – ок. 1 м.

Впервые изучена сгоревшая изба XVII в. (дата установлена по монетам и по дендрохронологическим определениям лаборатории В. С. Мыглана). Размеры постройки 3×2,6 м, рублена «в лапу» из бревен диаметром 25–30 см и ориентирована параллельно террасе (рис. 60). Вход был в стене перпендикулярной зап. террасе. Дверь открывалась внутрь. В центре избы находилась печь, сложенная из слабообожженных кирпичей

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.407-409

Рис. 60

размерами 26×12–14×6 см, что можно соотнести с размерами плинфы. Судя по расположению кирпичей, печь имела трубу, то есть топилась по-белому, и высокое подпечье.

Пожар начался изнутри, поскольку венцы с внешней стороны практически не имели следов огня, а с внутренней стороны были обуглены. Вероятно, пожар был сильный, так как хозяева не приняли мер по выносу имущества: на своих местах осталась кухонная утварь (ларь и бочка, семь сосудов, два из которых были обмотаны берестяной лентой, в одном из горшков, стоявшем в подпечье, сохранились корнеплоды,). В избе обнаружена белая пастовая бусина и фрагмент деревянной чаши.

Около сгоревшей избы, к Ю от нее, находилась изба XVIII в. прямоугольной формы размерами 5,6×5,6 м, рубленная «в лапу» из бревен диаметром ок. 20 см. Выпуск бревен – 40 см. Под нижний венец были положены лаги для выравнивания основания сруба. С сев. стороны к срубу примыкали уложенные в правильном порядке доски, возможно – крыльца. Внутри избы был расчищен еще один сруб из трех венцов размерами 3,8–3,2 м, под которым находился подпол размерами 3,2×3,2 м – сруб из 12 венцов, перекрытый накатом из неошкуренных березовых бревен. Внутри подпола найдены лестница-бревно, доски, служившие подложками для бочек. Один угол сруба, в месте лаза в подпол, обгорел на всю глубину. Вероятно, изба горела, и огонь перекинулся на подпол.

Рядом с этой постройкой изучена еще одна изба прямоугольной формы размерами 4,2×4,5 м (сохранилось 5 венцов) из бревен диаметром ок. 20 см. Внутри конструкции расчищены предметы интерьера: лавка вдоль стены с четырьмя отверстиями для ножек. Совокупность досок в СЗ углу может быть лежанкой: две доски размерами 2×0,4 м и 5 досок размерами 1,3×0,2 м. Внутри сруба найдены деревянные, кожаные, железные изделия: две разделочные доски, медный перстень, клепка, бивень мамонта (гнет на крышку бочки), монеты, оружейный кремень, светец четырехрожковый, железная лопата. Данная изба синхронна соседней.

В углу раскопа под срубом из 9 венцов найдена яма глубиной ок. 1,6 см, на дне которой лежали бревна. Но, поскольку сооружение уходило за пределы раскопа, оно было законсервировано. Сопоставляя имеющиеся планы Тары XVIII в. с местом расположения выявленного объекта, мы предположили, что на этом месте располагалась Тобольская башня крепости и пороховой погреб под ней.

При раскопках и расчистках жилых и хозяйственных объектов найдена гончарная и лепная посуда. Среди других находок отметим фрагменты китайской фарфоровой посуды, осколки стеклянной посуды, в том числе венецианского производства. Хорошая сохранность дерева позволила получить коллекцию изделий: крышки и донца туесов, клепки и обручи от бочек. Представительной оказались собранные в ходе раскопок кожаные изделия: рукавицы для соколиной охоты с тиснением в виде картинок фрагментов процесса охоты, целые и фрагменты сапог и поршней: подошвы и головки обуви. Среди металлических предметов выделяется набор двузубых железных вилок, найденных в одной из изб XVIII в. Примечательно, что эти изделия сделаны непосредственно в Таре по образцу бронзовых аналогов этого же времени, которые есть в местном краеведческом музее. Традиционно культурный слой города содержал железные изделия – ножи, подковы, инструменты для обработки дерева. Из органических остатков выделяются челюсти крупных щук и скопления чешуи традиционных для Иртыша и окружающих озер рыб.

При раскопках Тарской крепости изучены сооружения XVII и XVIII вв. (в том числе и закрытый комплекс), датированные по монетам и с помощью дендрохронологических определений. Материалы, полученные при раскопках, значительно дополняют сведения, полученные при раскопках сибирских городов Томска [*Черная*, 2015] и Мангазеи [*Визгалов, Пархимович*, 2008].

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан. С. 296.

Черная М. П., 2015. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-архивная реконструкция. Томск: Д'Принт. 276 с.

И. В. Шмидт, Т. А. Горбунова

РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКЕ ЧЕРНООЗЕРЬЕ VI–VIA

Ключевые слова: мезолит, эпоха бронзы, кротовская культура, логиновская культура, отжимная техника расщепления

Археологические изыскания, возобновленные отрядом Среднеиртышской АЭ Омского ГУ им. Ф. М. Достоевского в районе д. Черноозерье Саргатского р-на Омской обл., продолжаются уже три года. Работы 2016 г. были сосредоточены на уточнении границ распространения культурных слоев, мощности и характера культурных напластований памятников Черноозерье VI–VIa, расположенных на первой надпойменной террасе левого берега р. Иртыш к ЮЗ от д. Черноозерье.

Общая исследованная площадь на памятниках Черноозерье VI–VIa к кон. 1970-х гг. составила 2255 кв. м [*Стефанова, Стефанов*, 2007, с. 84]. Материалы опубликованы частично. Оба памятника, Черноозерье VI и Черноозерье VIa, признаны объектами археологического наследия и внесены в список объектов, числящихся на гос. охране. Их состояние признано аварийным.

Раскоп 2016 г. был заложен в ЮВ части памятника с привязкой к раскопу 1978 г. Н. К. Стефановой. Его площадь составила 20 кв. м. Материал, полученный в ходе исследований, соответствует двум хронологическим периодам – эпохе мезолита и эпохе бронзы середины II тыс. до н. э. (кротовская и логиновская культуры). Мезолитические культурные отложения в ходе работ выделены стратиграфически и согласно технико-типологической характеристике каменной индустрии.

Стратиграфия вост. склона террасы и ЮВ оконечности памятника сформирована шестью слоями. Наибольшее внимание привлекают слои 3, 4 и 5. Третий и четвертый сформированы в эпоху бронзы и представлены многочисленными фрагментами керамики (кротовской и логиновской культур), костями животных и фрагментами костяных изделий. Пятый слой представляет собой остатки мезолитических отложений, сильно нарушенных в ходе культурной активности последующих времен. Стерильная прослойка, отделяющая отложения мезолита и бронзы, нами не зафиксирована.

В ходе исследований отмечены 4 объекта – ямы – и получен археологический материал в количестве 7197 экземпляров: изделия из камня (212), фрагменты керамики и изделия из глины (695), изделия из кости (29, сильно фрагментированы) и кости животных и рыб (6240), фрагмент изделия из бронзы (1), фрагменты железистой породы (4) и кусочки охры (14).

Керамический комплекс находок памятника представлен: 101 фрагментом венчиков, 35 фрагментами донцев, 549 фрагментами других частей сосудов, 2 керамическими шариками и 5 развалами. Большая часть фрагментов (74%) со следами орнамента, и в связи с особенностями оформления отнесена к логиновскому и кротовскому типам [*Генинг и др.*, 1970, с. 12–51; *Стефанова, Стефанов*, 2007, с. 84–93]. Коллекцию со-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.410-411

ставляют фрагменты сосудов, характерные для баночных и горшковидных форм. Большая часть сосудов мелких и средних размеров, с диаметром горловины в 15–25 см, с округлым, уплощенным и плоским срезом венчиков. В большинстве случаев венчик орнаментирован вдавлениями, отпечатками косой палочки или же защипами по внешнему краю. Все сосуды, донца которых обнаружены, были выполнены на плоской основе.

Коллекция каменной индустрии включает: обломок нуклеуса (1), технические сколы (2), орудийные формы (16), пластины, пластинки и микропластины (84) и отходы производства (108). Орудийный набор представлен: концевыми скребками (2), отщепом с ретушью (1), пластиной с ретушью (3), пластинками с ретушью (2), микропластинами с ретушью (7), обломком с ретушью (1). Зафиксирована высокая фрагментированность индустрии, чаще всего встречаются фрагменты медиальной фрагментации (47), однако число проксимальных фрагментов также высоко (34). Размеры ударных площадок небольшие, прямые, подготовленные одним сколом. Преобладает трапециевидное сечение изделий. Исходя из этого, можно говорить о том, что снятия производились путем простого параллельного скалывания и ориентировались вдоль двух прямых направляющих ребер.

Имеющиеся соотношения значений морфологических признаков, высокая степень фрагментации индустрии с преобладанием медиальных частей, а также относительно стабильные ширина и толщина изделий указывают на то, что основной стратегией получения сколов на памятнике Черноозерье VI–VIa была отжимная техника расщепления, характерная для мезолитических индустриальных традиций. В пользу мезолитического возраста каменных артефактов говорит и сырьевое предпочтение мастеров. Большая часть изделий выполнена из аргиллитовых и алевролитовых пород, в практике называемых «цветными яшмами»: сургучного, вишневого, коричневого, молочного, серого оттенков. Ряд микропластин и сколов сняты с кварцитовых нуклеусов от белого до темно-коричневого оттенков (мелко- и среднезернистые кристаллы). Незначительная часть артефактов выполнена из темного кремня. Обнаружены сколы (и даже фрагмент изделия) из плотного железняка, породы, к которой проявляли интерес в этих местах с финала палеолита.

Благодаря исследованиям сравнительно небольшой площади, прилегающей к ранее изученным зонам памятников, удалось получить внушительную коллекцию археологического материала, обнаружить культурные отложения эпох бронзы и мезолита, подтвердить распространение мезолитических отложений в В–ЮВ направлениях по кромке первой надпойменной террасы.

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С., 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 12–51.

Стефанова Н. К., Стефанов В. И., 2007. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Курган: Изд-во Курганского ГУ. С. 84–94.

ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

И. Ж. Рагимханова

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ТОМИ В ТОМСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: курганный могильник, средневековье

Сотрудниками ООО «Сибирская археология» проведена маршрутная разведка без осуществления локальных земляных работ в левобережье нижнего течения р. Томи, между населенным пунктом п. Моряковский Затон и ур. Чердашный Лог, в границах Моряковского сельского поселения Томского р-на Томской обл.

Начало маршрута разведки пролегало от края коренной левобережной террасы р. Томи ниже по течению от д. Нагорный Иштан. Особенностью проведенной разведки явилось то, что подавляющая часть маршрута пролегала по территории, находящейся в значительном удалении от коренной террасы р. Томи. Разработка такого маршрута была вызвана тем обстоятельством, что в изучении левобережья нижнего течения р. Томи возник явный дисбаланс. С одной стороны, прибрежный участок коренной террасы р. Томи в районе исследования попал во внимание археологов начиная с 1920-х гг. [*Ожередов, Яковлев*, 1993, с. 87–156]. За период длительного изучения, который включал и стационарные широкомасштабные исследования, здесь был открыт ряд объектов, наличие которых позволило говорить о существовании своеобразного Усть-Томского микрорайона археологических памятников [*Рыбаков*, 2007]. С другой, лишь в незначительном удалении от кромки террасы располагалась территория, никак не охваченная вниманием археологов.

В максимальном удалении от Иштанской протоки, в месте, характеризующемся боровой растительностью, был выявлен курганный могильник, получивший наименование Моряковский Затон I.

В ходе работ снят топографический план памятника. Могильник включает 3 курганные насыпи овальной формы. Их размеры составляют: 9×5; 9,2×6,3; 10×8 м, высота 0,3–0,5 м. Вокруг всех трех насыпей прослеживаются окологурганные ямы. Курганы расположены цепочкой, вытянутой с С на Ю. Расстояние между ними не превышает 10 м. Общая площадь курганного могильника составляет 450 кв. м. С зап. стороны к могильнику примыкает небольшое рямовое болото. Территория памятника покрыта боровым лесом. Подлесок практически отсутствует. Из травяной растительности преобладает мшаник, черничник, багульник. Состояние памятника удовлетворительное. Следов разрушений не зафиксировано. Предположительная датировка – эпоха средневековья.

Проведенная разведка позволила достигнуть основную цель – выявление и изучение новых памятников на территории, ранее не подвер-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.412-413

гавшейся исследованиям. Она отчасти компенсировала вышеуказанный дисбаланс и позволила оценить территорию, с точки зрения наличия объектов археологии находящуюся в удалении от кромки береговой террасы. В результате был выявлен курганный могильник Моряковский Затон I. Его обнаружение дает основание утверждать о перспективности территории Обь-Томского междуречья в плане обнаружения погребальных памятников средневековья, а возможно, и более раннего периода.

Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А., 1993. Археологическая карта Томской области. Т. 2. Томск. 210 с.

Рыбаков Д. Ю., 2007. Археологические исследования левобережья устья р. Томи // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Вып. 1. Томск: ТГПУ. С. 102–116.

Д. Ю. Рыбаков

РАСКОПКИ НА КУЛАЙСКОМ КУЛЬТОВОМ МЕСТЕ В ЧАИНСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: культовое место, кулайская культура, ранний железный век, неолит

Сотрудниками ООО «Сибирская археология» проведены археологические раскопки на Кулайском культовом месте, расположенном на землях Подгорновского сельского поселения Чаинского р-на Томской обл. В состав экспедиции входили сотрудники Музея г. Северска и студенты историко-филологического факультета Томского гос. ПУ.

Кулайское культовое место расположено на горе Кулайка высотой 30–40 м, шириной 5–7 м и длиной 130–150 м, представляет собою ограниченную оврагом зап. окраину возвышенности лессового происхождения. Оно располагается на правом коренном берегу р. Чаи на ЮЗ окраине с. Подгорное. С двух сторон имеются крутые склоны, а с третьей (зап.) – отвесный обрыв к р. Чае, который ежегодно подвергается водной и эоловой эрозии.

Памятник известен с 1922 г., когда при распашке горы примерно в 150 м от края на небольшой глубине местными жителями были обнаружены бронзовые котлы скифского типа с серебряными и медно-бронзовыми изделиями. Часть находок передана в Томский областной КМ [*Шатилов*, 1927, с. 5, 26]. В 1927 г. коллекция была увеличена за счет предметов, собранных Л. Н. Зинченко в осыпи берега, а также приобретенных у местных жителей. В 1928 г. разведочные работы на Кулайке провел И. М. Мягков. Культурный слой он не обнаружил, но на площади 6×8 м вдоль кромки горы на глубине 0,5 м собрал небольшое количество керамики, остеологический материал, изделия из меди и бронзы. В 1927 и 1929 гг. он опубликовал общую сводку 111 кулайских предметов, справедливо объединив их в общую

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.413-415

культуру эпохи раннего железа, позднее названную В. Н. Чернецовым кулайской [*Мягков*, 1927, с. 51–55.; 1929, с. 51–85; *Чернецов*, 1953, с. 127, 148, 154, 176]. В 1958 г. раскопки на памятнике провел Р. А. Ураев, которым на Кулайке вскрыто более 50 кв. м. В его отчете есть упоминание о выявленном культурном слое кулайского периода [*Ураев*, 1956, с. 329–344; 1959, с. 22–24]. В 2000 г. исследования проводились Л. А. Чиндиной. Ею был снят топографический план, а также заложена траншея (5×0,5 м) на мысовом участке памятника. В результате на глубине 0,1 м от поверхности было выявлено погребение. В 2001 г. раскопки на мысовой части были продолжены и вскрыто 26 кв. м, исследовано 2 погребения, выполненных по обряду ингумации. Как считает Л. А. Чиндина, погребения датируются эпохой раннего железного века. Также ею в 2001 г. с целью обнаружения культурного слоя в районе Пионерлагеря была заложена траншея и шурф размерами 1×8 и 1×1 м соответственно. Еще одна траншея размером 5×2 м была заложена на вершине останца. Культурный слой и отдельные находки выявлены не были [*Чиндина*, 2001, с. 1–17].

Целью исследований 2016 г. являлось уточнение типа памятника, его границ, а также перспективность проведения дальнейших работ. Для ее реализации поставлены следующие задачи: исследование участка территории, прилегающего к месту обнаружения находок культовой металлопластики 1922 г., анализ культурных напластований и выявленных артефактов и объектов (в случае их обнаружения), исследование территории останца.

Всего в ходе работ заложено 3 раскопа общей площадью 144 кв. м. Все они были разбиты с учетом единой координационной сетки памятника и имели прямоугольную форму, ориентированную по сторонам света. Два раскопа (1, 2) общей площадью 120 кв. м были заложены на коренной террасе р. Чая в пределах территории бывшего пионерлагеря. Один (3) – на материковом останце. До начала работ каких-либо визуально выраженных объектов в пределах разбитых раскопов выявлено не было, за исключением небольшой ямы в пределах раскопа 3, которая по всем визуальным признакам имела недавнее происхождение.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Заложенные на месте обнаружения в 1922 г. бронзовых котлов раскопы не выявили каких-либо объектов или отдельных находок, связанных с функционированием культового места или могильника раннего железного века. В то же время раскопом 2 зафиксирован слой (палево-серый суглинок), который, как мы считаем, сформировался в результате древнего антропогенного воздействия, связанного с проходом на мысовой участок памятника, где и располагалось в раннем железном веке святилище. Судя по общей ландшафтно-топографической ситуации, оно, очевидно, на данной момент полностью разрушено в результате береговой абразии. В то же время обнаружение отдельных изделий из камня (абразивы из песчаника, ножевидная пластина из кварцита, кремневый нож, выполненный в технике отжимной ретуши) в раскопе 1 позволяет говорить о том, что человек посещал данное место и в более ранний период. Возможно, уже в неолитическую эпоху. Каков был характер этих посещений, сказать сложно,

однако, учитывая, что в Нарымском Приобье неолитические поселения, как правило, расположены на первых надпойменных террасах, не исключено, что они носили ритуальный характер.

По результатам проведенных исследований, наиболее перспективным местом для дальнейших работ является материковый останец, который расположен южнее пионерлагеря. Именно здесь раскопом 3, общей площадью 24 кв. м, зафиксирован нетривиальный объект, который с определенной долей условности можно связать с жертвенным комплексом. Об этом косвенно свидетельствуют находки костей лося (северного оленя?) и птицы с ЮЗ части выявленного объекта. Его датировка не установлена, однако использование при его сооружении естественной линзы серо-голубой глины наводит на определенные параллели с погребальным комплексом, раскопанным Л. А. Чиндиной в 2001 г. на мысовой части памятника, где она использовалась для обкладки одного из погребений.

Мягков И. М., 1927. Находки на горе Кулайке // Труды ТОКМ. Т. 1. Томск.
Мягков И. М., 1929. Древности Нарымского края // Труды ТОКМ. Т. 2. Томск.
Ураев Р. А., 1956. Кривошеинский клад // Труды ТОКМ. Т. 5. Томск.
Ураев Р. А., 1959. Кулайская культура Среднего Приобья // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск.
Чернецов В. Н., 1953. Бронза усть-полуйского времени // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья (МИА. № 35). М.
Чиндина Л. А., 2001. Отчет о работе Киреевского и Чаинского отрядов археологической экспедиции Томского ГУ летом 2001 г.
Шатилов М. Б., 1927. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея (1922 г. –18 марта 1927 г.) // Труды ТОКМ. Т. 1. Томск.

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. Е. Гришин, Ж. В. Марченко, М. С. Кишкурно

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКАХ КРОХАЛЁВКА 5, 11 (НОВОСИБИРСКОЕ ПРИОБЬЕ)

Ключевые слова: крохалёвская культура, поселение, погребение, эпоха бронзы, средневековье

Обь-Иртышским отрядом ИАЭТ СО РАН продолжено комплексное исследование разновременных памятников Крохалёвка 5, 11 (Новосибирское Приобье). Памятники находятся в Коченёвском р-не Новосибирской обл., к СВ от д. Крохалёвка, на краю надпойменной террасы, возвышающейся над системой старичных озер и р. Чик (старый рукав р. Обь). Объекты являются частью Крохалёвского археологического

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.415-418

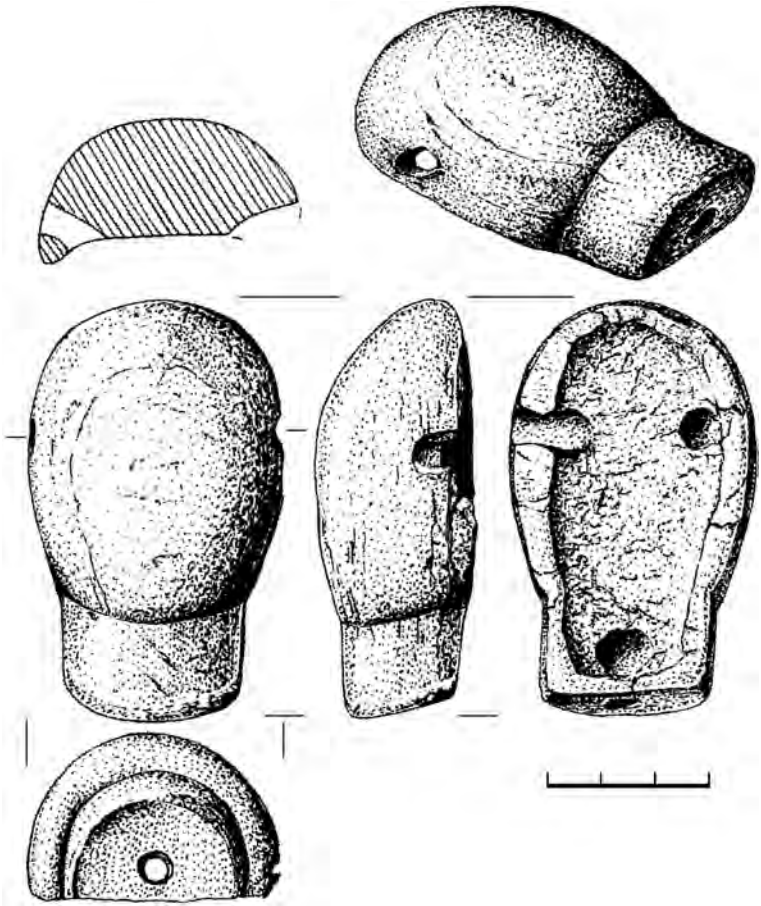

Рис. 61

микрорайона – одной из крупнейших концентраций археологических объектов региона. Микрорайон расположен вдоль зап. кромки Кудряшóвского бора. Большинство насыпей курганного могильника Крохалёвка 5 являются средневековыми. К этому же объекту относятся и ранние грунтовые некрополи, частично перекрытые насыпями. К поселению Крохалёвка 11 относятся поселенческие слои раннего железа и бронзового века. На исследуемом участке площади объектов совмещены. Работы носят спасательный характер.

На площади 88 кв. м в рамках двух раскопов исследовано 49 разновременных поселенческих (рвы, хозяйственные комплексы) и ритуальных объектов, в том числе 11 могил. Из них 9 погребений отнесены к могиль-

нику эпохи ранней – развитой бронзы, одно – к эпохе развитой бронзы, еще одна могила – к эпохе средневековья (XIII–XIV вв.). К сожалению, отсутствие диагностирующих предметов или совмещение в рамках одного комплекса следов погребальной практики и инвентаря (в первую очередь керамики) из крохалёвской, одинóвской, кротовской и самусьской культурных традиций пока не позволяет однозначно идентифицировать изучаемые ряды погребений бронзового века.

Примером этой «синкретической» ситуации является контекст обнаружения оригинального изделия из капа или сувели в комплексе 36, где захоронен мужчина 40–45 лет (рис. 61). Предмет находился между крыльями подвздошных костей таза, над крестцом. Изделие имеет выпукло-вогнутый профиль, продиктованный формой сырья. Длина предмета 7,2–7,7 см, ширина 3,5–4,7 см, общая толщина – 2,8 см. Цвет насыщенно-черный, равномерный. Внешняя поверхность гладкая, заполированная. Оформлены три сквозных отверстия диаметром 0,4–0,9 см. Два из них симметрично расположены по краям овальной части, одно – в торце прямоугольной части. В 1998 г. Г. И. Галяминой на этом же могильнике со взрослым мужчиной, захороненным в соседнем ряду, был найден аналогичный предмет. Очевидно, что обе приобские находки продолжают ряд подобных изделий из одинóвских некрополей Барабы: Сопка 2/4А и Абрамово 11 [*Молодин*, 2012, с. 169–171]. Высокий уровень стандартизации изделий и сходство обстоятельств их обнаружения указывает на один культурно-ритуальный контекст их бытования (статусная мужская поясная гарнитура в виде головы медведя [*Там же*; *Молодин и др.*, 2000]). В то же время в погребениях из этого могильного ряда ранее были встречены сосуды, выполненные в крохалёвской керамической традиции [*Гришин и др.*, 2014, рис. 2: *1, 4*; *Марченко и др.*, 2015, рис. 2: *1, 2*] (баночные формы, накольчатая техника, орнаментир – палочка, использование рядов «жемчужин» и ямок [*Полосьмак*, 1978]), а сами следы погребальной практики (поза погребенного, параметры могильной ямы) ближе к кротовской традиции [*Молодин, Гришин*, 2016, с. 309–349].

Полученный материал делает явственнее проблему выделения культурно-хронологических таксонов в Верхнем Приобье, которое является зоной контакта различного по культурному облику населения в эпоху бронзы.

Гришин А. Е., Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Галямина Г. И., Назарова Л. В., 2014. Новый этап исследования памятников Крохалёвка 5, 11 (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 149–153.

Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Кишкурно М. С., Галямина Г. И., Назарова Л. В., 2015. Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 297–302.

Молодин В. И., 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 220 с.

Молодин В. И., Гришин А. Е., 2016. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 452 с.

Молодин В. И., Октябрьская И. В., Чемякина М. А., 2000. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / Отв. ред. И. Н. Гемуев, Н. А. Алексеев, И. В. Октябрьская. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 23–36.

Полосьмак Н. В., 1978. Керамический комплекс поселения Крохалёвка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 36–46.

В. И. Молодин, С. Хансен, Л. Н. Мыльникова, С. Райнхольд, Л. С. Кобелева, М. С. Нестерова, Н. С. Ефремова, И. А. Дураков, Д. А. Ненахов, Ю. Н. Ненахова

ИССЛЕДОВАНИЯ В ИРТЫШСКОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

Ключевые слова: неолит, керамика, андроновская культура, грунтовый могильник, пахомовская культура, поселение, кротовская культура

Западносибирский, Тогучинский и Барабинский отряды Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН (научный рук. акад. В. И. Молодин) при участии Евразийского отделения Германского археологического института (Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien Abteilung) проводили археологические исследования в Барабинской лесостепи (Венгеровский р-н, Новосибирская обл.).

Продолжены многолетние раскопки сплошной площадью памятника **Тартас 1**. Вскрыто 2400 кв. м, исследовано 52 захоронения и 190 сопровождающих их ритуальных ям.

В СВ части памятника изучены конструкция и система хозяйственных ям эпохи неолита. Котлован подпрямоугольной формы имеет вход в вост. части, очаг в центре сооружения и следы перестройки в виде трех горизонтов обитания. В заполнении конструкции находились скопления костей животных и рыбы. Обнаружено более 100 каменных и костяных изделий.

Особую значимость представляет выявленная в комплексе керамика. Найдены два археологически целых сосуда, а также несколько фрагментов венчиков и придонных частей. Это плоскодонные изделия закрытого типа с расформованным в плоскую площадку венчиком, вытянутым по вертикали туловом, резко сужающимся к придонной части; по периметру дна фиксируется своеобразный наплыв.

Орнамент представлен сложной асимметричной сюжетной композицией, покрывающей всю поверхность сосуда, включая дно. Прослежены разнонаправленные диагональные ряды прочерченных линий, формирующих взаимопроникающие зоны. Срез венчика и наплыв по периме-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.418-421

тру дна украшены косыми овальными вдавлениями палочки. Дно сосуда покрыто прочерченной сеткой. Керамика имеет абсолютные аналогии с посудой неолитического комплекса Автодром 2/2 [*Бобров, Юракова*, 2014], расположенного в пределах видимости от Тартаса 1.

По костям животных в лаборатории Гейдельбергского университета (Германия) получены восемь радиоуглеродных дат, позволяющих датировать это неолитическое поселение VII тыс. до н. э. На сегодняшний день это самый древний памятник эпохи неолита в лесостепном правобережном Прииртышье.

Наиболее древним захоронением, обнаруженным в 2016 г. на памятнике Тартас 1, является погребение эпохи неолита (644), датированное по костям погребенного V тыс. до н. э.

Зафиксирована уникальная стратиграфическая ситуация, когда погребение одиновской культуры (661) перекрыто могилой андроновской (федоровской) культуры (660).

Основной массив исследованных погребальных комплексов (38 захоронений) относится к андроновской (федоровской) культуре. Это грунтовые могилы, представленные трупосожжениями и трупоположениями, иногда сочетающимися в одном захоронении (655, 676). Выявлено два типа организации погребального пространства. Первый характеризуется ограничением околомогильной площадки сплошным или прерывистым рвом круглой, подовальной или многоугольной формы (погребально-поминальный комплекс 13, погребение 639). Второй тип предполагает расположение могил рядами, вытянутыми с Ю на С вдоль вост. края занимаемой могильником террасы. Новым элементом погребальной практики является отделение этих рядов от остальной части могильника длинными рвами или цепочкой вытянутых ям (погребения 670–673, 677 и 678, 676, 686–688).

Несмотря на сильную степень разрушенности могил в этой части некрополя, получены важные научные данные. Например, найдено бронзовое изображение птицы (ворон?) (рис. 62). Изделие отлито в виде объемной скульптуры, показана округлая головка с мощным клювом и короткие распростертые крылья. На спине находится овальное углубление, на брюшке маленькими бугорками оформлены лапки. Изделие уникально, аналогии ему неизвестны. Вероятно использование скульптурки в ритуальной практике.

Продолжено исследование ранее выявленного некрополя пахомовской культуры [*Молодин и др.*, 2014, с. 219–221, рис. 1]. Зафиксировано два типа поминально-погребальных сооружений этого времени. Первый представляет собой комплекс, сочетающий погребение и ритуальную яму или несколько ям. Второй имеет вид сложной системы прилегающих рвов, захоронений и ям. Их синхронность документируется находкой обломков одного сосуда черкаскульского типа на дне основного рва и примыкающего к нему сооружения с захоронением 659. Комплекс предположительно датируется бронзовым ножом периода не ранее VIII–VII вв. до н. э. [*Итина*, 1992, с. 41–43, табл. 4, 13,14].

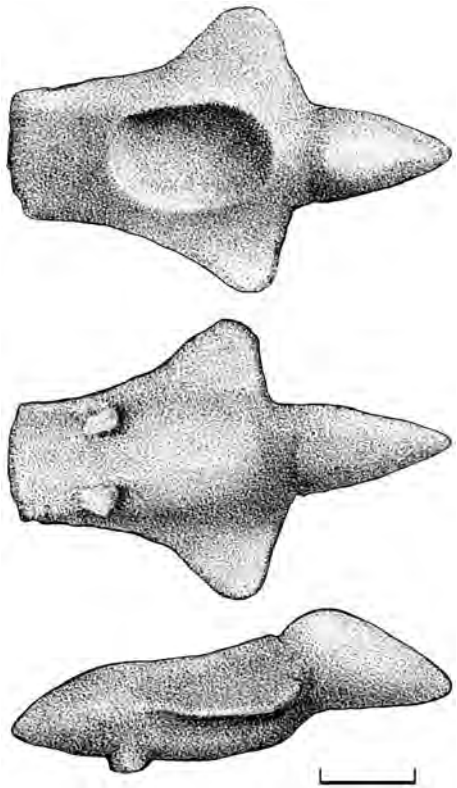

Рис. 62

Также продолжено изучение поселения кротовской культуры **Венгерово 2**. Раскопки велись в юж. и центральной части памятника. В результате работ вскрыта площадь 377,5 кв. м. Исследовано жилище 9, завершены раскопки сооружения 4, а также участок межжилищного пространства в центре поселка.

Котлованы жилищ подтрапециевидной формы ориентированы длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ. Размеры постройки 4–127 кв. м, сооружения 9–67 кв. м. Очаги располагались в центре котлованов.

Очаг в жилище 4 (размеры 1,66×0,9×0,36 м) отличался от изученных ранее объектов наличием мощной гомогенной золистой мелкодисперсной прослойки светло-серого цвета (до 0,15 м). В пользу отсутствия чисток данного теплотехнического устройства говорит значительное количество находок на уровне функционирования огня (более 50 изделий из глины и камня).

Среди скоплений фрагментов керамики в сев. части жилища 9 обнаружена глиняная погремушка в виде головы медведя. Изображение пере-

дано реалистично: проработана открытая пасть зверя, округлые ушки, вытянутая мордочка. По всей площади погремушки нанесены расчесы зубчатым инструментом, имитирующие структуру шерсти животного. Внутри изделия находятся 16 глиняных шариков. На месте шейки налепом выполнена миниатюрная рукоять.

Следует отметить также находку бронзовой стамески.

Выявлены следы от столбовых ям окружающего поселок забора.

На сегодняшний день Венгерово 2 – самый крупный и наиболее полно изученный поселок кротовской культуры, состоящий минимум из 17 фиксируемых сооружений. Предполагаемая его площадь составляет не менее 3770 кв. м. Время существования поселка определяется нач. II тыс. до н. э.

Бобров В. В., Юракова А. Ю., 2014. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество. С. 211–214.

Итина М. А., 1992. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 31–46.

Молодин В. И., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Ковыршина Ю. Н., 2014. Погребения пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 219–222.

О. В. Софейков

РАБОТЫ В НОВОСИБИРСКОЙ, ОМСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Ключевые слова: курган, курганный могильник, поселение, местонахождение

Экспедиция Археологической службы ООО «Новосибирское городское юридическое агентство» проводила разведки на участках проектируемого хозяйственного освоения. В результате проведенных работ археологические объекты непосредственно на обследованных участках отвода земель не обнаружены.

При выполнении работ обнаружены 6 неизвестных ранее объектов: одиночный курган Озеро Богатиха 1 (в Барабинском р-не), курганный могильник Горелый Вал 1 (в Купинском р-не), а также одиночный курган Киршино Озеро 1, поселение Тарский Мыс и местонахождения фрагментов керамики Тарка 1 и Тарка 2 (в Усть-Таркском р-не). Археологическое обследование и съемка планов этих объектов, расположенных в стороне от участков работ, по выданным открытым листам не производились. Объекты нанесены на карту, было определено их местоположение по GPS, составлено краткое описание и передано в Управление по гос. охране объектов культурного наследия Новосибирской обл. для принятия решения о проведении дальнейших исследований.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.421

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. М. Илюшин, В. А. Борисов, В. А. Бутьян

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, развитое средневековье, культовый комплекс, ирменская культура, жилище, поселение, курганная группа

Кузнецкая комплексная АЭЭ Гуманитарного научного центра Кузбасского ГТУ проводила раскопки и разведки на территориях Беловского, Гурьевского, Кемеровского, Ленинск-Кузнецкого и Промышленновского р-нов Кемеровской обл.

Стационарные раскопки велись в Ленинск-Кузнецком р-не в среднем течении р. Касьмы, где завершены плановые и аварийные исследования на комплексе археологических памятников Торопово 7. На раскопе 10 выявлены объекты и найдены артефакты двух культурно-хронологических периодов: поздней бронзы – перехода к раннему железному веку (IX–VII вв. до н. э.) и развитого средневековья (XI–XIV вв. н. э.), относящиеся к ирменской и шандинской археологическим культурам.

Вблизи двухкамерного жилища ирменской археологической культуры раскопан уникальный культовый комплекс. На площади порядка 20 кв. м на уровне материка и древней дневной поверхности зафиксированы останки погребений двух детей 3–4 и 6–7 лет и подростка 11–12 лет, а также почти полных скелетов жертвенных животных (15 ягнят и 2 теленка в возрасте до 5–9 месяцев). Рядом с погребенными детьми и животными найдены 13 керамических сосудов, которые были установлены вверх дном. Орнаментация керамической посуды из этой коллекции соответствует канону ирменской археологической культуры на позднем этапе ее развития, но один из сосудов по своей форме и орнаментации ближе к большереченской археологической культуре раннего железного века Верхнего Приобья. Единичные фрагменты керамической посуды ирменской археологической культуры фиксировались на разных участках раскопа 10 и в обвалившемся культурном слое береговой линии, подмываемой весенними паводками.

Из объектов развитого средневековья в раскопе 10 выявлены и исследованы два жилища, которые имели одну конструкцию и различались лишь размерами. Они представляли собой земляные котлованы неправильной подчетырехугольной формы с заоваленными углами. Котлован жилища 1 ориентирован стенками по сторонам света с небольшим смещением, а котлован жилища 2 ориентирован углами по сторонам света. Котлованы жилищ углублены в слой материковой глины до 0,5 м. Перепад глубины котлованов связан с необходимостью выравнивания пола, так как жилища располагались на наклонной поверхности. При исследовании заполнения котлованов и зачистки пола были найдены фрагменты керамических сосудов, в одном

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.422-423

из жилищ – каменная зернотерка, а также различные кости животных, преимущественно лошади. В центре котлованов выявлены зольники от очагов открытого типа. Полученные данные позволяют характеризовать раскопанные жилища как полуземлянки, состоящие из наземной конструкции и земляного котлована. Вероятно, наземная конструкция была установлена на древнюю дневную поверхность, на которой и была закреплена, а котлован был сооружен внутри жилого пространства до уровня непромерзания почвы. Находки указывают на стационарный характер исследованных жилищ, которые могли использоваться разными семьями не только зимой, но и круглогодично. Аналогии находкам позволяют датировать жилища периодом развитого средневековья и отнести их к кругу древностей шандинской археологической культуры XI–XIV вв. н. э. в Кузнецкой котловине, соотносимой с культурой кочевников Восточного Дешт-и-Кипчак [*Борисов и др.*, 2017, с. 54–60].

В Беловском, Гурьевском, Кемеровском, Ленинск-Кузнецком и Промышленновском р-нах Кемеровской обл. при проведении разведок тремя отрядами обследованы ранее выявленные памятники на предмет их современного состояния и открыто два новых археологических памятника.

На территории Кемеровского р-на найден и обследован ранее открытый археологический памятник – поселение Мазурово 1, датированное периодом поздней бронзы и отнесенное к кругу памятников ирменской археологической культуры IX–VII вв. до н. э. [*Илюшин*, 2007, с. 92–95]. Были уточнены его координаты в системе GPS и зафиксирован факт разрушения культурного слоя под воздействием природных и антропогенных факторов.

При разведках в Беловском, Гурьевском и Ленинск-Кузнецком р-нах найдены и исследованы пять ранее открытых археологических памятников – поселение Саратовка 4, курганная группа Раздольный и одиночные курганы Ивановка, Родниковский и Родниковский 1. На поселении Саратовка 4 собран подъемный материал (фрагменты керамической посуды и фрагмент бронзового ножа), которые подтверждают датировку памятника периодом поздней бронзы и отнесения его к ирменской археологической культуре IX–VII вв. до н. э. [*Илюшин*, 2004, с. 40–44]. На территории Ленинск-Кузнецкого р-на открыт новый погребальный памятник – курганная группа Подгорное 2, предварительно датированный эпохой средневековья.

На территории Промышленновского р-на открыт один новый памятник – курганная группа Калтышино 7, предварительно датированная эпохой бронзы, а также выявлены и исследованы пять ранее открытых археологических памятников – два одиночных кургана Шипицино 2 и Ранний 1 и три курганные группы Шипицино, Бормотово и Ранний.

Борисов В. А., Илюшин А. М., Онищенко С. С., 2017. Средневековое жилище в раскопе № 10 на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул: АГУ. С. 54–60.

Илюшин А. М., 2004. Урской археологический микрорайон в эпоху бронзы // Археологические районы Северной Азии: Матер. науч. конф. Омск: ОмГУ. С. 40–44.

Илюшин А. М., 2007. Ирменские древности в бассейне средней Томи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: М-лы регион. науч.-практич. конф. Вып. XVI. Барнаул: АГУ. С. 92–95.

Р. А. Мартюшов

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ТОМИ

Ключевые слова: местонахождение, поселение, крепость, новое время, средневековье

АЭ Новокузнецкого КМ провела разведку в Новокузнецком и Междуреченском р-нах Кемеровской обл. Разведанные местонахождения и памятники приурочены к бассейну р. Томи и ее притокам. В ходе разведки обследовано 6 местонахождений (все 6 впервые), а также 3 памятника (1 впервые).

Местонахождение Лужба. В Кузнецом Алатау, на приустьевых бортах р. Амзас (правый приток р. Томи), обнаружены кварцитовый нуклеус и скол. Нуклеус предварительно можно отнести к периоду верхнего палеолита или мезолита. На этом же участке найдены галечные грузила. Грузила, вероятнее всего, связаны с шорским рыбным промыслом нового времени.

Поселение Черемза 2. На правом берегу р. Черемзы (левый приток р. Томи) обнаружен фрагмент керамики. По обрезу венчика нанесены косые гладкие оттиски. Шейка орнаментирована горизонтальным рядом округлых ямок. Опираясь на аналогии близлежащих памятников (поселение Прорва 1 [*Ширин*, 2015, с. 8, 63]), поселение можно датировать 1-й пол. II тыс. н. э.

Местонахождение Грозненское. На правой террасе р. Байдаевки (правый приток р. Томи) обнаружен топорик из алевролита.

Местонахождение Муратово. На правой террасе старицы р. Кондомы (левый приток р. Томи) собраны глиняные грузила и фрагменты гончарных сосудов, связанные с существовавшей на этом месте с XVIII в. русской деревней.

Болотная цитадель Кузнецкой крепости. Находится в Кузнецком р-не г. Новокузнецка. Остатки цитадели впервые исследовал научный сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея К. А. Евреинов. Им же в 1930-х гг. XX в. был выполнен глазомерный план этого фортификационного сооружения, которое он принял за остатки Кузнецкого острога XVII в. На данный момент от цитадели сохранились лишь остатки рельефа ее ЮЗ бастиона (именовался на современных времени постройки изображениях как Форштадтский). Наиболее уцелевшая часть бастиона представлена зап. фасом, сев. часть которого изрезана погребами. Вал фаса зарос деревьями и кустарниками. На исходящем углу бастиона находятся разрушенные деревянные хозпостройки. ЮВ фас практически полностью уничтожен современными постройками. Ров перед зап. фасом завален мусором. Согласно Ю. Б. Кауфман, земляные укрепления Болотной цитадели, которую начали строить в 1798 г., к 1806 г. были готовы, а проектируемые в последующие годы жилые и нежилые здания в цитадели так и не были построены [*Кауфман*, 2012, с. 83].

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.424-425

Поселение Ильинка 5. Открыто на левом берегу р. Томи в 1979 г. [*Маркин*, 1980, с. 3]. Исследователями датировано ранним средневековьем и XVII в. [*Ширин*, 2015, с. 22]. В 2016 г. в осыпи памятника обнаружен железный наральник, связанный с существовавшей здесь в XVII в. русской деревней.

Местонахождение Мокроусово. В одноименной деревне на правом приустьевом берегу р. Есауловки (правый приток р. Томи) найден железный наконечник стрелы с отверстием от брака ковки, датированный XVII в.

Кауфман Ю. Б., 2012. Чертежи Кузнецкой инженерной команды как источник по истории укреплений Кузнецка начала XIX в. // Из кузнецкой старины. Вып. 3. Новокузнецк: Полиграфист. С. 78–90.

Маркин С. В., 1980. Новые археологические памятники в районе села Ильинка // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ. С. 3–10.

Ширин Ю. В., 2015. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из кузнецкой старины. Вып. 6. Новокузнецк: Лотус-Пресс. С. 4–75.

Д. А. Симонов, Ю. В. Ширин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ГОРНОЙ ШОРИИ НА ЮГЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: XIX в., поселение, пещера, эпоха поздней бронзы, раннее средневековье, лачиновская культура

Исследования АЭ МЗ «Кузнецкая крепость» (г. Новокузнецк) затронули три района на юге Кемеровской обл.: Новокузнецкий, Прокопьевский и Таштагольский.

В Новокузнецком р-не продолжено обследование мест, связанных с жизнью трех первых святых Кемеровской обл.: преподобных Василиска Сибирского, Зосимы и Петра Томского. Работы велись по заявке Новокузнецкой епархии. В ур. Монашка, где в нач. XIX в. обитали эти пустынники, в ходе определения площади распространения культурного слоя исследовано устройство для обжига гончарной посуды. Согласно житиям, гончарное производство было организовано преп. Василиском.

В Прокопьевском р-не обследовано место случайных находок, поступивших в музей-заповедник «Кузнецкая крепость». Место сборов оказалось связано с гибелью в 1709 г. русской деревни Лучшево. Также осмотрено поселение Кербезек 2 эпохи неолита, пострадавшее при несогласованной прокладке кабеля.

В Таштагольском р-не проведена археологическая разведка верховий р. Мрассу в горно-таежной местности. Маршрут экспедиции проходил по территории «Шорского национального природного парка», что было согласовано с его дирекцией. Работы были организованы совместно с Музеем этнографии и природы Горной Шории (г. Таштагол),

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.425-426

куда за последние годы от туристов неоднократно поступали находки из пещер этого региона. На участке реки от п. Мрассу до п. Усть-Кабырза, протяженностью ок. 100 км, нами было обследовано 6 археологических памятников, три из них впервые. В частности, в четырех пещерах (Осиновая, Малиновая, Спальный Грот, Надежда) кроме разнообразных остатков палеофауны выявлены следы пребывания человека. Во всех пещерных комплексах выделены материалы эпохи поздней бронзы и раннего средневековья.

На поселении Кизас 1, в устье одноименного правого притока р. Мрассу, при осмотре разрушений поверхности найдена керамика, позволившая уточнить датировку памятника – кон. I тыс. н. э.

К Ю от п. Усть-Кабырза, на левом берегу р. Мрассу, проведены дополнительные исследования поселения Судочаково 1, где ранее был выявлен позднесредневековый материал. Уточнены границы памятника. На его периферийном участке заложена траншея 1×8 м, которой установлен многослойный характер поселения. В траншее практически отсутствовали признаки позднесредневекового поселения, но встречалась керамика эпохи раннего средневековья. Судя по всему, ранее выявленное позднесредневековое поселение планиграфически не полностью совпадало с территорией раннесредневекового поселения, тяготея к более низкому участку берега, ближе к бровке террасы. Датировку раннесредневекового комплекса поселения Судочаково 1 можно предварительно определить VII в. Керамика этого памятника по форме и орнаменту имеет много общего с раннесредневековыми комплексами поселений соседних Кондомо-Томских предгорий Кузнецкой котловины – лачиновской культуры.

П. Г. Соколов, П. В. Герман

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА БОЛЬШЕПИЧУГИНСКОМ КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ В МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Ключевые слова: каменная ограда, тагарская культура, VI в. до н. э., шило, зооморфный стиль

Мариинским отрядом Кузбасской АЭ Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН возобновлены раскопки на курганном могильнике Большепичугинские курганы (д. Большепичугино, Тисульский р-н, Кемеровская обл.). Работы проводились в рамках выполнения гос. контракта федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)».

Могильник располагается на левом берегу р. Урюп (бассейн р. Чулым) в юж. части деревни. В 1956–1959 гг. А. И. Мартыновым было раскопано не менее 11 курганов, большинство из которых датировано ранне-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.426-428

тагарским временем. В 2013 г. П. В. Германом был исследован курган 13 (биджинский этап тагарской культуры).

В 2016 г. исследован курган 16, расположенный в 114 м к В от кургана 13, между зданием клуба и котельной. Курган практически не выделяется на фоне современного ландшафта. Условный размер насыпи 17×15 м, ориентирован З–В длинной стороной. Высота насыпи от зап. периферии – до 0,7 м. По сообщениям местных жителей, насыпь кургана изначально была выше, но затем спланирована бульдозером в ходе строительства близлежащих современных объектов. На современной поверхности объекта присутствуют отходы от работы котельной (зола, уголь), небольшие рытвины. В СВ поле вырыта зольная яма 3×3 м, глубиной 2 м. Ближе к СЗ части кургана, на современной дневной поверхности, лежит несколько аморфных плит горельника, привезенных на площадку перед котельной вместе с углем. Через зап. полу кургана проходит территория клуба, в прошлом огороженная забором. Вост. пола находится на расстоянии 5 м до котельной. Учитывая перечисленные особенности, представляется очевидным, что курган 16 могильника Большепичугинские курганы находился в зоне высокой антропогенной активности, ставшей основанием для проведения спасательных работ.

Общая площадь раскопа составила 352 кв. м, исследовано четыре погребения. Основная могила (1) располагалась в центре большой прямоугольной ограды. Остальные могилы, две из которых – погребения детей, располагались за пределами ограды. Ограда состояла из плит песчаника, установленных на ребро в траншеи, приблизительная глубина которых ок. 20–30 см. Большая часть плит – мягкий слоистый песчаник серо-желтого цвета. Ограда сохранилась фрагментами – отсутствуют некоторые участки, камни сильно повреждены. Кроме этого, основная ограда была частично разобрана в древности при сооружении могил 2–4 и ограды-пристройки. Тем не менее сохранившиеся части ограды дают достаточное представление, чтобы судить об архитектуре основного комплекса, к которому относится могила 1. Размер основной ограды 14×12,6 м. В середине вост. стенки ограды устроен так называемый вход. Подобные конструкции хорошо известны по материалам из Минусинской котловины. Данная особенность характерна для оград «элитных» комплексов, что подтверждено обнаруженным в могиле 1 материалом.

Могила 1 была перекрыта плитами песчаника и бревнами в один накат, на дне сохранился сруб в шесть венцов. В заполнении и на дне могилы найдены разрозненные останки пяти погребенных (женщина 17–25 лет, мужчина ок. 40 лет, подросток ок. 12 лет, ребенок 5–7 лет, младенец). На основании уровней залегания и взаиморасположения в срубе останков погребенных, погребального инвентаря и сопутствующей пищи выделяется три основных этапа совершения захоронений в могиле. Из погребального инвентаря остались нетронуты украшения из камня, кости и бронзы, бронзовое зеркало, ножи, игла, керамические сосуды. Помимо прочего были обнаружены уникальные предметы искусства: бронзовое шило-шпилька с фигурным навершием в виде козлика и бляшка из рога

с изображением хищника, свернувшегося в кольцо. Другой склеп (могила 4) содержал останки четырех погребенных (мужчина 35–45 лет, два подростка ок. 10 лет, взрослый 25–35 лет) и незначительное количество погребального инвентаря (костяные наконечники стрел, бронзовые ножи, керамические сосуды). Кроме того, из могилы 4 были перемещены норными животными несколько фрагментов керамических сосудов и бронзовая бляшка с изображением хищника, свернувшегося в кольцо. На некоторых участках могилы уцелело деревянное перекрытие, сруб не сохранился. Могилы 1 и 4 были ограблены в древности. Причем на перекрытии могилы 1 после ограбления совершено впускное безынвентарное захоронение по обряду кремации на стороне.

Детские могилы (2 и 3) располагались за ВСВ стенкой ограды. В могиле 2 совершено парное захоронение, в могиле 3 – одиночное. Никакого инвентаря в детских могилах не было.

Все исследованные элементы погребальной практики кургана 16 не оставляют никаких сомнений в его принадлежности к памятникам тагарской культуры. Могилу 1 следует отнести к комплексам биджинского этапа и предварительно датировать в пределах VI в. до н. э. Наличие у ограды конструкции «входа» дает основание отнести могилу 1 к категории элитных захоронений. Этот статус подтверждается уникальными находками мелкой пластики. Могила 4 также относится к биджинскому этапу тагарской культуры, но, безусловно, сооружена позднее могилы 1. Для детских погребений нет надежных культурно-хронологических маркеров. Учитывая, что при сооружении могилы 4 была разобрана часть ССЗ стенки основной ограды, плиты которой пошли на перекрытие могил 2 и 3, следует допустить синхронность могил 2–4.

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

П. К. Дашковский

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ В ЗАПАДНОМ АЛТАЕ

Ключевые слова: крепида, захоронение лошади, пазырыкская культура, VI–III вв. до н. э.

Экспедицией Алтайского ГУ продолжено изучение разновременных курганных могильников Инской дол, Чинета II и Ханкаринский дол, расположенных на второй надпойменной террасе к ВЮВ от с. Чинета (Краснощековский р-н Алтайского края) на левом берегу р. Иня. Указанные некрополи входят в состав Чинетинского археологического микро-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.428-431

района Северо-Западного Алтая, в пределах которого выявлены памятники разных культур [*Дашковский*, 2013; 2014; 2015]. На могильнике Инской дол исследованы объекты 14–16, на некрополе Чинета II – курган 32, а на могильнике Ханкаринский дол – курган 25.

Курган 14 могильника **Инской дол** находился в центральной части некрополя. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 2 слоя из небольших камней, составлял 8 м, а высота достигала 0,7 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка-крепида. Под насыпью кургана выявлена могильная яма, которая имела следующие размеры: 2,2×1,53×1,85 м. На дне могилы в центральной ее части обнаружено погребение человека, который был уложен в скорченном положении на правом боку и ориентирован головой на В. Из инвентаря обнаружен развал керамического сосуда, золотая (?) серьга, элемент костяного ожерелья, 2 круглые металлические нашивки на одежду, миниатюрное бронзовое зеркало с остатками кожаного футляра, а также ритуальная пища.

Курган 15 располагался в 3,25 м к С от кургана 14, образуя с ним одну микрогруппу. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 1–2 слоя из небольших камней, составлял 7,5 м, а высота сооружения достигала 0,5 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка-крепида. Под насыпью кургана выявлена могильная яма, которая имела размеры 2,3×1,25×1,82 м. На дне могилы, в центральной ее части, обнаружено погребение человека, который был уложен в скорченном положении на правом боку и ориентирован головой на В. Из инвентаря обнаружено бронзовое миниатюрное зеркало, а также ритуальная пища.

Курган 16 выявлен в зап. части могильника Инской дол в 350 м от основной части объектов этого памятника. Диаметр каменной насыпи, сложенной преимущественно в 1 слой из средних по размеру камней, составлял 10 м, а высота сооружения – 0,5 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка – крепида. Под насыпью кургана выявлена могила, которая имела следующие размеры: 3,3×2,45×2,38 м. На дне могилы вдоль юж. стенки обнаружено сильно разрушенное погребение человека. Вероятно, умерший лежал на деревянном настиле. При этом, судя по расположению *in situ* костей рук, умерший первоначально был ориентирован в могиле головой на В. Вдоль сев. стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на живот с подогнутыми ногами и ориентировано головой на В. Из инвентаря обнаружено скопление золотой фольги, зооморфная аппликация в виде головы барана, железный нож, костяная подпружная пряжка от снаряжения лошади, а также остатки ритуальной пищи.

Памятник **Чинета II**, в центральной части которого исследован курган 32, находится в вост. части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня к ЮЮВ от с. Чинета. Диаметр каменной насыпи объекта, сложенной из камней в 1–2 слоя, составлял 6,25 м, а высота сооружения достигала 0,6 м. Сама насыпь состояла из речной гальки средних размеров, которая была уложена в 1–2 слоя поверх земляной насыпи, сооруженной на уровне древнего горизонта. Под насыпью кургана выявлена

могильная яма, которая имела размеры 3,65×1,73×1,82 м. В могиле обнаружен деревянный сруб в два венца. Длина продольных плах достигала 2,8 м, поперечных – 1,3 м, средняя ширина – 15–25 см. Сруб сверху был перекрыт настилом из плах, две из которых в центральной части конструкции частично сохранились. Вдоль юж., зап. и вост. стенок сруба зафиксирована обкладка из крупных и средних камней. Внутри сруба обнаружено погребение женщины, которое, вероятно, было сильно потревожено еще в древности. Первоначально умершая была уложена в вытянутом положении на спине и ориентирована головой на З. Из инвентаря найдены две железные заколки, покрытые фольгой, развал керамического сосуда, а также ритуальная пища.

Некрополь **Ханкаринский дол** зафиксирован на второй надпойменной террасе левого берега р. Ини к ЮЮВ от с. Чинета. В настоящее время на памятнике выявлено более 30 объектов, относящихся преимущественно к скифской эпохе. В 2016 г. исследован курган 25, расположенный в сев. части памятника. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 3–4 слоя из мелких и средних по размеру камней, достигал 9,75 м, высота 0,8 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка – крепида. Под насыпью объекта выявлена могила размерами 3,1×2,8×2,66 м. На ее дне обнаружено парное погребение мужчины и женщины. Умершие были уложены в скорченном положении на правом боку и ориентированы головой на ЮВ. Погребение людей, вероятно, было перекрыто деревянными плахами, которые укладывались на уступы вдоль зап. и вост. стенок могилы. Из инвентаря обнаружены следующие предметы: биметаллический боевой кинжал в деревянных ножнах, изделия из бронзы (колчанный крючок, зеркало, нож, 2 заколки, пряжка-застежка, бляха с зооморфным изображением, гривна, украшенная золотой фольгой), развал керамического сосуда, а также ритуальная пища.

Вдоль сев. стенки могильной ямы на глиняной приступке обнаружено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот и ориентирована головой на ЮВ. Из снаряжения лошади найдены следующие предметы: 2 налобные бляхи, бронзовые удила, 2 костяных псалия, украшенных зооморфными мотивами (рис. 63), 3 круглых костяных распределителя ремня и один костяной распределитель в виде клыка животного, чумбурный блок, костяная подпружная пряжка.

Исследованные курганы 14–16 некрополя Инской дол и курган 25 некрополя Ханкаринский дол имеют определенные аналогии по погребальному обряду (скорченное положение на правом боку, вост. ориентация умершего в могиле, сопроводительные захоронения лошадей и др.) и инвентарю в памятниках пазырыкской культуры [*Кубарев*, 1987; 1991; *Кубарев, Шульга*, 2007], в том числе исследованных ранее на указанных памятниках [*Дашковский*, 2016; *Дашковский, Мейкшан*, 2014]. При этом наиболее ранним из исследованных является курган 25 могильника Ханкаринский дол. Учитывая аналогии к элементам снаряжения лошади [*Кубарев, Шульга*, 2007], его можно отнести к раннему этапу пазырыкской культуры и предварительно датировать рубежом VI–V вв. до н. э. Осталь-

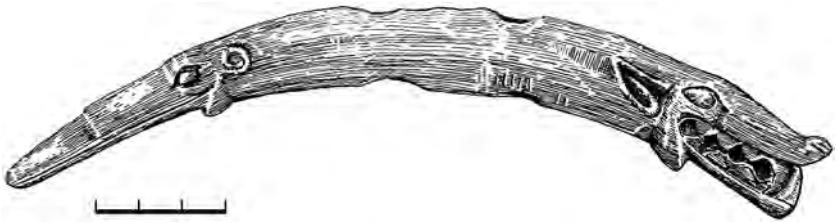

Рис. 63

ные исследованные курганы на основе аналогий вещевого комплекса [*Кубарев*, 1987; 1991; 1992; *Кубарев, Шульга*, 2007] можно предварительно отнести ко 2-й пол. IV – III в. до н. э. Отдельного внимания заслуживают результаты исследования кургана 32. В данном случае отмечены признаки (вытянутое положение и зап. ориентация умершего в могиле, специфичные женские заколки, конструктивные особенности насыпи), которые не совсем характерны для пазырыкской культуры. Зафиксированные особенности погребального обряда и инвентаря в большей степени характерны для кочевников предгорной и степной зоны Алтая. На могильнике Чинета II выявлена уже целая серия подобных погребений скифского времени, что свидетельствует о взаимодействии носителей пазырыкской культуры с племенами, проживающими в предгорной и степной зоне региона.

Дашковский П. К., 2013. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. М-лы междунар. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 187–190.

Дашковский П. К., 2014. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 46–62.

Дашковский П. К., 2015. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. № 8. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 20–29.

Дашковский П. К., 2016. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. № 9. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 42–66.

Дашковский П. К., Мейкшан И. А., 2014. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 94–100.

Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 302 с.

Кубарев В. Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука. 190 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И., 2007. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 282 с.

**М. В. Шуньков, А. П. Деревянко,
М. Б. Козликин**

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Ключевые слова: мустье, острийно-пластинчатая техника, леваллуа, OSL-датирование

Алтайский отряд ИАЭТ СО РАН продолжил комплексное изучение объекта культурного наследия федерального значения «Стоянка Денисова пещера» на территории Солонешенского р-на Алтайского края.

Денисова пещера расположена к СЗ от с. Черный Ануй, вниз по долине р. Ануй в сторону с. Топольное. Пещера находится на правом берегу Ануя, ниже устья левого притока р. Каракол.

Как археологический объект пещера известна с 1977 г. В полевых сезонах 1982–2015 гг. изучены участки рыхлых отложений голоцена и плейстоцена в центральном зале, на предвходовой площадке, в юж. и вост. галереях. Работами 2016 г. продолжены исследования плейстоценовой толщи в центральном зале и в вост. галерее.

В центральном зале рыхлые отложения изучены на площади квадратов Ж/6–8. В строении разреза мощностью ок. 4 м выделено восемь основных литологических подразделений – слои 9, 11, 12, 14, 19–22. В результате раскопочных работ определены особенности залегания литологических слоев, прослежен характер проявления постседиментационных деформаций осадка в разрезе. Отмечены, в частности, тенденция к устойчивому падению слоев к ЮВ стенке пещеры и высокая роль вязкопластических деформаций инволюционно-просадочного генезиса.

Новая коллекция палеолитических материалов из центрального зала пещеры насчитывает более 1,5 тыс. экземпляров. Каменные артефакты среднего палеолита связаны с отложениями слоев 22–19, 14 и 12. В индустрии раннего этапа среднего палеолита (слои 22 и 21) для первичного расщепления использовались радиальные нуклеусы. Изделия с вторичной обработкой представлены скреблом и зубчатым орудием. Дальнейшее развитие среднепалеолитического комплекса демонстрируют материалы из слоев 20, 19, 14 и 12. В коллекции из этой части разреза хорошо выражен пластинчатый компонент, представленный продуктами леваллуазской острийно-пластинчатой технологии. В орудийном наборе сочетаются среднепалеолитические (мустьерские остроконечники, скребла) и верхнепалеолитические (скребки, резцы) компоненты.

Заселение центрального зала пещеры на раннем и среднем этапах верхнего палеолита представлено археологическими материалами из слоев 11 и 9 соответственно. Технологии обработки каменного сырья в этих индустриях ориентированы на производство пластин в рамках призматической продольной и бипродольной техники, а также мелких пластинчатых заготовок. Орудийные формы в индустрии начального эта-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.432-433

па верхнего палеолита из слоя 11 включают такие яркие изделия, как листовидные бифасы, транкированные пластины и концевые скребки. Каменную индустрию дополняют костяные орудия, представленные иглой с просверленным ушком, острием и двумя игольниками. В слое найдены также 23 украшения – подвески, бусины и пронизки. Для изготовления украшений использовались разнообразные материалы – бивень мамонта, зубы животных, трубчатые кости, раковины моллюсков, скорлупа яиц крупной птицы, мягкий поделочный камень.

В вост. галерее пещеры на площади квадратов А–В/2–4 вскрыты отложения литологических слоев 12–17. Основание разреза достигло коренного цоколя пещеры, перекрытого отложениями литологического слоя 17.

В пределах слоев 17 и 16 археологический материал не обнаружен. Из отложений слоев 15–12 получена представительная коллекция каменных артефактов среднего палеолита – более 15 тыс. экземпляров. Наиболее древний комплекс находок в вост. галерее связан с отложениями литологических слоев 15 и 14. Для каменной индустрии из этой части разреза характерно использование радиальных нуклеусов. Основу орудийного набора составляют различные типы скребел, зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий и массивных сколов с вентральной обивкой.

Согласно комплексу данных литологии, биостратиграфии и предварительным результатам OSL-датирования, отложения слоев 15 и 14 накапливались в благоприятной природно-климатической обстановке ширтинского (изотопная стадия 7) времени. Возрастная оценка и технико-типологический облик индустрии слоев 15 и 14 позволяют рассматривать эти материалы в контексте раннего этапа среднего палеолита. В центральном зале пещеры этому культурно-хронологическому этапу, по всей видимости, соответствуют материалы из слоев 22 и 21.

Следующий этап среднего палеолита в вост. галерее отражают археологические материалы из слоев 13 и 12, отложения которых накапливались после длительного седиментационного перерыва с кон. тазовского (изотопная стадия 6) до нач. ермаковского (изотопная стадия 5) времени.

В индустриях из этой части разреза наборы ядрищ включают плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Хорошо развита леваллуазская острийно-пластинчатая технология. Среди сколов, по сравнению с индустрией раннего этапа среднего палеолита, увеличилась доля удлиненных отщепов, появляются пластины. В орудийном наборе, на фоне преобладания различных типов скребел, сохраняется хорошо выраженный зубчато-выемчатый компонент. В небольшом количестве представлены леваллуазские острия. Появляются изделия верхнепалеолитической группы – концевые скребки, резцы. Среднепалеолитические индустрии из слоев 13 и 12 в вост. галерее имеют культурное и хронологическое соответствие материалам из слоев 20–12 в центральном зале пещеры.

Таким образом, новые археологические материалы из центрального зала и вост. галереи существенно дополнили общую картину культурно-хронологической последовательности палеолитических комплексов Денисовой пещеры.

РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ

Н. А. Константинов, В. И. Соенов,
А. У. Урбушев

РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ В КОШ-АГАЧСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Ключевые слова: курганный могильник, пазырыкская культура, гунно-сарматское время, раннее средневековье, тюрки

Экспедиция Горно-Алтайского ГУ провела археологические разведки и аварийные раскопки в Кош-Агачском р-не Республики Алтай.

Разведки проводились в двух пунктах: на могильнике Кургак-Тыттугем, расположенном на правом берегу р. Чуя между Чуйской и Курайской котловинами, и на могильнике Межелик 1 у горы Межелик на левом берегу р. Чуя в центральной части Курайской котловины. На могильнике Кургак-Тыттугем зафиксировано 35 отдельных каменных конструкций: два больших кургана диаметром до 35 м с рядами поминальных колец и балбалами и цепочка небольших курганов. Эти объекты относятся к пазырыкской культуре скифского времени (VI–III вв. до н. э.). С зап. и вост. стороны от двух больших курганов располагались одиночные и парные рядом стоящие поминальные оградки со стелами и балбалами тюркского времени (VI–VIII вв. н. э.).

В ходе работ у горы Межелик обследован могильник Межелик 1. Некоторые объекты могильника отмечены Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым в 1935 г. [*Евтюхова, Киселев*, 1941, с. 80]. В составе памятника зафиксировано 52 объекта: курганы, поминальные кольца и выкладки, квадратные поминальные оградки. Курганы, сосредоточенные в цепочку, а также связанные с ними поминальные выкладки и кольца относятся к пазырыкской культуре скифского времени (V–III вв. до н. э.). К эпохе раннего средневековья относятся несколько поминальных квадратных оградок и, предположительно, курган, устроенный с СЗ стороны от цепочки пазырыкских курганов. Возможно, отдельные объекты могильника могут датироваться эпохой бронзы.

Аварийные раскопки проводились на двух памятниках, подверженных разрушению из-за размыва реками прибрежных террас. На могильнике Курайка 2, расположенном в сев. части Курайской котловины у с. Курай Кош-Агачского р-на Республики Алтай, исследованы три аварийных объекта – два кургана и одна оградка. Один курган и оградка относятся к раннему средневековью (2-я пол. I тыс. н. э.). В кургане исследовано погребение человека с лошадью. Третий объект (курган) на момент раскопок был разрушен более чем наполовину. Датировка этого объекта затруднена из-за отсутствия находок и плохой сохранности объекта.

На могильнике Талдура II, расположенном в долине р. Талдура на СЗ окраине Чуйской котловины у с. Старый Бельтир Кош-Агачского р-на, исследован один аварийный курган. Могильник открыт в кон. 1970-х и ис-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.434-435

следовался в нач. 1980-х гг. В. А. Могильниковым и В. Н. Елиным [*Могильников и др.*, 1978; *Могильников, Елин*, 1983]. Исследованный в 2016 г. курган содержал два погребения: впускное погребение гунно-сарматского времени (II–V вв. н. э.) и основное погребение пазырыкской культуры скифского времени (IV–III вв. до н. э.). В основном погребении находились останки двух человек. Погребение, совершенное в прямоугольном срубе, было ограблено еще в древности.

Работы по выявлению памятников, находящихся под угрозой разрушения в р-нах Алтая с активными процессами водной эрозии, необходимо продолжить.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции // Труды ГИМ. Вып. XVI. М. С. 75–117.

Могильников В. А., Елин В. Н., 1983. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 90–108.

Могильников В. А., Куйбышев А. В., Суразаков А. С., 1978. Раскопки в Кызыл-Джаре // АО 1977 г. М.: Наука. С. 261–262.

Г. С. Телеков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОНГУДАЙСКОГО И ТУРОЧАКСКОГО РАЙОНОВ

Ключевые слова: курганный могильник, пазырыкская культура, ранний железный век

Экспедицией Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай проведены археологические разведки на территории Онгудайского и Турочакского р-нов республики. В ходе работ обследован участок юж. и ЮЗ окрестностей населенного пункта Хабаровка Хабаровского сельского поселения Онгудайского р-на, а также окрестности населенных пунктов Старый Кебезень (вост. сторона, местность Адыман) и Тондошка (вост. сторона) Турочакского р-на. На территории последнего археологические объекты не выявлены.

На территории Хабаровского сельского поселения Онгудайского р-на Республики Алтай выявлено два памятника археологии.

Могильник Чочколу находится в ур. Чочколу на ЮЗ окраине населенного пункта Хабаровка на второй надпойменной террасе левого берега р. Малый Ильгумень. Могильник расположен на небольшом пригорке с незначительным углом наклона. Земельный участок ранее распашке не подвергался. Могильник состоит из двух сильно задернованных «цепочек» курганов, поросших травой разного вида, всего обнаружено 9 курганов. Визуальный осмотр показал наличие по периметру и на поверхности дикого рваного камня. Предположительно, выявленные объекты относятся к скифскому времени (пазырыкская культура Горного Алтая).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.435-436

Первая «цепочка» курганов вытянута по линии С–Ю и состоит из четырех визуально однотипных насыпей. Курганы расположены на расстоянии от 0 до 4,1 м друг от друга. По периметру всех четырех объектов прослеживаются камни средних размеров, образующие крипиду, также насыпи камней обнаружены на поверхности курганов. Насыпь кургана 1 полусферичесая, курганов 2–4 – округлая, признаки западины наблюдаются только у объекта 2. Высота курганов от дневной поверхности 0,1–0,2 м, диаметр округлой в плане насыпи 6,8–9,3 м.

Вторая «цепочка» насыпей расположена в 96 м к СЗ от первой и насчитывает 5 объектов (5–9). У всех пяти объектов обнаружены по периметру камни средних размеров, образующих крепиду, и камни на поверхности. Насыпи округлые (5, 7–9) и полусферические (6), визуально признаки западины наблюдаются лишь у объекта 7. Диаметр округлых в плане насыпей 3,4–10,8 м. Исходя из размеров, можно говорить о доминирующем положении кургана 7 (10,8 м).

Могильник Кара-Дьарык находится в ур. Кара-Дьарык к Ю от населенного пункта Хабаровка на надпойменной террасе левого берега р. Малый Ильгумень, расположен на небольшом пригорке, участок ранее распашке не подвергался. Могильник состоит из пяти визуально однотипных насыпей, вытянутых в цепочку. Объекты сильно задернованы. Визуальный осмотр показал наличие по периметру небольшого количества камней, образующих крепиду, а также камни и на поверхности курганов. Насыпи объектов округлые (1, 3, 5) и полусферические (2,4), признаки западины наблюдаются только у кургана 5. Диаметр округлых в плане насыпей 2,9–6,15 м, высота от дневной поверхности 0,18–0,32 м. Курганы вытянуты по линии С–Ю и предположительно относятся к скифскому времени (пазырыкская культура Горного Алтая).

РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ[1]

А. В. Барков, М. Н. Мещерин

СТОЯНКА САБАНИХА БОГРАДСКОГО РАЙОНА

Ключевые слова: палеолит, пластинчатое расщепление, галечные орудия, отщеп

После заполнения ложа Красноярского водохранилища оказались затоплены и уничтожены археологические памятники на низких и средних террасах р. Енисей. Палеолитические памятники, расположенные на высоких террасах Енисея, такие как стоянка Сабаниха, в настоящее время находятся под угрозой уничтожения вследствие береговой

[1] См. также статью Е. А. Миклашевич на с. 403.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.436-438

абразии, что делает необходимым систематический мониторинг их сохранности.

Памятник располагается в Боградском р-не Республики Хакасия на левом берегу Красноярского водохранилища к В от села Первомайское. Географически памятник находится на ЮВ Чулымо-Енисейской котловины в отрогах Батеневского кряжа, расположен на относительно ровной площадке со слабым уклоном к реке в верховых участках предгорного делювиального шлейфа, разрушаемого волно-прибойной деятельностью и затопленного водохранилищем в низовых частях.

Стоянка Сабаниха была открыта Н. Ф. Лисицыным в 1986 г. и исследовалась им в 1989–1991 гг. На основании геолого-геоморфологических наблюдений, естественно-научных данных памятник относится исследователем к рубежу каргинского межледниковья и сартанского оледенения и датируется в промежутке 23–25 тыс. л. н. В ходе полевых работ Н. Ф. Лисицыным была получена коллекция каменных артефактов, демонстрирующая полный цикл утилизации; орудия из кости и рога (тесла, иглы, остроконечники); бусина с просверленным отверстием и заготовка аналогичной бусины; фаунистические остатки. Технология первичного расщепления памятника характеризуется получением пластинчатых заготовок преимущественно с монофронтальных одно- и двухплощадочных, реже с двухплощадочных продольно-поперечных и крупных торцовых нуклеусов. Орудийный набор характеризует наличие ряда специфических форм, таких как: концевые скребки с ретушированными боковыми краями, стаместковидные орудия на пластинах, комбинированные орудия (скребок-остроконечник), галечные песты с пикетажной обработкой [*Лисицын*, 2000, с. 23–27].

Учитывая длительный перерыв в полевых исследованиях и имеющийся риск окончательного разрушения памятника, в 2016 г. были проведены полевые работы для уточнения современного состояния памятника.

В ходе работ осмотрены обнажения береговой отмели шириной от 5 до 20 м и эрозионного уступа высотой 5–8 м. Зафиксированный на пляжной отмели подъемный материал локализуется тремя пунктами (1–3), приуроченными в двух случаях к устьям оврагов (1, 2) и в одном случае (3) – к небольшому мысу. Важно отметить, что Н. Ф. Лисицыным археологический материал фиксировался только на участке берега, соответствующем пункту 1 в нашей нумерации.

Полученная коллекция насчитывает 119 артефактов и представлена преимущественно отщепами и чешуйками, осколками, пластинами, нуклевидными обломками. Нуклеусы представлены монофронтальными двухплощадочными вариантами с негативами пластинчатых снятий (3 экз.). Орудийный набор представлен двумя группами орудий: орудиями из целых галек и орудиями, изготовленными на пластинах. Галечные орудия представлены орудиями с одно- (1) или двусторонне (2) оформленным рубящим рабочим краем, стругом (1), отбойниками (2) и ретушером (1). Орудия на пластинах представлены концевыми скребками

с ретушированными боковыми гранями (3), зубчато-выемчатым орудием на пластине (1), пластиной с усеченным концом (1), ретушированными пластинами (3). Технико-типологические характеристики полученной в 2016 г. коллекции соответствуют результатам исследований Н. Ф. Лисицына.

Визуальный осмотр памятника позволяет констатировать продолжение береговой абразии, эродирующей плавнопологий склон, с которым, очевидно, была связана стоянка. Максимальная зафиксированная высота эрозионного уступа составляет ок. 10 м. По данными Н. Ф. Лисицына 1989 г., его высота составляла 7,5 м. Осмотр фронтальной бровки и пляжа показал наличие разновременных блоков отседания, которые перманентно формируются в результате процессов, вызванных как волно-прибойной деятельностью, так и ежегодными циклами подъема-падения уровня водохранилища. Сравнение полученных нами GPS-координат верхней бровки фронтального уступа и данных дистанционного зондирования показывает, что за 2003–2016 гг. береговой уступ на территории памятника отступил за счет обрушений на расстояния от 4 до 16 м.

Полученный на стоянке Сабаниха массив позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, был подтвержден факт сохранности памятника после 25-летнего перерыва в исследованиях. Во-вторых, полевые работы 2016 г. значительно расширили границы памятника. В-третьих, имеющиеся данные позволяют констатировать продолжение процесса береговой абразии. Это коррелируется с данными по другим памятникам Красноярского водохранилища [*Акимова*, 2011; *Харевич и др.*, 2014] и данными дистанционного зондирования на основе снимков космических аппаратов Landsat [*Мокринец*, 2013].

Акимова Е. В., 2011. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: история, филология. Т. 10. Вып. 7. С. 111–118.

Лисицын Н. Ф., 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение. 241 с.

Мокринец К. С., 2013. Определение отступания склонов береговой линии Красноярского водохранилища (Северо-Минусинская впадина) на основе данных дистанционного зондирования за период 1989–2012 гг. // Геоморфология и картография: материалы XXXIII Пленума Геоморфологической комиссии РАН. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. С. 323–326.

Харевич В. М., Акимова Е. В., Орешников И. А., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Гурулев Д. А., Кукса Е. Н., 2014. Разведочные работы на севере зоны Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 91–94.

РЕСПУБЛИКА ТЫВА

М. Е. Килуновская, В. А. Семенов

ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Ключевые слова: грунтовый могильник, хунну, дромос, срубы, позднескифское время, уюкско-саглынская культура, петроглифы, херексуры, оленные камни

Тувинская АЭ ИИМК РАН провела исследования в разных районах Республики Тыва и в Монголии в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований гос. академий наук (или ФНИ ГАН) по теме гос. работы: № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.)».

Работы начались в мае в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, где в это время уровень воды был очень низким и открылись большие пространства по берегам Енисея, на которых обнаружены многочисленные археологические памятники. В исследованиях активное участие принимал П. М. Леус. Самым интересным является могильник Ала-Тей 1, где раскопано 30 погребений хунну (I в. до н. э.) [*Килуновская, Леус*, 2017, с. 72–75]. Погребения совершены в грунтовых могилах в каменных ящиках или деревянных гробах, которые сохранились в виде тлена. Все могилы не потревожены грабителями. В них похоронены мужчины, женщины и дети. В головах стояли керамические сосуды, а на поясе, который является самым главным атрибутом в костюме кочевников, обнаружены уникальные произведения искусства – бронзовые пряжки, декорированные изображениями животных (рис. 64), геометрическими и растительными орнаментами, а также китайские монеты, зеркала, бронзовые модели раковин каури и многое другое, а также большая коллекция керамики. Интересна пряжка из каменного угля размерами 20×11 см, украшенная вставками из бирюзы, нефрита, сердолика и перламутра. Этот памятник – очень важное открытие, говорящее о том, что в начале эпохи великого переселения народов на территории Тувы появляется группа пришлого населения (по-видимому, из Северного Китая). С этого момента начинается формирование тюркского этноса.

Раскопки проводились в долине р. Ээрбек в Центральной Туве. В них участвовали студенты Тувинского ГУ, которыми руководили научные сотрудники ТАЭ ИИМК РАН Н. А. Лазаревская, О. В. Андреева, Е. Л. Кириллов и А. В. Семенов. На могильниках Саускен 1 и 2 раскопали девять погребений, которые оставлены одним из скифо-сакских племен в III–II вв. до н. э. Эти захоронения также без наземных каменных сооружений – курганов. Они на поверхности видны только по небольшим еле видным углублениям почвы и более темной растительности. В ямах глубиной ок. 2 м

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.439-441

Рис. 64. Могильник Ала-Тей 1. Бронзовая поясная пряжка из объекта 23

стояли деревянные срубы, в которых были совершены коллективные захоронения – от 7 до 20 человек. На могильнике Саускен 1 в срубы вели обложенные камнями дромосы-входы. Найдено также много очень красивой, богато декорированной керамики, бронзовое оружие, изделия из кости и железа, немного золотых украшений. Интересно, что в погребальном инвентаре присутствуют вещи хунну, которые свидетельствуют о связях населения с Империей хунну. То есть их появление на берегах Енисея, которое мы видели на могильнике Ала-Тей 1, было подготовлено ранее.

В долине Ээрбека раскопано еще одно захоронение в срубе на могильнике Саускен 5, но оно оставлено носителями уюкско-саглынской культуры в V–IV вв. до н. э. и поэтому отличается по обряду и инвентарю. Наземного сооружения практически не было – несколько камней лежало на валике выброса из могилы, глубина которой достигла 3,5 м.

В ней находился пятивенцовый сруб, в котором погребено 5 человек, при которых не было керамики, но был обнаружен полный комплект вооружения – бронзовые акинак, кинжал с ножом в ножнах, чекан и колчан со стрелами.

Были проведены работы на территориях юга Тувы, пограничных с Монголией в Убсу-Нурской котловине. Здесь обследованы уникальные памятники наскального искусства Овюр XII–XVIII вв., Кара-Туруг 1, 2, где обнаружено несколько сотен новых рисунков, воспроизводящих сцены шествия зверей, охоты, сражений, колесницы, дома, фигуры козлов, оленей, хищников разных исторических эпох [*Килуновская, Чадамба*, 2017, с. 459–460]. У подножия местонахождения Кара-Туруг обнаружен могильник – Кара-Туруг 2, центром которого являются два херексура (кургана, по конструкции напоминающих колесо со спицами). Около херексуров найдены ритуальные выкладки, колечки, оленные камни, а самое главное – большой каменный ящик (объект 5), в котором были похоронены кости благородного оленя и быка, а также половина керамического горшка, украшенного гребенчатым штампом. Это погребение эпохи бронзы – II тыс. до н. э. По дороге на п. Саглы был обнаружен еще такой же погребальный комплекс с несколькими херексурами (диаметр одного превышает 90 м), вокруг которых зафиксировано несколько ритуальных выкладок с вертикально стоящими менгирами – оленными камнями, на которых изображено оружие раннескифского облика. Это могильник Ховужук-Аксы. На одном камне изображена рука, которая держит чекан (боевой топор) и на поводу коня, здесь выбиты лук в горите, кинжал-акинак, а на лицевой стороне – схематичная фигура человека, которая, по-видимому, воспроизводит того героя, подвигам которого посвящена эта меморативная стела.

Также были обследованы территории **Монголии**, граничащие с Тувой. Археологические разведки проводились совместно с Институтом археологии Монголии. Нашли несколько интересных памятников – наскальные рисунки, херексуры, каменные изваяния, курганы. По ущелью Монгон-Цахир с древности проходила тропа, соединяющая Туву и Монголию, по ней проезжал сам Амур-Сана, герой народного сопротивления в XVII в. На скалах вдоль тропы в эпоху средневековья выбиты загадочные знаки – тамги, расшифровать которые еще предстоит. Несколько сотен петроглифов зафиксировано у пограничного пункта Боршоо. Много уникальных рисунков, например, верблюдов, летящих оленей и других. Все исследования планировалось продолжить на следующий год.

Килуновская М. Е., Леус П. М., 2017. Могильник Ала-Тей и памятники Хунну в Туве // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. СПб. С. 72–75.

Килуновская М. Е., Чадамба Л. Д., 2017. Памятники наскального искусства на границе России и Монголии (Убсунурская котловина) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул. С. 459–460.

И. В. Рукавишникова, Д. В. Рукавишников

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА АРЖАН 5 В ПИЙ-ХЕМСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: хунну, звериный стиль, каменная насыпь, конская упряжь, радиоуглеродный анализ, IX–VIII вв. до н. э.

Тувинская АЭ ИА РАН провела раскопки погребально-поминального комплекса Аржан 5 в Пий-Хемском р-не Республики Тыва.

В 2014–2016 гг. были предприняты раскопки комплекса Аржан 5, насыпь которого была сильно разрушена строительной техникой в кон. XX в. В результате работ было выявлено крепидное сооружение, состоящее из горизонтальной и вертикальной стены диаметром 48 м. Вокруг центрального сооружения кургана были прослежены несколько уровней сгнивших деревянных плах, что позволило реконструировать деревянные клети из лиственницы, радиально расположенные по кругу, аналогичные деревянным конструкциям кургана Аржан. Найдены фрагменты керамических сосудов, бронзовые и костяные предметы узды с архаическим изображением в зверином стиле – свернувшейся пантеры, – близкие комплексам из Аржана. В процессе исследовательских работ была вскрыта за все время исследования ⅕ площади кургана Аржан 5, обследовано околокурганное пространство. В центральной части было найдено и исследовано погребение, относящееся к эпохе хунну.

Аржан 5, расположенный на курганном поле Аржан, имел разрушенную в XX в. каменную насыпь. Тем не менее нижний слой камней сохранился *in situ*. Исследования памятника начались с разведок 2012–2013 гг. [Р*укавишникова и др.*, 2015]. Раскопки начаты с 2014 г. в юж. секторах, благодаря чему удалось установить принадлежность памятника кругу Аржана. В 2015 г. раскопки были продолжены к З и В от предыдущего раскопа и на месте центрального сооружения, где находилась грабительская воронка. В результате вскрыты новые фрагменты крепидной стены, а также деревянных клетей внутри комплекса, исследовано центральное сооружение кургана. Найдены фрагменты керамических сосудов, бронзовые предметы узды.

Как и было выявлено ранее, это каменное сооружение представляло собой каменную насыпь, округлую в плане. Площадка под объект была разровнена и расчищена. Курган был возведен на подушке из суглинка, сперва обнесен стеной-крепидой, состоящей из кладки горизонтальных плит разного размера в разных секторах. Максимальный диаметр этой конструкции достигал 48 м. Внутри стены под насыпью зафиксированы деревянные клети, расположенные по кругу от центра. Остатки сгнившего дерева взяты на анализ породы и для радиоуглеродного датирования, результатом которого стали калиброванные даты в интервале IX–VIII вв. до н. э. [*Рукавишникова*, 2015, с. 93]. Насыпь была сооружена из крупных рваных камней. Крепидную стену припирали несколько рядов вертикальных плит с забутовкой из небольших камней между ними.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.442-444

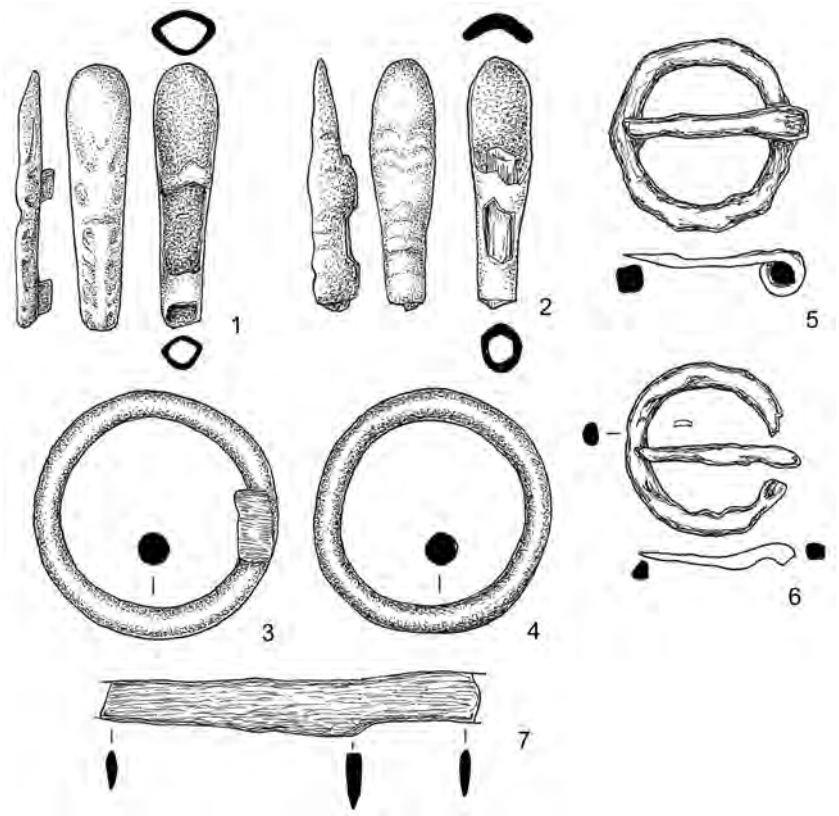

Рис. 65. Комплекс впускного погребения 2: *1, 2* – ременные наконечники; *3–6* – пряжки; *7* – нож. *1–4* – бронза, *5–7* – железо

В центре было сооружено основное погребение на сложном фундаменте из глиняных валиков, укрепленных деревянными плахами и слоем ила, покрытого галькой, в деревянной двукамерной конструкции. Оно было обложено каменными плитами и, возможно, перекрыто каменной насыпью. Уровень погребения соответствовал уровню дневной поверхности, на которой был возведен курган. В малой камере, расположенной в юж. части, найдены останки трех индивидуумов. Остатки нескольких лошадей были зафиксированы, в основном, в большей камере. Впоследствии весь этот комплекс был, возможно неоднократно, ограблен, в результате чего образовалась большая (до 10 м в диаметре) аморфная воронка, затекшая слоями материкового выкида и образованным гумусом. Грабители выкопали в центре неглубокую яму, практически полностью разрушив большую камеру. Но по краям камеры остались части пола с истлевшим деревом, где были разбросаны кости лошадей, среди которых найдены элементы узды, оставленные грабителями.

Предметы узды, сохранившиеся после ограбления среди костей лошадей, уникальны. Найдены подвеска из клыка кабана, две бронзовые подпружные пряжки, бронзовая пронизь в виде кольца, бронзовая пронизь в виде кольца со щитком и жемчужным орнаментом и округлая уздечная бляха в виде свернувшейся пантеры. Это изображение, выполненное в самом архаичном зверином стиле, практически аналогично изображению на большой бляхе из кургана Аржан.

Таким образом, результатами исследований сезона 2016 г. стали данные по реконструкции сооружений трех центральных погребений, деревянных клетей и крепидной конструкции ЮЗ сектора. Получена коллекция предметов горизонта Аржан, исследовано впускное непотревоженное погребение 2 хуннского времени (рис. 65). Получены данные для анализа по ^{14}C, отобраны пробы на палеопыльцу. Выполнен анализ бронз найденного инвентаря.

В результате вышеизложенных сравнений можно сделать вывод, что памятник Аржан 5 принадлежит к кругу Аржана, планиграфически формирует с ним единую цепочку курганов и связан с ним общей историей. Образы на предметах Аржана 5 и Аржана относятся к одному кругу предметов звериного стиля, как сами бронзовые изделия к одной литейной традиции.

Новые данные о нахождении комплексов, подобных Аржану, очень важны для разрешения одной из загадок уникального единства евразийских кочевых племен скифского времени, так как все предметы и изображения комплекса относятся к самым ранним в материальной культуре и искусстве скифо-сибирского мира, а архитектура не имеет аналогов.

Рукавишникова И. В., Рукавишников Д. В., Морозов П. А., 2015. Применение низковысотной аэрофотосъемки и геофизических методов при исследовании каменных курганов скифского времени в Турано-Уюкской котловине (Тува) // Археология и геоинформатика. Вторая Международная конференция. Тезисы докладов. М.: ИА РАН. С. 30.

Рукавишникова И. В., 2015. Исследования разрушенного кургана Аржан-5 – памятника начала эпохи ранних кочевников в Туве (архитектура, результаты применения естественно-научных методов, перспективы дальнейших работ) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий. Материалы тематической конференции. СПб.: Скифия-принт. С. 92–94.

К. В. Чугунов

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАСКОПОК ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЧИНГЕ-ТЭЙ I

Ключевые слова: курган, каменная конструкция, воинские захоронения, звериный стиль, алды-бельская культура

Южно-Сибирская экспедиция ГЭ проводит археологические исследования погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I около д. Чкаловка в Пий-Хемском р-не Республики Тыва с 2008 г. Памятник расположен на зап. окраине Чингетэйского могильного поля в так называемой

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.444-446

долине царей Тувы, локализуемой под юж. склонами Куртушибинского хребта по левобережью среднего течения р. Уюк. Этот мемориал не уступает по сложности планировки погребально-поминальному комплексу Аржан 2, исследованному российско-германской экспедицией в вост. части долины [*Чугунов*, 2011а]. Выработанная тогда методика раскопок элитных памятников с каменными конструкциями применяется и в этих многолетних исследованиях. Однако она была скорректирована в сторону более жесткой системы реперов на площади памятника и вокруг него, поскольку Чинге-Тэй I имеет с Аржаном 2 не только много общих признаков, но и отличен от него по ряду существенных особенностей. Разбивка всего комплекса на сектора по 22,5° с базовой точкой «А» в топографическом центре кургана делит памятник на 16 равных частей. Она дополнена квадратами со стороной 50 м, которые дополнительно связывают все зоны периферийных объектов и могут быть продолжены в любую сторону от кургана на любое расстояние для фиксации отдаленных объектов.

Диаметр кургана, расположенного в центре комплекса, составляет по ограде из вертикально установленных плит ок. 70 м, высота на наиболее сохранившихся участках 2,20–2,30 м. Диаметр кольцевого рва, окружающего курган на расстоянии ок. 15 м, составляет 106 м по внешней его границе. Большой интерес представляет периферия погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I. С З–СЗ в 30–50 м от рва зафиксировано ок. 60 кольцевых оград, расположенных дугой в два ряда. Вероятно, какая-то часть их разрушена при устройстве более позднего могильника в ЮЗ части комплекса и еще позднее – при строительстве оросительного канала. С противоположной стороны, к ВЮВ ото рва, на расстоянии 20–30 м прослеживается дуга из сооружений другого типа, сплошь состоящих из камней. Они также повреждены и разрушены в юж. части дуги и рядом с каналом. К ВСВ от кургана, между дугой и рвом, на поверхности степи заметны следы от двух рядов полностью разобранных кольцевых оград. Точно к С, в 40 м от рва, на поверхности степи отчетливо фиксируется заплывшая западина серповидной в плане формы, выгнутая в сторону кургана и ориентированная на еще одну депрессию округлой формы, получившей, по аналогии с такой же исследованной около Аржана 2, наименование «Северный комплекс». На СЗ от кургана, в 55 м от рва, в степи лежит большой камень, который, возможно, также имеет отношение к комплексу.

В процессе исследований 2008–2016 гг. снят подробный план сложного комплекса, проведены раскопки северного комплекса и отдельных ритуальных конструкций разных типов на его периферии, изучены участки рва. На самом кургане раскопки проводились преимущественно по его краю под склоном наземного сооружения. В процессе этих работ выявлена фасадная кладка обводной стены, изучена конструкция кромлеха, зафиксированы архитектурные приемы с использованием озерного ила, при помощи пластов которого был сооружен его склон. Несмотря на то что раскопки Чинге-Тэя I далеки от завершения, уже на этом этапе исследований можно утверждать, что, так же как и в Аржане 2, здесь фиксируется определенная последовательность возведения конструкций,

свидетельствующая о некоторой протяженности во времени его существования в качестве действующего мемориала [*Чугунов*, 2011б].

На это же указывают семь погребений с богатым воинским инвентарем, обнаруженные под слоями ила в пространстве между кромлехом и обводной стеной. Эти могилы совершались не одномоментно, как свидетельствует стратиграфия залегания выкидов. Все погребенные мужчины сопровождались оружием, в основном луком и стрелами, но найдены также бронзовые чеканы и железный кинжал. Многие имели парадные пояса с обоймами и портупейными пряжками, выполненными в зверином стиле. Найдены серьги, бусы и другие украшения, как аналогичные обнаруженным в Аржане 2, так и отличные от них. В некоторых могилах, благодаря конструкции из хорошо подогнанных плит и многослойному каменному перекрытию, сохранились изделия из органических материалов – деревянные ковши с зооморфными рукоятями, кожаные фрагменты поясов и колчанов с налучьями, на которых прослеживается резьба и красочные узоры. В одном захоронении найден пояс с полностью сохранившимся кожаным ремнем, что позволило установить конструкцию многих аналогичных атрибутов, сохранившихся лишь частично [*Чугунов*, 2016].

В заполнении рва и между вертикальных плит кромлеха обнаружено два ритуальных «клада», состоящих из предметов конского снаряжения, оружия и парадной амуниции. При раскопках найдены две целые стелы и фрагменты еще двух оленных камней [*Чугунов*, 2014], один из которых обнаружен в отчетном году.

Анализ всех этих материалов позволяет отнести Чинге-Тэй I к алдыбельской культуре раннескифского времени Тувы. Хронология открытых комплексов устанавливается на основании особенностей конского снаряжения и наборов наконечников стрел. Вероятно, могилы были совершены в самом нач. VI в. до н. э. или в кон. предыдущего столетия. Следовательно, можно предположить, что в Чинге-Тэе I погребен вождь кочевников Тувы, следующий по времени после «царя», захоронение которого открыто в Аржане 2. Так ли это, покажут дальнейшие исследования, однако выявленные отличия в конструктивных деталях и примененных строительных приемах двух погребально-поминальных комплексов свидетельствуют о притоке на эту территорию некоторых инноваций. Не исключено, что они связаны с миграционным импульсом, истоки которого надо искать в регионах, более западных по отношению к Туве.

Чугунов К. В., 2011а. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. Вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 262–335.

Чугунов К. В., 2011б. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica»: М-лы междунар. симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 358–369.

Чугунов К. В., 2014. Оленные камни Чинге-Тэя (предварительное сообщение) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 136–140.

Чугунов К. В., 2016. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ

С. А. Песков

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ В ИРКУТСКОМ, БАЯНДАЕВСКОМ, КАЧУГСКОМ И ЖИГАЛОВСКОМ РАЙОНАХ

Ключевые слова: стоянка, мезолит, неолит, бронзовый век, ранний железный век

АЭ Областного гос. автономного учреждения «Центр по сохранению ИКН» и ООО «Альтамира плюс» проведены исследования на территориях Иркутского, Качугского, Жигаловского и Баяндаевского р-нов Иркутской обл.

Иркутский р-н. В долине р. Ангары (Иркутское водохранилище) выявлена стоянка Петелиха 1, расположенная на правом берегу Иркутского водохранилища, на левом устьевом мысу р. Петелиха 2-я, в п. Большая Речка. Культурный слой зафиксирован в шурфе 1 (6 кв. м) в отложениях темно-серого суглинка с обильным включением окатанных галек на глубине 14–15 см. Найдена заготовка двуплощадочного монофронтального нуклеуса, выполненного на крупной гальке окремнелой породы. Слой датирован мезолитом (8–12 тыс. л. н.). Стоянка является одним из немногих объектов с ненарушенным культурным слоем на побережье Иркутского водохранилища.

Баяндаевский р-н. В долине р. Мурин (левосторонний приток р. Куды) зафиксирована стоянка Тамара 1, расположенная к ЮВ от с. Хадай на мысовидной поверхности ручья Шабартуй и р. Тамара. Заложено 5 шурфов (22 кв. м). В шурфах 1–3 зафиксированы культурные отложения. Объект двухслойный. Первый приурочен к отложениям гумусированной поддерновой супеси на глубине 5–15 см. Находки представлены большим количеством фаунистического материала и фрагментами керамики. Слой датирован средневековьем: 2-я пол. I – нач. II тыс. н. э. Второй зафиксирован в отложениях гумусированной супеси на глубине 15–25 см. Артефакты представлены одноплощадочным монофронтальным кремневым нуклеусом для снятия пластин, трехгранной пластиной, краевым сколом и фрагментом венчика сосуда с оттисками «сетки-плетенки». Слой датирован поздними неолитом – бронзовым веком (5–3 тыс. л. н.). Стоянка является первым стратифицированным объектом периода неолита – бронзового века в долине р. Мурин.

Качугский р-н. В долине р. Малой Анги уточнялись границы и предмет охраны ОАН стоянки «Очауль», расположенной к СВ от д. Большой Улун на сев. берегу оз. Очауль. Заложено 6 шурфов (22 кв. м). В шурфах 1, 2 зафиксированы культурные отложения. Выделено 3 культурных слоя: слой 1 фиксируется под техногенным в гумусированном суглинке на глубине 40–50 см. Найдено 48 артефактов: фрагменты керамических

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.447-449

сосудов, наконечник стрелы, пластины и их фрагменты, отщепы, фаунистические остатки. Слой датирован поздним бронзовым веком (2 тыс. л. н.). Слой 2 фиксируется в средней части гумусированного суглинка на глубине 55–65 см. Найдено 83 артефакта: 4 фрагмента сосудов, тесловидное орудие из рога лося, фрагмент жала гарпуна из кости, пластины и их фрагменты, отщепы. Фауна представлена костями косули, лося, северного оленя. Слой датирован развитым бронзовым веком (3 тыс. л. н.). Слой 3 фиксируется в нижней части гумусированного суглинка на глубине 65–75 см. Зафиксировано 64 артефакта: 3 фрагмента сосудов, нож на крупном пластинчатом сколе мелкозернистого кварцита, фрагмент наконечника стрелы, пластины и их фрагменты, отщепы, сколы. Фауна представлена костями косули и лося. Слой датирован поздним неолитом – бронзовым веком (4–3 тыс. л. н.). В границах стоянки Очауль подтверждено наличие культуросодержащих отложений, уточнены датировка и границы.

Жигаловский р-н. Выявлено 3 объекта: Усть-Тюмен, стоянка 2, и Воробьёво-Кундуй, стоянки 1, 2.

Усть-Тюмен 2 находится к ЮВ от д. Воробьёво, на правом берегу р. Лены, на левом устьевом мысу ручья Тюмен. Заложен шурф-врезка 1 (4 кв. м, культурные слои не зафиксированы) и раскоп (16 кв. м), в котором выделено 2 культурных слоя: слой 1 фиксируется под техногенным в кровле и средней части гумусированного суглинка на глубине 20–30 см. Зафиксированы остатки сооружения (возможно, жилища), выполненного из плит песчаника. Найдено 24 артефакта: скребок, фрагмент орудия из камня, керамика. Фауна представлена фрагментами костей лошади, коровы, косули, кабарги; слой 2 фиксируется в средней части и подошве гумусированного суглинка на глубине 40–80 см. Зафиксированы остатки сооружения (жилища), выполненного из плит песчаника. Зафиксирован 141 артефакт: ножевидное изделие на крупном отщепе кремня, вкладышевое лезвие на пластинчатом сколе кремня; пять отщепов мелкозернистого кварцита, 95 отщепов и пластинчатых сколов кремня, 29 пластин кремня. Фрагментов керамики не зафиксировано. Фауна представлена фрагментами костей косули и единично костями марала. Стоянка перспективна для изучения, является опорным археологическим комплексом мезолита, бронзового века Верхней Лены.

Воробьёво-Кундуй 1 находится на левом берегу р. Лены, на правом устьевом мысу ручья Кундуй, к З от д. Воробьёво. Выполнен шурф (4 кв. м). Определено 2 культурных слоя: слой 1 фиксируется в гумусированном суглинке на глубине 10–20 см. Зафиксировано 239 артефактов: 8–10 фрагментов сосудов, наконечник стрелы/дротика из кремня, пластинка, отщепы. Слой датирован железным веком (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.); культурный слой 2 фиксируется в гумусированном суглинке на глубине 20–40 см. Зафиксировано 107 артефактов: фрагменты гладкостенных и с оттисками «сетки-плетенки» сосудов (8–10 экз.), заготовка клиновидного нуклеуса, пластинка, отщепы и сколы. Слой датирован бронзовым веком (4–3 тыс. л. н.). Стоянка перспективна для изучения, определена как опорный «стратотип» периода бронзового и железного веков на Верхней Лене.

Воробьёво-Кундуй 2 находится на левом берегу р. Лены в глубине левой предустьевой части мыса ручья Кундуй к З от д. Воробьёво. В шурфе (4 кв. м) выявлен культурный слой в отложениях гумусированного суглинка на глубине 10–30 см. Зафиксировано 36 артефактов: фрагменты сосудов (большая часть от одного сосуда), фрагменты тонко- и толстостенной гладкостенной керамики, фрагменты с оттисками «сетки-плетенки», отщепы и сколы. Слой датирован поздним неолитом – ранним бронзовым веком (5–2 тыс. л. н.). Стоянка перспективна для изучения материальной культуры населения Верхнеленского региона в период неолита – бронзового века.

Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов,
С. П. Дударёк

РАБОТЫ ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Ключевые слова: неолит, бронзовый век, ранний железный век, средневековье, керамика

Отряд Иркутского ГУ проводил разведку на территории земельного участка для строительства причала «Вивея» в Усть-Илимском р-не Иркутской обл. с целью уточнения сохранности и историко-культурной ценности объекта археологического наследия Ромашка.

Объект Ромашка был открыт в 2014 г. в результате работ по переносу одноименной лодочной станции. В ходе экскаваторных работ было обнаружено погребение, предварительно датированное эпохой бронзы. В 2015 г. Усть-Илимским отрядом ИГУ проводились раскопочные рекогносцировочные работы с целью поиска новых погребений и определения границ объекта. В результате был зафиксирован в двух уровнях стояночный комплекс, датированный по стратиграфическим данным и анализу археологического материала широким хронологическим диапазоном – неолит, бронзовый век, железный век, средневековье. Погребений зафиксировано не было [*Дударёк и др.*, 2015].

Территория земельного участка для строительства причала «Вивея» располагается на 12–16-метровом террасовидном уступе правого берега р. Ангары (Богучанское водохранилище) с абсолютными высотными отметками 212–216 м, на СВ от устья ручья Ромашка (юж. граница) и на ЮВ от ручья Катымов (сев. граница).

Работы проводились на объекте Ромашка и примыкающей с С территории 165×40 м. Здесь заложены 5 рекогносцировочных шурфов, в которых зафиксирован археологический материал. Данный участок получил наименование объекта археологического наследия Вивея (по одноименному причалу). Были определены предварительные границы объекта. На территории объекта Ромашка заложены 3 шурфа вдоль вост. границы

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.449-451

объекта, тем самым позволив ее подкорректировать. Общая площадь раскопочных работ на обоих участках составила 32 кв. м.

В результате вскрыты голоценовые – финальноплейстоценовые отложения, в которых отмечены 2 уровня залегания. Первый культуросодержащий горизонт располагается в дерновой подложке, иногда в самом дерне, археологический материал которого хронологически можно отнести к широкому временному интервалу от раннего железного века до эпохи средневековья. По геологическим данным он датируется субатлантическим периодом голоцена (2,7–0,8 тыс. л. н.). Второй культуросодержащий горизонт приурочен к пачке темно-серой гумусированной супеси, в которой в компрессионном состоянии располагаются археологические материалы неолита – бронзового века. По данным геологии его можно датировать атлантическим – суббореальным периодами голоцена (8–2,7 тыс. л. н.). В ряде шурфов можно выделить атлантический термический максимум (6–5 тыс. л. н.) по более темной гумусированной прослойке.

В первом культуросодержащем горизонте зафиксировано 80 единиц находок. Изделия из глины представлены 32 фрагментами керамических сосудов. Керамику можно разделить на несколько групп: гладкостенные сосуды (22 фрагмента), сосуды с налепными валиками (7), фрагменты керамики с подпрямоугольными наколами (2), также зафиксирован фрагмент налепного керамического «ушка».

Изделия из камня (37) представлены ножом с выпуклым лезвием, заготовкой наконечника стрелы подтреугольной формы, пластинами (9), заготовкой одноплощадочного бифронтального нуклеуса, фрагментами плиток (4) и отходами литопроизводства (22).

Изделия из металла представлены единственным экземпляром ножа и крицей. У клинка обломано острие (носок). Обух клинка вогнутый, лезвие – выпуклое, хвостовик треугольный асимметричный. Профиль симметричный. Размеры: общая длина 14,1 см, длина клинка 10,3 см, длина хвостовика 3,8 см, голомень (max) 1,5 см, ширина обушка 0,4 см.

Фаунистические остатки представлены 9 фрагментами неопределимых костей.

Во втором культуросодержащем горизонте зафиксировано 1276 единиц находок. Изделия из глины представлены 30 фрагментами керамических сосудов. Керамику можно разделить на несколько групп: гладкостенные сосуды (15), сосуды с налепными валиками (4), фрагменты керамики с техническим декором – рубчатая лопатка (11).

Изделия из камня (1195) представлены ножами (4), заготовкой и фрагментом наконечников стрел (4), концевыми скребками (4), отбойниками (2), фрагментом топора/тесла, пластинами (93), коническим нуклеусом и заготовкой, а также отходами литопроизводства (1081).

Фаунистические остатки представлены 50 фрагментами костей животных, из них диагностируется только трубчатая кость *Cervidae gen*.

В толще позднеплейстоценовых отложений зафиксирована только одна находка, которая представлена телом позвонка северного оленя (*Rangifer tarandus*).

Объекты Ромашка и Вивея, вероятно, представляют собой единый комплекс, о чем свидетельствуют данные геологии и предварительные датировки археологического материала.

Дударёк С. П., Лохов Д. Н., Лейбова Н. А., 2015. Новый объект археологического наследия Ромашка в Северном Приангарье // Известия Иркутского ГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 14. С. 49–66.

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ

Н. Н. Николаев, С. С. Миняев

РАБОТЫ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЭРМИТАЖА НА МОГИЛЬНИКЕ ОРГОЙТОН

Ключевые слова: курганный могильник, каменная конструкция, сруб, конская упряжь, хуннское время

Центрально-Азиатской АЭ ГЭ совместно с ИИМК РАН проводились раскопки на могильнике Оргойтон, расположенном к ЮЮЗ от п. Зарубино в Джидинском р-не Республики Бурятия.

Памятник был открыт в кон. XIX в. Ю. Д. Талько-Гринцевичем, который отметил, что «Оргойтоном называется падь, лежащая в горах в 2 км от бурятского улуса Виллы, в 6 км от х. Дюрбенского Цаган-Усунской ст. и в 8 км от слободы Усть-Кяхты. Падь эта тянется террасой с С на Ю, на протяжении почти 2 км, упираясь сев. частью в хребты, покрытые соснами, а южной открываясь склоном к р. Селенге, над поверхностью которой возвышается до 30 м» [*Талько-Гринцевич*, 1999а, с. 79]. Описание ландшафта местности, где расположен могильник, полностью соответствует современному, однако упомянутые в описании х. Дюрбенский и улус Виллы уже давно не существуют.

В течение одного дня Ю. Д. Талько-Гринцевич методом шурфования исследовал 4 кургана и сделал вывод о сходстве погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря Оргойтона с обрядностью и вещевым комплексом Суджинского могильника в Ильмовой пади [*Талько-Гринцевич*, 1999а]. Впоследствии он отнес оба памятника к группе «погребений в лиственничных срубах» и отождествил с захоронениями азиатских гуннов (хунну или сюнну) [*Талько-Гринцевич*, 1999б]. После раскопок Ю. Д. Талько-Гринцевича исследования в пади Оргойтон не проводились.

Работы на памятнике возобновлены в 2009 г. Центрально-Азиатской АЭ ГЭ совместно с ИИМК РАН. В ЮВ части могильника исследован

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.451-453

курган, который, продолжая нумерацию Ю. Д. Талько-Гринцевича, получил № 5. В нем выявлено захоронение в каменном саркофаге, сооруженном из вертикально установленных и горизонтально уложенных плит. Обломок бронзового китайского зеркала, найденный в заполнении могилы, позволил датировать курган 5 не ранее I в. до н. э. [*Николаев*, 2010].

В 2010 г. начато исследование большого «княжеского» кургана 6, расположенного в сев. части могильника. В прошедшем сезоне исследование этого кургана было завершено [*Николаев*, 2010]. На момент начала раскопок задернованный развал его намогильного сооружения имел 16 м в длину и 14 м в ширину. Каменная кладка на месте расположения дромоса была длиной 12 м. Ограда кургана была возведена из горизонтально уложенных плит. По периметру надмогильного сооружения зафиксировано несколько вертикально установленных плит, возможно стел. Размеры могильной ямы совпадали с размерами намогильного сооружения. Длина ее сев. стенки 14,65 м, южной 12,9 м. Дромос оказался короче каменной кладки, которая обозначала место его расположения на дневной поверхности – 10 м. Длина могилы и дромоса по линии С–Ю составляет 26 м.

В заполнении могильной ямы обнаружены остатки одной продольной (направление С–Ю) и двух поперечных (направление З–В) перегородок. Сверху вниз, по периметру могилы, зафиксировано четыре уступа (ступени). На глубине 6,68 м у СЗ угла могилы выявлено большое скопление костей крупного и мелкого рогатого скота.

Погребальное сооружение представляло деревянную конструкцию, состоящую из внешнего сруба, собранного из 7 венцов, в который был установлен сруб меньших размеров в 5 венцов. Внутри внутреннего сруба находился деревянный гроб. На плахах перекрытия погребальной камеры с зап., сев. и вост. стороны отмечено не менее пяти черепов крупного рогатого скота. В центре, на глубине ок. 9,5 м, на перекрытии погребального сооружения зафиксированы остатки китайской колесницы (деревянные колеса, покрытые черным лаком, и железные втулки).

Курган очень сильно пострадал от грабителей. Большинство находок зафиксировано в переотложенном состоянии. В СЗ углу сев. коридора погребальной конструкции *in situ* сохранился развал большого керамического сосуда. В зап. и вост. коридорах на стенах погребальной камеры и сруба сохранились фрагменты драпировки из шерстяной ткани и шелка. В зап. коридоре находок не зафиксировано. В вост. коридоре выявлено два крупных скопления железных удил и псалий, а также фрагменты железной накладки на луку седла (?). Во время исследования остатков гроба зафиксированы четырехлепестковые розетки и пересекающиеся полоски из тонкого листового золота – традиционный декор гробов хуннской знати. Глубина могилы от уровня дневной поверхности составила 10,27 м [*Nikolaev, Miniaev*, 2016].

Курган 6 могильника Оргойтон по размерам и погребальной конструкции сопоставим с курганом 24 могильника Ноин-Ула, который был исследован С. А. Теплоуховым в 1924 г. [*Теплоухов*, 1925] Вместе с тем это первый курган из числа курганов хуннской знати, исследованный на левом

берегу р. Селенги. Результаты его раскопок могут иметь принципиальное значение при выделении локальных и хронологических особенностей захоронений подобного типа.

Николаев Н. Н., 2010. Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) // Древние культуры Евразии / Отв. ред. В. А. Алекшин. СПб.: Инфо-ол. С. 186–191.

Николаев Н. Н., 2017. Работы Центрально-Азиатской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2010–2015 гг. // АО. 2015 г. С. 466–467.

Талько-Гринцевич Ю. Д., 1999а. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Археологические памятники сюнну / Отв. ред. С. С. Миняев. СПб.: АзиатИКА. С. 74–92.

Талько-Гринцевич Ю. Д., 1999б. Население древних могил и кладбищ Забайкальских // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Археологические памятники сюнну / Отв. ред. С. С. Миняев. СПб.: АзиатИКА. С. 119–123.

Теплоухов С. А., 1925. Раскопка кургана в горах Ноин-Улы // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Из-во АН СССР. С. 13–22.

Nikolaev N. N., Miniaev S. S., 2016. Orgoiton – A Xiongnu Cemetery in Transbaikalia // The Silk Road. Vol. 14. P. 166–168.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ

М. В. Константинов, С. Г. Васильев,
С. В. Маслодудо, Н. В. Викулова

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-МЕНЗА 2

Ключевые слова: бронзовый век, мезолит, хэнтэйская культура, погребение

Исследования проводились Чикойской АЭ. Экспедиция организована Забайкальским ГУ и Забайкальским краевым КМ им. А. К. Кузнецова. Изучалось поселение Усть-Менза 2, расположенное в окрестностях с. Архангельское в Красночикойском р-не Забайкальского края, при впадении р. Мензы в р. Чикой (бассейн р. Селенги). Поселение входит в Усть-Мензинский археологический комплекс, включающий 17 памятников.

Поселение связано со II правобережной террасой р. Мензы высотой 10 м. Открыто в 1980 г. Ранее изучалось двумя раскопами площадью 497 кв. м и глубиной до 9 м. Выявлен 31 культурный слой, при этом слои 1–2 отнесены к бронзовому веку, слой 3 – к мезолиту, слои 4–8, 9а, 9б, 9в, 9г, 10а, 10б, 11–27 – к позднему палеолиту [*Константинов, Екимова и др.*, 2016].

В 2016 г. поставлен раскоп 3 площадью 372 м и глубиной до 1 м. На всей площади исследованы культурные слои 1–3, связанные с тремя верхними литологическими слоями. Слой 1 (дерново-почвенный) относится

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.453-455

к поздней бронзе; слой 2 (каштановая супесь) – ранняя бронза; слой 3 (светло-желтый песок) – мезолит. В слоях 1, 3 находки немногочисленны.

Полноценный материал получен из слоя 2, его мощность до 30 см. Выявлены жилые и производственные площадки. Они отмечены 2 очагами, 4 кострищами и хозяйственной ямой. Обнаружено более 8 тыс. артефактов. Каменная индустрия характеризуется сериями микронуклеусов, среди которых преобладают торцово-клиновидные формы. С нуклеусов снимались микропластинки длиной 3–4 см, используемые, в основном, для формирования наборных лезвий вкладышевых орудий. Среди миниатюрных изделий преобладают скребки, тогда как резцы и проколки единичны. Массивные орудия представлены молотами, отбойниками, пестами, чопперами, топорами, теслами, кирками. Некоторые из них предназначались для добычи и дробления руды. О знакомстве с металлом свидетельствуют также абразивные камни со следами заточки. Скребла и скобели оформлялись из расколотых галек или крупных отщепов. К числу редких находок относятся обломок шлифованного орудия (обушок тесла) и наконечник копья с бифасиальной обработкой. Керамические изделия сохранились в виде обломков тонкостенных сосудов с округлым дном, украшенных разнообразным штамповым орнаментом. Сосуды изготавливались способом выколачивания с использованием лопаточек, обмотанных нитями. Некоторые сосуды окрашивались красной охрой. Найдены также немногочисленные обломки толстостенных сосудов с плоским дном и фрагменты от глиняных плоских овальных плиток.

Материал данного слоя характеризует хэнтэйскую культуру, распространенную в пределах таежной зоны Хэнтэй-Даурского нагорья и Селенгинского среднегорья. В образе жизни, каменной индустрии и керамике заметно сохранение неолитических традиций. Вместе с тем, судя по наличию специфических орудий, носители культуры были знакомы с бронзой, но ее применение было ограничено и к ней относились весьма бережно.

Со слоем 2 связаны два погребения, отнесенных к ранней бронзе.

Первое погребение представлено овальной ямой размерами 162×72 см, глубиной 30–35 см. Поверхность погребения обозначена крупным камнем. Под ним скрывалась зольная ямка со следами ритуального огня. Красной охрой окрашен борт ямы. В заполнении ямы замечены единичные точечные вкрапления от перегнивших костей и черепа, а также два наконечника стрелы из камня с упрощенным оформлением, свидетельствующим об имитации изделий как предназначенных для погребального обряда. Погребальная яма ориентирована длинной осью поперек реки, с позицией головы умершего в ее ЮЗ части.

Второе погребение отмечено 20 крупными гальками, в основном оконтуривающими грунтовую яму размерами 230×210 см. 4 камня обозначают поверхность этой ямы. Ее длинная ось перпендикулярна реке, по направлению ЮЗ–СВ. В заполнении, на глубине 10 см, зафиксирована прослойка красной охры. С ней связан наконечник стрелы из яшмы подтреугольной формы с незавершенной бифасиальной обработкой поверхности. Полная расчистка ямы показала, что ее глубина 55 см, боковые стенки слабона-

клонные, дно – плоское. Яма прорезает основание литологического слоя 2, полностью литологический слой 3 и захватывает палево-серую супесь литологического слоя 4. Антропологического материала в погребении не выявлено. Нет и иного, кроме упомянутого наконечника, археологического материала. Однако данные обстоятельства не исключают возможности интерпретации данной конструкции как погребения, поскольку в условиях Усть-Мензы костный материал в погребениях может вообще не сохраняться. Это известно по погребению 1 из этого слоя, а также по погребению 2 с Усть-Мензы 5, слой 2. Вместе с тем известны погребения с единичными артефактами или полностью без таковых (Усть-Менза 2, раскоп 1, слой 3; Усть-Менза 3, слой 2, погребение 2; Усть-Менза 5, слой 2, погребения 1 и 2) [*Константинов, Константинов и др*., 2003]. О возможности интерпретации данной структуры как погребения свидетельствуют намеренность верхней кладки, четко выраженная погребальная яма, использование в обряде красной охры, а также присутствие наконечника стрелы, поскольку в культурных слоях поселений они встречаются крайне редко.

В пределах раскопа поставлен шурф 5×5 м. На глубине 3,9–5,6 м от дневной поверхности в отложениях аллювия сартанской эпохи зафиксировано 7 верхнепалеолитических уровней со следами жизнедеятельности человека в виде зольных пятен, речных галек и артефактов.

Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагтн С. Б., 2016. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: ЗабГУ. 261 с.

Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И., 2003. Под покровительством большого шамана: археологические путешествия по Забайкалью.Чита: Экспресс-типография. 53 с.

А. М. Мамкин, А. Ц. Гонгоров

РАБОТЫ В МОГОЙТУЙСКОМ, ПРИАРГУНСКОМ И БОРЗИНСКОМ РАЙОНАХ

Ключевые слова: культура плиточных могил, VIII–VI вв. до н. э., петроглифы, бронзовый век, ранний железный век, курганный могильник, средневековье

Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края (Центр) проводил работы в Шилкинском, Нерчинском, Могойтуйском, Приаргунском и Борзинском р-нах Забайкальского края.

В Шилкинском, Нерчинском р-нах объектов культурного наследия не обнаружено.

В Могойтуйском, Приаргунском и Борзинском р-нах проводились разведки, заключающиеся в выявлении новых объектов, мониторинговых и инвентаризационных мероприятиях на ранее известных объектах, представляющих культурное наследие номадов Забайкальского края эпохи бронзового века – средневековья. В ходе работ выявлен могильник

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.455-457

культуры плиточных могил Болокта 1 в Могойтуйском р-не, а также проведены мониторинговые мероприятия на писаницах Быркинские скалы, пещера Дыринка в Приаргунском р-не и средневековом кургане Усть-Озерная в Борзинском р-не.

Могильник Болокта 1 обнаружен в ходе разведки. Объект расположен к ЮЗ от пгт. Могойтуй Могойтуйского р-на Забайкальского края на вост., ЮВ экспозиции террасовидного 10-метрового мысовидного участка делювиального шлейфа, на правостороннем борту долины руч. Жипкошин (левый приток р. Ага). Могильник включает в себя 5 погребальных сооружений культуры плиточных могил, выстроенных дугообразной линией по оси С–Ю, а также 2 сторожевых камня, установленных к В от погребений. На основании совокупности характерных особенностей морфометрии, топографии, планиграфии, наземной погребальной архитектуры могильник может определяться как объект ацайского этапа культуры плиточных могил и датироваться, согласно периодизации, предложенной А. Д. Цыбиктаровым, в хронодиапазоне VIII–VI вв. до н. э. [*Цыбиктаров*, 1998, с. 88–125].

Писаницы «Быркинские скалы» обнаружены в 1983 г. в ходе разведки, проведенной отрядом под рук. А. И. Мазина [*Мазин*, 1988]. Объект археологического наследия находится южнее с. Бырка Приаргунского р-на Забайкальского края, в межгорном перевале падей Ноготуй и Дровянка, на левом борту долины р. Бырка. Писаницы представлены 4 группами рисунков, выполненных красной охрой, нанесенных на вертикальных панно с обеих сторон стенообразного скального останца. Изображения относительно монохромны, фиксируется незначительный градиент от бледного малинового до бледного красно-бурого цвета, некоторые рисунки обведены белым мелком. Часть петроглифов можно определять как «петроглифы селенгинского типа», датируемые в пределах бронзового века – раннего железного века. Зооморфные рисунки можно датировать в самом широком диапазоне от палеолита до эпохи бронзы. Во всяком случае, изображение шерстистого носорога определяет датировку данных рисунков не позднее 12 тыс. л. н. На настоящий момент объект разрушается в результате естественных эрозийных процессов, пожароопасных и, главным образом, антропогенных факторов.

Писаница «пещера Дыринка» обнаружена в 1983 г. в ходе разведки под рук. А. И. Мазина. По данным гос. учета, объект археологического наследия находится к В от с. Бырка Приаргунского р-на Забайкальского края, на ЮВ склоне горы Дыринка, в небольшой пещере-гроте. Писаница выполнена красной охрой, нанесена на вертикальном панно на правой стене входа в грот. Объект представлен антропоморфной фигурой и аморфным охристым пятном справа. Изображения монохромные. Объект предварительно определяется как «петроглифы селенгинского типа», которые можно датировать в пределах бронзового века – раннего железного века. Объект разрушается в результате естественных эрозийных процессов и антропогенных факторов.

Средневековый могильник Усть-Озерный обнаружен отрядом Центра в 2008 г. Объект расположен к ЮВ от с. Усть-Озерная на левом борту

пади Озерная. Падь является правосторонним поперечным распадком долины р. Борзя. Могильник находится на округлом холме высотой 8–10 м, вероятнее всего насыпном кургане с размерами по линии З–В 130 м, линии С–Ю 120 м. На вершине кургана обнаружено 5 ограбленных и на настоящий момент осыпающихся, слегка задернованных подквадратных ям (грунтовые погребения) размером ок. 2,5×1,5 м [*Белоусов*, 2009, с. 9].

В ходе работ 2008 г. на поверхности кургана в грабительских вскрышах собран подъемный материал, представленный деревянными фрагментами гробов и седла, различными украшениями седла, железными восьмерковидными двусоставными удилами с кольцевидными псалиями, фрагментами железных котлов (?), бирюзовыми сферическими бусинами с высверленным цилиндрическим отверстием, фаунистическими остатками, фрагментами костяка человека, железным стременем – полукруглое, выполнено из кованого прута с прямоугольным сечением, подножка эллипсовидная, прорезь путлища подпрямоугольная, выступ прорези прямоугольный.

Все 5 погребений сильно задернованы. В сравнении с оценкой состояния 2008 г. (неудовлетворительное), изменения на 2016 г. незначительны. Объект подвергся грабительским раскопкам (5 погребений, зафиксированных в 2008 г.), курганная насыпь разрушается в результате склоновой и поверхностной эрозии. Ближайшие подобные памятники можно обнаружить в средневековых древностях соседнего Краснокаменского р-на.

Средневековый могильник Усть-Озерный расположен на левом борту пади Озерная. Падь является правосторонним поперечным распадком Борзинской степной долины. Данная падь глубоко прорезает крутые сев. горно-таежные отроги вплоть до самого водораздела и выводит на степную, пологую, юж. часть склона Нерчинского хребта. Данное обстоятельство определило падь Озерную как естественный транзитный путь в Борзинскую степь из широкой Урулюнгуйской степной долины. Урулюнгуйская долина знаменита значительным количеством объектов наследия номадов Забайкалья, в особенности уникальных памятников поздних монголов династии Юань (городище Хирхира, Кондуйский дворец, могильник Окошки и др.). Аналогичный Усть-Озерскому кургану, могильник Окошки расположен к ЮВ в Урулюнгуйской долине. Оба объекта можно соотносить с погребальными памятниками монголов династии Юань в Забайкалье и датировать в хронодиапазоне XIII–XIV вв. [*Харинский*, 2012, с. 467–473].

Белоусов В. Е., 2009. Археологические изыскания в Борзинском районе Забайкальского края в 2008 г. Научный отчет. Чита.

Мазин А. И., 1988. Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья. Автореф. дис… д. и. н. Новосибирск. 39 с.

Харинский А. В., Ковычев Е. В., Крадин Н. Н., Номоконов А. А., Литвинцев А. Ю., 2012. Могильник Окошки в Юго-Восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3. М-лы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Т. 2. Улан-Батор: Изд-во Монгольского госуниверситета. С. 467–473.

Цыбиктаров А. Д., 1998. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ГУ. 288 с.

П. В. Мороз

РАЗВЕДКИ В АГИНСКОМ БУРЯТСКОМ ОКРУГЕ И НЕРЧИНСКО-ЗАВОДСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: стоянка, каменный век, неолит, мастерская

Даурский археологический отряд Забайкальского ГУ проводил разведки в Агинском Бурятском округе и Нерчинско-Заводском р-не Забайкальского края. Целью разведок было изучение выходов минерального сырья на предмет наличия стоянок и мастерских каменного века. Исследования данного направления проводятся с 2009 г., что дало возможность обнаружить ряд памятников, непосредственно связанных с выходами минерального сырья высокого качества.

Основной объем работ связан с исследованием стоянки Сахюрта в Агинском Бурятском округе. Стоянка открыта в 2013 г. [*Мороз и др*., 2016], а с 2015 г. планомерно изучается малыми площадями. Задачей сезона 2016 г. было получение полного профиля разреза памятника. За сезон 2015 г. в ходе работ площадью 16 кв. м выявлено 3 культурных компонента, подверженных различным криотурбационным процессам. Особенно мощно проявлена солифлюкция, что привело к значительному разбросу артефактов по вертикали.

В 2016 г. осуществлена прирезка 4 кв. м и пройдено 4 кв. м нижней пачки отложений, что позволило получить полный разрез памятника. В ходе исследований выявлено два новых культурных компонента, залегающих ниже каргинского педокомплекса, то есть относящихся к периоду MIS-3. Индустрия четвертого культурного компонента весьма показательна. Она полностью основана на местном сырье высокого качества – вулканическом лиловом кремне и яшме. Всего выявлено 12 артефактов. Из них 4 – орудия и один нуклеус. Наблюдается присутствие как мелких орудий на пластинчатой основе, так и крайне массивных. Это орудие представляет собой блок ремонтажа, состоящий из 2 фрагментов. Типологически орудие может быть определено как боковое скребло с выемкой. Отдельно стоит отметить его массивность – 14,5 см по длинной оси. Это связано с тем, что в качестве основы использован не скол, а естественная плитка кремня. Выемка оформлена уплощающими снятиями и краевой ретушью. Интересен обушковый нож на пластинчатом отщепе, также из лилового кремня.

По завершении работ на стоянке Сахюрта 1 заложен разведывательный шурф 3×3 м в 350 м к ЮВ, что позволило выявить новый объект – Сахюрта 2. Он связан с выположенной поверхностью, примыкающей к вулкану Дунда-Ага. Всего пройдено 2,5 м рыхлых отложений и выявлено 3 уровня залегания археологического материала.

Культурный компонент 1 связан с подпочвенным горизонтом, представлен 5 сколами из кремня. Культурный компонент 2 выявлен на глубине 20–55 см от дневной поверхности и связан с 3-м и 4-м литологическими слоями, представлен отщепами и сколами из кремня различных

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.458-459

оттенков. В слое зафиксировано 24 артефакта, все они представляют собой в большинстве сколы и осколки, типологически выраженные отщепы немногочисленны, выполнены из кремня. Сырьем для всех артефактов выступили местный кремень и яшма желтого, сургучного и зеленого цветов. Третий культурный компонент памятника связан с 5-м литологическим слоем (эоловый песок), на уровне его контакта с литологическим слоем 6 (каргинский педокомплекс) и фиксируется на глубине 100–150 см от дневной поверхности. Зафиксировано 16 артефактов.

Сахюрта 2 является новым объектом каменного века в пределах Сахюртинского комплекса археологических памятников, в настоящее время включающего в себя мастерскую и две стоянки – Сахюрта 1 и 2. Проводить прямую корреляцию между Сахюртой 1 и 2 без применения современных геохронологических методов на данном этапе преждевременно, тем не менее не вызывает сомнения возможность поиска новых объектов каменного века в пределах палеовулкана Дунда-Ага.

В Нерчинско-Заводском р-не выявлена мастерская Яшмовая гора, расположенная на одноименной вершине палеовулкана к Ю от с. Горбуновка в долине р. Аргунь. Памятник представляет собой мастерскую каменного века (неолит – палеолит), связанную с непосредственным выходом камнесамоцветного сырья. Сырьем выступает зеленая яшма насыщенного цвета. Мастерская находится на ЮВ склоне г. Яшмовая и ориентировочно занимает площадь не менее 50 000 кв. м. Также выявлена стоянка Яшмовая, расположенная к С от указанной мастерской и к Ю от с. Горбуново. Стоянка обнаружена в ходе осмотра перспективных участков, прилегающих к мастерской, и может быть отнесена к эпохе неолита.

В заключение необходимо отметить, что найденные памятники подтверждают теорию [*Мороз, Юргенсон*, 2015; 2016] о прямой связи древнего человека и сырьевых районов, представленных палеовулканами, на территории Забайкалья.

Мороз П. В., Лапердина Е. Ю., Сахновская Я. А., Яковлева А. Е., Туманова А. А., 2016. Палеолитическая стоянка Сахюрта (предварительные данные) // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. Чита. С. 52–54.

Мороз П. В., Юргенсон Г. А., 2015. Палеовулканы как источники минерального сырья в палеолите Забайкалья // Методы изучения каменных артефактов. СПб.: ИИМК РАН. С. 184–188.

Мороз П. В., Юргенсон Г. А., 2016. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus. С. 65–76.

VIII. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ) И ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

**Р. И. Бравина, В. М. Дьяконов, Е. Н. Николаев,
И. П. Обутов, Д. М. Петров, Е. Н. Соловьёва,
Е. А. Строгова, В. В. Сыроватский**

РАБОТЫ ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ЯКУТИИ И НА СЕВЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: дюктайская культура, сумнагинская культура, сыалахская культура, белькачинская культура, ымыяхтахская культура, неолит, эпоха палеометалла, средневековье, новое время, якутская культура, русские землепроходцы, радиоуглерод

Девятью отрядами АЭ Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИиПМНС) СО РАН проведены обширные работы на территориях ряда районов Республики Саха (Якутия) и на севере Хабаровского края.

1. Среднеленским отрядом под рук. В. М. Дьяконова обследованы прибрежные участки р. Лены в Олёкминском и Хангаласском р-нах Республики Саха (Якутия), а также территория долины Туймаада в черте г. Якутска. В ходе разведочных работ на средней Лене открыто 10 новых стоянок, датируемых от верхнего палеолита до раннего железного века (Дабан Юрях, Мухатта, Ой Муран I, II, Нюолла II, Улахан Кэтэмэ III, Озеро Табага II, Учугей Юрях II, Парк Культуры II, III), а также 1 неолитическое погребение Огонёк. Кроме того, открыто позднесредневековое погребение Учугей Юрях. Проведено повторное обследование 11 стоянок (Ура, пещера Курачан, Кузнец I, II, Едяй I, II, Ат Дабан, Нюолла I, Усть-Хайыргас I, II, Улахан Кэтэмэ II) неолита – палеометалла на средней Лене.

Пещера Курачан, стоянки Ура, Кузнец I, II и Дабан Юрях расположены в Олёкминском р-не. Пещера Курачан имеет три культурных слоя, из которых нижний третий слой датируется ымыяхтахской поздненеоли-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.460-467

тической культурой III–II тыс. до н. э. [*Кириллин, Воробьёв*, 1999]. Обследование стоянки Ура, открытой в 1984 г. [*Черосов*, 1988, с. 54], позволило более точно датировать ее белькачинской средненеолитической культурой. На стоянках Кузнец I, II обнаружен невыразительный материал эпох неолита – палеометалла, а также якутской культуры XVII – нач. XX в. Стоянка Дабан Юрях, судя по рубчатой керамике с гребенчатым штампом, датируется ранним железным веком, но содержит, возможно, материалы и более ранних периодов – неолита и бронзового века.

Стоянки Мухатта, Ой Муран I, II, Едяй I, II, Ат Дабан, Нюолла I, II, Усть-Хайыргас I, II, Улахан Кэтэмэ II, III находятся в Хангаласском р-не. Стоянки Ой Муран I, II, Едяй I, II, Нюолла I, II, Усть-Хайыргас I, Улахан Кэтэмэ III предварительно датируются в широких пределах неолита – палеометалла. На стоянке Усть-Хайыргас II найдены материалы трех культур неолита – сыалахской, белькачинской и ымыяхтахской, а также якутской культуры XVII – нач. XX в. [*Пестерев*, 2007, с. 89]. На стоянках Ат Дабан и Улахан Кэтэмэ II обнаружен материал эпох неолита – палеометалла, а также якутской культуры XVII – нач. XX в. [*Пестерев*, 2007, с. 89–90]. Шурфовка некоторых стоянок показала, что культурные слои их залегают прямо под дерном. Особый интерес представляет стоянка Мухатта, расположенная между с. Едяй и с. Кытыл-Дюра на правом приустьевом мысу р. Мухатта – левого притока р. Лена. В результате шурфовки на стоянке выявлено 3 культурных слоя: 1) неолит (сыалахская, белькачинская и ымыяхтахская культуры); 2) мезолит (сумнагинская культура), неолит; 3) мезолит и верхний палеолит (дюктайская культура). Со дна третьего культурного слоя по кости животного была получена радиоуглеродная дата 11 580±40 л. н. (IAAA-162736). Кость из второго культурного слоя показала дату 4580±30 л. н. (IAAA-162737). Все радиоуглеродные даты, упомянутые в статье, получены в Институте акселераторных анализов в Японии (Institute of Accelerator Analysis Ltd.) методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) по гранту проф. Кацунори Такасэ JSPS KAKENHI (15H01899).

Получена представительная коллекция археологического материала – всевозможные каменные изделия, фрагменты костяных орудий, керамики, остеологический материал. Интересной находкой было обнаружение трех скелетов рыб и берестяных поплавков от рыболовной сети в культурном слое 3.

Стоянки Озеро Табага II, Учугей Юрях II, Парк Культуры II, III, а также погребения Учугей Юрях и Огонёк находятся на территории г. Якутска в среднеленской долине Туймаада. Стоянка Озеро Табага II содержит, кроме материалов якутской культуры XVII – нач. XX в., артефакты культур неолита – палеометалла. На стоянке Учугей Юрях II найдена неопределимая керамика неолита – палеометалла. Обнаруженные на территории г. Якутска стоянки Парк Культуры II, III относятся к неолиту. При шурфовке на стоянке Парк Культуры II выявлен культурный слой, содержащий обильный материал со шнуровой керамикой белькачинской культуры.

В захоронении Учугей Юрях погребенный был положен головой на СВ лицом вниз в погребальной конструкции, составленной из прошитых берестяных пластин-полотнищ, игравших роль подстилки и трехслойного покрывала. Костяк был покрыт истлевшими остатками кожаной и меховой одежды. Сопроводительный инвентарь представлен бусиной-одекуй, сумочкой, обшитой бисером, фрагментами деревянной ложки, костяной пуговицей, остатками деревянного сосуда. По кости погребенного получена дата 330±20 л. н. (IAAA-162744), относящаяся к калиброванному «календарному» интервалу 1480–1640 гг. н. э.

Большой интерес представляет неолитическое погребение Огонёк, случайно обнаруженное в черте г. Якутска. Установлено, что костяк был обильно засыпан красной охрой, а в составе сопроводительного инвентаря присутствовали шлифованное тесло, двусторонне ретушированный наконечник стрелы иволистной формы со срезанным острием, призматический нуклеус и ножевидные пластины, обломок костяного вкладышевого орудия с кремневыми лезвиями-пластинами, фрагменты костяной иглы и лощила, изделие из мамонтового бивня (антропоморфная фигура?), челюсть рыси и другие кости животных и птиц. Судя по четырем радиоуглеродным датам рубежа V–IV тыс. до н. э., сопроводительному инвентарю и наличию охры, погребение относится к белькачинской средненеолитической культуре.

2. Якутским отрядом под рук. В. М. Дьяконова проведено археологическое наблюдение в зоне реконструкции и полной замены фундаментов на СВ и СЗ сторонах Свято-Троицкого собора в г. Якутске. Археологическое наблюдение производилось в границах земельного участка общей площадью 103 кв. м. В ходе обследования территории в районе церковной паперти на площади менее 4 кв. м был выявлен и полностью рекультивирован сохранившийся участок культурного слоя г. Якутска кон. XVII – нач. XVIII в. В слое, содержащем щепу и уголь времен постройки Якутского острога кон. XVII в., обнаружены скопления слюды от окон, голубой, синий и белый бисер, фрагмент керамики, мелкий железный предмет, небольшие фрагменты металлического шлака, фрагменты рыбьих костей и костей животных. По углю из слоя получена дата 380±20 л. н. (IAAA-162751). Этот же культурный слой зафиксирован при вертикальной зачистке траншеи в вост. части храма, где также обнаружены небольшие фрагменты металлического шлака. Наблюдения за ходом реконструкции фундамента на других участках строительства показали отсутствие культурных слоев и не дали находок.

3. Майским отрядом под рук. В. М. Дьяконова была осуществлена разведка на р. Мая в промежутке от п. Усть-Мая до с. Нелькан на территориях Усть-Майского р-на Республики Саха (Якутия) и Аяно-Майского р-на **Хабаровского края**. Упор был сделан на инвентаризацию известных из литературы петроглифов, а также на поиск новых. Открыто или впервые описано 2 новых пункта с петроглифами – Ципанда и Сыаргалаах. Проведена инвентаризация 6 ранее известных писаниц: Старая Ципанда II, III, Дылмы II, Кыллах, Сыгарыя и Талая [*Мочанов и др.*, 1983,

с. 58–59; *Окладников, Мазин*, 1979]. Ранее выявленный пункт Старая Ципанда I не был найден. Не был найден также пункт Дылмы I. На писаницах Старая Ципанда II, Дылмы II, Кыллах и Сыгарыя выделены новые плоскости с рисунками (антропоморфные и зооморфные изображения, крестообразные знаки, пятна, различные линии и др.). Наскальные рисунки р. Мая являются ценнейшим источником по воссозданию духовной и материальной культуры древних людей, их стиль во многом идентичен писаницам Якутии. Ряд особенностей позволяет сравнивать некоторые рисунки (антропоморфные личины) с петроглифами Приамурья.

4. Томпонским отрядом под рук. В. М. Дьяконова проведены разведки на территории Сасыльского наслега Томпонского р-на Республики Саха (Якутия). Осуществлены шурфовочные работы на поселениях Буор Хая (Хомустаах) I, II, III, открытых в 2014 г. [*Бравина и др*., 2016]. Поселение Буор Хая (Хомустаах) I содержит остатки культуры раннего железного века, раннеякутской кулун-атахской (XIV–XVI вв.) и позднеякутской (XVII – нач. XX в.) культур. Поселения Буор Хая (Хомустаах) II, III относятся к позднеякутской культуре XVII – нач. XX в.

5. Нюрбинский отряд под рук. Д. М. Петрова провел разведочные работы на территории Нюрбинского р-на Республики Саха (Якутия) с целью выявления новых археологических памятников. В результате выявлены памятники на территории Кюндядинского и Аканинского наслегов. В Кюндядинском наслеге, в местности Буут Улгуттата, найдено воздушное захоронение, приписываемое местным населением шаманке, жившей в XVIII в. Погребальные конструкции данного захоронения представляют определенный интерес ввиду своей редкости. Проведены фотосъемка, измерение конструкций, составление топографического плана местности. Вскрытие захоронения не проводилось. В Аканинском наслеге, на правом берегу оз. Дженкюдэ, в местности Ойогос Тумула обнаружена разновременная стоянка. Получен значительный подъемный материал в виде фрагментов керамики, наконечников стрел, скребков, отщепов, пластин, тесла и др. Находки датируются неолитом и эпохой палеометалла.

6. Намским отрядом под рук. Е. Н. Соловьёвой проведена разведка на территории Намского р-на Республики Саха (Якутия). В результате обнаружено 15 новых памятников археологии, датируемых от эпохи раннего неолита до эпохи позднего средневековья: Кулун Тутар I–II, Отой I–II, Кубалах I–V, Улуу Кюёль, Туора Кюёль, Бютяй Юрдя I–IV. Все памятники приурочены к долине Энсиэли, самой крупной речной долине в среднем течении р. Лена. Обнаруженные объекты, за исключением поселений эпохи позднего средневековья Кулун Тутар I–II и Отой I–II, расположены на левом берегу р. Лена.

К разным периодам неолита предварительно отнесены материалы памятников Кубалах II, IV, Улуу Кюёль, Туора Кюёль, Бютяй Юрдя III–IV. Ранненеолитическая сыалахская культура зафиксирована в материалах стоянок Улуу Кюёль и Туора Кюёль, где обнаружены фрагменты сетчатой керамики, которая является маркером при определении

сыалахской культурной традиции. Поздненеолитическая ымыяхтахская культура представлена материалами стоянок Кубалах II, IV и Бютяй Юрдя III. Здесь обнаружены фрагменты типичной для данного периода керамики с вафельным и рубчатым штампом.

Эпоха палеометалла представлена материалами памятников Кубалах II, III, V, Улуу Кюёль, Туора Кюёль, Бютяй Юрдя I–III. Наибольший интерес для дальнейшего исследования представляют расположенные недалеко друг от друга стоянки Бютяй Юрдя I–II, материалы которых представлены многочисленными фрагментами разнообразной керамики раннего железного века с зубчатым штампом, тонкостенной гладкостенной керамики, кремневым двусторонне ретушированным наконечником стрелы, кремневыми отщепами. Также на стоянке Бютяй Юрдя II обнаружено интересное керамическое изделие малой пластической формы.

Эпоха средневековья и нового времени представлена материалами памятников Кулун Тутар I–II, Отой I–II, Кубалах I, III, V, Улуу Кюёль. Материалы памятников представлены многочисленными фрагментами гладкостенной толстостенной керамики, медными монетами 1834 и 1840 гг. (Кулун Тутар II), литым медным нательным крестиком простой формы (Отой I), фрагментами железных ножей (Отой I, Кулун Тутар II, Кубалах I), железной подпружной пряжкой (Кулун Тутар II), железными коваными гвоздями (Кулун Тутар II, Отой I), бусинами одекуй белого цвета (Кубалах I, V), фрагментами фаянсовой и фарфоровой посуды (Кубалах I, III, V) и фрагментами металлического шлака (Кубалах I, III) и др.

7. Вилюйским отрядом под рук. Е. Н. Соловьёвой в среднем течении р. Вилюй были начаты раскопки основанного в 1-й пол. XVII в. русскими землепроходцами Танарейского (Средневилюйского) ясачного зимовья в Вилюйском р-не Республики Саха (Якутия). Памятник расположен в 2 км от правого берега р. Вилюй и приурочен к высокому мысу, образованному бывшими протоками и, вероятно, старым руслом р. Танара (правый приток р. Вилюй). На территории объекта визуально фиксируются задернованные основания нескольких прямоугольных в плане строений. В 2016 г. здесь начаты раскопки строения 1, расположенного вблизи оконечности мыса.

В раскопе размером 10×4 м после снятия дерна уже в подзолистом слое появились первые признаки деревянных строительных конструкций, носивших следы пожара. В ЮЗ части раскопа на площади 16 кв. м выявлен угол строения, образованный двумя боковыми стенами из вертикально установленных, с незначительным наклоном внутрь, обугленных деревянных плах. Высота сохранившихся частей плах составляет ок. 60 см. Длина фрагментов боковых стен, обнажившихся в ходе раскопок, составляет 2 м каждый. Внутри конструкции зафиксирован настил из горизонтально уложенных деревянных плах, вероятнее всего – остатки пола постройки.

С внешней стороны угловой части строения выявлены остатки земляной насыпи для удержания тепла и защиты основания строения от промерзания и влаги. Ширина насыпи составляет ок. 70 см, высота ок. 30 см. Для защиты от сползания насыпь была ограничена деревянной конструкцией

из уложенных в три венца бревен диаметром 10–12 см. Заполнение насыпи представлено многослойной засыпкой темной и светлой супеси, содержащей культурные остатки, и слоем археологически стерильного светло-желтого песка в основании. За пределами насыпи, на уровне основания ограничивающей насыпь деревянной конструкции выявлены фрагменты слоя коры лиственницы и бересты. Вероятное назначение данного настила – защита основания строения от влаги. Выявленные элементы деревянной конструкции позволяют предположить, что обнаружена традиционная якутская постройка – балаган [*Зыков*, 1986, с. 28].

В ходе раскопок собрана многочисленная коллекция костных останков животных и рыб для последующего видового определения и выявления рациона питания обитателей зимовья. Среди обнаруженных артефактов – небольшой железный пробой для навешивания замка, обломок железного черешкового наконечника стрелы с боковыми жальцами, фрагмент железной клепки дужки котелка или небольшого ведра, фрагменты железной расплющенной проволоки, фрагмент лезвия узкого черешкового ножа, фрагменты берестяных изделий, мелкие фрагменты резаной слюды, бисерины голубого и белого цвета, фрагменты металлического шлака и глиняной обмазки. Наибольший интерес представляет обнаруженная полупрозрачная стеклянная бусина зеленого цвета неправильной овальной формы с нанесенным вручную растительным орнаментом бело-голубого цвета по экватору бусины.

Основную роль в определении культурной принадлежности и датировке памятника сыграло изучение собранной здесь коллекции керамики, состоящей из 65 фрагментов лепной и 1 фрагмента гончарной. Сравнительный анализ показал отличия керамического комплекса Танарейского зимовья от традиционной якутской лепной керамики XVII – нач. XX в. в технологии и качестве изготовления сосудов, но обнаружил сходство с опубликованным материалом русских поселений Сибири XVII–XVIII вв. [*Артемьев, Артемьева*, 1994; *Гоголев*, 1990; Культура русских…, 2011].

8. Маршрут разведочных работ Индигирского отряда под рук. Е. А. Строговой пролегал по р. Индигирке от п. Хону Момского р-на до с. Русское Устье Аллаиховского р-на Республики Саха (Якутия). По маршруту разведки проведен мониторинг состояния городища Зашиверск и предпринята попытка поисков Уяндинского зимовья XVII в. В дельте Индигирки маршрут пролегал по протокам Русскоустьинской, Голыженской, Средней и Колымской, обследованы заимки Кузьмичево, Нижне-Средняя, Станчик, обнаружены следы заимки Сыроватское, тщательно обследовано старое Русское Устье [*Строгова*, 2017, с. 232–237].

Селище Русское Устье расположено на левом берегу Русскоустьинской протоки р. Индигирки в 20 км выше современного п. Русское Устье (до 1988 г. – п. Полярный) на сев. берегу небольшого полуострова, образованного меандром р. Индигирки. На селище обнаружены остатки 7 построек, одна из которых интерпретируется как церковь, и старинное кладбище. Зачистка 2×2 м, сделанная в урезе берега, показала следующее взаиморасположение слоев: 1) дерн (3–10 см); 2) слой слежавшейся

щепы в сером пылеватом суглинке – культурный слой (40–160 см); 3) бурая гумусированная прослойка – погребенная почва? (10–15 см); 4) темно-серый суглинок – материк (более 30 см). Мощность культурного слоя показывает, что поселение располагалось на этом месте не менее 200 лет.

На бечевнике практически у подножия зачистки собрано 35 единиц подъемного материала, из них 15 предметов из меди и железа, 8 изделий из кости, 3 деревянных предмета, 3 каменных грузила-кибаса, 4 фрагмента фарфора. Железные изделия представлены фрагментами двух ножей (черешкового и складного), развильчатым наконечником стрелы, массивным цельнокованым железным ушком котла, а также крупным кованым гвоздем длиной 22 см. Из железа изготовлена также небольшая миска, из-за деформации приобретшая подтреугольную форму, покрытая темно-зеленой эмалью плохой сохранности. Деформированный фрагмент какого-то сосуда (ведра, котелка, чайника?) изготовлен из меди и подвергался ремонту – хорошо видна заплата прямоугольной формы, прикрепленная с помощью медных клепок. Обнаруженная кольцеобразная серьга, изготовленная из оловянно-цинкового сплава с небольшим содержанием меди, покрыта тонким слоем позолоты. Наиболее интересные изделия из кости – накладка на полоз нарты (подполозок) из китового ребра чукотского производства и миниатюрная копоушка, изготовленная из мамонтовой кости и украшенная резьбой. Из кости и рога изготовлены и детали собачьей упряжи.

9. Хангаласский отряд под рук. Р. И. Бравиной провел разведочные работы в Жерском наслеге Хангаласского р-на Республики Саха (Якутия) в среднем течении р. Лены. В результате работ открыто 5 предположительных мест погребений в местности Куудук (Куудук I–V) в 2 км от с. Улах-Ан. Погребения расположены на краю надпойменной террасы р. Лена и представляют собой округлые по форме западины на дневной поверхности, ориентированные по линии В–З. Остатков надмогильных сооружений на дневной поверхности не обнаружено. Данные признаки позволяют предварительно датировать найденные погребения XIV–XVIII вв. и отнести их к раннеякутской или позднеякутской археологическим культурам. Вероятность принадлежности обнаруженных мест захоронений дохристианскому периоду обуславливает необходимость дальнейших археологических работ, так как традиционный погребальный обряд якутов характеризуется многообразием форм и методов погребения, разнообразием сопроводительного инвентаря.

Артемьев А. Р., Артемьева Н. Г., 1994. Керамика Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: (Историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток: Изд-во ИИАЭТ АН. С. 165–170.

Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Кирьянов Н. С., Николаев Е. Н., Обутов И. П., Петров Д. М., Симокайтис Т. Б., Соловьёва Е. Н., Сыроватский В. В., 2016. Разведки в Якутии // АО 2014 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 392–395.

Гоголев А. И., 1990. Археологические памятники Якутии позднего Средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 189 с.

Зыков Ф. М., 1986. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов. Новосибирск: Наука. 100 с.

Кириллин А. С., Воробьёв С. А., 1999. Пещера Курачан – новый археологический памятник на Средней Лене // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука. С. 27–34.

Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Изд-во Омского ин-та (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.

Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Алексеев А. Н., Козлов В. И., Кочмар Н. Н., Щербакова Н. М., 1983. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олёкмы. Новосибирск: Наука. 392 с.

Окладников А. П., Мазин А. И., 1979. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука. 152 с.

Пестерев Д. А., 2007. Памятники древней и древнейшей истории на Средней Лене // Природный парк «Ленские Столбы»: прошлое, настоящее и будущее. Сб. науч. тр. / Отв. ред.: Н. Г. Соломонов, И. М. Охлопков; Ин-т биолог. проблем криолитозоны СО РАН, Мин-во охраны природы РС (Я). ПП «Ленские Столбы». Якутск. С. 84–98.

Строгова Е. А., 2017. Русские в низовьях Индигирки: памятники старые и новые // М-лы VI Междунар. науч. конф. «Культура русских в археологических исследованиях», посвящ. 400-летию со дня основания г. Енисейска. Омск: Наука. С. 232–237.

Черосов Н. М., 1988. Памятники каменного века центральной части Приленского плато (Олёкминский район ЯАССР) // Археология Якутии: Сб. науч. тр. Якутск: Изд-во ЯГУ. С. 54–71.

Н. С. Кирьянов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. ЯКУТСКЕ И ХАНГАЛАССКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, сыалахская культура, белькачинская культура, ымыяхтахская культура, усть-мильская культура, радиоуглерод, позднее средневековье, кулун-атахская культура, погребение

Якутским и Хангаласским отрядами АЭ Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова проведены исследования на территории г. Якутска и в Хангаласском р-не (улусе).

Работы в г. Якутске проводились в местности Айыы-Тайбыт вблизи одноименного озера на участке между двумя левыми притоками среднего течения р. Кэнкэмэ – рр. Чукул и Мухарыя.

В ходе разведки путем шурфовочных работ и проведения подъемных сборов на разных участках вокруг оз. Айыы-Тайбыт выявлено пять объектов археологического наследия, получивших наименование Айыы-Тайбыт I–V и датирующихся широким диапазоном от эпохи неолита до раннего железного века (V тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Они содержат в себе разновременные остатки сыалахской культуры раннего неолита (6,8–5,5 тыс. л. н.), белькачинской культуры среднего неолита (6,1–4,1 тыс. л. н.), ымыяхтахской культуры позднего неолита

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.467-472

(4,9–3,0 тыс. л. н.), усть-мильской культуры эпохи бронзы (3,3–1 тыс. л. н.) и культурных комплексов раннего железного века (2,3–1,5 тыс. л. н.) Якутии. Картографический и ситуационный анализ местности, а также характер залегания находок в культурном слое позволяют предполагать, что выявленные объекты могут являться частями одного обособленного археологического комплекса (района), приуроченного к прилегающей территории вокруг оз. Айыы-Тайбыт и среднего течения р. Кэнкэмэ.

Проведена разведка в местности Айыы-Тайбыт на заложенном песчаном карьере общей площадью 3,5 га. Зафиксировано разрушение строительной техникой культурного слоя с находками. Полученные материалы предварительно датированы этапом белькачинской культуры неолита. Выявленному объекту присвоено наименование Айыы-Тайбыт VI. Проведены спасательные работы, определено, что значительная часть культурного слоя уже уничтожена бульдозерной техникой. Тем не менее на двух участках вскрыты два очажных пятна (без находок), по древесному углю из которых в ИМГ им. В. С. Соболева получены две некалиброванные даты – 7750±165 л. н. (СОАН-9599) и 5500±150 л. н. (СОАН-9600). По итогам работ на объекте Айыы-Тайбыт VI установлено, что эта местность впервые стала заселяться древним человеком с наступлением голоценовой эпохи, начиная с раннего неолита (ок. VII–VIII тыс. л. н.). В это время современная нам территория оз. Айыы-Тайбыт и среднего течения р. Кэнкэмэ напоминала слабо увлаженную песчаную пустошь, мало поросшую какой-либо растительностью, и потому, видимо, слабо пригодной для размещения здесь долговременных стоянок. Полученные данные свидетельствуют, видимо, об эпизодическом проникновении неолитического человека в эти места с целью освоения новых территорий.

Раскопки позднесредневекового жилища, получившего наименование «Айыы-Тайбыт», засвидетельствовали наличие обрушенного в результате пожара четырехугольного сооружения прямоугольной формы (размером 3,5×4,5–5,0 м, высотой 0,2–0,25 м), сложенного из тонкомерных неошкуренных лиственничных жердин, схожего с традиционным якутским жилищем – юртой-балаганом, с входом с вост. стороны (согласно якутским представлениям) (рис. 66). Находки приурочены, главным образом, к центральной части конструкции и залегали преимущественно в черном слое (мощностью до 0,05 м), сформировавшемся в результате сильного горения фрагментов потолочных перекрытий и слоя лиственничной коры (щепы), являющегося нижним настилом. Сгоревшие остатки сооружения представлены в основном комлевой частью обрушенных жердин, которые подверглись воздействию огня в наименьшей степени. Высота постройки не превышала 1,6–1,7 м.

Полученный материальный комплекс представлен гладкостенной керамикой серого цвета (395 фрагментов), костями животных (подсчитано 274 кости), каменными (22), деревянными (5), берестяными (3) и одним костяным изделиями, комочками глины (диаметр до 3,5 см) – 888 штук, из которых 770 обожжены, девятью фрагментами непрошитой бересты и тремя кусками железного шлака. Полученная керамика тонкостен-

Рис. 66

ная (толщина до 0,6 см) и толстостенная (0,6–0,8 см), всего обнаружено 29 венчиков, 4 фрагмента плоского днища и 3 фрагмента придонной части, принадлежащие 6 разным сосудам. Данные типы сосудов находят себе аналогии в керамическом комплексе кулун-атахской скотоводческой культуры позднего средневековья Якутии (XIV–XVI вв.), в значительной степени ее заключительному сырдыкскому этапу XV–XVI вв. [*Гоголев*, 1990, с. 23–38]. Фаунистический состав комплекса выражен в массиве своем костями северного оленя (*Rangifer*, 198 штук) и, вероятно, птиц. Из анатомически определяемых костей оленя (122) зафиксированы экземпляры первых и вторых фаланг, лопаточных, плюсневых и пяточных костей, в единственном числе отмечены тазовая, бедренная и большая берцовая кости. Неисследованным остается зарытый в землю по центру постройки берестяной неорнаментированный сосуд (?) с костями северного оленя [*Кирьянов, Сивцева и др*., 2016, с. 272–278]. По двум образцам костей северного оленя в ИМГ им. В. С. Соболева получены две некалиброванные даты – 530±50 л. н. (СОАН-9595) и 1135±70 л. н. (СОАН-9596), из которых последняя представляется нам чрезмерно удревненной. Сама постройка, видимо, была обновлена (или перестроена?) в XIX в. и поставлена на месте прежнего сооружения (полученные датировки свидетельствуют о ее очень молодом возрасте – СОАН-9697, СОАН-9598).

По своим конструктивным особенностям, небольшим размерам, а также условиям месторасположения жилище заметно сближается с памятниками малоизученной культуры «малых домов» [*Окладников*, 1955, с. 347–352], которая, по мнению исследователей, генетически связана (является вариантом) с кулун-атахской культурой [*Алексеев*, 1996, с. 31; *Гоголев*, 1990, с. 49]. Материалы работ 2016 г. также это подтверждают [*Кирьянов, Сивцева, и др*., 2016].

Раскопки якутских погребений в Хангаласском р-не велись в рамках ежегодного научного проекта междисциплинарного изучения погребального обряда якутов дохристианского периода, который проводят СВФУ и Университет III г. Тулузы имени Поля Сабатье (Франция) [Мир древних якутов, 2012; *Кирьянов, Crubézy и др.*, 2017]. Работы велись в местности Ат-Дабан, которая исторически входила в состав родовых земель кангаласских князцев, игравших важную роль в якутском тойонате и управлении краем в XVII–XVIII вв.

Всего раскопано 6 объектов (все ориентированы по линии З–В), два из которых рассматриваются как единый комплекс.

Захоронения 1–2, Ат-Дабан IV. Мужчина 25–30 лет (рост 167 см) в двойном лиственничном гробу-колоде с лежащим в 2,5 м от него молодым конем (Ат-Дабан V) с их размещением в разных могильных ямах (типичная форма для якутов). Вещевой состав: остатки соболиной шапки, кожаного пальто, рубашки из дабы, кожаных ноговиц и обуви, шейный ворот из соболиных хвостов, узкий кожаный ремень с бронзовыми заклепками, седло с двумя стременами, охотничья пальма, переломанный надвое лук таежного типа, красивый колчан из продымленной кожи с геометрическим наружным тиснением, колчанным крюком и стрелами, берестяная посуда (сумка с лошадиными костями и туес); у коня только удила.

Захоронение 3, Ат-Дабан VI. Погребение состоятельной женщины ок. 60 лет (рост 157 см) в двойном лиственничном гробу-колоде, крытом двойным слоем прошитой бересты (рис. 67). Одежда представлена выделанным из конской кожи пальто до уровня колен с опушкой из соболя, с бисерными и бронзовыми аппликативными вставками и бронзовыми подвесками (як. «таналай»), а также коротким платьем-безрукавкой, расшитыми бисером натазниками, кожаными торбазами, носками (як. «кянчи»). Вещевой состав: бронзовые предметы – петлеобразная шейная гривна, солярный диск от шапки (як. «туосахта»), пара наручных браслетов, три сургучных перстня-печатки (изображения на двух щитках: «Суд царя Соломона» и сюжет, напоминающий геральдический образ Сибири) и одно разъемное кольцо, биконьковая подвеска, три кольцеобразные проволочные серьги с черно-белыми бусинами; железные – засапожный нож с эмалированной бронзовой рукояткой в стиле «усольской школы живописи» в кожаных ножнах, клепаный котелок больших размеров, пара стремян, а также конские удила, причем один трензель намеренно засунут женщине в рот (?!); корродированные Т-образные ажурные пластинки, возможно серебряные (деталь оголовья?); деревянные – чаша, берестяной туес и седло.

Захоронение 4, Ат-Дабан VII. Ранее подвергавшееся археологическим раскопкам (вероятно, Ф. Ф. Васильевым в 1978–1986 гг.) погребение пожилого мужчины (рост более 170 см) в двойном лиственничном гробу-колоде с березовым посохом, берестяной сумкой с лошадиными костями, деревянной чашей и ножнами без ножа. Остатки одежды – пальто из конской шкуры (подбито зайцем), лисья шапка.

Рис. 67

Захоронение 5, Ат-Дабан VIII. Погребение женщины ок. 25 лет (рост 144 см) в дощатом лиственничном гробу, с остатками одежды – кожаными пальто и украшенной бисером шапкой, а также украшением натазника в виде бисерного пояса со свисающими медными цепочками (в два ряда), одной биконьковой подвеской и тремя кольцевыми проволочными серьгами с черно-белыми бусинами.

Захоронение 6, Ат-Дабан IX. Погребение бедной женщины ок. 60–80 лет с ярко выраженным сколиозом скелета (реконструированный рост – ок. 160 см) в дощатом лиственничном гробу с двумя кольцевыми проволочными бусинами с медными пронизками и белыми бусинами (лежат в области груди) и мешком в ногах из продымленной кожи с костями лошади.

Алексеев А. Н., 1996. Древняя Якутия: железный век и эпоха Средневековья. Новосибирск: Наука. 96 с.

Гоголев А. И., 1990. Археологические памятники Якутии позднего Средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во ИГУ. 192 с.

Кирьянов Н. С., Сивцева В. П., Николаев Т. В., Куприянов Д. М., 2016. Материальный комплекс поселения позднего Средневековья «Айыы-Тайбыт» в Центральной Якутии: в рамках дискуссии о месте культуры «малых домов» в периодизации средних веков Якутии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры: м-лы V Междунар. науч. конф. Вып. 5. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 272–278.

Кирьянов Н. С., Crubézy E., Duchesne S., Gérard P., Mougin V., Géraut A., Petit C., Колодезников С. К., Попов В. В., Романова Л. Г., Алексеев А. Н., Бравина Р. И., 2017. Раскопки могильного комплекса позднего Средневековья «Ат-Дабан» («Ат-Быран») в долине Эркээни Центральной Якутии (по результатам работ саха-французской археологической экспедиции в 2016 г.) // «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» (м-лы III Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей). Владивосток: Дальнаука. С. 148–154.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск: ИД СВФУ, 2012. 226 с.

Окладников А. П., 1955. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к Русскому государству. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 432 с.

В. В. Питулько

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯНСКОГО КОМПЛЕКСА СТОЯНОК

Ключевые слова: верхний палеолит, адаптация, расселение человека, плейстоцен

Яно-Индигирской экспедицией ИИМК РАН продолжены исследования Янского комплекса стоянок в низовьях р. Яны, объекты изучаются неуклонно, начиная с момента открытия в 2001 г. [*Pitulko et al.*, 2004]. Это один из немногих памятников верхнего палеолита мира, расположенных в Арктике, и один из наиболее древних среди них. Исследования организованы ИИМК РАН в рамках проекта «Природная среда позднего неоплейстоцена – голоцена Сибирской Арктики и древний человек: расселение, культурная изменчивость, адаптации». Работы выполнены при поддержке РГНФ, проект N 16-18-10265-RNF.

Объекты, составляющие Янский комплекс стоянок, сформировались в результате нескольких крупных циклов обитания в интервале 27–29 тыс. радиоуглеродных лет назад. Как установлено, элементы пространственной структуры Янского комплекса стоянок сохранились в различной степени, однако минимум три из них – Янское «кладбище мамонтов», пункт Северный и участок Яна-В – в минимальной степени затронуты деструктивными природными процессами [*Pitulko et al.*, 2013]. В результате раскопок этих объектов в 2002–2015 гг. получены разносторонние данные

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.472-474

о культуре древнего населения севера Восточной Сибири, включая коллекции предметов с неутилитарной функцией, охотничьего снаряжения, украшений и орнаментированных изделий [*Pitulko et al*., 2012; 2015], сохранившихся благодаря многолетнемерзлым условиям.

Этот уникальный комплекс объектов, однако, постепенно разрушается вследствие боковой эрозии реки, термокарста и термоденудации, а также современных техногенных процессов (размыв мерзлых отложений с целью промышленной добычи костных остатков плейстоценовой фауны, в особенности бивней мамонтов, осуществляемый местными жителями в нарушение природоохранного, культурного, землепользовательского и недропользовательского законодательства РФ). В связи с указанными причинами объекты Янского комплекса стоянок нуждаются в непрерывном исследовании – это единственный способ предотвратить утрату ценнейшей информации, заключенной в ее культуросодерждащих отложениях.

В 2016 г. изучались СЗ окраина пункта Северный и пункт Яна-В, а также проведены наблюдения на Янском «кладбище» мамонтов, в пункте Верхний, участках берега между указанными пунктами. Установлено, что в пределах Янского комплекса стоянок берега реки весной 2016 г. испытали мощное воздействие боковой эрозии реки с катастрофическим темпом отступания берегового фронта с блоковыми обрушениями и размывом на значительном протяжении. Проведено картирование разрушенных зон совместно с регулярно проводимым картированием движения бровок террас. В районе пункта Северный продвижение эрозионного фронта составило ок. 40 м. Наблюдения подтвердили сделанный ранее вывод о достижении границы распространения культурного слоя в СЗ направлении. Был доисследован участок, законсервированный в 2015 г. (17 кв. м культурного слоя). В зоне обрушений к З от границы раскопа в пункте Северный выявлен участок культурного слоя, захороненный в остатках рухнувшего мерзлого козырька. Он был раскопан с соблюдением стандартных процедур (13 кв. м культурного слоя). Судя по наблюдениям в обнаженных мерзлых стенках, можно сделать вывод о том, что площадь участка Северный в основном исчерпана раскопками, хотя материал, связанный с деятельностью человека, встречается в виде разрозненных находок, маркирующих уровень поверхности обитания (зафиксировано и собрано 100 ед., преимущественно фаунистические остатки). В дополнение к ранее полученным материалам при раскопках извлечено 1656 ед. материала (фаунистические остатки, орудия, отщепы).

В пункте Яна-В продолжены работы по изучению участка, законсервированного в 2015 г. (изучено 8 кв. м), а также начато исследование смежного с ним полигона (58 кв. м, всего на пункте Яна-В – 67 кв. м). Извлечено 4044 ед. материала (фаунистические остатки, орудия, отщепы), продолжен отбор образцов. Культурный слой в этой области памятника представлен контрастными по содержанию материала участками. Материал из пунктов Северный и Яна-В вполне соответствует облику ранее полученной коллекции.

Летом 2016 г. на территории памятника местными жителями осуществлялась масштабная бивнеискательская деятельность, вносящая дополнительный вклад в разрушение отложений стоянки. Размывами охвачено ок. 2 км берега реки, фактически сплошным протяжением. Данная деятельность является серьезной угрозой не только для Янского комплекса стоянок, но и для других объектов Севера Восточной Сибири. Работы 2016 г. в полном объеме подтверждают ранее сложившееся мнение о высоких темпах разрушения памятника, в связи с чем предполагается проводить их и в дальнейшем.

Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E., 2013. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM // Paleoamerican Odyssey / Editors K. E. Graf, C. V. Ketron, M. R. Waters. Texas A&M University Press: College Station. P. 13–44.

Pitulko V. V., Nikolskiy P. A., Girya E. Y., Basilyan A. E., Tumskoy V. E., Koulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Y., Anisimov M. A., 2004. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. Vol. 303. P. 52–56.

Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., 2015. Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study based on the materials from Yana RHS site // World Archaeology. Vol. 47. P. 333–389.

Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Ivanova V. V., 2012. The Oldest Art of Eurasian Arctic // Antiquity. Vol. 86. P. 642–659.

ЧУКОТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ[1]

К. А. Днепровский, С. Ю. Шокарев

ОБСЛЕДОВАНИЕ ЭСКИМОССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НАУКАН В ЧУКОТСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Ключевые слова: яранга, керамика, изделия из кости XV–XX вв., пунукская культура, древнеберингоморская культура

Чукотская АЭ ГМВ, Департамента образования, культуры и молодежной политики Чукотского автономного округа и ООО «ГеоКорд» провела работы по составлению охранной документации памятника федерального значения «Многослойное поселение Наукан». Был составлен топографический план памятника, произведена подробная фотофиксация каждого объекта на территории поселка, разработан проект охранной зоны объекта культурного наследия и определены координаты поворотных точек охранной зоны с помощью GPS. Площадь охранной зоны Наукана 13,91 га, периметр 2,107 км.

Наукан – крупнейший поселок береговых эскимосов, время появления которого в литературе датируется различно. Он упоминается в че-

[1] См. также статью И. В. Макарова и др. на с. 478.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.474-478

лобитной С. И. Дежнева о плавании, совершенном в 1648 г. Науканские морские зверобои говорили на особом диалекте эскимосского языка. Расцвет поселка пришелся на XIX – 1-ю пол. XX в., и здесь наиболее полно отразились древние традиции всей высокой культуры эскимосских охотников на морского зверя. В советское время в Наукане были созданы колхоз, школа, магазин, изба-читальня и другая инфраструктура. На 1 июля 1956 г. в поселке проживали 229 человек, 201 эскимос, 6 чукчей и 22 русских. В 1958 г. Наукан был закрыт, а жителей переселили. Это событие и по сей день воспринимается эскимосами как национальная трагедия.

Наукан расположен на 50-метровой высоте над уровнем моря на вост. оконечности мыса Дежнева. Поселок разделен на две половины (сев. и юж.) ручьем Куик. На топографическом плане Наукана, составленном Р. В. Кретовым и С. Ю. Шокаревым, отмечены 182 объекта. В сев. части поселка – 83 объекта, в юж. – 99. На плане изображены только четко выделенные в рельефе строения, имеющие в той или иной степени полные контуры. Отдельные, не относящиеся к полному строению каменные кладки, выровненные на склоне площадки, фрагменты объектов не учитывались.

«Землянка» на поселении отмечена только одна. Это небольшое, 2×1,5 м, помещение, действительно заглубленное в землю и служившее складом или водосборником в летнее время. Неоднократно отмеченные в литературе о Наукане «землянки» нами не обнаружены. Возможно, землянками названы дома, стоящие на поверхности, которые имели земляную (дерновую) крышу. Трудно представить жилые дома, заглубленные в вечную мерзлоту.

Кроме построек на плане Наукана отражены крупные объекты, на которые исследователи ранее не обращали внимания. В центре поселка к ручью Куик с противоположных сторон в склонах оврага ведут рукотворные пологие тропы-пандусы шириной до 1,5–2 м. Они сходятся к плотине, сложенной из крупных камней, и продолжаются вдоль оврага с двух сторон по направлению к морю. Плотина служила также и мостом через ручей. Для сооружения троп и плотины требовался большой объем тяжелых работ, требовавший организованного труда значительного количества людей.

Принципиальная конструкция древнеэскимосского жилища доживает на Чукотке до сер. XX в. Это едва ли не единственные на Чукотке так полно сохранившиеся традиционные стационарные жилища эскимосов. Науканские округлые яранги с каменными цоколями, кровлями из деревянных жердей и шкур моржа и коридорными выходами, ориентированными к морю, зримо объединяют современных эскимосов с их древними предками (фото на обложке).

Строительство традиционного науканского дома начиналось с выравнивания площадки, как это делалось на древнеэскимосских поселениях Эквен и Пайпельгак, исследованных археологически. Площадка делилась на две примерно равные части, и посередине делалась ступенька высотой 20–25 см, которая укреплялась кладкой в один камень. Обычно

яранги в плане округлые или прямоугольные со скругленными углами. Укладывались каменные стены «всухую», но, видимо, щели между камнями закладывали мхом или дерном. Камни подбирались так, чтобы подогнать их как можно более плотно друг к другу. Между камнями в грунте, принесенном ветром, прорастала трава, корни которой забивали щели. В поперечнике эти дома от 4 до 6 м, редко больше. Вертикальные опоры стен и кровли не вкапывались в пол, а были укреплены среди каменной кладки по периметру на расстоянии ок. 1,5 м друг от друга. Стена, обращенная в сторону подъема, на З, строилась глухой, а в противоположной стене сооружался выход в сторону моря, закрывающийся шкурой, а позднее дверью из дерева. Выход в виде короткого коридора длиной до 2 м справа и слева прикрывали каменные стены, между которыми крепилось перекрытие коридора.

Во всех ярангах уровень пола понижался от задней стены, около которой устраивался спальный полог, через ступеньку в общее помещение, а уровень пола во входном коридоре всегда был самым низким в жилище, часто имел еще одну ступеньку или просто плавно понижался наружу. Регулярной каменной или из иного материала вымостки пола яранги не прослеживается: внутренняя часть жилищ, как правило, задернована.

Деревянные детали рухнувших перекрытий и верхних частей стен сохранились в 26 ярангах. Во время жизни поселка деревянные детали необитаемых яранг разбирались и использовались жителями. В конце существования Наукана деревянные части могли частично вывозиться вместе с личными вещами жителей. Только поспешным выселением жителей объясняется наличие деревянных деталей кровли в Наукане.

Удлиненно-овальные в сечении шесты длиной до 4 м, на которых держалось покрытие из шкур моржа, шириной до 10 см и толщиной 4–5 см тщательно обструганы и даже шлифованы со всех сторон. Они слегка изогнуты и сужаются к обоим концам. О сложной конструкции кровли говорят отмеченные в двух домах такие детали перекрытия, как длинные шесты округлого сечения толщиной 8–10 см в диаметре, с утолщениями на концах и выемкой на торце, как у древка эскимосской стрелы. Перекрытие яранги служило относительно недолго и подлежало замене. Каркас должен был легко разбираться и собираться вновь и соответствовать форме и размеру тяжелых шкур моржа. Детали каркаса кровли связывались между собой ремнями, а позднее металлической проволокой. Покрышка прижималась к каркасу внешними перетяжками из проволоки с камнями на концах. Кровля повергалась большим ветряным нагрузкам, и каркас должен был быть слегка подвижным.

Науканские яранги имеют традиционную конструкцию и мало чем отличаются от жилищ, в которых жили их предки в древнеберингоморское и бирниркское время в I тыс. н. э. При значительном сходстве науканских жилищ с жилищами Эквена и Пайпельгака есть и некоторые серьезные отличия: в Наукане нет двухкамерных строений, примыкающих друг к другу (Эквен) или соединенных крытым коридором с каменной вымосткой пола и опорами кровли из костей кита (Пайпельгак). Возможно,

это объясняется крутизной склона, на котором строились жилища. Древнеберингоморские небольшие жилища на Пайпельгаке строились для сезонной охоты и не были предназначены для проживания целой семьи, как в Наукане.

Форма кровли является самой характерной чертой в облике древнеэскимосского жилища. Именно такая кровля изображается на знаменитых петроглифах Пегтымеля. Дошедшие до нас изображения позволяют утверждать, что стационарные жилища были наземными и имели легкую шатровую кровлю из деревянных жердей и шкур животных. Это подтверждается археологическими исследованиями Эквена и Пайпельгака и обследованием Наукана.

В шурфе, заложенном в центре поселка рядом с фундаментом школы, и при сборе подъемного материала собрана небольшая коллекция артефактов [*Днепровский, Лопатин*, 2016]. Это – фрагмент колка гарпуна вытянутой стержневидной формы; передняя часть наконечника копья с заостренным концом, изготовленного из os penis моржа; бола для ловли птиц из клыка моржа; составная часть универсального крюка-багра из клыка моржа в виде слегка изогнутого округлого в сечении стержня на массивном основании в виде вытянутого треугольника с двумя поперечными отверстиями; средняя часть ромбовидного в сечении наконечника стрелы или дротика из сланца со шлифованной поверхностью; фрагмент кирки-мотыги из клыка моржа, костяная рукоять крупного женского ножа-уляка с горбатой изогнутой спинкой, продольной прорезью для пальцев и узким пазом для крепления лезвия; каменное изделие, возможно заготовка наконечника стрелы листовидной формы, а также значительное количество керамики, существенно превышающее число других предметов (всего – 59 фрагментов). Фрагменты имеют цвет разных темных оттенков – черного, темно-серого и коричневого. По фрагментам венчиков реконструируются миски, глубокие миски, котелки, жирник. Орнаментирован только один фрагмент по краю сосуда – косыми насечками по плоскости края.

Керамика Наукана находит близкие аналогии в керамике из Эквена и Пайпельгака [*Лопатин*, 2012]. Данные находки дополняют коллекцию С. И. Руденко, собранную в Наукане в 1945 г., и подтверждают выводы этого ученого о позднепунукской датировке собранного им науканского археологического материала [*Руденко*, 1947].

На данном этапе можно констатировать, что в Наукане нет археологических свидетельств его заселения ранее XV–XVI вв., когда древнеэскимосская культура Чукотки вступила в позднепунукский период. Был ли временной разрыв между позднепунукским заселением Наукана и поселенцами – строителями яранг с цоколями из камня, которые сохранились до нашего времени, – сказать трудно. Для этого следует провести масштабные археологические исследования значительно больших площадей. Ясно только одно: поскольку пунукское население является непосредственным наследником древнеберингоморских культур и культуры бирнирк, науканцы – строители и обитатели яранг с каменными цоколями – являются прямыми потомками носителей раннеэскимосских традиций.

Днепровский К. А., Лопатин Н. В., 2016. Археологические находки на территории Наукана // Спасти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. М-лы науч.-практич. конф. М.; Анадырь. С. 82–95.
Лопатин Н. В., 2012. О древнеэскимосском гончарстве (по материалам поселения Пайпельгак) // Вехи на мысах. К 80-летию С. А. Арутюнова. М. С. 60–69.
Руденко С. И., 1947. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути.

МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

И. В. Макаров, А. А. Орехов, А. А. Прут

РАБОТЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА КОЛЫМЕ И ЧУКОТКЕ

Ключевые слова: стоянка-мастерская, ранний неолит, отщеп, охотники на оленей

СВАЭ совместно с Магаданском областным КМ обследовала участки строительства «ВЛ 220 кВ Омсукчан – Песчанка» в Омсукчанском и Северо-Эвенском р-нах Магаданской обл. и в Билибинском р-не ЧАО. Протяженность проектируемой трассы ВЛ 722 км.

Маршрут экспедиции проходил в отдаленной и труднодоступной местности, пересекая правые притоки Колымы – рр. Сугой, Коркодон, Омолон, со своими притоками – рр. Ирбычан, Депкачан, Кедон, Апкиткич, Хуличан, Уляган, Уляшка, Олой, Уточан; а также притоки Большого Анюя – рр. Пеженка, Ненкан, Баимка и др. Серьезным препятствием на пути были обширные болота и горные хребты – Коркодонский, Молькаты, Конгинский, Уш-Урэкчэн, Олойский, Ненканский, Бахихчан и др.

Для характеристики маршрута уместно привести высказывание В. И. Иохельсона о том, что местность «между рр. Ясачной и Коркодоном и к Ю от Коркодона совершенно пустынна и безлюдна» и, по его оценке, на кон. XIX в., плотность населения превышала 75 кв. верст на человека. С ним согласен С. В. Обручев: «Омолон – одна из самых пустынных рек этого края». Тем более актуальной становится задача установить хронологию освоения и культурную принадлежность древнего населения этого региона в более ранние исторические периоды.

В ходе разведочных маршрутов в верховьях р. Кустарной (Тик), левого притока р. Кедон, на правом берегу первого правого притока р. Кустарной на 20-метровой останцовой сопке выявлена стоянка Кустарная. С поверхности и из шурфа получено 3 призматических нуклеуса, 12 пластинчатых сколов и 47 отщепов из местного кремнистого туфа (фельзита). Инду-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.478-479

стрия была направлена на получение с помощью жесткого минерального отбойника пластинчатых сколов-заготовок с острыми рабочими кромками для оснащения составного охотничьего вооружения.

В 10 км к СЗ от Кустарной выявлены объекты Хангар I и II.

Хангар I. Стоянка обнаружена на 8-метровом скальном останце левого берега ручья Хангар – правого притока р. Левый Кедон. На развеянной дерново-ягельниковой поверхности найден медиальный сегмент призматической обсидиановой пластинки и 4 отщепа. Культурный слой в разведочных шурфах не выявлен.

Хангар II расположен в 1,6 км севернее, на выположенном 50-метровом сев. склоне сопки в устье притока – ручья Нарзан. В сходных условиях найдено 3 мелких отщепа из кремнистого туфа. В шурфах культурный слой отсутствует.

Объекты Кустарная и Хангар I и II являются кратковременными стоянками-мастерскими бродячих охотников на оленей.

Аналогии выявленным комплексам имеются на С и Ю. К примеру, стоянки долины р. Гипотетическая (500 км на ЮЗ). Наиболее близкие аналогии выказывают материалы мастерских Стадухино I и III (480 км на СВ), выявленных СВАЭ в 2015 г. Технико-технологические и типолого-морфологические корреляции позволяют датировать комплексы ранненеолитическим временем.

Таким образом, первое археологическое проникновение в бассейн р. Кедон обнаружило свидетельства длительной истории освоения этого района. Открытие древних стоянок в истоках р. Кустарной и на ручье Хангар серьезно актуализирует археологические поиски в долине Кедона, недвусмысленно именуемого юкагирами «рекой людей» и остающегося, тем не менее, до сих пор совершенно не исследованным.

САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. В. Можаев

РАСКОПКИ СТОЯНКИ СЕЛО РЫБАКИ 2 НА ОСТРОВЕ ИТУРУП КУРИЛЬСКОГО АРХИПЕЛАГА

Ключевые слова: неолит, отщеповая каменная индустрия, ретушь, керамика, радиоуглерод, период дземон

Отрядом малого инновационного предприятия Сахалинского ГУ ООО «Изыскатель СахГУ» проведены раскопки на археологическом памятнике «Стоянка Село Рыбаки 2». Раскопом 1 площадью 404 кв. м охвачена зона реконструкции автомобильной дороги Курильск – аэропорт Буревестник.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.479-482

Выявлено два комплекса эпохи среднего неолита (III тыс. до н. э.) и финального неолита (I тыс. до н. э.).

Стоянка Село Рыбаки 2 расположена на о. Итуруп Сахалинской обл. и обнаружена М. М. Прокофьевым в ходе разведки 1985 г. [*Прокофьев*, 1986, с. 18–20]. По отобранной пробе угля получена радиоуглеродная дата 3980±60 л. н. [*Zaitseva et al.*, 1993, p. 507–510]. В 2007 г. археологические работы на территории памятника проведены экспедицией Сахалинского областного КМ. В ходе работ установлено наличие мощного культурного слоя, получена радиоуглеродная дата: 3930±30 л. н. [*Самарин, Шубина*, 2010].

Стоянка Село Рыбаки 2 расположена на полого наклонной морской абразионной террасе на берегу бухты Белавина в 300 м к В от устья р. Рыбацкая. Уровень террасы 35–40 м. С зап. стороны терраса круто обрывается к морскому берегу, с сев. стороны стоянка ограничена ложбиной перед вост. мысом залива, с юж. и ЮВ сторон – срезом террасы – откосом автодороги Курильск – аэропорт Буревестник.

Стратиграфия отложений морской террасы, на которой расположена стоянка, выявлена в разрезах (контрольных бровках) раскопа 1 и характеризуется следующими отложениями.

1. Верхняя пачка отложений представлена дерном, современным набросом и пашней. Слой содержит находки XX в. Слой наброса XX в. зафиксирован полосой шириной 2–4 м к С от полотна автодороги Курильск – Буревестник. Далее на С под слоем дерна залегает слой пашни – слой рыхлой быстро отсыхающей супеси. В слое пашни зафиксированы артефакты – в основном мелкие отщепы и небольшие фрагменты керамики – сильно поврежденный культурный слой мощностью от 15 до 100 см.

2. Супесь черно-коричневого цвета, плотная – культурный слой стоянки. Содержит артефакты в не потревоженном современными воздействиями состоянии, в том числе развалы археологически целых сосудов, скопления отщепов и чешуек из обсидиана. Мощность слоя от 10 до 30 см. В раскопе 1 разобран в рамках слоя 2.

3. Коричневый легкий суглинок – артефактов не содержит. Мощность слоя в разрезах 5–15 см. Основание раскопа 1.

4–6. Суглинки черного, коричневого и желто-коричневого цвета. Археологических находок не содержат.

В ходе археологических разведок, проводившихся в 2016 г. на о. Итуруп, подобное чередование почвенных слоев зафиксировано на прибрежной части 30–40-метровой морской террасы на территории от р. Рыбацкая до р. Курилка, то есть на протяжении ок. 3 км.

Артефакты в раскопе представлены отдельными фрагментами керамических сосудов и каменным инвентарем, включающим ножи, скребки, наконечники, плитки для шлифовки, орудия деревообработки, а также отщепы. Всего в раскопе обнаружено ок. 2000 изделий из камня и керамики. Для изготовления каменных орудий труда в качестве сырья использовался обсидиан, кремни, песчаник и базальт. В целом техника расщепления направлена на получение отщепов. Вторичная обработка изделий вклю-

чала бифасиальное оформление ретушью, краевое ретуширование для ножей и скребков и шлифовку для изготовления орудий деревообработки.

На охваченной раскопом территории изготовлялись каменные орудия труда, в том числе из обсидиана. Основой для этого вывода является большое количество обнаруженных здесь свидетельств производства – чешуек, отщепов, нуклевидных обломков и технических сколов, зафиксированных в локальных скоплениях. Специфическим типом изделий являются обнаруженные топоры с выделенным насадом, представляющим подобие плечиков, выступов в районе рабочего края.

В слое 2 обнаружены отдельные фрагменты керамики, скопления керамики и развалы сосудов. Последнее указывает на залегание археологических находок в не потревоженном современными воздействиями состоянии. Обнаружена керамика двух типов. Первый представлен плоскодонными сосудами цилиндрической формы. Керамика толстостенная 10–12 мм с добавлением песка. Характерной особенностью является налепной венчик с вертикальными выступами. Орнамент представлен круглыми оттисками под венчиком, а также сплошным декорированием стенок сосуда крупными веревочными оттисками, расположенными под углом ок. 45 градусов, которые формируют узор типа шеврон. Данная керамика имеет прямые аналогии на СВ о. Хоккайдо и относится к периоду средний дземон. По японской типологии – тип Токоро 6 в составе группы Хокуто, который датируется в рамках 4,5–4 тыс. л. н., то есть периодом среднего неолита. В Токийском

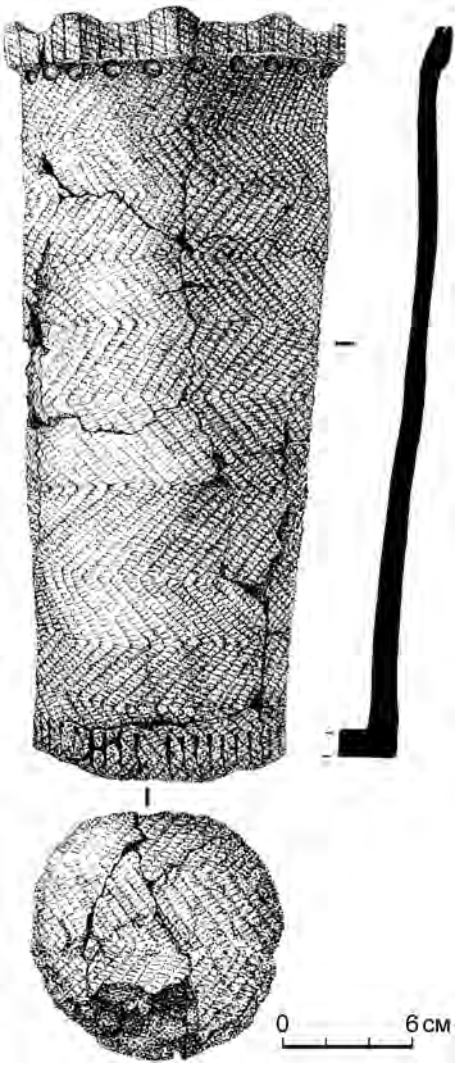

Рис. 68

университете (The University of Tokyo) проведено радиоуглеродное датирование нагара двух сосудов, получены радиоуглеродные даты (МТС 17876) 4325±40 л. н. (рис. 68) и (МТС 17875) 4280±40 л. н.

Второй тип керамики представлен плоскодонными сосудами с прямым венчиком, толщина стенок 4–6 мм. Орнамент представлен сплошным веревочным прокатом. Получена радиоуглеродная дата 2895±35 л. н. (МТС 17874). По сумме признаков относим данную керамику к периоду позднего дземона или эпидземона в рамках нач. I тыс. до н. э., то есть периодом финального неолита.

Проведенные археологические раскопки имеют большое значение для реконструкции историко-культурных процессов, происходивших в эпоху неолита в островном мире Дальнего Востока.

Прокофьев М. М., 1986. Археологические памятники на о. Итуруп (по результатам разведок 1983, 1985 гг.) // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Препринт. Южно-Сахалинск. С. 18–20.

Самарин И. А., Шубина О. А., 2010. Отчет о полевых археологических исследованиях на островах Кунашир и Итуруп Сахалинской области в 2007 году. Южно-Сахалинск.

Zaitseva G. I., Popov S. G., Krylov A. P., Knorozov Y. V., Spevakovskiy A. B., 1993. Radiocarbonchronology of archaeological sites of the Kurile islands // Radiocarbon. Vol. 35. № 3. 1993. P. 507–510.

О. А. Шубина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА О. САХАЛИН И О. ШУМШУ

Ключевые слова: грунтовый могильник, стоянка, VII–IX вв., охотская историко-культурная общность, XIX–XX вв., айны, радиоуглерод, тефрохронология

Экспедицией Сахалинского областного КМ проведены полевые археологические исследования в трех районах Сахалинской обл.: в Долинском р-не (ЮВ часть о. Сахалин) – раскопки на месте разрушающегося айнского могильника и стоянки Река Уж 5; в Корсаковском р-не (юг о. Сахалина) – раскопки айнского захоронения на стоянке Лесное 1; и в Северо-Курильском р-не – археологические разведки на о. Шумшу в составе международной экспедиции с участием археологов из Японии и США. Работы носили преимущественно охранный характер, необходимость проведения раскопок погребений на памятниках Река Уж 5 и Лесное 1 была обусловлена факторами интенсивного разрушения объектов вследствие береговой абразии и опасности их уничтожения в ходе несанкционированной деятельности «черных копателей».

На стоянке Река Уж 5 выявлен мощный (до 0,4–0,6 м), хотя и в значительной степени поврежденный оползневыми процессами и антропогенным воздействием культурный слой и находки (преимущественно фраг-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.482-484

менты керамики), возраст которых определен в рамках VII–IX вв. н. э., характеризующие этап Эноура Охотской историко-культурной общности, широко распространенной на территории Сахалина и Курильских островов. Обнаружены остатки двух грунтовых погребений, одно из которых практически полностью разрушено вследствие береговой абразии, другое сохранилось в первоначальном положении. Кости скелета не сохранились, за исключением фрагментов черепной коробки и зубов, по которым был установлен детский возраст погребенного (5–6 лет). В районе головы, пояса и ног расчищены скопления цветных стеклянных бусин, украшавших головной убор и одежду ребенка. Важным элементом погребального инвентаря является обнаруженная «в ногах» краснолаковая деревянная чашка – типичная принадлежность быта и погребального обряда сахалинских айнов в кон. XIX – 1-й пол. XX в. Кроме того, на удалении от древней стоянки и могильника, в пределах небольшой ямы (0,56×0,7×0,3 м), вырытой на крутом склоне морской террасы, обнаружено скопление человеческих костей, трех черепов и предметов погребального инвентаря – предположительно, это остатки позднего перезахоронения без соблюдения погребального ритуала, произведенного в 1930–1940-х гг. японскими жителями поселка, возникшего на месте старого айнского кладбища.

На стоянке Лесное 1 проведены раскопки захоронения, случайно обнаруженного местным жителем. Это грунтовое погребение в деревянном ящике размером 126×28–33×20 см, с погребальным инвентарем: сохранились стеклянные бусины и медные пуговицы, украшавшие головной убор и одежду, поясные украшения – бронзовые кольца и фигурные бляшки, краснолаковая деревянная чашка «в ногах» погребенного. Особенностью данного погребения является находка подобной же чашки, засунутой вертикально между стенкой могильной ямы и деревянной обкладкой гроба. Погребение является айнским, датировано кон. XIX – 1-й пол. XX в.

На о. Шумшу обследована местность, прилегающая к оз. Большое, вост. отроги мыса Чибуйный (Сиомигава) и ур. Байково. Обследовано 25 археологических памятников, из них 19 выявлены впервые. Многие археологические объекты оказались разрушенными или были существенно повреждены в ходе японского военного строительства 1-й пол. 1940-х гг. При осмотре морской террасы обнаружено несколько хорошо сохранившихся раковинных куч, состоящих в основном из раковин брюхоногого моллюска Nucella и костей животных, с редкими находками каменных изделий и обработанной кости, они датированы в пределах 890–970±20 BP. Все радиоуглеродные анализы произведены методом AMS в Японии (Institute of Accelerator Analysis Ltd.) по гранту проф. Кацунори Такасэ JSPS KAKENHI (15H01899).

На стоянке Сиомигава в зачистке эродированного края 17-метровой морской террасы выявлена мощная толща культуросодержащих слоев, перемежающихся пепловыми прослойками. На глубине 0,75 м залегает раковинная куча охотского времени рубежа I–II тыс. н. э.; на глубине 2 м от уровня современной дневной поверхности обнаружено человеческое

захоронение. Большинство костей скелета сохранились в анатомическом порядке, но очень плохой сохранности. С погребением связаны найденные в слое кости крупных морских млекопитающих, линза красной охры, халцедоновый скребок на галечном сколе, остатки сгоревшей древесины в виде углистых прослоек. Анализ образцов древесного угля показал возраст: 3600±30 BP (2026 cal BC – 1896 cal BC). Нижний пласт культурных отложений лежит на толстом (до 0,2 м) слое вулканического пепла («тефра Курильского озера»), образовавшемся во время одного из самых крупных в мире вулканических извержений в голоцене и датированном возрастом ок. 7600 лет. Между захоронением и пеплом продолжается культурный слой мощностью 0,1–0,15 м с включением древесного угля, отщепов кремня и обсидиана, что позволяет предполагать его среднеголоценовый возраст. Артефакты по всей толщине разреза представлены отщепами.

При шурфовке на стоянках вокруг оз. Большое и в Байково выявлены культурные слои, датированные возрастом 2230–2790±20 BP и 4660–4740±30 BP; из прослоек вулканического пепла отобраны образцы для тефрохронологических исследований, которые смогут помочь в определении времени формирования связанных с ними культурных напластований.

На 15-метровом мысовидном выступе нижней террасы вост. склона мыса Чибуйный обнаружен археологический памятник, который по внешним признакам можно отнести к типу укрепленных поселений – «часи», сочетающих элементы естественной (неприступные скалистые обрывы) и искусственной (ров) фортификации. На прилегающей площадке, существенно поврежденной в ходе военного строительства, отмечены два западения диаметром 8–10 м, напоминающие котлованы жилищ. Для проверки наличия и мощности культурного слоя заложена контрольная траншея. Обнаружен мощный (до 1,6 м) культурный слой, в значительной степени сложенный фаунистическими остатками, среди которых преобладают раковины моллюсков, имеются кости рыб (трески, камбалы, терпуга, лосося, бычка, палтуса, минтая), птиц (баклана, чайки, кайры, альбатроса, конюги, топорка, утки, гуся), морских и сухопутных млекопитающих (нерпы, сивуча, морского котика, кита, калана, лисы), встречаются единичные находки костей моржа, оленя, собаки, совы. Найдены отщепы и орудия из базальта, кремня, халцедона, черного обсидиана, а также несколько мелких фрагментов керамики. Анализ стратиграфической ситуации показал, что разрез затронул по крайней мере два погребенных перекрывающих друг друга жилища. В нижнем слое, на глубине ок. 1,5 м, расчищен большой очаг, сложенный крупными камнями, с мощным слоем древесного угля, датированного 860±20 BP (1156 cal AD – 1247 cal AD).

Археологическая разведка на территории, прилегающей к акватории оз. Большое и вытекающей из него протоки, выявила наличие ок. 20 местонахождений с жилищными котлованами и показала высокую перспективность дальнейших исследований на о. Шумшу в плане открытия новых археологических памятников и изучения истории заселения острова.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

А. Н. Черкасов, А. П. Забияко,
Р. С. Веретюшкин, Д. Н. Горбунов

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ АЛБАЗИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Ключевые слова: городище, погребение, жилище, печь, XVII в., Империя Цинь, грунтовый могильник, владимирская культура

Албазинская АЭ провела исследования на территории Албазинского острога и на Ангайском могильнике. Работы проводились в с. Албазино Сковородинского р-на Амурской обл. и его окрестностях. Археологические исследования проводились на средства Фонда «Петропавловск».

Основная задача Албазинской экспедиции – изучение памятника федерального значения городища **Албазинская крепость**. Особенность культурного слоя этого ключевого для Амурской обл. археологического памятника – высокая насыщенность массовыми захоронениями защитников Албазинского острога в период осады цинскими войсками в 1686–1689 гг. В 2016 г. доследован раскоп, заложенный в юж. части крепости в 2015 г.

Исследованы 13 одиночных погребений и одно массовое захоронение в полуземляночной постройке – «скудельне». Одиночные погребения были совершены при общем соблюдении христианской обрядности и были ориентированы головой на З. Часть из них была помещена в деревянные гробы, часть уложена на отдельные доски, некоторые были помещены в могилы без каких-либо домовин и их подобий. Отмечены случаи присутствия нескольких гробов в одной могильной яме. Прослеженное разнообразие в соблюдении обрядности отражает постепенное ухудшение положения осажденных казаков в остроге.

Массовое захоронение было устроено в жилой постройке полуземляночной конструкции. Строение имело в плане подпрямоугольную форму и было ориентировано по сторонам света с сезонным смещением. Длина котлована по линии З–В составляла 4 м, ширина по линии С–Ю – 3,2 м. Глубина полуземлянки от современной поверхности составляла ок. 1,7 м, от уровня фиксации жилища в плане – ок. 0,5 м. Вход в постройку располагался с В, где при расчистке сооружения обнаружены остатки дверного порога. Напротив двери, в СЗ углу котлована располагалась глинобитная печь.

Котлован постройки был заполнен костяками погибших албазинцев. Меньшая часть из них была помещена в гробы, остальные – без гробов. Расположение было настолько плотным, что ноги одного из покойных лежали за пределами порога: его товарищам не удалось даже полностью поместить тело в полуземлянку. Общее количество погребенных в «скудельне» останков, по предварительным подсчетам, составило более 40 человек. Более точную цифру назвать из-за плохой сохранности костяков

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.485-488

Рис. 69

можно будет только после изучения их антропологами.

Это не первое массовое захоронение, найденное на территории острога. Аналогичный объект в нескольких метрах к С от описанной землянки исследован Албазинской экспедицией в 2014–2015 гг., в ней были обнаружены останки более 60 человек [*Черкасов*, 2015, с. 11–33; 2016, с. 11–22]. Землянка с останками 57 человек была изучена в 1991–1992 гг. в СЗ части крепости, два подобных массовых погребения также были раскопаны в 1975–1976 гг. [*Артемьев*, 1999, с. 113–114]. Таким образом, на данный момент исследовано 5 массовых захоронений. Об обустройстве братских могил на территории Албазинского острога известно из донесения руководителя обороны Албазина Афанасия Бейтона нерчинскому воеводе И. Е. Власову: «И те умершие люди похоронены в городе в зимовье поверх земли без отпеву до твоего разсмотрению. А ныне я с казаками живу во всяком смрадном усыщении. А вовсе похоронить без твоей милости и приказу дерзнуть не хощу, чтоб, государь, в погрешении не быть. А хоте, государь, ныне и благоволишь похоронить, да некем подумать и невозможно никакими мерами» [*Артемьев*, 1999, с. 108].

В ходе раскопок «скудельни» найдены стрелы, пули, фрагменты керамики, предметы личного благочестия – кресты. Также найден берестяной туесок с начерченным на дне православным крестом.

Также экспедицией обнаружено на территории с. Албазино погребение на кромке высокого берега Амура к С в 150 м от Албазинского острога. Оно находилось на насыпной возвышенности, устроенной, как предполагается, для маньчжурских пушек, обстреливавших Албазинский острог во время осады в 1686–1689 гг.

Погребение обнаружено в результате обрушения берега. Скелет лежал в деревянном гробу вытянуто, головой на З. Вместе с костями обнаружены православный крест (рис. 69), а также форменные пуговицы с различными изображениями, в том числе с двуглавым орлом. Это позволяет предположить, что это погребение казака или военнослужащего, относящееся ко 2-й пол. XIX в. – после присоединения Приамурья к России в 1854 г. При первичном осмотре костей отмечено, что череп имеет монголоидные признаки, возможно, это был крещеный тунгус или бурят. Также рядом с гробом обнаружена свиная челюсть. Поскольку у тунгусоязычных народов известен обычай класть в погребение свиной череп или челюсть, это может свидетельствовать об обрядовом религиозном синкретизме погребения.

Рис. 70

В 2016 г. Албазинская экспедиция продолжила исследования **Ангайского могильника**, открытого в 2014 г. и частично исследованного в 2015 г. Могильник относится, предположительно, к владимирской культуре позднего средневековья, с которой связывают даурские племена Приамурья. В 2015 г. были исследованы погребения семи человек с богатым инвентарем [*Черкасов*, 2016, с. 43–63]. В сезоне 2016 г. раскоп был расширен, в ходе работ обнаружено захоронение, совершенное по вторичному обряду.

Погребение находилось в подовальной в плане яме, вытянутой по направлению СЗ–ЮВ, шириной 2 м и длиной 2,2 м. В яме была сооружена деревянная прямоугольная конструкция: лежащие горизонтально друг с другом плахи, по периметру которых были вертикально поставлены с трех сторон доски, образуя деревянный ящик одной боковой доски и крышки. Конструкция имела длину 1,6 м и 0,85 м ширину. Вокруг конструкции также зафиксированы вертикальные колья, которые, возможно, представляли собой остатки перекрытия наподобие шалаша (рис. 70).

В центральной части конструкции лежали человеческие кости не в анатомическом порядке и без полной скелетной комплектности, что означало, что погребение было вторичным, предполагающим захоронение костных останков после отделения их от мягких тканей. Обычай вторичных погребений известен у народов Приамурья.

Под конструкцией обнаружены следы сгоревшего дерева, что можно интерпретировать как ритуальный костер, разожженный на дне могильной ямы для очищения перед погребением.

Рис. 71

Вместе с костями обнаружены поясная бляшка и поясной хвостовик (рис. 71: *1, 2*), сделанные из цветного металла, а также ок. 20 железных бесформенных фрагментов, железное кольцо, железный наконечник стрелы и железная пряжка-крючок. На поясной бляшке была изображена, предположительно, морда кошачьего хищника в фас, по краям бляшка была украшена растительным орнаментом, растительным орнаментом также был украшен хвостовик. Очевидно, железные фрагменты также относились к поясному набору.

Артемьев А. Р., 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. Владивосток.

Черкасов А. Н., 2015. Отчет об археологических раскопках и разведках в селе Албазино и его окрестностях (Сковородинский район, Амурская область) // Архив ИА РАН.

Черкасов А. Н., 2016. Отчет об археологических раскопках и разведках в селе Албазино и его окрестностях (Сковородинский район, Амурская область) // Архив ИА РАН.

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ

Н. Г. Артемьева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Ключевые слова: городище, Кайюань, амбар, XII–XIII вв., поселение, мавзолей, палеолит, неолит, устиновская культура, зайсановская культура

Приморской АЭ ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН продолжены исследования Краснояровского городища, также начаты исследования поселения Загородное 5 в Уссурийском р-не Приморского края. В рамках работ по хоздоговорным темам проведены раскопки памятника Хмыловка 3 в Партизанском р-не Приморского края.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.488-491

Краснояровское городище идентифицируется с Верхней столицей государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) – г. Кайюанем. Город был возведен при перестройке первого города, существовавшего ранее на этом месте. Причем первый город был построен чжурчжэнями в цзиньский период (1115–1234 гг.). В полевом сезоне 2016 г. исследования проводились на территории Запретного города, в СВ части памятника (раскоп 67). Вскрыто 535 кв. м. Одной из главных целей изучения последних лет стал функционально-планиграфический анализ полученных материалов, который дает возможность восстановить внутреннюю структуру поселений с выделением специализированных и социально значимых зон. Раскопки проводились на территории государственных складов (казенных амбаров), которые сосредоточены на территории Запретного города, рядом с государственными мастерскими. Государство Восточное Ся во многом заимствовало организацию государственного устройства Империи Цзинь, поэтому существование казенных амбаров как государственных хранилищ не вызывает сомнения. В этих амбарах должны были храниться продукция государственных мастерских, а также все, что собиралось в виде налогов. Они служили для удовлетворения государственных расходов, для выдачи жалованья чиновникам, для снабжения войск продовольствием, для оказания помощи голодающему и нуждающемуся населению во время стихийных бедствий.

Вскрыто два здания-амбара колоннадной конструкции с черепичной крышей, построенных на искусственно сделанной террасовидной площадке, одной стороной врезанной в склон сопки. Площадь помещений ок. 200 кв. м. Крыша держалась на 55 колоннах (одиннадцать колон в пяти рядах). Деревянные колонны, поддерживающие крышу, опирались на каменные базы. Базы устанавливались на специально подготовленные ямы-забутовки, благодаря которым колонны здания не «проседали». Ямы-забутовки вырывались в материке на глубину 60–80 см. Затем они заполнялись глиной с камнями, которые соответственно укладывались слоями и трамбовались. Каменные базы большей частью обнаружены в разбитом или треснутом состоянии. Вполне возможно, что здание горело и разрушалось в зимний период, и когда балки падали на каменные базы из-за перепада температуры, последние могли растрескаться. На обнаруженных забутовках не везде прослежены каменные базы. Черепица, которая укладывалась на крышу зданий, стандартная и однообразная, – это нижняя черепица. Судя по концентрации определенного типа посуды в зданиях-амбарах, можно заключить, что в здании 1 в шаровидных сосудах объемом 1–1,5 л хранились запасы рисового вида. В здании 2 обнаружены сосуды больших объемов – более 100 л, то есть корчаги. Этот тип посуды использовался для хранения зерна.

Поселение Загородное 5 представляет собой земляной курган овальной формы высотой до 8 м и площадью ок. 3500 кв. м, на котором в конце прошлого века было сооружено корейское кладбище и встречалось большое количество средневековой черепицы. Проведенные рекогносцировочные работы на кургане при помощи глубинного радиолокатора выявили

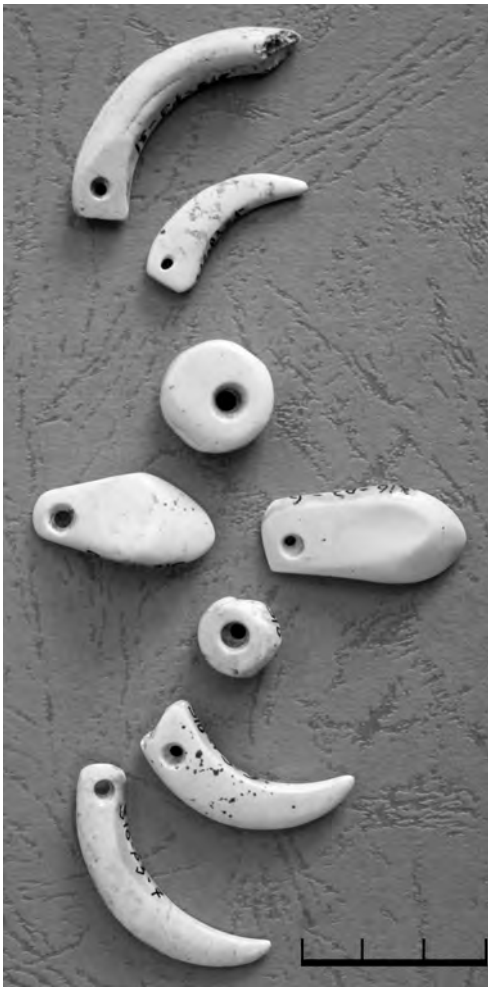

Рис. 72

пустоты внутри кургана, что дало возможность предположить, что там находился погребальный комплекс в виде мавзолея. Вскрыто 570 кв. м. Предположение, выдвинутое ранее, не нашло подтверждения. Раскопки показали, что курган (или сопка) является не искусственным сооружением, а скальным выходом. Удалось зафиксировать, что люди селились здесь начиная с неолита до 60-х гг. XX в. Обнаружены фрагменты керамики и вещевой материал неолитической зайсановской культуры, раннего железного века (янковская культура), польцевской, мохэской, чжурчжэньской культур, корейской культуры (XX вв.). Обнаружены постройки 50–60-х гг. прошлого века. Все культурные слои сильно перемешаны, особенно они были повреждены во время существования на этой сопке корейского кладбища. Несмотря на это, удалось обнаружить остатки средневековой постройки (платформу) с черепичной крышей, фрагменты чжурчжэньской керамики, в том числе целый сосуд для благовоний. Самой уникальной находкой, обнаруженной на поселении Загородное 5, стало ожерелье из прокаленных сердоликовых подвесок (рис. 72), 19 сердоликовых заготовок бус, хрустальный нуклеус. Все эти артефакты находились на фрагментах неолитического сосуда.

Поселение Хмыловка 3 расположено на территории объекта «3-я очередь углепогрузочного комплекса в порту Восточный. Внешний железнодорожный транспорт». На памятнике вскрыто 540 кв. м. Обнаружено ок. 80 археологических находок, большая часть которых представлена фрагментами стенок лепных сосудов. Обнаруженные каменные артефак-

ты можно разделить на два хронологических комплекса: палеолитический (устиновская культура XI – 1-й пол. X тыс. до н. э.); неолитический (зайсановская культура V–II тыс. до н. э.). Отсутствие долговременных жилищ и очень малое количество керамики говорят о том, что поселение Хмыловка 3 являлось временной стоянкой древнего человека. Скорее всего, большая часть памятника была уничтожена при строительстве автодороги Врангель – Хмыловка.

Т. А. Васильева

РАСКОПКИ НА ЕКАТЕРИНОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Ключевые слова: жилище, базы колонн, средневековье, XIII в., чжурчжэни, Восточное Ся

Отряд ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН продолжил исследования Екатериновского городища в Партизанском р-не Приморского края.

Екатериновское городище находится в ЮВ части Приморского края к СВ от с. Екатериновка в Партизанском р-не. Оно занимает открытый к В чашевидный склон сопки, разделенный распадком на две части, который спускается к широкой плодородной долине р. Сучан. По гребню сопки возведен мощный оборонительный вал протяженностью более 2,2 км, который огораживает участок неправильной формы площадью ок. 27 га. По всему валу хорошо просматриваются остатки 14 башен и башенных выступов. Центральный вход в городище, укрепленный дугообразным захабом, находился с вост. стороны. В 65 м к В и З от него в валу сделаны два разрыва, которые служили для сброса воды из городища во время таяния снега и сильных ливней. Дополнительный вход есть с зап. стороны. Внутри городища прослеживаются многочисленные искусственные террасовидные площадки разных размеров, на которых возводились жилые и хозяйственные постройки. Часть жилищ была окружена подковообразной завалинкой-обваловкой.

В ЮВ части городища продолжились раскопки улицы, идущей от родника. Были исследованы остатки усадьбы, включавшей в себя остатки наземного жилища площадью 27 кв. м и хозяйственной площадки, слегка врезанной в склон сопки. Жилище было наземным, прямоугольным, с разрушенной трубой и хозяйственной ямой, отапливалось трехканальным П-образным каном с двумя очагами. Вход в жилище находился в юж. части.

Продолжились исследования в юго-восточном Внутреннем городе. Это неправильной формы четырехугольник, окруженный невысоким валом (до 1 м) площадью 3501 кв. м. Ориентирован он углами по сторонам света. Раскоп заложен в вост. углу юго-восточного Внутреннего города. Здесь на платформе высотой 0,2–0,3 м и размерами 13×13 м, укрепленной

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.491-492

камнями, обнаружено второе в этом Внутреннем городе здание колоннадной конструкции павильонного типа. Первое здание колоннадной конструкции было раскопано в 2014–2015 гг. Его размеры 7×18 м. На насыпной платформе зачищены четыре ряда каменных баз по 11 в каждом ряду. По продольной оси зачищены две обогревательные печи в форме «замочной скважины». Они сооружены из наклонных граней мощных известняковых плит [*Васильева*, 2016, с. 117]. В 2016 г. во втором здании на платформе зачищены три ряда каменных баз по пять в каждом ряду. Расстояние между ними от 1,5 до 2 м. В некоторых местах вместо баз зачищены ямы диаметром от 0,2 до 0,5 м и глубиной до 0,2 м, заполненные углями.

Размеры строения 9,5×5 м, площадь 47,5 кв. м. Вход находился с продольной СЗ стороны в сторону здания 1. Крыша скорее всего была двускатная. Центральная балка проходила по колоннам, установленным на продольных вторых базах. На эти базы опирались колонны, которые поддерживали крышу. На Екатериновском городище она была скорее всего деревянной, как и на здании 1. Перед зданием в 2 м от последнего ряда колонн по углам зачищены ямки, которые могли поддерживать колонны выносной галереи.

Находки – пробой, железные гвозди, пластина замка, пряжка с рамкой, кусочек чугуна.

Таким образом, в юго-восточном Внутреннем городе обнаружены два здания колоннадной конструкции. Скорее всего это были общественные здания, где могли собирать жителей города, чтобы знакомить их с очередными указами, решать какие-то дела города.

Датируется Екатериновское городище XIII в. – временем вхождения Приморья в состав чжурчжэньского государства Восточное Ся.

Васильева Т. А., 2016. Итоги исследования Екатериновского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 4. Владивосток: Дальнаука. С. 110–126.

О. В. Дьякова, Е. В. Сидоренко

КАМЕННАЯ КРЕПОСТЬ КЛЮЧИ

Ключевые слова: средневековье, чжурчжэни, культура мохэ, культура бохай, лидовская культура, керамика

Амуро-Приморской АЭ ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН проводились стационарные исследования (27 кв. м). Каменная крепость Ключи расположена в Тернейском р-не Приморского края к СВ от п. Пластун, в 1 км к З от устья р. Джигитовки, впадающей в одноименную бухту Японского моря. Крепость возведена на каменном останце горного отрога Сихотэ-Алиня, имеющего ключевое стратегическое положение.

Крепость Ключи относится к горным городищам; по форме – овально-серпантиновидная; по размерам – малая; по фортификациям – без башен; по составу вала – каменная; по планиграфии – террасированная, без вну-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.492-494

треннего города и редута, с простыми входами; по назначению – охранно-сторожевая [*Дьякова*, 2009, с. 92–97]. Проведенные на памятнике стационарные исследования показали, что сопка использовалась носителями нескольких археологических культур на протяжении как минимум 1,5 тыс. лет, но не исключено, что 10 тыс. лет.

Эпоха раннего металла. Первыми обитателями являлись носители куналейской группы лидовской культуры, датируемой кон. I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э. Лидовский слой представлен серо-коричневым суглинком, сохранившемся *in situ* в кв. Б/1–2; А/2. С куналейской группой лидовской культуры связаны лепные сосуды амфоровидной формы: вид 1 – сосуды со слегка изогнутой шейкой; вид 2 – сосуды с прямой высокой или укороченной шейкой; вид 3 – сосуды с горловиной в виде раструба. В слое зафиксированы каменные фишки для игры го, галечные отщепы с острым рабочим краем, являющиеся одним из признаков лидовской культуры [*Дьяков*, 1989, с. 151–152].

Эпоха средневековья. Представлена тремя культурами: мохэской, бохайской и чжурчжэньской. К мохэским и бохайским комплексам относятся две каменные кладки шириной 1,0–1,5 м, разделяющие две разноуровневые площадки (перепад высот составляет 30–36 см). На верхней (зап.) площадке зафиксирован выложенный камнями очаг подпрямоугольной формы размером 100×70 см с деревянной обкладкой изнутри и глиняной обмазкой. Мощность очагового оранжево-черного прокала 20–25 см. Основная концентрация находок зафиксирована в расчищенном от камней коридоре между каменными кладками. В слое черной супеси найдены: два фрагмента круглой бронзовой ажурной бляхи со щитком амурского типа, железные наконечники стрел, бусины и их обломки, лепная керамика мохэского типа, бохайская керамика когурёского происхождения.

Лепная керамика (категория I). Представлена: 1) сосудами мохэского типа горшковидной и вазовидной форм с налепным валиком под венчиком, либо гладким, либо орнаментированным косыми насечками; 2) сосудами с косым устьем, встречающимися на памятниках найфельдской группы (Благословенное II, Мыс Теплый, Падь Куркуниха), датируемыми по радиоуглероду IV–V вв.

Керамика, доработанная на круге (категория II). Представлена: 1) бохайскими сосудами когурёского происхождения горшковидной формы с горизонтально-прочерченными бороздами по внешней кромке валика и по плечикам пароварками.

Каменные бусы. Представлены двумя типами: 1) цилиндрическим; 2) прямоугольным с одним и двумя отверстиями. Прямоугольные бусы с двумя отверстиями являются частями наборного браслета.

Железные плоские наконечники стрел представлены параболоидной и пламевидной формами, характерными для средневековых тунгусо-маньчжуров.

Чугунные изделия представлены двумя обломками втулок колеса, фрагментами котла, соответствующими бохайской и чжурчжэньской культурам.

Фортификационные сооружения. Представлены стенами, возведенными из скальника без цементной связки, традиционными для когурёского военного зодчества. Характерной особенностью данной каменной крепости является то, что ее строили из скальных выходов этой же сопки, то есть разбирая ее на материал.

Чжурчжэньская культура. Представлена комплексом в кв. В/4–5 в виде впускной заполненной черной супесью ямы размером 100×70 см, обложенной крупным скальником. В комплексе обнаружены железная скоб и развал крупного кругового толстостенного сероглиняного сосуда типа корчаги.

Таким образом, крепость Ключи содержит культурные комплексы куналейской группы лидовской культуры I тыс. до н. э., средневековых мохэской, бохайской, чжурчжэньской культур. Назначение крепости – охранно-сторожевой пункт, контролировавший вход в бухту Джигит и конечную точку сухопутной магистрали.

Дьяков В. И., 1989. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета. 296 с.

Дьякова О. В., 2009. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. М.: Восточная литература. 245 с.

Н. А. Клюев, Н. А. Дорофеева,
И. В. Гридасова, И. Ю. Слепцов

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ВОДОПАДНОЕ 7 В ПРИМОРЬЕ

Ключевые слова: неолит, зайсановская культура, постройка, столбовая яма, береста, керамика, наконечник стрелы, лидовская культура, эпоха палеометалла

Исследования памятника Водопадное 7 проводились сотрудниками ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН под рук. Н. А. Клюева.

Поселение Водопадное 7 находится к ВЮВ от с. Николаевка Партизанского р-на Приморского края на правом берегу р. Водопадной, занимает юж. оконечность цокольной террасы высотой 14–15 м и имеет внешние признаки в виде двух сильно оплывших западин диаметром 6,5–7 и 12 м, располагающихся одна за другой в направлении Ю–С. Площадь памятника составляет 656 кв. м.

На месте западины 1 был заложен раскоп площадью 45 кв. м. Исследованы остатки постройки размером 4,6×5 м, вплотную примыкающей к юж. краю большей западины. Котлован подквадратный, незначительно углублен в материк на 20–25 см, с закругленными углами. Площадь котлована не превышает 22–23 кв. м, площадь пола постройки ок. 19 кв. м. Сохранились остатки четырех столбовых ям, а также углистые пятна и обугленные плахи, позволяющие говорить о каркасно-столбовой конструкции постройки. В отдельных местах вдоль бортов котлована соору-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.494-496

жения зафиксированы напластования остатков карбонизированной бересты, характер залегания которых говорит об использовании ее в качестве кровельного материала. Очага в постройке не обнаружено.

В ходе раскопок собрана коллекция археологического материала периода позднего неолита, представленная остатками лепной керамической посуды и изделиями из камня, более 90% которой обнаружено в пределах котлована постройки, имеющего заполнение в виде буро-коричневого суглинка с дресвой. Подавляющая часть артефактов располагалась *in situ* на полу сооружения. Так, были расчищены многочисленные развалы керамических сосудов (более 25), найдено 44 ретушированных наконечника стрелы, 17 из которых располагались очень компактно, возможно, изначально находились в колчане. Также в одном месте обнаружено 5 крупных оббитых мотыг. У сев. стенки постройки зафиксирована серия шлифованных деревообрабатывающих инструментов – тесел, топоров, долот. На полу сооружения лежали терочные плиты. Всего их было 4. Располагались они попарно, причем были уложены одна на другую. Рядом с ними находились куранты.

Фактически раскопанное сооружение периода позднего неолита представляет собой закрытый комплекс. Интерпретируется оно как хозяйственно-бытовая постройка, примыкающая к основному жилищу. Подобные объекты достаточно редки для археологии позднего неолита Приморья.

В верхних пластах раскопа (в слое серо-коричневого суглинка) обнаружены немногочисленные артефакты, относящиеся к комплексу эпохи палеометалла. Это 90 фрагментов керамики, отличающейся от основного (поздненеолитического) комплекса морфологией и отсутствием орнамента на сосудах, а также единичные изделия из камня. Характерные признаки позволяют датировать этот материал эпохой бронзы и отнести к лидовской культуре (I тыс. до н. э.) [*Дьяков*, 1989]. Ни планиграфически, ни стратиграфически с остатками сооружения периода позднего неолита эти находки не связаны.

Керамический материал периода позднего неолита включает в себя более 4000 фрагментов, большая часть которых относится к развалам сосудов. Сосуды лепились вручную кольцевым ленточным налепом. В формовочной массе присутствует разнозернистый песок. Поверхности сосудов заглаживались, иногда лощились.

Имеющиеся в коллекции сосуды представлены двумя морфологическими типами. Тип 1 – сосуды средней высотности (отношение высоты сосуда и максимального диаметра тулова – 0,9–1,2), с отогнутым венчиком, усложненным налепным валиком и слабопрофилированным туловом и покатыми плечиками. Тип 2 – сосуды с простым прямым или слегка отогнутым венчиком, короткой шейкой, высокой линией расположения плечиков, имеющих резкий перегиб при переходе в тулово. Все сосуды орнаментированы. Среди орнаментальных мотивов выделяются горизонтальные или вертикальные ряды наклонных насечек (ведущий); чередующиеся горизонтальные ряды наклонных вправо или влево насечек; орнамент по мотивам меандра; дугообразные прочесы. У четырех сосудов орнамент комбинированный.

Кроме сосудов керамические изделия представлены также двумя орнаментированными пряслицами уплощенной усеченно-конической формы.

Коллекция изделий из камня включает в себя комплекс первичного расщепления (нуклеусы, сырье со сколами, отщепы и сколы, сланцевые плитки и их обломки) и многочисленный инструментарий, в который входят ретушированные, шлифованные и оббитые орудия, а также оформленные с помощью пикетажа слабомодифицированные орудия.

Класс ретушированных орудий представлен следующими группами: наконечники дротиков, наконечники стрел, бифасы, вкладыши, скребки. В качестве сырья для изготовления орудий использовался халцедон, обсидиан, окремненный туф, кремнистый сланец. Ретушированные наконечники стрел – самая многочисленная группа изделий из камня на памятнике. Общее количество их составило 44 экземпляра. По форме наконечники стрел можно разделить на треугольные, ромбовидные и листовидные.

Класс шлифованных орудий представлен орудиями для обработки дерева – топорами (овальными в сечении), теслами (подпрямоугольными и уплощенно-овальными в сечении), долотами (подтрапециевидными в сечении) (всего 12).

Класс оббитых орудий включает только мотыги (10). Все мотыги имеют форму подошвы со скругленным насадом и выпуклым лезвием, орудия оформлены двусторонней оббивкой по периметру.

Класс орудий, изготовленных пикетажем, – куранты, терочные плиты. Куранты (2 целых и 5 обломков) относятся к одному типу – ладьевидным. Терочные плиты (4) изготовлены из песчаника. Они овальной или подпрямоугольной формы длиной 41–43,5 см и шириной 26–29 см.

Класс слабомодифицированных и немодифицированных орудий – абразивы, камни с лунками, гальки со следами использования (лощило). Также в коллекции представлены обломки галек со следами использования их в качестве ударных инструментов.

Исследования нового памятника позднего неолита Водопадное 7 подтвердили высказанные ранее идеи о существовании в Юго-Восточном Приморье особой группы памятников зайсановской неолитической общности [*Клюев и др*., 2010; *Яншина, Клюев*, 2005]. Несомненно, что эта группа сформировалась под большим влиянием и при участии приханкайской группы памятников. Однако вряд ли этот процесс проходил без участия и других групп зайсановцев, обитавших или пришедших в Приморье в нач. – сер. II тыс. до н. э.

Дьяков В. И., 1989. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 296 с.

Клюев Н. А., Гарковик А. В., Яншина О. В., Слепцов И. Ю., 2010. Финальный неолит Приморья: к итогам разработок некоторых проблем // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН. С. 88–97.

Яншина О. В., Клюев Н. А., 2005. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука. С. 187–233.

IX. ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ[1]

Н. Д. Двуреченская

РАСКОПКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА

Бактрийским отрядом Среднеазиатской АЭ ИА РАН и Института искусствознания АН РУз в рамках Тохаристанской АЭ проведен цикл исследований на памятнике древней Бактрии, расположенном на территории Сурхандарьинской области Республики Узбекистан в Байсунском р-не близ поселка Сайроб на горе Сусизтаг – крепости Узундара.

Работы продолжались на раскопе III. В результате вскрыта значительная площадь цитадели крепости (до 70%). Так, на зап. секторе вскрыт ряд помещений в Скальном комплексе цитадели, в частности подвал 2, высеченный в скале. Был также открыт внутренний фас юж. крепостной стены и помещения, примыкающие к ней; участок сев. крепостной стены вскрыт с внешнего и внутреннего фаса. На вост. секторе цитадели открыта серия помещений, дворов, примыкающих к Скальному комплексу и сев. и вост. крепостной стене. Здесь также доследована внутренняя площадь вост. башни бастиона.

В ходе работ впервые получен археологический комплекс с пола помещения, примыкающего к юж. крепостной стене цитадели, с монетой Антиоха I и бронзовыми наконечниками стрел. Кроме того, на вост. секторе при расчистке пола двора обнаружена серебряная монета «александрова типа».

В этом же сезоне при планшетных сборах подъемного материала к В от крепости на так называемой торговой площадке обнаружена аналогичная монета, обе были отчеканены в малоазийском городе Лампсак. На территории Северной Бактрии это первые находки монет «александрова типа», обнаруженных в археологическом контексте.

Таким образом, ранее предполагаемая датировка памятника последней трети IV – сер. II в. до н. э. получила свое подтверждение по данным раскопок 2016 г.

В ходе исследований получена богатая коллекция индивидуальных находок, насчитывающая 544 предмета. Более четырех десятков

[1] См. также статью М. Е. Килуновской и В. А. Семенова на с. 439.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.497-498

из них – комплекс эллинистических монет, а также более сотни наконечников стрел, дротиков и втоков от них. Богатый керамический материал включал серию полных форм столовых сосудов, фляг, а также крупной тарной и хозяйственной посуды и две тонны фрагментов самой разнообразной посуды из стратифицированных слоев.

В. Л. Державин, А. Б. Колесников

РАБОТЫ НА ЗЕМЛЕ ВЕДЕЛЯ ЯРЛСБЕРГА

Шпицбергенская экспедиция ИА РАН проводила полевые исследования в районе залива Дундер на Земле Веделя Ярлсберга (Западный Шпицберген). Задача заключалась в проведении мониторинга поморских становищ (Дундербукта и Логнедален) и выявлении, по возможности, новых памятников историко-культурного наследия.

Становище Дундербукта было открыто в 1982 г. Шпицбергенской экспедицией под рук. В. Ф. Старкова и исследовано в 1983 г. Оно располагалось в ЮВ углу залива Дундербукта и примерно в 400 м к ЮЗ от р. Дундерэльва и находилось на первой береговой террасе высотой ок. 4–5 метров. Территория в основании террасы занята пресноводным озером. Подход к становищу со стороны моря был затруднен мелководьем и косой, а также многими рифами, скрывающимися при большой воде. Сложный фарватер при подходе к русским памятникам весьма типичен для многих становищ Шпицбергена.

Во время раскопок 1983 г. были вскрыты две постройки, практически примыкавшие друг к другу, и два «погребения» в пределах вост. сруба. Видимо, это все же были не погребения в прямом смысле слова, а погибшие во время зимовки русские промышленники и, скорее всего, последние обитатели становища. Сени обоих домов, почти не сохранившиеся, располагались со стороны моря, то есть с С. Культурный слой зап. постройки, как написано в отчете В. Ф. Старкова за 1983 г., был выбран в результате грабительских раскопок почти полностью.

В отчетном сезоне вокруг построек весьма четко прослежены отвалы, образовавшиеся в результате раскопок, а также выявлены следы дренажа глубиной около 20 см и шириной до 70 см, которые не были зафиксированы ранее.

Печь в одном из жилищ была сложена из кирпича, а в другом – из диких камней (каменка). Размер одного фрагмента (половина) кирпича 6×12 см (полная длина не определена). Бревна рублены «в обло с остатком»; максимальный диаметр достигал 20 см. На некоторых сохранились четкие спилы, оставленные в результате взятия образцов на определение дендрохронологии. Расстояние между юж. и сев. бревнами венца (стенками) 410 см. Остальные бревна все сдвинуты.

«Погребения», то есть погибшие промышленники, если судить по материалам раскопок 1983 г., лежали без гробов в ЮВ секторе дома головой

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.498-500

в зап. направлении. Один покоился на спине с согнутыми в коленях ногами, второй – в скорченном положении на левом боку. Оба были перекрыты досками, видимо, от рухнувшего деревянного перекрытия постройки.

Согласно данным дендрохронологии (спил бревна зап. постройки), сооружение датируется серединой XVII в. Но немногочисленные археологические находки, в том числе и керамика, найденные на памятнике в процессе раскопок 1983 г., не позволяют полностью согласиться с такой датой. Памятник можно отнести к XVIII в.

Становище Логнедален было также открыто в 1982 г. Шпицбергенской экспедицией под рук. В. Ф. Старкова и исследовано в 1982–1983 гг.

По его данным, «памятник расположен в северо-западной части Земли Веделя Ярлсберга в устье залива Белльсунн. Он находился на правом берегу реки Логна на краю морской террасы высотой до 10 м, круто обрывающейся в сторону пляжа». Высота расположения становища в действительности не превышала 6 м. Подход к становищу со стороны моря сложный и изобилует многочисленными рифами, отчасти скрывающимися неглубоко во время прилива.

На памятнике в 1982 г. зафиксированы следы четырех построек и одного креста. За два сезона раскопаны остатки двух плохо сохранившихся домов 1 и 2. В СВ углу постройки 1 (ближайшей к обрыву) располагался развал кирпичной печи с использованием «диких» камней.

Положение домов 3 и 4 фиксировалось только по остаткам печей, поскольку деревянные конструкции не сохранились. В юж. части памятника лежала большая деревянная тренога, с которой велась фотосъемка становища во время раскопок в начале 80-х гг.

Следов основания креста высотой 6 м с каменной закладкой в основании, как указывалось в отчете В. Ф. Старкова, обнаружить не удалось. В целом на поверхности памятника сейчас можно проследить три постройки, а не четыре. При их сооружении использовались и камни, причем довольно крупные, которые в отчетах за 1982 и 1983 гг. не отмечены. Вокруг памятника встречаются фрагменты моржовых черепов. На краю обрыва к С от жилища – поздняя песцовая ловушка, которая не зафиксирована во время раскопок.

К С от памятника, недалеко от края обрыва, выделяются две каменные наброски, вероятно сооруженные над могилами. Но каких-либо следов крестов не отмечено. Возможно, они не связаны со становищем.

Комплекс с «крестами». Он расположен значительно южнее становища, на каменистом мысу, выступающем в море между двумя небольшими бухтами, вход в которые затруднен многочисленными рифами. Не исключено, что комплекс мог выполнять навигационные функции.

Основная стойка (креста?) представляла собой толстую доску с обломанным верхом (25×6 см), возвышающуюся на 2,3 м, которая в нижней части была закреплена коротким брусом (8×9 см). В основании они были обложены крупными плоскими камнями (песчаник), а также фрагментами поздних судовых деталей с железными гвоздями.

В 2 м к С от этого знака четко прослеживаются остатки оснований двух столбов, вероятно, от крестов и семь досок-брусов, вкопанных в грунт в вертикальном положении. Основание одного креста срублено, другого – сгнило. Сохранившаяся их высота достигала 25 см, диаметр 15–17 см. Расстояние между ними около 1,5 м. Располагались эти брусы и один из «крестов» полукругом. Зап. столб закреплен двумя досками. В целом выявленная конструкция довольно необычна для архипелага и не находит пока аналогий.

Помимо вышеописанных памятников зафиксировано несколько десятков песцовых ловушек 1-й пол. XX в. В Норвегии и соответственно на Шпицбергене памятниками археологии считаются все историко-культурные объекты до 1946 г.

Первоначально также планировались исследования и на сев. побережье Ис-фьорда, но на эти работы не хватило времени, поскольку сотрудники экспедиции в Баренцбурге параллельно занимались составлением описи археологической экспозиции музея «Помор».

Г. В. Требелева, И. И. Цвинария,
С. М. Саканиа, Т. Ю. Шведчикова

РАБОТЫ МАРКУЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ИА РАН и Институтом гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа продолжены раскопки на Маркульском городище (Очамчырский р-н, Республика Абхазия), начатые в 2014 г.

Вскрыта территория с З от храма: от входа до оградовой стены. Общая площадь исследованной территории в 2016 г. – 10,2 кв. м. Заложен один квадрат 3,4×3 м, для удобства фиксации находок он разделен условно на 4 сектора, нумерации против часовой стрелки. Вскрыт квадрат до материка, в котором были пробиты могильные ямы. Уровень культурного слоя составил от 0,6 до 1 м. В ходе раскопок обнаружено коллективное погребение неудовлетворительной сохранности, захоронение переотложенное, о чем свидетельствуют многочисленные старые сломы костей и расположение фрагментов скелета одного и того же индивида на разных уровнях. Причина – наличие грабительской ямы на погребении. Также стоит отметить, что наиболее хрупкие элементы скелета (ребра, позвонки, тазовые кости) присутствовали по большей части в нижней части захоронения, в основном индивиды представлены фрагментами длинных костей. В секторах 2–3 в основном определены кости нижних конечностей. Наиболее комплектными оказались три индивида с уровня 7–8-го штыка захоронения: индивиды 1, 2, 8. Кости индивида 9 (ребенок) располагались на уровне 6–7-го штыков 3–4-го секторов. Учитывая характер захоронения, отсутствие анатомического порядка и фрагментар-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.500-501

ность, установлено количество погребенных и их половозрастные характеристики: в общей сложности 9 человек.

Кроме раскопок на храме проведена шурфовка (всего 5 шурфов) на склонах холма с З. В одном из шурфов (2) обнаружено женское погребение с инвентарем: глиняный перевернутый горшок в ногах. У погребенной была бронзовая печатка на правой руке, одежда расшита бусинами. Погребенная – женщина 30–39 лет, очень массивная, патологий не отмечено. Погребение датируется IV–VI вв.

Очень интересные и неожиданные находки происходят из шурфа 5. Среди немногочисленного материала обнаружена стенка чернолакового сосуда, датируемого III–II в. до н. э. Там же найдена ручка амфоры типа Колхида I B2, тоже датируемая II в. до н. э. [*Внуков*, 2012]. Ранее на городище античный материал не встречался, основные находки датировались IV–XIV вв.

Еще одним важным открытием 2016 г. было обнаружение *in situ* стены у подножия склона с ЮЗ стороны. Длина сохранившейся стены 6 м, высота 1,5 м. Обследованы иные склоны холма, другие стены у его подножия или по склонам не обнаружены. Возможно, эта стена была остатком дополнительной обороны источника воды, потому что как раз на этом склоне, у его подножия, находится древний колодец с водой.

Таким образом, можно предположить, что храм существовал с IV по XIV в., но само городище, с большой долей вероятности, существовало еще до возведения храма, возможно с античных времен.

Все антропологические находки для системного изучения и анализа переданы в лабораторию группы физической антропологии ИА РАН г. Москвы.

Внуков С. Ю., 2012. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. № 4. С. 5–15.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а. – аул
АВ – Археологические вести. СПб.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, М.
АКР – Археологическая карта России. М.
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М.
АСГЭ – Археологический сборник ГЭ. Л., СПб.
АЭ – археологическая экспедиция
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
АЭЭ – археолого-этнографическая экспедиция
В – восток
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
вост. – восточный
г. – год, город
г. х. – год хиджры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМВ – Государственный музей искусства народов Востока
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
гос. – государственный
ГУ – государственный университет
ГЭ – Государственный Эрмитаж
д. – деревня
ДБ – Древности Боспора. М.
ДВО – Дальневосточное отделение
ДНЦ – Дагестанский научный центр
З – запад
зап. – западный
ИА – Институт археологии
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
ИГ – Институт географии
ИИАЭ, ИИАЭТ – Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
ИКМ – историко-краеведческий музей
ИКН – историко-культурное наследие
ИПОС – Институт проблем освоения Севера
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КИО – культурно-историческая общность
КМ – краеведческий музей
кон. – конец
КРС – крупный рогатый скот
КСИА – Краткие сообщения ИА. М.
КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК (1939–1960). М.; Л.
л. н. – лет назад
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МЗ – музей-заповедник
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МК – Министерство культуры
МРС – мелкий рогатый скот
нач. – начало
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИИ – научно-исследовательский институт
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
НПО – Научно-производственное объединение
НПЦ – Научно-производственный центр
НЦ – Научный центр
о. – остров

обл. – область (адм.-тер.)
оз. – озеро
ок. – около
п. – поселок
ПА – Поволжская археология. Казань
ПГГПУ – Пермский гос. гуманитарно-педагогический университет
ПИ – педагогический институт
ПИК – памятники истории и культуры
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
п-ов – полуостров
пол. – половина
ПУ – педагогический университет
р. – река
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский гос. архив древних актов
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РГО – Русское географическое общество
рис. – рисунок
р-н – район (адм.-тер.)
РСМ – Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей. М.
рук. – руководитель, руководство
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
С – север
с. – село
СА – Советская археология. М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СВ – северо-восток, северо-восточный
сев. – северный
сер. – середина
СЗ – северо-запад, северо-западный
СО – Сибирское отделение
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ст. – столетие, станица
тыс. – тысяча, тысячелетие
ур. – урочище
УрО – Уральское отделение
х. – хутор
ц. – церковь
четв. – четверть
Ю – юг
ЮВ – юго-восток, юго-восточный
юж. – южный
ЮЗ – юго-запад, юго-западный

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1) Статья подается держателем **Открытого листа** (фамилия которого ставится первой), в необходимых случаях могут быть указаны соавторы. При статье указывается номер Открытого листа (листов), по которому проведены работы. Желательно объединение в одну статью информации о работе: а) всех отрядов одной экспедиции; б) нескольких отрядов, экспедиций, работающих по согласованной научной программе; в) одного автора или группы авторов на нескольких объектах. Редакция оставляет за собой право такого объединения.

2) После фамилий авторов и заголовка приводится список **ключевых слов**, в конце статьи – алфавитный **список литературы** и архивных материалов. Объем статьи – до 3,5 страниц (6000 знаков), включая библиографический список. Допускается увеличение объема статьи, если в ней содержится информация о работах нескольких крупных отрядов.

В статьях приводится информация **о работах отчетного сезона**, допускается краткое освещение результатов работ предшествующих лет, если они не публиковались в предыдущих выпусках. В статьях должны содержаться следующие **сведения**:

а) название организаций, проводивших работы (все сокращения должны быть расшифрованы!);

б) характер работ (разведки, раскопки);

в) полная характеристика административно-территориальной приуроченности памятников и районов работ – начиная с населенного пункта (раскопки) и административного района (разведки) до названия субъекта Российской Федерации, аналогично – для работ за рубежом (примечание: точные привязки к местности и географические координаты не публикуются);

г) приуроченность к водоемам (до крупного речного бассейна);

д) для разведок: количество обследованных памятников (из них впервые), их распределение по типам, эпохам, культурам; отдельное описание наиболее интересных из них (в том числе описание находок);

е) для раскопок: культурно-хронологическая атрибуция памятника, его тип, объемы работ, стратиграфия, количество и характер изученных объектов (жилищ, погребений и др.), описание наиболее интересных из них (в том числе описание находок), более подробно – закрытых комплексов, основания датировок.

Прочие сведения (финансирование работ; пояснения о поводах к работам и их задачах, методика, сохранность и факторы повреждения памятников, гипотезы авторов, перспективы исследований) редакцией рас-

сматриваются как второстепенные и будут в первую очередь исключаться из статьи при превышении объема.

Названия археологических культур и их вариантов (особенно малоизвестные) по возможности употреблять в основной (полной) форме и пояснять, от какого топонима или термина они образованы. Следует сохранять букву *ё* и проставлять знак ударения в собственных именах и названиях археологических культур, когда это необходимо для правильного прочтения.

3) Формат ссылок на литературу и источники – в тексте в квадратных скобках: [*Фамилия*, год, с. …]. После текста статьи – алфавитный список цитируемых публикаций и архивных материалов по форме:

Бадер О. Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука. 272 с.

Заверняев Ф. М., 1981. Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 4. С. 141–158.

Фролов И. К., 1974. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5429.

4) К статье могут быть приложены **иллюстрации:** одна-две выдающиеся находки в виде рисунков или фотографий хорошего качества с линейным **масштабом** и всеми необходимыми ракурсами и разрезами. Описание, указание на условия обнаружения этих конкретных предметов и **ссылки на рисунки** должны содержаться в тексте статьи. Иллюстрации иного характера (таблицы находок, чертежная документация) публикуются избирательно, с учетом выдающегося научного значения представленных объектов. Иллюстрации могут быть представлены в электронном виде (предпочтителен формат TIF с использованием LZW-сжатия) в отдельных от текста файлах. Графические иллюстрации, предназначенные для публикации, должны иметь разрешение **600 dpi** (фотографии – 300 dpi).

5) Тексты статей подаются в электронном виде – по электронной почте (**ao@iaran.ru и ao1965@gmail.com**), в формате .doc или .docx, без архивации. Редакция подтверждает получение материалов. Рекомендуется следующая модель именования файлов. Для текстов: [Фамилия основного автора].doc; для иллюстраций: [фамилия]_ris.tif.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Калининградская область

О. А. Хомякова, Е. А. Клещенко. Исследования на памятниках эпохи римских влияний самбийско-натангийской культуры 5

Мурманская область

Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин, А. И. Мурашкин. Кольская археологическая экспедиция 7

Архангельская область

В. А. Буров. Раскопки на территории Соловецкого монастыря 10
А. Я. Мартынов. Полевые работы на островах Соловецкого архипелага 12

Ненецкий автономный округ

А. М. Мурыгин. Археологические исследования в Ненецком автономном округе 14

Республика Карелия

К. Э. Герман. Работы в Республике Карелия, Ленинградской и Вологодской областях 16
А. М. Жульников. Работы археологической экспедиции Петрозаводского госуниверситета 17
Е. Р. Михайлова. Работы в Республике Карелия и в Ленинградской области 19
М. М. Шахнович. Работы на Кольском полуострове и в Карелии 20

Ленинградская область

В. Б. Панченко. Работы Археологической экспедиции Государственного Эрмитажа по изучению культовой архитектуры малых форм 22
С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева, Е. К. Блохин, С. А. Васильев. Историко-культурная экспертиза памятников археологии в Ленинградской области 24

Город федерального значения Санкт-Петербург

Н. В. Новоселов. Разведочные археологические работы на территории оранжерейного комплекса Таврического сада в Санкт-Петербурге 27
Н. Ю. Новоселова. Археологические разведки в Санкт-Петербурге 30
С. Е. Шуньгина. Результаты археологической разведки в Санкт-Петербурге на территории бывшего сахарного завода Л. Е. Кенига 31

Псковская область

Т. Е. Ершова, Т. Ю. Закурина, С. В. Степанов, Б. Н. Харлашов. Исследования района Завеличья в г. Пскове (по материалам Климентовских раскопов) 34

Б. С. Короткевич. Раскопки на городище Анашкино 37
Е. В. Салмина, С. А. Салмин, В. А. Белоус, С. С. Горланов, К. С. Косовец, А. В. Фисенко. Раскопки в Псковском кремле 40
Б. Н. Харлашов. Продолжение исследований могильника Усть-Смолка в Изборске 42
С. Е. Шуньгина, В. А. Деркач. Результаты разведки в Красногородском районе Псковской области 44

Новгородская область

И. В. Антипов, А. В. Жервэ. Раскопки двух памятников новгородской архитектуры XII–XV вв. 45
П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников. Исследования Новгородской экспедиции ИА РАН 47
И. И. Еремеев, Е. Н. Носов. О раскопках фортификационных сооружений Рюрикова городища Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН 52
М. И. Петров. Исследования на раскопе Нутный IV в Великом Новгороде 57
В. К. Сингх, А. М. Степанов, Е. А. Тянина, И. А. Воронков. Археологические исследования на Андреевском IV раскопе в Великом Новгороде 60
В. Л. Янин, Е. А. Рыбина, Л. В. Покровская, В. К. Сингх, А. М. Степанов, Е. А. Тянина. Археологические исследования в Великом Новгороде (Троицкие XV и XVI раскопы) 62

Вологодская область

О. Н. Адаменко. Археологические работы в Вологде 65
А. В. Кудряшов. Работы Шекснинской экспедиции в бассейне р. Шексны и Белого озера 67
И. П. Кукушкин, Н. И. Калинина. Работы Вологодского отряда Северорусской археологической экспедиции 68

II. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Тверская область

Д. Н. Воробьев. Работы Тверского госуниверситета в Твери 70
И. В. Исланова, Е. В. Лагуткина, А. В. Лагуткин. Исследования на оз. Имоложье 72
Н. Е. Персов. Работы в Кашине 73
С. А. Рудников. Археологические исследования в Твери 76
С. М. Смирнова. Разведочные работы в Вышневолоцком районе Тверской области 77

Смоленская область

А. Н. Мазуркевич. Результаты раскопок неолитического памятника Сертея II 78
В. В. Мурашева, С. А. Авдусина, С. С. Зозуля, С. Ю. Каинов, А. В. Панин. Исследования на территории Гнёздовского археологического комплекса 81
В. В. Новиков. Мониторинг современного состояния Центральной курганной группы Гнёздовского археологического комплекса 83

Московская область

Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова. Завершающие работы в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре на реке Истре 85

М. А. Бишутин, В. В. Миненко, Р. А. Федонин. Археологические разведки на территории Озерского района Московской области 88
В. Ю. Коваль, И. М. Андрианов, И. В. Волков, С. В. Буренков, А. А. Еремеев, А. Н. Медведь, Д. О. Осипов, Д. В. Родичкин, П. Е. Русаков, Е. Ю. Тавлинцева, В. И. Храпов. Исследования на городище Ростиславля Рязанского и в его окрестностях 89
А. В. Лазукин. Исследования на территории Саввино-Сторожевского монастыря 91
Д. В. Ожерельев, С. Ю. Лев. Работы Зарайской экспедиции 92
О. Л. Прошкин, Г. Н. Пронин. Раскопки на объектах новостроек Московской области 94
А. С. Сыроватко. Работы в Коломенском, Ступинском и Сергиево-Посадском районах Московской области 96
С. З. Чернов. Исследования у путевого дворца села Воздвиженского в Сергиево-Посадском районе Московской области 98

Город федерального значения Москва

Л. А. Беляев, М. С. Батанина, О. Н. Глазунова. Раскопки в монастыре Рождества Богородицы 101
Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова, С. Б. Григорян, Н. И. Савельев. Работы в Высоко-Петровском монастыре 103
В. А. Беркович, К. А. Егоров, Н. А. Фролов. Охранные археологические работы в Москве 106
Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль, А. В. Энговатова, Е. Е. Васильева, К. И. Панченко, Р. Н. Модин, В. С. Курмановский, Д. Ю. Майоров. Археологические исследования в связи с демонтажем корпуса 14 в Московском Кремле 108

Ярославская область

С. А. Авдусина, С. С. Зозуля, И. В. Папин, А. Ю. Кашинцев, А. С. Угланов. Исследования Тимеревского комплекса археологических памятников 110
В. Н. Орлов, А. В. Кашкин, А. Е. Леонтьев, В. С. Нефедов, Н. Г. Самойлович. Работы в Ростове Великом 112
А. Н. Рыкунов, И. И. Рыкунова. Раскопки средневекового поселения Усть-Шексна в Рыбинске 114

Владимирская область

Т. О. Галкин. Итоги разведки на городище Воютино 116
О. В. Данилов, Д. В. Абрамов. Исследования поселения Бабаево I на реке Колокше ... 118
Д. А. Кабаев. Раскопки во Владимире и Суздале 120
А. Е. Леонтьев, А. Л. Александровский, В. В. Бейлекчи, А. В. Кашкин, А. А. Трошина. Исследования городища Выжегша 124

Ивановская область

Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева, Н. Д. Угулава. Исследования могильника Шекшово в Суздальском Ополье 126

Костромская область

А. В. Горохова, А. С. Лазарев, И. А. Бушуев. Раскопки за церковью Спаса в Гостином дворе Костромы в 2015–2016 гг. (раскоп «Мелочные ряды II») 130

О. В. Новикова, А. В. Новиков. Раскопки на городище Унорож 132
О. В. Новикова, А. В. Новиков, В. С. Баранов. Исследования в г. Нерехта Костромской области 134

Брянская область

А. Н. Поляков, В. В. Миненко, И. Н. Разумов. Археологические разведки на территории Брянского, Жирятинского и Жуковского районов Брянской области в 2015–2016 гг. 136
Е. А. Шинаков, В. Н. Гурьянов, Н. Г. Рябчевский. Исследования Брянской Древнерусской экспедиции 138

Калужская область

А. Е. Ефимов. Археологические исследования памятников у д. Желыбино городской зоны Калуги 142
Е. Е. Ефимова. Исследования в бассейне р. Шаня, в границах г. Кондрово и Дзержинского района Калужской области 143

Тульская область

Ю. Г. Екимов. Раскопки поселения Маменка на верхней Оке 145
Е. В. Столяров, А. М. Воронцов. Раскопки памятников раннего железного века и эпохи великого переселения народов в Тульской области 147
К. А. Столярова, Е. В. Столяров, Ю. Ю. Петров. Разведка северной периферии Майского археологического комплекса 149

Курская область

В. Е. Родинкова. Полевые исследования на поселении Куриловка 2 в 2015–2016 гг. 150
Г. Ю. Стародубцев. Продолжение исследований Гочевского комплекса 153

Липецкая область

Ю. Д. Разуваев, И. А. Козмирчук. Раскопки городищ на Острой Луке Верхнего Дона ... 154
В. В. Скинкайтис. Разведка в Задонском районе Липецкой области 156

Рязанская область

Ф. А. Ахметгалин. Археологические исследования в г. Касимове и с. Старый Кадом 157

Белгородская область

Т. М. Алиев, А. А. Божко, А. А. Кононенко, А. Г. Кудряшов. Раскопки на территории Белгородской области 158
Т. М. Алиев, А. А. Божко, А. Г. Кудряшов, Я. С. Москвитин, Т. Е. Сидоренко, В. В. Скребцова. Археологические разведки на Белгородчине 163
А. А. Божко, А. Г. Кудряшов. Археологическое наблюдение на объектах культурного наследия Белгородской области 165
Т. В. Сарапулкина. Раскопки городища скифского времени Петропавловка 1 и обследование его округи 167
А. В. Степовой, В. И. Гребенюков. Раскопки на памятнике древней металлургии Ютановка II 170

Воронежская область

В. Д. Березуцкий. Исследования археологической экспедиции «Возвращение к истокам» Воронежского педуниверситета и ООО «Терра» 171
А. А. Бессуднов, А. Н. Бессуднов, Е. Ю. Захарова, А. М. Родионов. Исследования памятника поздней поры верхнего палеолита Дивногорье 9 на Среднем Дону 175
А. П. Медведев. Исследование курганов в низовьях р. Елани 177
А. М. Скоробогатов. Полевые исследования на Среднем Дону 178
А. В. Сурков. Исследование поселений эпохи поздней бронзы на границе степи и лесостепи Восточной Европы 180

III. ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Волгоградская область

А. С. Лапшин. Раскопки и новые находки на Водянском городище 184
В. И. Мамонтов. Спасательные работы на могильниках Писарёвка II и Веселовский I в Волгоградской области 188

Ростовская область

Е. А. Виноградова, Н. Б. Леонова. Раскопки на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II 190
В. П. Глебов. Разведки в Ростовской области 192
А. Н. Коваленко, Р. П. Ёлкин. Археологические исследования в Ростове-на-Дону 192
И. Н. Парусимов. Раскопки курганов в Аксайском районе Ростовской области и Нефтекумском районе Ставропольского края 194
Н. А. Хайкунова. Исследования на стоянке Третий Мыс 195
А. А. Шевченко, С. В. Демиденко, С. Б. Вальчак, В. Н. Чхаидзе. Охранные раскопки в Ростовской области 197

Астраханская область

Е. М. Пигарёв, Ю. А. Зеленеев. Исследования на Селитренном городище 198

Краснодарский край

В. С. Батченко, С. С. Горланов, Д. О. Дрыга, Э. П. Зазовская, А. С. Клемешов, В. Л. Лысанов, А. А. Малышев. Комплексные исследования на юго-востоке азиатского Боспора 200
А. В. Бонин. Охранно-спасательные работы на городище и поселении Ильичевка в Темрюкском районе 203
Ю. А. Виноградов. Исследования античного поселения Артющенко 1 205
Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, А. Г. Недомолкин, Е. В. Дороничева. Изучение стоянок верхнего палеолита на Северном Кавказе 207
Д. В. Журавлев, А. В. Батасова, А. И. Кудряшова, К. Б. Фирсов, У. Шлотцауер. Раскопки поселений Голубицкая 2 и Стрелка 2 на Таманском полуострове 210
Э. Д. Зиливинская. Спасательные работы на поселении и могильнике Соленый II на Таманском полуострове 212
С. В. Кашаев, К. А. Огарков, А. С. Цинько. Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН 214

Е. В. Кузнецова. Исследования на поселении Тамань 3 в 2015–2016 гг. 215
Е. С. Левин, М. Ю. Лунев. Исследования Западно-Кавказской археологической экспедиции в Закубанье 217
Г. А. Ломтадзе. Исследования античного памятника на северо-востоке Таманского полуострова – Ахтанизовская 4 220
В. П. Мокрушин, Д. В. Кутуков. Археологические исследования на территории Темрюкского района Краснодарского края 222
М. Ю. Федосов. Исследования средневекового курганного могильника Джубга 1 224
В. Н. Чхаидзе. Исследования на Таманском городище 226

Республика Адыгея

С. М. Осташинский, Е. А. Черленок. Работы в навесе Мешоко 227

Республика Крым

Н. И. Винокуров. Исследования Артезианской археологической экспедиции МПГУ в Крымском Приазовье 229
А. В. Катцова. Работы Государственного Эрмитажа на территории античного городища Китей 231
А. Е. Кислый. Исследования Керченской экспедиции Института археологии Крыма РАН 233
Н. В. Кузина. Археологическая разведка на территории Ленинского района 235
И. В. Рукавишникова, М. Ю. Меньшиков. Исследование античного поселения Тасуново 7 238
А. А. Супренков, А. А. Масленников, Н. В. Кузина. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН 239
В. А. Хршановский. Исследования юго-западного участка некрополя Китея 245

Город федерального значения Севастополь

Н. Ю. Новоселова. Археологические раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа в XX квартале Херсонеса Таврического 248

IV. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Ставропольский край

В. Е. Маслов, А. Р. Канторович. Раскопки курганного могильника Новозаведенное III на Ставрополье 251

Карачаево-Черкесская Республика

Д. С. Коробов, А. В. Борисов. Работы в Кисловодской котловине и ее окрестностях 254
У. Ю. Кочкаров. Исследования на Хумаринском городище в Карачаево-Черкесии 256

Кабардино-Балкарская Республика

Е. В. Дороничева, Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, А. Г. Недомолкин. Новые данные по раннему и среднему палеолиту Северного Кавказа 258
А. А. Кадиева, С. В. Демиденко. Раскопки могильника Заюково 3 в Баксанском районе 260

Республика Ингушетия

В. Ю. Малашев, С. Б. Вальчак, У. Б. Гадиев, С. Ю. Фризен, К. Б. Шаушев. Исследования могильника «Экажевские 1-е курганы» в Назрановском районе Республики Ингушетия 263

Республика Дагестан

А. К. Абиев, А. Л. Будайчиев. Археологические разведки в Южном Дагестане 265
А. Л. Будайчиев, А. И. Таймазов. Археологические разведки в приморской части Дербента 266
М. С. Гаджиев, А. К. Абиев, А. Л. Будайчиев, А. М. Абдуллаев. Раскопки Дербентского поселения 268

V. ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Нижегородская область

О. Н. Глазунова. Археологические работы в Нижней слободе г. Городца 270

Кировская область

К. Н. Глушков. Археологическая разведка в Слободском, Яранском р-нах и в г. Кирово-Чепецке 272
А. В. Егоров. Археологические работы в г. Кирове и Кировской области 273

Пермский край

Г. П. Головчанский. Раскопки могильника Мелехино 1 в Чердынском районе 275
А. В. Данич. Исследования Баяновского могильника в Пермском крае 277
О. А. Казанцева. Исследования Кудашевского I могильника 279
Н. Б. Крыласова. Исследования Рождественского археологического комплекса 280
Е. Л. Лычагина, Е. Н. Митрошин. Исследования мезолитических стоянок-мастерских Чашкинское Озеро X и XI 284
М. Л. Перескоков, А. В. Васильева. Исследование памятников раннего железного века в Пермском Прикамье 288
Е. В. Чуйкина. Полевые работы в Еловском, Осинском, Оханском, Краснокамском и Соликамском районах 290

Республика Мордовия

А. С. Пронин. Раскопки Шалинского могильника 293

Пензенская область

Е. Н. Кемаев, В. В. Ставицкий. Новые раскопки Ражкинского могильника 295

Ульяновская область

В. И. Введенский, Л. А. Вязов, Е. А. Каравашкина, Е. М. Макарова, А. В. Панин, Д. А. Петрова, Д. С. Пономаренко, В. Л. Харченко. Исследования в Ульяновском Предволжье 297

Республика Татарстан

Ф. А. Ахметгалин, П. В. Красильников, Д. А. Петрова. Археологические разведки в восточных районах Республики Татарстан 300
Д. Ю. Бадеев, В. Ю. Коваль. Завершение исследований центрального базара Болгара 301
Р. Р. Валиев, Л. А. Вязов, Д. В. Серых, Р. А. Степанов, А. Г. Ситдиков. Археологические исследования Старокуйбышевской группы памятников 304
А. М. Губайдуллин. Археологические исследования на Болгарском городище в районе «Черной палаты» 306
Э. И. Карпов, Е. В. Макиевский. Открытие Идряс-Теникеевского селища в Апастовском муниципальном районе 307
Э. И. Карпов, Е. М. Пигарев. Спасательные раскопки в центральной части Казани 308
Ю. А. Салова, М. В. Сивицкий, Л. А. Вязов. Разведочные работы на территории с. Тарлаши Лаишевского района Республики Татарстан 310
А. Г. Ситдиков, Н. Р. Садриев, А. С. Старков, Д. Р. Хасанов. Исследование Казанского Богородицкого монастыря в г. Казани 312
М. Б. Шигапов, Ф. А. Ахметгалин, Д. С. Епифанов. Спасательные раскопки в Казани 313

Удмуртская Республика

Е. М. Черных, С. А. Перевозчикова. Археологические разведки и раскопки на территории Удмуртии 315

Республика Башкортостан

В. С. Горбунов, Ю. В. Горбунов. Разведки в Уфимском районе Республики Башкортостан 317
Э. В. Камалеев, А. Т. Ахатов, А. Г. Колонских. Разведка на территории села Николо-Березовка Краснокамского района 318
Т. А. Леонова, Н. Б. Щербаков, И. А. Шутелева. Разведочные работы на территории Аургазинского района 320
Е. В. Русланов. Разведки в западных и центральных районах Башкирии 320
С. В. Сиротин. Завершение полевых исследований на курганном некрополе Ивановские I курганы в юго-восточной Башкирии 322
А. И. Тузбеков. Разведочные археологические исследования в Республике Башкортостан 324

Саратовская область

М. А. Изотова. Исследование Болдыревского селища 325
О. А. Кубанкина. Разведки в Татищевском районе Саратовской области 328
Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов. Исследования золотоордынского Багаевского селища 329
А. И. Юдин, А. А. Выборнов. Исследования многослойного поселения Орошаемое в Саратовском Заволжье 332

Самарская область

К. М. Андреев, О. В. Ересько. Раскопки и разведки в Красноярском районе Самарской области 335

А. В. Вискалин. Охранные исследования на Средней Волге и в Приуралье 337
Е. В. Волкова, А. А. Ластовский. Археологические разведки в Волжском районе Самарской области 339
Н. В. Костин. Археологические исследования в Самарской области 342
А. Ф. Кочкина. Раскопки экспедиции Самарского музея им. П. В. Алабина 344
Н. В. Лебедева. Разведки и раскопки в Волго-Уральском регионе 347
В. А. Скарбовенко, Е. В. Волкова, А. В. Денисов, С. В. Козин, П. В. Ломейко. Раскопки селища Яицкое II в Волжском районе 348

Оренбургская область

Е. А. Купцов, В. В. Труханов, А. А. Файзуллин, И. А. Файзуллин, П. В. Харламов. Археологические разведки в Западном и Центральном Оренбуржье 349
А. В. Умаров, Е. В. Мишанина. Археологическая разведка в Бузулукском районе Оренбургской области 352
А. А. Файзуллин, Н. Л. Моргунова, А. А. Евгеньев, П. В. Харламов. Археологические исследования I Красиковского курганного могильника в Оренбургской области 354
И. А. Файзуллин, Е. А. Крюкова, Л. В. Купцова, Е. А. Купцов, Н. Л. Моргунова, В. В. Труханов. Раскопки курганного могильника у с. Каменка Сорочинского городского округа 357

VI. УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Ямало-Ненецкий автономный округ

А. В. Гусев. Археолого-антропологические исследования на археологическом комплексе Зеленый Яр 360
А. В. Плеханов. Разведка на полуострове Ямал 362
А. А. Ткачёв. Исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа 364

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

С. Ф. Кокшаров, О. С. Абакумова, Е. А. Жирных, И. Е. Пушкарев. Археологические работы в Октябрьском районе ХМАО – Югры 367
С. С. Макаров, А. С. Резвый. Археологические работы на стоянке Луговское 369
С. А. Мызников. Охранно-спасательные раскопки селищ Кучиминское 39 и Кучиминское 40 в Сургутском районе 371
А. А. Погодин, А. Я. Труфанов. Спасательные работы на городище Неушья 2.1 372
Т. Н. Собольникова, А. В. Кузина. Комплексные археологические исследования в Нижнем Прииртышье 375
И. Ю. Чикунова. Исследования в ХМАО и ЯНАО Тюменской области 377

Тюменская область

С. В. Берлина, С. И. Цембалюк, В. М. Костомаров. Работы на юге Тюменской области 379
Н. А. Ткачева. Археологические исследования в Тюменской области 381
Н. П. Турова, А. А. Адамов, П. Г. Данилов, Е. П. Загваздин, В. А. Данилова. Исследования на городище Тобол-Тура 1 в Нижнем Притоболье 382

Свердловская область

А. В. Гордиенко, Н. Э. Александров, Е. Ю. Костин. Раскопки городища Красный Яр в Слободо-Туринском районе 384
О. А. Павлова, Е. О. Святова, Н. А. Соболева. Спасательные раскопки хозяйственного двора «Первого дома Е. М. Ошуркова» в Екатеринбурге 386

Челябинская область

А. В. Епимахов, А. Д. Таиров, М. Г. Епимахова. Раскопки курганных могильников на территории Башкортостана и Челябинской области 388
Е. В. Куприянова. Спасательные раскопки могильника эпохи бронзы Степное VII в Пластовском районе 390
Ф. Н. Петров, Н. С. Батанина, В. В. Носкевич. Раскопки поселения эпохи бронзы Левобережное (Синташта II) 393

Курганская область

В. С. Мосин, Е. С. Яковлева. Археологические работы на поселении Кочегарово 1 396

VII. СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Красноярский край

Е. В. Артемьев, М. Н. Мещерин. Ачинская стоянка: опыт определения границ памятника 398
А. В. Веженко. Разведка на юге Красноярского края 400
П. В. Мандрыка, А. Д. Виноградов, Л. А. Максимович, П. О. Сенотрусова, К. В. Бирюлева, З. Ю. Жарников, Ю. А. Титова. Исследования Сибирского федерального университета 402
Е. А. Миклашевич. Исследование памятников на берегах южной части Красноярского водохранилища 403

Омская область

С. С. Тихонов, С. Ф. Татауров. Раскопки Тарской крепости 407
И. В. Шмидт, Т. А. Горбунова. Работы на памятнике Черноозерье VI–VIa 410

Томская область

И. Ж. Рагимханова. Археологическая разведка в левобережье нижнего течения р. Томи в Томском районе 412
Д. Ю. Рыбаков. Раскопки на Кулайском культовом месте в Чаинском районе 413

Новосибирская область

А. Е. Гришин, Ж. В. Марченко, М. С. Кишкурно. Исследования на памятниках Крохалёвка 5, 11 (Новосибирское Приобье) 415
В. И. Молодин, С. Хансен, Л. Н. Мыльникова, С. Райнхольд, Л. С. Кобелева, М. С. Нестерова, Н. С. Ефремова, И. А. Дураков, Д. А. Ненахов, Ю. Н. Ненахова. Исследования в Иртышском правобережье 418
О. В. Софейков. Работы в Новосибирской, Омской и Томской областях 421

Кемеровская область

А. М. Илюшин, В. А. Борисов, В. А. Бутьян. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 422
Р. А. Мартюшов. Археологическая разведка в верхнем течении р. Томи 424
Д. А. Симонов, Ю. В. Ширин. Археологические работы в Горной Шории на юге Кемеровской области 425
П. Г. Соколов, П. В. Герман. Продолжение исследований на Большепичугинском курганном могильнике в Мариинской лесостепи 426

Алтайский край

П. К. Дашковский. Новые результаты раскопок курганов скифской эпохи в Западном Алтае 428
М. В. Шуньков, А. П. Деревянко, М. Б. Козликин. Исследование палеолитических комплексов Денисовой пещеры 432

Республика Алтай

Н. А. Константинов, В. И. Соенов, А. У. Урбушев. Разведки и раскопки в Кош-Агачском районе Республики Алтай 434
Г. С. Телеков. Археологические разведки на территории Онгудайского и Турочакского районов 435

Республика Хакасия

А. В. Барков, М. Н. Мещерин. Стоянка Сабаниха Боградского района 436

Республика Тыва

М. Е. Килуновская, В. А. Семенов. Исследования Тувинской археологической экспедиции 439
И. В. Рукавишникова, Д. В. Рукавишников. Исследования погребально-поминального комплекса Аржан 5 в Пий-Хемском районе 442
К. В. Чугунов. Продолжение раскопок погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I 444

Иркутская область

С. А. Песков. Результаты работ в Иркутском, Баяндаевском, Качугском и Жигаловском районах 447
Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов, С. П. Дударёк. Работы Иркутского университета в Северном Приангарье 449

Республика Бурятия

Н. Н. Николаев, С. С. Миняев. Работы Центрально-Азиатской археологической экспедиции Эрмитажа на могильнике Оргойтон 451

Забайкальский край

М. В. Константинов, С. Г. Васильев, С. В. Маслодудо, Н. В. Викулова. Раскопки поселения Усть-Менза 2 453
А. М. Мамкин, А. Ц. Гонгоров. Работы в Могойтуйском, Приаргунском и Борзинском районах 455

П. В. Мороз. Разведки в Агинском Бурятском округе и Нерчинско-Заводском районе 458

VIII. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Республика Саха (Якутия) и Хабаровский край

Р. И. Бравина, В. М. Дьяконов, Е. Н. Николаев, И. П. Обутов, Д. М. Петров, Е. Н. Соловьёва, Е. А. Строгова, В. В. Сыроватский. Работы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера в Якутии и на севере Хабаровского края 460
Н. С. Кирьянов. Археологические исследования в г. Якутске и Хангаласском районе 467
В. В. Питулько. Исследования Янского комплекса стоянок 472

Чукотский автономный округ

К. А. Днепровский, С. Ю. Шокарев. Обследование эскимосского поселения Наукан в Чукотском автономном округе 474

Магаданская область

И. В. Макаров, А. А. Орехов, А. А. Прут. Работы Северо-Восточной археологической экспедиции на Колыме и Чукотке 478

Сахалинская область

А. В. Можаев. Раскопки стоянки Село Рыбаки 2 на острове Итуруп Курильского архипелага 479
О. А. Шубина. Археологические исследования на о. Сахалин и о. Шумшу 482

Амурская область

А. Н. Черкасов, А. П. Забияко, Р. С. Веретюшкин, Д. Н. Горбунов. Результаты работы Албазинской археологической экспедиции 485

Приморский край

Н. Г. Артемьева. Археологические исследования в Приморском крае 488
Т. А. Васильева. Раскопки на Екатериновском городище 491
О. В. Дьякова, Е. В. Сидоренко. Каменная крепость Ключи 492
Н. А. Клюев, Н. А. Дорофеева, И. В. Гридасова, И. Ю. Слепцов. Итоги исследования поселения Водопадное 7 в Приморье 494

IX. ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Н. Д. Двуреченская. Раскопки эллинистической крепости Узундара 497
В. Л. Державин, А. Б. Колесников. Работы на Земле Веделя Ярлсберга 498
Г. В. Требелева, И. И. Цвинария, С. М. Саканиа, Т. Ю. Шведчикова. Работы Маркульской экспедиции 500

Список сокращений 502
Правила для авторов 504

На обложке:
Эскимосское поселение Наукан. Каменный цоколь яранги
с выходом в сторону моря. На горизонте – о. Ратманова
(к статье К. А. Днепровского и С. Ю. Шокарева, с. 475).

На задней стороне обложки – иллюстрации к статьям:
Б. Н. Харлашова (с. 43), Л. А. Беляева и О. Н. Глазуновой (с. 86),
В. А. Хршановского (с. 247), Д. Ю. Бадеева и В. Ю. Коваля (с. 302),
А. Ф. Кочкиной (с. 345),
на титульном листе – к статье М. Е. Килуновской
и В. А. Семенова (с. 440).

Научное издание

Археологические открытия. 2016 год

Редакторы: *И. Ю. Плясова, А. А. Строков*
Художники: *А. В. Голикова, Н. С. Сафронова*
Верстка: *В. Б. Степанов*
Корректор: *Н. В. Бельченко*

Подписано в печать 27.12.2018
Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 35,0
Тираж 300 экз.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093, Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-260-5

9 785943 752605